О. В. Кардаш

ОБДОРСКИЕ ГОРОДКИ
конца XVI – первой трети XVIII вв.
ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Надымский городок князей Большой Карачеи

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
GOVERNMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

GOVERNMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

O. V. Kardash

OBDORSK TOWNS
of the late XVI – first third of XVIII century
HISTORY AND MATERIAL CULTURE

NADYM TOWN
under Princes of Bolshaya Karacheya

Yekaterinburg – Salehard
2013

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

О. В. Кардаш

ОБДОРСКИЕ ГОРОДКИ
конца XVI – первой трети XVIII вв.
ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК
князей Большой Караги

Екатеринбург–Салехард
2013

УДК 902.2(571.121)
ББК 63.52(2Р53)
К 21

Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи. – Екатеринбург – Салехард: изд-во «Магеллан», 2013. – 360 с. : илл. – (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура) – выходные сведения, резюме, огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-906458-01-8

К 21 Книга посвящена результатам комплексного археологического исследования памятника аборигенной культуры народов Крайнего Севера Западной Сибири – Надымского городка, проводившегося под руководством автора в 1998–2005 годах. Городок был основан в конце XII века и существовал до 1730 года как зимняя резиденция вождей военно-политического объединения Большая Карачея, включавшего общины остяков и самоедов. Полностью изучены лишь слои XVI–XVIII веков, нижележащие – схвачены мерзлотой. Уникальные природные условия обеспечили идеальную сохранность в культурном слое предметов из органических материалов, что позволило сделать объективные выводы. В книге изложены результаты анализа письменных, картографических, этнологических и палеоэкологических источников, даны результаты исследований оборонительно-жилого комплекса, анализ его планировки и архитектуры, характеристика вещевого комплекса. На основе обобщенного анализа материалов исследования представлена реконструкция общественного устройства и хозяйства населения городка.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов и всех, кому интересна история и культура аборигенных народов периода освоения русскими Крайнего Севера Сибири.

Монография обсуждалась на секторе Славяно-финской археологии ИИМК РАН
и рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН.
(Протокол № 4 заседания Ученого совета ИИМК РАН от 26.04.2013 г.)

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН Е. Н. Носов

Рецензенты
д-р. ист. наук. В. А. Лапшин
д-р. ист. наук. С. В. Белецкий
д-р. ист. наук. А. Н. Кирпичников

Редактор: канд. ист. наук А. Я. Труфанов

Книга издана по решению редакционно-издательской комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа
при содействии департамента внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа
и государственного учреждения «Северное издательство».
Автор благодарен лично Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Кобылкину Дмитрию Николаевичу
и председателю редакционно-издательской комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа,
заместителю Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа,
руководителю аппарата Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Соколовой Ирине Борисовне.

Полевые исследования финансировались
отделом науки Департамента информации и социально-политических исследований
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа,
Службой по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа,
Администрацией города Надыма и Надымского района,
ООО «НПО “Северная Археология”».

ISBN 978-5-906458-01-8

© О. В. Кардаш, 2013
© Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа, 2013
© Горбунова М. Б., оформление, 2013

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени приоритетной задачей археологии Северо-Западной Сибири было «воссоздание истории народностей, населяющих Приобье, и в частности, этногенеза обских угров» [*Чернецов, 1953.* – С. 9]. В последние годы интенсивное освоение северной газовой провинции в Нижнем Приобье и на южном побережье Карского моря — в Ямало-Ненецком автономном округе (на Ямале) — активизировало исследовательский интерес и к истории коренных народов субарктической зоны Крайнего Севера Западной Сибири. Появившаяся возможность работы в этом обширном регионе определила первостепенную задачу для археологов и этнографов — это решение проблемы происхождения всех ныне живущих коренных народов севера Западной Сибири, а затем изучение формирования их хозяйства и традиционной культуры [*Фёдорова Н. В., 2005.* – С. 48].

Тему генезиса коренных народов региона в своих работах затрагивали и продолжают разрабатывать многие ученые [*Чернецов, 1935*; *1953*; *Головнёв, 1998*; *2004*; *Фёдорова Е. Г., 1999*; *Фёдорова Н. В., 2000*]. Однако такие исследования основаны преимущественно на сопоставлении письменных данных, устных сведений и фольклора с археологическими источниками, а выводы носят в большей степени гипотетический характер. В настоящее время пока еще никто из ученых достоверно не связал ни один из современных коренных народов с какой-либо древней культурой. Более того, по мнению А. В. Головнёва, ненцы — «самый крупный из коренных народов Российской Арктики остался без археологии» [*Головнёв, 2004.* – С. 32]. Такой вывод будет справедлив и для других народов, проживающих в регионе. На сегодня проблема соотнесения современных культур аборигенных жителей Севера с археологическими культурами древнего населения этой территории еще не решена.

Дело в том, что основная часть исследованных археологических объектов в Северо-Западной Сибири относится к периоду до XIV–XV веков, а история и материальная культура аборигенных народов региона достаточно хорошо изучена лишь для периода XIX–XX веков. Таким образом, значительный промежуток времени — с XVI по XVIII век — остался в археологическом отношении малоизученным, а ведь именно в этот период происходили события, не только радикально изменившие историю региона, но и повлиявшие на развитие культуры всех ныне живущих здесь коренных народов.

Следует заметить, что изучение истории развития туземных народов, населявших и ныне населяющих Север, путем сравнительного анализа материальной культуры возможно в первую очередь при наличии комплекса предметов из органических материалов: дерева, кости, бересты, кожи — основных источников сырья, используемых в традиционной культуре с древнейших времен. В этой связи представляется более правильным определить исследование этногенеза как цель, а не как первостепенную задачу, а основную задачу все же сформулировать как комплексное изучение материальной культуры древнего аборигенного населения субарктического региона. Этногенез в какой-то степени подразумевает определение этнического самосознания, чего не может сделать археология, оперирующая предметами. Но отражение менталитета людей в их вещевом мире, выявление на основе анализа предметов стереотипов поведения, уровня социального и экономического развития видится вполне реальным.

Такая очередность задач и подход к их решению вытекают из опыта исследований многочисленных археологических памятников на территории Западной Сибири в XX веке. Дело в том, что подавляющее большинство поселенческих, погребальных и ритуальных объектов изучалось и изучается в Среднем Приобье — регионе, где степень сохранности вещей крайне низкая. В результате в распоряжение исследователей попадает лишь незначительная часть некогда бытовавших предметов материальной культуры. По этой причине изучение древних обществ Северо-Западной Сибири, как правило, сводится к определению специфики керамического производства. В результате таких работ ученые имеют далеко не полный комплекс данных. Их явно недостаточно для объективного сравнительного анализа с современными аборигенными культурами и аргументированных выводов о развитии материальной культуры и этногенезе этих народов.

Долговременные стационарные исследования поселений XVI–XVIII веков, оставленных аборигенным населением субарктической зоны Северной Евразии, на территории России не проводились. Результаты эпизодических работ [*Чернецов, 1935*; *Лашук, 1968*; *Семенова, 2005*] не укладываются в единую систему и не позволяют получить целостного и сколько-нибудь аргументированного представления о культуре коренных жителей региона в этот период.

Лишь недавно, с раскопок Надымского городка под руководством автора [*Кардаш, А-1999–2006*], начаты обследования аборигенных памятников с замерзшим культурным слоем, содержащим практически весь вещевой набор. В результате появилась возможность составить наиболее полное и объективное представление о культуре народов, населявших эту местность в прошлом. Важность проведенных изысканий заключается в получении комплекса археологических данных, позволяющих всесторонне решать проблемы исторического развития населения как локальной территории — бассейна реки Надым, так и обширного региона — Северо-Западной Сибири.

Характеризуя ***ландшафтно-климатические условия*** расположения Надымского городка, необходимо учитывать, что условия расположения любого населенного пункта в субарктической зоне Северо-Западной Сибири заслуживают особого внимания, поскольку с точки зрения современного человека являются достаточно экстремальными для проживания. Как известно, природные особенности региона и окружающей среды отражаются на всех сторонах жизнедеятельности населения и являются важным решающим аспектом в формировании культуры и менталитета его жителей. Ретроспекция современной ландшафтно-климатической ситуации на исследуемый период представляется нам достаточно достоверной, поскольку климатические условия с конца XVI века радикально не изменились, и можно практически реально представить особенности среды, в которой жили люди того времени.

По современному административно-территориальному положению место нахождения Надымского городка принадлежит Надымскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. В.1). Памятник находится в 60 км к северу от города Надым.

В ландшафтно-географическом плане городок расположен в дельте реки Надым, в 25 км от устья (рис. В.3), в 0,4 км от магистрального (судоходного) русла реки Надым, на острове, образованном развилкой при слиянии двух неширoких (до 30 м) проток, соединяющих систему пойменных заливных соров (озер) с рекой (рис. В.8). Высота острова не превышает одного метра от уровня окружающей поймы, его максимальная высота вместе с культурным слоем составляет 4,5 м. По форме остров напоминает овал размерами 80 × 25 м, вытянутый с северо-запада на юго-восток.

Заметим, что место, где расположен Надымский городок, было заселено ранее изученного периода. Рекогносцировочные исследования разрушенной части памятника показали, что еще в период с конца IX по X век это место посетили представители вожпайской археологической культуры [*Кардаш, А-2004.* – С. 62]. Возможно, возникновение первоначального стационарного поселения на этом месте связано с периодом относительного потепления климата, происходившего с середины X по XIII век (с оптимумом в конце XII в.), которое, безусловно, способствовало процветанию северных экосистем [*Хантемиров, Шиятов, 1999.* – С. 12]. Именно с этого времени, по данным дендрохронологии, начинается непрерывное функционирование Надымского городка, длившееся до 1730 года.

Согласно современному физико-географическому и геоморфологическому районированию Западной Сибири, Надымская низменность, где располагается пойма реки Надым, относится к субарктической полосе Западно-Сибирской равнины Туруханско-Тазовской области. Ландшафт — лесотундровый (рис. В.2). В орографическом отношении пойма реки Надым представляет собой плоскую равнину, ограниченную с юга системой Обь-Енисейских поднятий. С западной стороны коренной берег переходит в Полуйскую возвышенность, а с восточной сохраняется смена низменных речных долин с междуречными невысокими увалами, формирующими коренной берег реки Пур. Формы мезорельефа отличаются мягкими очертаниями с глубиной расчленения рельефа 3–20 м. Отдельные высоты в пойме достигают около 30 м в абсолютных отметках. Река Надым относится к типичным равнинным рекам с широкой поймой и развитой дельтой в устье (рис. В.4). Ледостав наблюдается в конце октября, весеннее очищение ото льда — в начале июня. Основным климатическим процессом в этом районе, особенно в летнее время, является трансформация арктического воздуха в континентальный воздух субарктических широт. При этом климат речных долин отличается от климата водоразделов, в поймах рек удлиняется безморозный период, сглаживается ход суточных, месячных и годовых температур. Годовое количество осадков невелико и составляет в среднем около 250 мм в год. Зима длинная и очень холодная, достаточно снежная. Средние температуры трех зимних месяцев –30°. Весна короткая, полузасушливая. Осень – средней продолжительности, влажная и избыточно влажная. Лето короткое, умеренно прохладное. Средние температуры трех летних месяцев иногда превышают +10°. В целом климат территории характеризуется как среднеконтинентальный. В нижнем течении реки Надым преобладают пески и супеси. На участках с развитой древесно-кустарниковой растительностью — лесотундровые слабоподзолистые иллювиально-железистые и глеевато-слабоподзолистые почвы, чаще легкие по механическому составу. Общий комплекс природно-климатических и ландшафтных условий обусловливает произрастание лесных сообществ только на возвышенных и достаточно дренированных участках. На них встречаются в основном елово-кедровые леса с большим или меньшим участием березы и лиственницы [*Физико-географическое..., 1973*; *Алисов и др., 1954*; *Алисов, 1956*].

Пока не совсем понятна причина основания городка в пойменной части дельты реки Надым. Протоки, на слиянии которых расположен городок, не изобилуют рыбой, а зимой же в них рыбы вовсе нет. Промысловые угодья нельзя назвать самыми лучшими. Условия для содержания домашнего оленя — ягельные пастбища — в непосредственной близости отсутствуют. Существенным неудобством для проживания в летнее время является северный ветер, периодически нагоняющий воду с Обской губы, которая, полностью затопляя дельту Надыма, делает городок островом. В окрестностях отсутствует строевой лес. Ближайший плакор расположен в 10 км к западу. Кроме того, в окрестностях имеются острова, более удобные для поселения и проживания. Все это позволяет предполагать особую причину основания поселения именно здесь. Наиболее вероятно, что место для расположения городка было выбрано из стратегических соображений и находилось близ перекрестка (узла) транспортных магистралей и торговых путей.

Методика исследования Надымского городка была основана на комплексном источниковедческом подходе и включала два основных этапа исследований — выявление и анализ источников. Причем на обоих этапах изучение материалов происходило с применением не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. В итоге изучение памятника, помимо археологических раскопок, включило дендрохронологические, палеоантропологические, археозоологические, палеоботанические, этнографические, историко-архитектурные и историко-архивные исследования.

В процессе *археологических раскопок* изучены слои конца XVI – первой трети XVIII веков. Сохранившаяся к настоящему времени часть территории Надымского городка составляет около 1200 кв. м с культурным слоем мощностью от 0,1 до 3,5 м. Раскопанная нами площадь памятника достигает 650 кв. м, из которых 350 кв. м — это площадь оборонительно-жилого комплекса, что, в общем, составляет около половины территории памятника. Мощность снятого культурного слоя на разных участках достигает от 0,50 до 1,65 м в зависимости от сохранности слоя изучаемого периода. В результате раскопана часть оборонительно-жилого сооружения, вмещавшего 16 жилых и хозяйственных построек. Полученная коллекция состоит из 5909 артефактов, относящихся к 250 категориям.

Полевые работы проводились на объекте неординарной сохранности, что выражалось, в первую очередь, в наличии замерзшего культурного слоя. Это обстоятельство сразу же потребовало разработки специфических подходов к его изучению, в том числе корректировки общепризнанных традиционных методов изучения археологических памятников. Ситуация облегчалась тем, что ООО «НПО “Северная археология”» параллельно вела раскопки городища Мангазея, находящегося в аналогичных природно-климатических условиях. Опыт приобретался в процессе раскопок.

Раскопки на всех площадях производились с использованием необходимых технических средств (теодолит, нивелир, фотоаппарат, металлодетектор), послойно, с учетом микрорельефа памятника. В связи с различиями структуры слоя мерзлота оттаивала на разную глубину, поэтому при раскопках учитывались изменения рельефа, произошедшие из-за таяния мерзлоты. Культурный слой разбирался при помощи ножей, кистей, лопаток, а внутри построек его перебирали вручную и проверяли металлодетектором (рис. В.7). Фиксация конструкций построек и находок производилась традиционными археологическими методами, совмещенными с методиками, применяемыми в архитектуре и архитектурной реставрации для обмеров зданий и сооружений.

Часть памятника, интенсивно разрушаемая водами протоки, ежегодно консервировалась и укреплялась с целью сохранения объекта исследования и обеспечения безопасности работ на прилегающих к осыпи участках, поскольку именно на летние месяцы, когда происходит максимальное оттаивание слоя, приходится период интенсивного разрушения (рис. В.9–В.11). Ежегодная консервация раскопа перестала практиковаться, поскольку препятствовала оттаиванию культурного слоя, кроме того, площадь раскопок возрастала, а

извлеченный слой был необходим для укрепления осыпи берега. Консервация извлекаемых предметов, особенно из органических материалов, производилась в полевых условиях с использованием музейных методов реставрационных работ.

В раскопках принимали участие представители разных научных дисциплин, самостоятельно извлекавшие и фиксировавшие образцы для их последующего анализа и изучения.

Дендрохронологические исследования осуществил к. б. н. В. М. Горячев (ИЭРиЖ УрО РАН). В ходе работ были взяты 1350 образцов древесины, из которых датированы около 600 экз. Для датировки построек дендрохронологическим методом отбирались образцы не только ископаемой, но и современной древесины. В лесах по реке Надым были заложены 22 дендрохронологические точки и собрано около 950 образцов древесины ели, кедра и лиственницы, по которым построены обобщенные эталонные дендрохронологические ряды протяженностью до 1100 лет.

Палеоантропологические исследования провел к. и. н. Д. А. Ражев (ИИиА УрО РАН). В процессе раскопок обнаружены останки 13 индивидов — жителей городка и одного эмбриона. Определен их пол, возраст, перенесенные заболевания, антропологический тип, а также реконструированы возможные варианты этнической принадлежности.

Археозоологические исследования провели к. б. н. П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова, А. Е. Некрасов (ИЭРиЖ УрО РАН). В результате работ было собрано и определено около 124 000 остеологических единиц, принадлежавших 17 видам млекопитающих, 29 видам птиц и 14 видам рыб. Именно под руководством П. А. Косинцева в процессе раскопок формировались коллекции не только археозоологических, но и большинства других палеоэкологических материалов.

Палеоботанические исследования осуществила О. М. Корона (ИЭРиЖ УрО РАН). В результате карпологического анализа культурного слоя Надымского городка семена и плоды культурных растений не обнаружены. Выявлены семена древесных и травянистых растений, а также семена съедобных растений, произраставших в окрестностях городка.

Этнографические исследования были проведены д. и. н. Е. П. Мартыновой (Тульский госпедуниверситет) на территории Надымского района. В результате полевых работ собраны различные этнографические данные, из которых особый интерес вызывают две легенды местного населения, связанные с городком.

Историко-архитектурными исследованиями руководила Н. Н. Митина (УралГАХА). В рамках этих работ были не только проанализированы остатки строений Надымского городка, но и проведено обследование традиционных построек в нескольких населенных пунктах региона (пос. Горнокнязевск, пос. Питляр, пос. Мужи) [*Кардаш, А-2003: Кардаш, Митина*]. Все эти данные легли в основу эскизной реконструкции оборонительно-жилого комплекса отдельных построек разных типов.

Историко-архивные исследования, проведенные к. и. н. Е. В. Вершининым совместно с автором, включили работу в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Тобольска. В итоге выявлено более двадцати картографических и письменных источников, имеющих прямое отношение к истории Надымского городка.

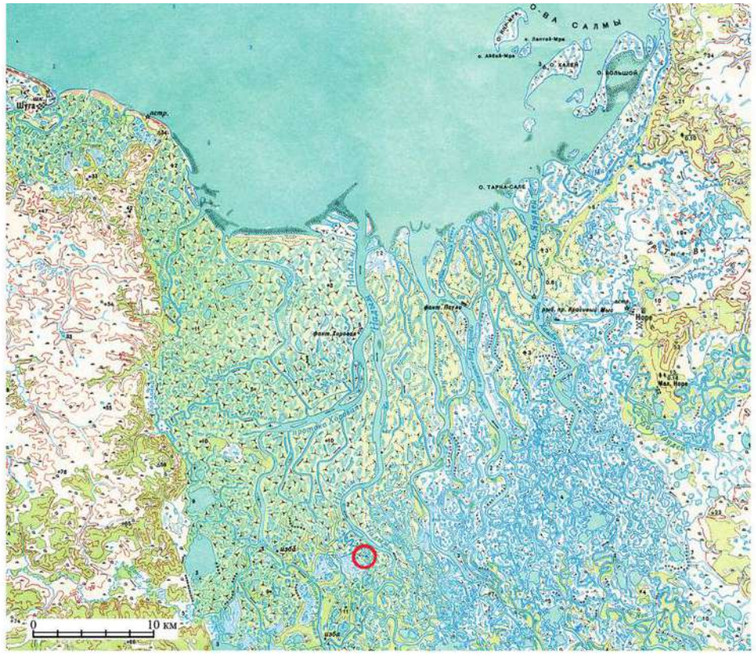
Кроме того, автором обработаны и включены в исследование коллекции предметов и полевые материалы, хранящиеся в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург), переданные на хранение предшествующими исследователями.

Хотелось бы отметить вклад В. Н. Гриценко в инициирование исследований и поблагодарить его за активную помощь в их первоначальном осуществлении. Отдельной благодарности заслуживает Г. П. Визгалов, первым давший экспертную оценку высокой культурной значимости памятника и помогавший в проведении исследований на протяжении всего времени раскопок. Мы признательны за помощь мэрии г. Надыма и Надымского района и лично А. Р. Сагияну, а также руководству предприятия «Надымгазпром», помогавшим экспедиции в первые годы раскопок. Большое спасибо руководству ОАО «Арктикнефтегазстрой» за ежегодную транспортную поддержку и капитану судна «Арктика» и другу экспедиции С. В. Шергину — за постоянную помощь в организации работ экспедиции. Мы искренне признательны С. Е. Алексееву не только за обеспечение ежегодного финансирования, но и за доверие, оказанное им отнюдь не именитым молодым исследователям.

Автор выражает глубокую благодарность всем участникам научно-исследовательского коллектива, выполнявшим полевые исследования, участвовавшим в подготовке отчетов и продолжающим в настоящее время обрабатывать материалы комплексных исследований. Особо благодарим сотрудника ИЭРиЖ Светлану Трофимову, с 2000 года выполнявшую рисунки вещей.

Рис. В.1. Место расположения Надымского городка в границах Ямало-Ненецкого автономного округа. Карта-схема Северо-Западной Сибири

Рис. В.2. Южное побережье Обской губы — «Низовая сторона». Современный лесотундровый ландшафт



местоположение
Надымского городка

Рис. В.3. Расположение Надымского городка в дельте реки Надым.
Топографическая карта

Рис. В.4. Ландшафт дельты р. Надым в окрестностях Надымского городка после спада «нагонной» воды.
Вид с юга. Август 2007 г.

Рис. В.5. Рейс из Тюмени.
В первые годы исследований автодорога
в г. Надым еще не функционировала. 2000 г.

Рис. В.6. Доставка экспедиции к месту работ
осуществлялась аппарелью, буксируемой
теплоходом и катером. 2000 г.

Рис. В.7. Надымский городок.
Расчистка деревянных конструкций верхнего
строительного горизонта первой трети XVIII в.
2000 г.

Рис. В.8. Надымский городок. Протока Городская (Ваш-ас, Хардэн-ясь). Река Надым. Август 2007 г.

Рис. В.9. Надымский городок.
Осыпь культурного слоя.
Конструкции постройки № 5.
В начале исследований на протяжении 80 м обрыва ежегодно осыпалось и смывалось водой около 20 куб. м культурного слоя памятника

Рис. В.10. Надымский городок. Постройка № 5 извлеченная из осыпи и реконструированная для архитектурных обмеров. 2000 г.

Рис. В.11. Надымский городок.
Укрепление основания обрыва слоями дорнита и дерна позволило снизить интенсивность разрушения водами протоки, но не исключило воздействия северного ветра и дождя. 2000 г.

О. В. Кардаш,
руководитель экспедиции,
к. и. н., археолог

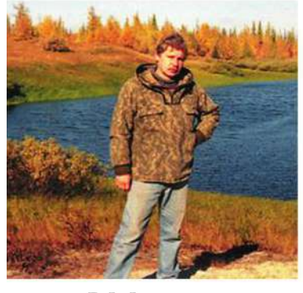
В. Н. Грищенко,
организатор первых работ,
к. и. н., историк

Г. П. Визгалов,
инициатор исследований,
к. и. н., археолог

В. М. Горячев,
к. б. н., дендрохронолог

Е. П. Мартынова,
д. и. н., этнолог

П. А. Косинцев,
организатор палеоэкологических
исследований, к. б. н.



Е. В. Вершинин,
к. и. н., историк

Т. В. Лобанова,
археозоолог

Рис. В.12. Участники изучения Надымского городка и члены научно-исследовательского коллектива

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. ИСТОЧНИКИ XVI–XVIII ВЕКОВ

1.1.1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Историческая наука стремится, по возможности, использовать самые разнообразные источники, которые, дополняя друг друга, помогают максимально раскрывать ту или иную проблему. Имеется немало примеров, когда материалы археологических раскопок средневековых городов (поселений) подкрепляются изучением сохранившихся письменных известий о жизни данного города. Такое комплексное исследование осуществлено, например, в отношении заполярной Мангазеи [*Белов и др., 1980*; *Ясински, Овсянников, 2003*]. Однако сравнение количества сохранившихся исторических документов о Мангазее и об интересующем нас Надымском городке будет не в пользу последнего. Старая Мангазея существовала в XVII веке и являлась центром обширного уезда, что означало наличие в ней воеводской администрации и развитого делопроизводства приказной избы. Даже притом, что большая часть документов мангазейского архива до нас не дошла, мы, тем не менее, располагаем значительным комплексом письменных источников о жизни этого города. Иное дело — Надымский городок, сведения о местонахождении и времени существования которого весьма фрагментарны и противоречивы. У русской администрации городов Березова и Мангазеи не было причин уделять особое внимание отдаленному городку с исключительно автохтонным населением — одному из многих на территории Березовского уезда. В связи с этим сведения по истории поселения в бассейне реки Надым необходимо рассматривать на широком фоне источников по истории всего Нижнего Приобья.

Проникновение русского населения в Сибирь началось задолго до похода Ермака. В XV–XVI веках (не исключено, что и раньше) русские поморы совершали морские и речные походы в низовья Оби и в районы к востоку от нее. Поморы были отважными мореходами и промысловиками, но, к сожалению, им не приходило в голову специально описывать свои далекие походы в земли таинственной «самояди» — так, как это делали европейские путешественники. Русских же книжников того времени по-прежнему больше интересовали сочинения о «божественных словесах», нежели реальные географические познания, жадный интерес к которым уже проявляла Западная Европа. Так или иначе, но о частных торгово-промышленных экспедициях поморов на Обь, Надым и Таз русские письменные источники молчат вплоть до конца XVI века. Наша уверенность в том, что поморы плавали в район Мангазеи до начала похода Ермака, основана, прежде всего, на свидетельствах об этих плаваниях, содержащихся в записках иностранцев, побывавших в России и заинтересованных в реальных знаниях о севере Западной Сибири.

СВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ о Нижнем Приобье немногочисленны, однако они крайне любопытны и имеют особую ценность в связи с тем, что предоставляют наиболее ранние сведения по исследуемой нами теме, относящиеся к периоду до XVII века. Первое упоминание о реке Надым — «Данадим» (скорее, «да Надым») — содержится в «Записках о Московии» барона Сигизмунда Герберштейна, изданных в Вене в 1549 году [*Герберштейн, 1988.* – С. 5–7]. Материалы о Севере он собирал, будучи австрийским послом в Москве в 1517 и 1526 годах. Источниками его сведений были устные рассказы русских путешественников, в частности князя С. Ф. Курбского, который с войском ходил в Югру для покорения отдаленных племен. Относительно похода С. Ф. Курбского в «Записках…» сведений немного, однако известно, что до реки Надым он не доходил, и, вероятно, самым северным пунктом его пути был Обдорский городок (расположен в черте

современного города Салехарда). Для нас важно то, что в «Записках…» содержится вставной текст русского так называемого «Югорского дорожника», который С. Герберштейн заполучил в Москве. По мнению Л. Р. Кызласова, этот путеводитель был составлен в XV веке или даже раньше, ибо в нем Сибирь — как название страны — еще не упоминается [*Кызласов, 1997*]. Написанный кем-то из бывалых купцов и предназначенный для русских торговых людей, путеводитель весьма подробно информирует о дорогах, ведущих в низовья Оби. Немаловажен тот факт, что из многочисленных притоков нижнего течения реки Обь Герберштейном было упомянуто только пять, в том числе и река Надым [*Герберштейн, 1988.* – С. 5–7]. Таким образом, сведения о реке Надым взяты Герберштейном из «Югорского дорожника», что позволяет заключить, что эта река была известна в связи с торговыми контактами еще с XV века.

В 1584 году служащий английской торговой компании Антон Марш, находившийся в Москве, получил письмо от четырех русских промышленников-поморов, которых он нанимал для торговой экспедиции на Обь. Промышленники описывали в нем путь через «Камень» (горы Северного Урала) и перечислили пять городков, расположенных в низовьях Оби. Письмо дошло до нас в английском переводе, и названия городков были, конечно, искажены [*Алексеев, 1932.* – С. 186]. Привлекает внимание следующая фраза из письма: «Пятый — Надежная (*Nadesneaa*), то есть крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю» [*Алексеев, 1932.* – С. 187]. Как известно, любой язык подстраивает неудобные для него слова под свою фонетику. Возможно, что А. Марш (который должен был знать русский язык) прочитал в письме русифицированное название городка *Надинг-вош* — Надежный. Вспомним, что название угорского городка *Лопынг-уш* русские переделали в Ляпин и называли его только так. Можно предположить, что в тексте речь идет о Надымском городке — последнем пункте на пути русских торговых людей, что совпадает по описанию с его местоположением.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ по интересующей нас проблеме практически отсутствуют до рубежа XVI–XVII веков, то есть до присоединения Западной Сибири к Русскому государству. Следовательно, письменные источники, относящиеся к истории Надымского городка, могут осветить лишь последний этап его существования (конец XVI – начало XVIII вв.).

Русские делопроизводственные документы среди этих источников занимают особое место. Большая их часть находится в Фонде Сибирского приказа РГАДА и насчитывает в настоящее время более 10 000 единиц хранения. Сибирский приказ как центральный орган по управлению всей Сибирью существовал в 1637–1708 и в 1730–1763 годах. До 1637 года сибирские уезды находились в ведении Приказа Казанского дворца, но его документация перешла в Сибирский приказ. Следует только отметить два весьма печальных для нынешних историков факта. В 1626 году в Москве случился грандиозный пожар, при котором сгорели многие здания приказов. В этом пожаре погибли документы Приказа Казанского дворца, относящиеся к Сибири. В 1629 году сгорела Приказная изба Тобольска, главного города тогдашней Сибири, в котором концентрировались сведения и о других уездах. Вот почему история русской колонизации Сибири и сибирских народов в первые сорок лет после похода Ермака остается до сих пор малоизвестной.

Работы по выявлению и анализу письменных источников были составной частью комплексного изучения Надымского городка и выполнялись совместно со специалистом по истории русского освоения Сибири XVI–XVII веков Е. В. Вершининым [*Кардаш, А-1999–2002: Вершинин*]. В результате этих работ было изучено несколько десятков документов XVII–XVIII веков, связанных с аборигенным населением Северо-Западной Сибири.

В настоящем исследовании в качестве письменных источников были использованы доступные автору девятнадцать делопроизводственных документов, различных по характеру: грамоты, челобитные, отписки и другие, охватывающие период с 1636 по 1679 год. Заметим, что и это число документов для данного исследования весьма существенно, если учесть, что ранее они никогда не рассматривались в совокупности, и тем более в комплексе с другими видами источников (археологическими, этнографическими и антропологическими). Но именно в комплексе они дают достаточно яркое представление о территории, составе населения Надымского городка, о занятиях его жителей, о военных и исторических событиях середины XVII века. Поскольку документы содержат много других различных исторических сведений, не относящихся к теме исследования, ниже приведено краткое содержание дел с акцентированием внимания на информации, на наш взгляд, наиболее важной по отношению к изучаемой теме.

Фрагмент отписки мангазейского воеводы Б. И. Пушкина в Москву о гонцах, посланных зимой 1636 года в Обдорск (*Прил. I.* – Док. 1). В документе сообщается о посылке двух служилых людей — Ледешки Кирилова и Васьки Колмогора — с воеводскими отписками. Гонцы ехали на оленях в сопровождении тазовских самоедов сухопутной дорогой в Обдорск. Недалеко от устья Надыма их принял князец «кунной самояди» Сатарко и должен был проводить до Обдорска. Однако, по мнению тазовских самоедов, в районе Надымской губы на гонцов напала «неясачная самоядь, юраки Тыютова роду» и убили их [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 178. Л. 135–145].

В *челобитной торгового человека Михаила Кондакова об убийстве его дяди Ледешки Кирилова самоедами*, поданной в 1641 году, раскрывается суть вышеприведенного факта (*Прил. I.* – Док. 2). В ней содержится обвинение, направленное практически на всю «закаменную самоядь», но в первую очередь — на представителей «Большие Карачеи на Немчина да на Хияна да на Малово да на Хозку да на Трясоголова да на Урея». Кондаков сообщает, что у его родственников, жителей Пустозерска, были тесные торговые отношения с карачейской самоядью. Многие аборигены были в долгу у пустозерских промышленников. Его дядя Венедикт Кирилов, по прозвищу Ледешка, помимо воеводских отписок вез «триста рублев денег», вероятно, принадлежавших и родственникам. Узнав об этом, сопровождавшие гонцов самоеды «и не хотя платить ему долгу, до Березова не довезчи, убили». Кроме этого, в челобитной приводятся и другие преступления, причем не конкретные факты, а ставшие определенной системой действия: «Служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары збирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. А которые, государь, служивые люди через Камень ходят из Сибири с твоею государевою казною и наша братья, торговые людишка, и та, государь, самоедь, и на твою государеву казну напускают и нашу братью грабят и побивают. А про то, государь, их все воровство и убойства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то, государь, самоецкое воровство ведомо твоим государевым воеводам и всяким служивым и торговым людем, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень». В этой связи Кондаков просит дать ему личную грамоту, разрешающую сыск [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 88. Л. 369–370].

Очевидно, что Михаил Кондаков получил царскую грамоту, предписывающую организовать сыск, найти и наказать виновных. Черновик царской грамоты (*Прил. I.* – Док. 3) на челобитную Кондакова остался в качестве копии в делах Сибирской приказной избы. Он написан достаточно оперативно, по получению челобитной, 13 февраля 1641 года. Документ адресован воеводам, дьякам и приказным людям, практически полностью передает содержание челобитной Михаила Кондакова и предписывает произвести сыск и наказать виновных, «чтоб иным впред неповадно было так воровать и наших служилых и торговых и всяких людей побивать и грабить» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 88. Л. 371–374 об.].

Фрагмент грамоты приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л.Н. Радилову о наказании сибирских самоедов за набег зимой 1642 года на Пустозерский уезд (*Прил. I.* – Док. 4) содержит сведения о том, что в «[7]150 [1642] году февраля в 20 числе приходили под Пустозерской острог и у посацких людей ко дворам приступали самоядь Большая Карачея: Хулейка с детми с Поскою с Едурейком с Немчинком с Хаскою, а с ними было самояди человек с двести. И у пустозерцов, у посацких людей, олени многие отогнали, и животину, и аргиши с хлебными запасы, которые шли из Окладниковый слободки в Пустозерской острог, поимали. И воров, самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта хотели выбеть. ...И та де самоядь в уезде по деревням воевали четыре недели. Образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали, и неводы, и сети, и лотки, и ветки, и котлы, и якори, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли. И воевав отошли в тундру» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 425. Л. 110–114]. Грамотой предписывалось усилить гарнизон города, а «тех воров» найти, пытать, награбленное вернуть и повесить несколько человек по дорогам для устрашения. Не исключено, что этот набег был своеобразной реакцией (сведение счетов, устрашение) на действия пустозерца Михаила Кондакова.

Другой документ представлен *челобитными остяков Березовского уезда 1643 года* (*Прил. I.* – Док 5). В челобитной от ясачных остяков Обдорской волости, наряду с обдорскими князцами Моликом и Ермаком Мамруковыми и их дядей Дураком Корзеповым, следующим упоминается Нюхтейко Надымский. Просители сообщают о том, что «со [7]139-го [1631] года и по нынешней по [7]151-й [1643] год пришла на нас нужа великая: от больших вод рыбново [промы]слу у нас не стало», они не могут заплатить ясак, поскольку пушным

промыслом они не занимались, а только рыбным, и «на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряные самояди мяхкую рухлядь и платили твой государев ясак». Челобитная завершается просьбой отсрочить уплату ясака на один год [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 123. Л. 235–243].

Фрагмент из документов сыска П.С. Коптева о злоупотреблениях пустозерского воеводы И. П. Лошакова 1654 года (*Прил. I.* – Док. 6) продолжает серию документов о взаимоотношениях Большой Карачеи с Пустозерским острогом. В документе, со слов Хенки и Поски Хулеевых и Немчинки Пидирисова, указывается, что в 1652 году в Москву от Большой Карачеи с многими дарами было направлено посольство в составе пяти представителей во главе с Хаской Хулеевым «бити челом о своих нужах». Приехавшее в Пустозерск посольство воевода И. П. Лошаков арестовал, все имущество конфисковал, Хаску с товарищем повесил, трех же других заключил в тюрьму. Со слов воеводы, это было сделано потому, что им были получены сведения о том, что карачейская самоядь во главе с Поскою этой зимой обещали прийти «под Пустозерской острог войною для обид пустозерского посадцкого человека Мокейка Безумова с товарыщи». Это не вызвало сомнения, поскольку ранее дважды — «во [7]150-м [1642] и во [7]152-м [1644] годех воровская карачейская самоядь Хаска Карачеянин с племянем своим с Поскою да с Немчинком с товарыщи приходили войною под Пустозерский острог и их, пустозерцов, разоряли и над Божием милосердием наругались, образы кололи и людей мучили и государеву сибирскую казну громили» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 454. Л. 11–16].

Интересными по содержанию являются отписки тобольских воевод. Так, *отписка в Москву о строительстве кочей в Тюмени и условиях плавания по Обской губе 1643 года* (*Прил. I.* – Док. 7) содержит сведения о том, что «во [7]150 [1642] году на Мангазейском море у Черных гор розбило твоих государевых два коча с хлебными запасы да воеводцкий коч да торговых людей четыре коча. … И те де достальные мешки воровская юрадцкая и пуровская и надымская самоядь себе розвозили» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 123. Л. 60–68].

Фрагмент отписки тобольского воеводы князя Г. С. Куракина в Москву о поездке обдорского князца Молика Мамрукова в Надым в 1644 году (*Прил. I.* – Док. 8). Документ посвящен находке самоядином Карыпой в устье реки Таз разбитого коча, на котором плыл в Мангазею дьяк Григорий Теряев. Еще он содержит информацию о системе сбора ясака: «Во [7]152 [1644] году по первому зимнему пути посылал ево, Молика, с Обдори ясашной зборщик березовской сын боярской Федор Игнатьев на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоядь». Кроме этого, в отписке упоминаются имена надымских остяков, жителей городка: «Да после де его, Молика, приезжал самоядин Кырпа в Надым же. И тот самоядин Кырпа, Ямов брат, которой про то сказывал самояди Сензехому, и в Надыме сказывал он, Кырпа, те ж речи Обдорские волости надымским остяком Тынину Нюптееву да Небаху Ленгиеву» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 134. Л. 435–436].

Березовские воеводы также оставили сведения о ясачном населении своего уезда. В 1649 году ими было принято решение о приведении «карачейской самояди» к порядку, в частности, в уплате «государева ясака». К сожалению, всех документов, содержащих информацию об этом мероприятии, нам обнаружить в РГАДА пока не удалось, тем не менее отдельные фрагменты наиболее ранних источников нам известны по публикации С В. Бахрушина [*Бахрушин, 1955.* – С. 66–67].

Из статьи становится понятным, что, автором были найдены документы, содержащие сведения о том, что помимо ранее упомянутого убийства мангазейских гонцов в 1636 году и розыска виновных в 1641 году, нападения на русский город Пустозерск в 1642 и 1644 годах, грабежа потерпевших кораблекрушение казенных кочей на мангазейском морском ходе в 1642 году, были и другие военные операции карачейских самоедов и факты неуплаты ясака. Вероятно, стремясь навести порядок, березовский воевода Я. Н. Лихарев направил в Москву отписку о действиях ясачных самоедов и получил государев указ о взятии карачейских аманатов, выполнение которого было поручено казаку Василию Кокоулину. Очевидно, ему это удалось, в результате чего был впервые пленен и карачейский князец Поско Хулеев. В тот же год на имя царя им была направлена челобитная с жалобой на действия казака и воеводы: «…и мы, сироты твои, приехали из своей земли по-прежнему к твоей ко государевой милости с ясаком со всем своим родом и с братьями и с кочевными людишками, не бояся поимки, и полез я, сирота, в твою государеву избу с ясаком со всеми людишками, и как в избе Васка Кокоулин взял твой государев ясак с нас, сирот твоих, против прежнего все сполна, и после твоего государева ясаку напоил меня, сироту, твоим государевым жалованным вином и, напоя меня, связал он… в твоей государевой избе и взял меня в омонаты» [*Бахрушин, 1955.* – С. 66].

В ответ на эту челобитную государев указ последовал незамедлительно, и уже в сентябре 1649 года «в Обдорь» был послан березовский сын боярский Алексей Лихачев, которому было предписано обменять

Поску Хулеева на двух его сыновей и взять, кроме них, в аманаты из каждого рода по «человеку лучшему» или по два добровольно [*Бахрушин, 1955.* – С. 66–67].

О результатах этой поездки мы узнаём из *отписки 1651 года березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о замене князца Поско Хулеева на других аманатов* (*Прил. I.* – Док. 9). В ней содержатся сведения о том, что согласно государеву указу для улучшения сбора ясака с самояди аманата князца Поско Хулеева отпустили и взяли вместо него его сына Маулу и племянника Серпея. Но и после этого «самоядкие де лутчие князцы в твой государев городок с ясаком сами не приезживали, потому что де оне истращаны, боятца поимки в оманаты». Тем не менее, «карачейская самоядь, князцы и лутчие люди… присылали де твой государев яса… с ним, Поском Хулеевым» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 408. Л. 452–455].

В другой *отписке березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о поимке в 1652 году аманатов из самоедов* (*Прил. I.* – Док. 11) сообщается, что зимой 1652 года во время «государева ясачного збору» в Обдорской волости были взяты в аманаты: «Большие Карачейские земли князца лутчево Пося Хулеева — тово, которой преж сево вырезався ис тюрьмы, з города Березова с товарыщи своими побежал — да сына ево княз Мугалея, да тово ж Большово карачейсково роду князца Шигово Нынкова сына, да обдорской и карачейской же самояди лутчево самоядина Обчина Татова сына» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 13–14].

Из *челобитной остяков Березовского уезда от 16 февраля 1652 года* (*Прил. I.* – Док. 10) об освобождении князца Пося Хулеева и других аманатов, захваченных у карачейских самоедов, становится ясным, что подававшие ее «ясашные остяки князец Моличко Мамруков з братьями да Надымсково городка Тынина Нюптеев, Смагинко Щеголков с товарыщи и во всех Обдорской волости и Надымсково городка и иных волостей ясашных остяков место» имели относительно однинаковый социальный статус. В этом просматривается и статус самого Надымского городка как неординарного населенного пункта. Фигурирует численность карачейской самояди: по официальным данным — «больши двух тысяч человек», по мнению челобитчиков — «нет ни осми сот человек — и худых и добрых». Остяки сообщают, что «покупали мы, сироты твои, тот твой государев ясак у той карачейской самояди», а теперь, после захвата «в оманаты лутчих людей самых, князцов четырех человек, Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи», остальная самоядь, «бояся поимки, в Обдорской городок не ездят и остереглися и живут все по тундрам, переезжаючи по крепким местам». В этой связи и поскольку «князцы и все ясашные остяки — люди беспромышленные и угодья от нас всякие удалели, без той карачейской самояди нам, сиротам твоим, промышлять и платить твоево государева ясаку впредь нечем и взять негде». Решение же этой проблемы возможно, по мнению челобитчиков, в случае, если отпустить «тех самоядких аманатов князцов Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарыщи четырех человек» [*РГАДА. – Ф. 214. Стб. 1056. Ч.1. Л. 15–18*].

Еще в одной *челобитной от 26 мая 1652 года* (*Прил. I.* – Док. 12) князец Большой Карачеи Пось Хулеев сообщает, что не был виновен в погроме «на Камени» в 1641 и 1642 годах государевой ясачной казны, но, тем не менее, пишет, что вынужден был откупаться за это. Он признается в грабеже соли и хлебных запасов на «морском разбое» в 1642 году, однако при этом оговаривает, что за эти запасы расплатился полностью в 1649 году. В 1650 году, как отмечает Пось, он был взят в аманаты. Здесь же он жалуется на условия содержания аманатов, что и послужило причиной его первого побега: «Сидячи в тюрьме и не стерпя великие нужи и бедности, тюрьму подрезали и под стену подкопались и из тюрьмы побежали в свои юрты». Далее Пось Хулеев сообщает, что по причине их захвата в аманаты начались беспорядки, поскольку самоядь «с ясачным платежом не почала ездить, бояся поимки, и отъехала в Монгазейской уезд, и с монгазейскими, государь, уездными людьми в леших промыслех почали у них быть меж себя драки большие и друг друга побивают до смерти, и в том твоей государеве ясачной казне чинится убыль великая и меж землею ссора большая». Повторно он в аманаты был взят в 1652 году. Именно тогда Пось Хулеев подает прошение отпустить его «в свое юртишко», поскольку, «государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно», просит не брать у самоедов аманатов и обещает исправно платить ясак [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 9–11].

Вероятно, в ответ на эти челобитные 5 апреля 1652 года была прислана *царская грамота из Москвы в Березов об аманатах из Карачейских самоедов* (*Прил. I.* – Док. 13). Грамота большей частью повторяет содержание отписки березовского воеводы Я. Н. Лихарева о замене князца Поско Хулеева на других аманатов и предписывает дополнительно взять «в оманаты добровольно из роду лутчих людей по человеку или по два … не дадут, и у них бы взять и поневоле, как будет мочно и смотря по тамошнему делу, чтоб тое карачейскую

самоядь однолично от воровства унять и аманатами укрепить и наш ясак имать» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 408. Л. 390–392].

После этого во *фрагменте докладной выписки Сибирского приказа о самоедских аманатах Обдорской волости 1652 года* (*Прил. I.* – Док. 14) говорится о совместном приезде в Березов из Обдорской волости князцов остяцкого Моличко Мамрукова и самоедского Пося Хулеева с просьбой, «чтоб впредь на Березове городе самояди в оманатех не быть и чтоб самоядцов с остяками и со всею остяцкою землею не ссорить» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 408. Л. 486–488].

Описание продолжения действий Пося Хулеева содержится в *отписке 1657 года березовского воеводы С. А. Малова о разбитом коче и посылке казаков в Надым* (*Прил. I.* – Док. 15). В ней сообщается о том, что зимой 1656 года во время приезда «на Обдор к городку Карачейская самоядь князец Пось Хулеев и сказывал, …что розбило де коч на море за Руским заворотом, а на коче де были многие руские люди. …И тех де руских людей убила обдорская ясачная самоядь роду Адер Онтай с товарыщи». Для уточнения этих сведений были посланы отряды «с Обдори в Надым к морю руских служилых людей и обдорских ясачных остяков». Кроме этого, в документе небезынтересна характеристика Карачейской самояди: «Самоядь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Березовского уезду в дальных местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. …Самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам» [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13].

Царская грамота из Москвы березовскому воеводе И. М. Милюкову от 1 марта 1657 года о поимке карачейских самоедов, подозреваемых в нападении на коч (*Прил. I.* – Док. 16), почти полностью повторяет содержание отписки Березовского воеводы С. А. Малова и предписывает найти самоядь роду Адер Отая, обвиненных Посем Хулеевым в убийстве русских людей [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 14–18].

В процессе изучения делопроизводственных документов для настоящего исследования оказался важным *фрагмент опроса ясачных остяков Обдорской волости 1656 года о выбывших из ясачного оклада за 1647–1655 годы* (*Прил. I.* – Док. 17). Данный документ содержит имена остяков — «лучших людей» Надымского городка Тынина Нюптиева и Смагина Щеголдаева и их родственников, возможно, также жителей городка. Кроме этого, документ позволяет установить год смерти одного из «лучших людей» городка — Небаха Ленгиева, казненного в Березове по царскому указу за воровство в 1652 году, и, соответственно, смену его Смагинкой Щеголдаевым [*РГАДА*. – Ф. 214. Стб. 501. Л. 66–75].

Относительно дальнейшей судьбы Смагинки Щеголдаева интересен факт *из розыскного дела 1662–1663 годов о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова* (*Прил. I.* – Док. 18). В деле содержится сыск воеводы А. П. Давыдова о подготовке восстания остяками Березовского уезда, где имеется информация о допросе Пося Хулеева и Смагина Щеголдаева. Пось Хулеев сообщил, что отказал куновацким остякам в совместном походе войною на город Березов в 1662 году. Смагин Щеголдаев под пыткой признался в измене и сообщил, что остяки и самоядь собирались в 1663 году «город Березов взять и служилых людей побить». До этого пустозерская самоядь, «Пустозерский острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили». За участие в этом «изменном деле», по указу царя и Соборному Уложению, обдорские остяки князец Ермачко Мамруков, Смагинко Щеголдаев и другие были повешены, «чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать» [*ДАИ*. – Т. 4. – СПб., 1851. № 26. – С. 297–312].

Не менее интересные сведения о совместных военных операциях карачейских самоедов и обдорских остяков содержит *отписка Пустозерского воеводы И. Неелова в Березов* (*Прил. I.* – Док. 19). В ней сообщается что зимой 1668 года, и что особо интересно, как и четверть века назад, «февраля в 20 день [!?] пришли под Пустоозерский острог… Карачейская самоядь Поско самоядин с разными родами», но уже в составе более широкой коалиции, имея в качестве военных партнеров Обдорского князца Гынду Моликова, «с обскими остяками». В процессе нападения эта армия «руских людей нагонили на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоядина Хаску Палчевого и били, а после <…> сына его и жену, и животы и олени все побрали себе, а его, Хаску, отпустили и стали на озере» [*ДАИ*. – Т. 5. – СПб., 1855. № 68–I. – С. 375–377].

В *царской грамоте березовскому воеводе В. М. Гагарину* сообщается о набеге в марте 1679 года «воровской самояди» из Надыма на Обдорский городок (*Прил. I.* – Док. 20). В документе содержатся сведения о военном походе и об осаде отрядом карачейской самояди численностью более четырехсот человек под руководством

Маулки и Игонки Посевых Обдорского городка — резиденции остяцкого князца Гынды Моликова. Городок осаждался в течение шести дней. Осада была прекращена после того, как для разрешения конфликта был послан отряд «березовских служилых людей, сына боярского да с ним двадцать человек казаков в Обдорской городок на выручку. И тот де вор Маулка и Игонка с товарыщи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуд пришли, с Мангазейской стороны из Надыма» [*ДАИ*. – Т. 8. – СПб., 1862. – С. 166–168].

Анализ комплекса делопроизводственных документов позволяет сделать на их основе некоторые выводы. В частности, о территориальном статусе городка и социальном статусе ряда его жителей: в царской грамоте 1679 года местом жительства руководителей похода на Обдорский городок Игонки и Маулки, потомков Пося Хулеева, указан Надым. В серии документов (*Прил. I.* – Док. 9–14) Пось Хулеев называется лучшим князцом Большой Карачейской земли, в отличие от других вождей, именуемых просто «Карачейский князец» (*Прил. I.* – Док. 11), что позволяет определить его особый социальный статус как вождя военно-политического объединения нескольких территориальных общин, получившего название по родовому имени одной из них — Большая Карачея, и, соответственно, статус Надымского городка как его резиденции и центра этого образования. Судя по сведениям, содержащимся в документах (*Прил. I.* – Док. 4, 11, 20), верховная военная и, вероятно, светская власть в Большой Карачее была наследственной, из чего следует, что Надымский городок в течение нескольких поколений вождей в XVII веке был административным центром династии. Из городка осуществлялось управление несколькими общинами прилегающих территорий. По противоречивым данным одного из документов (*Прил. I.* – Док. 10), численность населения Большой Карачеи составляла от восьмисот до двух с лишним тысяч человек. Вероятнее последнее значение, поскольку именно такое количество населения может выставить и обеспечить военный отряд численностью от 200 до 400 человек, как сообщается в источниках (*Прил. I.* – Док. 4, 20). Для древнего общества, к которому следует отнести карачейское, численность общинного ополчения от общей численности населения составляет от 10 до 20% (50% — женщины, 50% — мужчины, из них 30–40% — мальчики, старики, калеки и резервная охрана).

В совокупности комплекс документов свидетельствует, что Большая Карачея, в сравнении с другими остяцкими и самоедскими «княжествами», вела более активные военные действия, направленные не только против соседнего аборигенного населения региона, но и прибывшего русского. Боевые действия совершались не только силами собственно Большой Карачеи, но и при поддержке или в коалиции с Обдорским княжеством, о чем красноречиво свидетельствует серия документов (*Прил. I.* – Док. 2–4, 6, 19). Становится очевидным, что именно Надымский городок в то время служил центром разработки и обеспечения этих операций. Интересен факт совпадения чисел нападения на Пустозерский острог в 1642 и 1668 годах, что явно связано с достаточно жесткой регламентацией годового жизненного цикла аборигенных обществ низовий Оби, которое касалось и времени проведения дальних военных походов (*Прил. I.* – Док. 4, 19).

В источниках отдельно упоминаются ясачные остяки Нюхтей, Тынинка Нюптеев, Небах Ленгиев, Смагинка Щеголдаев как лучшие люди Надымского городка (*Прил. I.* – Док. 5, 8, 10), что позволяет сделать выводы о многоэтничном составе населения городка и о проживании в нем остяцкого населения как зависимого. Вместе с тем, остяцкое население также участвовало в военных походах Большой Карачеи, что следует из формулировки смертных приговоров остякам Надымского городка: «за воровство вершены» (*Прил I.* – Док. 17, 18).

Таким образом, привлечение вышеупомянутых делопроизводственных документов позволило нам в процессе исследования соотнести содержащиеся в них сведения с данными других видов источников, в частности, антропологических, палеоэкологических и этнографических, что, в свою очередь, помогло аргументированно интерпретировать археологические материалы, полученные при раскопках. В частности, соотнести этническую и социальную структуру населения с планировочной организацией территории городка, выявить этнические особенности архитектуры построек и вещевого комплекса, а также проследить отражение занятий жителей и исторических событий в материальной культуре.

В XVIII веке наряду с делопроизводственными документами появляется новый вид письменных источников, во многом дополняющих и уточняющих последние: это **материалы отечественных академических экспедиций**, которые хранятся в двух архивах — Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Среди них обращают на себя внимание материалы экспедиции лейтенанта Д. Л. Овцына. Как известно, перед экспедицией Овцына стояла задача выйти из Обской губы и пройти вдоль побережья до устья Енисея. Экспедиция работала

1734–1737 годах, и только на четвертое лето Овцыну удалось осуществить это выдающееся плавание. Три зимовки отряд Овцына провел в низовьях Оби, а летом выходил в Обскую губу. Крайне любопытно упоминание Овцына о Надымском городке. В его рапорте в Адмиралтейскую коллегию о плавании летом 1734 года значится следующее: «Онаго ж месяца от 21 июня упоминаемою ж губою паки следовали..., которая от тех мест шириною верст на 80 и берегов обоих с середины ее не видно и весьма мелка. А берега высоты посредственной, глубина оной на середине во многих местах на 6, на 5 и на 4 футов, где мы едва могли пройтить с продолжением времени... И прошед прежней городок Надым, которой разорен от самоеди» [*РГАДА*. – Ф. 248. Д. 669. Л. 15 об.]. Пожалуй, можно считать, что первые сведения отечественных исследователей о Надымском городке содержатся именно в журнале лейтенанта Д. Л. Овцына, начальника Обского отряда Северной экспедиции, который, следуя на дубль-шлюпке «Тобол» с юга на север (очевидно, вдоль южного берега Обской губы), 21 июня 1734 года записал: «Следовали губою вместе с тремя дощаниками с морским провиантом и конвоем. Прошли прежний городок Надым, который разорен самоедами» [*РГА ВМФ*. – Ф. «Капитан-командор Беринг». Л. 17–20]. Из этого описания следует, что городок находился на берегу Обской губы или вблизи него в устье Надыма.

Впервые подробное описание Надымского городка и места его расположения оставил в 1740 году Г. Ф. Миллер в путевых дневниках. Он пишет: «В 25 верстах [26,6 км] от устья [Надыма] на западной стороне [по левому берегу] реки, на протоке *Wash-ass* [*Ваш-ас* — Городская Обь] раньше были остяцкие жилища Обдорской волости, состоявшие из двух больших юрт, построенных из дерева и засыпанных землей, каждая из которых была длиной 8 саженей [17 м] и шириной 6 саженей [12,8 м]. В каждой юрте жило по 20 семей [?] остяков. Из-за угрозы нападения самоедов они укрепили пункт [поселение] острогом из палисада, отчего он был назван *Nading-wach* [*Надым-ваш* — Надымский городок]. Однако весной 1730 года эти остяки перенесли большой голод, от которого здесь большинство вместе с женщинами и детьми умерло и осталось лишь примерно 10 человек, которые со временем, когда позволили силы, бежали в Обдорск. С того времени острог вместе с юртами разрушился» [*Сибирь XVIII века…, 1996.* – С. 259–260].

Обращают на себя внимание выдержки из книги В. Н. Татищева, посвященной его жизни и трудам, в которой встречаются упоминания о Надыме: «При реке Надым в горе высокой есть Надымская пещера, в которой часто остяки близ живущие бывают... В сии северные страны по прошествии многих лет (после потопа), переходя мало по малу, от места до места переселяясь, зашли до края моря ледоватого… по неволе и насилием других загнаны, нежели добровольно. Ни кто бы в такие пустые, студеные и бесплодные места селится не захотел» [*Татищев, 1950.* – С. 47]. Хотя эти сведения несколько не точны, однако поражает сам факт распространенности сведений о Надыме и городке, в отличие от отсутствия подобных данных о других многочисленных остяцких городках. Это немаловажно. Приведенное описание составлено явно на основании внешнего вида городка и отчасти может помочь при его реконструкции. Из описания получается, что на горе не фиксировалось каких-либо домостроительных конструкций, а был виден только вход. Такое возможно, если городок был целиком заложен дерновым слоем и имел проемы только к входам. Это не противоречит нашим современным результатам комплексных археологических исследований и сведениям, содержащимся в одной из легенд о городке, записанной у коренного населения Надыма [*Кардаш, А-2000*].

Вышеприведенные сведения относятся к последнему периоду функционирования городка, а именно — к первой трети XVIII века. Они интересны, прежде всего, тем, что помимо исторических фактов содержат сведения об архитектуре городка, позволяющие более достоверно ее реконструировать.

1.1.2. КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Важным источником по исследуемой теме являются картографические материалы. К настоящему времени далеко не все они опубликованы.

Иностранцы, бывавшие в России в XVI–XVII веках, активно интересовались географией Сибири, где они могли оказаться, кстати, только в качестве ссыльных. Иностранные резиденты не жалели денег, чтобы подкупить дельцов московских приказов и добыть чертежи сибирских земель, которые периодически, по заданию Москвы, составлялись в Сибири. Поэтому в западноевропейских картах, основанных на русских источниках, может содержаться ценная информация. К сожалению, западноевропейская картография Сибири труднодоступна. В частности, до сих пор не издан на русском языке знаменитый труд голландского географа Н. Витсена

«Северная и Восточная Татария» (конец XVII в.), чьи карты составлены на основе сведений русских информаторов.

Из известных нам русских карт наибольший интерес представляет чертеж «Море Мангазейско с урочищи», введенный в широкий научный оборот и проанализированный М. И. Беловым [*Белов и др., 1980.* – С. 113–115; прил. XXXIII]. Вероятно, это наиболее раннее изображение места расположения Надымского городка (рис. 1.1). Составление этого чертежа на основе более ранних карт, по мнению М. И. Белова, относится к 1601–1603 годам [*Белов и др., 1980.* – С. 114].

Этот чертеж содержит микротопонимику побережья Обской губы от устья Оби до Тазовской губы и включает многочисленные надписи и пометки. Надпись на участке карты с левой стороны реки Надым М. И. Белов переводит следующим образом: «От устья губы* вверх до городка ход под парусом 8 дней, до низу 3 дня». На чертеже картографирован не весь бассейн реки Надым, а лишь нижнее течение. В связи с этим интересны сопровождающие эту территорию надписи и знаки. В устье Надыма по левому берегу нанесены два знака населенных пунктов в виде трех построек (рис. 1.1). Западнее, ближе к устью реки, изображены постройки и имеется надпись: «Соры». Вычерчены Надымская губа с надписью: «Надымская губа вкруг ходу 8 дней» и впадающие в нее с востока две реки с надписями: «Река Ид»; «Русский Заворот. 8 дней».

Возможны ошибки, как в переводах, так и в записях на карте. В определенной степени это подтверждает дополнительная надпись на полях карты, в которой содержится информация о Надымском городке: «Подвину их вперед». Как уже говорилось выше, в нижнем течении Надыма на чертеже обозначен городок; рядом с ним находится условное обозначение — буква «в» в кружке — и далее надпись «надымская». М. И. Белов строил предположения насчет Надымского городка, но на эту букву «в», обведенную кружком, не обратил внимания. Между тем данное обозначение, очевидно, означает «волость» (Надымская). Это и является одной из загадок чертежа, так как по письменным источникам XVII века отдельная Надымская волость не прослеживается, а большая часть течения Надыма относилась к Обдорской волости.

Чтобы воспользоваться в полной мере сведениями этого чертежа, необходимо выяснить время его появления. М. И. Белов датирует чертеж 1601–1603 годами, но его аргументы можно и оспорить. В частности, на чертеже отсутствует обозначение и описание пути через Средний Ямал. Очевидно, автору чертежа (а такие чертежи составлялись на основе расспросов землепроходцев и торговых людей) совершенно не известен был этот волоковый речной путь, тогда как в начале XVII века он активно использовался. Прин-ципиальными для выяснения обстоятельств возникновения чертежа являются соображения историка Б. П. Полевого, который доказал, что в XVII веке общие карты Сибири составлялись на основе многочисленных локальных карт — «чертежей с урочищи» [*Полевой, 1976.* – С. 56–89]. В качестве приложений к общей карте они оформлялись в отдельную книгу-атлас (они и назывались «прилогами»). Чертеж «Море Мангазейско с урочищи», без сомнений, является таким «прилогом» к общей карте. Но к какой? Для ответа на этот вопрос требуется дальнейшее изучение источников.

Чертеж, о котором говорилось выше, дошел до нас в составе «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова, изданной в Гааге в 1958 году [*The Atlas of Siberia…, 1958.* – С. 115]. Самому Ремезову он, возможно, и не принадлежит. Зато ему принадлежит (за свою жизнь этот сибирский картограф-самоучка составил множество карт) «Служебная чертежная книга Сибири» рубежа XVII–XVIII веков, в которой имеется чертеж Березовского уезда [*Чертежная книга Сибири…, 1882*]. На нем изображена река Надым, которая «пала в Тазовское море тремя устьи». На левом берегу реки Надым, условно в среднем течении, стоит знак населенного пункта, изображающий три постройки с двускатными крышами. Подобными значками отмечали остяцкие поселения, в отличие от самоедских, для обозначения которых изображали чумы. Значок с юртами сопровождает надпись: «Надымские. До Обдорска водным (и) зимним путем 7 дней ходу» (рис. 1.2). Если соотнести это расстояние с расстояниями от известных населенных пунктов, к примеру, от юрт Куноватских, от которых до Обдорска четыре дня пути, то «день пути» будет составлять около 50–60 километров. Таким образом, от Обдорского городка Надымский должен располагаться на расстоянии около 350–400 километров. По водному пути это соответствует расстоянию только до нижнего течения Надыма, до устья реки Ярудэй, близ которого, собственно, и находится исследуемый нами археологический объект.

Следующий источник, содержащий данные о месте расположения Надымского городка, — это карта нижнего течения реки Оби и Тазовской губы, составленная П. Чичаговым и впервые изданная в Амстердаме

* М. М. Белов имеет в виду Надымскую губу.

в 1727 году (рис. 1.3). На ней изображена река Надым, в устье которой на левом берегу нанесен условный знак населенного пункта (в виде группы строений, где центральное имеет шпиль с крестом), обозначающий, по-видимому, городок, сопровождающийся надписью «Надымской» [*Атлас ЯНАО, 2004.* – С. 20]. Территория в его окрестностях именуется «Самоедие».

С чем связана эта атрибутика и почему городок помещен на противоположный берег реки, становится понятно после ознакомления с материалами работы геодезической экспедиции. Съемка территории и составление описания Березовского уезда выполнялись выпускником петербургской Морской академии геодезистом Петром Чичаговым. С 1721 по 1724 год им лично был обследован бассейн реки приблизительно от 60-го градуса северной широты до ее устья. Территория же, расположенная к востоку, включавшая бассейн Обской и Тазовской губ, а также реки Надым, Пур и Таз, была изображена на основании расспросных данных [*Андреев, 1946.* – С. 30–46]. В этой связи немаловажно, что на такой обширной территории Надымский городок стал единственным населенным пунктом, удостоенным картографирования. Судя по использованным на карте обозначениям, аналогичными символами обозначены и другие городки, например, «Обдорской», «Войкарской», «Куновской» (рис. 1.3). Очевидно, так отмечались городки — центры «инородческих волостей» Березовского уезда, в отличие от простых поселений, изображенных маленькими кружками. В итоге можно заключить, что в период работ П. Чичагова Надымский городок был хорошо известен как определенный региональный центр.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что картографические источники содержат не просто данные о месте расположения населенного пункта, а дополняют круг письменных источников фактами разнообразного характера. Эти материалы можно сопоставить с современными картами и достаточно достоверно идентифицировать упоминаемый в письменных источниках городок с исследуемым. Кроме того, они содержат дополнительную информацию о статусе городка как административного и торгового центра.

1.2. ИЗУЧЕНИЕ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА В XIX–XX ВЕКАХ

1.2.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В свое время выдающийся отечественный этнограф С. А. Токарев отмечал: «Огромная ценность русских документов XVII века как источника для изучения истории народов Сибири давно известна специалистам. Для подавляющего большинства сибирских народов лишь с приходом русских в XVI–XVII веках начался период письменной истории: жизнь их в предыдущие века доступна нашему изучению преимущественно лишь на основании отрывочных преданий и археологических памятников» [*Токарев, 1970.* – С. 1]. Сказанное в полной мере относится и к истории автохтонного (угорского и самодийского) населения Северо-Западной Сибири.

Впервые на руинах Надымского городка 3 июля 1916 года побывал сотрудник Тобольского губернского музея Г. М. Дмитриев-Садовников, который описал его и собрал небольшую коллекцию артефактов. В своих записях он отмечал, что городок «находится на левом берегу Надыма Хардэн-ясь, верстах в 15 [16 км] от Харова [избы в устье протока Харовая], на мысу, получившемся от соединения двух проточек, саженях в 200 [425 м] от впадения одной из них в Надым (рис. 1.5). С Надыма городище видно. Оно представляет собой возвышенный, до 5 сажень [10,6 м – ?!], холм (рис. 1.4). Середину его, по направлению протоки, просекает ясно видная, хотя и заросшая, траншея — улица, проход. По бокам ее — ямы землянок с остатками частью хорошо сохранившихся бревен и досок от строений. Ямы квадратной формы, от 10 до 12 шагов [8–10 м]. Остатки бревен хорошо сохранились в третьей, самой большой яме. Бревна частью горелые, частью начавшие трухнуть. Со стороны мыса еще кое-где сохранились остатки частокола из колотых бревен, концы коих, находящиеся в земле, заострены. ...В осыпи городища ясно было видно строение холма: он искусственно насыпан из перегноя, щебня, хворосту, досок, бревен — из всего, что находилось под рукой. ...В осыпи попадалась масса оленьих, утиных и др. костей, местами — уголь, куски бересты, кое-где — окалины. Из находок на городище были взяты: шайтан, вырубленный в середине колотого бревна и найденный в третьей яме, кусок окалины и два костяных орудия, найденных в осыпи. ...Инородцы не помнят, кто и когда жил на этом месте» [*Дмитриев-Садовников, 1918.* – С. 41–42]. Из описания месторасположения очевидно, что речь идет о том же городке, который в свое время описал Г. Ф. Миллер [*История Сибири. Первоисточники. VI выпуск, 1996*]. Можно предположить, что Г. М. Дмитриев-Садовников зафиксировал остатки самой поздней планировки

жилого комплекса городка, которая состояла из нескольких помещений (минимум, четырех), разделенных центральной улицей. Видимо, к 1916 году какие-то из построек были уже уничтожены при осыпании берега. Вызывает недоумение приведенная в описании Г. М. Дмитриева-Садовникова высота холма — 10,6 м. Сейчас максимальная его высота от самого низкого уровня воды составляет не более 5,5 м. Вероятно, это ошибка в результате визуального осмотра или опечатка.

В 1976 году Надымский городок обследовал сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Л. П. Хлобыстин. В отчете о проведенных работах он отмечает следующее: «На 25 км основной протоки р. Надым в нее слева впадает небольшая речка. Примерно в 300 м от ее устья она имеет левый приток. На мысу при их слиянии найдены остатки городища. ...Бугор городища расположен на левом берегу речки и размывается ею. В образовавшемся обрыве видны два горизонта срубных строений. В результате дендрохронологического анализа, произведенного С. Г. Шиятовым, установлено, что строения относятся к концу 17 в., причем деревья, использованные для постройки нижнего горизонта северной части городища, срублены на 17 лет раньше деревьев, из которых строился дом верхнего горизонта в южной части городища. Городище представляет собою бугор, вытянутый с юго-запада на северо-восток на 70 м. Ширина сохранившейся части 16 м. Бугор возвышается над окружающим берегом на 2,5–3 м, а над водой — примерно на 5 м. Мощность напластований около 2,6–3 м. Под ними серо-зеленый суглинок, слагающий берег. Западный край городища уничтожается подземным пожаром. На осыпи подмытой части городища и в воде найдено много изделий из дерева. На южном краю городища, на месте пожарища было найдено 18 железных сабель, лежавших плотной кучей» [*Хлобыстин, 1977*]. Особо интересны материалы фотофиксации городка, произведенной при его обследовании в 1976 году (рис. 1.6–1.9). Они являются источником для сравнительного анализа и достоверной интерпретации новых материалов, поскольку не только представляют участки памятника, утраченные за прошедшие до начала настоящих исследований 22 года, но и объясняют причины образования утрат отдельных участков и слоев.

Описание находок, привезенных Л. П. Хлобыстиным, и предположения об их этнической принадлежности, а также о занятиях населения городка сделала Г. Н. Грачёва, опубликовав в 1986 году результаты этих исследований [*Грачёва, 1986.* – С. 21–26]. Среди описанных предметов — роговое грузило, деревянные поплавки, медный рыболовный крючок. Наличие заостренных палок, которые названы «палки для перегораживания рек» [?], и фрагментов лодок позволило Г. Н. Грачёвой сделать вывод о рыболовецкой направленности хозяйства населения, жившего в городке. Среди орудий охоты «на водоплавающую птицу и пушного зверя» были найдены древки стрел и наконечники стрел-томаров. Что касается привезенных Л. П. Хлобыстиным 18 клинков небольших железных сабель, то по их размерам и «другим признакам» (не уточненным) они отнесены к оружию местного производства. Г. Н. Грачёва полагала, что внешне «они напоминают хантыйские короткие сабли, которыми, судя по имеющимся изображениям, были вооружены хантыйские богатыри» [?]. Среди предметов быта упоминаются «остатки берестяных туесков с красочным красновато-коричневым орнаментом, похожим на хантыйский, фрагменты плетеных циновок, деревянных сосудов, деревянная рамка для зеркала, «рубель» и т. п.». Особый интерес вызвал деревянный предмет «непонятного назначения». Он выглядит как массивная подпрямоугольная колода с четырьмя сквозными отверстиями по «углам». Продолжением одной из сторон колоды является антропоморфная голова. По мнению Г. Н. Грачёвой, «моделировка лица выполнена таким образом, что ее стиль можно отнести к западносибирскому типу скульптуры». Среди находок были и другие деревянные и металлические антропо-, зоо- и орнитоморфные изображения. «Некоторые из них, по-видимому, могли быть надеты на стержни, поскольку в них имеются отверстия». На основании «облика поселения» и найденных предметов исследователь делает вывод о его принадлежности, скорее всего, хантам и предполагает, что городище было «одним из опорных поселений этого (Обдорского) княжества для борьбы с русскими и ненцами» [*Грачёва, 1986.* – С. 22–23]. В статье содержится много противоречий и мало обоснованных выводов, тем не менее, это первый анализ памятника, введенного в научный оборот.

Уже после обследования Л. П. Хлобыстиным Надымского городка исследователь М. И. Белов, занимавшийся изучением Мангазеи и «Мангазейского морского хода», в 1969 году на Пинеге обнаружил рукопись середины XVII века, в которой есть краткая запись о промысловой экспедиции из Поморья в Мангазею (имеется в виду не город, а район), начавшейся в 1597 году. По словам летописца, участники похода первые «проведали Надым реку, а на другой год Таз реку». Основываясь на этой фразе, Белов выстраивает следующее предположение: «В XVI в. там было построено какое-то поселение, очевидно, находилась стоянка торговых и промышленных

людей — опорный пункт для тех, кто шел на реки Пур и Таз. Возникло это становище раньше города Мангазеи и в какой-то степени заменяло его, являясь своего рода центром промыслового освоения Обско-Пуровского района» [*Белов, 1972.* – С. 282–283]. Таким образом, по мнению М. И. Белова, Надымский городок — это русское поселение поморов, промышлявших охотой на пушных зверей. От точной его локализации он уклонился. Однако, возвращаясь к проблеме местонахождения и этнической атрибуции Надымского городка, располагая информацией Д. Л. Овцына, материалами из источников XV века, а также учитывая открытие Л. П. Хлобыстина 1976 года, М. И. Белов предположил наличие на Надыме двух городков — хантыйского XVII–XVIII веков в устье реки и русского промыслового городка XVI века в среднем ее течении, в районе устья реки Танловой, впадающей справа в Надым. Пока нет достаточных оснований для отрицания или подтверждения этой версии.

В 1997 году историк В. Н. Гриценко, специалист по периоду новейшего времени Северо-Западной Сибири, связавший свою жизнь и научно-исследовательскую деятельность с Крайним Севером Ямало-Ненецкого автономного округа и в частности — с Надымским районом, пригласил археолога Г. П. Визгалова, руководителя МУ «Центр историко-культурного наследия», в качестве эксперта в разведочную экспедицию. Одной из целей этой поездки был выбор объекта археологических исследований, который был бы наиболее информативен для изучения древней истории региона и мог дать яркий вещевой материал. Из всех осмотренных памятников именно обнажившиеся руины деревянных строений Надымского городка произвели особое впечатление на Георгия Визгалова. Его экспертное заключение стало основным толчком для деятельности Вадима Гриценко по поиску средств и специалистов, а также организации раскопок. В тот момент ни одна из научных организаций Урало-Сибирского региона не решилась взяться за исследования этого памятника. В связи с этим Г. П. Визгалов и подключился к организации раскопок Надымского городка.

В 1998 году экспедицией МУ «Центр историко-культурного наследия», реорганизованного ныне в ООО «НПО “Северная археология”» под руководством автора были проведены первые комплексные стационарные археологические исследования памятника, которые продолжаются по настоящее время. За первые восемь лет раскопок Надымского городка, результаты которых излагаются в настоящем исследовании, изучено около 650 кв. м площади городка. Разобран культурный слой мощностью от 0,50 до 1,65 м. Раскопки проводились поэтапно с учетом необходимости первоочередного обследования наиболее аварийной части памятника. Комплекс работ, помимо археологических раскопок, включал дендрохронологические, археозоологические, историко-архивные, историко-архитектурные, этнологические и антропологические исследования.

В августе-сентябре 1998 года были проведены рекогносцировочные раскопки Надымского городка, руины которого интенсивно размываются водами протоки реки Надым [*Кардаш, А-1999*]. В задачи исследователей входило: уточнение площади и объемов сохранившейся части объекта, фиксация стратиграфии городка по обнажению слоя в обрыве, выработка рекомендаций по сохранению памятника или изучению его раскопками. Был зафиксирован общий стратиграфический разрез памятника длиной 88 м, заложенный по осыпи берега. Определено, что мощность культурного слоя составляет от 0,10 до 3,5 м, а общая площадь сохранившейся части городка — около 1200 кв. м. В южной части городка, на его периферии, был заложен раскоп № 1, приуроченный к интенсивно разрушающейся части берега. В августе 1999 года в центральной части городка был заложен раскоп № 2 [*Кардаш, А-2000*]. Были расчищены руины северной части жилого комплекса городка, получившие название «кварталы № 1 и № 2», с остатками северо-западного входа и наружных укреплений; внутри располагались семь построек, относящиеся к самому позднему периоду функционирования городка. В августе 2000 года обследование городка было продолжено [*Кардаш, А-2001*]. С юга к раскопу № 2 был прирезан раскоп № 3. Были расчищены руины еще одного квартала городка — № 3, в котором находилась одна большая каркасная постройка с центральным очагом. От северо-западной стенки раскопа № 2 (1999 г.) заложен раскоп № 5. Обследовано пространство перед северо-западным входом в сооружение, получившее название «северо-западная многофункциональная площадка». В 2001 году было продолжено изучение центральной части городка на раскопах № 2–5 [*Кардаш, А-2002*]. Заложен новый раскоп — № 7, который примыкал к юго-восточной стенке раскопа № 3. В 2002–2003 годах продолжалось обследование городка на всей площади ранее заложенных раскопов [*Кардаш, А-2003*; *2004*]. Площади некоторых раскопов были увеличены, расчищено несколько последовательно сменявших друг друга уровней построек. В 2004 году работы также проводились на территории всех ранее заложенных раскопов [*Кардаш, А-2005*]. Была значительно увеличена площадь раскопов № 5 и 7. В раскопе № 7 были выявлены остатки квартала № 5, который занимала одна большая каркасная постройка с центральным очагом. В результате работ 2005 года,

сконцентрированных на территории раскопов № 2 и 3, была полностью обследована «самоедская» постройка № 8 и выявлена изначальная планировка западного «остяцкого» квартала, состоявшего из восьми построек. Кроме этого, была увеличена площадь раскопа № 1 и обследована южная периферия памятника, где выявлен ритуально-жертвенный комплекс [*Кардаш, А-2006*].

В итоге за описываемый период был практически полностью исследован культурный слой конца XVI – первой трети XVIII веков мощностью до 1,5 м. Раскопаны остатки жилого сооружения, состоявшего из четырех, а позднее шести кварталов, включавших в разные периоды от 12 до 18 построек различной конструкции (архитектурных традиций) и назначения (жилые или хозяйственные), окруженных общей стеной и имевших единую кровлю, а также пространство за его пределами. Выявлены постройки трех основных типов, различающиеся по размерам и организации внутреннего пространства: первый тип — это жилые большие каркасно-столбовые постройки размерами до 8 × 8 м с внутренним помещением размерами до 5 × 5 м, где располагался центральный очаг, и с дверным проемом шириной до 0,9 м; второй тип — это жилые маленькие каркасно-столбовые постройки размерами до 2,5 × 2,5 м, с центральным очагом (или чувалом) и дверным проемом шириной до 0,45 м; третий тип — это хозяйственные постройки размерами до 2,5 × 2,5 м, выполненные из досок «в охряпку». Работы по их фиксации, изучению и реконструкции производились в рамках историко-архитектурных исследований и выполнялись специалистами — архитекторами-реставраторами Н. В. Митиной, Е. А. Петровой, М. В. Труняевой [*Кардаш, А-2002–2006*].

По результатам раскопок собрана коллекция предметов из дерева, кости, кожи, ткани, керамики, цветных и черных металлов и камня местного и импортного происхождения общей численностью около 6000 предметов (*Прил. III.* – Табл. I). Подробное описание коллекции, полученной в результате раскопок 1998–2005 годов, содержится в главе 3.

Таким образом, стационарные исследования, проведенные комплексной археологической экспедицией НПО «Северная археология» в период с 1998 по 2005 год, являются основной источниковой базой настоящей работы. Осуществление этих исследований и анализ полученных данных происходили в комплексе с такими науками, как этнография, антропология и палеоэкология.

1.2.2. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этнографические сведения о современной этнической ситуации позволяют путем ретроспекции достаточно достоверно реконструировать этническую ситуацию в бассейне реки Надым и состав населения городка.

По письменным источникам XVII–XVIII веков, в нижнем течении реки Надым проживало два этноса — остяки и самоеды. Авторы середины XIX века лишь упоминали о надымских остяках и самоедах [*Абрамов, 1857*; *Кушелевский, 1868*].

Летом 1876 года на Надыме побывал сотрудник Российской Академии наук И. С. Поляков. Исследователь много внимания уделил описанию коренного населения. По его данным, низовья Надыма населяли остяки разного происхождения — собственно надымские и нижнеобские, при этом И.С. Поляков приводит фамилии, которые сейчас носят некоторые тундровые ненцы [*Поляков, 1877*].

Вскоре после И. С. Полякова, в 1879 году у надымских остяков побывал сотрудник Западно-Сибирского отдела Российского Географического общества Н. К. Хондажевский. В его очерке значительное место занимает этнографическое описание остяков и самоедов [*Хондажевский, 1879.* – С. 18–20]. К сожалению, это описание дано суммарно, то есть без учета этнических различий между ними.

Из иностранных путешественников, побывавших у остяков и самоедов Нижнего Приобья, нужно упомянуть итальянца Стефана Сомье (S. Sommier), оставившего сочинение «Un’Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirijni, Tatbri, Kirgisi e Baskiri» [*Sommier, 1885*]. Для его написания, кроме своих личных наблюдений во время путешествия, он пользовался материалами Тобольского музея и местных краеведов.

В 1894 году в бассейне Надыма работал профессор Казанского университета А. И. Якобий, занимавшийся демографическими проблемами коренного населения Березовского уезда [*Якобий, 1895*]. Он стал первооткрывателем «народа» *няхсамар-ях*, проживающего в верховьях Надыма. Как отметил А. И. Якобий, по внеш-нему виду этот народ почти не отличается от самоедов, но язык *няхсамар-ях* отличается и от остяцкого, и от самоедского. «Открытие» А. И. Якобия вызвало дискуссию об этом загадочном народе.

В начале XX века Б. М. Житков высказал предположение, что упоминаемые А. И. Якобием *няхсамар-ях* — один из родов тазовских ненцев (юраков), которых самоеды называли *пядан-хазеу*, то есть «лесные люди» [*Житков, 1913.* – С. 251]. Автор указал, что на Надыме проживают безоленные самоеды или осамоедившиеся остяки, ведущие полуоседлый образ жизни. Остяки разговаривают на самодийском языке, отличающемся «по выговору» от самоедского языка в других местностях [*Житков, 1913.* – С. 249].

В начале 1900-х годов бассейн Надыма исследовал А. А. Дунин-Горкавич, известный краевед и знаток Обского Севера. В своем историко-географическом очерке о Северо-Западной Сибири в части по этнографии населения, проживающего на реке Надым, он лишь упомянул о надымских «инородцах», отметив, что остяки и самоеды с рек Надым и Ныда приезжают на ярмарку в Сургут и село Тундринское [*Дунин-Горкавич, 1995*; *1996.* – С. 25].

В 1916 году на Надым отправилась экспедиция Тобольского губернского музея под руководством Г. М. Дмитриева-Садовникова, итогом работы которой явился очерк «Река Надым» [*Дмитриев-Садовников, 1917*; *1918*]. В нем содержится немало этнографических сведений. В начале XX века население этих мест было полиэтнично: здесь проживали самоеды-ненцы (тундровые и лесные), остяки-ханты, коми-зыряне (подвергшиеся ненецкому влиянию) и русские [*Дмитриев-Садовников, 1917.* – С. 25]. Важно отметить мнение автора и о том, что самодийское население Надыма древнее остяцкого. Кроме этого, Г. М. Дмитриев-Садовников указал на «осамоедивание» местных остяков, превратившихся «из народа полуоседлого в полукочевой».

Среди специалистов, работавших среди ненцев, нужно отметить Г. Д. Вербова [*Вербов, 1936*; *1939*]. На Надыме автор зафиксировал наличие двух групп ненцев — тундровых и лесных, сильно отличающихся друг от друга по языку. Приведенное А. И. Якобием название лесных ненцев *няхсамар-ях* Г. Д. Вербов трактовал как *нёхас-ур-ях*, что в переводе с языка обских хантов обозначает «соболиные ненцы» (*нёхас* — соболь, *ур-ях* — ненцы) [*Вербов, 1936.* – С. 60]. Необходимо обратить внимание и на отмеченное Г. Д. Вербовым различное этническое самосознание лесных и тундровых ненцев. По его данным, первые считали себя особым племенем (*тээмс*) и противопоставляли себя тундровым [*Вербов, 1936.* – С. 67; *1939.* – С. 59].

С 1960-х годов изучением истории и культуры ненцев занималась Л. В. Хомич. Ее многочисленные работы освещают различные аспекты этнографии ненецкого народа. Две статьи посвящены группе надымских ненцев, среди которых она работала в 1962 и 1966 годах [*Хомич, 1971*; *1977*].

В. И. Васильев занимался в основном проблемами этнической истории и родового деления самодийских народов. В статье «О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев» [*Васильев, 1973*] он писал о двух группах лесных ненцев, компактно проживающих в бассейне реки Надым [*Васильев, 1973.* – С. 106]. По мнению исследователя, таежная зона Надыма была освоена самодийскоязычными предками ненцев, носителей этнонима Кара (Харю), на пути их продвижения с юга Сибири в тундровые районы. В состав лесных ненцев эта группа вошла как род Вэла [*Васильев, 1973.* – С. 111]. Согласно данным В. И. Васильева, в XVII веке территорию в нижнем течении Надыма занимали сибирские тундровые ненцы (обдорские самоеды — по русским официальным документам), лесные ненцы населяли верховья Надыма, в среднем его течении они появились сравнительно поздно [*Васильев, 1982.* – С. 52].

Угро-самодийской этнографии посвящены многочисленные работы А. В. Головнёва, Е. П. Мартыновой, Е. В. Перевалоовой и Е. Г. Фёдоровой [*Головнёв, 1998*; *2004*; *Перевалова, 2004*; *Фёдорова Е. Г., 1999*; *Мартынова, 1998*]. О населении бассейна реки Надым эти ученые писали мало, а то, что упоминалось, носило в большей степени реферативный характер и было основано на работах предшествующих исследователей, поскольку собственных работ эти авторы в бассейне реки Надым не проводили. Тем не менее их труды позволяют сделать некоторые заключения о коренном населении Нижнего Приобья, поскольку прослеживают этническую историю и межэтнические взаимодействия угров и самодийцев на протяжении значительного исторического периода — от средневековья до начала XX века.

Историографические исследования показывают, что проблема этнической принадлежности населения бассейна реки Надым в XVII–XIX веках была и остается дискуссионной. По результатам исследований, проведенных в рамках комплексного изучения Надымского городка, этнологом Е. П. Мартыновой зафиксирована следующая этническая ситуация [*Кардаш, А-2001*; *2002: Мартынова*]. В наши дни в Надымском районе в этнографической группе ненцев выделяются две территориальные подгруппы: береговые (морские), населяющие побережье губы — зону тундры, их называют *ям хасово* («речные/морские люди») или *вын хасово* («тундровые люди»), и лесные, проживающие в лесотундровой зоне; по отношению к ним употребляются наименования *пяд' хасово*, *педэра хасово* («лесные люди»), *пяки* (по названию одного из основных и наиболее

многочисленных родов — Пяк). Представители этнографической подгруппы лесных ненцев (к ним относятся члены семей Пяк и Вэлла) в прошлом говорили на особом диалекте ненецкого языка, ныне же утратили свою языковую и хозяйственно-культурную специфику, но сохранили особое самосознание, во многом основанное на противопоставлении себя тундровым ненцам.

Записана легенда, которая повествует о том, что в прошлом Анагуричи (*ям хасово* — «береговые») воевали с соседями (*педэра хасово* — «лесными») из-за земель в тундре. Их род считался богатырским, самым сильным был *Хасовако-лэмбэро-латэ* — «Широкогрудый богатырь». По легенде, примирение произошло после того, как однажды *педэра хасово* (Пяки) приехали к Анагуричи сватать дочь. Анагуричи не согласились отдать девушку. Началось сражение. Много Пяков убили, оставшиеся в живых стали просить пощады. В обмен на жизнь Анагуричи попросили выдать девушку *педэра хасово* в род Анагуричи. Те согласились. Враждующие стороны пошли на реку Ярудей (близ устья Ярудэя находится Надымский городок – *О. К.*). Там возле высокой лиственницы поклялись Пяки и Анагуричи жить в мире. В знак примирения сделали зарубы на лиственнице с двух сторон топором. После этого Анагуричи выдали девушку за Пяков, а Пяки свою девушку — за Анагуричи. С тех пор не стало ссор между этими родами (*Прил. II.* – Легенда 1). В легенде речь не идет о Надымском городке, но сообщается о событиях, произошедших на территории, где он располагался.

Анализ этих этнографических данных и сопоставление с другими источниками позволяет сделать более аргументированную этническую интерпретацию материалов раскопок.

Не совсем понятно, почему в последнее время отсутствуют сведения об остяках, проживание которых на этой территории хорошо фиксируется источниками XVII века. Помимо разделения по географическому принципу (береговые – лесные), в каждой из подгрупп отмечается подразделение по происхождению: *хасово еркар* («ненецкий род») и *хаби еркар* («хантыйский род»). Представители последней группы связаны с хантами только происхождением, они не владеют хантыйским языком и считают себя ненцами.

В процессе полевых этнологических исследований, проводившихся в рамках комплексного изучения Надымского городка, Е. П. Мартыновой со слов жителей близлежащих поселков было записано несколько легенд, связанных с городком. Информаторы сообщают, что он был замаскирован под вид сопки, сверху которой росли трава и кустарники. В холме имелся специальный люк, заложенный дерном, через который в городок с реки проникали лодки вместе с гребцами. У городка была пристань, к которой жившие в нем богатыри подплывали на лодках. Имелся там и специальный тамбур, в котором богатыри снимали кольчугу и верхнюю одежду, затем проходили в другие помещения. По информации А. Е. Яптуная, жители городка занимались грабежом проплывающих по Надыму торговых кораблей [*Кардаш, А-2001*; *2002: Мартынова*]. Об их приближении узнавали по плеску весел о воду. Нападающие на лодках внезапно выплывали из-за поворота протоки и обстреливали корабли из луков (выбирали среднее или последнее судно). Быстро забирали все ценное и скрывались в своей протоке. С других судов снаряжали погоню за грабителями. Преследователи заплывали в протоку, которая раздваивалась у сопки-городка. Оба рукава заканчивались тупиками, поэтому погоня возвращалась ни с чем, так как нападавшие к этому времени успевали скрыться через люк в городке.

Одна из легенд непосредственно связана с Надымским городком и повествует о его последних днях и истории происхождения ненецкого рода Нядонги (*Прил. II.* – Легенда 2). В ней говорится о том, что в городке в *ям мя* — «подземном доме» проживало несколько семей. Они занимались охотой. Зверей и птиц добывали луками. На охоту ходили на лыжах. Зимой ездили на собачьих нартах, а летом — на маленьких лодках. Оленей в городке не держали. Обитателям городка часто приходилось обороняться от соседей — береговых самоедов (*ям хасово*), претендовавших на их промысловые угодья, поэтому мужчины носили кольчуги.

Однажды самый сильный мужчина городка, очевидно, вождь, пошел с сыном на охоту. В лесу их окружили какие-то люди, начали стрелять. Отец убежал, оставив мальчика, но потом вернулся. Когда он подошел к сыну, их вновь окружили, после чего убили. Причину убийства враги выразили следующей фразой: «Мы никогда не видели такого сильного воина. Пусть больше не будет таких сильных». Место этого события стало впоследствии священным для рода Нядонги.

После этого враги, около ста человек, пришли к городку, чтобы убить родственников вождя. Жители оборонялись, но каким-то образом поодиночке были убиты все взрослые мужчины. В живых в городке остался только один хромой мужчина. Он, сидя на нарте, обстреливал врагов из лука и убил всех. Женщины с детьми были в городке. Начался голод, так как ни они, ни хромой не охотились. Все умерли от голода, в живых

остался только один мальчик. Он отправился искать других людей и вышел к чуму, в котором жили ненцы рода Явэй. Они выходили мальчика и женили на своей дочери. От них пошел род Нядонги.

Из этого предания следует, что городок прекратил свое функционирование после нападения врагов, причиной которого было устранение сильного лидера и его семьи, вероятно, в связи с возникшим между общинами конфликтом. Этот вывод более соответствует сведениям Д. Л. Овцина о разорении городка самоедами, нежели информации, записанной Г. Ф. Миллером.

В этой связи особо интересным и важным источником становятся фрагменты человеческих скелетов, обнаруженные при раскопках верхнего слоя оборонительно-жилого комплекса городка, датируемого первой третью XVIII века. Основные скопления элементов девяти скелетов находились в постройке № 8. Большинство обнаруженных костей лежали в слое не в анатомическом порядке, а были рассеянны на значительной площади (рис. 1.11 – *1, 3*). На многих костях есть следы клыков некрупных хищников (песцов, лисиц, куньих). Лишь в трех случаях части элементов скелета лежали в анатомическом соответствии (в двух из них — в сочленении). Распределение элементов скелетов в слое указывает на то, что тела не были подвергнуты захоронению, а длительное время оставались на поверхности. Таким образом, все люди, чьи останки были обнаружены на городище, не были захоронены, а порезы на отдельных костях позволяют утверждать, что они были убиты и оставлены в городке.

Анализ остеологических материалов, произведенный в лаборатории Института истории и археологии Уральского отделения РАН антропологом Д. Н. Ражевым, позволил сделать вывод о том, что это остатки скелетов 13 индивидов: одного мужчины зрелого или старческого возраста (40–60 лет), трех взрослых женщин (30–40 лет), одного юноши (15–18 лет), одного близкого к юношескому возрасту (14–18 лет), одного подростка (12–14 лет), трех детей второго периода детства (8–12 лет), трех детей первого периода детства (2–7 лет) и одного плода. На частях скелета, принадлежавшего взрослому мужчине, обнаружены следы успешно и давно зажившего перелома ребер и перелома правой лучевой кости, произошедшего в результате падения на выставленную вперед руку [*Кардаш, А-2002: Ражев*].

Ввиду небольшого состава выборки и плохой сохранности материала краниологическая характеристика была дана только черепам, принадлежавшим женским скелетам. Судя по ним, эти женщины имели мезокранную черепную коробку малых размеров, мезогнатное, среднее по ширине, сильно уплощенное лицо со средне выступающим носом и хорошо профилированным переносьем. Все женщины предположительно относились к одной кровнородственной группе. По размерам черепа представители рассматриваемой совокупности не относились ни к одному из полярных вариантов краниологических расовых типов, в настоящее время выделенных среди населения Нижнего Приобья. Так, по форме мозговой коробки они ближе к относительно длинноголовому варианту, характерному для хантыйских выборок. Размеры лицевого отдела занимают промежуточное положение между полярными группами. В то время как по уплощенности лица и углу выступания носа все рассматриваемые представители могут быть отнесены к варианту, присущему ненецким популяциям [*Кардаш, А-2002: Ражев*].

На основании исследования черепов было сделано заключение, что рассматриваемые индивиды могут быть отнесены к антропологическому типу, близкому современным ненецким популяциям. Однако обращает на себя внимание реконструированный большой рост женщин (157–161 см), что значительно превосходит соответствующие показатели для ненок и хантыек (около 150 см). Таким образом, можно высказать гипотезу, что исследуемые останки принадлежат представителям высокорослой группы енисейского (североуральского) антропологического типа.

Анализ полученных антропологических данных позволяет выделить этнические признаки, характерные для обнаруженных при раскопках жилых построек и их домостроительных традиций предметов домашнего обихода и орудий. Так, вполне достоверно большую каркасно-столбовую постройку (№ 8) юго-западного квартала (№ III) и аналогичные постройки можно связать с древнененецким (самодийским) населением городка, а постройки северо-западного и северного кварталов — с остяцким. Это отчасти подтверждается реконструированным ростом жителей постройки № 8, поскольку определенные пропорции жилого помещения связаны (соразмерны) с пропорциями человеческого тела, рассчитываются из его параметров и должны быть эргономичны. В частности, размеры дверного проема постройки № 8 соразмерны крупным пропорциям тел ее жителей. По-видимому, небольшие постройки «остяцких» кварталов соответствовали маленьким пропорциям тела остяков того времени, которые и ныне отличаются небольшим ростом.

Кроме этого, антропологические данные позволяют частично реконструировать события последних дней функционирования городка, получить определенные представления о его населении и соотнести их с данными письменных и этнографических источников. В частности, эти материалы подтверждают ранее сделанные выводы о многоэтничном (минимум двухэтничном) составе населения городка. Совершенно очевидно, что до первой трети XVIII века в городке одновременно проживали упоминаемые в источниках самоеды — вожди Большой Карачеи — и остяки. Не совсем понятны два факта. Первый — это отсутствие останков остяцкого населения, из которого «большинство вместе с женщинами и детьми умерло и осталось лишь примерно 10 человек, которые со временем, когда позволили силы, бежали в Обдорск» [*Миллер, 1996.* – С. 259–260]. Очевидно, что в момент нападения остяцкое население отсутствовало в городке. Вероятно, по тем или иным причинам они заранее покинули свое место жительства, возможно, зная о предстоящем нападении. Второй — это убийство женщин и детей, которые, судя по многочисленным документам того времени, да и по мировому опыту взаимоотношений в раннеклассовых обществах, при военных конфликтах являлись прежде всего объектом добычи — военнопленными, которых можно было использовать для хозяйственных работ либо продать в рабство, то есть они были товаром. В этой связи вполне логичным выглядит объяснение, что на городок напали именно для их убийства. На это же наводит факт наличия клада оружия и художественных изделий. Если предположить, что люди, чьи останки найдены в городке, были семьей вождя, то мотивация нападения становится вполне понятной и обоснованной. Ее цель — убийство потомков вождя общины (верховного собственника земли), с тем чтобы получить безраздельную власть и исключить возможную месть. Подобных примеров в мировой истории известно много. Таким образом, можно предполагать, что погибшие женщины с детьми и один мужчина-калека принадлежали семье вождя, убитой в результате нападения враждебной «ватаги» тундровых самоедов зимой–весной 1730 года. В этой связи постройка № 8, где были обнаружены останки 13 индивидов, на основе этнографических и антропологических данных интерпретируется нами как дом вождя.

1.2.3. ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Палеоэкологические исследования Надымского городка проводились в процессе раскопок 1998–2005 годов и по их результатам. Высокая степень сохранности органических материалов и отходов жизнедеятельности человека в культурном слое Надымского городка, обеспеченная мерзлотой, обусловила привлечение специалистов-экологов различного научного профиля. Ранее на аналогичных археологических памятниках Северо-Западной Сибири подобные исследования проводились крайне редко, и в основном определение собранных археологами образцов проходило в лабораторных условиях. Так, палеоэкологические исследования в составе комплексной экспедиции, изучавшей в начале 1980-х годов русский город Мангазею, ограничивались лишь датировкой образцов древесины по дендрохронологическому методу, а полного археозоологического анализа костных останков не проводилось [*Белов и др., 1980.* – С. 114]. На других же памятниках такие работы носили эпизодический характер, объемы исследуемых образцов были значительно меньшими и не во всех случаях могли обеспечить статистическую устойчивость для научных выводов. Надымский городок можно назвать одним из первых археологических объектов, где в течение длительного времени специалистами различных наук совместно отрабатывается и реализуется методика комплексного изучения памятника с замерзшим культурным слоем.

В состав проводимых палеоэкологических изысканий входили археозоологические исследования, в процессе которых специалистами-зоологами извлекались, фиксировались и анализировались костные останки млекопитающих, птиц и рыб, содержащиеся в культурном слое памятника. Данные работы выполнялись сотрудниками ИЭРиЖ УрО РАН зоологами П. А. Косинцевым, Т. В. Лобановой, А. А. Воробьевым и А. Е. Некрасовым, работавшими в составе комплексной экспедиции [*Кардаш, А-1999–2006: Косинцев и др.*].

Коллекция остеологического материала в настоящее время насчитывает 124 000 экземпляров костных остатков. Они принадлежат 17 видам млекопитающих, 29 видам птиц и 14 видам рыб (*Прил. III.* – Табл. II). Установлено, что почти все кости млекопитающих принадлежат диким видам, среди которых доминируют заяц-беляк, песец и северный олень тундрового и лесного подвидов. По мнению П. А. Косинцева, кости северного оленя таежного подвида, отличавшегося от тундрового значительно большими размерами, могли принадлежать домашней форме [*Косинцев и др., 2001.* – С. 129]. В городке и его окрестностях из-за отсутствия кормовой базы и нехватки места большое домашнее стадо содержать было невозможно. Скорее всего,

в зимнее время в городке было несколько оленьих упряжек, которые формировались из стада или нескольких стад, постоянно живущих в тундре и лесотундре.

К безусловно домашним видам относится свинья, чьи кости были найдены в единичных экземплярах. Судя по наличию костей молочных поросят, можно предположить, что в городке в небольшом количестве летом могли содержать свиней (*Прил. III.* – Табл. II).

Обнаруженные кости собак принадлежат небольшому числу особей среднего и малого размеров (*Прил. III.* – Табл. II). В их коллекцию входит почти полный скелет самки со скелетами нескольких щенков, лежащих рядом. Эти данные, а также обнаруженные места большого скопления собачьих копролитов в пространстве кварталов и находки отдельных образцов в жилых помещениях позволяют сделать вывод о том, что собаководство было относительно развитой отраслью хозяйства у населения городка. Совершенно очевидно, что в городке собаки находились круглогодично, и жители занимались их разведением. Часть собак содержалась изолированно, группами, и, возможно, из них формировали ездовые упряжки. Кроме этого, небольшая часть собак проживала свободно и имела доступ во все помещения. Вероятно, они обеспечивали защиту от мышей, которые в изобилии плодились в окрестной пойме. Подтверждением этому предположению может служить тот факт, что в культурном слое городка единичны находки костей мелких грызунов, а их копролиты и гнезда не обнаружены.

Судя по найденным в хозяйственных помещениях заячьим копролитам, летом в городке могли в небольшом количестве эпизодически содержать зайцев, пойманных весной в выводках.

В составе обнаруженных останков птиц доминируют кости, принадлежащие белой и тундряной куропаткам (*Прил. III.* – Табл. IV).

Судя по видовому составу костных останков, промысел животных и птиц проводился, главным образом, в холодное время года, ориентировочно с середины осени (октябрь) до середины весны (апрель). Почти полное отсутствие или незначительное число видов, добыча которых ведется летом, свидетельствует о том, что в этот период население в городке практически отсутствовало (*Прил. III.* – Табл. I, III). Этот факт можно объяснить сезонной миграцией в летний период основных промысловых видов на удаленную территорию. В таком случае окрестности городка могли лишаться основного числа животных и птиц, биомасса которых была бы достаточна для обеспечения пищей всего населения. Домашнего оленя, очевидно, было не так много, а имеющееся количество могло обеспечивать лишь содержание упряжек, то есть транспортные нужды. В настоящее время большие популяции дикого северного оленя в субарктической зоне Западной Сибири отсутствуют. Ныне на обширных пастбищах в тундре полуостровов Ямал и Гыданский их сменили табуны домашних оленей. Но еще в 30-е годы XX века В. Н. Чернецов наблюдал на побережье пролива Малыгина (северная оконечность п-ва Ямал) стада северного оленя, весной мигрирующего на остров Белый и осенью возвращающегося обратно на полуостров Ямал. Судя по всему, до недавнего времени, а именно до XVIII–XIX веков, в этой местности, так же, как и сейчас на Крайнем Севере Восточной Сибири, существовали большие популяции дикого оленя. По крайней мере, в ближайшем соседнем регионе — на полуострове Таймыр — подобная популяция имеется и ежегодно осуществляет сезонные миграции из лесотундровой зоны в тундровую [*Насимович, 1955.* – С. 249–287]. Скорее всего, жители Надымского городка покидали свой населенный пункт, следуя за стадами дикого северного оленя. Вероятнее всего, популяция, обитавшая в надымской лесотундре, мигрировала на полуостров Ямал либо на Гыданский полуостров.

Помимо охоты на северного оленя, большое значение имел пушной промысел. Интересно, что тушки практически всех добываемых видов доставлялись на поселение целиком и разделывались совершенно особым образом. Так, например, головы зайца отделялись, хранились или погребались с соблюдением специфических ритуалов, как и хвосты песцов (*Прил. III.* – Табл. III). Этот факт находит объяснение в этнографических источниках. Существовала система представлений, что эти части скелета не должны небрежно храниться и скармливаться собакам, так как это может вызвать неудачу в текущем и предстоящем охотничьем промысловом сезоне [*Иваськo, Лобанова, 2003.* – С. 69–71]. Таким образом, Надымский городок был, в первую очередь, зимним населенным пунктом, где большую часть занятий населения составляли охота на северного оленя и пушной промысел.

Среди рыб основными промысловыми видами были: щука и представители семейства лососевых — нельма, различные сиговые (муксун, щёкур, пыжьян, сырок) (*Прил. III.* – Табл. V). Обращает на себя внимание малое процентное соотношение количества добываемой рыбы в сравнении с другими промысловыми

группами животных и птиц (*Прил. III.* – Табл. VI). Даже учитывая тот факт, что кухонные отходы после приготовления и употребления пищи из рыбы использовались в качестве корма собак, их число незначительно. Кости птиц также достаточно хрупки и также использовались для кормления собак, но, тем не менее, их обнаружено намного больше. Факт малого количества костных останков рыб может иметь несколько объяснений. Во-первых, в зимнее время в окрестностях городка рыба практически отсутствует, и лов ее малоэффективен, а в летний период в городке оставалось слишком мало людей, чтобы организовать ее заготовку. Во-вторых, ее могли заготавливать в виде порцы — сушеной мелкодробленой рыбы или юрка (юколы) — сушеных бескостных спинок, и это происходило за пределами городка. В любом случае, доля рыбных продуктов в рационе жителей была невелика (*Прил. III.* – Табл. VI).

Интересные данные были получены в результате карпологического анализа образцов культурного слоя, выполненные палеоботаником О. М. Короной в лаборатории ИЭРиЖ УрО РАН [*Кардаш, А-2003*; *2004: Косинцев*]. Для анализа были взяты образцы верхней части культурного слоя с пространства жилой зоны городка и с северо-западной многофункциональной площадки. В результате карпологического анализа проб почвенных монолитов культурного слоя Надымского городка семян и плодов культурных растений не обнаружено. Общее количество семян значительно уменьшается от верхних (дерновых) уровней к нижним. Разнообразие семян невелико: среди древесных преобладает береза, среди травянистых — дикорастущие злаки (различные мятлики), довольно много семян крапивы и мари, другие сорняки встречаются единично. Выявлены семена съедобных растений: морошки, княженики, рябины, черемухи и жимолости (*Прил. III.* – Табл. VII, VIII). Все эти виды, и кроме них — разновидности смородины: красная и черная, произрастают в окрестностях городка. Судя по всему, в летнее время в каком-то количестве эти ягоды заготавливались населением городка для употребления в пищу. При наличии древесины кедра вызывает вопрос отсутствие его семян — кедровых орехов. Скорее всего, это связано с тем, что жители городка в осенний период крайне редко посещали места произрастания кедра.

Интересные выводы следуют из анализа количественного распределения семян в образцах, взятых с разных уровней вскрытого слоя. Верхние уровни наиболее богаты растительными остатками — качественно и количественно. Из древесных растений наиболее многочисленны семена берез (*Betula betula*) (крылатки и чешуи), а среди травянистых преобладают семена крапивы (*Urtica dioica L.*) (*Прил. III.* – Табл. VII, VIII). В нижних уровнях обращает на себя внимание несоответствие большого количества бересты и древесины и очень малого количества семян березы. Этому могут быть следующие объяснения: либо березы (древесина и береста которых обнаружены в образце) были привезены издалека, а не росли здесь, либо на пути вездесущих крылаток и чешуй березы было препятствие, не позволявшее им упасть на исследуемую поверхность. Судя по образцу с северо-западной многофункциональной площадки, которая, безусловно, была открытой, вероятнее первое объяснение. Иная ситуация с семенами крапивы, которая произрастала постоянно. Численность семян крапивы в нижних уровнях северо-западной многофункциональной площадки остается неизменной, а в образце из жилой зоны значительно сокращается. Скорее всего, эта поверхность находилась под крышей, а другие обнаруженные здесь семена были принесены человеком на обуви и одежде. В определенной степени это заключение может свидетельствовать о наличии единой кровли над пространством оборонительно-жилой зоны городка.

Кроме этого, важным палеоэкологическим источником являются образцы древесины, взятые из элементов построек городка и проанализированные по дендрохронологическому методу. Сбор и датировку образцов осуществлял сотрудник лаборатории дендрохронологии ИЭРиЖ УрО РАН В. М. Горячев [*Кардаш, А-1999–2006: Горячев*]. В настоящее время с элементов строений Надымского городка и других остатков древесины, собранных на его территории, взято около 1350 поперечных спилов с бревен, досок и предметов быта. Анализ древесных остатков показал, что для строительства в основном использовалась древесина лиственницы, ели и в меньшей степени кедра.

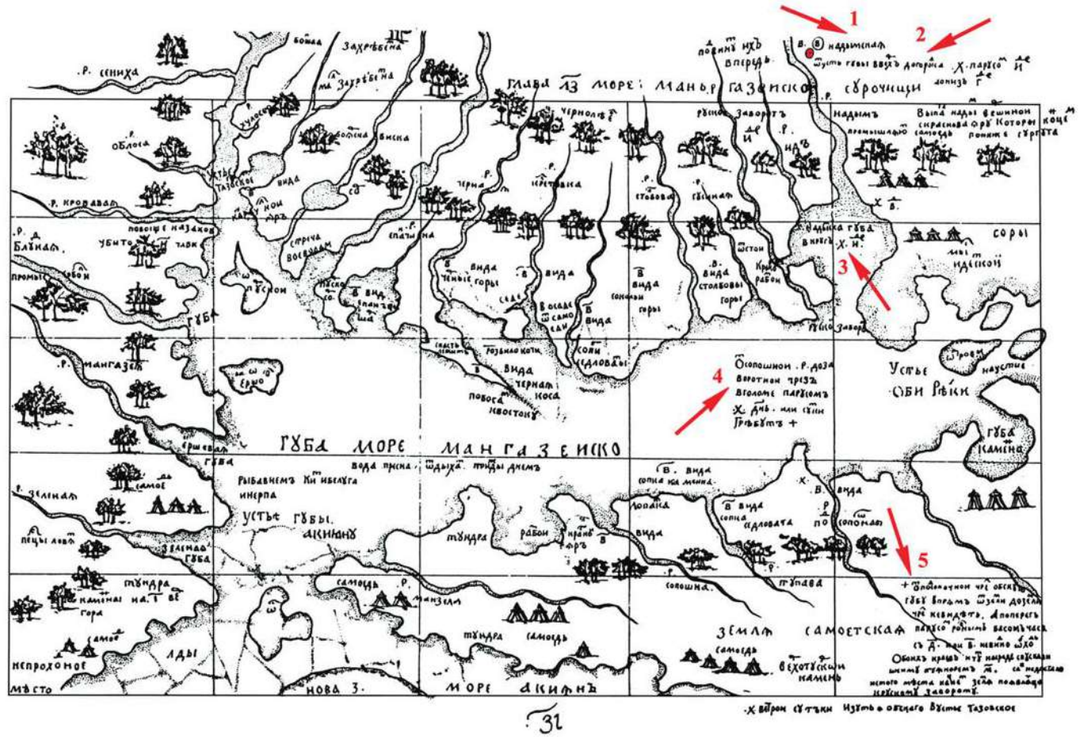
Из полученных образцов оказались пригодными и прошли процедуру датировки около 600. Однако уверенно датированы только около 340. Датированные остатки древесины из верхнего культурного слоя XVII–XVIII веков мощностью около 1,3 м представлены в таблице (*Прил. III.* – Табл. IX). Из ее анализа вытекает, что в этом слое присутствует древесина разного времени. Начиная с XI–XIII веков и до окончания существования городка (1730 г.), в древесине, используемой для строительства или ремонта построек, встречаются деревья, возраст которых составляет 200–350 лет и несколько более. Это указывает на то, что поселенцы

использовали древесный материал из мест, значительно удаленных от городка, где леса являлись доминирующим типом растительности. Отметим, что в настоящее время ближайшие участки, где хвойные породы формируют пойменные леса и лесотундровые сообщества, встречаются на 15–20 км южнее. Статистическая обработка индивидуальных древесно-кольцевых хронологий, построенных по остаткам древесины из Надымского городка, показала, что они имеют достаточно близкие по величине параметры чувствительности и автокорреляции с древесно-кольцевыми хронологиями ныне живущих деревьев ели, лиственницы и кедра, произрастающих в пойменных условиях реки Надым. Это указывает на то, что поселенцы брали деревья с участков пойменных лесов. Появление в этом слое древесины XI–XIII веков свидетельствует о многократном вторичном ее использовании. Судя по хронологии распределения остатков древесины, количество деревьев, синхронных периоду функционирования городка, то есть произраставших и срубленных в XVII–XVIII веках, составляет около 50 процентов (*Прил. III.* – Табл. X). Эти данные позволяют реконструировать следующую систему заготовки древесины для строительных работ. При производстве ремонтов и строительных работ использовалось около трети вторичной древесины от частично пришедших в негодность конструкций и построек городка. Часть деревьев собиралась в период паводка либо после него и доставлялась к городку, это так называемый топляк — деревья с размытых участков берега, длительное время перемещаемые рекой с верховий вниз по течению. Не более половины древесины, скорее всего — около трети, заготавливалось по берегам реки из растущих деревьев и в период паводка сплавлялось к городку. Это позволяет предполагать отсутствие тяглового способа доставки стволов деревьев и реконструировать особый принцип или своеобразную концепцию строительства — максимальное использование природных особенностей для решения трудоемких конструктивных задач. Кроме этого, знание такой системы позволяет несколько по-иному использовать получаемые данные датировки древесины по дендрохронологическому методу, а именно: при датировке какой-либо постройки или уровня опираться не только на полученные непосредственно по образцам из ее конструкций дендрохронологические даты, но и даты построек этого слоя, а также нижележащих конструкций. Кроме того, это дает возможность сравнивать даты, полученные дендрохронологическим методом, с относительной хронологией вещевого комплекса.

Изучение полученных древесно-кольцевых структур позволило получить данные о продолжительности теплых и холодных периодов в последнем тысячелетии (*Прил. III.* – Табл. XI). Понятно, что внешнее воздействие климата на рост деревьев и проживание человека в условиях поймы реки Надым непосредственно не взаимообусловлены, но в комплексе амплитуда, продолжительность и периодичность теплых и холодных периодов, несомненно, оказывали влияние не только на интенсивность жизнедеятельности жителей городка, но и на функционирование всей экосистемы, обеспечивающей его население биомассой [*Горячев, Карасева, 2000*; *Горячев, 2003а, б, в*].

Таким образом, все вышеприведенные данные различных областей исторической науки и других смежных дисциплин позволяют с максимальной достоверностью воспроизвести историю и материальную культуру аборигенного населения Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII веков, что впервые стало возможно благодаря комплексности проведенных исследований.

THE ATLAS OF SIBERIA BY SEMYON U. REMEZOV. – MAUTON AND C^{O}. GRAVENHAGE, 1958. – P. 115



● – Надымский городок

1 – В[олость] Надымская

2 – От усть[я] губы вверх до городка х[ода] парусом 8 де[н] до низа 3 де[н]

3 – Надымска губа в круг х[ода] 8 де[н]

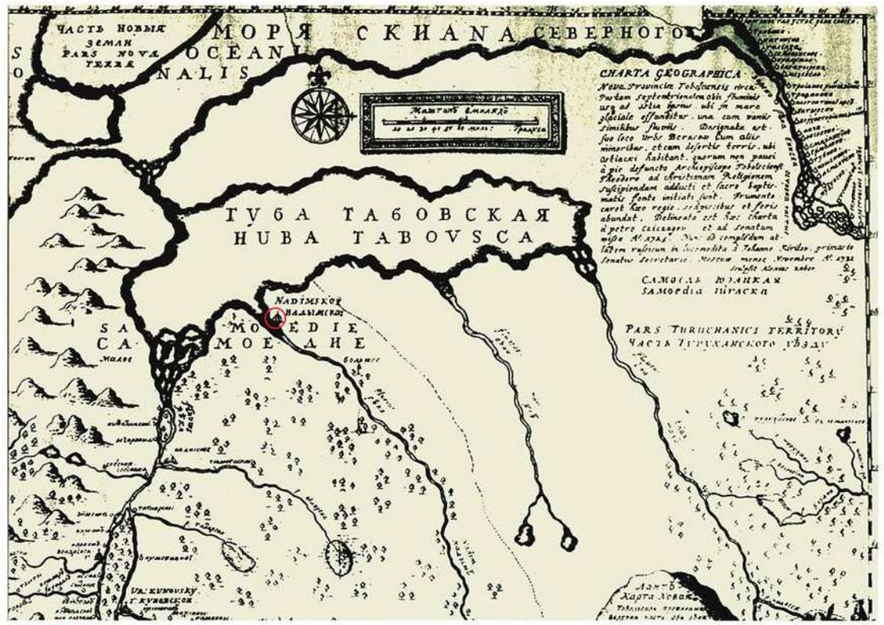
4 – От Сопошной р[еки] до Заворотной через открытое море парусом хо[д] день или сутки гребут

5 – От Подсопошной через Обскую губу напрямую от берега другого берега не видно. А поперек парусом при ровном ветречаса через 4 или 2 станет не видно очертаний обоих берегов, и тут посередине спускали трос с якорем 20 саж[ень], не достали [дна] и с этого места начнет земля появляться к Русскому Завороту

Рис. 1.1. Место расположения Надымского городка на карте XVII века «Море Мангазейско с урочищи». Предположительно 1601–1603 гг. (*по М. И. Белову*)

Рис. 1.2. Место расположения Надымского городка на карте «Чертеж земли Березовского города». Чертежная книга Сибири. С. У. Ремезов. 1701 г.

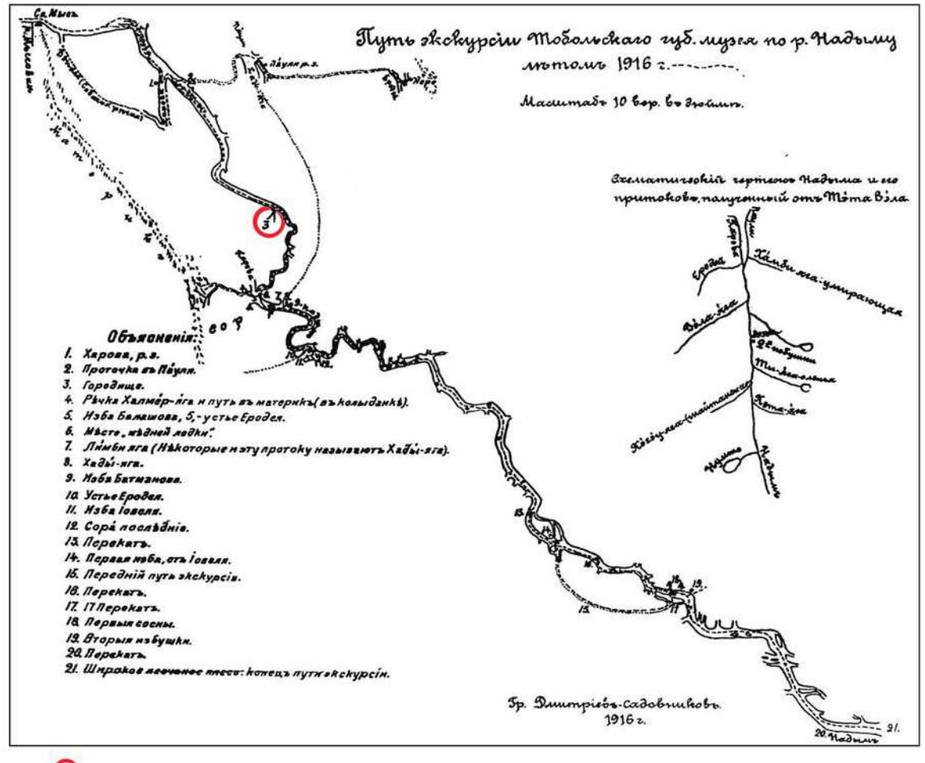
[Юрты] Надымские до Обдорска вод[ным] зим[ним] пут[ем] 3 [восемь] дне[й] х[оду]



– «Надымской» городок

Рис. 1.3. Расположение Надымского городка на карте П. Чичагова. 1727 г. Значок «группа строений с храмом» подчеркивает статус населенного пункта. Место справа от устья р. Надым указано ошибочно

Рис. 1.4. Надымский городок. Вид с востока. Фото Г. М. Дмитриева-Садовникова. 3 июля 1916 г. Фотоархив ТГИАМЗ



– местоположение Надымского городка

Рис. 1.5. Место расположения Надымского городка на карте маршрута экскурсии Г. М. Дмитриева-Садовникова. 1916 г.

Рис. 1.6.

Рис. 1.6. Надымский городок. Общий вид с северо-востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-23/4

Рис. 1.7. Надымский городок. Вид разрушенной части с востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-26/3

Рис. 1.8, 1.9. Надымский городок. Поверхность юго-восточной части городка после пожара. Вид с юго-востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-20/4; 2782-20/3

Рис. 1.10. Надымский городок. Вид осыпи с востока. Фото Г. П. Визгалова. Июнь 1997 г.

Рис. 1.7.

Рис. 1.8.

Рис. 1.9.

Рис. 1.10.

1

2

4

5

6

7

Рис. 1.11. Надымский городок. Выявление палеоантропологических и палеозоологических материалов в процессе раскопок. *1* – верхняя часть скелета (№ 2) женщины 30–39 лет, найденная в восточном углу дома вождя. «Самоедский» квартал № III. Постройка № 8, уч. М, Н/55, 56. Вид с СВ. 2000 г.; *2* – состав скелета (№ 2) женщины 30–39 лет, убитой зимой 1729–1730 гг. в доме вождя; *3* – фрагменты нижней части скелета (№ 1) женщины 35–50 лет, найденные в восточном углу дома вождя. «Самоедский» квартал № III. Постройка № 8, уч. М, Н/55, 56. Вид с ЮЗ. 2000 г.; *4* – скелет собаки (суки), найденный в помещении для животных «остяцкого» квартала № I. Внутренние органы животного вместе с ребрами были удалены перед захоронением (вероятно зимой 1729–1730 гг.). Уч. 3, И/49. Вид с севера. 2000 г.; *5* – скелет одного из четырех новорожденных щенков собаки, найденный в помещении для животных «остяцкого» квартала № I рядом со скелетом суки. Уч. И/48. Вид с севера. 2000 г.; *6* – остатки постели из шкуры оленя, найденные на нарах постройки № 2 конца XVI – начала XVII вв. Вид с ЮЗ. 2001 г.; 7 – скелет песца, найденный на территории северо-западной МФП. Уч. Н/31. Вид с севера. 2001 г.

ГЛАВА 2

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА И АРХИТЕКТУРА НАДЫМСКОГО ГОРОДКА

Проблема полноценной и объективной характеристики древнего общества нередко связана с недостатком данных о непосредственной среде обитания людей — домах, поселениях. Представление культуры ограничивается демонстрацией комплекса бытовавших предметов, часть которых была импортными изделиями. Зачастую пробелы в информации восполняются за счет реконструкций, базирующихся более на домыслах, нежели на реальных источниках. Ныне раскопками исследовано 650 кв. м территории Надымского городка — это практически вся сохранившаяся площадь. В нашем распоряжении имеются остатки построек и общественных сооружений конца XVI – первой трети XVIII веков, степень сохранности которых оптимальна для достоверной реконструкции. Мы впервые получили уникальную возможность восстановить не только архитектуру, но и структуру населенного пункта, что позволяет всесторонне охарактеризовать культуру и общество. Несмотря на утраты, сейчас это первый самый значительный комплекс архитектурно-планировочных данных о позднесредневековом населенном пункте аборигенного населения Северо-Западной Сибири.

2.1. ОБЩАЯ СТРУКТУРА И ВНУТРИТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Надымский городок в настоящее время представляет собой разрушающийся под действием естественных природных факторов памятник, находящийся в процессе изучения (рис. В.8–В.11; 1.1–1.11; 2.1–2.9). Еще в 1916 году Г. М. Дмитриев-Садовников зафиксировал следы первых разрушений водами протоки Хардэ-ясь, которая подмывала берег и вызывала осыпь культурного слоя [*Дмитриев-Садовников, 1918.* – С. 41–42]. С тех пор площадь эрозии берега увеличивалась каждый год. Сегодня стало очевидным, что уничтожено немногим менее половины территории городка. Кроме того, значительный ущерб культурному слою памятника был нанесен в результате пожара 1975 года (рис. 1.6–1.9). Тем не менее по результатам раскопок сохранившейся части городка можно достаточно достоверно реконструировать его планировочную организацию, архитектуру построек и территориальные связи в целом. Сохранность домостроительных конструкций позволяет охарактеризовать его как памятник средневековой архитектуры аборигенного населения субарктической зоны Северо-Западной Сибири.

Надымский городок находится в дельте реки Надым, на острове, искусственно сформированном культурными слоями различных периодов его функционирования. С севера и востока территория городка ограничена краем берега двух проток, сливающихся в единый водоток у его северной оконечности. Именно этот водоток выходит к центральному магистральному руслу реки Надым. Западная и южная части ограничены краем берега пойменного сора (рис. 2.1–2.2). Узкие полосы берегового вала проток тянутся от городка на северо-запад и юго-восток, но вблизи городка имеют промоины, соединяющие сор и протоки. Во время весеннего паводка и летних периодических колебаний уровень воды повышается на несколько метров (от 1,5 до 3,5 м). В эти периоды все вышеперечисленные водные компоненты образуют единую акваторию. Таким образом, на некоторое время поселение периодически становилось островом. В любом случае, все эти водоемы составляют реку Надым, к основному руслу которой был приурочен городок, и поэтому тип заселения городка правомерно определить как речной (рис. В.3–В.5).

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА включала несколько функциональных зон: оборонительно-жилого, хозяйственно-бытового, торгово-гостевого и ритуального назначения. Территория городка имела форму вытянутого овала (подпрямоугольной формы), ориентированного по оси северо-запад – юго-восток (рис. 2.1–2.6; 2.37–2.39). Реконструируемые общие размеры площадки городка составляют 80 × 40 м. В центре площадки, со смещением к руслу протоки, располагалась жилая зона — комплекс построек внутри оборонительного сооружения общими размерами 35 × 20 м (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39). Судя по микрорельефу местности, уцелевшему от пожара, жилой комплекс опоясывала искусственно сформированная из строительного мусора и различных отходов терраса, имевшая высоту, равную уровню пола жилых помещений. В результате исследований было определено, что разные участки террасы имели отличное друг от друга функциональное назначение. Внешне различия зон заключались лишь в особенностях осуществлявшейся на них жизнедеятельности и не имели объемно выраженных на поверхности признаков (перегородок, столбов и т. п.). Поэтому их условно разделили на отдельные площадки: северо-западную, северо-восточную, южную и западную многофункциональные площадки (МФП). Размеры северо-западной и северо-восточной многофункциональных площадок — 20 × 30 м, размеры южной площадки — 35 × 15 м. На площадках осуществлялось приготовление пищи, неспецифическая производственная деятельность и обрядовые действия. Возможно, здесь же стояли чумы приезжих общинников и гостей, велась меновая торговля (западная и северо-западная МФП), находилось место для содержания оленьих упряжек (южная и западная МФП), проводились религиозные ритуалы, включавшие жертвоприношения (южная МФП). Северо-восточная площадка представляла собой склон, примыкавший к руслу протоки Харденясь, шириной 5–10 м.

На планировку и архитектуру Надымского городка изученного периода (конец XVI – первая треть XVIII вв.) повлияло много факторов. В результате исследований были определены основные факторы формирования планировочной структуры жилой зоны городка. Это, в первую очередь, природные факторы: водоемы (русло реки, протоки и озера), направление преобладающих ветров, сезонное направление движения солнца. Дополнительную роль играли стратегические соображения, представления о социальной структуре населения и космологические представления о доме. Кроме этого, вероятно, учитывались направления внутритерриториальных связей: дороги на различные звероловные промыслы (промысловые пути), путь больших сезонных миграций, внутри- и межрегиональные транспортные магистрали.

Одной из главных особенностей архитектуры Надымского городка является тот факт, что формирование места поселения происходило в хронологический период, предшествующий XVI веку. На участке берегового вала протоки в результате функционирования поселения в XII–XVI веках культурными отложениями был искусственно сформирован высокий холм площадью 40 × 80 м и высотой не менее 4,0–5,0 м (рис. 2.7–2.9). Исследованный раскопками строительный горизонт жилого сооружения создавался на заранее сформированной строительной площадке, имевшей форму вытянутого овала. Иными словами, до обустройства территории и строительства жилой зоны городка площадка была так или иначе «инженерно подготовлена». Этот фактор (искусственный рельеф), а также то, что городок имел законченную в плане форму и на протяжении нескольких веков не менял ее, говорит о том, что он возник и формировался не стихийно, а был заранее тщательно спланирован: природные факторы, оборонные функции, космологические представления и территориальные связи обусловили планировочную структуру поселения.

Удалось установить, что городок представлял собой населенный пункт с укрепленной оборонительно-жилой зоной сегментного типа (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39). Ее планировочную композицию составляет овал, сформированный наружной стеной, рассеченный по длинной оси на две равные части улицей — центральным проходом. Внутреннее пространство каждого сегмента дополнительно разграничено перегородками на секторы — кварталы, каждый из которых заполняли прямоугольники построек разных размеров. Поскольку центральная улица разделяет овал жилого комплекса по оси северо-запад – юго-восток, а перпендикулярные ей перегородки расположены по оси северо-восток – юго-запад, образовавшиеся кварталы получили название по сторонам света. Кроме этого, каждый из кварталов был пронумерован римскими цифрами по мере выявления в процессе раскопок (рис. 2.1–2.6.). По мере получения данных смежных дисциплин и атрибуции материалов раскопок названия кварталов приобрели этническую характеристику. Постройки, расположенные внутри кварталов, нумеровались по ходу выявления арабскими цифрами (рис. 2.42–2.46; 2.53; 2.56–2.58; 2.61; 2.65; 2.68; 2.84; 2.87; 2.89; 2.92).

Как известно, круглоплановые (близкие к овалу) поселения (городки) возникают в условиях равнинной местности [*Русское градостроительное искусство, 1993.* – С. 51–54]. Такой тип застройки характерен для территории, не ограниченной природными факторами, обеспечивающими естественную защиту, и применяется для того, чтобы получить возможность использовать максимальную территорию с минимальными затратами на ее оборону. Круглая или близкая к овалу (сегментная) в плане форма городков, крепостей, замков и т. п. была продиктована, в первую очередь, стратегическими факторами в условиях ровной местности, так как именно такие формы имеют наименьший периметр. Небольшие размеры средневековых поселений являлись, прежде всего, следствием ограниченных строительных возможностей. В условиях военной осады городские стены были жизненно необходимы, но представляли собой наиболее дорогие сооружения, на создание и поддержание которых расходовались лучшие строительные материалы. Поэтому их периметр должен был быть минимальным.

На исследованный нами период — с конца XVI по первую треть XVIII веков — планировочная схема оборонительно-жилого комплекса городка реконструируется как четырех-, позднее шестиквартальное сооружение с зеркально-симметричной планировкой относительно центрального прохода (улицы). Есть доказательства, что сооружение имело единое перекрытие. В качестве покрытия для его кровли использовался дерн. Находящийся в условиях плоского рельефа поймы реки Надым городок, вероятно, выглядел монументально. В летнее время он имел вид заросшего высокой травой большого холма, а в зимнее — заснеженной сопки, возвышавшейся над окружающей равниной (рис. 2.35, 2.36). Этот довольно сложный, в условиях отсутствия строевого леса, инженерный ход был нужен не только для сохранения тепла в суровый зимний период, но и для своего рода «мимикрии», скрывающей городок от взора непрошенных гостей (таким образом, выполняя функции обороны).

ВНУТРИТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ городка реконструируются не только на основе комплекса данных, полученных в результате исследований, но также исходя из принципов традиционного природопользования народов Севера и особенностей ландшафтно-географических условий расположения поселения (рис. В.1; В.3).

Городок, напомним, расположен в заливной пойме реки Надым, рассеченной большим количеством проток, почти все пространство между которыми заполняют озера (рис. В.3–В.5). Летом связь с другими населенными пунктами, промысловыми угодьями осуществима только по воде. В этих условиях путешествия, сколько-нибудь длительные и частые, возможны лишь при наличии развитого судоходства и судостроения. Последнее вряд ли возможно, прежде всего, по причине отсутствия в ближайших окрестностях городка древесины, пригодной для изготовления лодок. Неразвитость судостроения подтверждается и отсутствием среди материалов раскопок не только необходимого набора инструментов, но и отходов такого производства. Потребность в лодках, очевидно, удовлетворялась за счет приобретения (получения) плавсредств у жителей отдаленных регионов (*подробнее см. гл. 3.5*).

Тем не менее жители, остававшиеся на летний сезон в городке, для своего жизнеобеспечения должны были пользоваться близлежащими водными артериями. В летний период основные виды промыслов, возможные в окрестностях, — это ловля рыбы и охота на птиц. В связи с частыми переменами погоды, в результате которых обширные водные пространства и магистральное русло становятся опасными для передвижения даже современных маломерных судов, можно предположить следующий способ перемещения, направления и область поездок. Для прохода в соседние водоемы могло использоваться волоковое перемещение, при котором лодка перетаскивается по суше через наиболее узкое пространство между протокой и сором — пережим. Такой способ практикуется хантами и в настоящее время при передвижении по рекам для сокращения пути. В этом случае постоянно доступным становится пространство дельты реки Надым к западу от центрального — основного русла (рис. В.1; В.3). Дальность таких поездок вряд ли превышала 20–30 километров, а продолжительность — два-три дня. Правда, в связи с небольшим числом жителей в летнее время вряд ли интенсивность поездок была большой, а направление связей — определяющим для планировочной структуры населенного пункта.

Основные перемещения по близлежащей территории осуществлялись в зимнее время, когда водоемы покрывались льдом, а в городке проживала основная часть населения. В этот период транспортные связи могли проходить в разных направлениях. Перемещения условно можно разделить на три основных вида.

Первый вид — это дальние миграции на расстояние свыше 300–400 км (до 1000 км). Одной из разновидностей дальних миграций можно назвать периодические военные операции на западных – северо-западных направлениях: Обдорский городок (ок. 300 км), Пустозерский острог (ок. 900 км) и др. О таких передвижениях свидетельствуют данные приведенных нами многочисленных письменных источников.

Второй вид — сезонные миграции северного–северо-восточного направления на летнее время для промысла северного оленя. Перемещение основного населения происходило, скорее всего, весной (в апреле–мае) на север и осенью (в октябре–ноябре) на юг, обратно в городок, когда Обская губа и реки покрыты льдом. Путь миграций на север полуострова Ямал или Гыданского полуострова, видимо, проходил вдоль побережья Обской губы.

Существование системы такого переселения подтверждается несколькими историческими фактами. Во-первых, личными заявлениями одного из жителей Надымского городка «князца» Пося Хулеева о том, что он и его подданные «люди дикие и кочевные», и о том, что «кочевные юртишка, где мы, сироты твои, кочуем и живем, от города от Березова больше двух тысяч верст» (*Прил. I.* – Док. 12). Во-вторых, наличием на северной оконечности полуострова Ямал, в 800 км к северу от Надымского городка, близ мыса Хаэн-Сале одноименного поселения, датированного XVI веком [*Чернецов, 1957.* – С. 234–237; табл. XLVIII – *1–10*]. Полученные при его раскопках данные, и в первую очередь — набор вещей, имеют много параллелей с комплексом предметов, найденных нами при раскопках (*подробнее см. гл. 3 и 4*). На этом основании время функционирования поселения Хаэн-Сале можно расширить до XVII века, охарактеризовать его как сезонное (летнего периода) и связать с населением устья Оби — южного побережья Обской губы, а возможно, и непосредственно Надымского городка.

Третий вид — ближние перемещения к стадам домашних оленей и на охотничьи промыслы. Ближайший лесной массив и лесотундровые пространства, где могли содержаться домашние олени и осуществляться промысел дикого северного оленя и пушных зверей, расположены на коренном берегу реки Надым в 10 км к юго-западу от городка (рис. В.1; В.3). Наиболее короткий путь к ним лежал по льду через систему пойменных озер. Перемещение в этом направлении могло осуществляться на нартах, запряженных оленями или собаками, о чем свидетельствуют обнаруженные в культурном слое городка детали нарт, оленьей упряжи и найденные на дне сора металлические предметы — фрагменты медных котлов и железное кольцо. Исследования показали, что в окрестностях городка добывали белую куропатку и зайца. Такая охота могла производиться на лыжах-голицах. Судя по значительной доле костных останков северного оленя, песца, зайца и белой куропатки в общем количестве добытых промысловых животных, птиц и рыб, промысел этих видов велся достаточно интенсивно и, вероятно, был ежедневным занятием.

2.2. АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА

Как уже говорилось, оборонительно-жилой комплекс городка реконструируется как овальное в плане сооружение длиной до 35 м и шириной до 20 м, вытянутое по оси северо-запад – юго-восток, с зеркально-симметричной внутренней планировкой относительно центрального прохода — улицы (рис. 2.4.–2.6; 2.10; 2.37–2.40). Планировочная структура городка, сформированная в конце XVI века (около 1580 г.), на протяжении всего исследуемого периода претерпевала изменения, и порой значительные, но некоторые элементы и принципы оставались незыблемыми или изменялись несущественно.

НАРУЖНЫЕ СТЕНЫ Надымского городка были не только элементом фортификации жилой зоны, но и важным конструктивным элементом всего сооружения. Вообще, ограждающие и несущие конструкции являются наиболее устойчивыми и постоянными элементами древних сооружений в определенных ландшафтно-климатических условиях. Непрерывно выполняемые из одних и тех же материалов и испытываемые в течение долгого времени, они становятся традиционными.

Многовековой опыт различных народов строительства из дерева привел к сложению конструктивных систем, развивавшихся в практике строительства и традиционно унаследованных зодчеством. Как указывает Г. В. Борисевич, на территории Евразии на протяжении длительного времени сложились две основные

системы возведения фортификационных сооружений: первая — каркасно-стеновая и плетневая клеть, вторая — сруб и обнаженный каркас [*Борисевич, 1995.* – С. 183]. Каркасно-стеновая система является наиболее древней, ее существование отмечено уже в неолите и бронзовом веке [*Борисевич, 1995.* – С. 184]. Считается, что она зародилась в лесостепной зоне и, кроме оборонительных сооружений, применялась при строительстве хозяйственных построек [*Борисевич, 1995.* – С. 184]. При скупом инструментарии она была достаточно трудоемка и требовала определенного мастерства. Сруб — относительно молодая конструктивная система. Возникла и получила распространение 2–2,5 тыс. лет назад в связи с появлением железного топора и других специфических железных орудий деревообработки [*Борисевич, 1995.* – С. 184]. В дополнение к предложенной системе фортификации мы в рамках каркасно-стеновой системы выделяем каркасно-столбовую конструкцию.

Жилой комплекс Надымского городка имел в качестве фортификационного укрепления каркасно-стеновую конструкцию. В конце XVI – первой половине XVII веков на начальных этапах строительства и реконструкции сооружения основу наружных стен составлял сплошной ряд вертикально установленных плах и бревен шириной 15–20 см (рис. 2.6; 2.12; 2.53). На разных этапах функционирования в условиях дефицита дерева конструкция ограждающей стены изменялась. На поздних этапах, в конце XVII – первой трети XVIII веков, она набиралась из удаленных друг от друга столбов разного диаметра (рис. 2.4; 2.5; 2.13; 2.56–2.58). Вертикальные деревянные элементы вмораживались в землю. Пространство между ними заполнялось жердями или ветками, из которых формировался своеобразный плетень, и дополнительно укреплялось пришедшими в негодность деталями конструкций сооружения — досками и плахами. Об этом говорят и сами остатки конструкции, и их различная сохранность.

Высота наружных стен сооружения реконструируется в пределах 3,0–3,5 м. Дополнительно на всю высоту палисада снаружи была сделана насыпь из культурного слоя. Насыпь имела в основании бессистемный каркас из веток и жердей, судя по которому ее ширина могла быть около 1,5–2,0 м (рис. 2.13; 2.32; 2.56– 2.58). В этом случае угол наклона насыпи должен был составлять около 60 градусов. Это достаточно большой уклон, при котором грунт должен был удерживаться еще каким-то способом от наружного оползания и проникновения в пространство жилого комплекса. Представляется вероятным, что при формировании насыпи она могла удерживаться путем замораживания. Впоследствии форму насыпи помогал удерживать слой дерна с высоким травостоем, который достаточно быстро образуется на насыщенном органикой культурном слое городка и имеет дополнительную теплоизоляционную функцию. Вполне возможно, что конструкцию стен к зиме ежегодно намораживали льдом в целях обороны жилой зоны городка. Такой способ делать неприступным свой городок известен по легендам и преданиям хантов [*Кардаш А-1996. – Текстовые приложения*; *Перевалова, 2004.* – С. 153]. И действительно, в такое покрытое ледяным панцирем сооружение крайне сложно было проникнуть неприятелю, особенно если учесть уровень военного дела аборигенов Севера того времени. С другой стороны, намораживание льда могло дополнительно обеспечивать конструктивную устойчивость сооружения даже в летний период, тем более что теплое время в этой части региона довольно непродолжительно, а дерн и щепа обеспечивают определенную теплоизоляцию. Судя по нашему опыту работ, замерзший культурный слой из щепы и органических элементов за летний период (2 месяца) оттаивает не более чем на 0,5–0,6 м, а лед под досками, перекрытыми слоем толщиной 0,2–0,3 м, не оттаивает вообще [*Кардаш, А-1999–2006*]. Использование снега и льда для укрепления и теплоизоляции зимних домов известно не только на севере Западной Сибири; нанайцы Дальнего Востока тоже применяли снег для утепления зимних жилищ [*Лопатин, 1922.* – С. 92]. Возможно, такой технологический прием был широко распространен у многих аборигенных народов Сибири в древности.

КОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕКРЫТИЯ помещения оборонительно-жилого комплекса городка — наиболее сложный элемент сооружения. Его бесспорная реконструкция затруднена, поскольку верхние слои памятника и обнаруженные части кровли имели плохую сохранность. Все же следует заметить, что подобная проблема возникает при любом археологическом изучении древних построек, поскольку исследователь в подавляющем большинстве случаев имеет дело с фундаментами строений. При раскопках Надымского городка получено намного больше данных о конструкции кровли, нежели на любом из раскопанных археологических памятников севера Западной Сибири. По нашему мнению, наличие общей кровли подтверждается серией фактов, не оставляющих сомнения в ее существовании и позволяющих воспроизвести ее максимально достоверно.

Во-первых, описание городка Г. Ф. Миллера 1740 года содержит данные о том, что городок состоял из «юрт, засыпанных землей». Во-вторых, на территории квартала № I под дерновым слоем зафиксированы остатки дощатой конструкции, перекрывавшей пространство между отдельно стоящей постройкой № 7 и внутренней перегородкой с кварталом № III (рис. 2.14–2.17). Кроме этого, и на других участках в верхнем слое были найдены фрагменты дощатого перекрытия, не относящегося к отдельно стоящим постройкам. В-третьих, обнаружены остатки кровли постройки № 7. Каркас кровли был выполнен из веток ивы и перекрыт листами бересты, сшитыми между собой (рис. 2.17; 2.69; 2.71). Остатки аналогичных крыш зафиксированы и у других построек «остяцких» кварталов № I и № II. Такие кровли не способны выдерживать больших нагрузок, не только снеговых, но и ветровых. В-четвертых, в пространстве оборонительно-жилого комплекса зафиксирована система опорных столбов диаметром от 15 до 30 см, не связанных ни с конструкцией наружного ограждения, ни с постройками. В-пятых, наличие на порогах всех жилых домов следов многочисленных порубов и элементов ремонта, свидетельствующих об их интенсивном использовании в процессе деревообработки (двери зимой были часто открытыми), что вряд ли было возможно без дополнительной защиты пространства. В-шестых, у основания наружной стены «остяцкого» квартала № II найдены фрагменты истлевших балок со следами сильной закопченности. Балки сечением 15 × 25 см вряд ли использовались для размещенных в квартале построек, размеры которых не превышали 2,5 × 2,5 м. И последний факт — отсутствие в пространстве жилого комплекса многочисленных семян ряда растений, в частности крапивы, распространенных за его пределами, что зафиксировано в результате карпологического анализа почвенных монолитов культурного слоя городка (*Прил. III.* – Табл. VII, VIII). Это также свидетельствует о наличии искусственной преграды над помещением оборонительно-жилого комплекса.

Принимая во внимание вышеприведенные факты, а также особенности климатических условий субарктической зоны Северо-Западной Сибири, сложно представить имеющиеся перед глазами остатки сооружения жилого комплекса городка не защищенными единой кровлей. Очень плотная застройка жилой зоны и чрезвычайно узкие проходы как к строениям, так и между ними не могли эксплуатироваться в зимнее время без единого перекрытия всего комплекса. Логику единого перекрытия диктует не только необходимость защиты построек от больших снежных масс зимой, но и от штормовых ветров и дождей в летнее время, когда основное население покидало городок.

Конечно, исходя только из современных представлений о деревянной архитектуре, большей частью основанных на памятниках русского деревянного зодчества, единую кровлю над сооружением жилого комплекса представить сложно [*Русское градостроительное искусство, 1993*]. Особенно сложно она реконструируется для западного и северного «остяцких» кварталов, так как остатки мощных вертикальных стоек не укладываются в единую систему, а наружные стены «палисада» должны были нести большую часть ветровых и снеговых нагрузок.

Тем не менее, пространство кварталов Надымского городка по размерам невелико — в среднем 10 × 10 м, к тому же оно было ограничено наружной стеной и достаточно мощными стеновыми ограждениями улиц, сложенными из горизонтальных рядов бревен, закрепленных вертикальными стойками. Ширина улиц не превышала 1,0–1,2 м. По-видимому, тут была применена система перераспределения нагрузки перекрытия через достаточно мощные балки (ригели) и прогоны. Таким образом, если сохранившиеся плахи перекрытия располагались в меридиональном направлении перпендикулярно к основной широтной оси (главной улице), то балки были уложены в том же направлении и могли опираться, например, одним концом на внутреннюю несущую стену, которая ограничивает улицу, а другим — на стойку (рис. 2.19).

Другой, вариант, который мог применяться параллельно с вышеописанным, заключается в следующем. Балки могли монтироваться приблизительно в том же направлении и распределять нагрузку на две стойки, одна из которых входила в систему стены палисада, а вторая — располагалась внутри квартала (по принципу вешала). Эти «вешала» могли располагаться достаточно хаотично, но должны были обеспечить опору достаточного количества менее мощных балок-прогонов (толстых жердей), установленных в широтном направлении параллельно центральной улице. Колотые плахи перекрытия опирались, в свою очередь, на прогоны и шли в меридиональном направлении. Таким образом, перекрытие абсолютно не зависело от ограждающей конструкции наружной стены. Что касается центральных кварталов с большими домами, то расположение квадрата несущих стен жилища в центре квартала облегчало задачу перекрытия этих пространств. Очевидно, эти дома также имели свое внутреннее перекрытие по балкам (рис. 2.88).

За счет глубокой врубки балок в стойки ограждающей стены конструкция перекрытия могла быть немного ниже концов частокола. Это позволило бы произвести засыпку перекрытия слоем дерна и удерживать ее от оползания. Возможно, в качестве гидроизоляции кровли могла использоваться береста. Дерновые кровли — очень древние и эффективные, влага практически не проникает глубже 15 см. Соответственно, можно предположить, что земляной слой вряд ли был более 20–25 см. Мерзлота подстилающего слоя не дает основаниям опорных столбов не только проседать, но и тлеть, поэтому конструкция перекрытия могла долго оставаться стабильной. Зафиксировано несколько оснований опорных столбов со следами срубки по уровню дневной поверхности. Очевидно, что в первую очередь приходили в негодность верхние части конструкции перекрытия, и при ремонте кровли вмерзшие опорные столбы приходилось срубать и устанавливать рядом новые (рис. 2.21; 2.23; 2.56–2.58).

Жилища, располагавшиеся внутри квартала, имели свою кровлю с дымовым отверстием над открытым очагом или чувалом. Разница температур создавала хорошую тягу. Дым предохранял конструкции деревянного перекрытия от гниения. В пространстве квартала № II были найдены фрагменты сильно закопченных балок, которые вторично использовались для компенсации депрессий слоя, образовавшихся в местах проходов между постройками. Прогнившие внутри детали сохраняли форму в основном за счет прокопченного наружного слоя. Кроме того, в задымленном пространстве между домами и кровлей создавались пригодные условия для хранения продуктов и, к примеру, вяления мяса, а также для хранения одежды и дезинфекции ее от паразитов. Проветривание и просушивание конструкций осуществлялось не только за счет входных дверей улицы, но и за счет люков, которые должны были размещаться в кровле, через них же происходило и окончательное удаление дыма. Их наличие подтверждается обнаруженными остатками основания лестницы на улице.

Наличие над постройками сплошной конструкции перекрытия и ограждающих стен, образующих дополнительно воздушную прослойку, должно было хорошо предохранять население городка, имевшее слабоутепленные жилища, от зимнего холода, непогоды и ветра. Вместе с тем единая кровля ограждала пространство от естественной инсоляции. Жителям городка необходимо было каким-то образом решать проблему освещенности внутри замкнутой конструкции. Причем отсутствие единой кровли над сооружением не решило бы эту проблему, особенно полярной зимой, когда относительно светло в среднем два-три часа в сутки.

Расположенные в кровле люки помимо функции проветривания явно использовались для освещения. Косвенно подтверждают наличие световых люков в кровле на центральной оси и маркируют места их расположения изрубленные пороги домов, обращенных на улицу. Очевидно, что какие-то виды деревообработки производили на жестко закрепленных фундаментах проёмообразующих конструкций, где имелось достаточное освещение. К примеру, порог постройки № 8 (дома вождя), значительно удаленный от центрального очага и не освещаемый им), сильно изрублен и имеет следы многочисленных ремонтов (рис. 2.87). Очевидно, что он освещался через такое световое окно — люк, сделанный в кровле напротив предвходового пространства. Люк, скорее всего, представлял собой срубную раму, опиравшуюся на несущие стены, ограждавшие улицу. Вероятнее всего, можно предположить конфигурацию, близкую к квадрату. По-видимому, выход на кровлю через люки осуществлялся по внутренним лестницам. Для освещения в зимнее время люки могли закрывать льдинами. Такой способ известен у народов Севера в XVIII веке: «…на потолок насыпают земли, на котором вырублено четверо-угольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается» [*Зуев, 1947.* – С. 28–29].

Однако остальное пространство и помещения остаются мало освещенными, в особенности хозяйственные постройки. В вещевом комплексе городка обнаружены предметы, интерпретируемые на основе этнографических данных как держатели фитиля жировых светильников (*см. гл. 3*). Впрочем, такие светильники могли обеспечивать лишь очень тусклое освещение помещения. Вместе с тем огонь в очаге принято зажигать в основном лишь для приготовления пищи, а тлеющие угли в очаге также могли давать лишь слабое освещение. В коллекции имеются предметы, интерпретируемые как дощечки для окуривания — ритуального действия по «очищению» пространства, вещей и людей, на которых имеются следы от сжигания жировой смеси. Теоретически их или им подобные также могли использовать и для освещения. Пока же эта проблема остается до конца не решенной. Возможно, ответ кроется в особенностях зрения аборигенов. Длительное проживание в условиях Крайнего Севера могло сформировать физиологическую способность видеть при очень слабом освещении. Вероятно, эта способность нашла отражение в ненецких легендах

о древнем народе «сиртя», живущих в недрах возвышенных сопок, опасавшихся дневного света, от которого у них лопались глаза, и выходивших только по ночам [*Лашук, 1968.* – С. 190].

Кроме того, в итоге становится понятным, зачем был устроен столь крутой уклон земляного пандуса наружных стен городка: не только сделать внутреннее пространство городка неприступным, но и затруднить доступ на крышу. Снаружи по такому уклону попасть на кровлю очень сложно. Трудно достоверно восстановить стратегию обороны городка при осаде, но можно предположить, что бойницы в стенах для ведения ближнего боя отсутствовали. У населения городка бытовали сложносоставные луки довольно больших размеров: длиной около 1,8–1,9 м. Применение такого лука в пространстве жилого комплекса маловероятно. Очевидно, для обороны использовалось пространство кровли. Об этом также упоминается в тексте вышеприведенной легенды «О происхождении рода Нядонги»: «Хромой взял лук, много стрел. Сел на нарту сверху землянки. Начал стрелять. Перебил всех врагов» (*Прил. II.* – Легенда 2). Так или иначе, люки служили выходом на эксплуатируемую кровлю. Доказать их возможное количество можно только по сохранившимся на центральной улице порогам домов. Поскольку геометрия кварталов зеркально-симметричная, то число люков — предположительно три. Но не исключается, что люки могли быть и на боковых ответвлениях центральной улицы. Объем, нуждающийся в проветривании, был очень велик, и трех люков для этого явно недостаточно. А то, что основное проветривание шло с улиц, подтверждает тот факт, что все внутренние несущие стены уличной ограды имеют продухи.

КОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНИХ ВХОДОВ реконструируется по остаткам входа в городок, располагавшегося в северо-западной оконечности центральной улицы — основной широтной оси, пронизывающей жилой комплекс городка (рис. 2.4–2.6; 2.20–2.32). Принцип, лежащий в основе его конструкции, в целом аналогичен конструкции входов в исследованные жилые помещения. Поэтому можно предполагать, что все другие внешние входы строились по этой же схеме. Различия могли быть в размерах дверного проёма, что связано с эргономикой, поскольку известно, что в городке проживало разноэтничное население, различающееся в том числе и ростом.

Зафиксировано пять стадий реконструкции северо-западного входа в промежутке времени с конца XVI века (около 1580 г.) по 1730 год (рис. 2.4–2.6; 2.20–2.32). В сравнении с наружными стенами, надежности конструкций входа придавалось большее значение. Все элементы выполнялись из достаточно массивных бревен или брусьев. Вполне вероятно, что этапы реконструкции входа можно связать с этапами реконструкции всего жилого комплекса.

Северо-западный вход в сооружение предварял небольшой коридор, размеры которого варьировались в разные периоды: 1,2–1,9 × 0,8–0,9 м. Справа и слева пространство ограничивал частокол, выполненный из вмороженных в грунт толстых бревен, образовывавших вместе с перекрытием своего рода нишу непосредственно перед входом внутрь сооружения (рис. 2.4–2.6; 2.20–2.32). Вход закрывался одностворчатой дверью без петель.

Проёмообразующая конструкция северо-западного входа на протяжении изученного периода выполнялась в двух основных вариантах. Первый, вероятно, изначально планируемый, предполагал укладку в основание дверного проема толстого бревна — фундамента, в поперечные пазы которого вставлялись вертикальные стойки проёма. Чаша под дверной шарнир находилась с правой стороны от входа, что говорит о направлении открывания двери — направо внутрь помещения. Размеры двери незначительно изменялись со временем и колебались в пределах 110 × 70–90 × 60 см. Вероятно, на вертикальные стойки проёма накладывался аналогичный фундаменту вершник, в котором находилось верхнее крепление шарнира двери и на который укладывался горизонтальный набор бревен, закрывавший верхнее пространство коридора. Проемообразующая конструкция фиксировалась вертикальными столбами предвходового коридора и аналогичными столбами после входа.

Второй вариант проёма выполнялся с использованием мощных вертикальных столбов, на которых монтировалась дверная конструкция, также открывавшаяся внутрь фортификационного сооружения. По-видимому, в вертикальные стойки врезалась плаха — вершник с четвертью. Пространство между столбами над дверью было набрано в заплот. Проём такой конструкции воспроизводился два раза, причем в сочетании с послевходовым тамбуром. Первоначально вход в городище дополнительно не ограничивали внутренним тамбуром. Но в результате реконструкции, производившейся во второй четверти XVII века (около 1625–1650 гг.),

он появился. Тамбур был образован несущими стенами широтной улицы между западным и северным «остяцкими» кварталами (рис. 2.5; 2.22–2.25). Размеры тамбура составляли 1,6–1,7 × 0,8–0,9 м. Проход из тамбура вел в северный квартал, а стена, граничащая с западным кварталом, была глухой. С внутренней стороны сооружения тамбур ограничивался поперечной перегородкой, основанием которой служило бревно с продольным пазом, зафиксированное между двух вертикальных опорных столбов, также имевших продольные пазы, в которые, очевидно, закреплялись доски, составляющие перегородку, выполненную в технике заплота (рис. 2.5; 2.22–2.25; 2.31–2.32).

По-видимому, первоначально в конце XVI века (около 1590 г.) перегородка и образованный ею тамбур не были предусмотрены в конструкции входа. Тот факт, что позднее, при очередной реконструкции перегородка была восстановлена и функционировала до конца XVII века, подтверждает предположение об ее важном стратегическом оборонном значении, которое она утратила только в первой трети XVIII века. Очевидно, что ее появление и исчезновение были следствиями изменений внутренней военно-политической ситуации в регионе, а именно — необходимостью дополнительной защиты в зимнее время резиденции вождей Большой Карачеи, проводившей в середине и конце XVII века активные военные действия, в частности — длительные по времени военные операции. Достаточно вспомнить нападение на Пустозерск в феврале 1642 года и разграбление Пустозерского уезда на протяжении четырех недель, а также осаду в марте 1679 года Обдорского городка — резиденции вождей Обдорского княжества.

В первой трети XVIII века функционировал первый вариант входа, отличавшийся от изначального тем, что вертикальные столбы имели вильчатое основание для фиксации в бревне-фундаменте. Как минимум один аналогичный вход в жилой комплекс находился на восточной оконечности центральной улицы, и предположительно еще по одному подобному входу могло располагаться с северной и южной сторон сооружения. На данном этапе исследования их наличие представляется логичным, исходя из необходимости кратчайшего проникновения к центральным третьему и пятому кварталам, связываемым с проживанием семьи вождя. Кроме этого, ими должны были обеспечиваться проходы к водоемам — протоке и сору, а также дополнительная вентиляция пространства.

ВНУТРЕННИЕ СТЕНЫ (ПЕРЕГОРОДКИ) формировали центральную улицу и многоквартальную структуру городка. Изначальная конструкция стен, ограничивающих квартальную застройку, видоизменялась в процессе функционирования и реконструкции жилой зоны по причине дефицита материалов, но в целом оставалась неизменной. Изначально на всем протяжении, а позднее только на участках наиболее «престижных» кварталов стены формировались горизонтально уложенными бревнами или плахами диаметром 15–18 см. С двух сторон стены были зафиксированы вертикально установленными кольями разного сечения и размера — от 10 до 15 см (рис. 2.4–2.6; 2.32–2.34; 2.43–2.46). Бревна на углах не сращивались в замки врубками, а просто примыкали друг к другу (рис. 2.33–2.34; 2.55–2.58). По длине бревна также не сращивались строительными замками. В сохранившихся фрагментах внутренних несущих стен фиксируются продухи (отдушины) для циркуляции свежего воздуха внутри кварталов и удаления дыма (рис. 2.33). Очевидно, что для полноценного воздухообмена такие продухи были необходимы в нижней и в верхней частях стен. В перегородках были устроены проёмы (скорее всего, на высоту двери), ведущие непосредственно к доминирующим постройкам кварталов и во внутренние пространства кварталов. Проёмы представляли собой промежуток в стеновом наборе бревен и плах. В каждой перегородке был индивидуальный вход в жилую постройку. Сравнительный анализ результатов раскопок всех лет показывает, что столбы, фиксирующие перегородки, находились на разных уровнях. Это означает, что их периодически наращивали по мере накопления культурного слоя. Также местами для наращивания набора стен использовались фрагменты досок и плах, оставшихся после строительных или ремонтных работ. Внутренние перегородки выполняли не только функцию разграничения пространства жилого комплекса, но и другие, в частности — несущую. Перегородки и фиксирующие их столбы являлись опорами конструктивных элементов, формирующих конструкцию кровли. Кроме этого, они имели теплоизоляционную функцию, обеспечивая определенный микроклимат. Внутренние несущие стены создавали препятствие как для переохлаждения внутреннего пространства, так и для чрезмерного оттаивания замерзшего слоя в основании сооружения.

Таким образом, оборонительно-жилой комплекс Надымского городка реконструируется как *фортификационное сооружение* со специфической конструкцией системы обороны, основанной на особенностях

локальных ландшафтно-топографических условий. Хорошую защиту городка в зимнее время, когда в нем проживала основная масса населения, обеспечивало использование льда, а в летнее, когда его покидали жители, защищала маскировка под сопку — естественный элемент ландшафта.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РЕКОНСТРУКЦИЙ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛАНИРОВКИ пространства жилого комплекса городка достоверно может быть воссоздана пока лишь для изученного периода (конец XVI – первая треть XVIII вв.). Какие-либо сведения о первоначальной планировочной структуре в настоящее время отсутствуют. Можно лишь предположить, что к этому этапу до XVII века относится возникновение первоначальной жилой зоны и внешнего укрепления, получивших свое дальнейшее развитие по мере установления и развития военно-административных, транспортных и ремесленных функций городка. Очевидно, что в этот период создавалась «строительная площадка» и формировалась «концепция» его будущего строительства. Тем не менее, данные об этом периоде могут быть получены только в результате дальнейших археологических раскопок нижних слоев.

Планировочная структура жилого комплекса городка в исследованный раскопками хронологический интервал (конец XVI – первая треть XVIII вв.) формировалась в пространстве овала, разделенного на два сегмента центральным проходом (улицей). Такая структура функционировала и возобновлялась на протяжении всего последнего периода существования городка (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39). Изменения происходили лишь во внутренней планировке сегментов. Это явно свидетельствует о значимости, традиционности и самостоятельности общей концепции архитектуры сооружения и его основных элементов: наружных стен, внутренних несущих стен, формирующих улицу, и конструкций перекрытия комплекса.

Каждый из сегментов был разделен на секторы — жилые кварталы — перегородками, перпендикулярными центральной улице. Такое разграничение внутреннего пространства каждого сегмента позволяет охарактеризовать общую планировку жилого комплекса городка как *уличную, прямоугольно-прямолинейную*. Наличие в застройке северного и южного сегментов жилых построек, обращенных друг к другу выходами (в западном и северном «остяцких» кварталах), позволяет дополнительно охарактеризовать ее как *зеркально-симметричную*. Планировка и архитектура застройки сегментов изменялись со временем. Неизменными оставались контуры внешних конструкций и основной оси, а также соблюдение принципа зеркальности (рис. 2.4–2.6; 2.10; 2.37–2.40).

Постройки, расположенные внутри оборонительно-жилого комплекса, на протяжении всего исследованного раскопками периода, а это примерно 130–150 лет с конца XVI века, неоднократно реконструировались. Причем перестройка происходила без извлечения не только основания строения, но и настила пола и нар. Каждое новое здание строили поверх остатков предшествующего, используя его в качестве фундамента. Таким образом был сформирован культурный слой, содержащий остатки всех этапов реконструкции жилого комплекса городка.

В условиях отсутствия данных о ранних периодах застройки городка (до конца XVI в.), когда невозможно построить общую периодизацию функционирования населенного пункта с момента его основания до последних дней существования, представляется логичным охарактеризовать и обозначить этапы застройки внутри изученного периода (конец XVI – середина XVII вв.) хронологическими рамками. По данным дендрохронологического анализа конструктивных элементов сооружения и отдельных построек были намечены хронологические интервалы, в которых укладывались даты реконструкций жилого комплекса. Наиболее радикальные перестройки происходили в 1590–1595 годы, 1620–1630 годы, 1650–1655 годы, 1690–1695 годы и 1725–1730 годы. Производившиеся в это время строительные работы включали ремонт или замену обветшавших конструкций фортификационного сооружения, а также жилых и хозяйственных построек. Тем не менее, строить периодизацию только на основе дат реконструкций не совсем корректно, поскольку при одних реконструкциях производилась лишь замена старых элементов, а при других — менялась планировка и даже архитектурный облик построек. Представляется наиболее правильным в качестве критерия выделения этапов, помимо хронологического признака, взять факт радикального изменения планировки и архитектуры пространства жилого комплекса. В этой связи в рамках исследованного раскопками периода функционирования Надымского городка можно выделить два основных этапа изменения и развития его планировочной структуры и архитектуры. Первый этап — с конца XVI по середину XVII веков, получивший название «предпоследний», и второй этап — с середины XVII по первую треть XVIII веков, названный «последним».

Вероятно, что в выделенных условно этапах развития городка отражаются и некоторые политические изменения, происходившие на территории Северо-Западной Сибири, в частности — начавшаяся в последней четверти XVI века так называемая активная «русская колонизация Сибири» — официальная экспансия с целью фактического присоединения «земель Сибирских» к государству Московскому. Этот процесс не только сопровождался приходом русскоязычного населения с новыми культурными традициями, но и вызвал миграции в среде аборигенных жителей. Именно в этот период на территории Субарктики появляются новые домостроительные традиции и технологии с соответствующим набором инструментов, которые можно было не только оценить, но и заимствовать. Все это так или иначе влияло на архитектуру поселений коренных жителей и отражалось в материальной культуре.

В начале «предпоследнего» этапа — в конце XVI века — в каждом из сегментов городка сформировалась двухквартальная структура. Размеры «самоедского» (южного) квартала № V восстанавливаются в пределах 14–15 × 9–10 м (рис. 2.6; 2.39; 2.90–2.92). В нем и, вероятно, аналогичном квартале № VI (восточном) были построены большие дома каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом и наружной галереей. Постройки такой или близкой архитектурной традиции известны на территории Северо-Западной Сибири по археологическим данным как минимум с середины первого тысячелетия н. э. [*Фёдорова Н. В. и др., 1991.* – С. 126–145; *Зыков и др., 1994.* – С. 8–42; *Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 44–73]. Судя по этнографическим данным, фиксирующим здесь «древнесамодийское» население — *пяков* (*пяд' хасово)*, эти постройки можно соотнести с сооружениями предков данной этнической группы [*Кардаш, А-2000: Мартынова*]. На принадлежность построек автохтонному и, кроме того, более привилегированному населению указывает расположение домов в наиболее освещенной, теплой, защищенной от северных ветров южной части жилого комплекса.

К северо-западу от «самоедских» кварталов № V и № VI располагались «остяцкие» кварталы № I и № II (рис. 2.6; 2.39; 2.51–2.53). Размеры «остяцкого» (западного) квартала № I составляют 19–20 × 9–10 м. В его пространстве размещались восемь отдельно стоявших построек жилого и хозяйственного назначения и три хранилища (погреба) для пищевых продуктов. Шесть построек располагались в два ряда параллельно центральной улице и две — в один ряд. Судя по сохранившейся части, северный «остяцкий» квартал № II имел аналогичную внутреннюю планировку. При большой схожести материальной культуры населения Надымского городка в целом этническая атрибуция этих кварталов не вызывает больших сомнений. Факт проживания остяков засвидетельствован письменными источниками, о которых говорилось выше. Предметы материальной культуры, найденные в пространстве северного и западного кварталов, и их архитектура находят больше всего аналогий в хорошо изученной и описанной культуре остяков начала XX века и современной хантыйской [*Дунин-Горкавич, 1994*; *1995*; *Сирелиус, 2001*; *Мартин, 2004*; *Мартынова, 1998*; *Сязи, 2000*; *Перевалова, 2004*].

Последний этап — с конца первой трети XVII века (около 1620–1630 гг.) по 1730 год — характеризуется существенными изменениями в планировке жилого комплекса и архитектуре построек. В этот период формируется шестиквартальная структура жилой зоны, усложняется конструкция входов, изменяется архитектура как «самоедских», так и «остяцких» построек (рис. 2.4; 2.5; 2.10; 2.11; 2.37; 2.38; 2.40; 2.41; 2.51–2.53; 2.82; 2.83). Окруженный кольцом ограждающей фортификационной конструкции, жилой комплекс располагал некоторыми территориальными резервами только в начале своего развития. С течением времени все свободное пространство было застроено, и дальнейшее уплотнение застройки могло происходить лишь за счет уменьшения размеров построек либо уничтожения части построек, поскольку сооружение капитальных оборонительных конструкций определило «генплан» городка с конца XVI века (около 1590 г.) на весь оставшийся период его существования. При таких условиях любая радикальная реорганизация пространства должна была иметь важные причины.

Процедура реконструкции, предположительно, была таковой. В южной части «остяцкого» квартала № I поверх шести небольших построек жилого и хозяйственного назначения (постройки № 10, 11, 13, 14, 15, 16), между которыми размещались три погреба для хранения продуктов, был сооружен один большой дом каркасно-столбовой конструкции с центральным очагом (постройка № 8) и хозяйственная пристройка к нему (рис. 2.5; 2.11; 2.38; 2.85–2.89). От северо-западной части квартала он был отделен перегородкой из бревен. Таким образом возник новый северо-западный квартал № III, близкий по архитектуре южному кварталу № V. В этой связи он также назван «самоедским».

Судя по остаткам углового сопряжения перегородок, ограничивающих северный «остяцкий» квартал № II, в его пространстве также был сооружен новый квартал № IV (рис. 2.5; 2.38; 2.55; 2.58; 2.61; 2.65). Исходя

из принципа зеркальности застройки сегментов жилого комплекса городка и судя по наличию остатков угла большой постройки с дощатыми стенами, можно предположить, что в этом квартале был размещен дом, аналогичный постройке № 8 юго-западного квартала (рис. 2.5; 2.38).

После этой реконструкции размеры западного «остяцкого» квартала № I сократились до 9–10 × 9–10 м. В нем остались две жилые и одна хозяйственная постройки и помещение для содержания (разведения) животных (собак). В результате реконструкции северного «остяцкого» квартала № II его размеры также стали 9–10 × 9–10 м и, кроме этого, уплотнилась застройка (рис. 2.5; 2.38; 2.54–2.68). К размещавшимся в этой части квартала двум жилым и одной хозяйственной постройкам (№ 2, 3, 5) добавились две жилые постройки (№ 1 и 4), функционировавшие непродолжительное время и явно втиснутые в ограниченное пространство.

Таким образом, на последнем этапе — с середины XVII по первую треть XVIII веков — архитектурный ансамбль Надымского городка составляли шесть кварталов: два «остяцких» и четыре «самоедских» (рис. 2.4; 2.5; 2.10; 2.11; 2.37; 2.38; 2.40; 2.41; 2.82; 2.83). В западной части — «остяцкие» кварталы № I и № II (западный и северный) общими размерами 20 × 10 м, с относительно зеркальной планировкой, внутри каждого из которых располагались отдельные жилые и хозяйственные постройки: в первом (западном) — две жилых, одна хозяйственная и помещение, предназначенное для содержания животных; во втором (северном) — пять построек: четыре жилых, одна хозяйственная. В средней части — «самоедские» (древне-ненецкие) кварталы № III и № IV (юго-западный и северо-восточный) общими размерами 20 × 11 м; в каждом находилось по одному большому дому, которые принадлежали семье вождя Большой Карачеи. В восточной части — «самоедские» (древнесамодийские) кварталы № V и № VI (южный и восточный) общими размерами 20 × 14 м; в каждом находилось по одному большому дому, принадлежавшему предкам пяков.

Небезынтересен вопрос: в чем же причина таких изменений? Вполне возможно, что эта радикальная перестройка является отражением или следствием событий, изложенных в легенде «О примирении родов Пяков и Анагуричи». Она, напомним, повествует о том, что в прошлом Анагуричи (*ям хасово* — «береговые») воевали с соседями (*педэра хасово* — «лесными») из-за земель в тундре и примирились только после того, как Анагуричи выдали девушку за Пяков, а Пяки — за Анагуричи (*Прил. II.* – Легенда 1). Не является ли это свидетельством заключения междинастического брака с целью разрешения конфликта и для создания новой правящей династии, способной свободно управлять лесными и тундровыми общинами не только лесных и тундровых «самоедов», но и «остяков»? В пользу этой гипотезы свидетельствует ряд косвенных данных. В частности, комплекс фактов, позволяющих интерпретировать постройку № 8 как дом вождя, семья которого относилась к антропологическому типу, близкому современным ненецким популяциям. И если события развивались так, как мы себе представляем, то становится понятной причина, побудившая остяков покинуть городок перед нападением врагов. Ведь именно за счет принадлежавшей им территории жилой зоны и построек в середине XVII века была создана новая резиденция для «правящего дома», по отношению к которому остяцкое население, как и прежде, оставалось зависимым.

Надымский городок периода середины XVII – первой трети XVIII веков, вероятно, становится военно-политическим центром и зимней резиденцией вождей Большой Карачеи. В данный временной промежуток городок сохраняет свою сложившуюся к этому времени территориальную и композиционную градостроительную целостность. Подновление построек проводилось, по мере надобности, внутри самих кварталов. Большей частью это касалось жилых построек остяков. Вероятно, их строительные технологии уступали по качеству тем, которыми владели пяки. Следствием этого при интенсивной эксплуатации здания является более сильный износ конструкций. К тому же, при полном отсутствии дерева, чтобы накопить хороший строительный материал, пригодный для постройки нового дома, требуется не один сезон. Об этом свидетельствует периодичность, с которой совершались глобальные перестройки жилых домов: 20–40 лет. Правда, не исключено, что такая периодичность дополнительно связана со сменой главы большой семьи и образованием новой, молодой семьи. В недавнем прошлом, да и сейчас, в традиционной культуре аборигенов Севера это сопровождалось строительством нового дома. Возможно, в духе того времени и в силу специфических условий проживания производилась лишь реконструкция построек на старом месте.

По результатам исследований достаточно четко определяется принадлежность построек западного и северного кварталов № I и № II одной группе населения. Эти кварталы составляют единый ансамбль из двух частей, в основном зеркально повторяющих друг друга, что подчеркивает сознательное планирование кварталов. Структуру задавало и присутствие естественного освещения, необходимого для ремесленной работы

(люк в перекрытии улицы). Очевидно, что дома, имеющие непосредственный выход к освещаемому участку, имели привилегированное положение. Хотя возможно, что существовали люки поменьше и внутри кварталов; документальных обоснований этой версии нет, но для нормального функционирования закрытого от внешней среды города трех люков явно недостаточно.

АРХИТЕКТУРА ПОСТРОЕК ЗАПАДНОГО И СЕВЕРНОГО «ОСТЯЦКИХ» КВАРТАЛОВ № I и № II представлена остатками семи жилых построек, а также семи построек и двух помещений хозяйственного назначения (рис. 2.4–2.6; 2.10; 2.37–2.81). С учетом зафиксированных многократных реконструкций, к примеру, жилой постройки № 2, таких перестроек фиксируется восемь.

Общее количество рассматриваемых строений составляет 36. Это вполне правомерно, поскольку на протяжении изученного периода архитектура каждого здания развивалась не всегда однозначно и преемственно. Иногда изменялась не только конструкция: каркасная заменялась срубной, — но менялось и функциональное назначение постройки: жилая становилась хозяйственной. Вместе с тем, зафиксированы черты, которые оставались неизменными. Изученный раскопками комплекс построек позволяет сделать обобщенный анализ остяцких домостроительных традиций для исследуемого периода.

Жилые постройки «остяцких» кварталов были четырехстенными и имели средние размеры: в плане — от 2,0 × 2,0 до 2,5 × 2,5 м (рис. 2.41–2.46; 2.56– 2.61; 2.65–2.76). Лишь в одном случае зафиксировано жилое строение минимальными размерами 1,4 × 1,2 м (постройка № 1) (рис. 2.40; 2.56). Все строения выполнены из деревянных элементов (бревна, жерди, плахи, доски), нередко вторичного или многократного использования деталей других, более ранних зданий. При их строительстве и отделке использовались большие предметы бытового назначения или их фрагменты (лодки, лыжи, нарты).

На «предпоследнем» этапе — в конце XVI (около 1585–1595 гг.) – середине XVII (около 1640–1660 гг.) веков — жилые дома имели каркасно–дощатую конструкцию. В этой архитектурной традиции выполнены постройки № 2, 6, 7 (рис. 2.5; 2.6; 2.59; 2.67; 2.68; 2.74– 2.76).

Технология строительства таких домов включала сооружение каркаса, состоявшего из дощатой (или бревенчатой) рамы — основания (фундамента), к которому примыкали вертикальные элементы (стойки), соединенные на уровне кровли периметром второй рамы из жердей. Верхние части стоек могли выступать за пределы кровли и использоваться в балочно-ригельной конструкции общего перекрытия жилого комплекса. Возведение стен постройки состояло в вертикальной установке набора досок по наружному периметру каркаса. Нижние концы стеновых досок, примыкавшие к наружному периметру фундамента, фиксировали, вкопав в грунт на глубину 0,2–0,3 м и дополнительно укрепив завалинками. Тот факт, что при очередном ремонте стены не извлекали, а вырубали, свидетельствует о жесткости подобного крепления, обеспечивавшегося мерзлотой (рис. 2.59; 2.74; 2.75). Из этого же факта следует, что каждая реконструкция дома была обусловлена обветшанием, прежде всего, его верхней части. Верхние концы стеновых досок опирались на вторую жердевую раму, укрепленную на стойках в 1,5–2,0 м над землей. Для исключения смещения доски стен, очевидно, дополнительно фиксировались при помощи жердей, так или иначе закрепленных, не исключено, что при помощи обойм-вкладышей. Этот способ крепления подробнее описан ниже для хозяйственных построек, где его применение неоспоримо. В отличие от боковых и заднего фасадов существовало как минимум два варианта конструкции стены лицевого фасада. Первый — это стена из горизонтально уложенных досок, удерживаемых снаружи за счет длинных стоек-кольев. Второй — стена из вертикально установленных досок, нижние концы которых зафиксированы в продольном пазе бревна срубной рамы-фундамента. Строение перекрывали берестяной крышей. Каркас перекрытия, состоявший, вероятно, из системы жердей и веток, опирался на периметр стен. Поверх него укладывали специально обработанные и сшитые между собой листы бересты. От смещения крыша могла удерживаться при помощи жердевого крепления и гнета из фрагментов досок, плах или кусков дерна. Отверстие для дымоудаления оставлялось в зависимости от типа и места размещения очага. Общая высота строения, очевидно, не превышала ширину фасада, а скорее всего, была немного меньше. Каждая постройка имела дверной проём размерами от 60 × 40 см до 80 × 60 см. Пороги врезались в бревно или брус основания лицевого фасада. Открывание дверей — беспетельное, на деревянной втулке, внутрь жилища. Дверные полотна составлялись из двух досок толщиной от 2 до 6 см, сплоченных «в обвязку» на шпонках. Особо отметим миниатюрность размеров дверных проёмов. Это связано не только необходимостью теплосбережения, но и невысоким ростом жителей.

Жилые постройки имели открытый центральный очаг в деревянной раме размерами 50 × 50 см. В середине XVII века в интерьере появилась глиняная печь в виде камина — «чувал». Его размещали в правом или левом от входа углу, и в этот период он сосуществовал с центральным очагом иногда в одной постройке (например, постройка № 6). Позднее, в конце XVII века (после 1680 г.), центральный очаг полностью исчез из интерьера жилых домов остяков. Место для сна размещалось у противоположной от входа стены и представляло собой набор досок, уложенных на лаги. Доски застилали травой или циновками из травы и закрывали оленьей шкурой. Нары занимали до половины площади дома, их ширина составляла от 0,9 до 1,2 м. Доски пола укладывались по направлению к входу прямо на землю или на подстилающий слой щепы, оставшейся от строительных работ, — для изоляции от мерзлоты. Некоторые дома внутри дополнительно отделывали вышедшими из употребления лыжами-голицами, устраняя таким образом многочисленные щели между неплотно подогнанными друг к другу стеновыми досками.

Дома близкой конструкции описаны в этнографической литературе в категории наземных сезонных (промысловых) построек пирамидообразного типа (усеченной пирамиды), но рассматриваются не в рамках традиционной архитектуры народов Северо-Западной Сибири (хантов, манси) и ближайших соседей (ненцев, кетов, селькупов), а причисляются к традиционным жилищам шорцев, проживающих в самых верховьях реки Обь в предгорьях Западных Саян [*Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961.* – С. 136–137; табл. II – *7–9*].

На «последнем» этапе функционирования городка, начиная с середины XVII века, в ряде случаев каркасно-дощатые строения заменялись срубными. Построек, выполненных полностью в бревенчатой срубной технике «в обло с остатком», — минимальное количество: всего две — № 5 и № 7 (рис. В.10; 2.4; 2.41–2.43; 2.49; 2.50; 2.69–2.73). Нередко встречается удивительное сочетание этих техник в одной постройке. Чаще всего бревенчатое срубное основание сооружалось до дверного порога, затем возводили стены из вертикально установленных досок. При смене конструкции размеры построек оставались неизменными.

Технология возведения срубных построек у жителей Надымского городка имела некоторые особенности. Во-первых, бревна укладывали одно на другое без продольного паза, просто уплощая место сопряжения путем стесывания. В одной постройке могли одновременно использовать как цилиндрические бревна, так и массивные плахи. Несоответствия в толщине бревен зачастую компенсировали за счет вырубания чаш в верхнем и нижнем краях бревна (плахи), как это делается при рубке «в охряпку». Дверной проём лишь в одном случае (постройка № 7) был оформлен косяками. Во втором случае паз под дверь был выбран по периметру проёма в бревнах, а от горизонтального смещения они были зафиксированы кольями. Фронтоном служила одна деревянная плаха подтреугольной (сегментовидной) формы с заоваленными боковыми сторонами. В эту доску врезалась жердь — коньковая слега. Заоваленный контур «самца», скорее всего, свидетельствует о том, что кровля набиралась из подручного материала — жердей, веток ивы и т. п. Все это говорит о том, что остяцкие строители были знакомы с образцами русских срубных строений, используя те или иные приемы без глубокого понимания системы конструкций, по принципу внешнего копирования.

Хозяйственные постройки отличались от жилых домов достаточно устойчивой архитектурной традицией на всем протяжении исследуемого периода — с конца XVI до первой трети XVIII веков. К хозяйственным отнесены только те строения, которые не имели очага и, судя по набору артефактов, использовались для хранения предметов быта, одежды, орудий, продуктов промыслов, включая костные останки. Не вызывает сомнения хозяйственное использование построек № 3, 9, 11, 13–15 (рис. 2.4–2.6; 2.42–2.46; 2.51– 2.53; 2.62–2.65; 2.71; 2.77). Размеры построек были приблизительно одинаковые и в среднем составляли 2,1 × 2,1 м. В одном случае размеры хозяйственной постройки были 2,8 × 2,8 м. Это ранний вариант постройки № 11; позднее, при очередной реконструкции, в нее был вписан дощатый сруб размерами 2,1 × 2,1 м, а в оставшемся пространстве был организован погреб.

Хозяйственные постройки остяков Надымского городка выполнялись из досок рубкой «в охряпку». Это не очень трудоемкий, экономичный и простой в исполнении способ строительства, требующий минимум знаний и навыков. Бревна при помощи клиньев раскалывались на плахи, из которых изготавливались нужного размера доски. Их поверхность и торцы протесывались топором. Прямоугольные чаши вырубались с двух сторон доски, на четверть высоты, при этом детали укладывались горизонтально одна на другую. Против горизонтального смещения доски дополнительно скреплялись в средней части при помощи вертикальных жердей, стесанных на четыре канта. Вертикальные конструктивные элементы (жерди) продевались

с наружной и внутренней сторон стены в отверстия деревянных брусков — обойм, которые представляли собой вкладыши в дощатый сруб. Иногда вместо вертикальной жерди с одной из сторон в отверстие вкладыша забивался клин. Этот прием ограничивает горизонтальные подвижки дощатых конструкций. Сохранились аналогии использования подобного рода брусков при строительстве дощатых жилых и хозяйственных построек северных хантов. Происхождение этого конструктивного приема пока неизвестно и требует специального изучения построек различных этносов со схожей архитектурной традицией, развивавшейся в условиях дефицита дерева. Обоймы-вкладыши распространены по пространству кварталов всего городка. Думаю, подобное крепление могло применяться и в горизонтальном направлении в дощатых стенах жилых домов с вертикально стоящими элементами. Маленькие размеры некоторых вкладышей говорят о небольшой толщине примененных в строительстве досок. А количество отверстий в элементах — о разных техниках: с применением клиньев или с тщательно подогнанными брусьями (по принципу засова). В любом случае, эта деталь служила для ограничения подвижек элементов дощатых конструкций. Фронтон (щепец) имел форму сегмента, в верхнюю часть которого врезалась коньковая слега.

Конструкция кровли состояла из жердей, опиравшихся на верхние торцы фасадов и князевую слегу, перекрытых листами бересты, сшитыми между собой. В качестве гнета, удерживающего перекрытие, вероятно, использовались дерн и фрагменты плах или бревен. Поскольку крыша имела уплощенную форму, а от ветровых нагрузок была защищена общим единым перекрытием жилого комплекса, то дополнительная фиксация гнета, скорее всего, не применялась. Общая высота постройки вряд ли превышала ширину фасада. Конструкция двери была также беспетельной, с втулками, нижняя из которых фиксировалась в чаше, выполненной в отдельной пороговой планке, а верхняя — прижималась деревянной скобой. Отсутствовали мощный порог и вертикальные стойки (косяки), формирующие проёмообразующую конструкцию, которая могла обеспечить плотное закрытие двери. Определенным подобием порога служила доска основания лицевого фасада. Поверх нее либо к ней, на ширину дверного проёма, крепилась пороговая планка. Дверь изготавливалась из досок той же толщины, что и стены. Дверной проём имел те же размеры, что и в жилых помещениях, — от 60 × 40 см до 80 × 60 см. Еще одно важное отличие заключается в том, что хозяйственные постройки не имели отопления и нар. Пол застилался досками, причем направление настила не имело какой-либо зависимости от дверного проёма. В некоторых случаях после заполнения пространства постройки культурным слоем, костями и пришедшими в негодность вещами настил пола не возобновлялся в прежнем виде, а составлялся из хаотично набросанных фрагментов досок.

Есть примеры, когда в процессе функционирования хозяйственные постройки использовались как жилые помещения и наоборот (постройки № 3 и № 6), но это было, по-видимому, эпизодическим явлением. Техника строительства дощатых построек «в охряпку», известная и по сей день, довольно часто применяется хантами при строительстве. У русского и зырянского населения Северо-Западной Сибири такая техника использовалась только при возведении хозяйственных построек.

Зафиксирован лишь один случай, когда постройка № 9 (квартал № I), интерпретируемая как хозяйственная, имела размеры 1,8 × 1,8 м и была выполнена из вертикально установленных плах (рис. 2.41; 2.42). Возможно, она не совсем правомерно выделена в категорию хозяйственных построек. Дело в том, что в процессе исследований «остяцких» кварталов были выделены хозяйственные помещения, которые не имели отдельную кровлю и вход, в связи с чем не являются отдельными постройками, а сооружены с использованием стен внутренних перегородок жилого комплекса, образующих центральную улицу и разграничивающих кварталы. Такие помещения формируются из дополнительных стен, примыкающих к внутренним перегородкам сооружения (рис. 2.4–2.6; 2.56–2.58). Можно выделить два основных типа хозяйственных помещений. Первый тип функционально аналогичен описанным выше хозяйственным постройкам. Не исключено, что такие помещения были участком пространства квартала, отгороженным для хранения каких-либо вещей и продуктов и защиты этого имущества, к примеру, от собак. Второй тип — это хозяйственные помещения для содержания домашних животных. Помещения для содержания животных, в частности — собак, зафиксированы в пространстве между постройкой № 7 западного квартала № I и несущей стеной — перегородкой, разграничивающей кварталы № I и № III (рис. 2.4–2.6; 2.42–2.48). В юго-восточной части квартала № I размещались загоны для собак — пространства, разделенные дощатыми перегородками, объединенными общим проходом (коридором). В это помещение, не имевшее собственной крыши, вел отдельный вход с широтной улицы. Особо обустроен загон размерами 1,2 × 1,0 м, пол которого был выстлан досками и покрыт

толстым слоем травы. Столь тщательное устройство сооружения может быть связано с его особом назначением. Поэтому предполагается, что такие загоны были предназначены не просто для содержания животных, а для их разведения. Вполне возможно, что наличие специально обустроенных помещений для содержания и разведения собак может быть свидетельством торговли ими.

АРХИТЕКТУРА ПОСТРОЕК ЮГО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО «САМОЕДСКИХ» КВАРТАЛОВ № III и № IV восстанавливается по остаткам постройки № 8 (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.82–2.94). Квартал № III с находившейся в нем постройкой № 8, как говорилось выше, возник в пространстве жилого комплекса на месте «остяцкого» квартала № I и функционировал с середины XVII по первую треть XVIII веков. «Самоедские» дома радикально отличались от вышеописанных «остяцких» не только размерами (занимали весь квартал), но и архитектурой. Архитектура «самоедских» построек наиболее достоверно и полно воссоздается по материалам исследования постройки № 8, поскольку в плане она сохранилась наиболее полно и было раскопано несколько уровней ее реконструкции.

Постройка № 8 имела каркасно-столбовую конструкцию и занимала все пространство юго-западного квартала № III. Строительство дома, по-видимому, начинали с центрального помещения. Жилое помещение располагалось в центральной части квартала, его размеры составляли 5 × 4 м. Стены жилого помещения выстроены в технике заплота. Особенность техники заплота, используемой строителями этой постройки, состоит в том, что стеновые доски и плахи не просто вставляли в продольные пазы столбов, а вкладывали в изогнутый индивидуальный паз, вырубленный под каждый элемент. Вход в центральное помещение формировали вертикальные столбы лицевого фасада. Дверь отсутствовала, ширина проёма составляла 1,0 м. Пол был тщательно выстлан досками, уложенными параллельно лицевому фасаду. Большой открытый очаг находился в центре и представлял собой плоское глиняное основание прямоугольной формы, заключенное в деревянную раму. Первоначально его размеры составляли лишь 0,6 × 0,5 м. Позднее площадь очага была увеличена и при всех последующих реконструкциях вписывалась в периметр размерами 1,7 × 1,1 м. Рама была сконструирована из толстых брусьев и смыкалась с юго-восточной стеной постройки, вероятно, конструктивно врезалась в стену. В «последний» период — в первой трети XVIII века — рама была выполнена из четырех бревен, не связанных с конструкцией стен. Что касается надочажной конструкции, то ее можно охарактеризовать как пространственную. Она восстанавливается по аналогам, сохранившимся до настоящего времени, в частности — элементам интерьера дома Обдорских князей Тайшиных в поселке Горнокнязевск, построенного в начале XIX века [*Кардаш, А-2003: Митина*]. Основой надочажной конструкции служили две жерди, размещенные над очагом параллельно боковым стенам на ширину очажной рамы. Один конец каждой жерди опирался на поперечную балку, укрепленную в столбах заплотной стены, а другой конец — на дощатую конструкцию юго-западной (задней) стены помещения. Поскольку пролет достаточно большой, у очажной рамы размещалась промежуточная стойка (стойки) — опора, чтобы основная несущая поперечная балка могла вынести вес всей опирающейся на нее надочажной конструкции. Котел для приготовления жидкой пищи подвешивался над костром на тагане. Последний имел вид вытянутого бруска, с рядом отверстий, одно под другим, и крюком для подвешивания котла. Сквозь отверстия пронизывалась тонкая палка, которая концами опиралась на параллельные жерди над очагом. Аналогична верхняя пространственная конструкция очага в чуме, отличие в том, что продольные горизонтальные жерди-вешала крепятся к наклонному каркасу чума [*Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961.* – С. 140–142; табл. VI – *11*].

Вешала использовали для устройства полок над очагом; на поперечных тонких жердочках коптили рыбу, сушили шкуры. Две жерди над очагом вряд ли могли удовлетворить все потребности в подвешивании одежды (для сушки) и предметов быта. Вполне вероятно, что в интерьере существовала система жердей-вешал, расположенных на разных уровнях. Необходимо отметить, что в 1916 году Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в яме от самого большого дома (!) был найден идол (рис. 3.79-2), который в настоящее время хранится в коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника [*Дмитриев-Садовников, 1918.* – С. 41–42]. Упоминание об этом в контексте описания архитектуры постройки № 8 вызвано тем обстоятельством, что этот идол имеет вид массивной плахи с вырубленной на ней личиной; по краям плахи выбраны пазы, аналогичные пазам на столбах центрального помещения. Вполне вероятно, что эта плаха с личиной имеет непосредственное отношение к одному из столбов каркаса постройки № 8. В этом случае наиболее вероятное ее месторасположение — напротив входа, за очагом, в промежутке, ограниченном очажной рамой.

Личины на опорных столбах домов известны на территории Северо-Западной Сибири и, что характерно, являлись атрибутами домов служителей культа (шаманов), где осуществлялись обрядовые действия — камлания шамана [*Обитатели, 2004.* – С. 51, 68]. Помещение имело плоскую кровлю, выполненную, скорее всего, из досок. В потолке над очагом оставлялось небольшое отверстие для выхода дыма. Рост жителей, чьи останки были найдены в постройке, восстанавливается в пределах 1,6 м. На этом основании минимальный уровень кровли можно реконструировать в пределах 2,5 м.

По внешнему периметру центрального помещения находился круговой обход шириной 1,2 м. Пространство галереи образовывали наружные стены постройки, которые были выполнены из вертикально установленных досок. Фиксация (закрепление) нижних концов досок, из которых состояли стены, осуществлялась следующим образом: в основание лицевого фасада укладывали бревно с продольным пазом, в котором фиксировали нижние торцы досок; в других стенах нижние торцы опирали на культурный слой и фиксировали жердями с двух сторон. Основание стен либо вкапывали в грунт, либо присыпали слоем для дополнительного укрепления. Не исключено, что верхние части стен галереи крепились при помощи концов жердей-вешал и/или балок кровли, выходивших за пределы центрального помещения.

В лицевом фасаде постройки находилась конструкция входной двери, к которой с улицы вел небольшой коридор длиной 1,0 м. В основании проёмообразующей конструкции лежало массивное бревно (фундамент), в которое врезались вертикальные стойки — косяки и примыкающая к ним часть досок лицевого фасада. В целом конструкция дверного проёма аналогична вышеописанной конструкции внешнего входа первого варианта (первой трети XVIII в.). Размеры дверного проёма восстанавливаются в пределах 1,2 × 0,8 м. Сразу после входной двери направо и налево начинались коридоры галереи, прямо — проём, открывающий пространство центрального помещения. В галерее пол был выстлан досками, уложенными перпендикулярно линии стены. Конструктивно это помещение выполняло теплоизоляционную функцию и использовалось для хранения продуктов питания, одежды и утвари. Гипотетически все большое пространство постройки также имело плоское перекрытие по балкам (скорее всего, использовали тонкие бревна диаметром около 10–11 см), врубленным в широтном направлении в боковые стены на различных уровнях.

К северо-западному фасаду постройки № 8 была сделана пристройка (хозяйственное помещение). Стена лицевого фасада и пристройки имела единое основание, и время ее создания по дендрохронологическим датам можно отнести к концу XVII века (ок. 1690 г.). До этого времени либо пристройка имела другую форму, либо ее не было вообще. Ширина пристройки — 1,1 м, длина соответствовала ширине фасада постройки — 7,0 м. Стены этого помещения выполнены из вертикально установленных плах и досок. Входом служил проём в стене, дверь отсутствовала. Судя по всему, пристройка имела хозяйственное назначение.

Жилые дома подобной архитектуры не имеют прямых аналогов в этнографических материалах. Можно найти лишь подобия, близкие по форме, размерам либо отдельным конструктивным элементам. Причем наиболее близкие аналоги, как и в случае с вышеописанными жилищами «остяцких» кварталов, находятся на значительном удалении, а именно в Восточной Сибири, в числе постоянных (долговременных) каркасных домов в форме усеченной пирамиды, бытовавших у долганов и якутов [*Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961.* – С. 146–147; табл. XIII – *1–5*]. Вполне возможно, что отсутствие близких аналогов непосредственно на территории Северо-Западной Сибири в архитектуре ныне живущих аборигенных народов связано с повсеместной сменой домостроительных традиций, вызванной влиянием русского деревянного зодчества и культуры в целом, оказанным на народы Сибири в XVII–XIX веках.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КВАРТАЛ № IV почти полностью уничтожен руслом протоки. От него сохранились только фрагменты конструкции внутренних перегородок и угол постройки с дощатыми стенами (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.55; 2.56). Реконструкция его возможна только на основе принципа зеркальной аналогии третьему (юго-западному) «самоедскому» кварталу и находившейся в нем постройке № 8.

АРХИТЕКТУРА ПОСТРОЕК ЮЖНОГО И ВОСТОЧНОГО «САМОЕДСКИХ» КВАРТАЛОВ № V И № VI восстанавливается по остаткам постройки № 12 (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.90–2.92). Квартал № V частью уничтожен осыпью берега протоки. Верхний слой на его территории выгорел в результате пожара в 1975 году (рис. 1.8–1.9). Сохранились конструкция перегородки, отделявшей его от третьего квартала, элементы наружных стен и половина большой жилой постройки. Как говорилось выше, реконструируемые разме-

ры квартала составляют в длину 14–15 м и в ширину 9–10 м, но могли быть и немного больше — до 11 м. Свободного пространства между наружными стенами и внутренними перегородками в квартале больше, нежели в других. К примеру, расстояние между перегородкой, разделяющей кварталы № V и № III, и правым боковым фасадом постройки № 12 составляет 3,5 м, что было бы достаточно для размещения нескольких «остяцких» построек. Возможно, это связано с какими-то специфическими особенностями использования внутреннего пространства квартала. Несомненно, что постройка № 12, занимавшая южный квартал, представляет наиболее ранний (классический) вариант большого дома, но от нее сохранилась только часть, что не позволяет сделать полноценную ее реконструкцию.

Постройка № 12, занимавшая основную площадь квартала № V, по размерам и архитектуре близка постройке № 8 квартала № III. Тем не менее она имеет свои конструктивные особенности. Сохранилось около половины постройки, но этих элементов достаточно для восстановления части габаритных размеров и архитектуры. Реконструируемые наружные размеры постройки — 8,5 × 7,5 м. Стены постройки были выполнены из вертикально установленных досок. Их основание фиксировалось между массивной плахой, уложенной по наружному периметру постройки, и грунтом. Не совсем понятно, было ли отделено перегородкой центральное помещение, поскольку отсутствуют остатки каких-либо элементов подобной конструкции. Вместе с тем центральное пространство (помещение) размерами 5,0 × 4,5 м обозначено в плане массивными плахами, аналогичными плахам, уложенным вдоль наружного периметра. Эти два периметра образуют фундамент для досок, выстилающих своеобразный подиум, подобный галерее постройки № 8. Пол в центральной части постройки был выстлан досками и по уровню находился ниже подиума (нар) на 0,2 м. Центральный очаг размерами 1,7 × 1,3 м ограничивала рама из толстых досок. Возможно, постройка № 12 не имела внутреннего каркаса и отделенного центрального помещения, но тогда становится не совсем понятной конструкция ее кровли. Это предмет более детального изучения конструктивных и объемно-пространственных особенностей строения.

ВОСТОЧНЫЙ КВАРТАЛ № VI полностью уничтожен руслом протоки. Реконструкция его возможна только на основе принципа зеркальной аналогии пятому (южному) «самоедскому» кварталу и находившейся в нем постройке № 12 (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39).

2.3. МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПЛОЩАДКИ (ТОРГОВО-ГОСТЕВЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ, РИТУАЛЬНЫЕ)

Терраса, опоясывавшая жилую зону, была искусственно сформирована культурным слоем, состоящим из фрагментов досок и бревен, отдельных веток, щепы, стружки и коры, травы, костей животных и птиц, гумусированных органических соединений, артефактов, линз суглинка и прочих различных отходов жизнедеятельности населения городка. На ней не были зафиксированы остатки каких-либо построек или сооружений (кольев, столбов, загородок). В связи с этим терраса условно разделена на отдельные площадки, которые имели приблизительно одинаковые размеры —30 × 20 м, за исключением северо-восточного склона, обращенного к протоке (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.93; 2.94). В любом случае, площадки имели определенную связь с разными частями жилого комплекса, который был разделен на кварталы, в том числе и по этническому признаку, что не могло не влиять на функциональное назначение участков (площадок) террасы. Этот вывод в определенной степени подтверждается на основании полученных при раскопках артефактов. Отличия в функциональном назначении связаны не только с социально-этническими факторами распределения населения в жилой зоне, но и с направлением внешних территориальных связей.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА сохранилась почти полностью (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.101–2.104). Ее общие размеры составляют 30 × 20 м. Площадка формировалась параллельно развитию строения жилого комплекса и нарастанию культурного слоя в нем. На площадке было выявлено несколько кострищ на аморфных глиняных основаниях, в целом по контуру вписывающихся в круг или овал. Средние размеры таких оснований не превышают 1,0 × 1,0 м. На всех изученных раскопками уровнях культурного слоя за хронологический интервал с конца XVI по первую треть XVIII веков какая-либо закономерность в их расположении не прослеживается. На разных уровнях количество очагов и место их

расположения меняется. Зафиксированы уровни (слои) мощностью от 10 до 20 см, на которых по всей территории площадки очаги отсутствуют, но это, очевидно, связано с масштабными строительными работами по реконструкции всего жилого сооружения, в результате которых многочисленный строительный мусор мог образовывать мощные прослойки, перекрывавшие очаги.

Культурный слой площадки мощностью 0,2–1,2 м, исследованный раскопом № 5 на площади 192 кв. м, чрезвычайно насыщен находками, практически так же, как заполнение пространства жилого комплекса, и артефакты в основном концентрируются именно у кострищ. Это свидетельство не только активной жизнедеятельности, осуществлявшейся на данной территории. Возможно, глиняные подложки очагов и скопления артефактов маркируют места расположения чумов, которые могли на какое-то время устанавливаться на этой площадке. Поскольку чум — каркасное переносное жилище, то какие-либо следы его конструкций зафиксировать невозможно. Не исключено, что на площадке могли стоять чумы общинников или гостей, приехавших в городок для меновой торговли или иных нужд.

Судя по многочисленным фрагментам и целым изделиям, относящимся к категории кухонной утвари, а также костным останкам животных, птиц и рыб, на площадке осуществлялось приготовление и употребление пищи. Находки фрагментов и целых орудий (ножи, струги, сверла, топоры и др.), а также отходов деревообработки свидетельствуют о бытовой ремесленной деятельности по починке ловушек, изготовлению стрел и пр. Игрушки, как целые, так и поломанные, в частности — модели оружия, явно остались после детских игр.

Поражает количество антропоморфных скульптурок, найденных здесь же, но если предположить, что как минимум часть из них служили вместилищами личных духов хранителей, то становится понятным столь небрежное отношение к скульптуре такого рода. Дело в том, что в религиозной практике многих народов Севера, и в частности остяков, в XVIII веке любой идол, переставший приносить удачу владельцу, нередко наказывался побоями и в конце концов воспринимался как обычная деревяшка, которую покинуло божество. С другой стороны, наличие скульптур является свидетельством ритуальной практики, совершавшейся здесь. Дополнением, в какой-то степени проливающим свет на эту сторону функционирования части территории городка, служат находки бронзовых украшений (подвесок) периода до XVI века, причем со следами длительного употребления (сильно изношенные), и берестяной маски.

Все эти факты позволяют утверждать, что северо-западная площадка, помимо осуществления повседневной хозяйственной деятельности, служила местом проведения ряда праздников и ритуалов. Таковыми могли быть «медвежий» праздник, свадебный обряд, а также другие, и именно поэтому ее функцию можно дополнительно определить как гостевую.

ЗАПАДНАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА большей частью уничтожена пожаром (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39). Исследования сохранившихся участков недостаточны для ее безусловной идентификации. Выводы о ее функциональном назначении носят в большой степени гипотетический характер. На отдельных участках, ближайших к сору, в результате шурфовки выявлено практически полное отсутствие артефактов и даже костных останков, что может свидетельствовать о том, что человеческая деятельность на ней была ограничена. Она могла быть занята чем-то другим, к примеру, оленьими упряжками. Кстати, отсутствие костей на площадке также говорит в пользу этого предположения. И сейчас оленеводы стараются убирать кости с территории, где стоят домашние олени, особенно упряжные, чтобы они не поранились костями (не подавились). Предположительно, через сор в зимнее время проходил путь в лесной массив, расположенный на коренном берегу дельты Надыма в районе впадения реки Ярудей в протоку Хоровую. Наиболее рационален путь через открытые пространства заливных соров. Кроме того, в результате металлоразведки на дне сора были найдены артефакты: железное кольцо диаметром 5 см (вероятно, деталь упряжи) и две медные пластины (фрагменты котлов). С другой стороны, в той части западной площадки, где она смыкается с южной, обнаружено очень большое количество костных останков, преимущественно костей северного оленя. Но этот факт, скорее всего, обозначает границу функциональных зон и связан с особенностями функционированием южной площадки.

ЮЖНАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА примыкала к той части жилого комплекса, где, предположительно, проживало автохтонное и наиболее привилегированное население Надымского городка (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39; 2.98–2.100). Это не могло не влиять на характер и особенности ее использования.

В период функционирования городка ее размеры составляли, очевидно, 30 × 20 м. В настоящее время большая часть площадки смыта водами протоки, и от нее сохранился лишь участок размерами 20 × 12 м. Тем не менее, при исследовании этой территории получены данные, позволяющие аргументированно интерпретировать ее функциональное назначение.

Анализ материалов, найденных на площадке, указывает на то, что она сложена аналогично северо-западной, но с некоторым отличием, вероятно, связанным с особенностями ее функционирования. Уровень южной площадки в настоящее время ниже уровня северо-западной в среднем на 3,0 м. Это отличие вызвано двумя основными факторами: пожаром 1975 года, в результате которого некоторая часть слоя выгорела, и южным месторасположением, при котором замерзший культурный слой в этой части городка быстрее других протаивает, гумусируется и уплотняется. Но не только. На этой площадке в слое щепы содержится меньше отходов деревообработки, орудий, меньше крупных бытовых вещей. Создается впечатление, что формирование слоя не сопровождалось процессом активной хозяйственно-бытовой деятельности людей, как это происходило на северо-западной площадке. Похоже, что уровень южной площадки искусственно повышали, преднамеренно настругивая щепу или перенося ее из другого места, и это могло быть связано с тем, что некоторые стороны жизнедеятельности здесь были ограничены.

Комплекс предметов, обнаруженных непосредственно на площадке, и металлические предметы, поднятые со дна протоки на ее разрушенной территории, отличаются от артефактов, найденных в других частях памятника. Именно здесь, почти в центре был захоронен «клад» холодного оружия, состоявший минимум из 50 изделий и заготовок. Здесь же, близ южного угла жилого комплекса, располагалось скопление бронзовых и серебряных изделий, так называемый «клад украшений», в состав которого входила полусферическая чаша с растительным орнаментом. В непосредственной близости от него были найдены фрагменты костей лапы и черепа медведя. Следует отметить, что из 124 000 костей, собранных в слое городка, лишь шесть принадлежат медведю. Это крайне редкая находка, что, прежде всего, можно связать с особым почтительным (культовым) отношением к животному, бытующим в среде аборигенного населения по настоящее время. Череп, как и лапа медведя, имели особое, сакральное значение и использовались в различных ритуалах, в том числе для принесения клятвы.

Еще одно отличие вещевого комплекса — это наличие достаточно большого количества целых криц (около 12 шт., диаметром 10–15 см), и кроме того — нескольких десятков железных предметов разных размеров (до 10–12 см) неопределенной формы: заготовок (?) или отходов металлообрабатывающего производства. В состав «клада» холодного оружия входили семь фрагментов клинков русских сабель — заготовок, по-видимому, еще не перекованных в оружие туземного образца. Очевидно, что все эти предметы связаны с процессом металлообработки — кузнечным производством, существовавшим в городке. В данном случае комплекс предметов не просто помогает локализовать ремесленное место в пределах кварталов № V, VI и южной многофункциональной площадки, но и гипотетически определить одну из ее специфических функций, а именно — место торга предметами кузнечного производства и оружием. Не исключено, что здесь же осуществлялись сбор общинного ополчения и его экипировка. Хорошо известно, что в древних обществах любое жизненно важное мероприятие, такое, например, как начало охотничьего промысла или строительство дома, сопровождалось ритуальными действиями и жертвоприношениями богам для ниспослания удачи в предстоящем деле. Это же, без сомнения, касалось и военных походов. В этой связи подтверждением вышесказанному представляется обнаружение в южной части площадки на участке 83–84/К–И остатков большого кострища на глиняном основании общими размерами 2,0 × 2,0 м (рис. 2.99, 2.100). Высокое температурное воздействие, маркированное пятнами красного цвета, свидетельствует о больших кострах, длительное время горевших на этом месте. По периметру кострища обнаружены остатки минимум 15 черепов северного оленя с рогами. К северу, между кострищем и южным углом жилого комплекса находились остатки еще 11 черепов, расположенные полукругом. Еще четыре были расположены непосредственно у южного угла жилого комплекса. С южной стороны кострища найдено небольшое блюдце из серебряной фольги с изображением всадника. Эти находки с большой долей уверенности можно интерпретировать как свидетельства ритуального жертвоприношения.

Весь комплекс данных, полученных при исследовании южной площадки, позволяет сделать вывод о том, что она в первую очередь служила местом, где проводились общественные мероприятия, осуществлялись религиозные обрядовые действия, включавшие ритуальные жертвоприношения. Это накладывает определенный отпечаток на ее повседневное использование. Исключение составляли лишь кузнечное производство

и специфическая торговля его продуктами. В значительно меньшей степени площадка была местом бытовой хозяйственной деятельности.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА была обращена прямо к протоке и полностью уничтожена ее руслом, в этой связи ее конфигурация и функции реконструируются гипотетически (рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39). Поскольку для существования жилого комплекса необходима буферная зона, которая обеспечивала бы стабильность несущих конструкций, в частности, восточной и юго-восточной наружных стен, такая площадка должна была не просто существовать, а иметь определенные размеры. Причем ее ширина должна быть такой, чтобы не происходило оползание откоса подсыпки стены, который был, как говорилось выше, достаточно крутым. Иными словами, площадка функционально должна была препятствовать чрезмерному оттаиванию слоя и размыванию его водами протоки. С другой стороны, любое свободное пространство в непосредственной близости от жилой зоны городка вряд ли могло оставаться невостребованным.

Одну из функций определяет само положение площадки на берегу протоки, а именно — пристань. Поскольку пользование лодками засвидетельствовано многочисленными их фрагментами в пространстве жилого комплекса, то, соответственно, должно быть место их хранения и просушки. В современной традиционной культуре народов Севера пристанью служит участок берега с пологим склоном, куда легкие лодки (обласы) заносятся для просушки и для того, чтобы их не унесло водами реки [*Сирелиус, 2001.* – С. 75, рис. 53; с. 135, рис. 122; *Салымский край, 2000.* – С. 96]. Кроме этого, на пристани организуют вешала для просушивания сетей. Таким, очевидно, было использование площадки в летнее время. К зиме лодки должны были быть убраны с площадки, и скорее всего — в пространство жилого комплекса. Длина лодок, о чем подробнее будет сказано ниже, реконструируется в пределах 4,0–5,0 м. Именно этим обстоятельством можно объяснить размеры коридора (пространства) между «остяцким» кварталом № II и «самоедским» № IV. Вероятно, именно сюда заносили для хранения лодки и прочие принадлежности рыболовного промысла. Скорее всего, именно с таким жестким функциональным делением территории городка связана неравномерность распространения определенных категорий артефактов по его площади. В частности, это касается и орудий рыболовства. В зимнее время северное положение площадки явно снижало ее хозяйственную привлекательность. В любом случае, эта буферная зона не должна была активно использоваться, чтобы не вызвать эрозию слоя, который удерживался, в основном, за счет мерзлоты и теплоизоляционных свойств дерна. В итоге следует отметить, что терраса, опоясывавшая жилой комплекс, несла не только функциональную нагрузку, но и служила важным конструктивным элементом.

Территория и планировка строений Надымского городка формировались искусственно, по воле людей. Участок берега протоки в месте расположения поселения не имеет особых ограничений естественными формами микрорельефа. По всей видимости, в основе планировочной организации городка лежат принцип ориентировки по сторонам света, а именно по летнему ходу солнца (с юго-востока на северо-запад), и мифологические представления о верхе и низе (верховья реки, направление течения). На таком принципе могло быть основано функциональное зонирование и территории террасы, и всего жилого комплекса.

Общая форма, принципы планировки и размеры оборонительно-жилого комплекса Надымского городка, а также конструкция наружных стен и сочетание в одном пространстве жилых построек разных размеров (от 1,4 × 1,2 до 8,5 × 7,5 м) с очагами двух видов (центральный, угловой) имеет ряд аналогий не только в числе археологических памятников Западной Сибири, но и древних поселений, известных на более обширной территории, в частности, в Прибалтике. К числу наиболее близких можно отнести такие городища прибалтийских финнов, как Лихавере XII–XIII веков с овальным в плане оборонительно-жилым комплексом размерами 60 × 25 м и Наану того же времени [*Седов, 1997.* – С. 22–23; табл. VI – *1–2*]. Это обстоятельство, вероятно, связано с древней архитектурной традицией, существовавшей на обширной территории лесной зоны Северной Евразии у финно-угорских народов.

Основной материал, используемый для строительства жилых и хозяйственных помещений, — это древесина, собранная после паводка (топляк), вторичная древесина из пришедших в негодность основных (несущих) конструкций сооружения жилой зоны и свежесрубленная древесина, скорее всего, сплавленная по течению летом. Кроме этого активно использовали ветви кустарника (тальник, иву), дерн в качестве гнета и щепу,

иногда шлак для теплоизоляции мерзлоты на полу. Применяемые строительные материалы — бревно (кругляк), тесаный брус (прямоугольный в сечении), плаха, доска колотая и тесаная, жерди.

Зафиксированная периодичность капитальных ремонтов жилого сооружения и внутренних построек — 35–40 лет. Этот период обусловлен обветшанием конструкций и накоплением необходимого количества строительного материала. С периодичностью примерно в 20 лет производился и промежуточный ремонт активно эксплуатируемых внутренних построек. Строительство жилой зоны велось из имеющегося (собранного) строительного материала «по месту», без предварительного подбора материалов для элементов конструкций.

Инновации в строительстве и архитектуре построек внедрялись медленно и происходили путем копирования внешней формы без анализа технологии. К примеру, при адаптации технологии возведения срубных построек (вместо каркасных дощатых) стволы деревьев не ошкуривались, продольные стыки между стволами не прокладывались утеплителем (мхом и пр.). В целом строительство и архитектуру Надымского городка можно охарактеризовать как примитивные, но своеобразные. Основная особенность технологических приемов и конструкторских решений основана на оптимальном использовании ландшафтно-климатических условий местности и минимизации трудозатрат человека на производство работ.

Городок привязан к среднему основному руслу Надыма в его нижнем течении, где широкая дельта реки имеет три основных русла и массу проток с берегами и останцами террас, более удобными для проживания, прежде всего, в плане наличия и разнообразия ресурсов. К факторам, по которым место расположения городка оказывается малопригодным для проживания, относятся не только полное отсутствие строевого леса, но и малое количество дерева для отопления и приготовления пищи, периодическое затопление обширного пространства окрестностей в летнее время, отсутствие рыбы зимой, удаленность лесных промысловых угодий и пастбищ для оленей. Выбор такого места поселения указывает на особую причину возникновения городка именно здесь и особое его значение. Наиболее вероятно, что изначально место расположения городка определялось стратегическими соображениями.

Для исследуемого периода с конца XVI по первую треть XVIII веков военно-административные функции городка тоже представляются первичными, в сравнении со всеми остальными: промысловой, ремесленной, торговой, религиозной. Об этом говорит и тот факт, что поселение «спрятано» в русле протоки, замаскировано, но, тем не менее, имеет полный обзор основного русла Надыма и окрестной поймы. Очень важным доказательством главенствования военной функции является неопределенное место торга; как правило, именно это место формирует композицию города как торгово-ремесленного центра и располагается внутри укрепленного сооружения. В завершение всего вышесказанного, основываясь на приведенных фактах, считаем вполне правомерным отнести Надымский городок периода конца XVI – первой трети XVIII веков к такой категории древних населенных пунктов, как военно-административные центры территориальных общин.

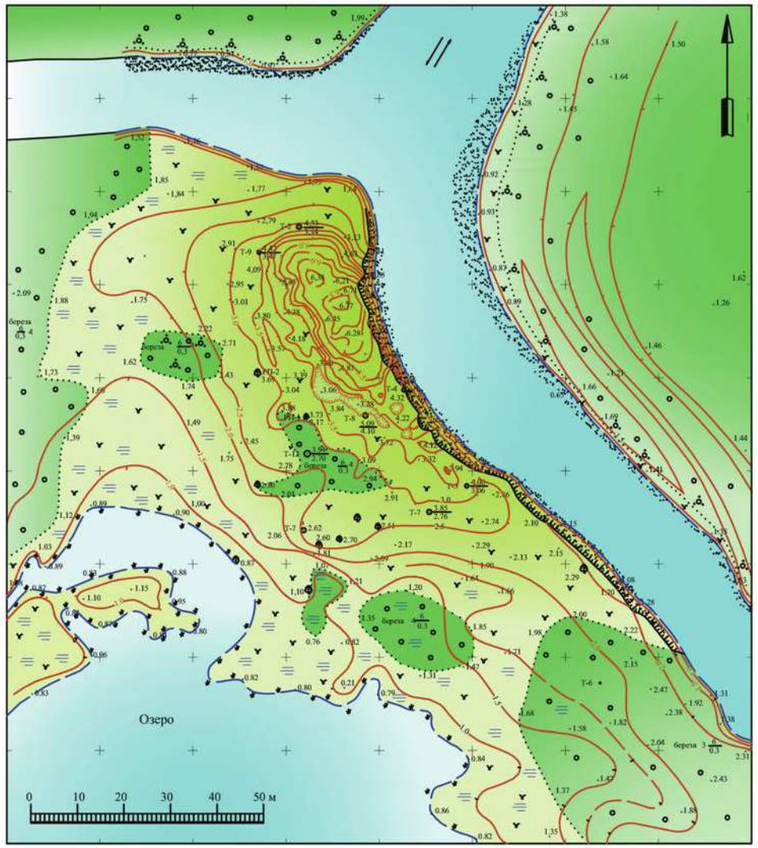


Рис. 2.1. Надымский городок. Топографический план. Тахеометрическая съемка Е. П. Мымрикова. 1999 г.

Рис. 2.2. Надымский городок. Вид с юго-запада. Август 2006 г.

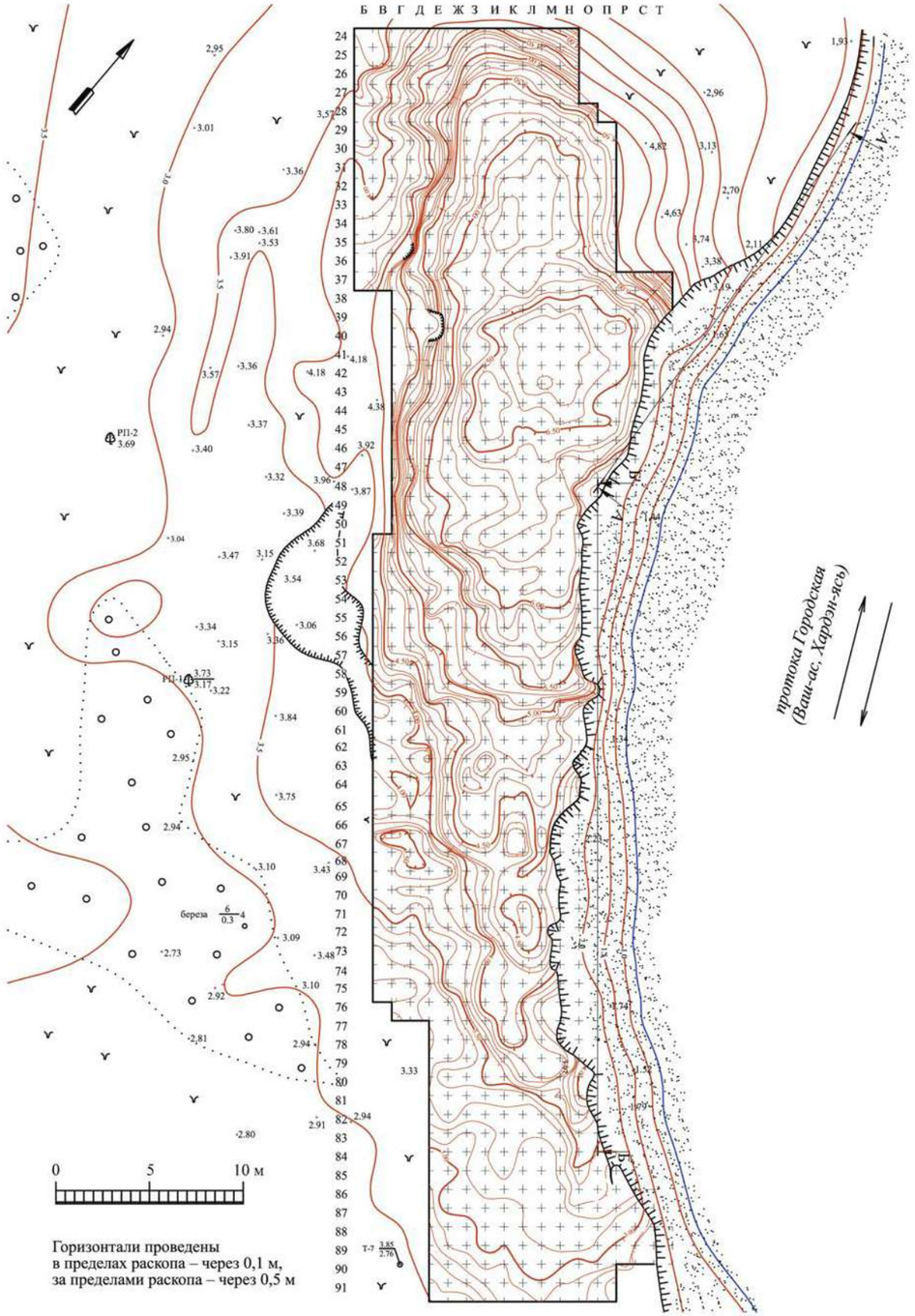


Рис. 2.3. Надымский городок. Микрорельеф поверхности памятника до начала работ. Топографический план, совмещенный со схемой расположения раскопа

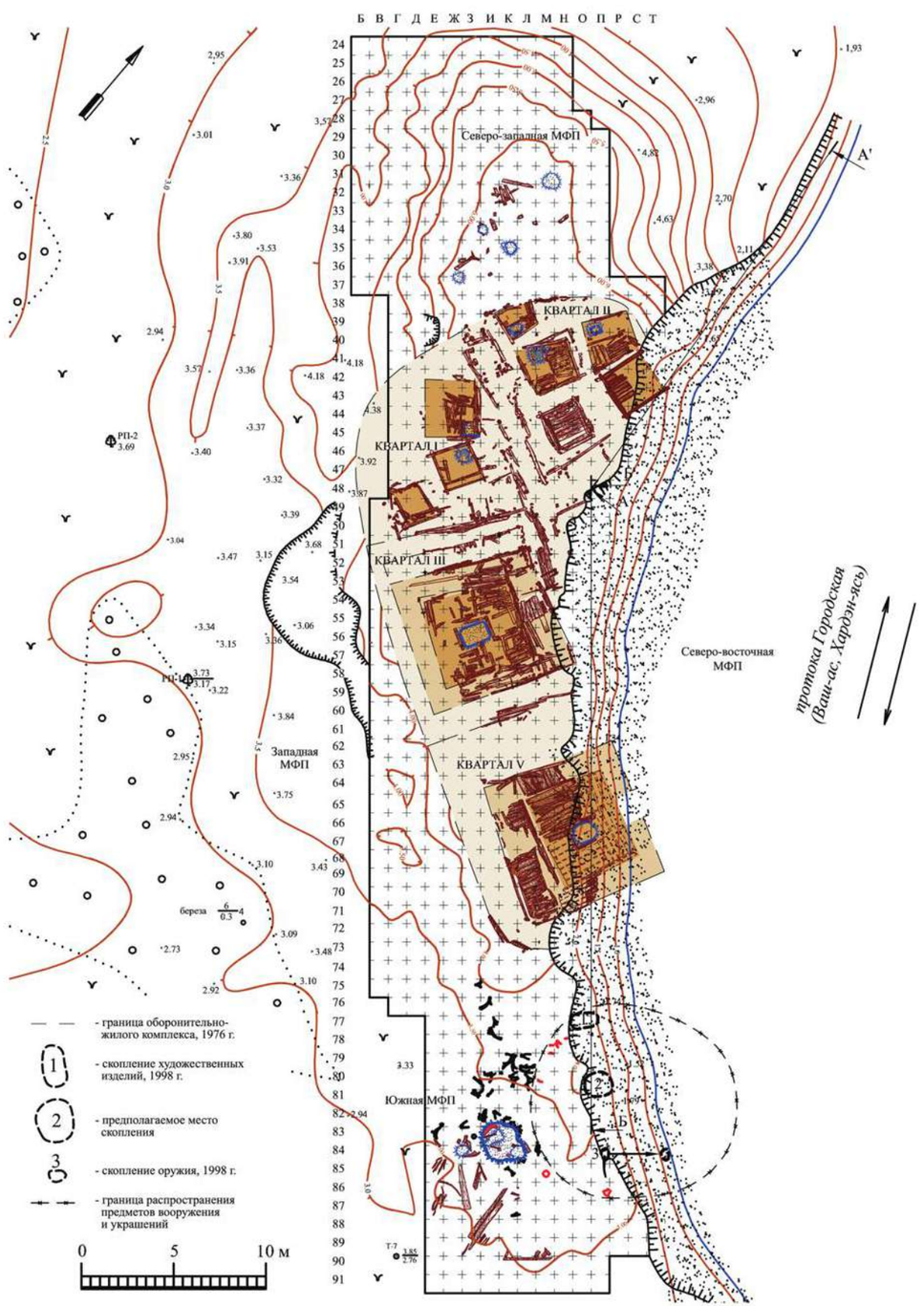


Рис. 2.4. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса первой трети XVIII века

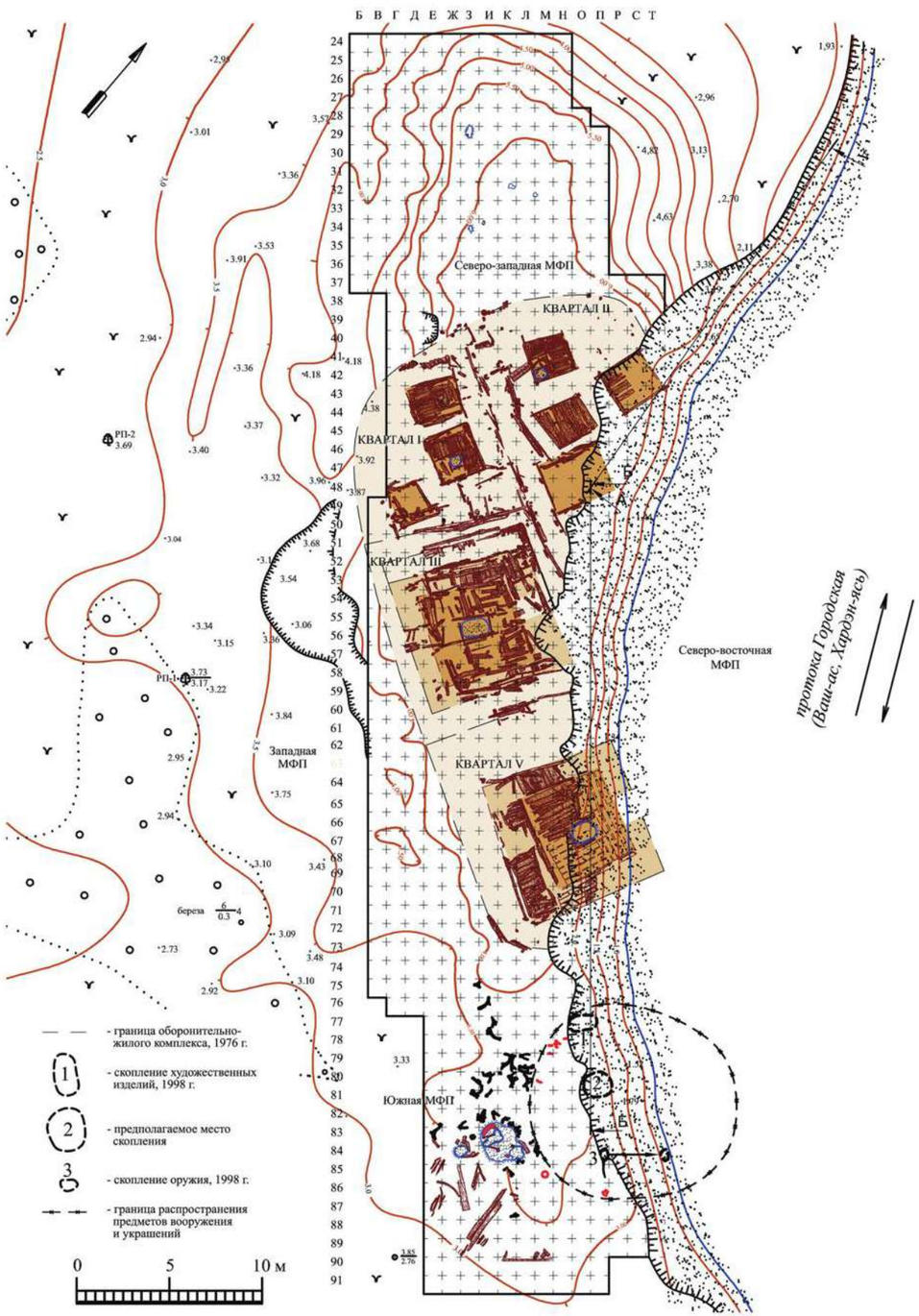


Рис. 2.5. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса середины – второй половины XVII века.

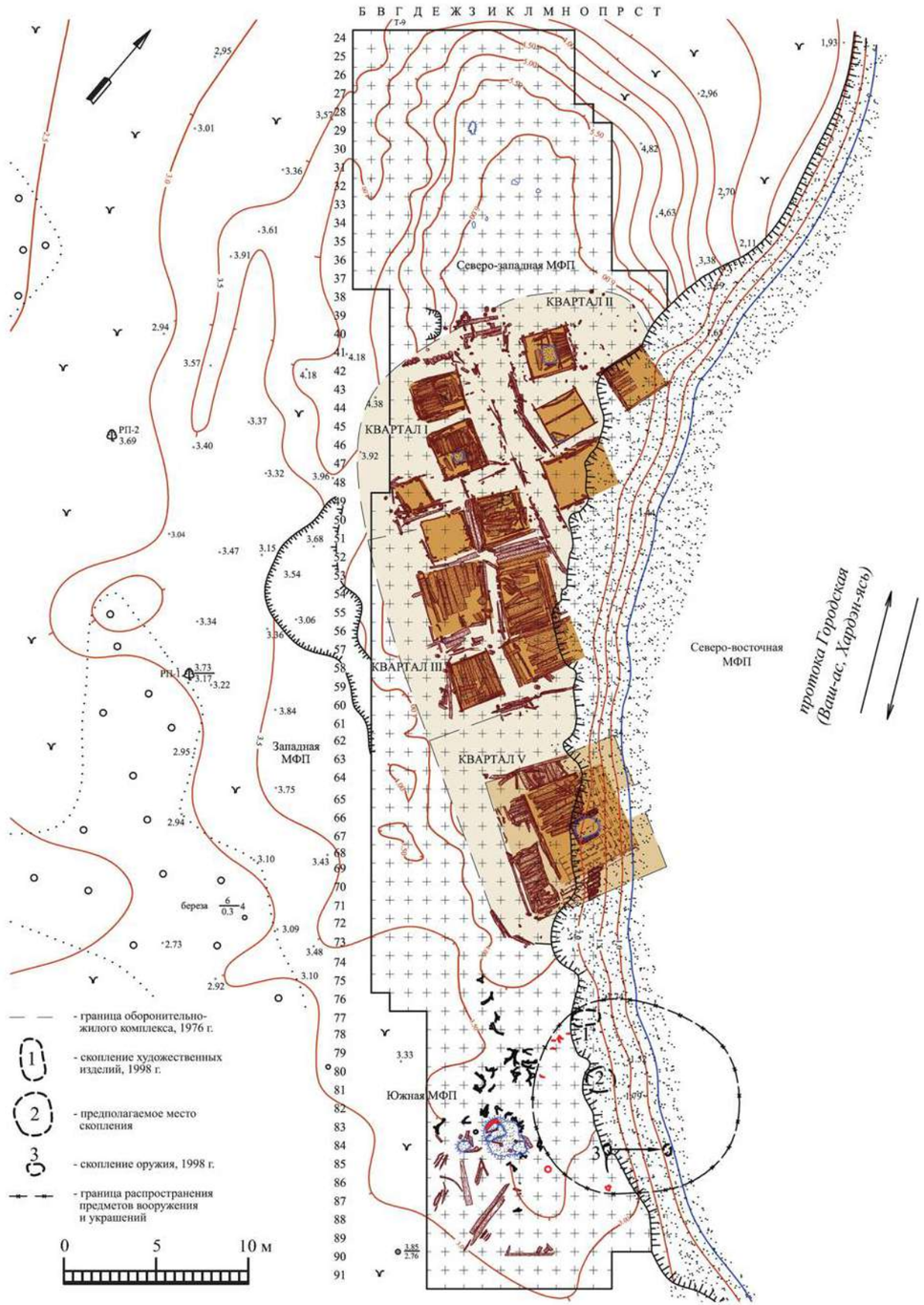


Рис. 2.6. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса последней трети XVI – начала XVII веков

Рис. 2.7. Береговая осыпь. Северная часть. Вид с востока. 1998 г.

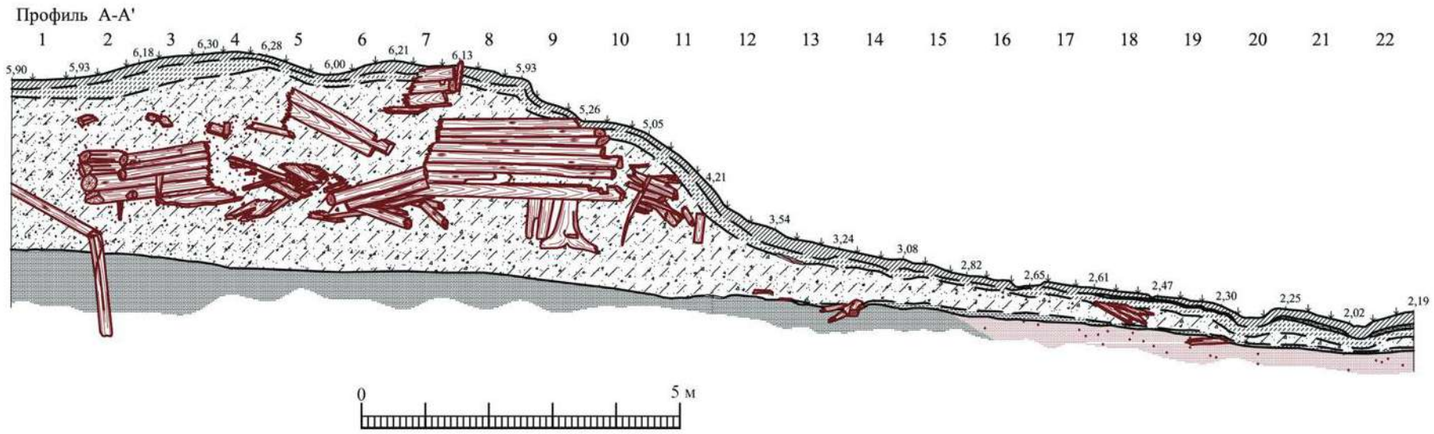


Рис. 2.8. Разрез береговой осыпи по линии А–А′

Рис. 2.9. Разрез береговой осыпи по линии Б–Б′

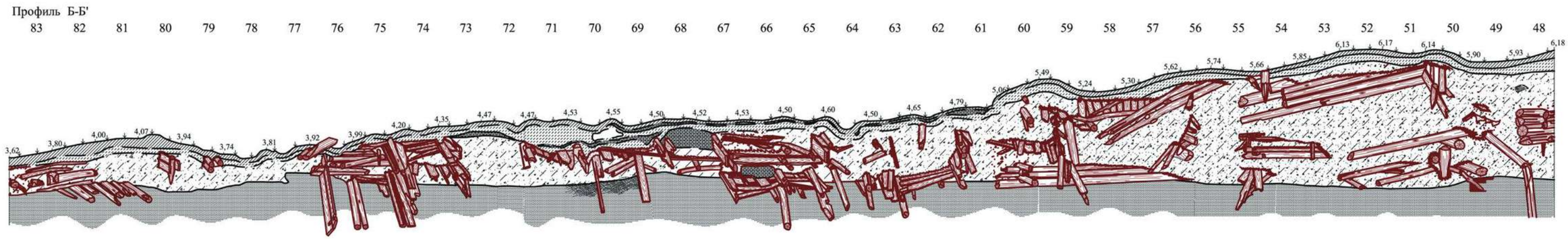


Рис. 2.10. Остатки строений оборонительно-жилого комплекса в северной части городка.
«Остяцкие» кварталы № I и II. Первая треть XVII века. Общий вид с северо-запада. 2002 г.

Рис. 2.11. Остатки строений оборонительно-жилого комплекса в южной части городка.
«Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века. Общий вид с юга. 2002 г.

Рис. 2.12. Фрагменты нижней части наружных стен городка. «Остяцкий» квартал № I.
Уч. Г–Ж/41, 42. XVII век. Вид с юго-запада. 2004 г.

Рис. 2.13. Фрагменты основания конструкции наружной стены городка: остатки опорных столбов и каркаса
из ивовых жердей, формировавших наружную насыпь. «Остяцкий» квартал № II.
Уч. М–П/38. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Вид с севера. 2001 г.

Рис. 2.14. Фрагмент единого перекрытия оборонительно-жилого комплекса городка с располагавшимся на нем скоплением костных останков. «Остяцкий» квартал № I. Уч. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.15. Фрагмент единого перекрытия после снятия скопления костных останков. В истлевших деталях прослеживается дощатая конструкция, уложенная перпендикулярно центральной оси городка. «Остяцкий» квартал № I. Уч. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.16. Фрагменты конструкций, обнаруженные после снятия досок единого перекрытия. «Остяцкий» квартал № I. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.17. План фрагментов кровли сооружения. Застройка первой трети XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,00

Рис. 2.18. Фрагмент единого перекрытия оборонительно-жилого комплекса городка, сохранившийся над пространством центральной улицы. Уч. Л, М/48–50. Вид с юго-запада. 2000 г.

Рис. 2.19. Оборонительно-жилой комплекс городка. Вариант балочно-ригельной конструкции единого перекрытия.
Реконструкция архитектора Н. Н. Митиной.
1 – план-схема дощатого настила единого перекрытия;
2 – балочно-ригельная система опорной конструкции единого перекрытия

Рис. 2.20. Сохранившиеся элементы основания проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVIII века. Уч. 3, И/40. Вид с северо-запада. 1999 г.

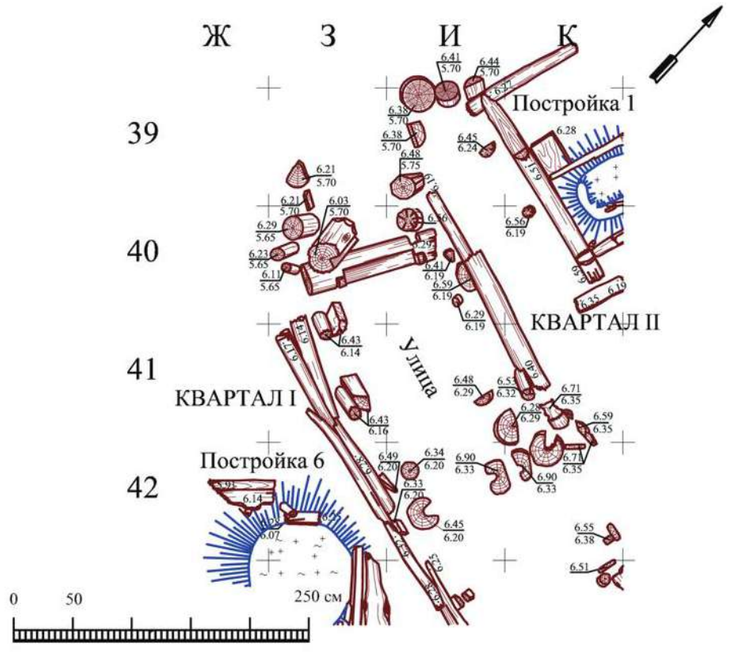


Рис. 2.21. Северо-западный вход в жилой комплекс. Первая треть XVIII века (1700–1730 гг.).
Уровень фиксации –6,00–6,60 (раскоп №2)

Рис. 2.22. Элементы основания конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. 3, И/40–42. Уровень фиксации 6,20–5,90. Вид с юга. 2001 г.

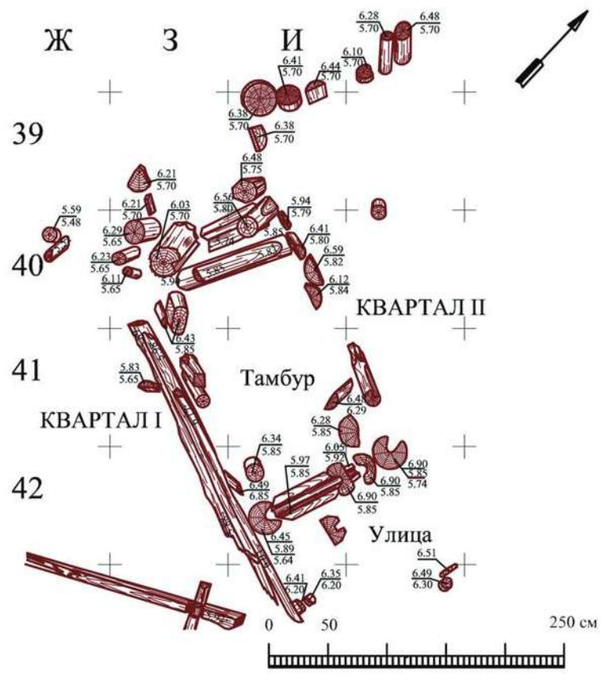


Рис. 2.23. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,20–5,90

Рис. 2.24. Элементы основания проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уч. 3, И/40. Уровень фиксации –5,90–5,70. Вид с юга. 2002 г.

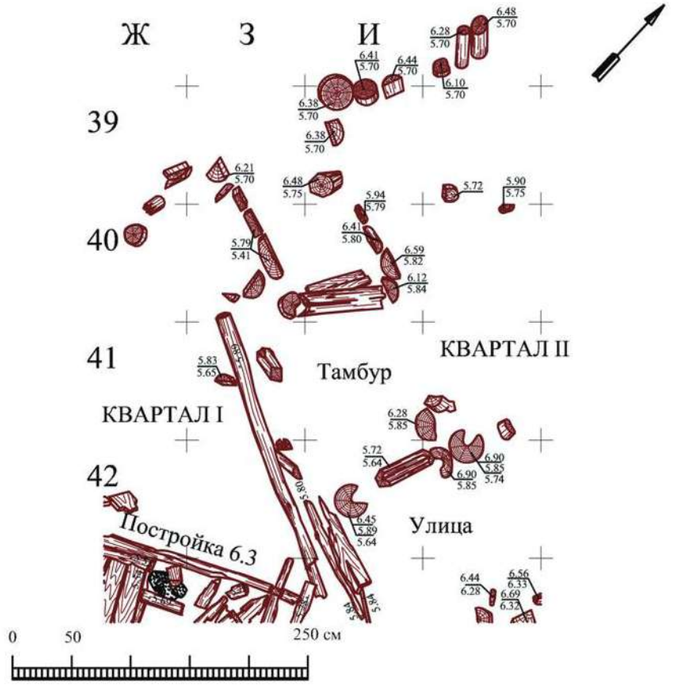


Рис. 2.25. Северо-западный вход в жилой комплекс. Первая треть XVII века (1640–1670 гг.). Уровень фиксации –5,70–5,90 (раскоп №2)

Рис. 2.26. Основание проёмообразующей конструкции северо-западного входа
в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVII века (ок. 1600–1640 гг.).
Уч. 3, И/39, 40. Уровень фиксации 5,40–5,70. Вид с севера. 2003 г.

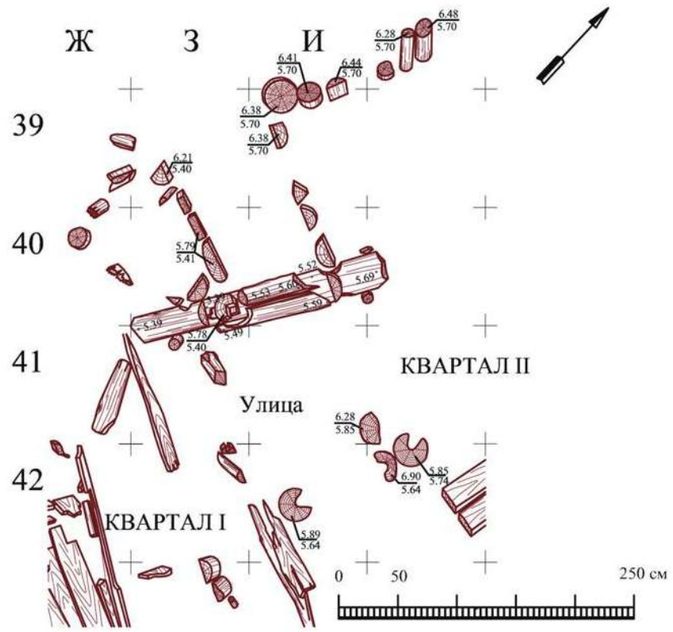


Рис. 2.27. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка.
Первая треть XVII века (ок. 1600–1640 гг.). Уровень фиксации 5,70–5,40

Рис. 2.28. Основание проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой
комплекс городка. Последняя треть XVI века (ок. 1570–1600 гг.).
Уровень фиксации –5,40–5,00. Вид с севера. 2004 г.

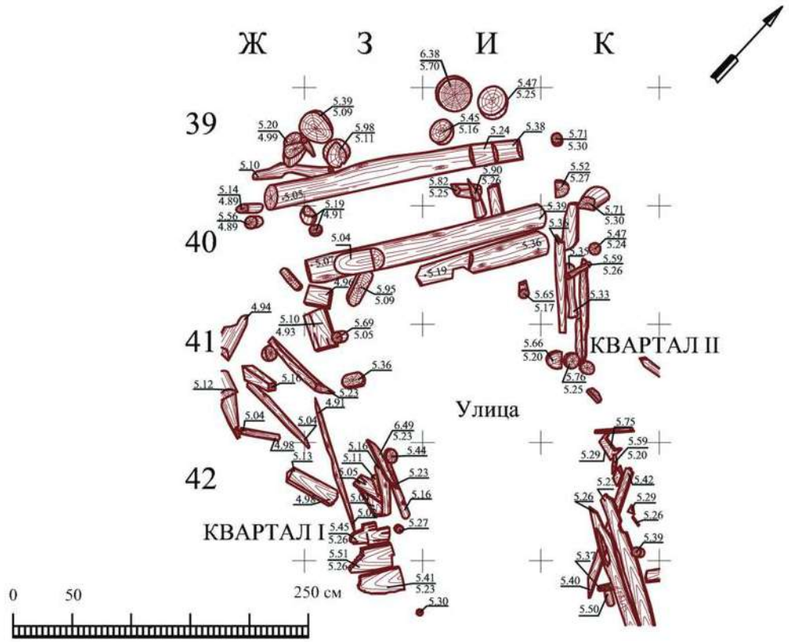


Рис. 2.29. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка.
Последняя треть XVI века (ок. 1570–1600 гг.). Уровень фиксации –5,40–5,00

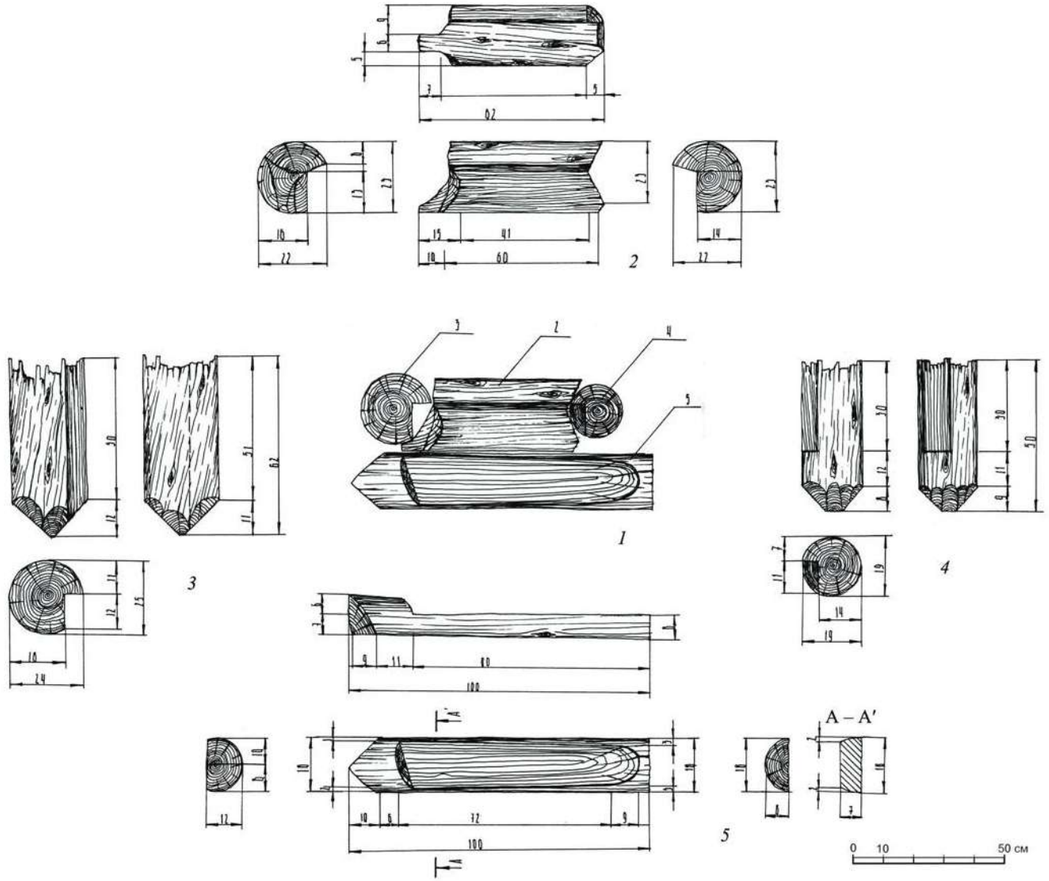


Рис. 2.30. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход.
Обмерный чертеж элементов в основании проёмообразующей конструкции.
1 – элементы в плане; *2* – порог; *3* – правый боковой столб; *4* – левый боковой столб; *5* – дополнительная послепороговая плаха; *6* – общий вид с юга. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. 3, И/40. Уровень фиксации 6,20–5,90. 2001 г.

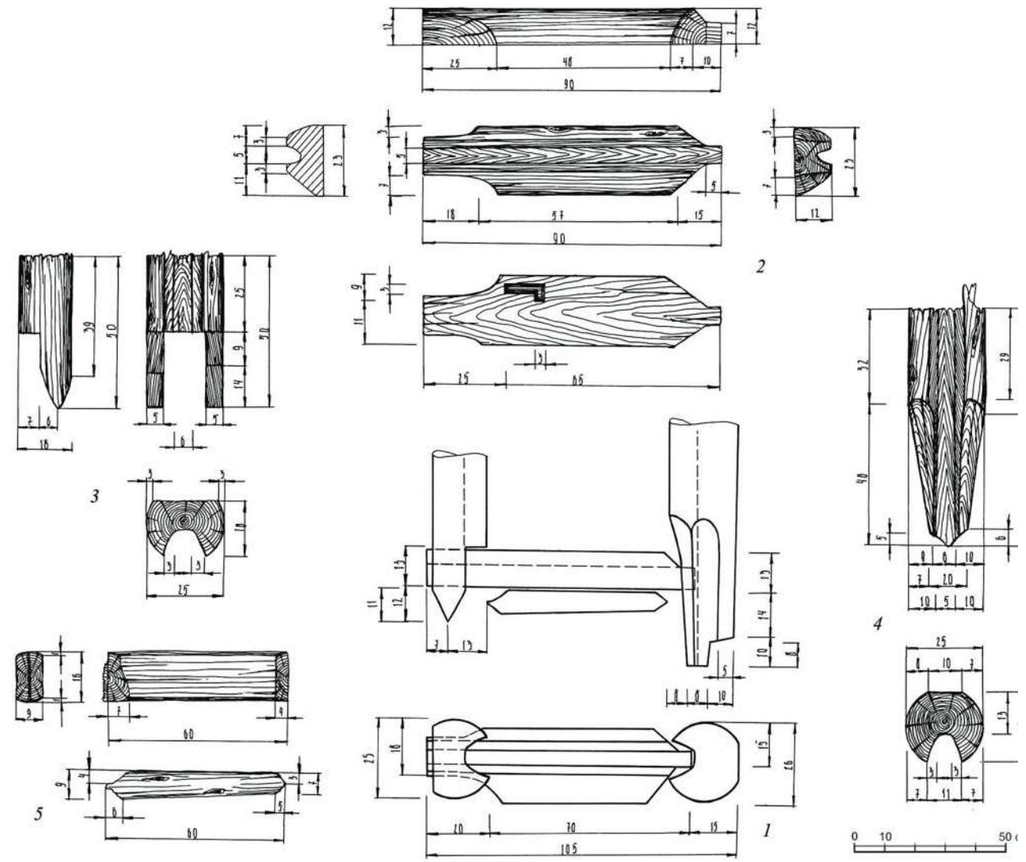
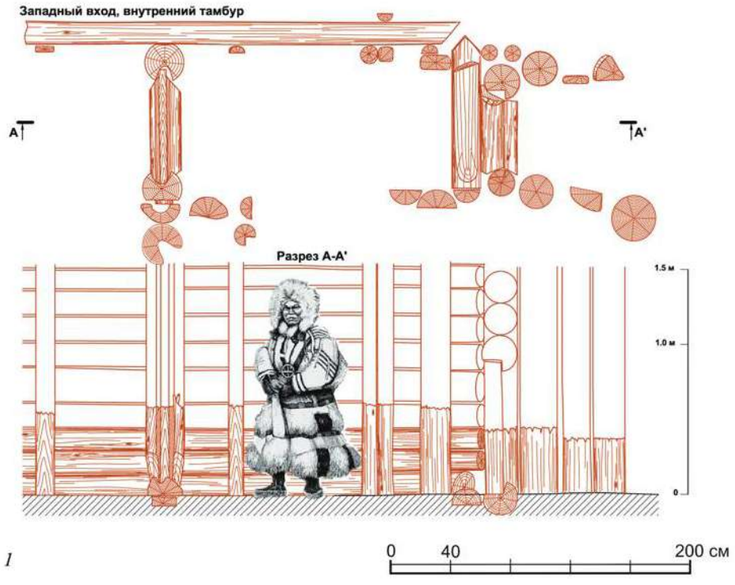


Рис. 2.31. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход.
Обмерный чертеж элементов, формирующих конструкцию перегородки внутреннего тамбура.
1 – элементы в плане и продольном разрезе; *2* – порог; *3* – правый боковой столб; *4* – левый боковой столб; *5* – дополнительный подпороговый брус; *6* – общий вид с юга. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И, К/42. Уровень фиксации 6,20–5,90. 2001 г.



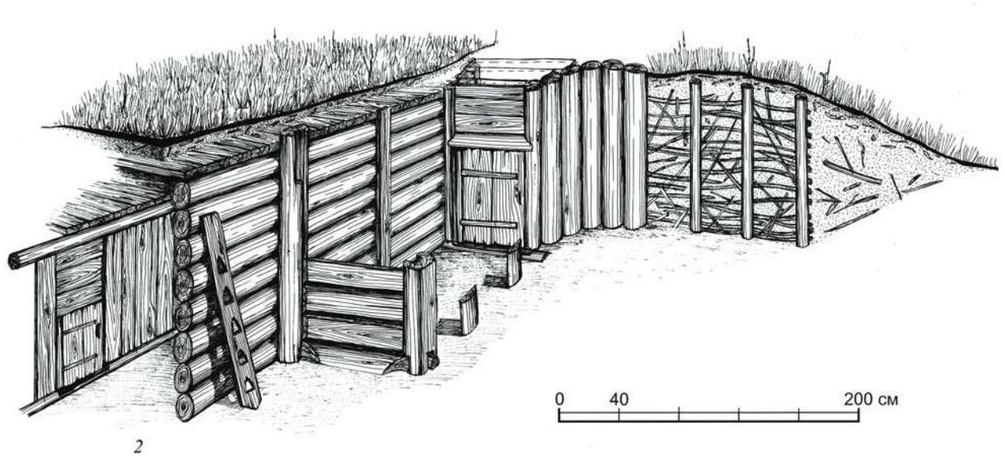


Рис. 2.32. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход. Последняя треть XVII века. Реконструкция О. В. Кардаша.
1 – план и разрез; *2* – вид из пространства квартала № II

Рис. 2.33. Фрагменты стеновой конструкции внутренней перегородки городка.
Между бревнами прорублено вентиляционное отверстие — «продух». Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.).
Центральная улица. Уч. М/51–53. Вид с юга. 2000 г.

Рис. 2.34. Фрагменты основания стеновой конструкции внутренней перегородки городка.
Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Проход между кварталами. Уч. З, И/40–43. Вид с востока. 2001 г.

Рис. 2.35. Надымский городок. Внешний вид летом. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Н. Н. Митиной

Рис. 2.36. Надымский городок. Внешний вид зимой. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Н. Н. Митиной

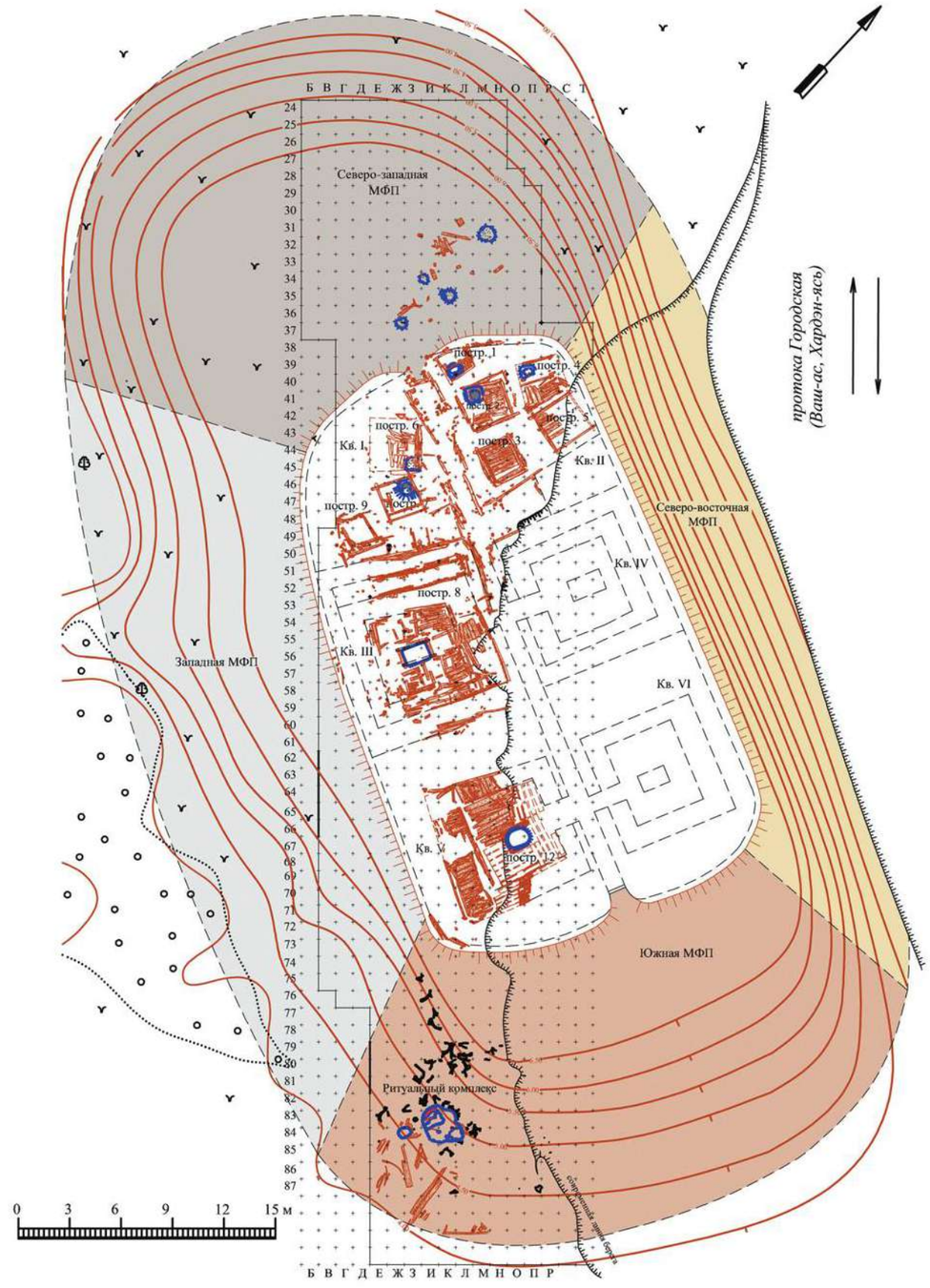


Рис. 2.37. Генеральный план. Планировочная структура первой трети XVIII века.
Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой

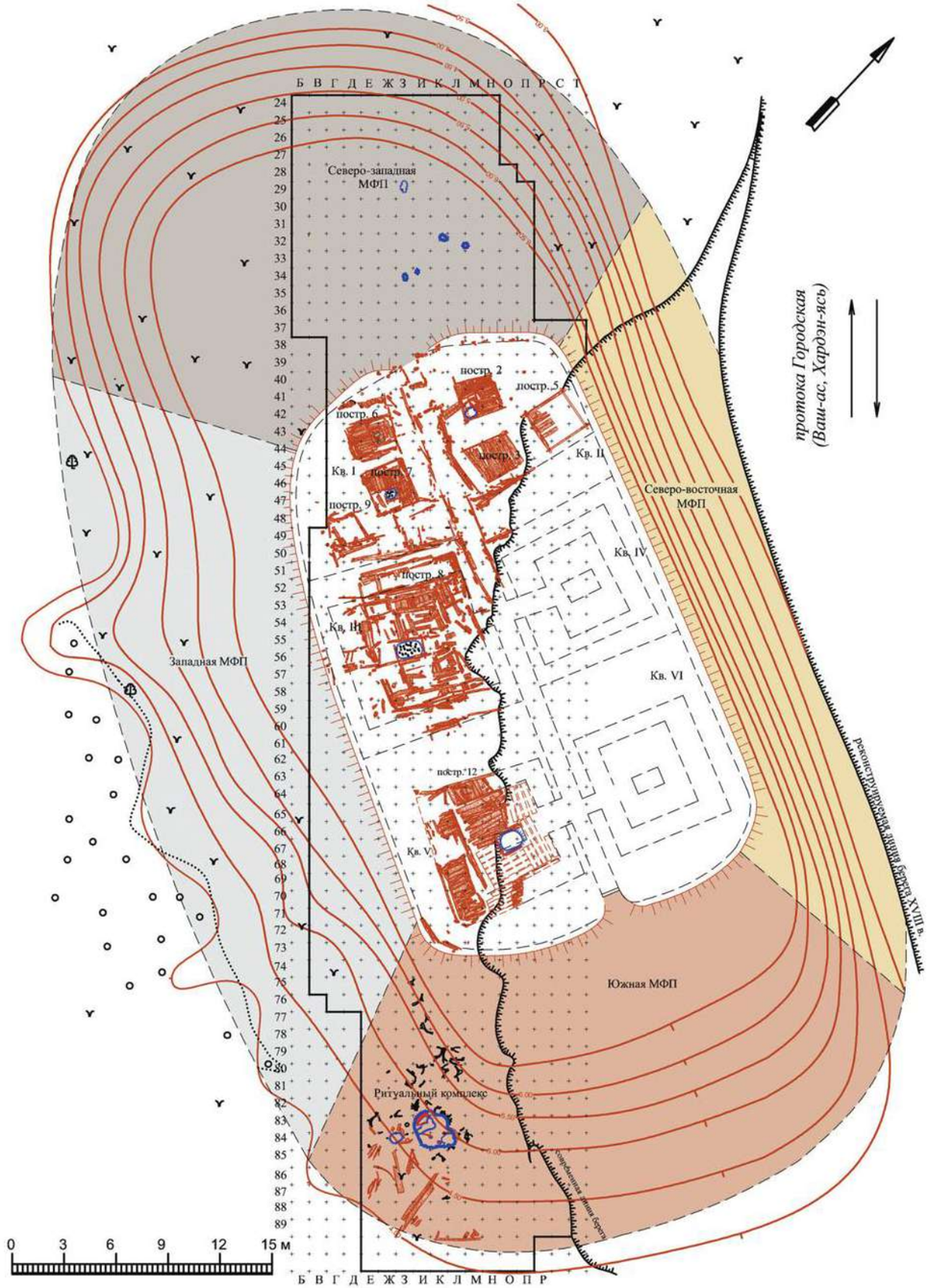


Рис. 2.38. Генеральный план. Планировочная структура середины XVII века.
Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой

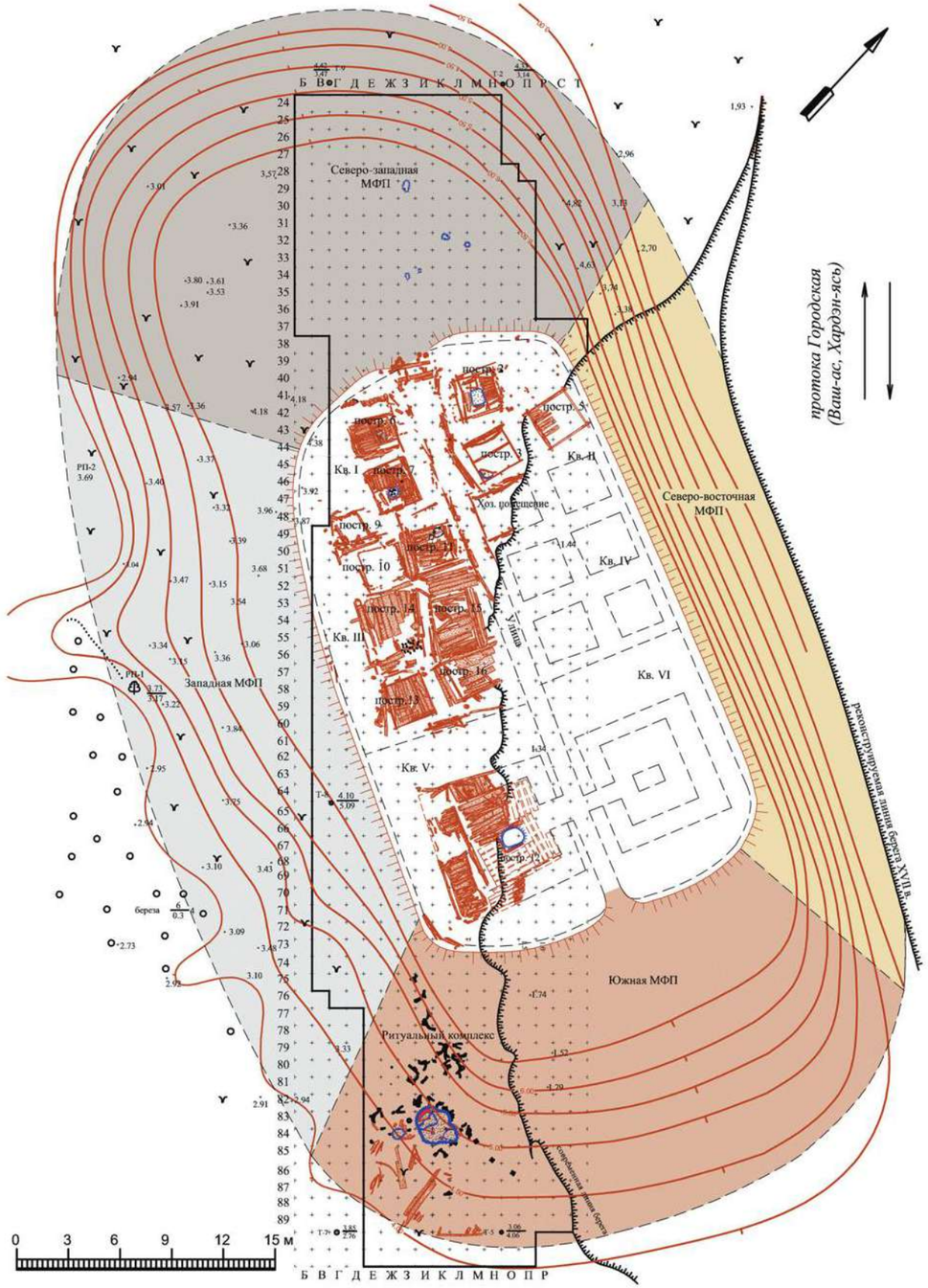


Рис. 2.39. Генеральный план. Планировочная структура последней трети XVI – начала XVII веков (ок. 1580–1610 гг.).
Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой

Рис. 2.40. «Остяцкий» квартал № I.
Соотношение «остяцкого» квартала № I (справа) с «остяцким» кварталом № II (слева).
Первая треть XVIII века. Общий вид с северо-запада. 2001 г.

Рис. 2.41. «Остяцкий» квартал № I. Первая треть XVIII века. Общий вид с запада. 2001 г.

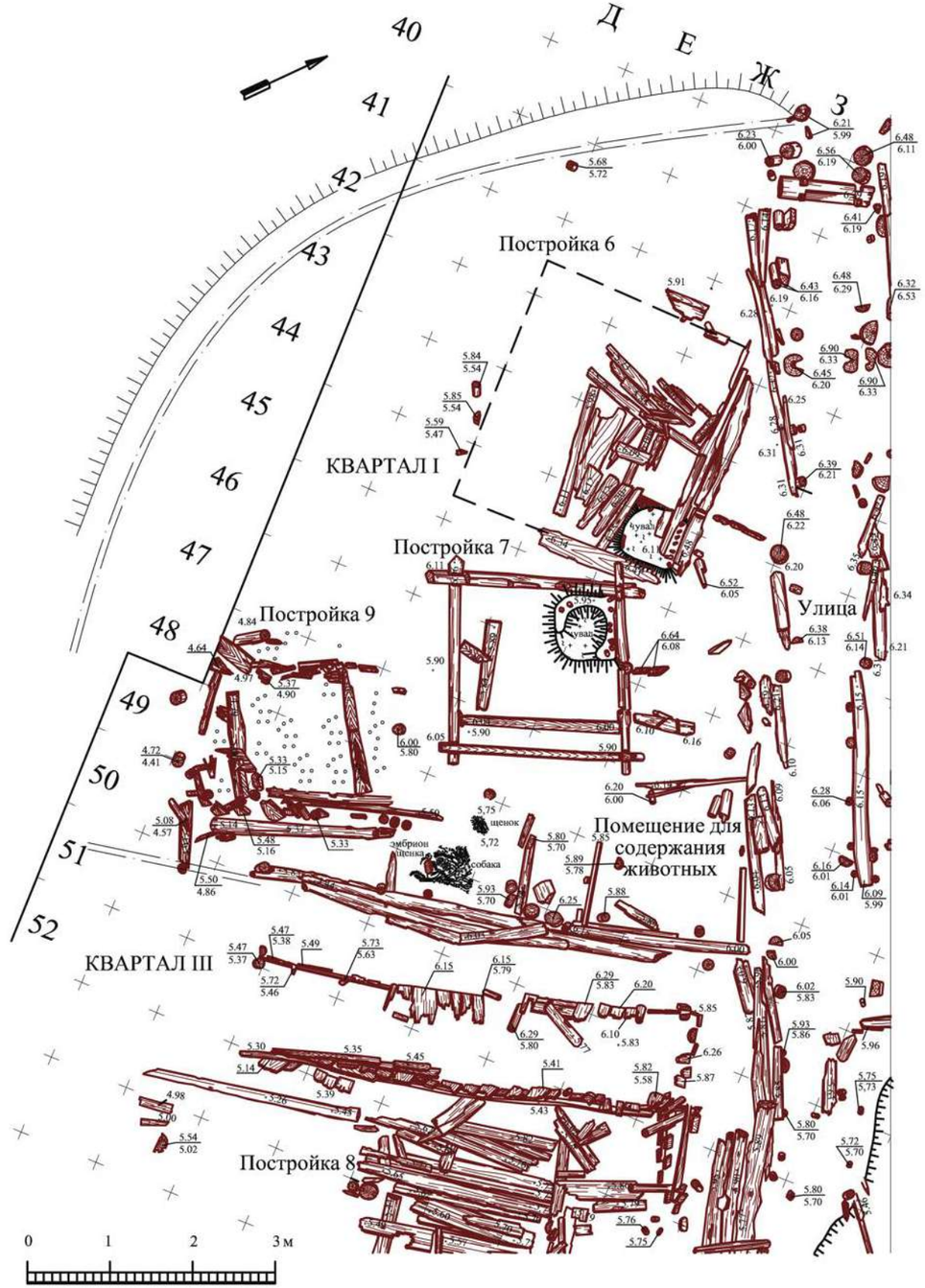


Рис. 2.42. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура первой трети XVIII века
(ок. 1720–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,30

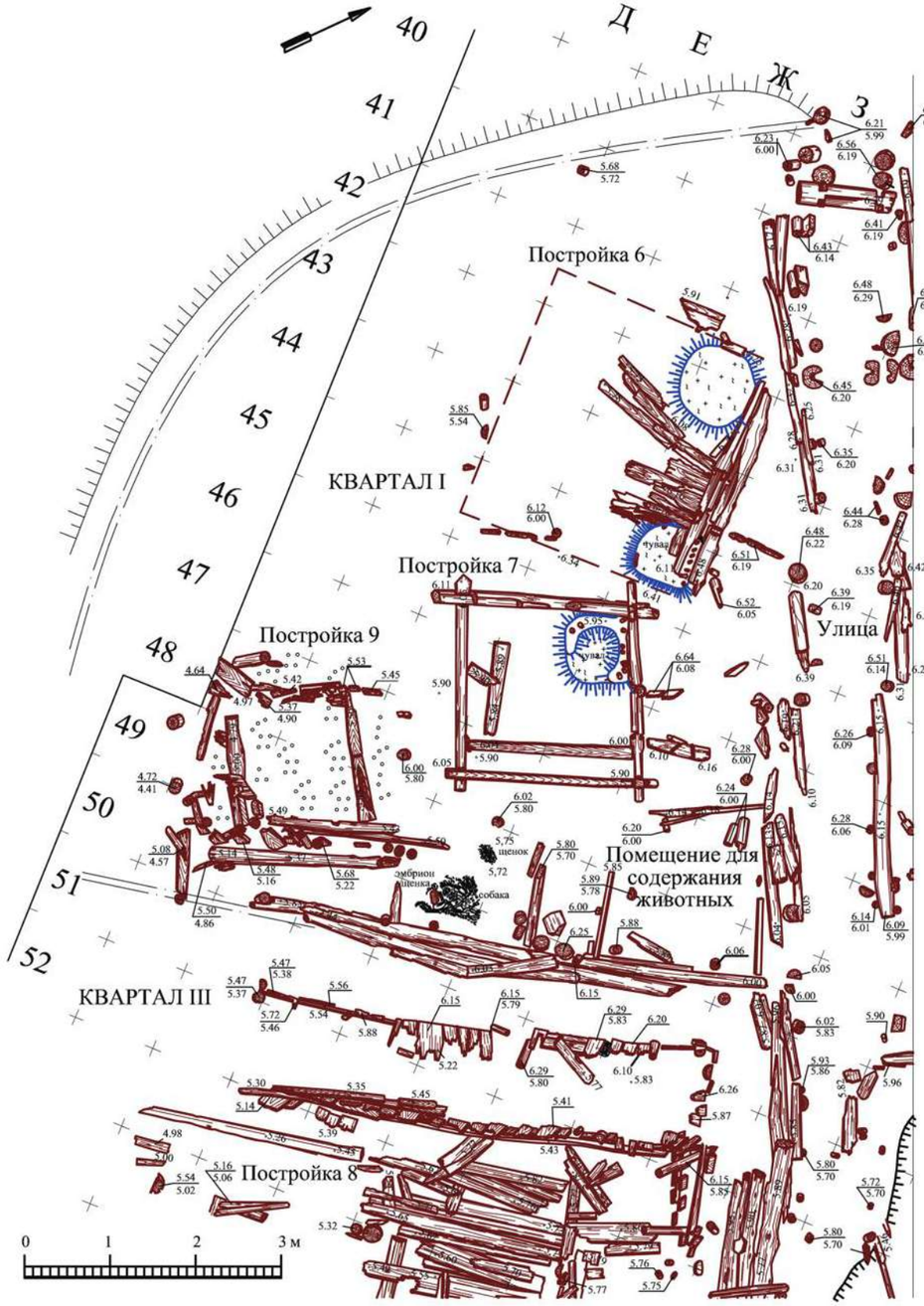


Рис. 2.43. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1705–1720 гг.). Уровень фиксации 6,30–6,10

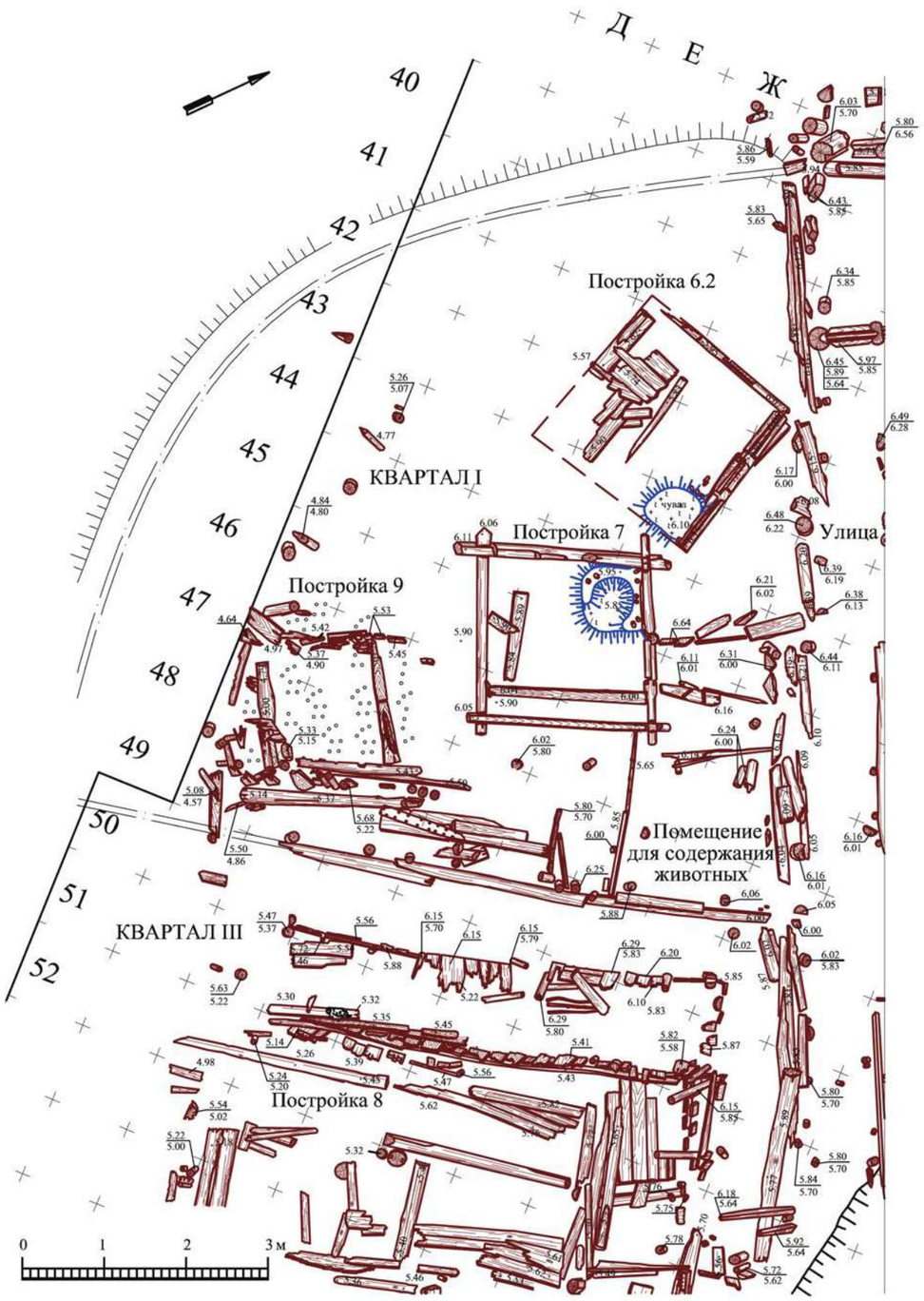


Рис. 2.44. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,10–5,90

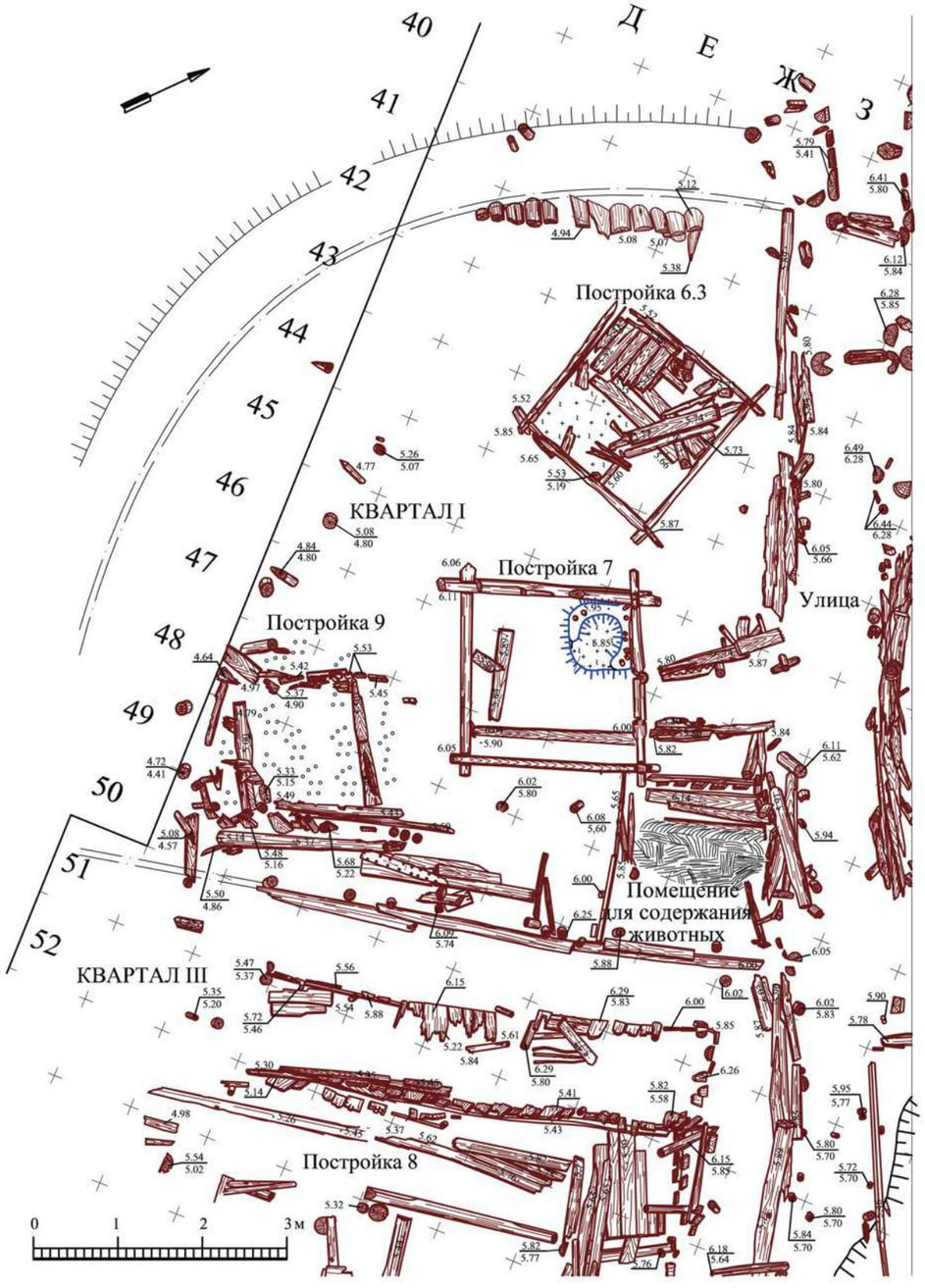


Рис. 2.45. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1640–1670 гг.).
Уровень фиксации 5,90–5,60

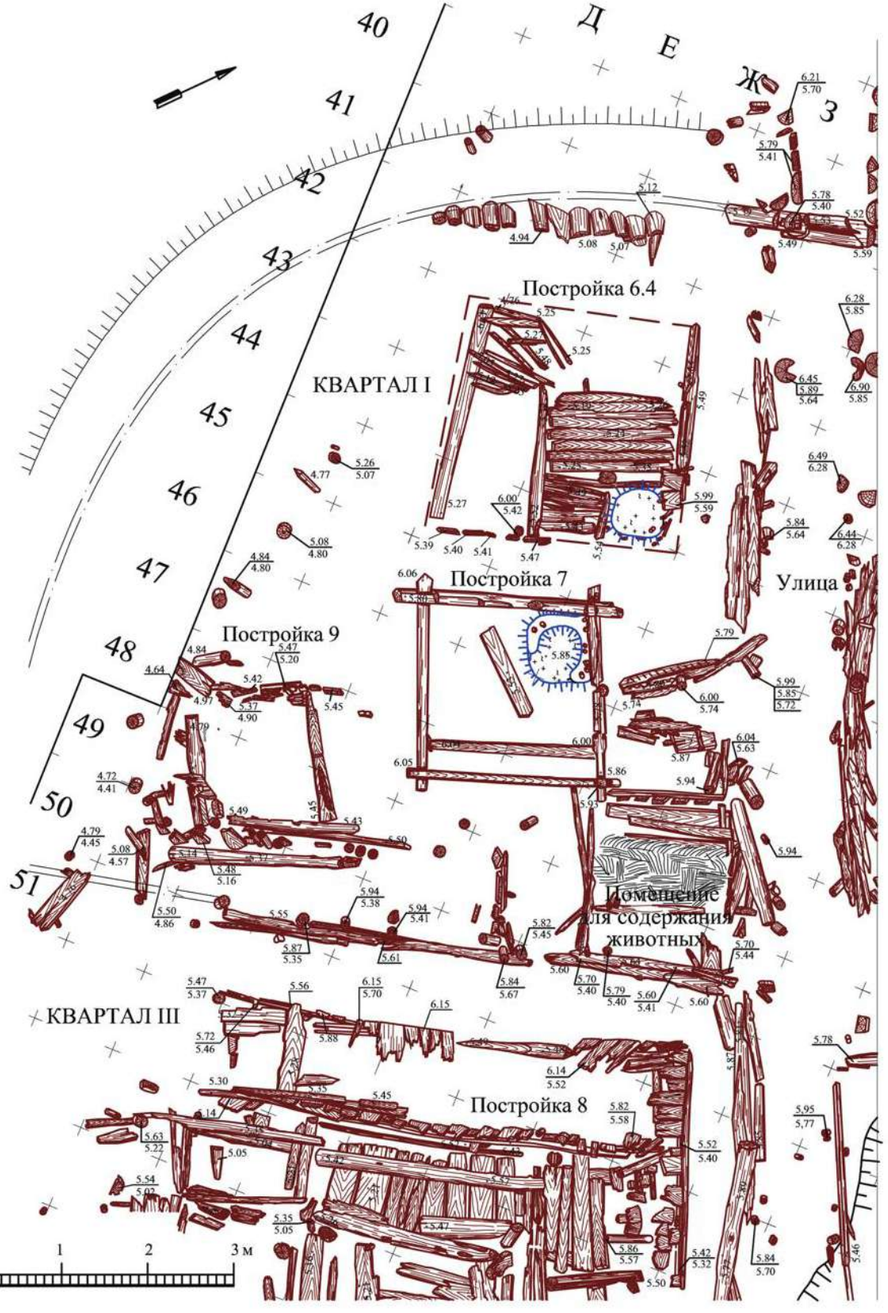


Рис. 2.46. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура второй четверти XVII века (ок. 1630–1640 гг.).
Уровень фиксации 5,60–5,30

Рис. 2.47. «Остяцкий» квартал № I. Помещения для содержания животных.
Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И–Л/47–49. Вид с северо-востока. 2001 г.

Рис. 2.48. «Остяцкий» квартал № I. Помещение для содержания животных.
Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И–Л/47–49. Вид с северо-запада. 2001 г.

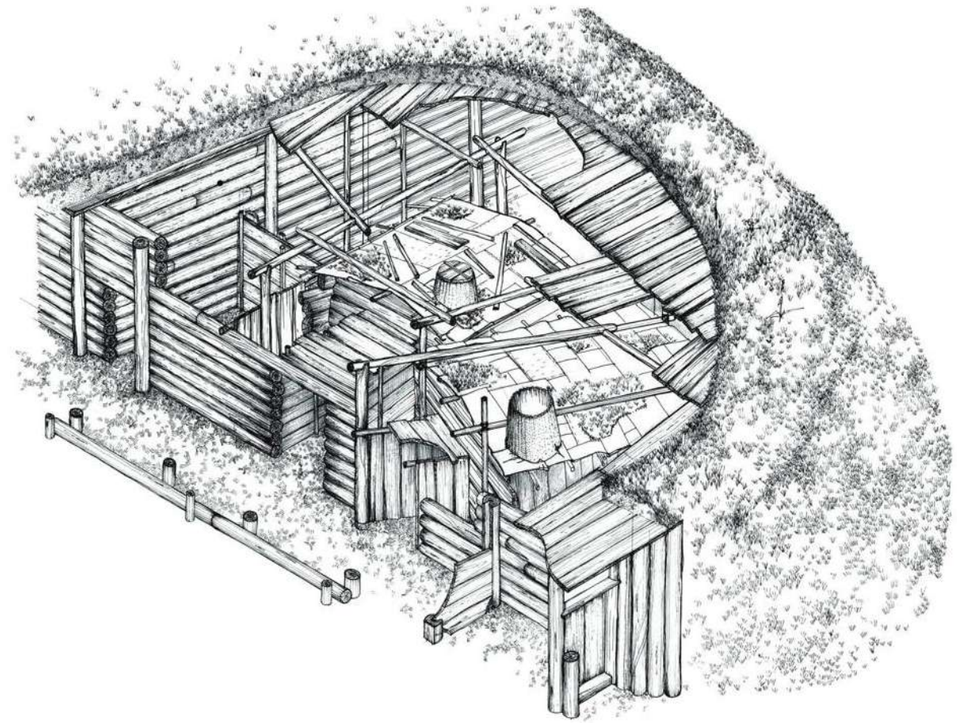


Рис. 2.49. «Остяцкий» квартал № I. Первая треть XVIII века. Вид с севера.
Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Е. Н. Петровой

Рис. 2.50. «Остяцкий» квартал № I. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с севера. 2002 г.

Рис. 2.51. «Остяцкий» квартал № I. Центральная часть. Конец XVI – начало XVII веков.

Рис. 2.52. «Остяцкий» квартал № I. Южная часть. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.).
Общий вид с запада. 2005 г.

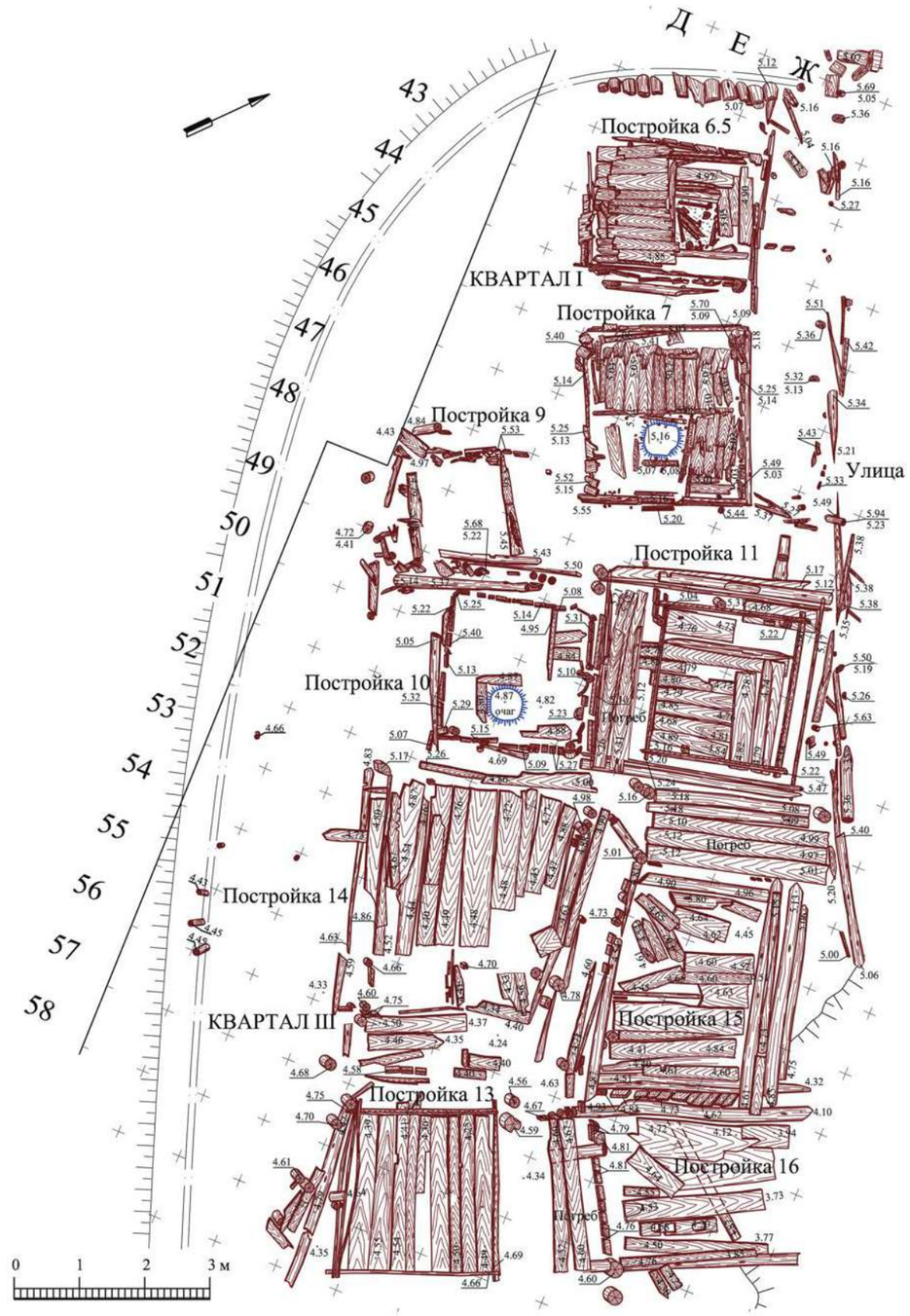


Рис. 2.53. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура конца XVI – начала XVII веков (ок. 1580–1610 гг.).
Уровень фиксации 5,30–5,00 (4,60)

Рис. 2.54. «Остяцкий» квартал № II. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с севера. 2002 г.

Рис. 2.55. «Остяцкий» квартал № II. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с юга. 2002 г.

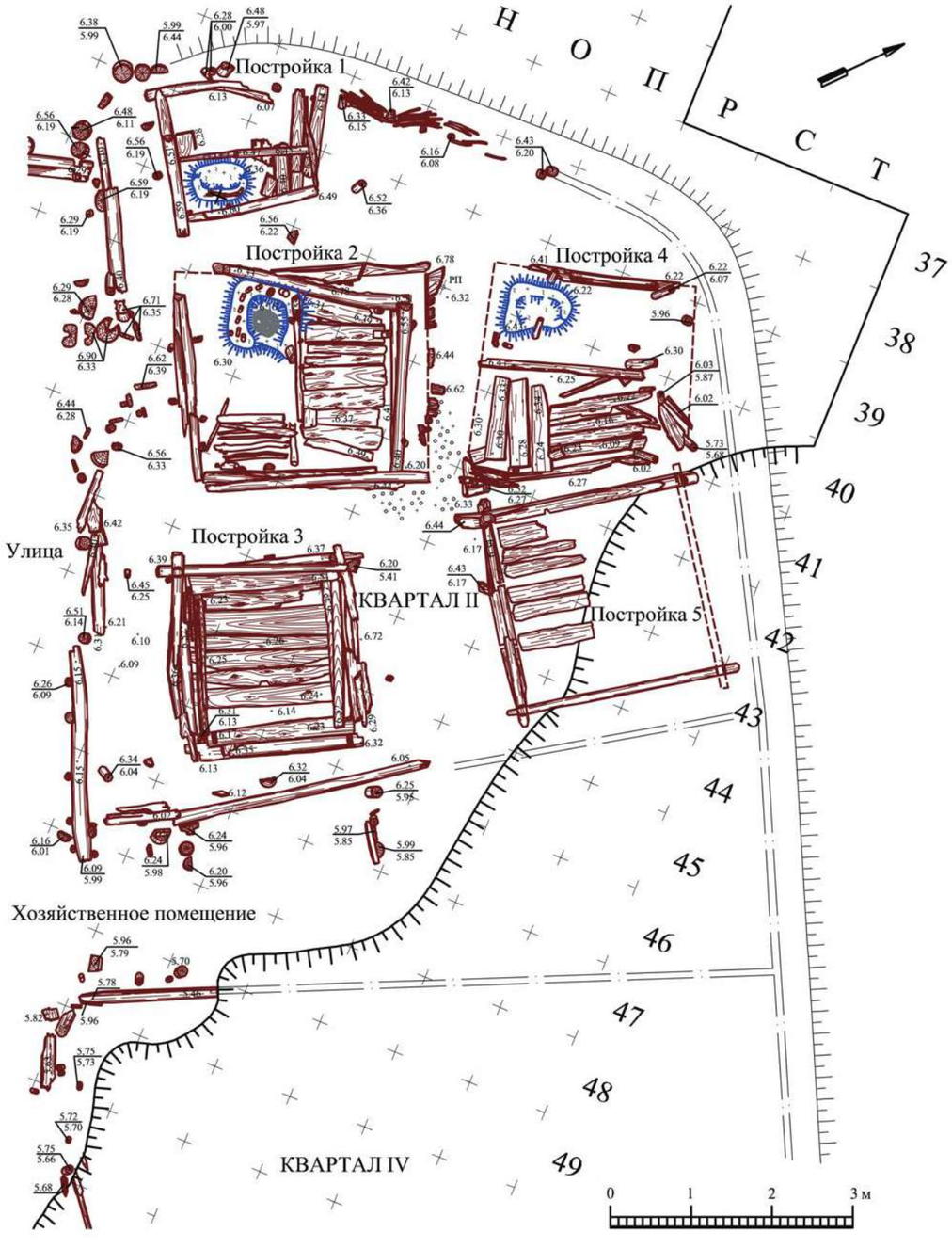


Рис. 2.56. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1720–1730 гг.).
Уровень фиксации 6,60–6,30

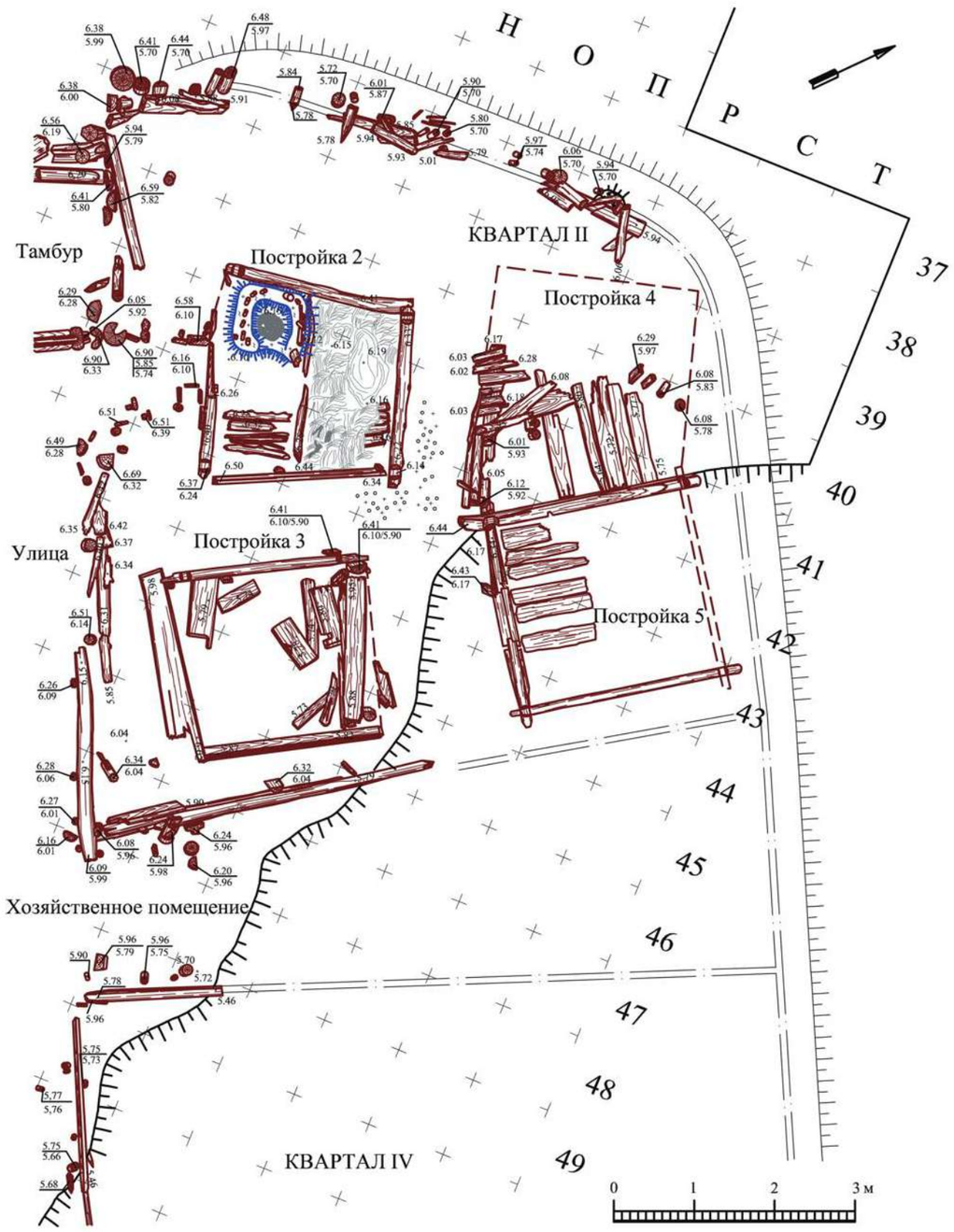


Рис. 2.57. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1705–1720 гг.).
Уровень фиксации 6,30–6,10

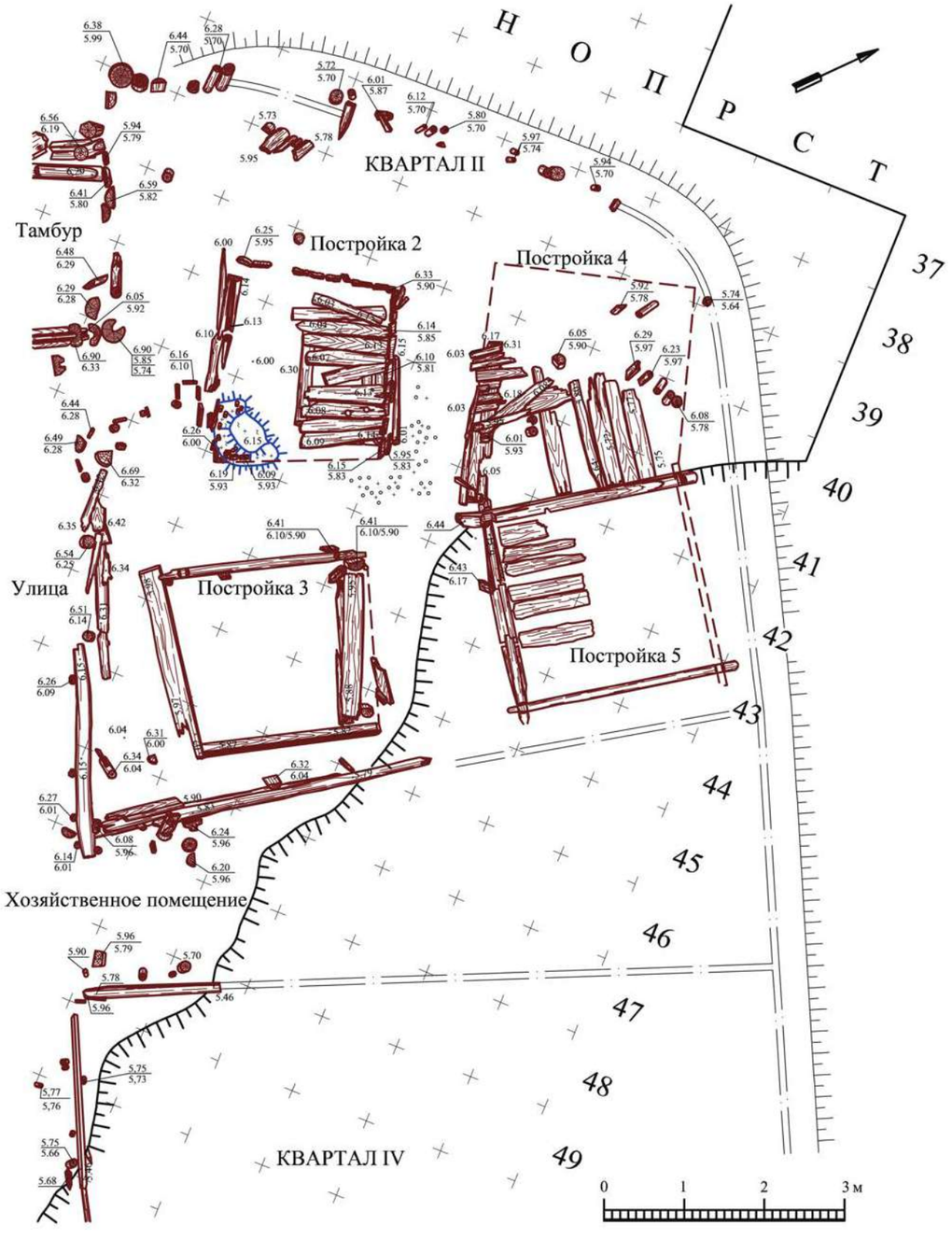


Рис. 2.58. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.).
Уровень фиксации 6,10–5,90

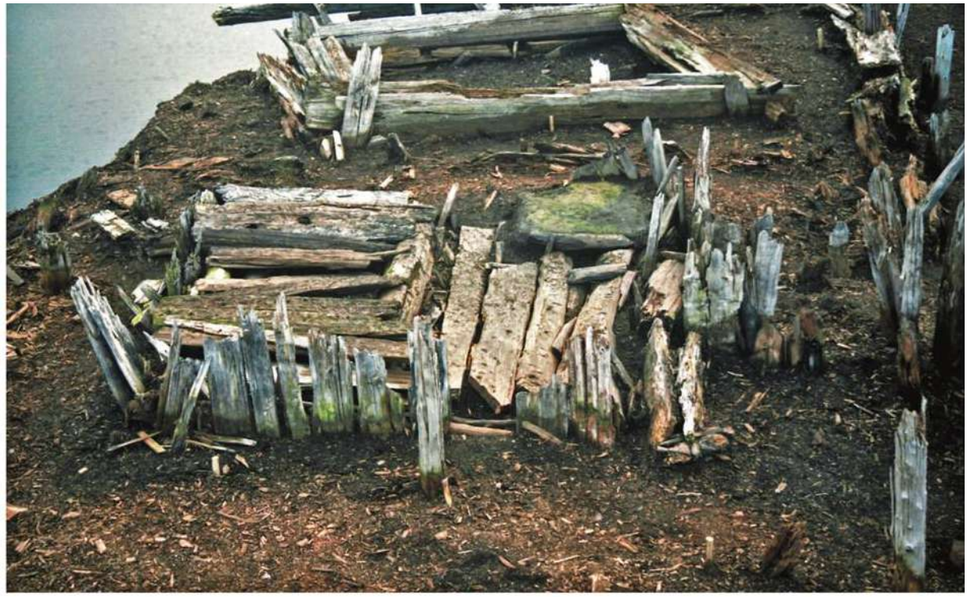


Рис. 2.59. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Середина XVII века (ок. 1640–1670 гг.).
Уч. Л–Н/40–42. Вид с северо-запада. 2001 г.

Рис. 2.60. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 4. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.).
Уч. О–С/39–41. Вид с северо-запада. 2000 г.

Рис. 2.61. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1640–1670 гг.).
Уровень фиксации 5,90–5,60

Рис. 2.62. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Уч. М–О/43–46. Общий вид с юго-востока. 2003 г.

Рис. 2.63. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Конструкция порога. Вид с юго-востока. 2003 г.

Рис. 2.64. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Конструкция соединения стен «в охряпку». Вид с юго-востока. 2003 г.

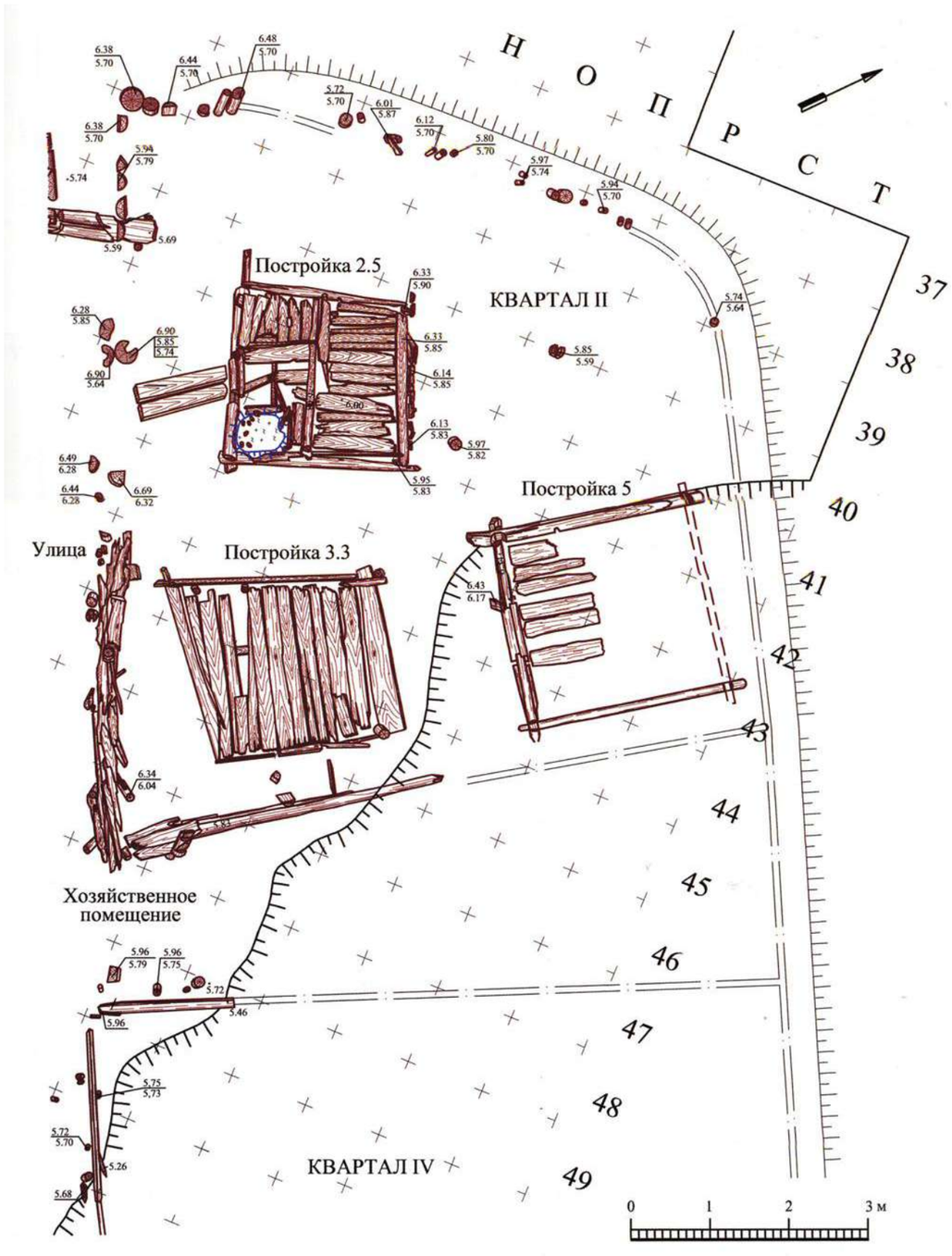


Рис. 2.65. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVII века (ок. 1610–1630 гг.). Уровень фиксации 5,60–5,30

Рис. 2.66. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.).
Уч. Л–Н/40–42. Слева (в западном углу) — основание чувала, расчищенное до топки;
справа (в южном углу) — остатки чувала, функционировавшего до начала XVIII века. Вид с юга. 2000 г.

Рис. 2.67. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.).
Уч. Л–Н/40–42. Серое углистое пятно в центре — очаг на глиняном основании. Вид с юго-запада. 2005 г.

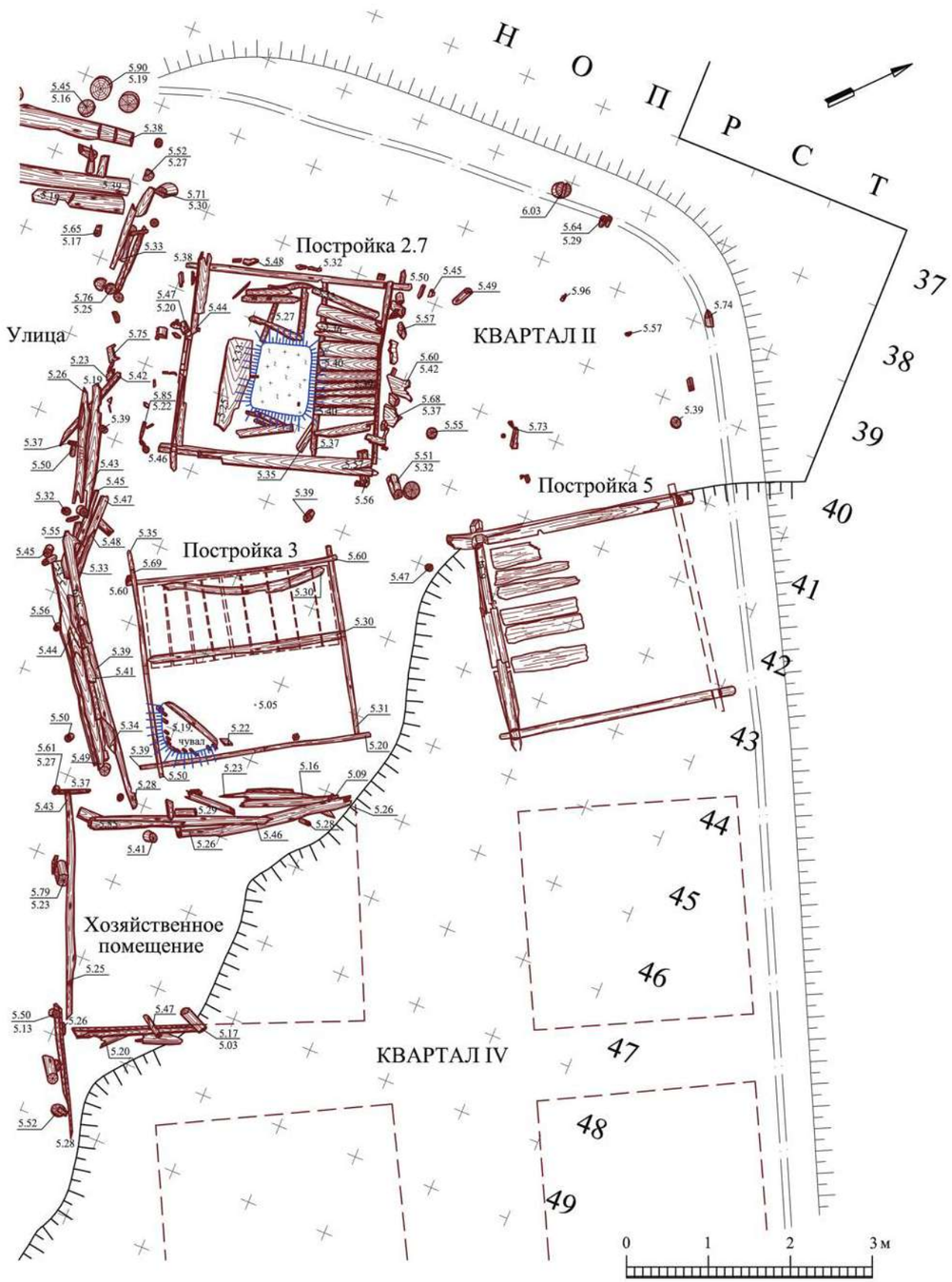
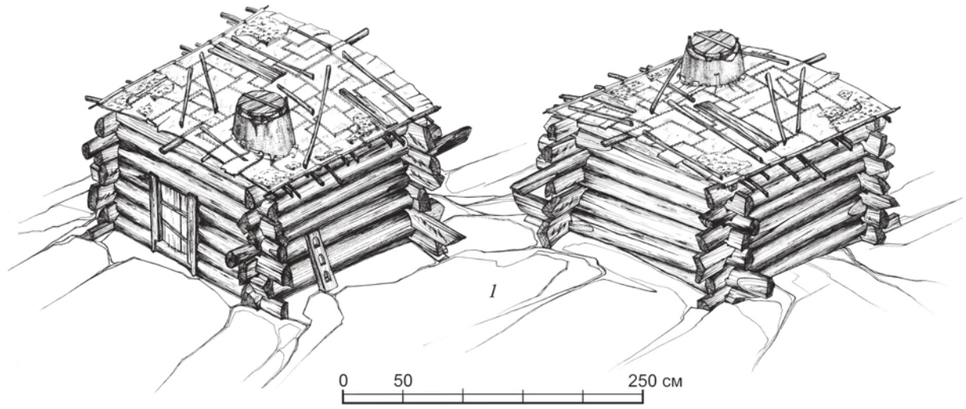


Рис. 2.68. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура конца XVI – начала XVII века (ок. 1580–1610 гг.).
Уровень фиксации –5,30–5,00

Рис. 2.69. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.).
В заполнении строения — ивовые жерди и сшитые берестяные листы, фрагменты собственной кровли постройки.
Квартал № I, уч. Е–З/46–48. Вид с юго-запада. 1999 г.

Рис. 2.70. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Вторая половина XVII – первая треть XVIII веков
(ок. 1650–1730 гг.). Внутреннее пространство после расчистки. Квартал № I, уч. Е–З/46–48. Вид с запада. 2001 г.



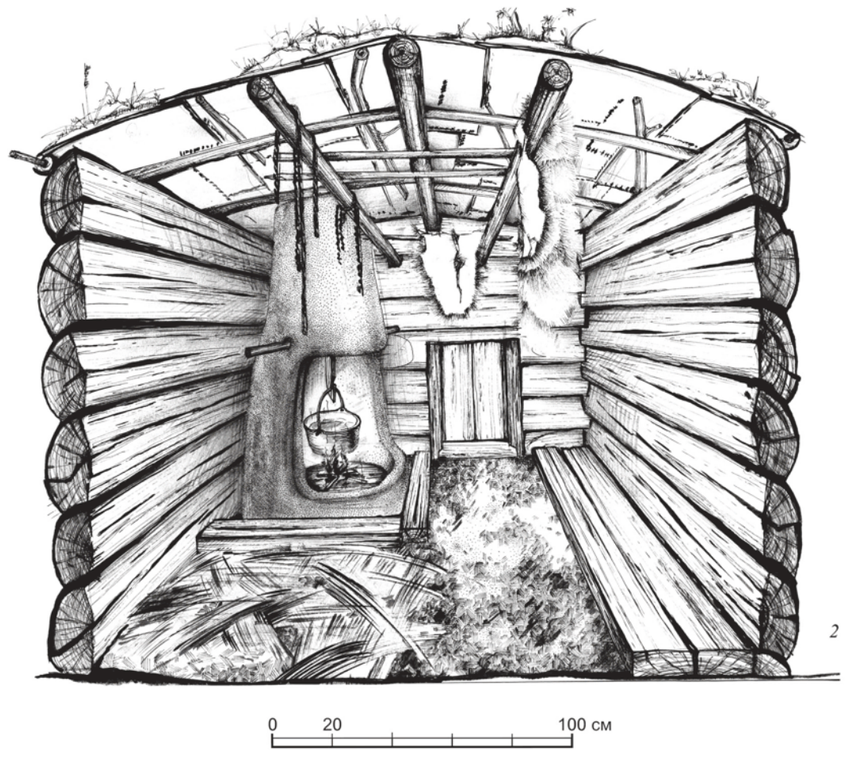
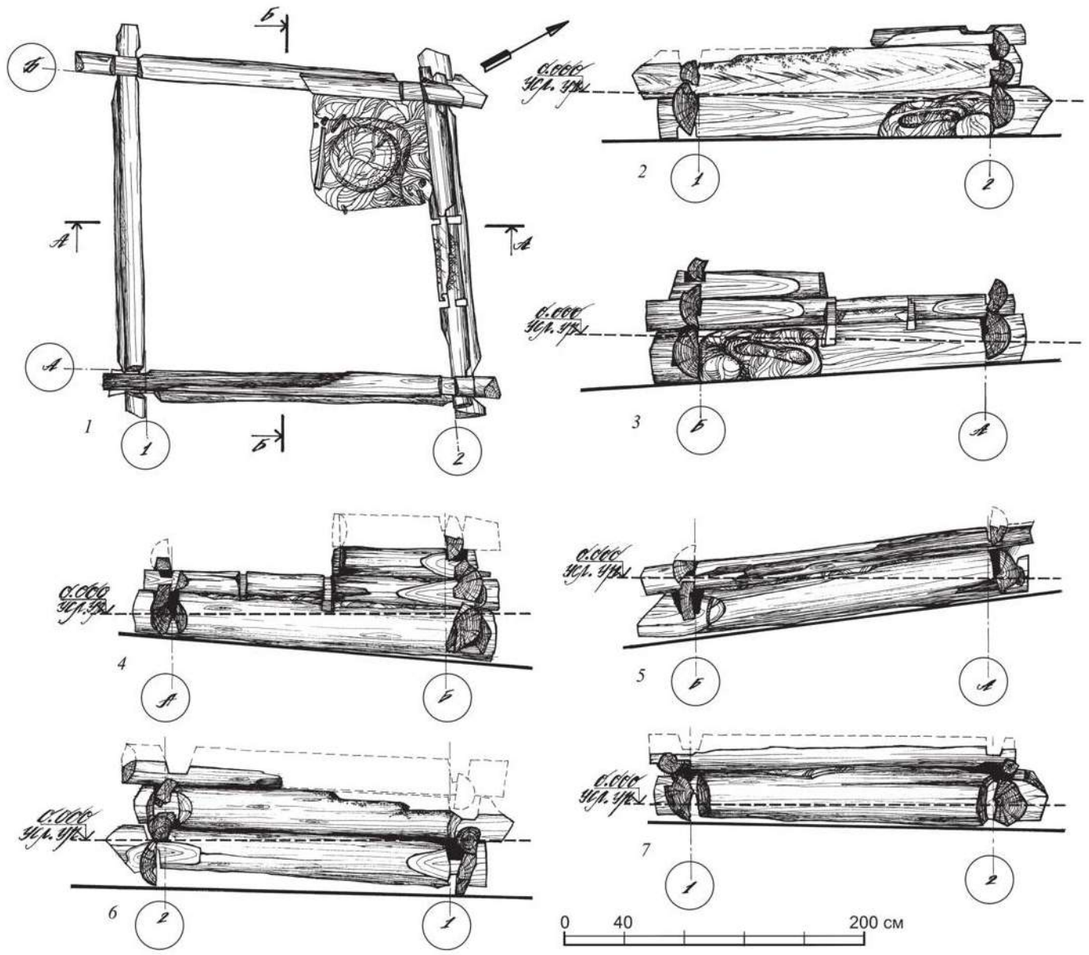


Рис. 2.71. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7.
Вторая половина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1650–1730 гг.). Реконструкция Е. Н. Петровой.
1 – общий вид; *2* – интерьер



8

Рис. 2.72. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7.
Вторая половина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1650–1730 гг.). Обмерный чертеж.
1 – план; *2* – разрез А–А'; *3* – разрез Б–Б'; *4* – лицевой северо-восточный фасад; *5* – задний юго-западный фасад; *6* – правый боковой северо-западный фасад; *7* – левый боковой юго-восточный фасад 1–2; *8* – внутреннее пространство, вид с юго-запада

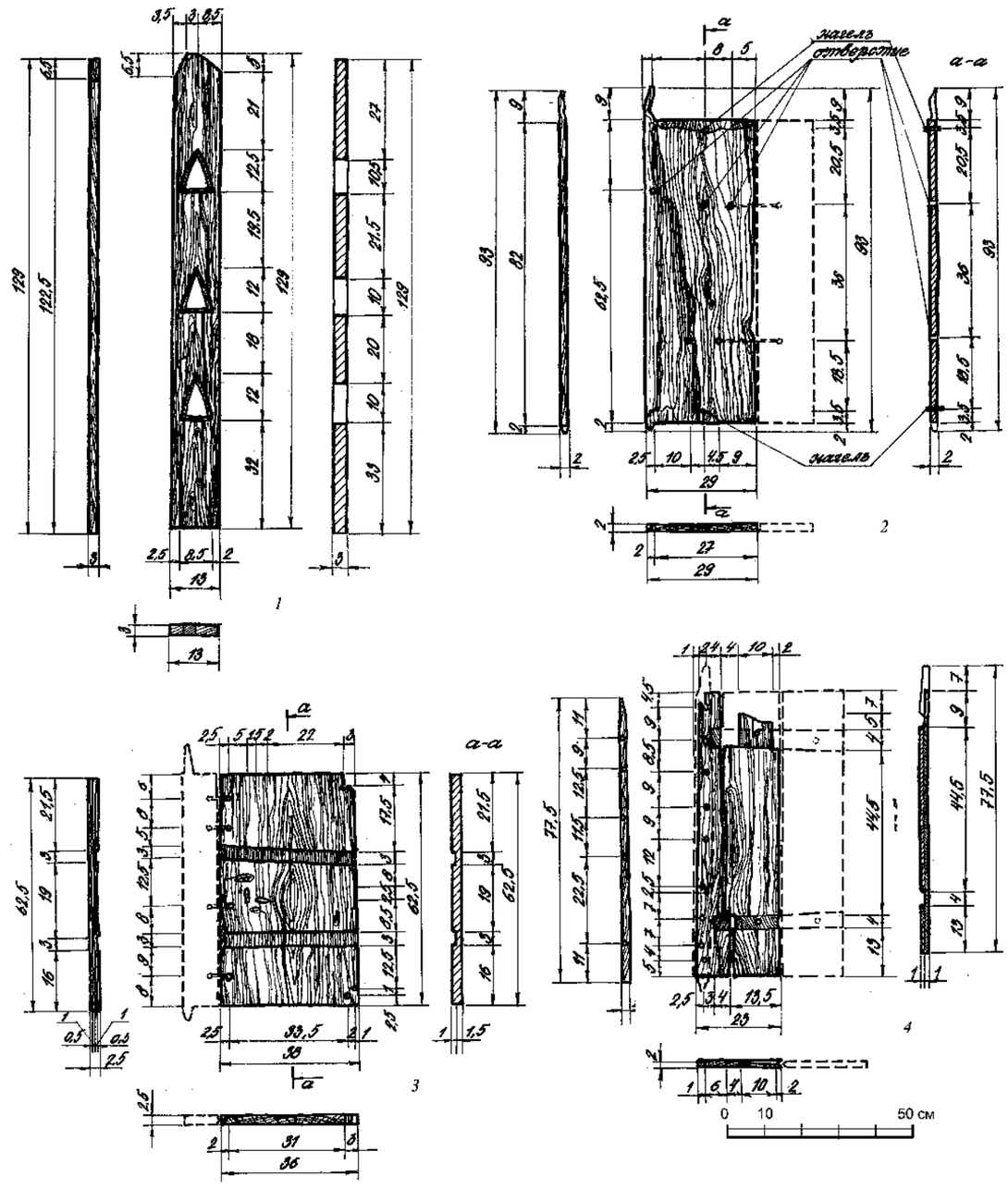
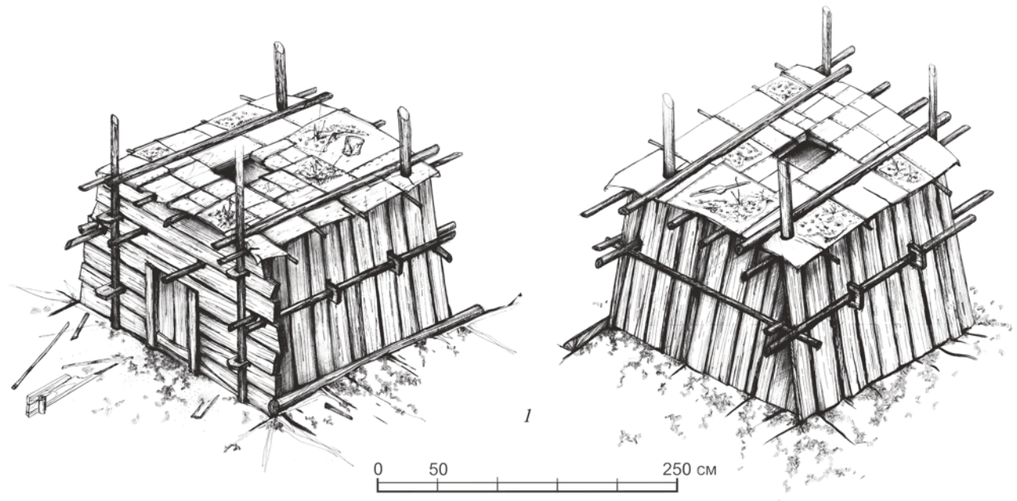


Рис. 2.73. Архитектура остяцких построек. Элементы домостроительных конструкций XVII – первой трети XVIII веков. Обмерные чертежи. *1* – лестница (для закрытия трубы чувала); *2–4* – полотна шарнирных дверей

Рис. 2.74. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Квартал № I. Уч. Е–З/46–48. Вид с юго-востока. 2004 г.

Рис. 2.75. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Квартал № I. Уч. Е–З/46–48. Вид с юга. 2004 г.



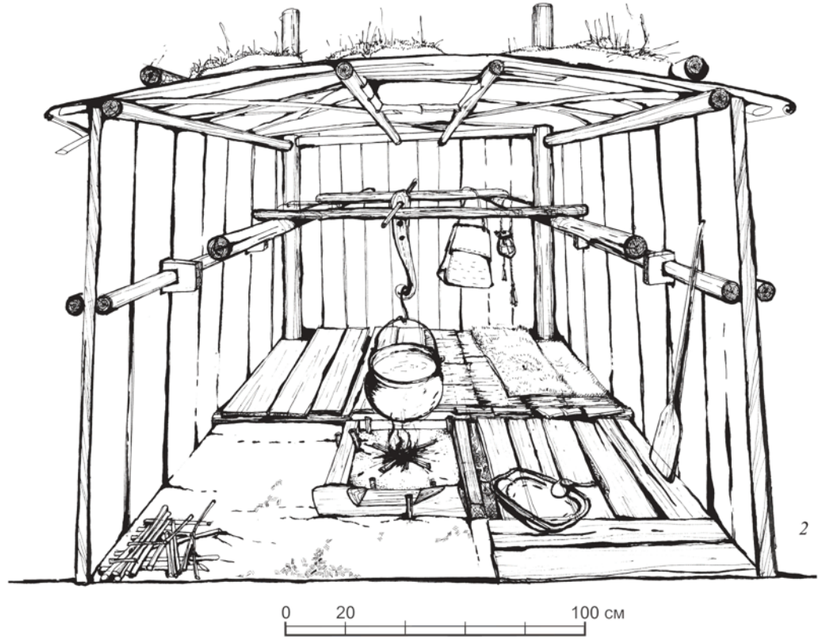
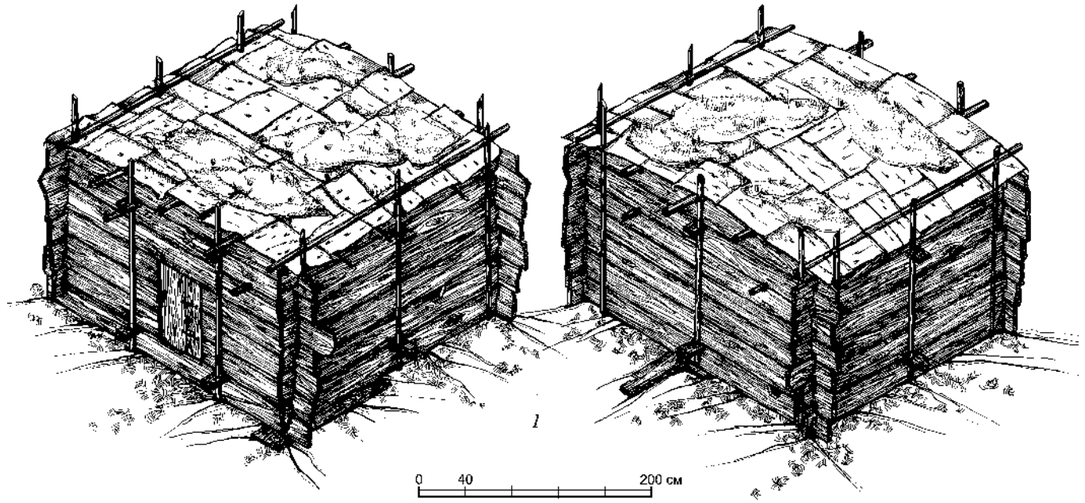


Рис. 2.76. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Реконструкция архитектора Е. Н. Петровой. *1* – общие виды; *2* – интерьер

Рис. 2.77. Архитектура остяцких построек. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Квартал № I. Уч. Ж–К/48–51. Вид с северо-запада. 2005 г.

Рис. 2.78. Архитектура остяцких построек. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Квартал № I. Уч. Ж–К/48–51. Вид с юго-запада. 2005 г.



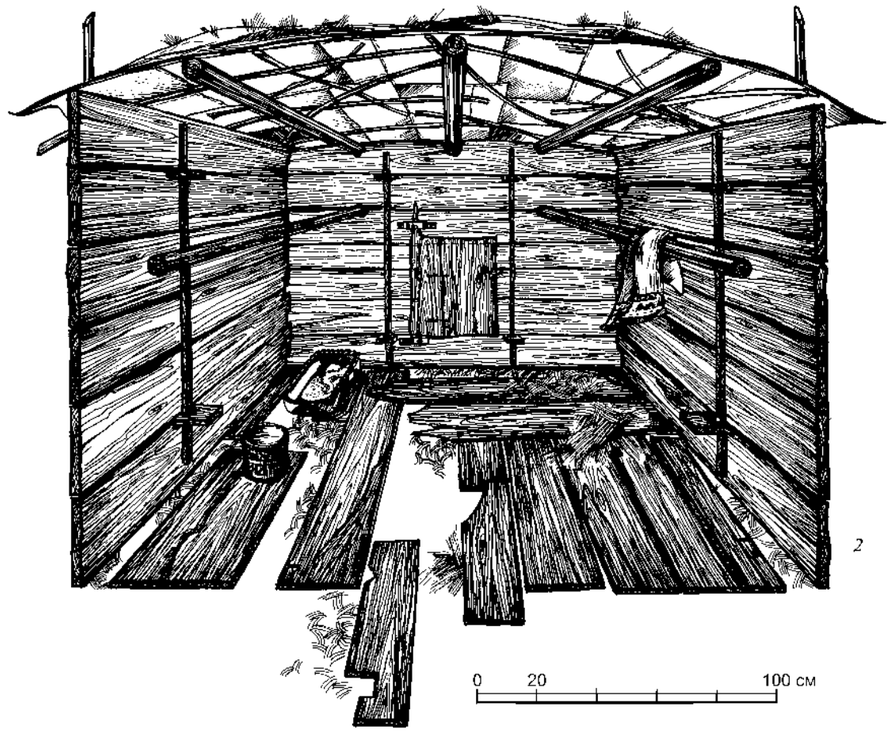


Рис. 2.79. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII века (ок. 1580–1610 гг.). Реконструкция архитектора М. Н. Труняевой. *1* – общие виды; *2* – интерьер

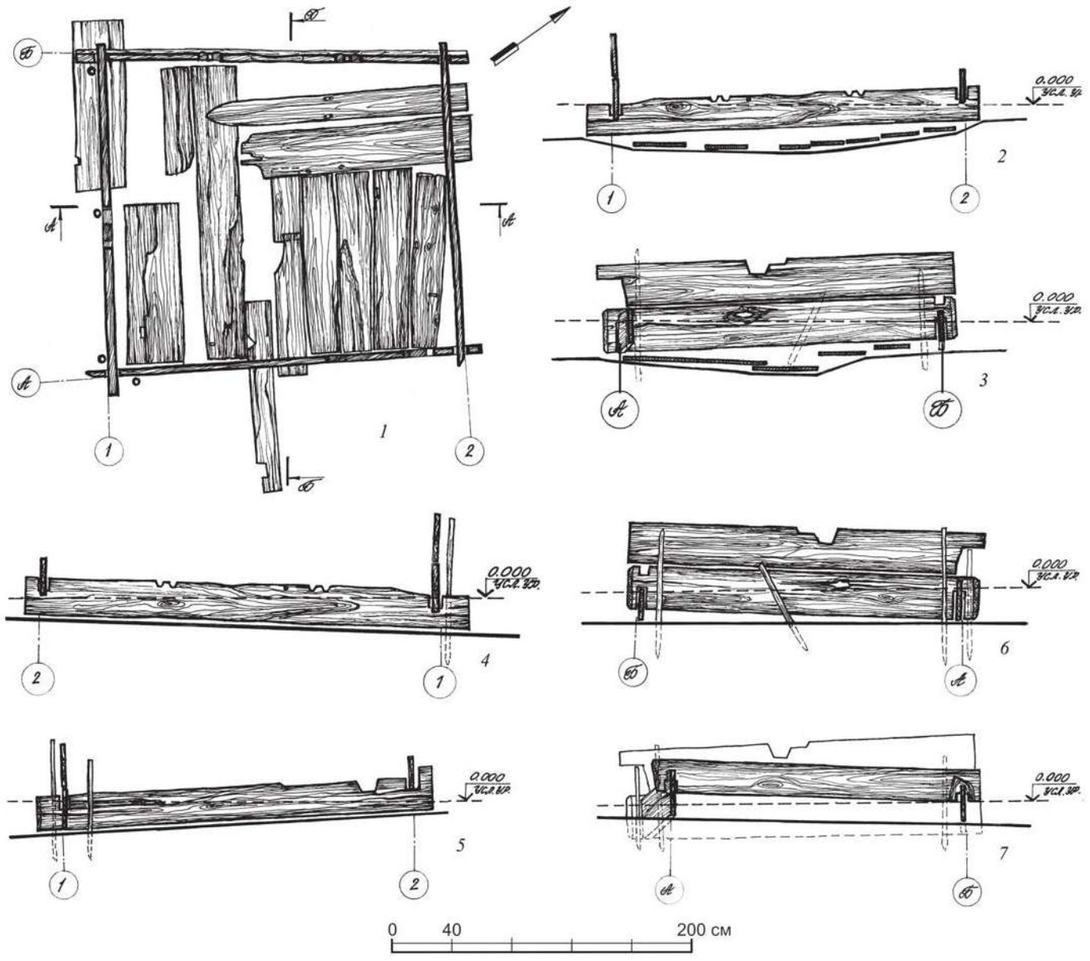


Рис. 2.80. Архитектура остяцких построек.
Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11.
Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.).
Обмерный чертеж нижней части строения.
1 – план; *2* – разрез А–А'; *3* – разрез Б–Б'; *4* – лицевой северо-восточный фасад; *5* – задний юго-западный фасад; *6* – правый боковой северо-западный фасад; *7* – левый боковой юго-восточный фасад; *8* – внутреннее пространство, вид с юго-запада

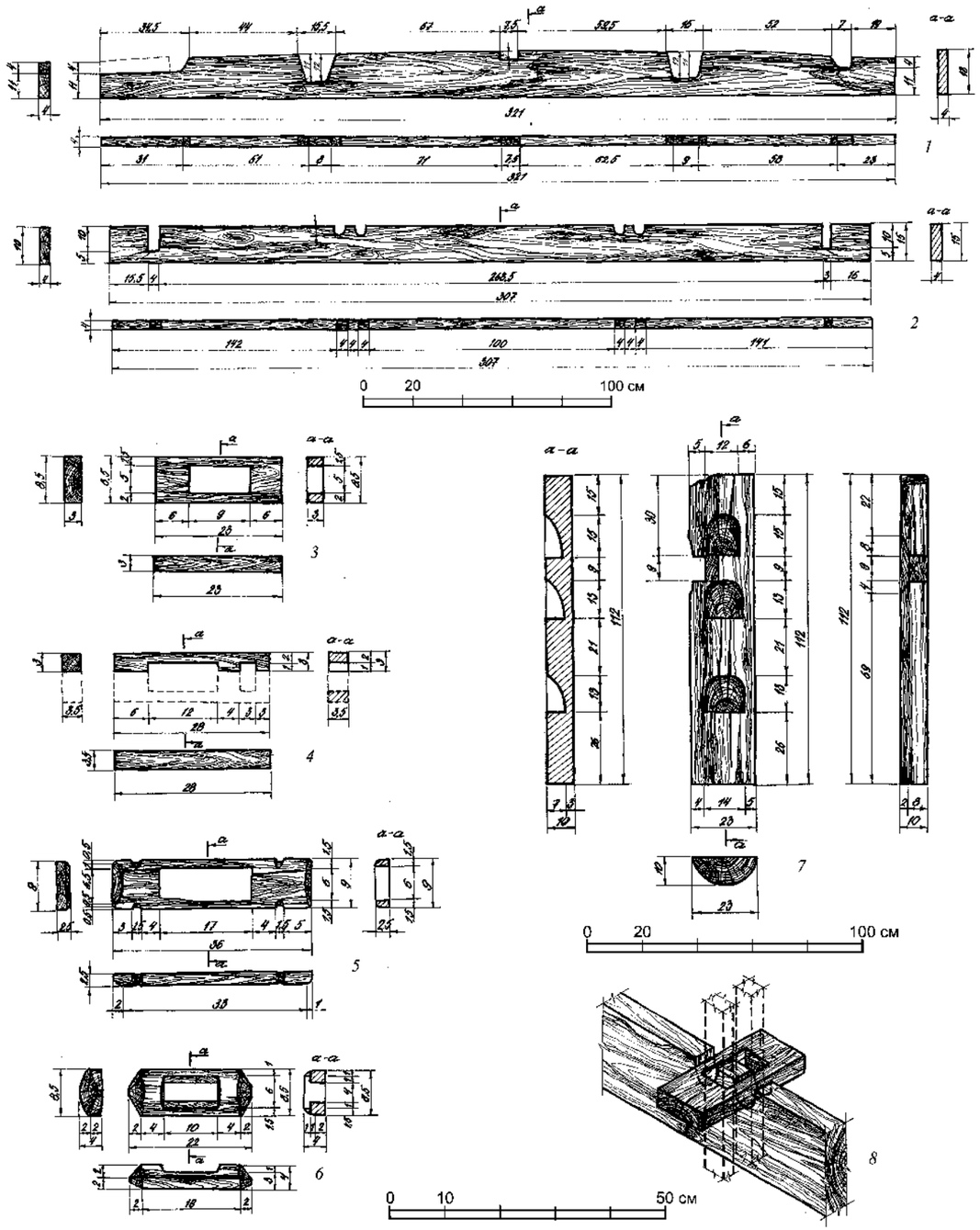


Рис. 2.81. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11.
Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Элементы конструкций строения.
Обмерный чертеж архитектора М. Н. Труняевой.
1 – щипцовая доска; *2* – доска стены; *3–6* – обоймы; *7* – лестница; *8* – конструкция крепления стен обоймами

Рис. 2.82. «Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Общий вид с юго-востока. 2000 г.

Рис. 2.83. «Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Общий вид с юго-запада. 2000 г.

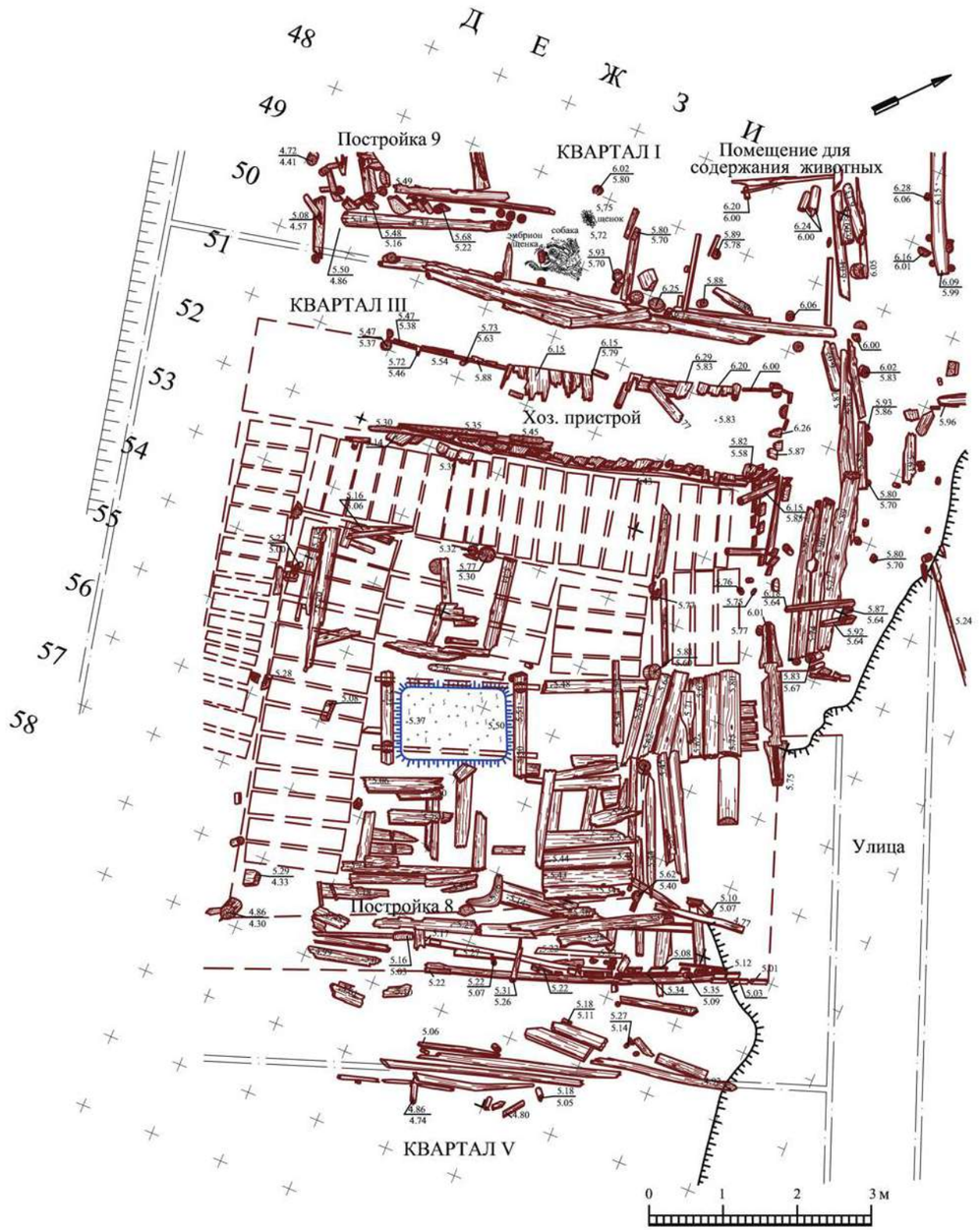


Рис. 2.84. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,00 (5,60)

Рис. 2.85. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Первая треть XVIII века. Проход от порога в центральное помещение к очагу, выложенный плахами. Вид с юга

Рис. 2.86. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Первая треть XVIII века. Фрагмент основания проёмообразующей конструкции входа в помещение. В массивном бревне вырублен порог, поперечные пазы для крепления вертикальных столбов — боковых косяков и продольный паз для фиксации основания дощатых стен лицевого фасада. Вид с юго-запада

Рис. 2.87. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Фрагмент внутренней стороны порога. На верхней и внутренней части порога хорошо видны следы многочисленных ударов топором, что свидетельствует о его использовании в качестве опоры «плахи» при рубке древесины. Порубленная нижняя часть в последнее десятилетие XVII века была отремонтирована при помощи деревянной планки. Вид с юга

Рис. 2.88. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Общий вид с запада

Рис. 2.89. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Вид с запада на центральное помещение

Рис. 2.90. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8.
Последняя треть XVII века. Основание стены из вертикально установленных досок фиксировалось в продольным пазе горизонтально уложенной плахи. Уч. Д–Н/51–59. Вид с севера. 2000 г.

Рис. 2.91. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8.
Последняя треть XVII века. Центральный очаг на глиняном основании размещался в раме, выполненной из толстого бруса. Вид с юго-запада. 2000 г.

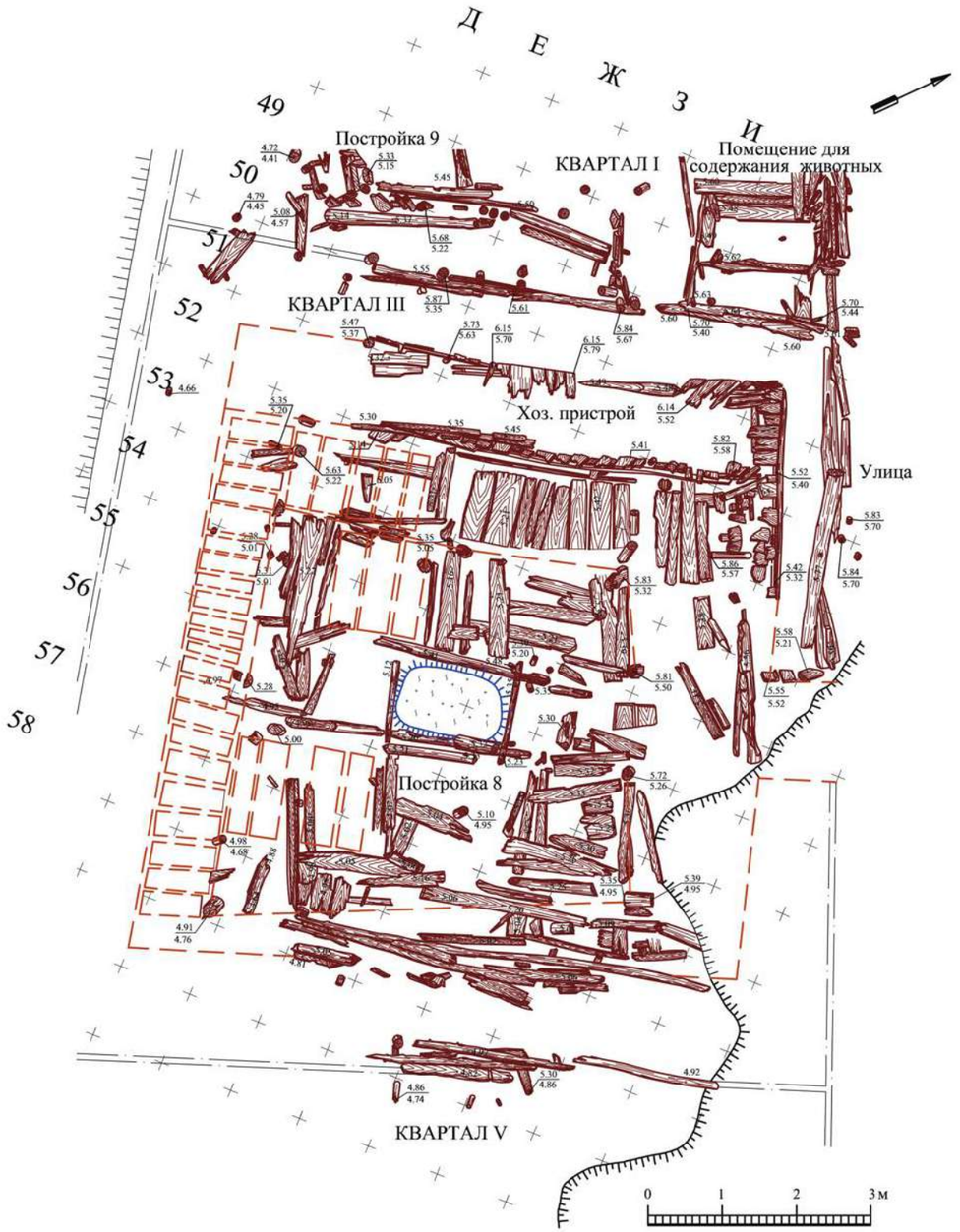
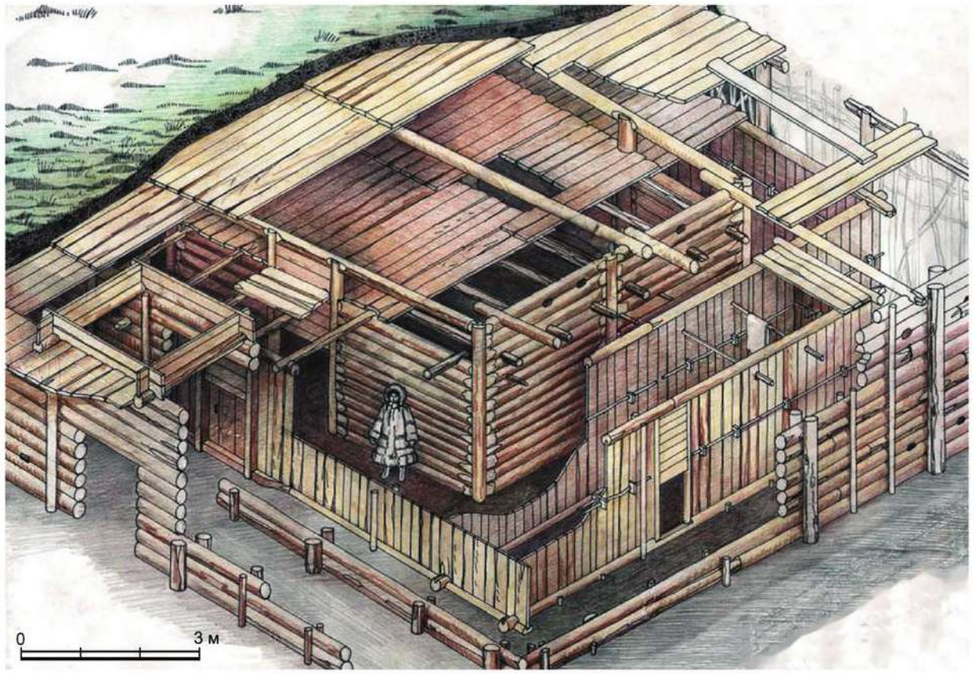
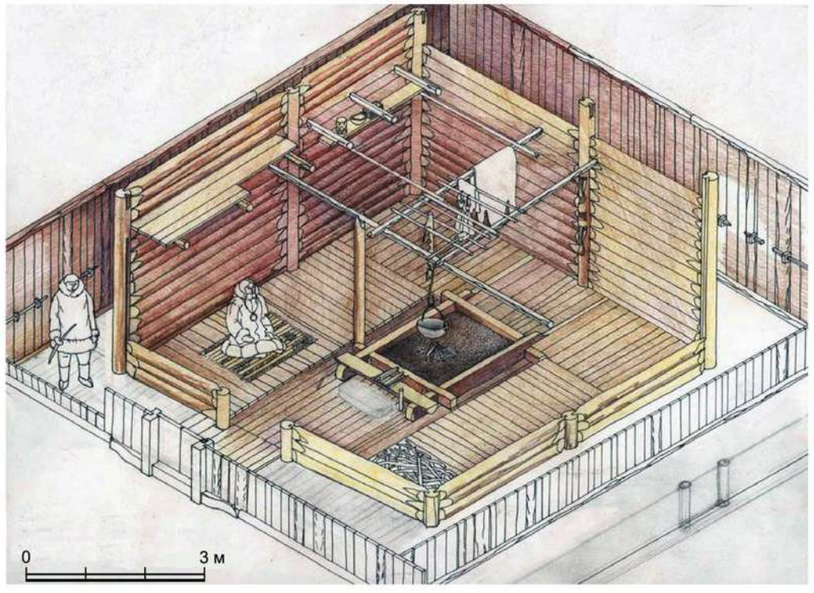


Рис. 2.92. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.).
Уровень фиксации 6,00–5,60 (5,00)



1



2

Рис. 2.93. Архитектура самоедских построек. Квартал № III. Жилая постройка № 8 (дом вождя) в последней трети XVII – первой трети XVIII веков. Реконструкция архитектора Н. Н. Митиной.
1 – общий вид с севера; *2* – интерьер, вид с севера

Рис. 2.94. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1630–1670 гг.)
Уровень фиксации 5,60–4,90

Рис. 2.95. «Самоедский» квартал № V. Жилая постройка № 12. Уч. 3–О/62–71. Вид с юго-запада. 2004 г.

Рис. 2.96. «Самоедский» квартал № V. Жилая постройка № 12. Уч. 3–О/62–71. Вид с северо-запада. 2004 г.

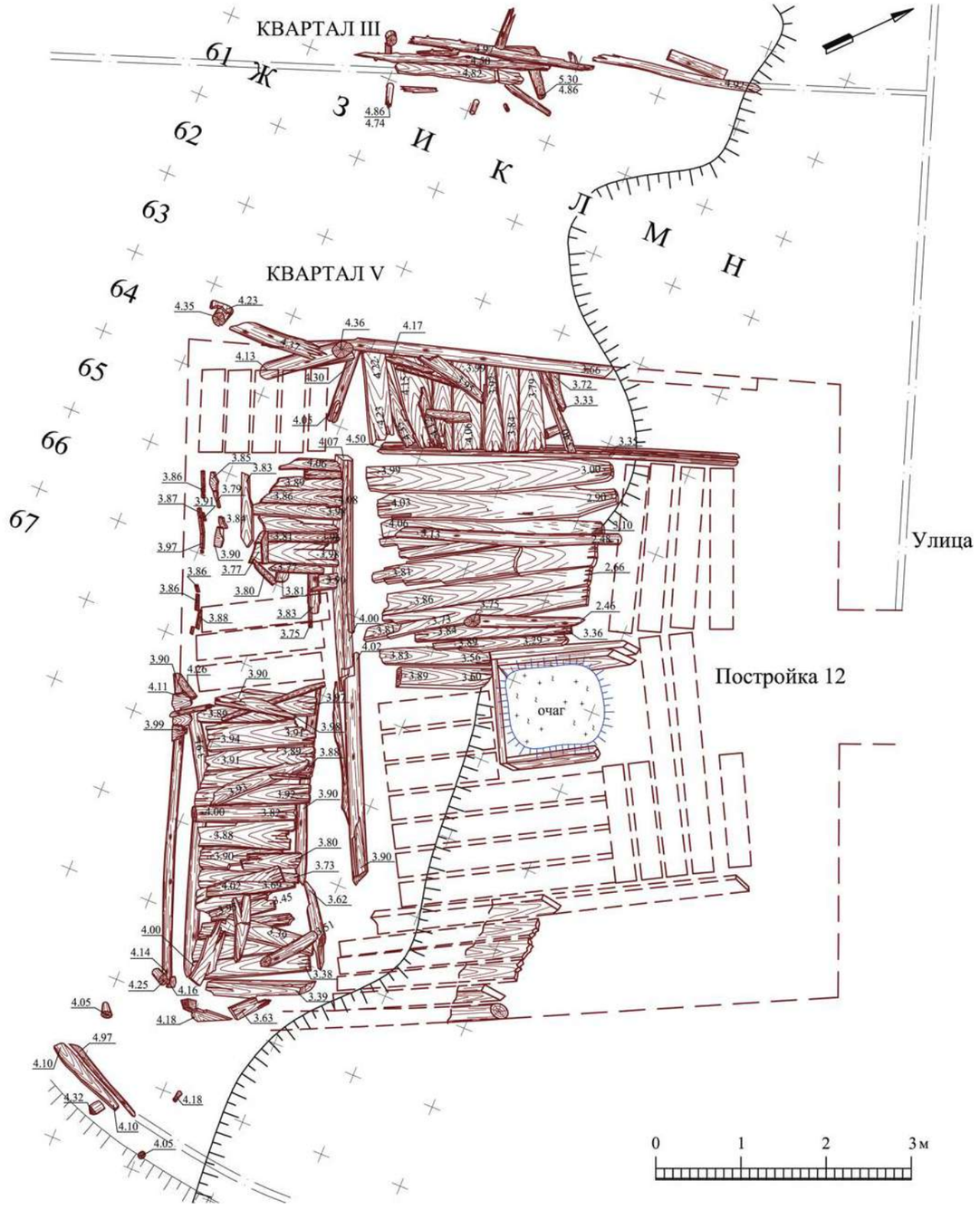


Рис. 2.97. «Самоедский» квартал № V. Планировочная структура конца XVII – первой трети XVIII века. Уровень фиксации 4,30–4,00

Рис. 2.98. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Середина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1640–1730 гг.). Уч. Е–О/72–89. Ритуальный комплекс. Справа от него на уровне осыпи и русла протоки находились скопления предметов вооружения. Общий вид с юго-востока. 2005 г.

Рис. 2.99. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Середина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1640–1730 гг.). Уч. Ж–М/80–85. Вокруг кострища — черепа жертвенных оленей с прорезанными в центре отверстиями. Вид с юго-востока. 2005 г.

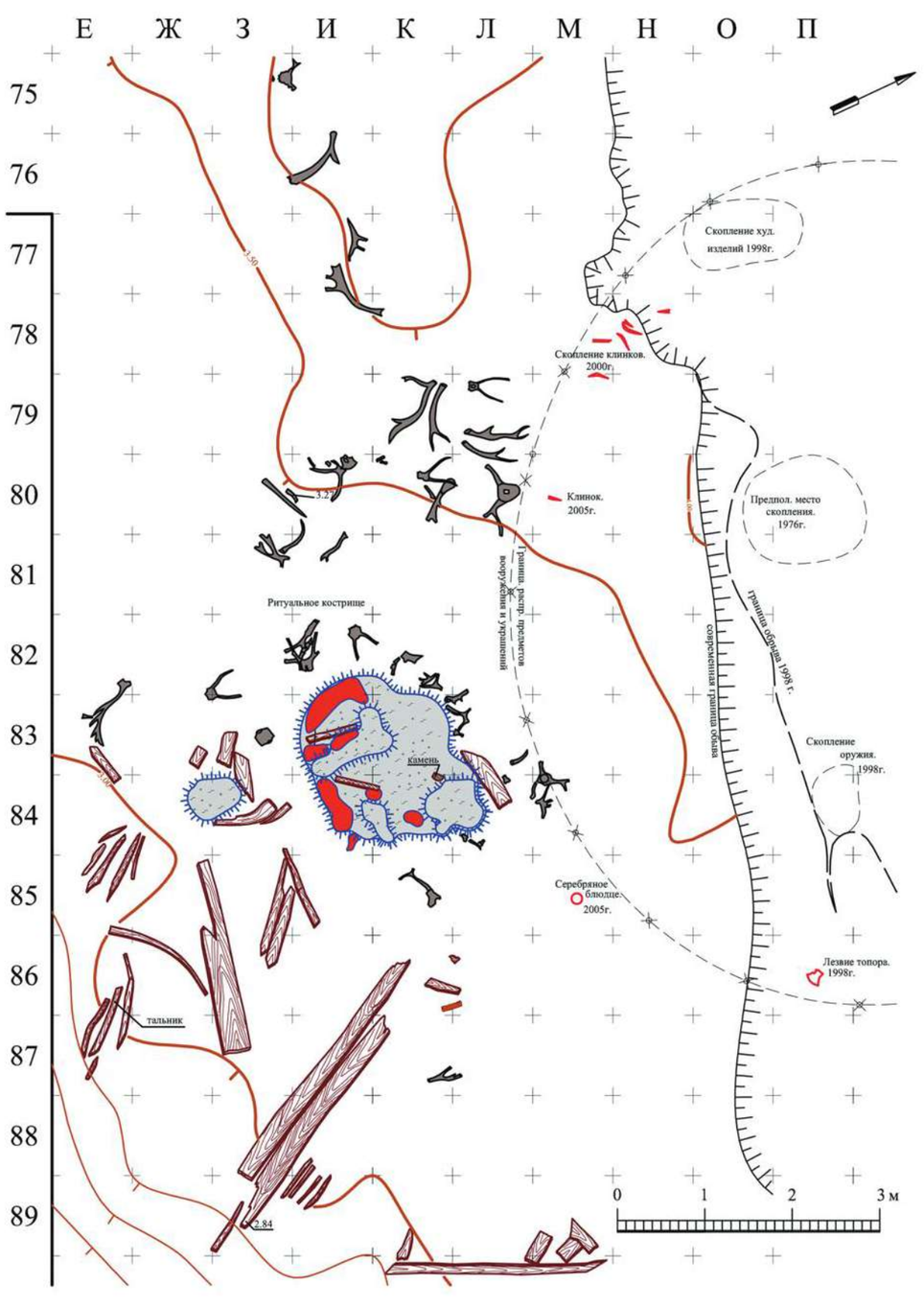


Рис. 2.100. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Планировочная структура середины XVII – первой трети XVIII веков (ок. 1640–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,30

Рис. 2.101. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Середина XVII века (ок. 1640–1660 гг.). Уч. Е–Р/27–37. Уровень фиксации 5,90–5,60. Вид с запада. 2004 г.

Рис. 2.102. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Уч. Г–Р/27–37. Уровень фиксации 5,30–5,00. Вид с юга. 2004 г.

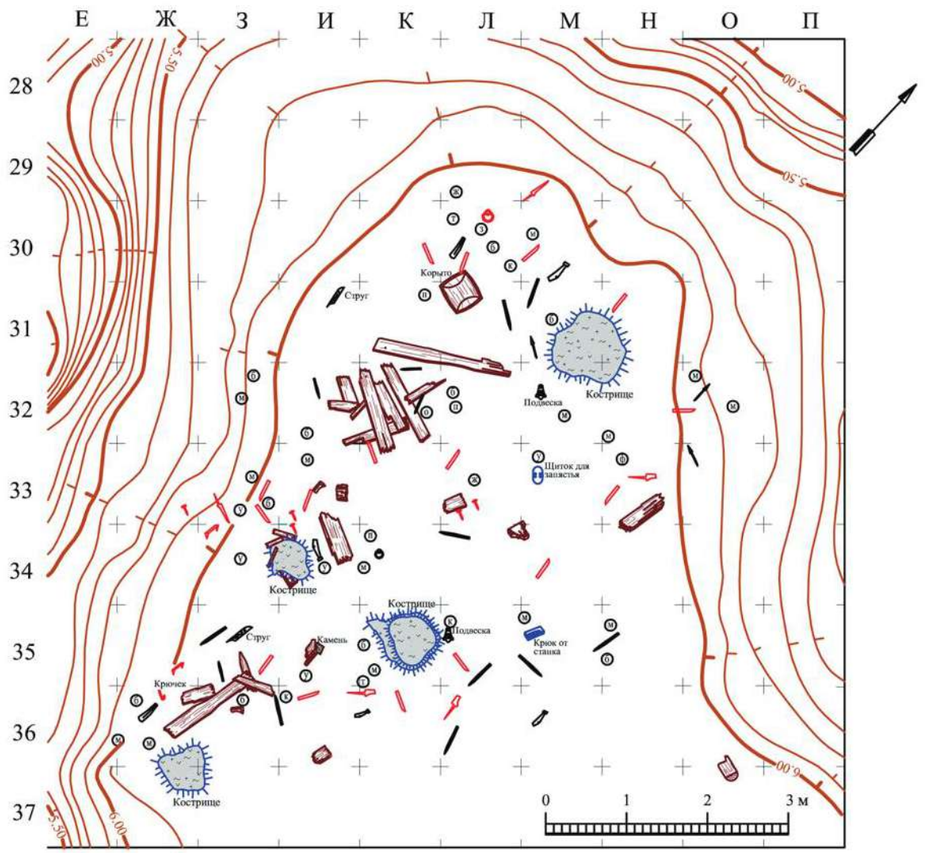


Рис. 2.103. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Планировочная структура первой трети XVIII века. Уровень фиксации 6,60–6,30

Рис. 2.104. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Конец XVII – начало XVIII веков (ок. 1690–1710 гг.). Серые пятна в центральной части — глиняные основания очагов, вероятно, маркирующие места постановки чумов. Уровень фиксации 6,30–6,10. Вид с юго-востока. 2001 г.

ГЛАВА 3

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС НАДЫМСКОГО ГОРОДКА КАК ОТРАЖЕНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СУБАРКТИКИ

Решение вопросов социально-экономической реконструкции общества и оценка развития материальной культуры населения Надымского городка невозможны без всестороннего представления и анализа вещевого комплекса, бытовавшего у его жителей в конце XVI – первой трети XVIII веков. Благодаря особым природным условиям, сформированным низкими температурами и близостью вечной мерзлоты и обеспечивающим сохранность артефактов до настоящего времени, мы имеем уникальную возможность рассмотреть практически все категории вещей, в том числе изготовленные из органических материалов. Это, в свою очередь, позволит составить полноценное представление о культуре по предметам, произведенным непосредственно на месте. Общее число артефактов, полученных за семь лет раскопок (с 1998 по 2005 год) в слоях Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII веков, составляет около 5909 единиц (*Прил. III.* – Табл. I).

Типологический анализ предметов вещевого комплекса производился на основе работ различных исследователей — не только археологов, но и этнографов, что связано с двумя основными факторами. Во-первых, надымская коллекция насыщена импортными предметами, причем преимущественно северо-русского происхождения. Поэтому для систематизации материала, помимо работ региональных исследователей [*Соловьёв, 1987*; *Зыков, Кокшаров, 2001*; *Семёнова, 2001*], были привлечены результаты исследований северорусских древностей [*Кирпичников, 1966*; *1976*; *Белов и др., 1981*]. Во-вторых, типология предметов, изготовленных из различных органических материалов (дерево, кость, кожа, ткань), бывших продуктом культуры туземного населения Северо-Западной Сибири периода до XVIII века, ранее вообще не разрабатывалась по причине отсутствия достаточного количества археологических источников. Для систематизации этого материала в первую очередь использовались работы этнографов, типологизировавших современную материальную культуру аборигенов региона [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961*; *Лукина, 1985*]. Тем не менее, современные схемы описания подвергались определенной корректировке и дополнению. К примеру, при систематизации обуви, наряду с типологией Н. В. Лукиной, были использованы система описания и классификации Д. О. Осипова и Ю. А. Лихтер [*2004*].

3.1. ДЕТАЛИ КОСТЮМА: ОДЕЖДА, ОБУВЬ, УКРАШЕНИЯ

ОДЕЖДА жителей Надымского городка представлена в коллекции многочисленными фрагментами лоскутов ткани самых разных размеров, со следами прошивки либо сшитых между собой. Общее число фрагментов одежды составляет 188 единиц (рис. 3.1–3.8; *прил. III.* – Табл. I). В основном это части (лоскуты) или детали одежды из цветного сукна импортного происхождения. Большое число фрагментов одежды было найдено в пространстве жилого комплекса, прежде всего, в постройках. Наиболее представительное скопление частей костюма обнаружено в хозяйственной постройке № 11 (рис. 3.1 – *1–8*; 3.4; 3.6; 3.7; 3.8 – *3, 5, 9*). Оно относится к рубежу XVI–XVII веков и содержит большие фрагменты и целые детали, позволяющие реконструировать костюм того времени. За пределами жилого комплекса было найдено минимальное количество материи. На южной и западной многофункциональных площадках суконные лоскуты вообще не обнаружены.

Несмотря на то, что основной период жизнедеятельности населения Надымского городка приходится на зиму, остатков меховой одежды найдено очень немного, отчасти это связано с тем, что в слое она сохраняется как мех и практически не извлекаема. Можно лишь определить вид животного, шкура которого была использована для ее изготовления. С другой стороны, малое число фрагментов костюма свидетельствует об особом отношении к вышедшей из употребления одежде и наличии особого способа ее утилизации. К примеру, в традиционной культуре хантов ветхую одежду относили в ближайший лес, расположенный в космологическом низе от поселения [*Салымский край, 2000.* – С. 35].

В использовании **меховой зимней одежды** в условиях Крайнего Севера вряд ли можно сомневаться. В общих чертах ее описание содержится в записках иностранных путешественников, посещавших Крайний Север в XVI–XVIII веках. В частности, англичанин Джильс Флетчер сообщает об одежде обдорских остяков и самоедов, что «они одеваются в оленьи шкуры, спускающиеся до самых колен, шерстью вверх, с такими же штанами и обувью, как мужчины, так и женщины» [*Алексеев, 1941.* – С. 204]. В данном случае, скорее всего, речь идет о верхней одежде наподобие «гуся», надеваемого поверх малицы в сильный мороз [*Хомич, 1995.* – С. 132]. О наличии такой одежды у населения Надымского городка свидетельствуют многочисленные находки специальных ***выбивалок снега*** из меховой одежды — «*янгаць*» двух типов: мужских «*хасава янгаць*» — из дерева (4 экз.) и женских «*не янгаць*» — из рога оленя (28 экз.) (рис. 3.3). Мужские выбивалки жителей Надымского городка отличает от современных, бытующих у аборигенного населения Субарктики, большая индивидуальность, проявляющаяся в относительном разнообразии форм. Мужские выбивалки представляют собой прямые пластины длиной до 85 см и шириной до 5 см. Их стержень овального или круглого сечения завершается овальным или округлым навершием-рукоятью, которое иногда имело отверстие для веревочной петли (рис. 3.3 – *1, 2*). Женские выбивалки в форме изогнутой пластины сегментообразного сечения с прямой рукоятью, выполненные из расщепленной вдоль нижней части оленьего рога, более стандартны (рис. 3.3 – *3–8*). Их отличают лишь особенности естественной конфигурации рога и длина, которая не превышает 65 см. В целом все вышеописанные предметы близки к бытовавшим в XX веке у остяцкого и самоедского населения Субарктики подобным изделиям [*Лукина, 1985.* – С. 78, рис. 33 – *6, 9*; *Хомич, 1995.* – С. 99–100].

Кроме вышеприведенных косвенных данных, мы можем судить о зимней верхней одежде по находке остатков костюма (шубы) в постройке № 11«остяцкого» квартала № I (рис. 3.1 – *1–8*). По обнаруженным деталям и фрагментам (полки, рукава, подкладка, опушки) реконструируется распашная шуба, по покрою прямоспинная, с прямыми полками одинаковой величины (90 × 30 см), прямым разрезом и сходящимися полами, с верхом из зеленого сукна и подкладом из заячьего меха (рис. 3.3 – *5, 7*). По краю ворота, полов и подола была нашита опушка из меха песца и лисицы (рис. 3.3 – *8*). Рукава размерами 40 × 20 см пришивали с косым клином, к бокам. Судя по следам швов, шуба имела несколько завязок, а изношенность участка материи свидетельствует о том, что она дополнительно подпоясывалась. Какие-либо элементы декора на шубе отсутствовали. В этой связи ее правомерно будет отнести к мужской одежде. Аналогичные по покрою (типу) шубы известны с конца XIX века и считаются характерным типом одежды для хантов, манси и лесных ненцев [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 227–228; *Хомич, 1995.* – С. 143]. Между тем, распашные шубы с суконным верхом (сукманы, шабуры) были широко распространены в XVI–XVII веках и у русского населения Севера [*Русские, 2005.* – С. 326].

Рукавицы — 2 экз. (рис. 3.4) — составляли отдельный элемент верхней одежды, который пришивали к рукавам одежды. Обнаружена одна пара суконных рукавиц, входившая в состав скопления в постройке № 11. Рукавицы сшиты из желтого, красного и зеленого сукна. Они орнаментированы с наружной и внутренней сторон. Орнамент рукавиц зеркально повторяется, но в другом цвете. Подобные рукавицы, изготовленные в той же технике мозаики сукном, кожей или оленьим мехом, и в настоящее время бытуют в традиционной культуре аборигенов Севера и входят в состав, прежде всего, ритуального или праздничного костюма, используемого в «медвежьем празднике» [*Очерки культурогенеза…, 1995.* – С. 31, 57; рис. 4 – *7*; *Молданова, 1999.* – С. 23]. Кроме того, найдено восемь берестяных выкроек, четыре из которых были свернуты вместе и составляли набор. Комплект выкроек состоял из четырех элементов: верхней части, нижней части (для ладони) с большим пальцем, нижней части большого пальца и запястья (рис. 3.5). Вероятно, это свидетельство

того, что рукавицы были особо изнашиваемым элементом одежды, требующим частой замены. Логично предположить, что, помимо суконных, бытовали и меховые рукавицы.

Летнюю одежду реконструировать довольно сложно по причине отсутствия достаточного количества источников. Вообще, широкое употребление суконной одежды жителями городка подтверждается многочисленными находками фрагментов костюма, в том числе с орнаментальными фризами из разноцветной ткани, и отдельных лоскутов зеленого, желтого и красного цветов как новой ткани, так и сильно поношенной (рис. 3.1 – *1–14*; 3.2). Помимо скопления фрагментов одежды, в постройке № 11 обнаружены фрагменты одежды из ткани — 123 экз., в числе которых один шелковый и два льняных (рис. 3.1 – *12, 13*; 3.2 – *1*). В недавнем прошлом (в конце XIX – XX вв.) у аборигенных народов субарктической зоны Западной Сибири — «самоедов» и «остяков» (ненцев и хантов) летней одеждой служила изношенная зимняя, иногда носили только суконный верх шубы без подклада [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 227–228]. Вероятно, аналогичная система использования одежды бытовала и у жителей городка. Рукава суконного верха шубы из постройки № 11 сильно истерты, имеют заплаты и следы от неоднократных прошивок (рис. 3.1 – *1–4*). То есть его длительное время носили без рукавиц, что, очевидно, могло происходить в летний период. Представляется вероятным, что одежда была в определенной степени универсальна и полисезонна. Летний вариант от зимнего отличался отсутствием мехового подклада и рукавиц. И, скорее всего, именно с этим связано отдельное бытование рукавиц как сменного элемента, который пришивали на зиму и отпарывали летом.

Поскольку никаких частей головного убора не обнаружено, пока мы не можем сказать о нем ничего определенного, за исключением того, что он, вероятно, как и рукавицы, был отдельным сменным элементом одежды.

Пояса — 14 экз. Представлены немногочисленными фрагментами и деталями (рис. 3.1 – *6, 15, 16*). Бытовали пояса двух видов.

Первый вид — это *пояса из кожи* с металлическими пряжками. Логично будет их отнести к категории мужских поясов. В коллекции имеются четыре пряжки, две из которых — с остатками ремня. Три бронзовые литые пряжки — в форме прямоугольной рамки размерами не более 4,0 × 3,0 см, одна — с железным язычком и костяным штифтом без декора, другая, с медным язычком, декорирована «зарубками», образующими ромбическую сетку, третья (с утратами) — «жемчужинами» (рис. 3.1 – *15, 16*). Одна — железная, овальной (прямоугольной) формы, с язычком, без декора. Аналогичная железная пряжка имеется в материалах раскопок могильника Усть-Балык и датируется XVI–XVII веками [*Семёнова, 2001.* – С. 85; табл. 52, 59]. Подобные же бронзовые пряжки в форме рамки, только трапециевидной формы, известны в материалах раскопок Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 47–48; рис. 8]. Кроме этого, найдены два железных язычка от пряжек. Из других деталей ременного набора имеются наконечник ремня прямоугольной формы из жести, размерами 5,7 × 2,5 см, две бронзовые поясные накладки и ременная обойма размерами 2,6 × 2,0 см.

Второй вид — *суконные плетеные пояса* — 3 экз. (рис. 3.1 – *6*). Вероятнее всего, они были принадлежностью женского костюма. В коллекции имеются три фрагмента таких поясов. Один — однотонный, красно-коричневого цвета, два — с поперечными полосками зеленого и серо-желтого цветов. Ширина поясов — не более 3,0–3,5 см, их повязывали поверх одежды. Судя по находке детали станка для плетения поясов на северо-западной многофункциональной площадке, обнаруженные пояса изготавливали в городке. Деталь станка представляет собой плоский костяной крюк размерами 8,0 × 1,8 см, украшенный точечным орнаментом (рис. 3.34 – *11*). Функциональное назначение определено по аналогии с приспособлением, хранящимся в фондах ТГИАМЗ [*Салымский край, 2000.* – С. 136, 138].

ОБУВЬ, найденная при раскопках Надымского городка, изготовлена из кожи и ткани. В процессе исследований обнаружено шесть целых изделий и 62 детали (фрагмента) (рис. 3.6; 3.7; 3.8 – *5–7*). Обувь не отличается большим разнообразием и подразделяется на два основных вида.

Сапоги — обувь с высоким голенищем, закрывающая голень, а возможно, и бедро, по классификации и терминологии, предложенной Д. О. Осиповым и Ю. А. Лихтером [*2004.* – С. 10–12, 40]. Найдено пять

определимых фрагментов сапог трех типов. Также обнаружено 53 фрагмента обувных головок, которые позволяют достаточно определенно реконструировать бытовавшие типы сапог.

Тип I — это сапоги из оленьего камуса (шкура с ног оленя) наподобие «кисов» [*Лукина, 1985.* – С. 57–58; рис. 22]. Судя по единственному фрагменту из постройки № 2 (слой первой трети XVIII в.), они представляли собой сапоги, полностью сшитые из вертикально расположенных тонких полос камуса.

Тип II — это сапоги с головкой и голенищем из сукна с подошвой, подшитой оленьим мехом, вероятнее всего — со лба оленя (рис. 3.6 – *1, 3*). Судя по изнаночным швам, головка также была обшита (камусом или свиной кожей, точно определить невозможно). Голенище, скорее всего, ничем не обшивали. Эти типы можно уверенно отнести к категории зимней обуви.

Тип III — это сапоги с подошвой и головкой из свиной кожи и суконным голенищем, наподобие «ныриков» [*Лукина, 1985.* – С. 55–56; рис. 22]. Они имели плоскую подошву (рис. 3.6 – *2, 4*) с невысокой, до 5–6 см, головкой, к которой пришивали суконное голенище, обычно зеленого цвета. Спереди нижней части голенища, на взъеме, вшивали небольшой треугольник из красной ткани (рис. 3.6 – *1, 2*). В верхней части голенища делали одно отверстие, вероятно, для привязывания лямок. Судя по большему, чем остальных типов, числу найденных относительно стандартных головок, это был наиболее массовый тип сапог, которыми пользовались в межсезонье и в летнее время.

Туфли (ботинки) — обувь, закрывающая стопу ниже лодыжки, наподобие русских «котов» или «чирков» [*Русские, 2005.* – С. 347, 351]. Их изготавливали также из свиной кожи и сукна. Всего найдено 6 практически целых экземпляров и, как указывалось выше, 53 фрагмента головок, которые могли одинаково принадлежать как туфлям, так и сапогам (рис. 3.6 – *5–8*; 3.7; 3.8). Основное отличие надымских ботинок от сапог — это высота голенища. Туфли имели плоскую подошву с невысокой, до 5–6 см, головкой, к которой пришивали суконное голенище высотой 2–3 см (рис. 3.6 – *5–8*; 3.7). Бытовало два типа туфель, различающихся по способу крепления завязок. Первый отличает крепление завязки в складке голенища и выпуск концов шнурка сзади (рис. 3.6 – *5, 7*; 3.7 – *1, 2*). Второй тип был снабжен отдельной кожаной петлей для крепления шнурка на задней части туфли у пятки, при котором узел завязывался в передней части туфли на взъеме ноги (рис. 3.6 – *6*; 3.7 – *3*). Эти типы, очевидно, отражали половые различия владельцев обуви. Завязки спереди определяли принадлежность мужчине, а завязки сзади — женщине. Такой принцип сохранялся до недавнего времени в традиционной культуре казымских хантов. Для обоих типов существовал вариант с суконной подошвой. Происхождение его не совсем понятно. Вероятно, сукно использовали для упрочнения подошвы из оленьей шкуры, либо туфли изготавливали из головки зимних сапог.

Детская обувь отличалась от обуви взрослого человека только размером (рис. 3.7 – *2*; 3.8 – *4*). В этой связи и учитывая небольшой реконструируемый рост жителей остяцких кварталов, зачастую сложно определенно выделить детскую обувь.

Для всех видов обуви использовали ***стельки*** из сухой травы (рис. 3.6 – *8*; 3.7 – *2*; 3.8 – *9*).

Несмотря на полную аналогию некоторых типов обуви (туфли), облик надымской обуви, на 90 процентов изготовленной из привозного сырья (кожи и сукна), тем не менее, отличается от обуви XVII века, обнаруженной при раскопках русских Мангазеи и Пустозерска [*Белов и др., 1981.* – С. 50–52; рис. 10; табл. 52–54; *Ясински, Овсянников, 2003: Прил. Курбатов.* – С. 225–243, рис. 1–11]. Скорее всего, это связано с наличием более древней устоявшейся традиции, воспроизводившейся в импортном материале, что не может исключить более древнего заимствования импортных образцов. Наличие берестяных выкроек (рис. 3.8 – *1, 7*), следы от швов, аналогичные прошивке берестяной посуды, факты неоднократных прошивок и ремонта изношенных частей свидетельствуют о местном изготовлении туфлей и сапог (рис. 3.8 – *1–8, 10*), однако почти полное отсутствие обрезков кожи вызывает вопрос. Этому факту может быть дано несколько объяснений. Изготовление большей части обуви происходило в летний период, за пределами городка. Кроме того, предположительно, производство могло быть относительно специализировано, обслуживалось лишь отдельными жителями (семьей), что выражалось в локализации пространства, где ее кроили, в разрушенной части территории.

УКРАШЕНИЯ КОСТЮМА представлены 473 предметами. По материалу, из которого изготовлены, они составляют пять больших групп — из кости, олова, меди и сплавов, серебра и стекла (рис. 3.9–3.13). Вместе с тем часть украшений вне зависимости от материала образуют ряд категорий, объединенных морфологическими и функциональными признаками. К таковым, к примеру, можно отнести бусины (стекло, метал и кость) или перстни (олово, медь, серебро). Функциональное назначение этих типов украшений не вызывает сомнений. С другой стороны, есть украшения костюма разнообразных форм и неоднозначного использования, объединенные только материалом. К таким можно отнести подвески из кости и костей животных, изделия из олова. Поэтому представляется наиболее правильным, имея в основе системы классификации материал предмета, в случаях совпадения формальных признаков и функционального назначения группировать предметы одного вида вне зависимости от исходного сырья.

Первую группу составляют **украшения из кости** (рис. 3.9). Подавляющее большинство этих украшений, вне всякого сомнения, имеют местное происхождение и очень тесно связано с традиционной культурой и религией.

Подвески из костей животных — 148 экз. К ним отнесены таранные кости, челюсти и отдельные зубы животных, имеющие просверленное отверстие для подвешивания. Они делятся на несколько типов по происхождению кости.

Тип I — подвески, сделанные из зубов животных: резцов лося, клыков волка, росомахи, лисицы, песца — 55 экз. (рис. 3.9 – *1 а–е*).

Тип II — подвески из нижних челюстей животных: лисицы, песца, соболя и горностая — 12 экз. (рис. 3.9 – *2–6*).

Тип III — подвески из таранных костей (кости стопы) животных: оленя, бобра, росомахи, песца, зайца — 81 экз. (рис. 3.9 – *7 а–г, 8–15*). Подвеска из таранной кости оленя в коллекции только одна. Основная масса изделий этого типа представлена костями бобра, песца и зайца. Имеется несколько таранных костей бобра, декорированных точечным орнаментом, что позволяет охарактеризовать их как наиболее значимые из всех костей данного типа.

В культурном слое городка подвески из костей животных встречались повсеместно. Иногда они залегали скоплениями и, скорее всего, составляли наборы наподобие ожерелья (рис. 3.9 – *7 а–г*). Некоторые такие подвески дополнительно украшались орнаментом, что явно говорит о большой значимости этого типа украшений (рис. 3.9 – *8, 9, 14*).

Употребление костей и зубов различных животных в качестве украшений-амулетов известно с древнейших времен у многих народов мира и стало практически неотъемлемой частью образа первобытного человека. Такое использование костей имело, в первую очередь, религиозно-идеологическую основу и у каждого этноса имело свои особенности и определенную систему.

Судя по материалам раскопок средневековых памятников на территории Северо-Западной Сибири и сопредельных территориях Прикамья, Поволжья и Руси, подвески из костей животных были повсеместно распространены, причем с давнего времени. На территории Прикамья подвески из различных костей животных известны с эпохи раннего железного века до позднего средневековья [*Ашихмина, 1977.* – С. 156; рис. 8 – *3*; *Голдина, Кананин, 1989.* – рис. 77 – *5*; 83 – *39*; *Археология Республики Коми, 1997.* – С. 679; рис. 8 – *25*]. Довольно много найдено подвесок-амулетов из астрагалов бобра, овцы, клыков лисы и медведя в памятниках X–XIII веков на территории Поволжья — в Болгаре, на Руси — в Старой Ладоге, Белоозере, окрестностях Старой Рязани [*Закирова, 1988.* – С. 233; рис. 103 – *11*; *Древняя Русь, 1997.* – С. 157; табл. 93 – *19*; *Судаков, Буланкин, 2005.* – С. 271, 278; рис. 5 – *2–8, 13–15*].

На территории Северо-Западной Сибири скопление подвесок из 62 таранных костей бобра найдено на городище Перегребное I в Нижнем Приобье [*Морозов, Пархимович, 1985.* – С. 95, рис. 3 – *1, 2*]. Самый близкий по составу аналог надымскому набору украшений-амулетов — это серия подвесок из таранных костей, зубов и челюстей животных из слоя XIV–XVI веков с городища Ендырское 1 [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 118–120; рис. 38 – *6, 10–11*; *41 – 14–15, 17, 19–21*; фото 21].

В настоящее время у коренных народов Северо-Западной Сибири украшения из костей животных не имеют такого широкого распространения, как это было в прошлом, и даже устных сведений об их использовании

сохранилось немного. Причина этого кроется, скорее всего, в каких-то изменениях мифологических взглядов, и систему употребления таких украшений мы можем реконструировать лишь приблизительно. Единственный тип подвесок, который дошел до настоящего времени, — это подвеска из клыка медведя, которая крепится к поясному ремню сзади. Считается, что она помогает от боли в спине и защищает от невидимых врагов — злых духов [*Хомич, 1995.* – С. 130–131]. Исходя из этого принципа, можно предположить, что клыки и челюсти животных, служившие им при жизни основным «орудием» добычи пищи и «оружием» от врагов, могли защитить носившего их человека, естественно, при определенных условиях. Известен и другой принцип, бытующий в традиционной культуре и связанный с сохранением удачи в охотничьем промысле. Это фигуральное деление тела животного на две части — голову и задний отдел, связанное с оппозицией мужского и женского. Конкретное проявление этого деления выражается, к примеру, в ритуальном поедании частей тела лося, при котором мужчина-охотник съедает верхнюю губу животного, чтобы зверь выходил к нему лицом, а его жена съедает хвост, чтобы зверь не уходил от мужа, не показывал ему зад [*Салымский край, 2000.* – С. 247]. Основываясь на этом, можно реконструировать семантику подвесок из костей стопы — таранных костей — как талисман для удачи в промысле.

Кроме того, к категории украшений костюма отнесены несколько изделий из кости в виде плоских зооморфных изображений. Их действительное назначение точно пока не определено, а использование в качестве украшений или амулетов рассматривается как один из основных вариантов употребления.

Нашивное украшение в виде фигуры птицы — 1 экз. Плоская фигурка размерами 3,5 × 2,5 см, по определению биологов, является изображением гуся. Ее туловище декорировано многочисленными сквозными отверстиями диаметром около 0,1 см, которые могли использоваться для пришивания к одежде (рис. 3.9 – *18*). Изображение изготовлено из лопатки северного оленя. Аналоги на территории региона пока не найдены.

Подвесные украшения в виде фигуры животного с центральным отверстием — 3 экз. Фигурки вырезаны из бивня мамонта и изображают бобра, оленя (?) и птицу. В среднем их размеры не превышают 5 × 5 см. Иконография изображений и наличие центрального отверстия диаметром до 0,5 см сближают их с большой серией деревянных фигурок *«тосъ-чер-вой»* (*подробнее см. ниже*), которые, судя по этнографическим данным, интерпретируются как фигуры игры. Тем не менее, судя по размерам, костяные изображения не могли использоваться как полноценные предметы игры «Тосъ-чер-вой» и, вероятно, применялись в качестве украшений костюма — амулетов (?). Одна из фигурок, изображающая бобра (вид сверху), размерами 4,1 × 1,2 см (рис. 3.9 – *16, 17*) имеет несколько аналогий. Подобное изображение размерами 3,7 × 1,2 см, отлитое из оловянно-свинцового сплава, входило в состав большого комплекса разнообразных подвесок из погребения № 4 могильника Берендеев Бор 2, расположенного на реке Тым [*Боброва и др., 2002.* – С. 114, 123, 124; рис. 4 – *9*]. Авторы исследований интерпретируют данное захоронение как шаманское и датируют его концом XVII – началом XVIII веков [*Боброва и др., 2002.* – С. 114, 123, 124, 133; рис. 4 – *9*]. Этот факт позволяет изначально интерпретировать все вышеупомянутые подвесные украшения из бивня мамонта как элементы шаманского костюма. Вместе с тем следует упомянуть и еще одну аналогию. Это две подвески-бобры таких же размеров с центральным отверстием на тулове, обнаруженные при раскопках древнерусского поселения X века — Крутик, находившегося на Белом озере в современной Вологодской области [*Древняя Русь: Быт и культура, 1997.* – С. 163, 340; рис. 94 – *3, 4*]. Считается, что славяне, смешиваясь с прибалтийско-финским и поволжско-финским населением, заимствовали у них некоторые элементы мировоззрения и культуры [*Древняя Русь: Быт и культура, 1997.* – С. 161]. Следует отметить, что среди большой серии западносибирских зооморфных изображений первой половины II тыс. н. э. типологически близкие фигурки отсутствуют [*Зыков и др., 1994*; *Чемякин, Карачаров, 2000*; *Семёнова, 2001*]. В этой связи возникает проблема происхождения и бытования таких подвесок в XVII–XVIII веках на обширной территории бассейна реки Оби. Ответы на эти вопросы требуют специального исследования и дополнительных источников.

Пластина с циркульным орнаментом — 1 экз. (рис. 3.9 – *19*) — изготовлена из рога оленя и была найдена на северо-западной многофункциональной площадке (уч. Н/35, раскоп № 5). По краям пластины сделаны

две выемки, очевидно, для крепления к костюму. Предполагается ритуальное использование этого предмета, например, в качестве имитации грудной кости птицы на шаманском костюме. Найденная пластина имеет форму, подобную металлическим пластинам, имитирующим такую кость, изображение которой обязательно было на парке или нагруднике у селькупских шаманов [*Прокофьева, 1949.* – С. 355–356; рис. 18, 20].

Бусины, изготовленные из кости, малочисленны и поэтому описаны ниже в составе предметов соответствующего типа.

Украшения из олова различной формы составляют вторую группу декоративных изделий — 121 экз. (рис. 3.10; 3.11).

Большинство из них — это ***ажурные накладные украшения*** (накладки) — 74 экз., которые по форме можно разделить на несколько типов.

Тип I — в форме арки (щита?) с «язычком» на нижней уплощенной грани — 9 экз. (рис. 3.10 – *1–6*). Они незначительно различаются по размерам. Основное разнообразие наблюдается в декоре и изображениях в арке. По центральным символам можно выделить три основных подтипа: с прямым крестом, с ромбом и с ромбом на фоне косого креста. Пока не совсем понятно, в какой композиции их использовали как украшения, поэтому название типа нельзя считать окончательным. Неизвестно, почему на нижней грани оставляли «язычок», который является технологическим элементом — литником (рис. 3.10 – *1–6*; 3.11 – *2, 3*). Приняв его за крючок, именно такие изделия В. И. Семёнова ошибочно отнесла к поясным пряжкам [*Семёнова, 2001.* – С. 85; табл. 52].

Тип II — квадратные — 9 экз. (рис. 3.10 – *7–10*). Различаются по размерам и изображениям символа на поле: прямой крест, ромб, четырехлепестковая розетка на фоне прямого креста и кольцо.

Тип III — в форме косого креста (крестовидные) — 25 экз. (рис. 3.10 – *11–17*). Это один из самых массовых типов. Часть изделий, которые, на первый взгляд, радикально отличаются друг от друга, в основе своей усложненной композиции имеют одну и ту же схему. В рамках этого типа имеется четыре основных подтипа: первый — четырехлепестковая розетка (рис. 3.10 – *17*); второй — крест из четырех колец (рис. 3.10 – *12*); третий — крест из вытянутых овалов (с четырьмя «жемчужинами») (рис. 3.10 – *13–16*); четвертый — крест из вытянутых овалов, совмещенный с ромбом (с девятью «жемчужинами») (рис. 3.10 – *11*).

Тип IV — комбинированной формы — 4 экз. (рис. 3.10 – *18–21*), каждый из которых имеет индивидуальную форму, в основе которой трехчастная композиция: три последовательно совмещенные овала, ромб с примыкающими треугольниками, овал с примыкающими троеточиями.

Тип V — в форме плоского кольца (круглые) — 46 экз. (рис. 3.10 – *22–24*). В слое городка найдено 27 изделий, кроме того, 19 подобных накладок украшали сумочку для огнива (рис. 3.54 – *4*). В основном кольца декорированы рядом поперечных нарезок. По композиции выделяются два основных подтипа: одиночное кольцо и двойное кольцо. В коллекции имеются еще два изделия, которые представляют отдельные подтипы. Одно выглядит как маленький ромб, совмещенный с крестом, и, возможно, является недолитой частью накладного украшения арочной или прямоугольной формы, что не исключает его отдельного использования (рис. 3.10 – *22*). Второй имеет форму диска с ушком и изображением четырехчастной розетки (рис. 3.10 – *24*).

В основном оловянные накладные украшения использовали для декора женской верхней одежды. Их пришивали, образуя орнаментальный фриз по краю, иногда чередовали разные типы [*Мартин, 2004.* – С. 59–61; табл. 4 – *1*]. Такие изделия аналогичны накладкам из погребального комплекса могильника Усть-Балык и городища Мункысь Урий, датированных концом XVI – началом XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 77, 85; табл. 49, 52, 59; *Семёнова, 2005.* – С. 22; рис. 51–57]. Однако подобный тип украшений из олова отсутствует в средневековых поселенческих и погребальных комплексах до XVI века [*Фёдорова Н. В. и др., 1991.* – С. 126–145; *Семёнова, 2001.* – С. 36–101; табл. 59; *Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 44–65, рис. 15–*20*]. Особо показателен, в данном случае, комплекс вещей с городища Ендырское 1 и могильника Ендырский 1, время функционирования которых ограничено концом XVI века, где находки изделий из олова и литейных форм единичны [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 106–124; рис. 41 – *4, 12*; 46 – *5, 6*; С. 185–187; рис. 51, 57, 58].

На протяжении XVI–XVII веков производство изделий из олова было широко распространено в государстве Московском, и в частности — на Русском Севере. Исследователями выделяются два основных

центра — города Великий Устюг и Сольвычегодск, — которые обеспечивали поставки в Сибирь олова в изделиях и слитках, где, судя по письменным источникам, этот товар пользовался очень большим спросом начиная с 1592 года [*Фармаковский, 1951.* – С. 110]. Все эти факты позволяют уверенно связать массовое появление таких украшений в туземной среде непосредственно с русской колонизацией, когда стал возможен постоянный экспорт в Сибирь оловянного сырья.

Значительную часть украшений из олова отливали тут же, в городке, что подтверждается находками шести ***литейных форм*** из камня (рис. 3.11 – *1–4*).

Сравнительный анализ накладных украшений, найденных при раскопках, позволяет аргументированно разделить весь комплекс оловянных изделий на местные типы отливок и импортные, а также, с учетом уровня залегания, выделить хронологические рамки для некоторых типов.

В частности, накладные украшения третьего типа: крест из четырех колец (рис. 3.10 – *12*) и крест из вытянутых овалов, совмещенных с ромбом (с девятью «жемчужинами») (рис. 3.10 – *11*), отсутствующие в комплексах могильника Усть-Балык [*Семёнова, 2001.* – С. 61–94; табл. 59], — в слое Надымского городка датируются лишь второй половиной XVII века. Это позволяет ограничить время их появления серединой XVII века.

Оловянное изделие в форме маленького диска с четырехлепестковой розеткой найдено в слое конца XVI – начала XVII веков и было отнесено к пятому типу изделий (в форме кольца). Подобные украшения известны в материалах могильника Ендырский 1 и ритуального комплекса Лобвинской пещеры на Среднем Урале [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 185–187; рис. 51, 57, 58; *Чаиркин, Карачаров, 1999.* – С. 204–205; рис. 17 – *6*]. Судя по ближайшим аналогам с могильника Ендырский 1, датированного второй половиной XV – XVI веков, по отсутствию таких изделий в слое городка позднее начала XVII века и широте распространения, такие изделия являются для Надымского городка импортными, а время изготовления ограничено началом XVII века.

Остальные типы накладных украшений производили на территории городка или в ближней этнической среде в течение всего исследуемого периода. По всей видимости, простая нетрудоемкая технология, не требующая высокой температуры для плавки металла, сделала их производство женским ремеслом и определила чрезвычайную популярность в аборигенной среде. Все это послужило причиной того, что такой тип украшений просуществовал вплоть до начала XX века, пока не стал вытесняться бисером, но в тех местах, где приобретение бисера было затруднено, такие украшения отливали из свинца вплоть до 70-х годов XX века.

Оловянными накладками украшали не только одежду. В заполнении постройки № 7 была найдена небольшая кожаная сумочка-мешочек, служившая, возможно, для хранения огнива с нашитыми круглыми оловянными бляшками (рис. 3.54 – *4*).

Возможно и другое использование оловянных отливок. Так, в материалах погребальных комплексов остяко-самоедских могильников XIX века в низовьях Оби присутствуют антропоморфные деревянные изображения, очевидно, связанные с культом предков. Лицо на этих изображениях иногда заменяет оловянная бляшка [*Мурашко, Кренке, 2001.* – С. 64; рис. 145, 148, 149]. Среди антропоморфных изображений коллекции Надымского городка подобных случаев не зафиксировано. Такой пример лишь характеризует сакральную значимость оловянных изделий и связанную с ней широту употребления.

Специфические изделия из олова составляют отдельную группу. К ней отнесены несколько предметов, отлитых также в городке в двустворчатых односторонних формах. Это схематическая *фигурка человека* — 1 экз. (рис. 3.10 – *31*), *фигурка оленя* — 2 экз. (рис. 3.10 – *32*), *фигурка рыбы* — 1 экз. (рис. 3.10 – *25*). Их специфическая форма определяет возможность их использования в качестве ритуальных предметов. Территориально и хронологически близких аналогов подобных изделий пока не найдено. Изображение рыбки, пожалуй, можно считать определенным продолжением серии бронзовых литых подвесок, известных в погребальных памятниках Среднего Приобья XIII–XIV веков [*Чернецов, 1957.* – Табл. XXIX – *12–14*; *Викторова, 1973.* – С. 157; рис. X – *1, 9*; *Угорское наследие, 1994.* – С. 98; рис. 151–153]. Из личного опыта исследований культовых памятников аборигенного населения Северо-Западной Сибири мне известно, что оловянные отливки схематических фигурок животных использовали в качестве ипостасей и помощников семейных и родовых духов-хранителей.

Подвески оловянные — 14 экз. (рис. 3.10 – *25–27, 29, 30*). В коллекции восемь целых экземпляров и шесть фрагментов изделий. Практически каждая подвеска имеет индивидуальную форму. Большинство из них имитировало сюжеты бронзовых и серебряных изделий предшествующих хронологических периодов. Пример тому — подвески в виде лапки водоплавающей птицы и др. (*см. ниже*) (рис. 3.10 – *26, 29*).

УКРАШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА составляют следующую группу. В нее включены украшения непосредственно тела, в частности головы (очелья, височные подвески, серьги) и рук (кольца, перстни).

Очелье — 1 экз. (рис. 3.12 – *3*). Найден фрагмент широкого очелья из серебряной пластины с гравированным орнаментом и фоном, заполненным чернью. Предмет находился у постройки № 4 в слое конца XVII – первой трети XVIII веков. Широкие очелья с гравированным орнаментом, украшенные привесками, известны на территории Западной Сибири по материалам могильника Усть-Балык и святилища Эсский остров, время их бытования соответствует периоду XVI–XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 80; рис. 18; *Югорск..., 1997.* – С. 52].

Кольца височные — 4 экз. (рис. 3.12 – *4–7*). Височные кольца имеют очень широкий территориальный и хронологический интервал бытования. На территории Западной Сибири этот тип украшений начинает бытовать с VII века [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 51–53; рис. 16 – *15, 19*].

Найденные кольца разнообразны по форме. Одно височное кольцо — разомкнутое, диаметром 5 см, с тремя (?) бусинами (утрачены) — выполнено из медной проволоки, на одном конце снабжено петелькой. Пространство кольца у бусин имело оплетку (рис. 3.12 – *4*). Относится к типу трехбусинных височных украшений. Это изделие, скорее всего, русского производства. Подобные кольца бытовали на Руси в XIV–XV веках [*Седова, 1997.* – С. 297; табл. 51; рис. 28, 29], но не исключено их изготовление в городских центрах Волжской Болгарии в XII–XIV веках, где подобные изделия производились массово [*Фёдорова Н. В., 2003.* – С. 144]. Второе кольцо, диаметром 3,5 см, сделано из медной проволоки без какого-либо декора (рис. 3.12 – *5*). От третьего сохранился только фрагмент: это медная проволока с нанизанным на нее оловянным бисером (рис. 3.12 – *6*). Восстанавливаемый диаметр — около 6,0 см. Четвертое кольцо — из серебра — относится к типу браслетообразных проволочных височных колец (рис. 3.12 – *7*). Изготовлено из витой серебряной проволоки, загнутой в полтора оборота. Височные кольца этого типа были распространены на обширной территории Древней Руси в XI–XV веках [*Седова, 1997.* – С. 63–64]. Самые поздние находки таких колец относятся к концу XVI – началу XVII веков и происходят из погребений могильника Усть-Балык [*Семёнова, 2001.* – С. 81; табл. 50].

Серьги — 2 экз. (рис. 3.12 – *8, 9*). Одна изготовлена из тонкой железной проволоки и имеет вид кольца со стержнем, заканчивающимся маленькой петлей. Стержень имеет оплетку из медной проволоки (рис. 3.12 – *9*). Вторая — аналогичной формы — отличается оформлением стержня, на который надето три бусины: две оловянные и между ними одна из синего стекла (рис. 3.12 – *8*). На Севере аналогичные серьги начинают бытовать с XIII века, и наиболее поздние находки происходят из комплексов конца XVI – начала XVII веков могильника Усть-Балык в Среднем Приобье [*Семёнова, 2001.* – С. 82, табл. 51]. В Северной Барабе такие украшения бытуют до начала XVIII века [*Молодин, 1979.* – С. 178; табл. XLVI].

Кольца — 3 экз. Все кольца медные, имеют форму обычных обручальных, диаметром до 2,0–2,2 см и шириной до 3–4 мм.

Перстни — 27 экз. (рис. 3.10 – *35–38*; 3.12 – *28–34*). По материалу их можно разделить на две группы: бронзовые и оловянные.

Перстни бронзовые (8 экз.) (рис. 3.12 – *28–34*) отличаются большим разнообразием форм и изображений на щитках. Один перстень литой, с тонкой, круглой в сечении шинкой и овальным щитком, на котором выгравировано изображение льва (?) (рис. 3.12 – *30*). Второй перстень — аналогичной формы, но изображение на нем уничтожено патиной. Третий — тоже литой, с широкой шинкой сегментного сечения и округлым щитком, на котором выгравировано профильное изображение птицы с широко расправленными крыльями (пеликана?) и двух птенцов (?) (рис. 3.12 – *32*). Сюжет, возможно, иллюстрировал популярное в позднем

средневековье в Европе христианское предание о пеликане, спасающем жизнь своих птенцов от дикой твари, где в образе птицы показан Христос, прекращающий злодеяния и спасающий божьи чада [*Ле Руа Ладюри, 2001.* – С. 367–368]. Подобные перстни с аналогичными изображениями хорошо известны из раскопок Мангазеи и на острове Фаддея [*Белов и др., 1981.* – С. 47–48; рис. 8 – 1–3; *Порфиридов, 1951.* – С. 153–154, 244; табл. XIV – *1–7*]. Четвертый и пятый перстни — с кастиком под вставку и вставкой из стекла или камня (рис. 3.12 – *33, 34*). Один имел вставку шестигранной формы, а второй — овальной. Три другие перстня имеют плоскую шинку и круглый щиток с гравированным циркульным орнаментом: от пяти до семи окружностей с точками (рис. 3.12 – *28, 29*). В коллекции имеется перстень с монограммой в форме латинской буквы «N» (рис. 3.12 – *31*). Все перстни являются привозными, скорее всего — из ювелирных центров Северо-Восточной Европы.

Перстни оловянные — 19 экз. (рис. 3.10 – *35–38*). Все без исключения изготовлены путем отливки, без дополнительной проработки орнамента и изображения. На них был убран лишь металл по литейным швам. Часть оловянных перстней имела на щитке декор, но из-за качества отливки или плохой сохранности он в ряде случаев плохо определяется либо не определяется вообще. Перстни различаются по форме и декору щитка. Перстни первого типа — с широким прямоугольным щитком и плоской шинкой (2 экз.) (рис. 3.10 – *38*). У одного на щитке орнамент из взаимопроникающих треугольников, второй — без орнамента. Перстни второго типа (4 экз.) (рис. 3.10 – *35, 36*) имеют щиток в форме восьмигранника, в центре которого выгравирован восьмигранный медальон с изображением растительной розетки (?) или, возможно, птицы (?). По краю центрального медальона — бордюр из лозы с завитками, на шинке у щитка также имеется растительный орнамент. Третий тип, наиболее массовый, — с круглым щитком (12 экз.) (рис. 3.10 – *37*). Размеры таких перстней и размеры щитков различны, основное отличие — это наличие декора на щитке. На щитках, где имелся декор, обычно изображалась растительная розетка. Четвертый тип — перстень с узкой округлой дужкой и расширяющейся средней частью в виде вытянутого овала, без декора, целый, (1 экз.). Все перстни привозные, скорее всего, русские.

Бусины — 113 экз. — составляют следующую категорию украшений. По морфологическим признакам (системе крепления) их можно подразделить на два основных вида: бусины-пронизки (со сквозным отверстием) и бусины-подвески (с ушком для подвешивания). В рамках каждого вида по материалу изготовления бусины делятся на три группы: стеклянные, костяные и металлические (медные, оловянные и серебряные). Первый вид — пронизки — включает три группы бусин.

Стеклянные бусины-пронизки — 75 экз. (рис. 3.12 – *17–26*), из них 52 целые и 23 фрагмента. Практически все они шарообразной формы, со сквозным отверстием. Лишь одна бусина из прозрачного стекла (хрусталя?) имеет грани, и одна, зеленая, — цилиндрическую форму (рис. 3.12 – *20, 21*). Подавляющее большинство (до 90%) найденных на городке в слое конца XVI – первой трети XVIII веков стеклянных бусин изготовлено из голубого, реже темно-синего стекла различных оттенков (рис. 3.12 – *17–19, 23–26*). Имеются бусины и других цветов: разноцветные, молочно-белые и желтые (рис. 3.12 – *22*). Их размеры различны — от 0,5 до 1,5 см. Все они относятся к категории привозных украшений. Особенно широко в XVII веке были распространены голубые бусины, в большом количестве обнаруженные при раскопках заполярной Мангазеи, на острове Фаддея и на берегу залива Симса, произведенные в малороссийских и московских центрах стеклоделия [*Порфиридов, 1951.* – С. 156; *Белов и др., 1981.* – С. 48–50]. Причем бусы, найденные на острове Фаддея и берегу залива Симса, были в составе нескольких ожерелий и, судя по всему, предназначались для обмена [*Порфиридов, 1951.* – С. 156, 243; табл. XIII – *16–22*]. Учитывая, что голубые бусины отсутствуют в слое городища Ендырское 1 [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 120–121], функционирование которого прекратилось в конце XVI века, можно зафиксировать время их появления на территории Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII веков и охарактеризовать как хронологический признак эпохи русской колонизации Сибири.

Костяные бусины-пронизки — 2 экз. — изготовлены из бивня мамонта, в коллекции имеются одна целая и один фрагмент. Аналоги таких бусин пока не найдены, но, предположительно, их можно отнести к импортным изделиям и связать с косторезными центрами русского Севера.

Серебряные бусины-пронизки — 3 экз. — изготовлены из штампованных полусфер, декорированных филигранью. Подобные бусины в большом количестве найдены в могильниках Среднего Приобья и использовались как отдельные украшения, так и в качестве элементов декора височных колец. Все они

принадлежали работе мастеров средневековых центров Волжской Болгарии или Золотой Орды XII–XIV веков [*Фёдорова Н. В., 1990.* – С. 135; рис. 3 – *2, 4, 11*; *Чемякин, Карачаров, 2000.* – С. 60–64; рис. 19 – *7, 9*; 20 – *3*]. В поздние слои Надымского городка эти бусины попали, скорее всего, случайно.

Второй вид — *бусины-пуговицы* (с ушком) — 33 экз., относятся к группе металлических изделий. По материалу изготовления составляют три группы: медные бусины — 21 экз., бусины из серебра — 1 экз., бусины из олова — 11 экз.

Медные бусины по форме делятся на два типа: овальные с ушком в форме ягоды крыжовника и сферические с ушком.

Овальные бусины с ушком в форме ягоды крыжовника — 9 экз. (рис. 3.12 – *13, 15*). Самым ранним прототипом подобных изделий являются бусины из состава Симферопольского клада, которые датируются концом XIV – началом XV веков [*Мальм, 1980.* – С. 2]. Эти бусины считают изделиями ювелиров Золотой Орды, и время их изготовления определяют в пределах первой половины XIV века [*Сокровища Золотой Орды, 2000.* – С. 320–321]. На территории Северо-Западной Сибири подобные бусины имели довольно широкое распространение. В большом количестве они известны из погребальных комплексов Среднего Приобья — могильников Усть-Балык, Ендырский 1, Моховая 45, а также из погребальных комплексов Нарымского Приобья — Тискинского, Иготкинского [*Семёнова, 2001.* – С. 69, 224; табл. 46; *Борзунов, Стефанов, 1999.* – С. 240–242; *Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 171–177; рис. 51–*79; Чиндина, 1975.* – С. 70; табл. 10, 12, 14; *Боброва, Торощина, 1999.* – С. 53, 64, 71, 72, 76; рис. 4, 10, 11, 16]. А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров провели глубокий анализ практически всех бусин подобного типа, известных на большой территории Сибири и Восточной Европы, и достаточно убедительно доказали, что подобные изделия появляются на территории Севера не ранее второй половины XV века и прекращают массово поступать в конце XVI века [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 176–177]. Действительно, найденные в городке бусины сильно истерты, и вполне возможно, что они бытовали здесь с XV века и передавались из поколения в поколение.

Сферические бусины с ушком из меди — 12 экз. Имеют форму шарика с ушком. Декор отсутствует. Минимальные размеры шарика в поперечном сечении — 0,9 см в диаметре.

Серебряная бусина-пуговица — 1 экз. — представляет тип сферической бусины-пуговицы с ушком, диаметр составляет 1,1 см, декор отсутствует.

Оловянные бусины-пуговицы — 11 экз. Встречаются нескольких типов. Первый тип — круглые (9 экз.) (рис. 3.10 – *33, 34*). Круглые бусины имеют диаметр не более 1,0 см и различаются по наличию декора. Основная часть таких бусин (8 экз.) — без декора. Один экземпляр украшен розеткой лепестков снизу и сверху (вокруг точки крепления ушка). Второй тип — биконические (1 экз.) (рис. 3.10 – *28*). У таких бусин один конус заканчивается петлей для подвешивания, другой, с противоположной стороны, — шариком. Третий тип — овальные (1 экз.), имеют форму, схожую с плодом крыжовника, и ребристую поверхность, полые внутри.

Изначально бусины-пронизки предназначались для создания ожерелий, а бусины-пуговицы (с ушками) — возможно, для застежек одежды, воротничков и манжет. Местное употребление бусин в качестве украшений, очевидно, было также разнообразным, но вряд ли всегда соответствовало изначальному или так называемому общепринятому. Вот как П. Мартиньер, побывавший в середине XVII века (в 1653 г.) на Крайнем Севере Московии, описывает внешний вид одной «самоедской» женщины, жившей близ устья Печеры: «Волосы были заплетены в две косы, спускающиеся на плечи, через весь подбородок проведены были голубые линии и три или четыре линии шли по лбу. Уши и ноздри были проколоты и в них на колечках из рыбьей кости были подвешены голубые камни [!], причем подвески в ушах были величиной в крупный лесной орех [!], а та, что висела под носом, в горошину» [*Мартиньер, 1911.* – С. 93]. Совершенно очевидно, что в первом случае в тексте речь идет о вышеописанных голубых бусинах, в большом количестве привозимых для обмена русскими промышленниками, а во втором — скорее всего, о бусинах из металла, близких по форме и размерам овальным бусинам-пуговицам в форме ягоды крыжовника. Принимая во внимание данный факт, а также материалы могильника Усть-Балык (Среднее Приобье), где в 347 захоронениях, основная масса которых относится к X–XVII векам, обнаружено всего 62 стеклянных и около 50 металлических бусин (бусин-пуговиц) [*Семёнова, 2001.* – С. 15, 264–265, 274–276], можно заключить, что их использовали индивидуально и чаще всего — для украшения головы (лица). Скорее всего, также использовали бусины-пуговицы.

Подвески

Подвески к очелью — 2 экз. (рис. 3.12 – *1, 2*) — очевидно использовались как в составе налобного украшения, так и отдельно. Первая, в форме рыбки размерами 3,0 × 1,7 см, изготовлена из серебряной пластинки в технике басмы. Подобные подвески, с более проработанными деталями и богатым декором, известны на территории Северо-Западной Сибири начиная с XIII–XIV веков — «Золотоордынского времени» [*Восточный художественный металл..., 1991.* – С. 24, 37; *Зыков и др., 1994.* – С. 119, 153]. Самые поздние находки обнаружены в погребениях могильника Ендырский 1 XV–XVI веков [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 179–180; рис. 71Б – *5, 8, 9*]. Судя по небольшим размерам и упрощенной форме, надымская «рыбка» была элементом более сложного украшения, наподобие широкого серебряного очелья с привесками. Такие украшения известны по материалам могильников Усть-Балык, Эсский остров XVI–XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 80, рис. 18; *Югорск…, 1997.* – С. 52] и в составе реликварных наборов украшений духов-покровителей продолжают бытовать до недавнего времени [*Баулo, Фёдорова, 2005.* – С. 140–145; рис. 1, 6, 9]. Вторая, в форме овальной пластины с тисненым растительным орнаментом с фрагментом цепочки, тоже изготовлена из серебра и, судя по небольшим размерам (3,6 × 1,8 см), также являлась деталью более сложного изделия.

Подвеска в форме пластины с растительным орнаментом, снабженная кольцами и привесками в виде бубенчиков из бронзы, — 1 экз. (рис. 3.12 – *11*). Найден один фрагмент в пространстве квартала № II в слое первой трети XVIII века. Аналогичные изделия обнаружены на поселении Хаэн Сале [*Чернецов, 1957.* – С. 236–237; табл. XLVIII – *6, 7*] и при раскопках Искера. Время изготовления определено соответственно периоду существования города Сибирь (Искер), то есть в пределах XVI века [*Пигнатти, 1915.* – С. 20].

Бляха-«зерцало» — 1 экз. (рис. 3.12 – *16*) — выполнена в форме овального диска размерами 9,5 × 8,5 см. Откована из толстого (0,2 см) листа меди и отшлифована, каких-либо изображений не имеет. Снабжена четырьмя отверстиями для крепления: тремя с одной стороны и одним с противоположной. Происходит из «клада» бронзовых изделий с участка М–П/76–79 (юго-восточная многофункциональная площадка). Подобные бляхи-«зерцала» были неотъемлемым элементом костюма западносибирского воина X–XVII веков и служили одновременно магическим оберегом и знаком социального статуса владельца [*Соловьёв, 2003.* – С. 199, рис 47; С. 207, рис. 57]. Очевидно, роль таких зерцал исполняли еще и серебряные блюдца небольшого диаметра, фрагменты которых были найдены рядом (*см. раздел 3.4*).

Браслет пластинчатый — 1 экз. (рис. 3.12 – *27*). В слое дерна на участке осыпи (М–П/79–89) при выборке предметов из состава «клада» оружия и бронзовых изделий (*см. подробнее: гл. 3.3*) был найден один браслет, выполненный из листа жести. Очевидно, он входил в состав комплекса предметов вооружения. Поверхность браслета декорирована цепочкой зигзагов. Материал — жесть — не вызывает сомнения в том, что этот браслет относится к времени не ранее конца XVI века. Скорее всего, он служил мужским украшением — статусным знаком. Аналоги подобного изделия неизвестны.

Пуговица — 1 экз. (рис. 3.12 – *10*) — отлита из бронзы, имеет форму выпуклого диска. Крепление отломано. Лицевая сторона содержит изображение креста, выполненное рельефными валиками. Обнаружена в слое первой трети XVIII века и, вероятно, относится к предметам русского импорта. Аналогичная пуговица найдена в Алазейском остроге, функционировавшем во второй половине XVII – XVIII веках [*Алексеев, 1996.* – С. 49, 117; табл. 48 – *19*].

Круглая подвеска с изображением всадника — 1 экз. (рис. 3.12 – *12*) — отлита из бронзы по восковой модели и снабжена поперечной петлей. На лицевой стороне — изображение всадника, вероятнее всего — Святого Георгия. Находилась в восточном углу постройки № 8 в слое первой трети XVIII века. Скорее всего, это изделие русского производства.

Украшения, относящиеся к периоду с I по XVI века, — 40 экз. (рис. 3.13 – *1–24*). Бронзовые и серебряные украшения более ранних хронологических периодов представлены серией изделий различных типов.

Практически по всей территории городка найдены бронзовые предметы (или фрагменты), изготовленные в IX–XV веках, и лишь отдельные — ранее.

Диск-«зеркало» бронзовый — 1 экз. (рис. 3.13 – *1*). Представляет собой кованое изделие из высокооловянистой бронзы (серого цвета), диаметром 6,7 см, с небольшим отверстием в центре. Диск полирован с одной стороны, с другой имеет матовую поверхность, на которую циркульным способом нанесена шестилепестковая розетка. Он найден у постройки № 3, в слое первой трети XVII века. Подобные диски были широко распространены на территории Западной Сибири в период с IV–III вв. до н. э. по V–VI вв. н. э. и связаны с памятниками кулайской и карымской археологических культур [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 40–48; рис. 13 – *19*; 14 – *6*].

Браслет пластинчатый из бронзы — 1 экз. (рис. 3.13 – *5*). Найден фрагмент широкого разомкнутого браслета, отлитого из высокооловянистой (белой) бронзы. Край завершается изображением двух голов животных (рыб?). Такие браслеты были распространены на территории Северо-Западной Сибири с конца IX по конец XI века и связаны с комплексами памятников вожпайской и кинтусовской археологических культур [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 57–60; рис. 17 – *15*; 18 – *6*].

Стержень для крепления колчана — 1 экз. (рис. 3.13 – *2*). Стержень длиной 9,6 см, концы которого украшены головами животных, имеет посередине петлю. Отлит из оловянистой бронзы. Таких артефактов известны единицы. Входит в круг изделий «звериного» стиля, распространенных в Северо-Западной Сибири с конца IX по конец XI веков [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 57–60; рис. 17 – *10–14;* 18 – *3–4, 9*].

Рукоять ножа — 1 экз. (рис. 3.13 – *3*). Сохранилась фрагментарно. Отлита из оловянистой бронзы в виде втулки с расширяющимся ажурным навершием, обычно украшенным фигурой животного. Входит в число изделий с зооморфным декором, широко распространенных в Северо-Западной Сибири с конца IX по конец XI веков [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 57–60; рис. 17 – *12;* 18 – *9*].

Подвеска в форме арки с привесками — 1 экз. (рис. 3.13 – *9*). Сохранился только щиток в форме арки с петлей для подвешивания в верхней части и тремя петлями для цепочек с привесками — в нижней. Центральный медальон щитка, дублирующий его форму, содержит изображение трех окружностей. Самые ранние подвески подобного типа начинают бытование на Севере с конца VII века и в разных вариантах продолжают использоваться до XIV–XV веков [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 51–63; рис. 16 – *5, 10*; 20 – *10*]. Наиболее близкие по декору подвески из могильников Киняминский II и Усть-Балык принадлежат комплексам XIII–XIV веков [*Семёнова, 2001.* – С. 70–71; табл. 47, табл. 5–7, 59].

Подвеска-пронизка «шумящая» — 1 экз. (рис. 3.13 – *6*). Выполнена в форме гладкой трубочки, снабженной с двух сторон петлями для крепления привесок, имитирующих бубенчики. Привески отсутствуют. Подобные изделия широко распространены на территории Приуралья и Западной Сибири [*Могильников, 1987.* – С. 263, табл. XV – *14, 20, 24*; С. 306, табл. LVIII – *12*; С. 330, табл. LXXXII – *36*]. Бытование их в Среднем Приобье относится к XII–XIV векам [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 60–62; рис. 19 – *12*; *Семёнова, 2001.* – С. 76; табл. 48, 59].

Подвески трехчастные «шумящие» — 9 экз. (рис. 3.13 – *7, 8*). Найдены только отдельные детали сложносоставного украшения: соединительные звенья (5 экз.) и привески (4 экз.). Трехпетельные звенья-разветвители служили основным составным элементом, формирующим подвижные части подвесок. Целая подвеска состояла из трех таких звеньев. В нижние петли первого крепилось два аналогичных по форме звена, к нижним петлям которых подвешивалось по две привески — имитации бубенчика. Целые аналоги известны из комплексов погребений могильника Усть-Балык, относящихся к XIII–XIV векам [*Семёнова, 2001.* – С. 76; табл. 48, 59].

Подвеска зооморфная объемная — 1 экз. (рис. 3.13 – *22*). Выглядит как объемная арка, изображает стилизованную фигуру животного. Отлита из бронзы в двухстворчатой двусторонней форме с сердечником. Имеет сквозное отверстие на спинке для подвешивания. Подвески с такой степенью стилизации связаны

с сайгатинской археологической культурой и распространены в регионе с XIII по XV век [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 60–65; рис. 20 – *12*].

Подвески в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые») — 18 экз. (рис. 3.13 – *10–12, 14–21*). Отлитые из бронзы подвески имитируют перепончатую лапку водоплавающей птицы, скорее всего, гуся (утки, гагары, лебедя?). Найдены во всех частях памятника. Наибольшую концентрацию можно отметить на северо-западной и южной многофункциональных площадках. По оформлению они делятся на два типа.

Тип I — ажурные — 10 экз. (рис. 3.13 – *15–21*). Имеют два подтипа по декору центрального пространства изделия: ажурные подвески с двумя парными прорезями и четырьмя парными прорезями, образующими крест. Этот тип подвесок наиболее характерен для памятников Северо-Западной Сибири XIII–XV веков и имеет массовое распространение, единичные находки известны и в могильниках вымской культуры Северного Приуралья [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 60–65; рис. 20 – *7*; *Савельева, 1987.* – С. 106; рис. 31, 31, 33–35, 38, 40].

Тип II — сплошные — 8 экз. (рис. 3.13 – *10–12, 14*). По декору имеют два подтипа: ложносканные (зерневые) — копии булгарских серебряных подвесок, выполненных в технике филиграни, украшенных треугольниками и розетками из зерни, и линейно-декорированные с орнаментом, образованным короткими линиями, формирующими вертикальные зигзаги, ромбы и др. Последние, скорее, являются подражанием (репликацией) предыдущему типу.

Серебряные прототипы таких подвесок известны на территории Среднего Приобья, где время их бытования ограничено в пределах конца XIII – XIV веков [*Восточный художественный металл..., 1991.* – С. 23; кат. № 10–12; *Зыков и др., 1994.* – С. 108, 150; кат. № 252, 254–256; *Фёдорова Н. В., 1990.* – С. 134, 135; табл. I; рис. 2, 12–14]. Бронзовые копии таких украшений продолжают бытовать до XV–XVI веков [*Фёдорова Н. В. и др., 1991.* – рис. 3Б – *12*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 115–116; рис. 41 – *22, 24*].

Подвески имеют достаточно стандартные размеры, но в рамках обоих типов можно выделить два варианта, отличающихся величиной: большие и малые. Размеры больших подвесок колеблются в пределах 5,0–6,0 × 3,0–3,5 см, а малых — в интервале 4,0–4,5 × 1,5–2,0 см.

Подвески в форме креста — 2 экз. (рис. 3.13 – *24*). Изображают четырехлепестковую розетку. Отлиты из бронзы в одностороннюю двустворчатую форму, снабжены отверстием для подвешивания в одном из лепестков. Такие изделия получают массовое распространение на территории региона в XIII–XV веках и связаны с древностями сайгатинской археологической культуры [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 60–65; рис. 20 – *8*].

Подвески в форме полумесяца — 2 экз. (рис. 3.13 – *23*). Отлиты из бронзы в двустворчатую одностороннюю форму, снабжены ушком для подвешивания. Подобные подвески получают широкое распространение в регионе в XIII–XV веках и связаны с сайгатинской археологической культурой [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 60–65; рис. 20 – *9*].

Судя по локализации типологически и стилистически близких изделий XIII–XV веков на территории Северо-Западной Сибири, можно предположить наличие внутрирегиональных производственных центров металлообработки. Одним из таких центров можно назвать Тазовскую мастерскую XIII–XV веков, расположенную в нижнем течении одноименной реки, где были обнаружены свидетельства не только литейного, но и металлургического производства [*Хлобыстин, Овсянников, 1973.* – С. 248–257]. Вероятнее всего, эти центры прекращают функционировать на рубеже XV–XVI веков в связи с прекращением поставок сырья, и в последующее время подобные украшения бытуют лишь как реликварные в комплекте ритуальных костюмов. Возобновляется производство таких форм только в конце XVI века в связи с поставками нового сырьевого материала, которым стал оловянно-свинцовый сплав (рис. 3.10 – *26, 27*; 3.11 – *2*).

Подвеска круглая «сетчатая» — 1 экз. (рис. 3.13 – *13*). Имеет форму ажурного, заполненного ромбической сеткой диска диаметром 3,2 см, снабженного поперечной петлей для подвешивания. Изготовлена из бронзы в технологии литья по восковой модели. Такие подвески имели широкое распространение в XII–XIII веках у прибалтийских финнов [*Голубева, 1987.* – С. 60, 265; табл. XVII]. Однако прямые аналоги найденной подвески известны в материалах раскопок Новгорода и других памятников северной Руси. Их считают характерными

украшениями Новгородской земли. Хронологические рамки бытования таких подвесок широки — с середины XII до конца XIV веков. Находки подобных изделий на других территориях считают свидетельством проникновения туда русского (новгородского) населения [*Древняя Русь, 1997.* – С. 68, 299; рис. 53].

Накладное зооморфное украшение — 1 экз. (рис. 3.13 – *4*). Отлито в форме фигурки льва размерами 2,0 × 1,6 см, с поднятой передней лапой и хвостом, пропущенным между задними лапами и загнутым на спине. На оборотной стороне имеются два штифта для крепления. Происходит из слоя рубежа XVI–XVII веков и вероятно связано с древнерусским искусством. Прямые аналогии изделию имеются в булгарских материалах с правобережья Камы, датируемых XIII–XIV веками, хотя автор отмечает наличие и более поздней аналогии из могильника Качка [*Руденко К. А., 1999.* – С. 73–102; рис. 9 – *15*].

Возможно, в слой конца XVI – первой трети XVIII веков некоторые из этих предметов попали после того, как жители городка принесли их с какого-то археологического памятника или чужого святого места, либо они происходят из более ранних слоев самого городка. Этот вопрос остается открытым, но не менее важно определить характер вторичного использования бронзовых изделий. Некоторые из них (например, подвеска в форме лапки), вероятнее всего, использовались в качестве украшений праздничного женского костюма, который передавался из поколения в поколение. Подвески сильно истерты от долгого употребления. Бронзовые подвески с такой же вероятностью могли быть принадлежностью шаманского костюма. Поскольку у всех народов Сибири и Севера известно почтительное отношение к древним вещам, которые, как они полагали, падают с неба или выталкиваются на поверхность живущими под землей «сихиртя» [*Мурашко, Кренке, 2001.* – С. 6].

И все же, несмотря на наличие отдельных деталей, в полной мере реконструировать костюм жителей городка очень сложно. На основании единства ландшафтно-климатических условий и близости хозяйственных занятий, можно лишь предполагать, что их одежда немногим отличалась от одежды, зафиксированной у аборигенов Северо-Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX веков. Исключение составляют украшения. Мы можем определенно сказать, что они изменились значительно. Практически полностью исчезли украшения из костей животных; орнаментальные фризы из оловянных накладок к середине XX века почти полностью заменились бисерными.

3.2. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Эту группу составляют промысловое оружие и различные средства лова животных. Промысловое оружие Надымского городка представлено, прежде всего, деталями луков, стрел, предметами снаряжения лучника, а также фрагментами самострелов (рис. 3.14–3.20). К средствам лова животных отнесены детали ловушек давящего типа и рыболовные снасти (ловушки, сети, крючки) (рис. 3.21).

ДЕТАЛИ ЛУКА И СНАРЯЖЕНИЕ ЛУЧНИКА можно охарактеризовать и как предметы многофункционального использования, поскольку их, безусловно, применяли в качестве боевого оружия. Причисляя их к данному разделу, мы ориентируемся, прежде всего, на изначальное назначение этого орудия и ту важную роль, которую охота играла в жизни надымской общины. Предметы этой категории составляют значительное число в массе всех изделий.

Фрагменты ***луков охотничьих*** — 6 экз. (рис. 3.14 – *1, 2*). Все они принадлежат сложносоставным лукам. В хозяйственной постройке № 3 найден почти целый составной лук (четыре детали) общими размерами 158,0 × 5,0 × 1,5 см. Судя по находкам, бытовал только один тип охотничьего лука.

По найденным при раскопках фрагментам реконструируется лук длиной до 1,8 м, состоявший из шести элементов: наружная тонкая (0,5 см) пластина из березы (березовая планка), к которой крепились три кремлёвые пластины (одна, утолщенная до 1,5 см, в средней части — рукояти лука и две плоские, толщиной 1,0 см, примыкали к ней сверху и снизу); два березовых хвостовика с вырезом для тетивы. Детали лука склеивались, очевидно, осетровым клеем и оборачивались берестяной лентой. Такой лук близок к конструкции сложных

(клеенных из двух пластин) луков из раскопок Новгорода XI–XIV веков и Мангазеи XVII века [*Древняя Русь, 1985.* – С. 312; табл. 132 – *6–7*; *Белов и др., 1981.* – С. 74; табл. 64 – *1–4*]. Основное отличие надымских луков от большей части мангазейских — ширина кремлёвых пластин. Максимальная ширина надымских не превышает 4,2–5,0 см, а у мангазейских колеблется в пределах 5,4–7,8 см [*Белов и др., 1981.* – С. 74]. Лук и стрелы, несмотря на наличие и широкое использование огнестрельного оружия, бытовали в XVI–XVII веках на Руси и входили в состав снаряжения промысловиков, осваивавших Сибирь [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 97; *Белов и др., 1981.* – С. 74]. Как бесшумное оружие, лук зачастую оказывается более эффективным в охотничьих промыслах, чем огнестрельное. Именно поэтому охотничий лук и стрелы до недавнего времени бытовали в традиционной культуре коренного населения Северо-Западной Сибири и практически не изменили форму и конструкции [*Мартин, 2004.* – С. 52–53; табл. 1, 2; *Сирелиус, 2001.* – С. 247; рис. 209, 275; рис. 89].

Бытование в древности составных клееных луков, определенное на основе остяцкого эпоса, записанного в конце XIX века [*Соловьёв, 1987.* – С. 27], вряд ли можно считать доказанным. В настоящее время деревянных деталей луков древнего аборигенного населения Субарктического региона, более ранних, чем надымские, не найдено, и какова была их конструкция — достоверно не известно. Исключение составляет костяной хвостовик лука с поселения Зеленая Горка, датированный по сопутствующему материалу, а именно по бронзовым украшениям, XIII–XIV веками [*Чернецов, 1957.* – С. 233–234; табл. XLVII – *1*]. На что следует заметить, что аналогичные подвески использовались надымскими жителями до начала XVIII века. В связи с вышеизложенным, а также близостью конструкции надымских луков к более ранним новгородским, можно предположить, что русский лук и набор стрел, поступавшие на территорию Западной Сибири с конца XVI века, а возможно, и ранее, могли оказать определенное влияние на туземные образцы и стать основой их конструкции, воспроизводимой вплоть до XX века.

Щитки для защиты запястья — 13 экз. (рис. 3.14 – *3–8*). Необходимость таких щитков состояла в том, чтобы защитить запястье левой руки, по которому ударяла отпущенная тетива лука. В основном все они изготовлены из рога оленя, в единичных случаях — из бивня мамонта и меди. Щитки имеют форму вытянутого овала и изогнуты по продольной оси. Средние размеры варьируются от 7,3 × 3,7 см до 11,3 × 5,0 см. Встречаются детские щитки размерами от 4,7 × 2,6 см до 6,4 × 2,7 см. Все они имеют парные отверстия, в которые продевались ремешки для крепления щитка к руке. Некоторые щитки имеют точечный или циркульный орнамент. Подобные щитки были найдены на Мангазее и острове Фаддея [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 101–102; С. 234, табл. IV – *11*; *Белов и др., 1980.* – С. 75]. От русских мангазейских щитков надымские отличаются, прежде всего, материалом — это рог оленя, а также наличием орнамента и небольшим изгибом (рис. 3.14 – *3–8*). Самые близкие аналоги надымских щитков относятся к середине XIX века и происходят с Нижней Оби из Мужей и Лабытнанг [*Sommier, 1885.* – С. 365].

Пластины-застежки для крепления колчана — 2 экз. (рис. 3.14 – *9*). В коллекции имеются один целый экземпляр и один фрагмент костяных пластин. Внешне он выглядит как вытянутая пластина размерами 20,5 × 2,7 × 0,7 см, имитирующая животное. С одной стороны по центру расположены два отверстия для ремешков, соединявших пластину с колчаном. Находка такого изделия позволяет реконструировать тип колчана, бытовавшего у населения городка, в форме вытянутого прямоугольного мешка из оленей шкуры с вшитым на всю длину деревянным стержнем, к которому и должен крепиться крючок. За этот крючок колчан прицеплялся к поясному ремню. Такие колчаны, наряду с деревянными футлярами для стрел в форме вытянутой прямоугольной коробки с крышкой, бытовали у остяков реки Юган в конце XIX века [*Мартин, 2004.* – С. 52, 53; табл. 1 – *3, 4*]. Какие-либо иные предметы из дерева или бересты, которые можно было идентифицировать как относящиеся к колчану, в слое не обнаружены. Самый близкий археологический аналог этого крепления происходит из погребения № 6 могильника Ендырский 1, датированного второй половиной XV – XVI веков [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 194; рис. 54 Б – *20*]. Подобные застежки, правда, также в единичных экземплярах, известны на довольно обширной территории Западной Сибири [*Конников, 1984.* – С. 90; рис. 2 – *12*; *Соловьёв, 1987.* – С. 32; табл. I – *11*]. Вообще, подобный способ крепления аналогичен системе крепления колчанов евразийских кочевников домонгольской эпохи [*Савин, Семёнов, 1990.* – С. 81–96]. Судя по тому, что подобных крючков среди археологических находок, в сравнении с другими принадлежностями лучника, немного, можно заключить, что они каким-то образом могли маркировать социальный статус владельца.

Стрелы в коллекции представлены либо фрагментами древков, либо отдельными наконечниками.

Древки стрел — 12 экз. (рис. 3.15 – *4, 7, 9*). Древки представлены фрагментами в основном хвостовых частей. Практически все стрелы имели диаметр до 0,9–1,0 см, оперение хвостовой части и различались только по наконечникам. Был найден один наконечник стрелы с остатками концевой части древка. Он был вклеен в паз, а место соединения аккуратно замотано тонкой полоской бересты. Древки охотничьих (боевых) стрел отличает особо тщательная обработка поверхности. От русских стрел, в частности мангазейских, надымские отличает немного меньший диаметр (меньше на 2–3 мм) [*Белов и др., 1981.* – С. 75]. Судя по находкам шести костяных и двух деревянных стругов, а также заготовок для изготовления древков (*см. ниже*), стрелы изготавливались на месте.

Наконечники стрел. При раскопках слоя конца XVI – первой трети XVIII веков был обнаружен 241 экземпляр, не считая игрушечных (вотивных?) моделей (рис. 3.15–3.18). Наконечники стрел по материалу, из которого они изготовлены, делятся на три группы.

Группа 1 — наконечники стрел (стрелы) ***из дерева — томары*** — 17 экз. Деревянные томары использовались в пушном промысле и являются специфическим промысловым типом наконечника стрелы. По особенностям конструкции наконечников выделено два типа.

Тип I — с тупой цельнодеревянной поражающей частью (рис. 3.15 – *1–3, 6, 8*). Древко стрелы и сам наконечник изготавливались из единого куска дерева. Все они имеют круглое сечение и конусовидную форму, ударная площадка немного (1,5–2,0 мм) выпуклая. Размеры их колеблются в пределах: диаметр — 3,0–3,5 см, длина — 6,0–7,0 см. Подобный тип наконечников бытовал на Руси, известен в материалах раскопок Мангазеи [*Древняя Русь, 1985.* – С. 232–233; табл. 88 – *1–3*; *Белов и др., 1981.* – С. 75–76; табл. 66 – *7–13*], но русские томары отличает большее разнообразие форм. Найден единственный экземпляр томара квадратного сечения с орнаментом, снабженный костяным утяжелителем в форме конической втулки (рис. 3.15 – *5*). Его однозначная идентификация на данной стадии исследования затруднительна.

Тип II — с комбинированной поражающей частью, снабженной выступающими острыми железными крюкообразными резцами для увеличения площади поражения. В коллекции семь предметов в форме крюков-резцов (рис. 3.15 – *10, 11*). Изделия представляют собой маленькие широкие железные крючки с отогнутыми черенками. Плоскость внутри изгиба заточена по дуге. Общие размеры — в среднем 4,0 × 4,0 см. Крюк-жало, очевидно, крепился к деревянному наконечнику стрелы в форме томара. Аналогичные изделия найдены на городище Мункысь Урей, но отнесены к очажным крюкам [*Семёнова, 2005.* – С. 56; рис. 37 – *3, 4*]. Фрагмент боевой части такой стрелы, с фрагментами четырех крюков, найден при раскопках Мангазеи, но отнесен к изделиям аборигенного характера [*Белов и др., 1981.* – С. 78; рис. 16 – *4*]. Действительно, такие стрелы бытовали в культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири вплоть до XIX века включительно [*Изделия остяков Тобольской губернии, 1911.* – С. 125]. Тем не менее, аборигенное происхождение такого типа стрел нельзя однозначно признать фактом. Такие предметы отсутствуют не только в слое Надымского городка конца XVI – начала XVII веков, но и на других памятниках, в частности в слоях XV–XVI веков городища Эмдер [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 65–79; рис. 33–40]. Скорее всего, стрелы с комбинированной поражающей частью вошли в культуру аборигенов Севера в начале XVII века и стали неотъемлемой частью промысловой культуры.

Группа 2 — наконечники стрел ***из кости и рога*** оленя — 97 экз. (рис. 3.16 – *1–18*). Они подразделяются на четыре основных типа.

Тип I — стержневидные удлиненные наконечники стрел с плоским насадом — 79 экз. (рис. 3.16 – *1–9*). Они имеют длину от 13,5 до 22,5 см и различаются по сечению на четыре подтипа: трехгранные — 52 экз., четырехгранные — 18 экз., округлые — 6 экз., стержневидные с притупленной (округлой) боевой головкой, выделенной поперечным желобком, — 3 экз. Находка заготовки свидетельствует о том, что такие наконечники изготавливали на месте. Наконечники были распространены по всей территории городка. Подавляющее большинство их было найдено в самом верхнем слое, относящемся к первой трети XVII века, что, по-видимому, было связано с осадой городка в 1730 году.

В различных исследованиях такие наконечники классифицируют и атрибутируют по размерам и форме сечения. Длинные наконечники (более 10 см) трехгранного (многогранного) сечения известны в Западной

Сибири не ранее конца XVI века из раскопок могильников Кыштовка 1 в Северной Барабе [*Молодин и др., 1990.* Рис. 91 – *7*] и Иготкинский в Верхнем Приобье [*Боброва, Торощина, 1999.* – Рис. 16 – *8, 9*]. Небольшие (до 10 см) встречаются на всей территории Западной Сибири начиная с первых веков новой эры [*Елагин, Молодин, 1991.* – С. 94; рис. 40 – *10, 13, 14*]. Длинные наконечники круглого сечения локализуются исключительно на территории Северо-Западной Сибири, и самые близкие их аналоги происходят с памятников Среднего Приобья — могильника Ендырский 1 и позднего слоя городища Ендырское 1, датированных XVI веком [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 80, 193–194; рис. 37 – *15–17*; 54Б – *5–8, 17*]. Подобные наконечники в этнографических материалах XIX – начала XX веков на территории Северо-Западной Сибири не встречаются. Из всего вышеприведенного можно сделать вывод, что наконечники такого типа бытовали относительно узкий промежуток времени — с конца XVI по XVIII век, и каким-то образом их появление связано с русской колонизацией Сибири.

Тип II — листовидные плоские наконечники с удлиненным черешком и пером ромбовидной формы — 8 экз. (рис. 3.16 – *10*). Они имеют размеры до 9,2 × 2,0 см. Находки таких наконечников на других памятниках единичны и преимущественно относятся к XVI–XVII векам [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 79; рис. 40 – *17*; *Семёнова, 2001.* – С. 40; табл. 17].

Тип III — томары разнообразных форм и конструкций — 7 экз. (рис. 3.16 – *11–15*). Каждый из найденных костяных томаров индивидуален и может составлять отдельный подтип. В целом же по способу крепления на древко их можно разделить на два подтипа.

Втульчатые — 2 экз. (рис. 3.16 – *11*). Один наконечник — в виде четырехгранной боевой головки длиной 3,2 см. На противоположном круглом (диаметром 2 см) конце высверлено отверстие для древка. Второй наконечник — укороченный, длиной 5,6 см, боевая головка выделена двумя затесами, и это делает его похожим на клин, на противоположном конце высверлено отверстие под древко.

Черешковые — 5 экз. (рис. 3.16 – *12–15*). Два наконечника имеют округлый (5,0 × 1,2 × 1,6 см) и граненый набалдашники (5,3 × 1,4 см). Еще один наконечник — с четырехгранной боевой головкой. Один томар — размерами 6,5 × 1,2 см, укороченный, круглый, с четырехгранной боевой головкой, в центре которой — прорезь для вставки вкладыша. У. Т. Сирелиусом описаны подобные «тупые» наконечники из рога с граненой боевой головкой, предназначавшиеся для стрельбы по белке, рябчику, соболю и кунице [*Сирелиус, 2001.* – С. 267, 279].

Многообразие форм, единичность экземпляров, а также близкое сходство с мангазейскими костяными томарами [*Белов и др., 1981.* – С. 75–76; табл. 65 – *5–13*] явно свидетельствуют о том, что найденные нами экземпляры имеют импортное происхождение и, скорее всего, связаны с русскими промышленниками.

Тип IV — стержневидные уплощенные наконечники стрел с шипом у острия — 3 экз. (рис. 3.16 – *16–18*). Один изготовлен из половинки трубчатой кости, длина орудия составляет 10 см, размеры шипа — 1,7 × 1,4 см. Второй изготовлен из рога северного оленя, длина его составляет 12,5 см, размеры шипа — 4,0 × 1,6 см. На противоположном конце сделана выемка для насада. Ближайший аналог — наконечник из раскопок Мангазеи, отнесенный автором исследований к комплексу вещей аборигенного населения [*Белов и др., 1981.* – С. 89; табл. 78 – *8*].

Скорее всего, этот тип наконечника является специфической формой, предназначенной для охоты на зверей, обитающих в водной среде (бобра, нерпу). Такие наконечники в этнографических материалах XIX – начала XX веков на территории Северо-Западной Сибири не встречаются. В настоящее время железные наконечники стрел с шипами применяются охотниками в самострелах, настораживаемых на выдру. К такому наконечнику дополнительно крепится веревка, которая привязывается к дереву, чтобы в том случае, если животное перегрызет древко стрелы, оно могло удерживаться за счет наконечника на веревке.

Кроме вышеупомянутых типов наконечников стрел, ко второй группе можно отнести найденные заготовки наконечников стрел из кости — 7 экз. Это заготовки только для стержневидных и листовидных наконечников. Возможно, остальные типы наконечников стрел из кости по причине узкой специализации изготавливались редко либо были не местного производства.

Группа 3 — наконечники стрел ***из железа*** — 138 экз. (рис. 3.17 – *1–14*; 3.18 – *1–20*). Эту группу составляют 110 целых наконечников и 28 фрагментов черешковых наконечников стрел. Основная часть железных наконечников — плоские в сечении. По форме их можно разделить на девять типов.

Тип I — так называемые вильчатые срезни: плоские наконечники с поражающей (боевой) частью в форме широкой развилки с заточенным внутренним (вогнутым) краем — 41 экз. (рис. 3.17 – *1–8*). Размеры таких

наконечников различны и колеблются в пределах 6,4–15,8 см, при ширине боевой части от 1,7 до 3,7 см. Из числа таких наконечников выделяется подтип с одним острием. По всей видимости, он сформировался из наконечника с раздвоенным острием (рис. 3.17 – *1–4*). После того как одно острие обламывалось, наконечник продолжали использовать, заточив место слома (рис. 3.17 – *5, 6)*.

Такие наконечники использовались для нанесения широкой раны. Считается, что такая специфическая форма предназначена для охоты на водоплавающую птицу. Часто приходилось слышать, что такими стрелами охотники срезали голову птицы. Это достаточно устойчивая форма проникателя, которая бытовала на территории Северо-Западной Сибири довольно долгий период — начиная с VI–VII веков до начала XX века [*Карачаров, 1993.* – Рис. 1 – *10*; *Мартин, 2004.* – С. 52–53; рис. 40–43; табл. 1 – *9–11*]. Стрелы с наконечниками этого типа входили в набор русских промысловиков в XVII веке [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 97; С. 234, табл. IV – *13–16*].

Тип II — плоские наконечники в форме вытянутого треугольника, расширяющегося к боевой части, с прямым острием — 21 экз. (рис. 3.17 – *7, 8*). Их размеры составляют от 5,5 до 14,0 см, при ширине боевой части от 1,6 до 3,6 см. Они также именовались срезнями и предназначались для нанесения широкой раны. Это тоже достаточно устойчивая форма наконечника, которая, судя по западносибирским археологическим комплексам, бытовала параллельно с вильчатыми начиная с VI–VII веков [*Карачаров, 1993.* – С. 115–118; *Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 70]. Самые поздние наконечники этого типа известны из материалов Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 78; рис. 16 – *2*]. Наши материалы позволяют продлить время бытования этого типа наконечников до первой трети XVII века.

Тип III — плоские наконечники стрел ассиметрично-ромбовидной формы с боевой частью, заточенной в форме острия с выделенными плечиками — 8 экз. (рис. 3.17 – *9–11*). Особенность данного типа подчеркивают находки игрушечных деревянных наконечников стрел. Вряд ли случайную форму воспроизводили бы для обучения детей. Наконечники этого типа не имеют большого разброса по размерам. Средние размеры составляют 10,0–14,0 × 2,0–2,5 см. Наконечники этого типа не известны на памятниках региона ранее конца XVI века. Два аналогичных наконечника происходят из комплексов могильников Усть-Балык и Частухинский Урей, датированных концом XVI – началом XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 4; табл. 16]. Поскольку такая форма отсутствует в поздних этнографических материалах XIX – начала XX веков, время ее бытования можно ограничить в пределах конца XVI – середины XVIII веков.

Тип IV — плоские наконечники ассиметрично-ромбической формы, расширяющиеся к боевой (поражающей) части (верхней трети) — 11 экз. (рис. 3.17 – *12, 14*). Минимальные размеры — 6,1 × 1,6 см, максимальные — 13,9 × 3,0 см. Наконечники такой формы известны по большой серии, происходящей из средневековых памятников и были распространены на территории Северо-Западной Сибири в X–XVII веках [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 73–74; *Семёнова, 2001.* – С. 40; табл. 16].

Тип V — плоские наконечники листовидной формы с черешком, выделенным уступами — 9 экз. (рис. 3.17 – *13*). Средние размеры таких наконечников составляют 10,0 × 3,0 см. Наибольшее число наконечников подобной формы известно из могильников Усть-Балык и Киняминский 2 в погребальных комплексах XIII–XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 40; табл. 16].

Тип VI — стержневидные четырехгранные (бронебойные) наконечники — 19 экз. (рис. 3.18 – *1–5*). Их длина составляет от 8 до 14 см. Выделяются два варианта по оформлению черенка (насада): с заостренным насадом — преобладающий — и с уплощенным насадом. Наконечники этого типа на территории Северо-Западной Сибири найдены в серии захоронений могильника Усть-Балык, датированных XIV–XV веками [*Семёнова, 2001.* – С. 39; табл. 16]. Также наконечники этого типа имелись в наборе русских промысловиков в XVII веке [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 98–99; рис. 4]. Подобная форма наконечников стрел продолжает бытовать в традиционной культуре хантов до начала XX века [*Сирелиус, 2001.* – С. 275].

Тип VII — длинночеренковые наконечники с шипами — 13 экз. (рис. 3.18 – *12–19*). По форме проникателя подразделяются на два подтипа.

Первый подтип — наконечники с короткой подтреугольной боевой головкой и широкими толстыми шипами — 10 экз. (рис. 3.18 – *12–16*). Размеры от 8,0 × 1,9 см до 11,5 × 2,0 см варьируются за счет удлинения черенка. Пропорции проникателя — 2,0 × 3,0 см — остаются неизменными. Такие наконечники стрел были широко распространены на территории Северо-Западной Сибири с III–IV веков до XVII века [*Соловьёв, 1987.* – С. 33–34, 39, 46; *Семёнова, 2001.* – С. 40; табл. 16]. Имелись наконечники такого типа в наборе

русских промышленников, потерпевших кораблекрушение у острова Фаддея [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 98, рис. 3; С. 234, табл. IV – *17–18*]. Такая форма доживает до начала XX века и продолжает применяться, преимущественно в самострелах на выдру, и по сей день, правда, с небольшим дополнением: отверстием в черенке либо петлей [*Сирелиус, 2001.* – С. 296; *Мартин, 2001.* – С. 52; *Салымский край, 2001.* – С. 111–113].

Второй подтип — наконечники с удлиненной боевой головкой ромбического сечения и тонкими шипами (штыковидные) — 3 экз. (рис. 3.18 – *17–19*). Средняя длина таких наконечников — 12,0 см, а ширина — 1,3 см. По материалам западносибирских погребальных комплексов, время их бытования датируется со второй половины X до конца XV века [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 70]. Вместе с тем, аналогичный наконечник известен из комплекса XVII века с острова Фаддея [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 99; рис. 5]. Из этнографических параллелей наиболее близкая — это селькупские боевые наконечники стрел «кезынго» [*Гемуев, Соловьёв, 1984.* – С. 45; рис. 4 – *11–12*].

Тип VIII — длинночеренковые наконечники с листовидным проникателем — 15 экз. (рис. 3.18 – *6–11*). Характеризуются небольшим проникателем листовидной (ромбической) формы с узким четырехгранным удлиненным черенком, заостренным к концу (насаду). Подобные наконечники найдены в нескольких погребениях могильника Усть-Балык, датированных XIV–XVII веками [*Семёнова, 2001.* – С. 40; табл. 16]. Такие наконечники встречены также в материалах с острова Фаддея [*Руденко, Станкевич, 1951.* – С. 98–99, рис. 2; С. 234, табл. IV – *19–20*].

Тип IX — длинночеренковый одношипный наконечник — 1 экз. (рис. 3.18 – *20*). Аналоги такого изделия происходят лишь из более ранних комплексов средневековых памятников Приуралья и Западной Сибири [*Археология Республики Коми, 1997.* – С. 680; рис. 9 – *8; Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 65; рис. 33 – *11*]. Скорее всего, данный тип наконечника можно охарактеризовать как случайный, и вполне возможно, что он служил не наконечником стрелы, а острием ударного механизма ударной ловушки — кляпца, предназначавшейся для добычи лисиц, песцов и зайцев. Такие ловушки известны по этнографическим материалам [*Сирелиус, 2001.* – С. 314].

На основании сопоставления с русскими типами можно сделать вывод о том, что часть собранных нами наконечников стрел могла быть предметом русского импорта. К этой категории, вероятно, относилась часть наконечников I, II, VI и VIII типов, а также все наконечники VII и IX типов. Из специфических местных типов можно выделить лишь типы III, IV, V и отметить большую массовость типов I, II и VI, часть которых изготавливали в городке, что, очевидно, и обеспечивало такую численность.

Все вышеописанные типы наконечников стрел можно подразделить по проникающей способности на две группы. Первую составят наконечники с низкой проникающей способностью (томары, костяные листовидные, первые пять типов железных наконечников), которые в большей степени можно охарактеризовать как более специфические охотничьи. Таких наконечников 115 экз. Вторую группу образуют наконечники с высокой проникающей способностью (костяные стержневидные и типы VI–IX железных), которые более универсальны в использовании и годятся как для охоты на крупных животных, так и для боевых действий. Таких наконечников 130 экз. Примерно равное соотношение наконечников стрел условно «охотничьих» типов и универсальных «боевых» свидетельствует о первостепенной значимости охоты в жизнедеятельности населения городка и о большом внимании к военному делу, причем наступательного характера.

В материалах хорошо исследованных регионов, например, таких, как средневековые комплексы Поволжья VIII–XV веков, подавляющее большинство типов наконечников стрел имеет уступ при переходе к насаду (черенку) [*Руденко К. А. 2003.* – С. 458–510; табл. I–LIII]. Это позволяет предполагать хронологическую и территориальную специфику наконечников стрел в субарктическом регионе для конца XVI – середины XVIII веков, состоящую в отсутствии такого признака.

Самострелы и ловушки. В коллекции имеются 76 деталей и фрагментов деталей от самоловных средств охоты (рис. 3.19 – *1–18*; 3.20 – *1–4*). Население городка использовало два основных типа ловушек.

Самострел представляет собой простой сторожевой лук, к которому крепится ложе с фиксирующейся стрелой и спусковым механизмом, состоящим из двух насторожек и веревки. Такие самострелы применялись в конце XIX – начале XX веков и в настоящее время используются коренным населением Севера для охоты на выдру [*Мартин, 2004.* – С. 54–55; табл. 2 – *1–4*; *Сирелиус, 2001.* – С. 84; рис. 210; *Салымский край,*

2001. – С. 111–113]. Подобный же принцип используется и в сторожевых луках, настораживаемых на крупных копытных в больших промысловых системах загородок. Судя по размерам деталей и фрагментов таких орудий, найденных в культурном слое городка, жители пользовались самострелами только во время охоты на небольших животных, величиной не более росомахи.

Ложе самострела (приклады) — 10 экз. (рис. 3.19 – *1, 2*). Имеют вид вытянутой дощечки с пазами и зарубками для крепления лука, стрелы и спускового механизма. Найдено два целых приклада и восемь фрагментов. Максимальные размеры целого изделия — 77,0 × 5,0 × 1,5 см.

Луки самострела — 10 экз. (рис. 3.19 – *3, 4*). Имеют вид изогнутой пластины сегментовидного или прямоугольного сечения, с встречными пазами на концах для крепления тетивы. Найдено десять фрагментов сторожевых луков и одна заготовка. Отличительная черта пластины, взятой для изготовления лука, — использование древесины со слоями, параллельными поверхности.

Насторожки самострела (черкана) — 47 экз. (рис. 3.19 – *5–17*). В результате проведенного нами анализа можно выделить пять типов насторожек. На данном этапе исследования мы не можем уверенно дифференцировать насторожки по типам самоловных устройств, тем более что некоторые из них применялись в самоловах разных типов.

Тип I — 2 экз. (рис. 3.19 – *5*). Изготовлены из дерева. Имеют форму толстой пластины в форме вытянутого треугольника, завершающегося округлой головкой. Противоположный конец раздвоен, в центре имеется сквозное отверстие. Такая форма насторожки используется только для самострела.

Тип II — 23 экз. (рис. 3.19 – *6–11*). Имеют форму вытянутой пластины с отверстием на одном конце и крючком на другом. Обычно изготавливаются из кости, найдено лишь четыре экземпляра из дерева. Крепятся к ложу самострела и фиксируются спусковой скобой, привязанной к настороженной веревке. Предназначены для фиксации спусковой насторожки, удерживающей тетиву. Длина не превышает 10 см. Также могут использоваться непосредственно для удерживания тетивы черкана.

Тип III — 3 экз. (рис. 3.19 – *12*). Деревянные, имеют форму стержня с набалдашником. Предназначены для удерживания тетивы самострела. Один конец крепится на ложе самострела при помощи веревки, второй — привязывается к насторожке первого типа.

Тип IV — 9 экз. (рис. 3.19 – *13, 14*). Спусковые скобы. Изготовлены из дерева и имеют форму небольшой плоской щепки с пазами. Предназначены для удерживания второй насторожки самострела. Крепятся в ложе самострела и привязываются к сторожевой веревке.

Тип V — 10 экз. (рис. 3.19 – *15–17*). Имеют форму обоюдоострой палочки овального сечения. Ближе к одному концу имеют поперечные пазики для крепления веревки, соединяющей ее с насторожкой, удерживающей тетиву. Эта насторожка специфической формы используется только для черкана.

Ловушки натяжного ударного действия (черкан, «пасть») — 7 экз. (рис. 3.20 – *1–4*). Все фрагменты принадлежат ловушкам типа «пасти». Такая ловушка состоит из трех частей. Основная ее часть представляет собой плоскую дощечку в форме лопатки с округлым отверстием. В средней части она имеет углубление. Конец лопатки заканчивается длинным штырем со сквозным пазом или зарубками с двух сторон. Общая длина этой части ловушки — около 0,5 м. К основной части крепится лук. В выступающих бортиках пластины есть пазы, по которым скользила плоская дощечка в форме лопатки (давящая лопатка). После срабатывания механизма, под давлением тетивы лука, закрепленной на конце давящей лопатки, она опускается. Такие ловушки использовали для добычи пушного зверя (соболя, горностая, белки). Подобные изделия были найдены при раскопках Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 78–79; табл. 68 – *1–4*]. Ловушки подобного принципа действия и формы известны в этнографии и использовались для ловли пушного зверя до недавнего времени [*Мартин, 2004.* – С. 54–55; табл. 2 – 5–7; *Сирелиус, 2001.* – С. 43; рис. 20].

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЫБОЛОВСТВА — 58 экз. (рис. 3.21 – *1–11*). Предметы рыболовного промысла, найденные при раскопках слоя конца XVI – первой трети XVIII веков, немногочисленны. Из приспособлений рыболовного промысла собраны детали сетей, ловушек и крючков.

Сети. О наличии и использовании сетей свидетельствуют находки поплавков, грузил и игл для вязания сетей.

Поплавки деревянные — 8 экз. (рис. 3.21 – *6, 7*). Поплавки (наплава) имели овальную или подпрямоугольную форму со скругленными заглаженными краями, плоские в сечении, их длина — до 22,5 см, ширина — до 18,5 см, толщина — до 0,7 см, вверху — отверстие для крепления к «тетиве» сети. Такие деревянные поплавки круглой, квадратной или прямоугольной формы, с отверстием в центре или у края, применялись остяками в конце XIX – начале XX веков в качестве сетных наплавов [*Сирелиус, 2001.* – С. 305].

Грузила каменные — 5 экз. (рис. 3.21 – *8–11*). В коллекции имеются два типа грузил. Первый тип — грузила из природного камня, обмотанные кедровым корнем. Второй тип — берестяной «мешочек», заполненный глиной (рис. 3.21 – *10*). Известно применение подобных грузил в качестве неводных остяками в конце XIX – начале XX веков [*Сирелиус, 2001.* – С. 305, 315]. Найденные фрагменты колец из расщепленной пополам ветви ивы (8 экз.), возможно, были ободами для грузил.

Иглы для вязания сетей — 3 экз. (рис. 3.34 – *2–5*). Иглы для вязания сетей изготавливали из рога оленя или из дерева. Они имеют форму широкой вытянутой пластины, снабженной с обеих сторон смыкающимися усиками. Самая большая игла, изготовленная из дерева, имела 38,0 см в длину и 4,0 см в ширину, а размеры средней костяной иглы — 24,0 × 2,5 см. Самые близкие аналоги этим предметам известны по западносибирским этнографическим материалам.

Верши. Пять фрагментов от одной ловушки типа верши (рис. 3.21 – *1*) обнаружены в пространстве «остяцкого» квартала № II в слое последней трети XVII века. Такие ловушки в форме цилиндра (конуса), выполненные из тонких лучин, перевязанных корнем, широко распространены на Севере в традиционной культуре коренных народов и бытуют по сей день [*Мартин, 2004.* – С. 81; табл. 14 – *6; Салымский край, 2001.* – С. 99–104].

Рыболовные крючки — 29 экз. (рис. 3.21 – *2–5*). К предметам рыболовного промысла отнесены два типа крючков.

Тип I — крючки железные с шипами (малые) — 3 экз. (рис. 3.21 – *2, 3*). Они имеют размеры 5,0 × 2,5 см, концы крепления во всех случаях не сохранились. Такие крючки могли использовать для индивидуальной ловли крупной рыбы либо для рыболовной снасти наподобие перемета. Самый ранний подобный крючок найден в Среднем Приобье на памятнике VIII–IX веков [*Фёдорова Н. В. и др., 1991.* – Рис. 2В – *15*]. Многочисленны находки подобных крючков в Мангазее [*Белов и др., 1981.* – С. 84–85; рис. 18 – *1–3, 9*]. Подобные крючки продолжают и ныне бытовать в культуре многих коренных народов региона.

Тип II — крюки железные большие, или багры — 26 экз. (рис. 3.21 – *4, 5*). Из них 18 целых и восемь фрагментов. Все они имеют форму крюков длиной до 11 см и откованы из железных заготовок прямоугольного сечения. Они имели заостренный крюк без зазубрины и насад, отогнутый перпендикулярно стержню. Насад предназначался для закрепления крюка в деревянной рукояти. Такое орудие с рукоятью длиной до 70 см использовали остяки в конце XIX века для добычи рыбы [*Сирелиус, 2001.* – С. 310]. И сейчас ханты с его помощью добывают крупную щуку, стоящую у речного запора. Не исключена многофункциональность использования этого орудия, в частности, как багра или крюка для подвешивания пойманной рыбы, но это второстепенные функции.

Аналогичные крючья с заостренным концом, ошибочно принятые за очажные, были обнаружены при раскопках слоя XVI века городища Ендырское 1 в Нижнем Приобье и погребений XVII века на могильнике Усть-Балык в Сургутском Приобье [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 105; рис. 44 – *7–8, 12*; *Семёнова, 2001.* – С. 99; рис. 24 – *3*].

Немногочисленность этих находок средств рыбной ловли явно свидетельствует о слабой развитости такой отрасли хозяйства у жителей Надымского городка. По отношению к охоте рыболовство явно играло более чем второстепенную роль. Скорее всего, оно непосредственно в городке удовлетворяло лишь потребности небольшого числа жителей, остававшихся в нем на летний период. Судя по количеству костных останков рыб, их употребляли в пищу, но промысел велся далеко за пределами городка. Также вероятно, что рыбу могли обменивать либо получать в качестве дара вождю.

3.3. БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

Эту категорию изделий составляют несколько видов вооружения и воинского костюма, обнаруженные в процессе настоящих исследований в культурном слое памятника конца XVI – первой трети XVIII веков и на его разрушенной территории. Предметы многофункционального использования, которые могли применяться как в качестве боевого, так и охотничьего инвентаря, например лук и стрелы, — рассмотрены в предыдущем разделе.

Большая часть предметов вооружения происходит из «клада оружия», обнаруженного в осыпи и на дне протоки. Судя по находке небольшого скопления из пяти клинков на территории южной многофункциональной площадки (участок М–Н/78, скопление 3), можно заключить, что «клад оружия» состоял из нескольких локальных скоплений (минимум трех), каждое из которых включало от 5 до 15 предметов. Скопления были сконцентрированы на участке протяженностью около 7 м, вытянутом по оси запад–восток, шириной около 1,5 м. Пространство между локальными скоплениями и ближайшие окрестности заполняли отдельные предметы или фрагменты (рис. 2.4–2.6; 2.100; 3.22–3.28). Второе, и самое большое, скопление клинков, обнаруженное нами, залегало в слое дерна на участке берега размерами 1,5 × 1,0 м, отвалившегося напротив линий 83–84. Впоследствии железные клинки и их фрагменты извлекались со дна протоки с участка протяженностью 10 м напротив линий 77–87. Всего за семь лет исследований (1998–2005 гг.) с пространства осыпи (со дна протоки) и прилегающей к ней территории раскопа (№ 1) было извлечено 45 предметов и фрагментов. Вероятно, отдельной составной частью этого «клада» было скопление бронзовых изделий, в которое, наряду с другими предметами, входили вышеописанная большая бронзовая бляха и серебряные блюдца, очевидно, служившие «зерцалами» в костюме воина.

Судя по абрис-кроки территории Надымского городка, приложенной к коллекционной описи предметов № 6977, лист 33, переданных в отдел Сибири МАЭ Л. П. Хлобыстиным в 1989 году, место находки 19 клинков (скопление 1), лежавших компактно, обозначено у края осыпи в южной части памятника (рис. 2.4–2.6; 2.100). Практически в том же месте нами было найдено скопление предметов вооружения, получившее условное название «клад оружия». В рамках нашей сетки фиксации его можно локализовать в пределах линий 78–82.

Условия залегания предметов вооружения: в верхнем дерновом слое памятника, на глубине от 5 до 10 см от современной поверхности, на большой площади (ок. 10 кв. м) — позволяют утверждать, что найденный арсенал не был закопан. Именно в этой связи он и получил условное название «клад оружия». С другой стороны, способ подобного складирования не характерен и для культовых памятников Западной Сибири. Возникает вопрос: почему до настоящего времени открыто разложенное на поверхности оружие не привлекло внимания? Суммируя все данные, можно воссоздать следующие условия возникновения этого комплекса. Скорее всего, арсенал был спрятан во время последней осады городка — зимой 1730 года. Именно поэтому его не могли закопать в землю, а укладывали в снег. Место было выбрано близ юго-восточного входа в жилой комплекс, вдоль тропы. Вероятно, городок был уже осажден. К месту захоронения оружие приносили частями, каждую из которых сразу маскировали снегом. Именно поэтому место концентрации оружия имеет вытянутую форму и состоит из отдельных скоплений. Видимо, пачки клинков носил и прятал ребенок, который был не заметен за сугробами и не мог унести весь арсенал сразу. После завершения осады, когда жители были убиты, а нападавшие, достигнув цели, ушли, городок, ставший в прямом смысле слова некрополем, долго никто не посещал. За это время буйная растительность скрыла место клада. Под слоем увядших стеблей травы скопление клинков стало незаметно, и лишь начавшееся разрушение берега вновь обнажило его.

Поскольку найденные за 1998–2005 годы в составе «клада оружия» предметы составляют единый комплекс с обнаруженными ранее в 1976 году Л. П. Хлобыстиным, то они рассматриваются вместе.

В итоге для анализа мы имеем комплекс предметов вооружения, включающий 125 экземпляров целых изделий или фрагментов (рис. 3.22–3.28; *прил. III.* – Табл. 1). К наступательному вооружению из этого числа относятся 67 единиц. Комплект холодного оружия составляют: 25 целых клинков слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей «местного образца» разных размеров и 25 фрагментов от минимум 15–18 подобных клинков, пять фрагментов импортных клинков сабель с елманью, одно перекрестье сабли, две детали ножен, два фрагмента импортных палашей (шпаг), один фрагмент пальмы, два втока (подтока), один обоюдоострый клевец (?), один целый экземпляр и один фрагмент боевого топора, один наконечник копья. К комплекту защитного доспеха (вооружения) относятся 58 фрагментов кольчуг.

В надымском арсенале, помимо явно местных образцов оружия, выделяются предметы импортного, очевидно, русского вооружения. Это обстоятельство обусловило привлечение в качестве основы для систематизации коллекции типологических схем и принципов, выработанных А. И. Соловьёвым для вооружения коренного населения Западной Сибири, и А. Н. Кирпичниковым — для русского средневекового оружия [*Соловьёв, 1987*; *Кирпичников, 1966*; *1976*]. Следует заметить, что авторы рассматривали большие комплексы предметов в широком хронологическом диапазоне, в связи с чем уделяли большое внимание детализации признаков, что в нашем случае менее актуально, поскольку мы имеем дело с вещами, изготовленными и бытовавшими в значительно более узком временном интервале. Все обнаруженные при раскопках предметы вооружения по комплексу формальных признаков составляют две большие группы.

Группу 1 образует холодное оружие, изготовленное непосредственно в городке либо в близкой территориально мастерской (кузнице), но с учетом местных традиций, устанавливающих определенные стандарты — размеры и форму, связанные с особенностями эргономики и использования в боевых действиях (рис. 3.22–3.26). В этой группе можно сразу же выделить две черты, характерные для всех найденных образцов оружия. Первая — это плохо выраженный черенок для крепления рукояти. Место насада формируется плавным изгибом линий спинки и лезвия, обозначающим начало черенка. В единичных случаях черенок проявлен слабыми уступами, но чаще черенок вообще не выражен, а является продолжением клинка, сужающегося в части, противоположной острию. Минимальная длина черенков составляет 4–5 см, средняя — 6–7 см, максимальная — 10–11 см. Вторая черта местного оружия — это небольшая общая длина. Клинки всех типов имеют длину от 25 до 65 см.

Выделяются два вида туземного оружия ближнего боя: древковое и клинковое. По форме и размерам местные образцы КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ближнего боя представлены тремя основными видами.

Вид 1. ***Слабоизогнутые сабли*** — 23 экз. (15 целых клинков и 8 фрагментов) (рис. 3.22; 3.23). Этот вид оружия отличает небольшой изгиб лезвия, составляющий от 0,3 до 0,7 см на всю длину клинка от начала насада до кончика острия. По форме острия и особенности изгиба выделяются два типа.

Тип I — клинки, плавно изогнутые по всей длине, с закругленным острием — 8 экз. (рис. 3.22 – *1–7*). Их форма наиболее близка к сабельным клинкам, и именно у клинков этого типа — максимальный изгиб (0,6–0,7 см) и наиболее выраженный насад. В этот подтип включены: один целый клинок шириной 2,5 см, длиной 61 см; пять больших фрагментов клинков шириной 2,5 см, длиной не менее 60 см; два острия шириной 2,5 см.

Тип II — клинки с прямой спинкой, выделенной приострением трети (четверти) клинка, отогнутой вверх относительно спинки — 15 экз. (рис. 3.23 – *1–8*). Максимальный изгиб — 0,3–0,5 см. В этот тип включено 14 целых клинков и 1 фрагмент. Ширина лезвия клинков колеблется в пределах от 2,0 до 3,0 см и равномерна по всей длине до места перегиба, где имеется небольшое (2–3 мм) расширение, после которого начинается изгиб приостренной части.

Вид 2. ***Палаши*** — 6 экз. (рис. 3.24 – *1–7*). Они внешне очень близки к описанному выше второму типу слабоизогнутых сабель. У них также выделена приострением треть (четверть) клинка — острие. При этом надымский палаш характеризуется как отдельный тип — с абсолютно прямой спинкой по всей длине клинка от начала насада до острия. К этому типу отнесено пять целых клинков и один фрагмент. Четыре клинка при ширине 3,0 см имеют длину 39,0 см, 54,0 см, 56,0 см и 61,0 см; один клинок шириной 1,6 см имеет длину 41,5 см.

Вид 3. ***Боевые ножи*** — 5 экз. (рис. 3.25 – *5–9*). Это небольшой по численности, но достаточно яркий по своеобразию формы вид, сконцентрировавший признаки больших клинков. К боевым ножам отнесены клинки длиной от 25 до 30 см со слабовыраженным насадом (черенком). В коллекции имеются пять целых боевых ножей с длиной клинков от 25,0 до 29,0 см и шириной 2,3–3,1 см. Форма клинков явно свидетельствует об их специфическом назначении. Клинки залегали в одном месте (участок Н–М/78), очевидно, были особой отдельной частью «клада оружия». Выделяется два их типа.

Тип I составляют клинки с прямым лезвием и загнутым вверх острием — 3 экз. (рис. 3.25 – *6, 7, 8*). Изгиб клинка — от 0,3 до 0,7 см.

Тип II составляют клинки с выделенной приострением половиной лезвия (острием), отогнутой вверх, — 2 экз. (рис. 3.25 – *5, 9*). Изгиб клинка — 1,4–1,7 см. В части изгиба лезвие расширяется.

Ряд фрагментов клинков (16 экз.) местных слабоизогнутых сабель, палашей или боевых ножей по причине небольших размеров трудно было отнести к какому-либо типу.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ ближнего боя представлено двумя видами.

Клевец (?) — 1 экз. (рис. 3.25 – *2*) — отнесен к этому виду оружия условно. Надымский клевец не имеет типологического соответствия этой форме оружия. Он изготовлен из двух клинков ножей, один — длиной 15,0 см, второй — 17,0 см, скованных между собой черенками. Каждый из клинков, судя по форме и размерам, изначально относился к категории хозяйственных. Лезвия обоих ножей заточены и заострены. Общая длина изделия составила 32,5 см, ширина лезвия клинков — 1,4 см, толщина — 0,5 см. Каких-либо аналогов предмету, да и вообще свидетельств использования клевцов аборигенами Северо-Западной Сибири в позднем средневековье, пока не найдено.

Невозможность употребления орудия такой формы в качестве бытового ножа и нахождение его в составе «клада оружия» подсказывают его специфическое назначение как предмета вооружения. Использование в качестве боевого ножа исключается по причине острых противоположных концов изделия и лезвий. Основываясь на этом и вышеперечисленных фактах, можно сделать вывод, что при условии крепления средней части этого изделия к торцу короткой рукояти возможно его использование в качестве оружия наподобие клевца. Очевидно, найденный экземпляр был продуктом местного производства, выполненным из имеющихся в наличии материалов. Его можно представить как результат восполнения недостающего, но востребованного типа наступательного оружия, с помощью которого в ближнем бою можно было пробить кольчужный панцирь противника.

Копье — 1 экз. (рис. 3.25 – *1*). Это довольно редкая находка. В коллекции имеется железный наконечник копья с пером в форме удлиненного треугольника, ромбического сечения и плоским черенком длиной 32 см и шириной 7,5 см. Он был обнаружен на дне протоки напротив места нахождения «клада оружия» (линия 78–85) и, скорее всего, входил в его состав. На территории Северо-Западной Сибири (в Среднем Приобье) известно несколько аналогичных предметов вооружения. Приведем наиболее близкие по форме и размерам. Первый — наконечник копья, длиной 45 см, шириной 6 см — обнаружен в погребении № 21 могильника Сайгатинский IV, датированном XIII–XV веками [*Чемякин, Карачаров, 2002.* – С. 63; рис. 20 – *17*]. Второй наконечник, длиной 48 см, шириной 8 см, происходит из погребения № 116 могильника Усть-Балык, которое по инвентарю датировано XV–XVI веками [*Семёнова, 2001.* – С. 45; рис. 12 – *7*]. На других территориях подобные изделия известны в комплексах XVI–XVII веков [*Соловьёв, 1987.* – С. 100], а также близкий аналог — черешковое копье размерами 29,0 × 4,5 см из селькупского могильника Пыль-Карамо I (р. Тым), датированного XVII–XVIII веками [*Кондрашёв, 2002.* – С. 65–66; рис. 2 – *3*]. Основное отличие этого наконечника от более ранних заключается в длине, которая значительно меньше — на 13–16 см. Возможно, это хронологический признак, что позволяет отнести время изготовления наконечника копья к XVII – первой трети XVIII века.

Группу 2 составляют предметы импортного вооружения (рис. 3.27; 3.28). В нее включены изделия и фрагменты, которые по формальным признакам отличаются от местных образцов и имеют черты, по которым можно судить о технологии изготовления, требующей специализированных ремесленных навыков и соответствующего набора инструментов. В эту группу входят два вида вооружения: холодное оружие и защитный доспех.

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ближнего боя представлено двумя видами — сабли и палаши.

Сабли — 6 экз. (рис. 3.27 – *1–3, 7, 8*). Этот вид холодного оружия представлен в коллекции шестью фрагментами клинков. Один фрагмент отнесен к саблям условно, поскольку представляет собой часть лезвия с хвостовиком, на котором сохранилась медная обойма рукояти с растительным орнаментом

(рис. 3.27 – *8*). Соотношение оси хвостовика и спинки клинка позволяет с большой долей уверенности идентифицировать описанный фрагмент с саблями. Этот предмет находился в постройке № 8 (доме вождя), в слое конца XVII – первой трети XVIII веков и, судя по большой сточенности лезвия, бытовал длительное время. Остальные фрагменты — от изогнутых сабель с обоюдозаточенной елманью. Один фрагмент клинка длиной 42,3 см является собственно елманью от сабли с шириной клинка 2,8 см и толщиной 0,6 см, с елманью длиной 40,0 см и шириной 3,5 см, заканчивающейся тонким вытянутым острием ромбического сечения. На поверхности клинка с обеих сторон ближе к спинке располагались три долы, две из которых выходили на поверхность елмани. Реконструируемая по фрагменту, общая длина клинка могла достигать 120 см. Два других фрагмента — также от елмани подобной сабли, но с шириной клинка 3,5 см и шириной елмани 4,5 см. От предыдущего фрагмента они отличаются наличием двух дол, из которых одна выходит на поверхность елмани, а также иным острием сабли — уплощенным и плавно сужающимся к кончику. Особый интерес представляют три фрагмента клинков с елманью от больших, по-видимому, конных русских сабель. Елмань на сабельных клинках редко встречается до XII–XIII веков [*Кирпичников, 1966.* – С. 67]. Сабли с елманью и долами широко использовали на Востоке и в России в XV–XVII веках. П. Винклер указывает наличие дол или доликов как основное отличие русских клинков и отмечает, что наибольшую популярность подобные сабли в России имели во второй половине XVI – первой половине XVII веков [*Винклер, 1992.* – С. 284–285].

На территории Северо-Западной Сибири сабли с елманью, прямым перекрестием с симметричными перпендикулярными отростками известны из погребений № 64, 137 и 214 могильника Усть-Балык [*Семёнова, 2001.* – С. 42–44; рис. 12 – *1–3*]. Подобные перекрестия известны из Кабардинских курганов XIV–XV веков [*Милорадович, 1954.* – С. 341–356; рис. 2 – *32*]. По этому признаку и инвентарю погребений сабли из Усть-Балыкских захоронений датируются в пределах XIV–XVI веков [*Семёнова, 2001.* – С. 44].

Два других найденных в Надымском городке фрагмента также принадлежали саблям с обоюдоострой елманью. Один фрагмент позволяет реконструировать лишь ширину елмани — 2,9 см. Другой фрагмент — ширину клинка 2,4 см с елманью шириной 3,4 см. Долы на поверхности клинка отсутствовали. Реконструируемая длина клинка — не более 90–100 см. Сабли с елманью, скорее всего, были оружием пешего воина. Таким образом, все вышеописанные сабельные клинки можно уверенно идентифицировать как оружие русского происхождения и датировать XVI–XVII веками.

Палаши (тяжелые шпаги?) — 2 экз. (рис. 3.27 – *4, 5*). Более точное типологическое определение этого типа оружия затруднено по причине фрагментарности найденных изделий и отсутствию деталей эфеса. Первое изделие представлено фрагментом средней части клинка длиной 40 см. Ширина одного края — 3,5 см, другого — 2,9 см, толщина — 0,5 см, ширина дол — 1,0 см. Поскольку одна сторона лезвия до середины была притуплена, очевидно, ударами молотка, то, скорее всего, его ширина составляла 4,0 см. Предмет найден в составе одного из скоплений оружейного «клада», обнаруженного в осыпи. Второй фрагмент клинка имеет длину 65 см. Его ширина — 4 см, толщина – 0,5 см, ширина дол — 1,5 см. Хвостовик выделен от лезвия двумя уступами. Его длина — 14,6 см, ширина —2,5 см. Конец хвостовика длиной 2,3 см загнут петлей для темляка. Клинок обнаружен на южной многофункциональной площадке в составе ритуального комплекса к юго-западу от кострища. Судя по размерам, нами обнаружен целый предмет вооружения надымского воина, изготовленный из привозного палаша в соответствии местным традициям.

Совокупность описанных признаков позволяет нам идентифицировать обнаруженные предметы вооружения как фрагменты европейских палашей. В Западной Европе палаши в качестве оружия регулярной армии известны с XVI века. В России этот тип оружия появился в конце XVII – начале XVIII веков и состоял на вооружении как сухопутных войск — кирасирских и драгунских полков тяжелой кавалерии, так и военного флота [*Винклер, 1992.* – С. 291; *Система научного описания…, 2003.* – С. 82]. В морском варианте палаш имел более короткий клинок, входил в состав абордажного вооружения и иногда именовался шпагой. В нашем случае, скорее всего, обнаруженные фрагменты имеют русское происхождение. Они могли быть подобраны на полях сражений мародерами и впоследствии проданы сибирским аборигенам.

Перекрестье — 1 экз. (рис. 3.28 – *5*). Является деталью гарды привозной сабли. Относится к типу прямых съемных перекрестий с уплощенными концами и парными перпендикулярными отростками в серединной части, которые предназначались для жесткой фиксации рукояти и сабли в ножнах. Высота перекрестия —

12,3 см, ширина с учетом отростков — 9,0 см, толщина — 2,5 см. Такие перекрестия с уплощенными концами появляются в Восточной Европе в XIV–XV веках и отмечаются характерными элементами русских сабель этого периода [*Кирпичников, 1976.* – С. 26–27; рис. 5 – *1–3*]. Очевидно, сформировавшаяся в тот период оптимальная форма перекрестия просуществовала до XVII века. Перекрестия, аналогичные надымскому, имеются в материалах Тушинского лагеря, функционировавшего с июня 1608 по январь 1610 года [*Двуреченский, 2007.* – С. 256–257; рис. 3 – *3, 5*]. А. И. Соловьёв датирует подобное перекрестье с Нижней Оби XVI–XVII веками [*Соловьёв, 2003.* – С. 191; рис. 28]. Скорее всего, судя по размерам, вышеописанные конные сабли с елманью и снабжались такими перекрестиями.

Детали ножен — 2 экз. (рис. 3.28 – *3, 4*). В коллекции имеется наконечник ножен прямоугольной формы с плоской нижней частью и заостренной верхней, снабженный «карманом» и штифтами для крепления к корпусу ножен. Размеры наружной пластины — 11,5 × 4,0 × 1,0 см, высота внутренней — 6,5 см. Подобный наконечник известен из материалов Тушинского лагеря (1608–1610 гг.) [*Двуреченский, 2007.* – С. 256–257; рис. 2 – *3, 4*]. Обоймица от ножен имеет размеры 5,0 × 2,5 × 2,5 см. В торце — небольшое отверстие, очевидно, от крепления петли для портупейного ремня. Скорее всего, эти предметы были деталями ножен сабли с шириной клинка не более 3,5 см и могут датироваться в хронологическом интервале с конца XVI по первую треть XVIII веков.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ ближнего боя представлено тремя видами.

Пальма — 1 экз. (рис. 3.27 – *6*). Как отдельный тип вооружения выделен в связи с нахождением в составе «клада» одного фрагмента массивного клинка, который по параметрам сохранившейся части не может быть отнесен ни к какому другому известному типу холодного оружия. Длина фрагмента — 24,0 см, ширина с одного края — 4,5 см, с другого — 5,0 см, толщина — 0,9 см. Спинка лезвия прямая, поверхность плоская, заточен на одну сторону. Судя по характеру сломов, к нам попала средняя часть клинка, переломанного на три приблизительно равные части, общая длина которого составляла около 70–80 см. Это превышает размеры местных образцов вооружения, что позволяет отнести его к импортным изделиям. Об этом же явно свидетельствует и сам факт поломки. Прямых аналогов такого оружия пока не найдено.

А. И. Соловьёв выделяет этот тип оружия для территории Северо-Западной Сибири как один из основных в наборе вооружения воина эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.). Правда, воспроизводя облик и характеристики пальмы, автор основывается, прежде всего, на предметах из этнографических коллекций конца XIX – XX веков с территории Нижнего Приобья [*Соловьёв, 2003.* – С. 194–195; рис. 35в, 55, 57]. Ненецкие и селькупские пальмы этого времени имеют вид массивного ножа с односторонней заточкой, иногда снабженного перекрестием, укрепленного на толстом древке, но такая форма обусловлена в первую очередь назначением — охота на медведя, а не необходимостью фехтования. Скорее всего, пальма была довольно редким оружием для территории Западной Сибири в XV–XVII веках. Важным подтверждением этого следует считать отсутствие в детских игрушках модели такого оружия (*см. ниже*).

Обнаруженный нами фрагмент по ряду характеристик (широкое толстое лезвие, заточенное на одну сторону) имеет сходство с сибирскими пальмами XIX–XX веков, но все же по размерам значительно превосходит их. Представляется, что к нам попал фрагмент оружия, подобного изображенному в Ремезовских миниатюрах к Сибирской летописи начала XVIII века, где воины дружины Ермака вооружены пальмами с длинными древками, на которых закреплены длинные вытянутые прямоугольные клинки с тупым расширяющимся концом. Можно предположить, что пальма вошла в набор вооружения аборигенных народов сравнительно поздно — в XVII–XIX веках и, вероятно, была заимствована из русского арсенала.

Топоры боевые (?) — 2 экз. (рис. 3.28 – *1, 2*). Как отдельный вид выделен в связи с нахождением целого экземпляра и фрагмента на южной многофункциональной площадке, в 0,5 м от «клада оружия», и специфической формой, возможно архаичной, но, тем не менее, отличающейся от русских плотницких топоров XVII–XVIII веков с прямым широким лезвием и шипом, бытовавших в то же время в городке. В коллекции один целый экземпляр и один фрагмент лезвия. Топор в форме вытянутой трапеции имеет общую высоту 15,5 см, изогнутое, скошенное к рукояти лезвие шириной 8,3 см, вырез с тыльной стороны лезвия,

завершающийся крючками, вытянутыми от щековиц (боков втулки) вдоль рукояти, плоский, относительно втулки, обух шириной 5 см. Сечение втулки овальное, размерами 4,2 × 3,8 см. Фрагмент второго топора также имеет изогнутое, скошенное к рукояти лезвие шириной 8,0 см и вырез с тыльной стороны. Его верхняя часть, скорее всего, была аналогична соответствующей части первого топора. Прямая аналогия этому типу топоров происходит из мансийского святилища «Ворсик-ойка», функционировавшего в XIX–XX веках [*Соловьёв, 1987.* – С. 93].

В составе же инвентаря погребального комплекса XV – начала XVII веков могильника Усть-Балык, комплекса первой половины XVII века могильника Кинтусовский 4, а также в материалах раскопок города Мангазеи (1601–1670 гг.) такие топоры отсутствуют [*Семёнова, 2001.* – С. 44; табл. 20, 22; *Белов и др., 1981.* – С. 81; табл. 72]. Наличие крючков по бокам втулки, вытянутых по оси рукояти, сближает этот топор с типом I новгородских топоров, по классификации Б. А. Колчина, или с типом V древнерусских топоров, по классификации А. Н. Кирпичникова, которые датируются исследователями X – серединой XII века [*Колчин, 1959.* – С. 25; рис. 9, А; *Кирпичников, 1966.* – С. 37–38; рис. 6]. Такой тип топоров был широко распространен в Северной Руси, а также у прибалтийских, поволжских и прикамских финнов, в домонгольской Волжской Болгарии [*Культура Биляра, 1985.* – С. 49; табл. XVI – *1–3*]. В Северо-Западной Сибири топоры подобного типа известны в единичных экземплярах, и все они происходят из комплексов не позднее XII века [*Викторова, 1973.* – С. 155; табл. X – *6*; *Зыков, 1987.* – С. 149–150; табл. 4; рис. 2 – *10*]. А. И. Соловьёв относит топоры такого типа к промежуточным между новгородскими X–XIII веков и более поздними русскими XVI–XVII веков [*Соловьёв, 1987.* – С. 93–97].

Основываясь на вышеизложенном и, судя по тому, что такие топоры не известны в комплексах XIV – середины XVII веков, но встречаются в числе реликвий действующих святилищ XX века, можно определить время их изготовления в пределах последней трети XVII – первой трети XVIII веков и предположить кратковременное воспроизводство оружия специфической (боевой) архаичной формы.

Втоки (подтоки) — 2 экз. (рис. 3.28 – *7, 8*). В коллекции имеются два абсолютно идентичных изделия в форме короткой, восьмигранной в сечении, втулки, завершающейся с одной стороны полусферой. Эти предметы определены как специальные втульчатые наконечники нижнего конца древка копья — втоки — в связи с близостью серии новгородских втоков, предназначавшихся для древков диаметром 2,3–2,8 см [*Медведев, 1959.* – С. 127, 130; табл. 2]. Размеры обоих надымских втоков отличаются незначительно: длина первого — 2,7 см, сечение — 2,7 × 2,5 см, длина второго — 2,7 см, сечение — 3,1 × 2,5 см, толщина стенок — 0,20–0,25 см. У края имеются два встречных отверстия для штифта (заклепки), обеспечивавшего жесткое крепление к древку, которое должно было иметь восьмигранное сечение размерами 2,5–2,8 × 2,3 см. Первый вток был найден на территории северо-западной многофункциональной площадки, второй — на южной, близ места нахождения «клада оружия» (в 1,5–2,0 м), и, вероятно, входил в его состав.

Аналогичный вышеописанным восьмигранный вток высотой 2,9 см и сечением 3,1 × 2,5 см найден на реке Тым в погребении № 4 могильника Берендеев Бор 2, датированном концом XVII – началом XVIII века [*Боброва и др., 2002.* – С. 125–126, 134; рис. 6 – *19*]. Из предметов вооружения в комплексе обнаружена слабоизогнутая сабля (40 × 6 см), интерпретированная как пальма, что определило погребение как воинское. Не исключено, что сабля была вмонтирована в длинное древко, завершавшееся найденным в погребении втоком. Можно заключить, что небольшая часть клинков надымских палашей и слабоизогнутых сабель могли монтироваться в древко и использоваться в качестве оружия, подобного сибирской пальме или русским аткасу и совне — прямому (изогнутому) клинку на длинном древке.

Очевидно, что проникновение этого элемента вооружения на территорию Северо-Западной Сибири связано с русской колонизацией региона. Надымские втоки можно охарактеризовать как притупленные, многогранные и датировать концом XVII – первой третью XVIII веков.

Завершая описание холодного оружия из арсенала Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII веков, следует обратить внимание на ряд фактов, вытекающих из анализа состава «клада оружия». Судя по облику отдельных предметов, арсенал начал формироваться еще в XV–XVI веках и представлял относительно устойчивый комплект. В составе «клада» среди всех изделий, найденных в разные годы исследований, было только несколько преднамеренно заточенных предметов наступательного вооружения: палаш, топор, копье и клевец. Все остальные типы оружия представлены либо незаточенными железными клинками палашей

и боевых ножей, либо фрагментами импортного оружия (русских сабель и др.). Можно предположить, что именно заточенное оружие составляло основной (большой) комплект вооружения одного воина и, судя по полноте и представительности набора, принадлежало, скорее всего, местному вождю. По-видимому, остальные предметы составляли часть арсенала, предназначенную для вооружения общинного ополчения, и комплект кузнечных заготовок для изготовления дополнительного оружия. Поскольку импортные клинки перековывались с соблюдением устойчивой формы, то, скорее всего, это отражает особенности тактики боя и эргономики оружия.

Ближайшие аналоги надымских слабоизогнутых сабель и палашей западносибирского образца — это, во-первых, целый железный клинок (57 × 2 см), обнаруженный при раскопках Мангазеи и причисленный к оружию энцев [*Белов и др., 1981.* – С. 89; табл. 78 – *10*], во-вторых, целый клинок (35,5 × 3,5 см) из селькупского могильника Пыль-Карамо I, датированного XVII–XVIII веками [*Кондрашёв, 2002.* – С. 64–65; рис. 2 – *2*], и в-третьих, целый железный клинок, найденный в Нижнем Приобье на Шайтанском мысу близ современного поселка Березово и хранящийся в коллекции ТГИАМЗ, куда он был привезен вместе с одной изогнутой саблей с елманью в 1913 году И. Н. Шуховым [*ТМКП.* – № 5429, 5430]. Их предположительно датировали XVI веком и отнесли к предметам вооружения татарского воина Сибирского ханства [*Сибирские реликвии, 2000.* – С. 130]. В любом случае, факт относительно широкого распространения холодного оружия подобного вида и пропорций позволяет выделить надымский тип слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей, отличающихся устойчивой формой, характерной для вооружения западносибирского воина XVI – первой половины XVIII веков.

Защитный доспех представлен только одним видом этого вида вооружения — кольчужным панцирем.

Кольчужный панцирь (кольчуга) — 58 фр. (рис. 3.28 – *6*). Представлен в коллекции фрагментами кольчужного полотна и отдельными кольцами. Они относительно равномерно распространены по всей площади жилой зоны городка и за ее пределами на окружающей террасе. Самый большой фрагмент кольчуги, размерами 18 × 14 см, свернутый в два-три слоя, был обнаружен на северо-западной многофункциональной площадке. Диаметр колец варьируется в пределах 0,7–1,5 см. Практически на всех экземплярах фиксируется соединение проволочных колец заклепкой. Кольца имеют округлое или овальное сечение.

Вероятно, кольчуги надымских воинов составляли категорию импортного вооружения, преимущественно русского. Защитный доспех, типа кольчатого панциря, был характерным элементом русского вооружения на протяжении XIII–XVII веков [*Кирпичников, 1976.* – С. 40–41]. Находки остатков целых кольчуг и фрагментов кольчужного плетения на территории Северо-Западной Сибири известны более чем с десяти погребальных и поселенческих памятников периода позднего средневековья, расположенных вплоть до полуострова Ямал [*Зыков и др., 1994.* – С. 50; *Головнёв, Зайцев, 1992.* – С. 13; *Соловьёв, 1987.* – С. 59–60]. Популярность этого типа защитного вооружения ярко характеризуют материалы могильника Сайгатинский III в Среднем Приобье, где остатки кольчуг были найдены в 5 из 56 погребений конца XIII – XIV веков [*Зыков и др., 1994.* – С. 50]. Это составляет почти 10 процентов от общего числа погребенных, что примерно соответствует численности общинного ополчения, на основании чего можно предполагать наличие у каждого воина такого защитного доспеха. До настоящего времени широкое использование кольчуг в вооружении воинов аборигенных обществ Северо-Западной Сибири было подтверждено археологическими находками только для периода X–XVI веков, то есть до начала официальной русской колонизации территории Сибири, начавшейся в конце XVI века. Присутствие в культурном слое Надымского городка с конца XVI по первую треть XVIII века фрагментов кольчуг свидетельствует о постоянном использовании этого типа защитного доспеха на всем протяжении этого периода.

Комплекс предметов вооружения, обнаруженный в Надымском городке, в настоящее время является самой большой коллекцией позднесредневекового оружия на территории Северо-Западной Сибири. Этот факт явно отражает ту важную роль, которую играло военное дело в жизни надымской общины. Кроме этого, надымское оружие и защитный доспех позволяют максимально полно воспроизвести комплект вооружения среднестатистического воина Субарктики и охарактеризовать его как относительно ограниченный: кольчуга, сабля, боевой нож (лук и стрелы). Исключение составляли вождь и военачальники.

3.4. ИНСТРУМЕНТЫ, ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Среди вещевого комплекса, встречающегося при раскопках верхних слоев Надымского городка, можно выделить предметы, представляющие производственные орудия, предметы быта и домашнего обихода.

НОЖИ И ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ножи универсально-хозяйственные, специализированные и принадлежности для их заточки рассматриваются вместе, поскольку составляют отдельный, достаточно большой комплекс предметов (рис. 3.29–3.31; *прил. III.* – Табл. I). К этому виду изделий отнесены все клинки ножей, длина которых составляет менее 20 см, имеющие следы частой заточки: характерное сточенное лезвие — свидетельство частого (постоянного) использования. В процессе исследований найдено 26 ножей в рукоятях из дерева и рога (25 целых, 1 фрагмент), 261 клинок бытового ножа (30 целых, 231 фрагмент), две типологически определимые заготовки клинков ножей, 32 рукояти из дерева и рога (18 целых, 14 фрагментов), семь заготовок рукоятей из рога. Кроме этого, имеются ножны из кожи (4 экз.) и принадлежности для заточки: рукояти для удерживания лезвия ножа при заточке (29 экз. из дерева, 1 экз. из рога), точила и оселки (69 целых, 19 фрагментов).

По способу крепления клинка в рукояти все ножи в коллекции относятся к черенковым. По функциональным признакам делятся на две категории: универсально-хозяйственные, специализированные хозяйственые ножи.

Универсально-хозяйственные ножи (26 экз.) составляют первую группу. В целом все имеющиеся в коллекции ножи в рукоятях относятся к этой группе, но, тем не менее, рассматриваются отдельно, поскольку имеют ряд признаков, позволяющих более детально определить культурно-хронологическую принадлежность. По материалу, из которого изготавливались рукояти, их можно разделить на три типа.

Тип I — ножи в рукояти из дерева, с торцевыми накладками из металла — 1 экз. (рис. 3.29 – *1*). В нашем распоряжении имеется один такой нож, найденный в постройке № 8 в слое первой трети XVIII века. Клинок этого ножа имел прямое лезвие, шириной соответствовавшее рукояти, уступ в месте сопряжения с узким черенком, длина которого соответствовала размерам рукояти. Высокое качество металла, сохранившего до сего дня правильную форму и заточку, рукоять из березового капа с оловянными (медными) накладками сразу позволяют отнести вещь к группе импортных.

Кроме ножа, в коллекции имеются накладки из олова — 8 экз., медные задники — 2 экз., задник из железа — 1 экз. (рис. 3.29 – *2–4*). Этих предметов достаточно, чтобы в общем охарактеризовать выделенный тип. Такие ножи имели клинки с прямым широким лезвием, вмонтированным в рукоять округлого или овального сечения, выполненную, как правило, из березового капа. Торцы рукоятей снабжали накладками из олова, меди или (реже) железа. Накладка со стороны лезвия закрывала место крепления клинка в рукояти, а вторая накладка закрывала противоположный торец. В некоторых задниках имелись петли для крепления шнура. Отдельные задники украшены гравированным орнаментом.

Подобные ножи найдены при раскопках на острове Фаддея, берегу залива Симса и города Мангазеи [*Окладников, 1951.* – С. 12–30; С. 232, табл. II – *1–8*; *Белов и др., 1981.* – С. 79; табл. 71 – *1–9*]. Такие изделия можно отнести к большой серии разновидностей ножей, поступавших в Сибирь: «ножи усольские с припоем медным», «чугрей с череньем, политым оловом», «ножи с припоем серебряным», «чугрики простые с ножнами», и многих других, производившихся в таких северорусских городах — центрах кузнечного ремесла, как Мзень, Устюг Великий и Соль Вычегодская [*Таможенные книги…, 2003.* – С. 79–167; *Бахрушин, 1951.* – С. 89]. На основании этого клинки ножей, не имеющие рукояти, но соответствующие вышеописанным, предположительно можно отнести к категории импортных изделий.

Тип II — ножи в широкой рукояти из дерева — 15 экз. (рис. 3.29 – *6–11*). Рукояти таких ножей имели округлое или овальное сечение и делались, как правило, из прямоволокнистой древесины или (реже) березового капа. Ширина клинков, вмонтированных в такие рукояти, не всегда соответствовала их ширине. Клинки либо ровняли по верхней плоскости рукояти и спинки (обуха) лезвия, либо отцентровывали. Некоторые из рукоятей имеют на конце отверстие для шнура. Возможно, такие черты отражают индивидуальные

привычки владельцев или функциональные особенности. Подобные ножи, по крайней мере, большая их часть, изготавливали в городке с использованием самодельных или привозных клинков.

Тип III — ножи в широкой рукояти из кости (рога) — 10 экз. (рис. 3.29 – *5, 12, 14*). Как правило, материалом для рукоятей таких ножей служили рога северного оленя. Большинство таких ножей имеет узкое прямое лезвие, отцентрованное посередине рукояти. Часть рукоятей из рога имеет на конце отверстие для шнура. Такие ножи в основной массе также делали в городке с использованием местных или импортных клинков.

Отдельные клинки универсально-хозяйственных ножей — 261 экз. (рис. 3.30). Они составляют один из самых массовых видов находок. Из этого числа лишь 30 — целые, а остальные представляют обломки лезвия или, что чаще, фрагмента лезвия с черенком. Последние также учитывались при анализе, поскольку имеют ряд типологических признаков: таких, как форма черенка, форма соединения черенка и лезвия, ширина лезвия. Общий анализ этих находок позволил выделить три основные типа.

Тип I — клинки с прямым лезвием и длинным черенком, выделенным с двух сторон четкими уступами (рис. 3.30 – *1–5*). Такие клинки имели широкое лезвие и выделенный четкий переход к более узкому и удлиненному черенку. Причем ширина насада была примерно одинакова по всей длине. Черенок такой формы был вмонтирован в рукоять с оловянными накладками (рис. 3.29 – *1*). Соблюдение особенностей формы черенка могло быть связано с тем, что клинки ковали в тех же центрах, где их вставляли в рукояти. Это обстоятельство могло обеспечивать ответственное отношение к форме. Именно такую форму имеют клинки из раскопок Падракурского посада XVII века Холмогор, ставших еще в первой половине XVI века наряду с Великим Устюгом одним из крупнейших северорусских центров металлообработки Московского государства [*Ясински, Овсянников, 1998.* – С. 14; рис. 1 – *7*]. Естественно, такая форма имела более широкое распространение и не была уникальной для одного ремесленного центра. Около 90 процентов ввозимых в Сибирь ножей было произведено кузнецами Мезени, Соли Вычегодской и Устюга Великого [*Зиняков, 2005.* – С. 74]. Не имея результатов специальных исследований, включающих металлографический анализ, ножи этого типа можно предварительно соотнести с продукцией вышеназванных центров.

Тип II — клинки с прямым лезвием и укороченным черенком, выделенным плавными уступами (рис. 3.30 – *6–9*). Этот тип по форме очень близок первому, но, тем не менее, отличается от него: клинки имели более короткий черенок, расширяющийся к лезвию, плавные переходы к спинке и острию лезвия. В некоторых клинках центральная ось насада и лезвия находились под углом друг к другу (рис. 3.30 – *7*). Такие клинки отличает более грубая работа, дефекты и непропорциональность формы. Предположительно, они были продуктом периферийных мастерских, где соблюдению формы придавалось меньше значения, возможно, в силу того, что кузнецы не несли ответственности за их дальнейшее оснащение. Вероятно, таким был зырянский «пурт», производившийся в Прикамье и также входивший в число ввозимых в Сибирь товаров [*Бахрушин, 1951.* – С. 89]. Не исключено, что часть таких изделий могла быть подражанием местных надымских кузнецов.

Тип III — клинки с прямым лезвием и коротким черенком, выделенным сужением лезвия (рис. 3.30 – *10–13*). Этот тип клинков отличает форма черенка и соотношение черенка и лезвия. Черенок может быть обозначен равномерным сужением клинка со стороны спинки и лезвия, либо иметь сужение только со стороны лезвия. Длина большинства таких черенков небольшая, примерно в четверть лезвия. Некоторые из них, особенно небольших размеров, были явно изготовлены из обломков сточенных лезвий ножей путем подковки насада. Такие клинки, очевидно, относятся к продукции местного изготовления. В коллекции есть целая серия подобных клинков, в том числе вставленных в рукояти, только маленьких размеров (рис. 3.30 – *14, 15*). По форме они идентичны этому типу бытовых ножей. Маленькие ножи могли быть детскими или же служили для выполнения каких-то специальных работ.

Очевидно, что точно атрибутировать тот или иной нож (клинок) не всегда возможно. Металлографический анализ этой группы изделий не производился, да и результаты его не всегда будут объективны, поскольку наверняка местными кузнецами практиковалась ковка готовых изделий. Пока определить происхождение можно лишь в большей степени предположительно и, в первую очередь, по морфологическим признакам: таким, как особенности формы целых ножей, форма клинка, лезвия и черенка, качество металла и отделка рукояти. Тем не менее, на основании вышеприведенных данных можно попытаться соотнести типы ножей (клинков) из коллекции Надымского городка с известными по письменным источникам и этнографическим данным типами ножей, бытовавшими в то время и до сих пор на территории Северо-Западной Сибири.

Ножи в рукоятях первого типа и клинки первого типа можно определить как «*чугреи*» — ножи северорусского (Мезень, Соль Вычегодская, Устюг Великий) происхождения. Часть ножей в рукоятях второго и третьего типов, а также клинки второго типа можно определить как «*пурт*» прикамского (Соликамск, Пермь) происхождения. Ножи в рукоятях (часть?), некоторые клинки второго и третьего типа можно определить как остяцкие «*кеч*» (в разных говорах: *кеж, кеш, кечех*) или самоедские «*хар*» северо-сибирского производства.

Специализированные хозяйственные ножи составляют вторую категорию. Всего в нее входят шесть целых клинков одного типа.

Клинки с изогнутым лезвием и загнутым вверх кончиком — 6 экз. (рис. 3.30 – *17–19*). По форме черенка и его сопряжению с лезвием можно выделить три варианта (подтипа), соответствующие вышеописанным типам клинков универсальных хозяйственных ножей. Все же эти клинки выделены в отдельную группу, поскольку в большинстве исследований их связывают со специализацией при обработке кожи и кости [*Древняя Русь, 1997.* – С. 17–18; табл. 9 – *34, 38, 41*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 87; рис. 33 – *12*; 36 – *11*; 43 – *3–5, 9, 11*].

Рукояти универсально-хозяйственных ножей — 32 экз. (рис. 3.31 – *2–4*). По материалу разделяются на два типа: деревянные — 11 экз., костяные (из рога оленя) — 21 экз. Судя по находкам костяных заготовок (7 экз.), рукояти изготавливались прямо в городке.

Ножны кожаные — 4 экз. (рис. 3.31 – *1*). Одни из них размерами 17 × 4 см, простой формы, с небольшим расширением в верхней части. По форме они аналогичны русским ножнам из Мангазеи, с острова Фаддея и побережья залива Симса и относятся к XVII веку [*Белов и др., 1981.* – С. 79–80; *Окладников, 1951.* – С. 12–30; С. 232, табл. II – *10–12*]. Каких бы то ни было фрагментов деревянных ножен, подобных тем, что ныне бытуют у народов Северо-Западной Сибири, не найдено. Мы склонны считать, что традиционными были ножны из бересты, фрагменты таких ножен находили в осыпи берега, в разрушенном слое Надымского городка [*Кардаш, А-1998*].

Рукояти для заточки ножей — 30 экз. (рис. 3.31 – *5–8*). Все рукояти выполнены в форме стержня с уступом, имеют длину до 12 см, диаметр — до 2,5 см, служили для удерживания кончика лезвия ножа при заточке и разделяются на две группы. Первая группа — деревянные рукояти (29 экз.) (рис. 3.31 – *5, 6, 8*). На одной из них вырезано антропоморфное изображение — личина (рис. 3.31 – *8*). Вторая группа — костяные (1 экз.) (рис. 3.31 – *7*). Рукоять выполнена из рога оленя и имеет на конце отверстие для шнура.

Камни для заточки и правки лезвия — 88 экз. (69 целых, 19 фрагментов) (рис. 3.31 – *9–12*). Точила из песчаника различной зернистости использовались для грубой заточки, оселки из сланцев — для шлифовки лезвий и снятия заусенец.

Инструменты и приспособления составляют группу орудий и изделий и их деталей, так или иначе используемых в различных технологических процессах, связанных с производством различных предметов, например, при обработке древесины, кости или кожи. В этот же раздел включены специализированные инструменты, которые отличаются от ножей лишь особой формой режущей части лезвия, но вставлялись в те же рукояти, что и клинки обычных ножей, и также применялись для работы с деревом и костью.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Топоры плотницкие — 25 экз. (рис. 3.32 – *1–6*). Найдено 25 фрагментов русских плотницких топоров, которые отличает от описанных выше боевых плоский широкий обух и соответствующее ему широкое лезвие. По фрагментам и игрушечным моделям можно определить, что бытовали два типа русских плотницких топоров, отличавшиеся в основном наличием (отсутствием) шипа — «бородки». Модели топоров находят соответствие с основными группами русских топоров XVII века, известных по раскопкам Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 81; табл. 72 – *1–10*]. Очевидно, что и у жителей городка бытовали именно такие типы, которые

в очень большом количестве начали завозить промышленники в регион, начиная с конца XVI века. Одним из самых крупных на Севере Руси центров — поставщиков топоров «средней» и «малой руки» считается Устюг Великий [*Белов и др., 1981.* – С. 82; *Зиняков, 2005.* – С. 74]. Отсутствие топоров такого типа в составе «клада оружия» подтверждает их функциональную обособленность в качестве, в первую очередь, плотницких. Топоры после максимального износа использовались жителями городка как кузнечные заготовки. *Топорищ* найдено значительно меньше — 2 экз. Оба они небольшой длины (55 и 60 см), имеют овальное сечение. *Скобы для ношения топора* — 3 экз. (рис. 3.32 – *7–9*). Они изготовлены из рога оленя и имеют вид дуги с отверстиями на обоих концах для продевания ремня или веревки. Подобные скобы (вилки) известны по этнографическим данным [*Мартин, 2004.* – С. 76–77; рис. 72; табл. 12 – *5*] и бытовали у аборигенов до начала XX века. Единственное отличие: известные развилки имеют соосные отверстия, а надымские — параллельные.

Небольшое число топорищ по отношению к фрагментам железных топоров наводит на мысль, что большая часть найденных плотницких топоров не была насажена на рукояти. Возможно, их использовали в качестве клиньев для раскалывания стволов деревьев на плахи и доски. Колотая плаха или доска — один из основных конструктивных элементов построек Надымского городка, тем не менее, большого числа деревянных или костяных клиньев соответствующих размеров в слое не обнаружено.

Специализированные режущие инструменты — 18 экз. В коллекции эти изделия (фрагменты) представляют два типа инструментов.

Тип I — ножи-резцы с листовидным обоюдоострым лезвием, загнутым полукольцом, и длинным черенком — 3 экз. (рис. 3.33 – *10, 11*). Они носят название «ложкорез» и применяются для вырезания вогнутых поверхностей в древесине при изготовлении посуды: ложек, ковшей и корыт. Очевидно, такой нож вставляли в обычную рукоять, в какую монтируют бытовые ножи. Такие изделия были распространены в Древней Руси с XI века [*Древняя Русь, 1985.* – С. 258; табл. 98 – *7. 8*]. На территории Северо-Западной Сибири находки таких предметов известны только с русских памятников XVII века [*Станкевич, 1951.* – С. 169; рис. 2].

Тип II — нож-пила с изогнутым вниз лезвием и черенком, выделенным за счет сужения лезвия — 1 экз. (рис. 3.33 – *16*). Лезвие имеет одинаковую по всей длине толщину 0,2 см и ряд равносторонних треугольных зубцов. Он был найден в слое конца XVI – начала XVII веков. Скорее всего, он крепился в обычной рукояти. Судя по находкам фрагментов рогов оленя со следами ровных срезов и запилов шириной 0,25–0,30 см, можно определить функциональное назначение такого изделия как нож — пила по кости. Прямых аналогов такого изделия не известно. Самыми близкими формами являются ножи с городища Ендырское 1, имеющие изогнутое приостренное лезвие и зубцы-насечки на торце [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 87; рис. 43 – *5, 11*].

Сверла (наконечники) лучковой дрели — 14 экз. (рис. 3.33 – *12–14*). Найдено девять целых и пять фрагментов железных свёрел. Все они имеют форму стержня круглого сечения (диаметром 0,6–0,9 см) с рабочим концом в виде заостренного желоба, а противоположный конец — черенок — выглядит как массивный вытянутый треугольник прямоугольного сечения. Общая длина свёрел колеблется в пределах 10–15 см. Несмотря на однозначно интерпретируемую форму, такие наконечники использовались жителями городка закрепленными в рукояти обычных хозяйственных ножей. На частое использование указывает масса сверленых отверстий в различных изделиях, но вместе с этим не обнаружено каких-либо других деталей не только от лучковых дрелей, но и специализированных поперечных рукоятей, какими пользовались васюганские остяки в конце XIX века [*Сирелиус, 2001.* – С. 268] или жители Прикамья в X–XIV веках [*Финно-угры и балты…, 1985.* – С. 158–161; табл. LXV – *24*; LXVI – *40*]. Вероятно, свёрла вставляли в рукоять, и отверстия прорезали вручную.

Подобные свёрла были широко распространены в Восточной Европе, известны находки, в частности, в Новгороде [*Древняя Русь, 1985.* – С. 257; табл. 99 – *11–13*]. На территории Северо-Западной Сибири находки таких свёрел — большая редкость. Массово они начинают появляться, и прежде всего — на русских памятниках, только с XVII века, причем вместе с лучковыми приспособлениями — дрелями, для которых они и предназначены [*Станкевич, 1951.* – С. 168; рис. 1; табл. VIII – *16*; *Белов и др., 1980.* – С. 83; табл. 71 – *22–25*; табл. 74 – *1–5*].

Клинья для расщепления древесины — 18 экз. (рис. 3.33 – *1–4, 9*). Все экземпляры имеют прямоугольную форму и треугольный профиль. Они применялись для расщепления стволов дерева на плахи и на более мелкие заготовки деревянных изделий. По материалу выделяются две основные группы.

Деревянный клин — 1 экз. Имеет размеры 12 × 4 см.

Костяные клинья — 17 экз. Они различаются как длиной, так и размерами и формой рабочего края. Длина самого большого клина составляет 9,5 см, самого маленького — 4,0 см. Форма рабочего края иногда прямая или слегка округлая. У двух клиньев (в том числе и самого большого) рабочий край утолщенный.

Рубанки (струги) — 8 экз. (рис. 3.33 – *5–8, 15*). Струг — это деталь инструмента, служащего для оцилиндровки древков стрел (рис. 3.33 – *17*). Практически все они представляют собой вытянутую прямоугольную пластину, полукруглую в сечении, со сквозными поперечными пазами. В скошенный рабочий паз для работы вставляли нож, острием которого обрабатывали поверхность заготовки древка стрелы. По материалу струги делятся на две группы — костяные и деревянные.

Рубанки из кости — 6 экз. (рис. 3.33 – *5–7*). Костяные струги изготавливали из половинки трубчатой кости или рога оленя. Средние размеры таких стругов колеблются в пределах 8,4 × 2,2 см и 16,2 × 1,9 см. На стругах имеются от одного до шести сквозных поперечных пазов. Найдено два костяных струга, орнаментированных точечным узором. Единственный струг с подобным орнаментом опубликован У. Т. Сирелиусом [*2001.* – С. 266].

Рубанки из дерева — 2 экз. (рис. 3.33 – *9, 15*). Представлены двумя типами, различающимися по форме. Рубанок первого типа — с двумя пазами, имеет форму, аналогичную костяным. Рубанок второго типа — в виде овальной изогнутой пластины, снабженной только одним отверстием и выступающим упором для лезвия ножа (рис. 3.33 – *15*). Подобные типы рубанков известны в русских средневековых памятниках с X века и этнографических материалах аборигенов Севера XIX – начала XX веков [*Медведев, 1959.* – С. 152; *Белов и др., 1981.* – С. 75; *Сирелиус, 2001.* – С. 266, 304; *Мартин, 2004.* – С. 76–77; рис. 71; табл. 12 – *4*].

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ШКУР

Лезвия скребков для обработки шкур — 7 экз. (рис. 3.34 – *1, 2*). В коллекции имеются только железные лезвия. Способ применения подобных изделий восстанавливается по этнографическим материалам. Лезвие монтировали в центральную часть длинной деревянной рукояти, поперек продольной оси, и использовали для первичной обработки шкур животных (снятия мездры) [*Мартин, 2004.* – С. 78–79; рис. 73; табл. 13 – *2*; *Сирелиус, 2001.* – С. 278]. Лезвия представляют собой широкую железную пластину с заточенными и загнутыми в противоположные стороны рабочими торцами. Продольный разрез выглядит в форме латинской буквы S. Размеры целого экземпляра составляют 6,8 × 2,6 см, ширина лезвий фрагментов не превышает 3,0 см. Находки таких орудий были сделаны на средневековых памятниках Северо-Западной Сибири [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 94–95; рис. 44 – *3–4*]. Деревянных фрагментов таких рукоятей не найдено, что позволяет предполагать иной способ использования лезвия, например, его могли держать в руке.

Лощила (?) — 3 экз. (рис. 3.34 – *7–9*). Найдены два целых и один фрагмент межпозвоночных дисков кита (белухи), имеющие форму толстого диска диаметром от 12,0 до 15,0 см. Одна их сторона имеет относительно гладкую поверхность, а вторая, смыкавшаяся с позвонком, — рельефную. К этому типу орудий отнесены межпозвоночные диски, у которых рельефная поверхность имела следы стерстости и просверленное отверстие диаметром 1,5 см. Можно предположить, что такие диски использовали в качестве лощила при обработке шкур. Аналогов таких орудий пока не найдено. Заметим, что население Надымского городка не занималось охотой на крупных морских млекопитающих, и наверняка подобные вещи не были предметом торга. Такой диск можно было получить лишь из скелета кита, выброшенного морем. Поскольку какие-либо другие кости его не найдены, то вряд ли эти диски принадлежали мертвому животному, обнаруженному вблизи городка. Наиболее часто, в том числе в наши дни, мертвых китов находят на западном и северном побережье полуострова Ямал, и вероятнее всего, диски привезены оттуда, что может служить косвенным подтверждением сезонных путешествий надымских жителей в этом направлении.

Пяла для шкурок горностая — 5 экз. (рис. 3.34 – *3–6*). В коллекции имеются два целых и три фрагмента деревянных изделий в виде длинной пластины с сужением на конце к одной (наружной) стороне. Пяло состоит

из двух идентичных элементов, два конца которых соединяются, а два других раздвигаются, расправляя и растягивая шкурку для просушки. Подобные приспособления до нынешнего времени бытуют на Севере у коренных жителей и применяются теми, кто добывает горностая. Безусловно, такой инструмент может использоваться и для обработки шкурки иного мелкого пушного зверя, например белки, но Е. Н. Тайшина, жительница поселка Горнокнязевск, определила в беседе со мной именно специфическое применение таких изделий. Эта специфика может быть следствием особой ценности меха данного животного.

ШВЕЙНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ составляют особую группу предметов, относящихся к категории женских ремесел, в которые входило шитье одежды и берестяной посуды. По современным этнографическим данным, набор таких принадлежностей хранился в специальной кожаной сумке или берестяном коробе [*Лукина, 1985.* – С. 75–76; рис. 31–32].

Сумка женская — 1 экз. В постройке № 6 была найдена небольшая сумка из оленьей кожи, аналогичная современным женским сумкам для хранения швейных принадлежностей [*Мартин, 2004.* – С. 62–63; табл. 5 – *3; Лукина, 1985.* – С. 75; рис. 31 – *4*].

Иглы швейные из железа — 244 экз. (рис. 3.36 – *10*). Найдено 205 целых и 39 фрагментов швейных игл длиной от 4,6 до 3,2 см. Иглы использовались не только для шитья одежды, но и для изготовления берестяных туесов. Основная масса игл найдена в верхних слоях городка и на многофункциональных площадках. Значительно меньше — в жилых помещениях. Это указывает на то, что одежду шили за пределами жилой зоны, и вряд ли это делали осенью или в зимнее время. Скорее всего, одежду, особенно зимнюю, шили и ремонтировали весной и летом, для чего, возможно, оставляли некоторых женщин в городке.

Наперстки — 14 экз. (рис. 3.36 – *6–9*). Изготавливались из железа (7 экз.) и меди (7 экз.). Имеют традиционную форму усеченного конуса и делятся на два типа: закрытые и открытые. Традиционно современные ханты пользуются при шитье боковой стенкой наперстка, а не торцевой, поэтому использовали открытые (сквозные) наперстки без дна или его срезали [*Лукина, 1985.* – С. 76].

Самые ранние на территории Севера находки наперстков известны на памятниках конца XVI – начала XVII веков [*Семёнова, 2001.* – С. 100; рис. 25 – *2*; табл. 59]. Их появление можно уверенно связать с началом русской колонизации Сибири и ввоза русских товаров.

Игольники — 5 экз. (рис. 3.36 – *1–5*). Приспособления для хранения иголок. В коллекции имеются два вида игольников: костяные и суконные.

Костяные игольники — 3 экз. (рис. 3.36 – *1–3*). Изготовлены из трубчатых костей крупных птиц (лебедя, гуся) и представляют собой костяную полую трубку. Все игольники орнаментированы точечным орнаментом или линиями. Костяные игольники из трубчатой кости считаются одной из древнейших форм бытовой утвари, распространенной на обширной территории Евразии. Из синхронных памятников подобные игольники, причисленные, правда, к предметам быта аборигенного населения, известны в материалах раскопок Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 76]. В материальной культуре коренных народов Севера такие игольники также имеют место и известны у остяков Оби и Агана [*Лукина, 1985.* – С. 75–76; рис. 32 – *15*].

Суконные игольники — 2 экз. Один обнаружен в постройке № 7: круглый, диаметром 16,5 см, с орнаментальной композицией в виде пятилепестковой розетки, набранной из тонких полосок сукна красного и зеленого цветов в технике мозаики (рис. 3.36 – *4*). Второй игольник — из постройки № 11 (рис. 3.36 – *5*): квадратный, с нашивным орнаментом из квадратов светлой и темной шелковой ткани и, видимо, с отделкой по краю из полосок меха (меховая отделка почти не сохранилась). Подобные игольники хорошо известны в культуре современных хантов [*Лукина, 1985.* – С. 76; рис. 32 – *7, 12*].

Мотовила — 13 экз. (рис. 3.35 – *1, 9, 10*). Изготовлены из дерева и имеют форму прямоугольной пластины, снабженной парными выступами на торцах. Существует два варианта мотовил: один отличается сужением в средней части, а второй — прямыми параллельными боковинами. Возможно, один из вариантов использовали в качестве элемента рыболовной снасти с крючком или для сетевых нитей, но вряд ли это было

основной функцией. Близкие по форме мотовильца известны из раскопок Мангазеи и интерпретируются как приспособления при обработке волокнистых материалов [*Белов и др., 1981.* – С. 35; табл. 29 – *6–7*].

Иглы-проколки — 14 экз. (рис. 3.36 – *6–8*). В коллекции имеются 13 целых и один фрагмент костяных проколок. Изготавливали такие иглы из стенок трубчатых костей северного оленя (наиболее твердой и прочной части). Их длина колеблется в пределах 7,5–3,5 см, рабочий конец заострен, в одном случае обломан. Практически всегда с одной стороны рабочего конца наблюдаются выкрошенность и заломы. Одно из функциональных назначений — это прокалывание дыр в бересте и сшивание кедровым корнем при изготовлении берестяных корыт.

ПОСУДА И КУХОННАЯ УТВАРЬ составляют группу предметов, объединенных единым функциональным назначением — приготовление, употребление и хранение пищи и продуктов питания людей. У основной части таких предметов форма тесно связана с их бытовым использованием. Но это не исключает возможности применения посуды в других целях, к примеру, для хранения или транспортировки «пушнины» или кузнечных заготовок, особенно когда общество живет, в первую очередь, комплексным присваивающим хозяйством. Именно это обстоятельство позволило отнести посуду в раздел многофункциональных бытовых предметов.

По материалу, из которого посуда и кухонная утварь были изготовлены, они составляют пять групп: металлическая посуда, керамическая посуда, деревянная посуда, берестяная посуда, костяные кухонные принадлежности. Систематизация по признаку «привозные — местные изделия» не во всех случаях приемлема. В вышеприведенном перечне к категории импортных изделий можно однозначно отнести только первые две группы. Остальные же группы могут составлять, помимо местных изделий, предметы как дальнего импорта (русские), так и ближнего: из соседних регионов, к примеру, Среднего Приобья. Поэтому за основу систематизации был взят материал, из которого выполнен предмет.

Группа 1. Металлическая посуда. Представлена находками изделий из серебра, бронзы и меди.

Серебряные блюдца — 9 экз. Найдено одно почти целое блюдце диаметром 9,5 см, выполненное из листа тонкой серебряной фольги (рис. 3.37 – *2*). В его центральном медальоне изображена фигура человека верхом на лошади. Известно много произведений восточной торевтики, которые могли быть прототипом этого сюжета, но то, что мы видим, создает впечатление очень отдаленной в пространстве и во времени копии. Самые близкие аналоги — это посеребренное, из тонкой меди блюдо с маленьким центральным медальоном, датированное XIII–XIV веками, из могильника Сайгатинский 4 [*Зыков и др., 1994.* – С. 155; кат. № 301], и большое блюдо из тонкой серебряной фольги с изображением всадника в небольшом центральном медальоне, датированное XII–XIII веками, из ритуального комплекса на территории могильника Кинтусовский 4 [*Сокровища Приобья, 1996.* – С. 110–112]. Таким образом, определить время изготовления блюдца можно не ранее XIII–XIV веков (возможно, и позднее), а период бытования — до первой трети XVIII века.

Вышеописанное блюдце позволяет установить назначение и восьми фрагментов изделий из серебряной фольги, найденных в составе «клада бронзовых изделий» на юго-восточной площадке. Очевидно, все они являются частями еще одного или двух блюдец, на которые был нанесен геометрический орнамент в виде ромбов или треугольников, заполненных точками. Скорее всего, фигуры были сгруппированы по кругу в виде розетки. Очевидно, все эти изделия были выпущены одной мастерской.

Возможно, эти серебряные блюдца употребляли в качестве ритуальной посуды, но также не исключено, что их могли использовать в качестве «зерцала» в костюме воина. Правда, в этом случае очень тонкое блюдце из фольги необходимо было бы закрепить на жесткой (деревянной?) основе.

Бронзовые чаши — 2 экз. Первая чаша реконструируется практически полностью из восьми частей (рис. 3.37 – *1*). Она найдена в составе «клада бронзовых предметов» на южной многофункциональной площадке. После реконструкции чаши стало возможно определить ее полусферическую, слегка овальную форму, размеры 13,5 × 13,0 см и высоту 4,2 см. Верхняя треть чаши орнаментирована чеканом-расходником. Выделяются две орнаментальные зоны, разделенные между собой двумя горизонтальными параллельными линиями. Верхняя зона заполнена растительным узором типа волнообразной лозы с трилистником, обращенным

внутрь изгиба волн. Нижняя зона украшена взаимопроникающими пятиугольниками. Они не имеют основания и оканчиваются петелькой. Центральный медальон чаши представляет собой вогнутую внутрь чаши полусферу, окаймленную орнаментальным бордюром. В центре рельефного медальона изображена четырехлепестковая розетка, по краю основания полусферы, на дне чаши — цепочка пересекающихся концами линий, образующих подобие зигзага, заключенного в двойную окружность. По-видимому, эта и подобные чаши были атрибутом ритуальных действий, совершавшихся на юго-восточной площадке.

Прямых аналогов, позволяющих относительно точно атрибутировать надымские чаши, пока не найдено. В целом можно отметить, что небольшие полусферические чаши имеют довольно большой круг аналогов в широком временном диапазоне и не меньше обоснований мифологической подоплеки формы. Одна из самых ранних подобных чаш, найденная на территории Северо-Западной Сибири (в Среднем Приобье), датирована VIII веком [*Карачаров, 2002.* – С. 31–32; рис. 7 – *8*; рис. 8]. Более близкие аналоги — это серия декорированных циркульным орнаментом иранских полусферических чаш, откованных из оловянистой бронзы, которые датированы IX–XI веками и бытовали до XII века [*Зыков и др., 1994.* – С. 123; С. 155; кат. № 304]. Оформление бордюром из зигзагов центрального медальона надымской чаши близко по композиции оформлению пространства вокруг центральных медальонов серебряного и медного блюд из Среднего Приобья, одно из которых датировано XII–XIII веками, а второе — XIII–XIV веками [*Сокровища Приобья, 1996.* – С. 110–112; *Зыков и др., 1994.* – С. 155; кат. № 301].

Основываясь на вышеприведенных фактах, можно предположительно определить время изготовления надымской чаши: не ранее XIII–XIV веков, а возможно, и позднее — и связать ее с кругом восточных изделий. Вторая чаша представлена небольшим фрагментом края без декора и, очевидно, была подобна вышеописанной.

Фрагменты ***медных котлов*** — 513 экз. (рис. 3.37 – *3–7*). Целых котлов не найдено. В слое в различных частях памятника обнаружены фрагменты котлов в виде медных пластин и заклепок. Их размеры за редким исключением не превышают 10 × 10 см. Судя по ряду внешних признаков: степени истертости, наличия заплат и других, — это преднамеренно нарубленные (наломанные) фрагменты вышедших из употребления медных котлов. Судя по нескольким крупным фрагментам, это были котлы небольшого диаметра — до 25–28 см, высотой до 12–15 см, с отогнутым наружу краем шириной 1,0–1,5 см. Кроме этого, в слое нередки находки железных ушек и дужек (ручек) от котлов.

Медные клепаные котлы и их фрагменты — одна из самых массовых находок на поселенческих и погребальных памятниках Северо-Западной Сибири XIII–XVII веков. Вне всякого сомнения, медная посуда в больших количествах поступала на Север из разных производственных центров, и прежде всего — из Восточной Европы, «с Руси» [*Таможенные книги…, 2003.* – С. 94–95], но атрибутировать более или менее достоверно можно лишь целые предметы. Наиболее интересна аналогия по характеру находок. При раскопках городища Ендырское 1, функционирование которого завершилось в конце XVI века, было собрано более 150 фрагментов медных котлов, так же преднамеренно нарубленных [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 106]. Это позволяет предположить особую традицию использования вышедших из употребления медных котлов, причем не только как сырья для бронзолитейного производства, тем более что в конце XVI – XVIII веков свидетельств применения этой технологии жителями Надымского городка нами не обнаружено.

Группа 2. Керамическая посуда.

Представлена фрагментами отдельных сосудов (70 экз.) (рис. 3.38; 3.39). Практически все они являются остатками черных мореных горшков и мисок — 63 экз., и только 3 экз. — фрагменты поливных сосудов. Черепки практически равномерно залегали на всей территории городка (в жилом комплексе и за его пределами).

В культурном слое конца XVI – первой трети XVIII веков найдено четыре фрагмента керамических сосудов, относящихся к периоду раннего средневековья (рис. 3.38 – *1–3*). В восточном углу постройки № 8 (квартал № III), под нарами, находился фрагмент венчика, и еще два фрагмента шейки найдены в осыпавшейся части постройки № 12 (квартал № V). Эти фрагменты керамических сосудов орнаментированы оттисками зубчатого штампа, ямочных вдавлений фигурных штампов в форме уголка и косого креста, причем

оттисками последнего формировали треугольные фестоны по плечику. Подобную керамику с поселения на мысу Тиутей-сале В. Н. Чернецов датировал VI–IX вв. н. э. [*Чернецов, 1957.* – С. 191–196]. Фрагменты сосудов с похожей орнаментацией найдены в Большеземельской тундре и датированы VI–IX веками [*Мурыгин, 1984.* – С. 27–30]. По материалам Среднего и Нижнего Приобья, подобную посуду можно соотнести с зеленогорским этапом развития древних культур региона, хронологические рамки которого определены в пределах V–VII вв. н. э. [*Фёдорова Н. В. и др., 1991.* – С. 132]. Эти фрагменты случайно попали в городок, вероятно, принесены с какого-то более древнего археологического объекта. Их нахождение, скорее всего, связано с определенной религиозно-обрядовой деятельностью жителей городка.

Кроме этого, в слое найдены четыре фрагмента поливных сосудов. Один фрагмент стенки с растительным орнаментом, обработанным серой и синей поливой, найден в верхней части осыпи пространства центральной улицы напротив квартала № III и происходят из слоя последней трети XVII – первой трети XVIII веков (рис. 3.38 – *10*). Один фрагмент венчика с наружной стороны — желтого цвета, а с внутренней — коричневого, с выемкой-уступом по внутренней окружности горловины (под крышку?), фрагменты горшка диаметром около 12,5 см и стенки с поливой серо-зеленого цвета найдены на полу постройки № 8 (квартал № III) в слое первой трети XVIII века (рис. 3.38 – *11, 12*). Фрагмент стенки поливного керамического сосуда с гребенчатым орнаментом обнаружен в пространстве постройки № 12 (квартал № V) (рис. 3.38 – *13*). Скорее всего, эти черепки попали на поселение в виде фрагментов.

Остальные черепки — это фрагменты черных мореных горшков, мисок и стопок (63 экз.). Они обнаружены во всех частях городка. Судя по количеству венчиков, можно заключить, что обнаружены фрагменты минимум от 15 сосудов — плоскодонных горшков с раздутым, сужающимся к днищу туловом и короткой, хорошо профилированной шейкой — двух типов. Сосуды первого типа — с прямой короткой шейкой и диаметром горловины 15–16 см (рис. 3.38 – *4–9*; 3.39 – *1–3*). В двух случаях такие горшки имели ряд сквозных разреженных отверстий по венчику. Сосуды второго типа отличает отогнутый наружу венчик и диаметр горловины около 10–11 см (рис. 3.38 – *4*; 3.39 – *1*). Обнаружены фрагменты двух мисок (рис. 3.39 – *4*). Одна — диаметром около 18 см, с закругленным краем венчика, высотой 6 см. Вторая миска диаметром 8,5 см, высотой 3,0 см, с внутренней стороны венчика имеет выемку (под крышку?). Кроме них найдены фрагменты двух стопок диаметром 5–6 см. В коллекции имеются венчики, стенки и днища сосудов, что явно свидетельствует о том, что горшки приносили на поселение целыми и использовали. По аналогии с керамикой из раскопок Мангазеи надымскую черноморeную посуду можно датировать периодом с конца XVI по первую треть XVIII века [*Белов и др., 1981.* – С. 37–39; табл. 38].

Группа 3. Деревянная посуда.

Представлена 125 экземплярами изделий и фрагментов (*Прил. III.* – Табл. I). Группу составляют несколько видов изделий. К первому виду — самому многочисленному — отнесены корыта. Они различаются по качеству отделки поверхности, что связано с их функциональным назначением. Более качественно отделаны корыта для пищи. Менее тщательно — для приготовления пищи, к примеру, для изготовления «порсы» из сушеной рыбы. По форме выделяются несколько типов корыт, различающихся размерами и наличием ручек.

Корыта деревянные — 62 экз. (рис. 3.40; 3.41). В коллекции 11 целых и 51 фрагмент деревянных корыт. Они были найдены в разных частях городка. Все изделия имеют прямоугольную форму или близкую к ней, что, очевидно, во многом было обусловлено исходным материалом, используемым для их изготовления: деревянная плаха. По наличию или отсутствию ручек и их количеству корыта подразделяются на три основных подтипа.

Тип I — прямоугольные корыта без ручек, с полукруглым поперечным и сегментным продольным сечением. На северо-западной многофункциональной площадке было найдено целое корыто размерами 45 × 33 × 11 см (рис. 3.40 – *1, 2*). Оно найдено в слое второй половины XVII века. Корыто идентичной формы, но значительно меньших размеров — 13,5 × 8,0 × 2,5 см, найдено в постройке № 6 квартала № I (рис. 3.40 – *2*). Имеется один экземпляр незаконченного корыта такого типа. Сломанная в процессе изготовления заготовка дает возможность понять особенности производства подобных корыт. Вначале заготовка подвергалась грубой обтеске топором, а впоследствии поверхность обрабатывалась ножом. Первоначально формировали наружную часть изделия,

лишь потом внутреннюю. Корыта именно такой формы наиболее близки современным хантыйским прямоугольным блюдам для вареной рыбы и мяса [*Лукина, 1985.* – С. 71; рис. 29 – *1*].

Тип II — прямоугольные корыта с одной ручкой, с полукруглым поперечным и прямоугольным продольным сечением (рис. 3.40 – *3*). В разных частях памятника обнаружены два целых корыта с одной ручкой. Одно из них позволяет представить самые большие размеры корыт этого подтипа — 67 × 26 × 10 см. Подобное найдено в Алазейском остроге (вторая половина XVII – XVIII вв.) [*Алексеев, 1996.* – С. 37–38; рис. 18].

Тип III — прямоугольные корыта с двумя ручками, с полукруглым поперечным и прямоугольным продольным сечением (рис. 3.40 – *4*; 3.41 – *1, 2*). Самое большое корыто такой формы найдено в постройке № 9 в слое середины XVII века. Его размеры составляют 88,5 × 28,0 × 29,5 см (рис. 3.41 – *2*). Два подобных корыта обнаружены на северо-западной многофункциональной площадке в слое второй половины XVII века. Из них одно — почти целое, с отломанной ручкой, другое — незаконченное. Одно целое корыто найдено в коридоре между кварталами № II и IV в слое первой трети XVIII века (рис. 3.40 – *4*). Такие корыта аналогичны русским сельницам и лоткам, бытовавшим в русских городах и острогах Северо-Западной Сибири [*Белов и др., 1981.* – С. 30; табл. 20 – *1*; 21 – *2*]. Не исключено, что в туземной среде вид посуды с ручками возник под русским влиянием.

Детали бондарных изделий — 6 экз. (рис. 3.42 – *1–3*). В основном — клепки и донышки небольших бочек и шаек диаметром от 15 до 25 см. Лишь один фрагмент донышка принадлежал большой бочке диаметром около 60 см. Интересен единственный экземпляр крышки для шайки с ушками, имевший планку для запирания (рис. 3.42 – *2*). Подобные крышки известны по материалам раскопок Новгорода Великого с X века [*Колчин, 1968.* – С. 30; рис. *21*]. Очевидно, что это фрагменты изделий русского производства, аналогичные большой серии таких изделий, найденных при раскопках Мангазеи и других русских памятников в Сибири [*Белов и др., 1981.* – С. 24–25; табл. 9 – *1–5*; *Окладников, 1951.* – Табл. 15; *Алексеев, 1996.* – С. 36–37].

Блюдо круглое (тарелка) — 1 экз. Найден фрагмент большого деревянного блюда диаметром около 30 см, выточенного на токарном станке и близкого по форме современным фаянсовым и керамическим суповым тарелкам. Подобные изделия известны из раскопок Мангазеи и, безусловно, соотносятся с кругом русских бытовых предметов XVII века [*Белов и др., 1981.* – С. 31; табл. 23 – *1–4*]. Следующий тип деревянной посуды составляют ложки, которые по причине близости формы и функционального назначения рассматриваются вместе с костяными.

Ковши-ложки — 67 экз. (рис. 3.43–3.45). Этот вид объединяет изделия близкой формы, хотя и имеющие определенные функциональные различия, которые в некоторых случаях обусловлены лишь размерами предмета. Изделия этого вида делятся на две группы: деревянные — 51 экз. и костяные — 16 экз.

Деревянные ложки включают три типа: большие (котловые) ложки, ковши и малые (индивидуальные).

Тип I — большие (котловые) ложки — 38 экз. (рис. 3.43 – *1–2*; 3.44 – *1–3*). В коллекции имеются 13 целых и 25 фрагментов деревянных котловых ложек. Все такие ложки изготовлены из березы и имеют форму подпрямоугольной неглубокой чаши с тонкой длинной ручкой. Общая длина таких ложек колеблется в пределах от 24 до 34 см. При этом максимальные размеры чаши составляют 12 × 10 см, а длина рукояти — 24 см. По форме чаши (черпательной части) выделяются три основных варианта: с округлой чашей, подпрямоугольной и многоугольной (пятиугольной) формы. Зачастую на внутренней поверхности чаши нанесен узор. Рукояти удлиненные, овальные в сечении, иногда украшены прорезями или трехгранно-выемчатой резьбой, на концах некоторые имеют отверстие в форме маленькой арки, вероятно, для ремешка (петли). Прямые аналоги таких ложек отсутствуют. В целом они близки подобным предметам материальной культуры аборигенного населения Северо-Западной Сибири [*Мартин, 2004.* – С. 66–67; табл. 7 – *7–10*; *Сирелиус, 2001.* – С. 279], но отличаются формой рукояти.

Тип II — ковши — 2 экз. (рис. 3.44 – *4, 5*). Эти изделия близки по форме и размерам котловым ложкам. Ковши имеют форму полусферической чаши диаметром до 10 см, снабжены тонкой длинной ручкой округлого сечения длиной также около 10 см. Они, вероятно, были произведены на месте, но по формальным признакам более близки русской посуде из раскопок Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 27, 28; табл. 13, 14], нежели туземным образцам XIX–XX веков [*Мартин, 2004.* – С. 66–67; табл. 7 – *7–10*].

Тип III — малые (индивидуальные) ложки — 13 экз. (рис. 3.45 – *10–15*). В коллекции имеются четыре целых и девять фрагментов индивидуальных ложек из дерева. Эти ложки отличаются небольшими размерами (общая длина до 14 см), овально-вытянутой формой черпательной части (до 7 × 4 см), небольшой рукоятью. Бытовало два варианта таких ложек. Первый — с овальной неглубокой черпательной частью и тонкой удлиненной ручкой (рис. 3.45 – *10, 11, 14, 15*). Эти ложки не имеют прямых аналогов и, очевидно, представляют местный тип посуды. Второй вариант — с эллипсовидной черпательной частью (чашей), расширяющейся к одному краю, с короткой рукоятью круглого сечения, примыкающей к сужающейся части (рис. 3.45 – *12, 13*). Такие ложки хорошо известны по материалам раскопок Мангазеи и, скорее всего, являются русскими изделиями [*Белов и др., 1981.* – С. 27; табл. 12].

Все ложки, изготовленные из кости (рога оленя) или бивня мамонта, имеют небольшие размеры (до 14 см) и могут быть охарактеризованы как индивидуальные.

Малые (индивидуальные) ложки из кости — 16 экз. (рис. 3.45 – *1–9*). В коллекции имеются восемь целых и восемь фрагментов подобных изделий. Костяные ложки отличаются от деревянных большим разнообразием форм. Их можно разделить на три подтипа.

Первый подтип — ложки вытянутой эллипсовидной формы, без рукояти, с отверстием для подвешивания на одном крае (рис. 3.45 – *1*). Они изготавливались из рога северного оленя.

Второй подтип — ложки в форме вытянутой пластины, с неглубокой, прямоугольной формы черпательной частью, имеющие плоскую рукоять, которая в месте перехода в чашу имеет практически одинаковую с ней ширину (рис. 3.45 – *5, 6, 8, 9*). На конце рукояти имеется отверстие для подвешивания. Такие ложки изготовлены, в основном, из бивня мамонта.

Третий подтип — ложки с вытянутой, овальной или подпрямоугольной формы черпательной частью, с тонкой (овальной или округлой в сечении) рукоятью, имеющей, как правило, на конце отверстие для подвешивания (рис. 3.45 – *2–4, 7*). Они изготавливались, преимущественно, из рога северного оленя.

Костяные ложки не имеют аналогов в современной традиционной культуре аборигенов Северо-Западной Сибири. Вероятнее всего, эти ложки отражают этническую специфику материальной культуры разных групп древнего автохтонного населения городка.

Группа 4. Берестяная посуда.

На территории раскопа, как в постройках, так и в пространстве между ними, а также на улице между кварталами, найдено множество фрагментов и целых берестяных емкостей — 290 экз. (рис. 3.46–3.50; *прил. III.* – Табл. I). Морфологически всю берестяную утварь можно разделить на несколько типов: короба (туеса); куженьки (корытца) большие и маленькие (индивидуальные, детские); короб-кузовок. Изделия одного типа, несмотря на одинаковую форму, могли иметь различное функциональное назначение. Такие примеры нам дает современная этнография. Круглые туеса могли использоваться и для хранения пищевых запасов, и как короба для женского рукоделия. В последнем случае они украшались орнаментом. В больших прямоугольных берестяных корытах могли хранить ягоды и рыбу. На некоторых таких корытах встречены процарапанные ножом знаки в виде косой решетки.

Вид 1 — ***короба (туеса)*** — 173 экз. (рис. 3.46–3.48). Найдено два целых и 152 фрагмента берестяных коробов и, кроме того, 12 целых и два фрагмента крышек для коробов. По функциональному использованию можно выделить два типа коробов.

Тип I — короб цилиндрический для хранения пищевых продуктов (рис. 3.45 – *1–4*). Такие короба имеют диаметр от 15 до 60 см, но большие встречаются редко. Основная масса коробов имеет диаметр 20–25 см. Высота стенок туесов всех диаметров обычно не превышает 20 см, но в редких случаях достигает 30 см. Стенки короба сделаны из прямоугольной полосы бересты, изогнутой белым слоем внутрь. Края полосы наложены друг на друга и сшиты. К верхнему краю (иногда с двух сторон) через верх пришиты обручи, с подложенной изнутри полоской бересты. Крышка вставная, из двух разнонаправленных (для придания жесткости) слоев бересты, сшитых двойными, широко расставленными стежками. Днище состоит из двух слоев бересты, сложенных разнонаправленно. Диаметр днища немного превышает диаметр короба. Нижний край цилиндра (образованного стенками короба) загибается наружу (в месте загиба верхние слои бересты

надрезаются), стыкуется с краем днища, оборачивается тонкой полосой бересты и прошивается насквозь по всему диаметру короба. Изначально, по-видимому, все короба имели крышки, изготовленные из двух слоев бересты, но при раскопках их найдено значительно меньше. Этот тип посуды до настоящего времени бытует в культуре хантов, живущих традиционным хозяйством [*Лукина, 1985.* – С. 68; рис. 27 – *1, 3*].

Тип II — короб для швейных принадлежностей (рукоделия) — 3 экз. (рис. 3.47 – *1–5*; 3.48 – *1–5*). Их конструкция аналогична вышеописанным туесам. Основное отличие заключается в размерах и наличии орнамента. Часть таких коробов идентифицируется только по фрагментам орнаментальных частей — *аппликаций* (11 экз.), изготовленных из бересты или лыка: таких в коллекции имеется пять законченных и шесть небольших фрагментов (рис. 3.48 – *4, 5*). По способу орнаментации выделяются две разновидности туесов.

Первая разновидность — с выскобленным орнаментом (рис. 3.47 – *1–5*; 3.48 – *1–5*). В постройке № 6 периода конца XVII века найдены фрагменты туеса с повторяющимся стилизованным изображением тетерева. Судя по тому, что этот вид птиц на данной территории не водится, вероятно, это изделие могло быть привезено с более южной территории в составе приданого остяцкой невесты. Крышки таких туесов также имели орнамент. Подобные короба и сейчас бытуют в традиционной культуре хантов.

Вторая разновидность — с нашивным плетеным орнаментом (рис. 3.48 – *4*). Такие короба отличаются небольшими размерами, более аккуратным исполнением и плетеным накладным орнаментом из бересты, лыка или травы. Найдено три фрагмента небольших коробов, с низкой (8–9 см) стенкой, на которую был нашит сложный орнамент, сплетенный из тонких берестяных полос двух цветов (в одном случае из тонкой древесины — лыка), образующих чередующиеся ромбы (рис. 3.48 – *5*). Все фрагменты найдены в пределах жилой зоны городка. В этой же разновидности туесов для рукоделия особо отметим коробку с прямоугольным дном размерами 22 × 20 см и высокими (20 см) стенками, декорированными наклеенным и прошитым берестяным орнаментом с композицией, не поддающейся пока интерпретации. Это единственный экземпляр, и судя по нахождению на северо-западной многофункциональной площадке, его также мог привезти в городок кто-либо из жителей близлежащих территорий. Прямых аналогов таких изделий и способа орнаментации пока не найдено.

Вид 2 — ***корыта (куженьки)***, прямоугольные берестяные корытца с низкими бортами — 73 экз. (рис. 3.49; 3.50). В коллекции 26 целых и 47 фрагментов таких изделий. Их максимальные размеры — до 60 × 40 см. Корытца различаются по качеству изготовления. В их основе — четырехугольный кусок бересты, углы которой загнуты «конвертом», и таким образом созданы стенки. В самом простом варианте конструкция скреплялась тонкими прутами, которыми прошивались завернутые края. В другом случае вдоль внешнего края корытца изнутри или снаружи прокладывались деревянные пластинки или прутья ивы, которые кедровым корнем или саргой пришивались к стенке через край.

Тип I — большие корыта (рис. 3.50 – *1, 2*). К ним отнесены корыта размерами от 40 × 20 см до 60 × 30 см. Все большие берестяные корыта отличают грубое исполнение и отсутствие какого-либо декора. Очевидно, такие корыта употреблялись для хранения сырых продуктов (рыбы, мяса) или полуфабрикатов. Форма и конструкция таких корыт аналогична современным, используемым в быту хантами и ненцами [*Лукина, 1985.* – С. 65–66; рис. 26 – *1, 3*].

Тип II — малые корытца (тарелки?) (рис. 3.49 – *1–5*). Размеры таких корыт составляют от 15 × 8 см до 26 × 18 см. Эти корытца сделаны более тщательно, и на некоторых из них был нанесен скобленый орнамент (изображения) или аппликация из орнаментальных берестяных полос. В каждом случае орнамент представляет собой многократное воспроизведение одного элемента узора. Возможно их использование в качестве индивидуальных тарелок для готовой пищи, в том числе, вероятно, и ритуальной. В постройке № 6 периода первой трети XVIII века найден фрагмент крышки туеса, изготовленной из корытца с осложненным изображением медведя (рис. 3.47 – *1*); видимо, трепетное отношение к персонажу не позволило владельцу просто выбросить пришедший в негодность предмет. В хозяйственном помещении постройки № 8 в слое конца XVII века обнаружено берестяное корытце с подобным изображением (рис. 3.50 – *1*). У многих туземных народов Западной Сибири медведь считался священным животным и изображался только на культовых предметах [*Рындина, 1994.* – С. 356–357; рис. 22 – *2, 4*; 24 – *1–2*; 28 – *1–3*; *Молданова, 1999.* – С. 146–148; рис. 21]. По-видимому, орнаментированные корытца можно интерпретировать как ритуальную посуду.

Вид 3 — ***кузовок*** — 1 экз. Найденное изделие имеет размеры 18 × 12 см и по современной классификации может относиться к типу кузовков для сбора ягод («набирушек») [*Лукина, 1985.* – С. 66–67; рис. 26 – *5*]. Это единственное изделие такой формы, обнаруженное в городке. Больших (заплечных) кузовов, имеющих аналогичную форму и конструкцию, используемых и ныне хантами для транспортировки и хранения ягод, не найдено. Очевидно, это связано с тем, что население почти не занималось заготовкой ягод.

Группа 5. Кухонные принадлежности.

Лопатки для помешивания — 5 экз. (рис. 3.51 – *1–3*). Найдено четыре целых деревянных и одна костяная лопатка для размешивания пищи в котле. Они имеют вид вытянутой пластины, сужающейся к одному краю. Максимальная длина лопаток достигает 28 см, на конце ручки может быть отверстие для подвешивания. Подобные мешалки используются до сих пор у народов Севера как в процессе приготовления пищи, так и для вымешивания теста [*Лукина, 1985.* – С. 71; рис. 29 – *8*].

Инструменты для очистки рыбы от чешуи — 26 экз. (рис. 3.51 – *4–8*). В коллекции 23 целых и три фрагмента подобных предметов. Такие приспособления изготавливали из лопатки северного оленя. Инструменты для очистки чешуи и ныне бытуют в традиционной культуре народов Севера, особенно у тех групп, которые связаны не только с рыболовством, но и с оленеводством и охотой на дикого северного оленя.

ПРЕДМЕТЫ ИНТЕРЬЕРА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Крюки (5 экз.) по материалу делятся на две группы: деревянные и костяные (рис. 3.52).

Крюки деревянные очажные — 3 экз. (рис. 3.52 – *5–7*). Найдены деревянные крюки как для подвешивания котлов над открытым кострищем (постройка № 8), так и для чувала (постройка № 6). Подобными крюками пользуются современные ханты и ненцы в домашнем обиходе.

Крюки для подвешивания — 4 экз. (рис. 3.52 – *1–4*). Найдены костяные крюки из рога северного оленя хозяйственного назначения длиной 15,5 и 16,5 см с отверстием, предусматривающим крепление крюка посредством веревки (рис. 3.52 – *2, 3*). Однозначное хозяйственное назначение имел большой деревянный крюк, найденный в нежилой постройке № 3 (квартал № II), крепившийся при помощи полупетли, образованной естественным изгибом ветви (рис. 3.52 – *4*). Один небольшой крюк из рога северного оленя с точечным орнаментом предназначался для подвешивания колыбели (рис. 3.52 – *1*). Такие крюки известны по этнографическим материалам XIX–XX веков [*Мартин, 2004.* – С. 65–66; табл. 6 – *2*].

Колыбели — 6 фр. (рис. 3.53 – *1–5*). Найдены фрагменты от колыбелей двух типов: из бересты и из дерева. Колыбели из бересты декорировали аппликациями из травы или лыка (рис. 3.53 – *4, 5*). Колыбели из дерева — рисованным орнаментом (рис. 3.53 – *3*). Оба типа изделий известны у аборигенного населения Севера [*Мартин, 2004.* – С. 65–66; табл. 6 – *2*].

Держатели фитиля лампы (лампа?) — 17 экз. (рис. 3.54 – *6*). Эти предметы изготовлены из медного листа и имеют форму небольшой ложечки с втулкой. Их максимальные размеры не превышают 5,5 × 3,5 см. Небольшие размеры и отсутствие сколько-нибудь значительной емкости для жира не позволяют однозначно отнести такие изделия к лампам, известным у юкагиров. Юкагирские лампы, изготовленные из медного или железного листа, выполнены в форме небольшой чаши, один край которой скручен в конус. В чашу наливался рыбий или олений жир и складывался фитиль из сфагнума или ткани, конусообразным концом лампа монтировалась в щель между бревнами стены [*Иохельсон, 2005.* – С. 583–584; рис. 52]. Подобные предметы также известны на городище Мункысь Урей, относящемся к концу XVI – началу XVII веков, но интерпретированы автором исследований как тигли для олова [*Семёнова, 2005.* – С. 59; рис. 40]. Это мнение, по-видимому, изначально ошибочно, поскольку форма большинства из найденных предметов не позволит удержать расплавленный металл. Вполне логично интерпретировать маленькие медные ложковидные

изделия как держатели фитиля лампы, емкость которой (для жира) изготавливалась из дерева или бересты. Не исключено, что держатели могли монтироваться прямо в край небольшого деревянного корыта-лампы.

Примечательна хронология таких предметов. Например, из числа 150 фрагментов медных котлов найденных при раскопках городища Эмдер в Нижнем Приобье, авторами не выделено предметов, подобных найденным в слое Надымского городка и городища Мункысь Урей, относящихся к концу XVI – XVII векам [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 106]. Этот факт позволяет связывать появление светильников или держателей фитиля такой формы с началом русской колонизации региона. В этом случае остается не решенной проблема освещения подземных помещений в предшествующий период. Можно предположить, что в ранние периоды светильники могли иметь керамическую емкость или деревянную (берестяную), у которой держатель фитиля отсутствовал или был другой формы.

Кресальный набор — комплект приспособлений и материалов для добывания огня — представлен полностью: камни со следами ударов — огнивные кремни; кресала (огнива) — стальные пластины, при ударе которой о кремень высекалась искра; грибы-трутовики, из которых извлекался трут — материал для воспламенения; кожаный мешочек для хранения такого комплекта (рис. 3.54 – *1–5*).

Кресала — 3 экз. (рис. 3.54 – *1–3*). По морфологическим признакам их можно разделить на две группы.

Первую группу составляют два кресала с одной ударной плоскостью (односторонние). Одно имеет вид широкой прямоугольной пластины, снабженной с одной стороны ажурной рукоятью в форме двух смыкающихся на середине дужек, завершающихся петлями. Такое кресало найдено в заполнении постройки № 8, относящемся к концу XVII – первой трети XVIII веков. Второе кресало — с овальной пластиной, расширяющейся в средней части, с рукоятью из загнутых в одну сторону узких концов пластины. Кресала подобной формы были распространены на обширной территории лесной зоны Евразии от Латвии до Западной Сибири в XV–XVII веках [*Мугуревич, 1989.* – С. 84; рис. 49; *Колчин, 1959.* – С. 103; рис. 87 – *4*; *Семёнова, 2001.* – С. 97; рис. 21 – *1*; *Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 131–132; рис. 45 – *14, 17*]. В Северо-Западной Сибири аналогичные изделия известны из слоя XVI века городища Ендырское I и комплекса XVII века могильника Усть-Балык [*Семёнова, 2001.* – С. 97; рис. 21 – *1; Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 131–132; рис. 45 – *14, 17*]. Найденное нами кресало можно охарактеризовать как самое позднее и продлить время бытования подобной формы до первой трети XVIII века.

Вторую группу составляют кресала с двумя ударными плоскостями (двусторонние). В этой группе также кресало только одного типа. Оно имеет подпрямоугольную (овальную) форму, со слегка выгнутыми длинными (ударными) сторонами и выемками на середине торцевых граней. Конструктивно кресало представляет собой две широкие изогнутые пластины, соединенные ажурной сеткой колец и снабженные петлями в торцевых выемках. Изделие найдено в пространстве квартала № I в слое конца XVI – первой трети XVIII веков. Прямых аналогов данному изделию пока не обнаружено, но внешняя форма близка группе кресал, выполненных из цельной пластины (пластинчатых). Находки таких изделий хорошо известны в Приуралье и на территории Северо-Западной Сибири, имеют широкий временной диапазон бытования — от XV до XIX века [*Шутова, 1992.* – С. 39; рис. 48 – *1; Шапран, 1984.* – С. 94, 106; табл. 6 – *3*; *Семёнова, 2001.* – С. 97, 277; рис. 21 – *4; Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 131–132; рис. 45 – *26*; 80 – *15, 20*].

Камни для огнива — 44 экз. (рис. 3.54 – *5*). Неотъемлемая часть набора для добывания огня, но, в отличие от кресал, таких камней найдено значительно больше. Большинство из них имеет подпрямоугольную форму с ретушью на торцах. Такие кремни именуют пищальными, поскольку им придавали специальную форму для крепления в оружейном замке. В качестве огнивного кремня использовали разновидности скрытнокристаллических кварцев серого, серо-желтого и розового цветов.

Большое количество таких камней, возможно, связано с тем, что их ценили меньше, нежели огнива, но и не исключено, что в качестве кресал использовали металлические предметы, типологически не принадлежащие к этой группе изделий. Камень, пригодный для огнива, в окрестностях городка отсутствует, каких-либо следов от раскалывания камня (отщепов) в слое не обнаружено. Скорее всего, кремни были таким же предметом импорта, как и многие другие изделия. Подобные камни розового цвета известны из раскопок Мангазеи, но все они отнесены к категории пищальных кремней и также считаются привозными [*Белов, и др., 1981.* – С. 79; табл. 70 – *1–20*].

Сумочка для кресального набора — 1 экз. (рис. 3.54 – *4*). Единственное в данной коллекции изделие работы местных жителей. Имеется также одна сумочка, изготовленная из сукна, обшитая кожей и декорированная оловянными накладками. По этнографическим данным, такие сумочки бытовали в XIX веке, и, помимо кресала и кремня, в них хранились еще сухой трут из березового гриба и сухие щепки [*Мартин, 2004.* – С. 57–58; табл. 3 – *8*].

Судя по находкам таких изделий в могильниках XIX века и информации, полученной мною у местных жителей, способ добывания огня при помощи кресала и кремня бытовал у туземных народов Северо-Западной Сибири до середины XX века и исчез с началом массового появления спичек.

Сундуки и сундучные детали — 81 экз. (рис. 3.54 – *7–13*). Целых изделий не найдено, их наличие восстанавливается по многочисленным деталям. К деталям сундуков отнесены фрагменты жестяных пластин, замков, гвоздей и ключей. Большая часть предметов находилась в пространстве квартала № III в слое второй половины XVII – первой трети XVIII веков.

Накладки на замочную скважину — 5 экз. (рис. 3.54 – *12, 13*). В коллекции имеются четыре целые и один фрагмент железных накладок с одиночными и двойными замочными скважинами для миниатюрных ключей.

Замки сундука — 2 экз. (рис. 3.54 – *7, 9*). Найдено два врезных замка: один — в форме прямоугольника, второй — с наружной накладкой в форме символа карточного знака «пики».

Ключ — 1 экз. (рис. 3.54 – *11*). Изготовлен из железа и, судя по размерам, предназначался для большого навесного замка.

Гвозди обивочные — 30 экз. Маленькие железные гвозди относятся к типу обивочных. Их размеры не превышали 3 см, и они отличались большой шляпкой (рис. 3.54 – *10*). Судя по находке деревянной планки, обшитой жестью при помощи таких гвоздей, можно заключить, что их использовали для обивки сундуков.

Фрагменты пластин из жести — 43 экз. (рис. 3.54 – *8*). Фрагменты пластин достигают размеров 7,0 × 7,0 см. Большая часть их нарезана (нарублена), наподобие медных. В основном они не имеют орнамента, лишь на одной пластине виден точечный орнамент из сквозных отверстий.

«Замки коробейные» и гвозди нескольких разновидностей, а также «листы железа белого», то есть детали для изготовления сундуков, в большом количестве завозились в Сибирь [*Таможенные книги…, 2003.* – С. 85–136]. Особенно славились своими замочными изделиями в XVII веке кузнецы Устюга Великого, вероятно, с ним следует связывать основную массу изделий подобного типа, поступавших на Север [*Зиняков, 2005.* – С. 74].

Циновки — 3 экз. (рис. 3.53 – *6*). В коллекции имеются три фрагмента таких изделий. В городке были найдены циновки двух типов. Первый тип (2 экз.) — прямоугольные, сшитые из узких (до 5 см) полос, сплетенных из травы и нарезанных по длине циновки. Второй тип (1 экз.) — круглые, получаются при сшивании плетеной полосы по спирали (рис. 3.53 – *7*). Циновками, наряду со шкурами оленя, выстилали спальные места на нарах или на полу.

Веревки — 43 фр. (рис. 3.55 – *4, 5*). При раскопках обнаружено большое количество небольших обрывков и мотков веревки различного сечения. Веревки отличаются толщиной — диаметром от 0,7 до 1,4 см и сечением. По количеству прядей, сплетенных в веревку, их можно разделить на двух-, трех- и четырехжильные. Практически все веревки изготовлены из древесных растительных материалов.

Лопаты для снега — 8 экз. (рис. 3.55 – *1–3*). Найдено шесть целых деревянных лопат и два фрагмента. Ширина лопасти составляет около 15 см, наибольшая длина ручки — 140 см. Такие лопаты изготавливались из целого куска дерева и служили для отгребания снега от входа в жилище.

ПРЕДМЕТЫ ГИГИЕНЫ

Гребни — 9 экз. (рис. 3.56 – *4–9*). Всего найдено шесть целых и два фрагмента. Гребни можно разделить на два типа: трапециевидные и прямоугольные.

Тип I — трапециевидные двусторонние — 5 экз. (рис. 3.56 – *4, 5*). Они изготовлены из лошадиного копыта. Такие гребни имеют трапециевидную форму (меньшая сторона трапеции составляет около 5,6 см, большая — около 12 см), зубцы расположены с двух сторон, с одной стороны они более узкие и частые.

Тип II — прямоугольные двусторонние — 4 экз. (рис. 3.56 – *6–9*). Оба типа характерны для русских (новгородских) гребней XII–XV веков [*Рыбина, Розенфельдт, 1997.* – С. 20, 257, табл. 13–24, 21; *Древний Новгород, 1985.* – С. 99, рис. 188, 189; С. 100, рис. 192, 193]. Основное отличие этих гребней от новгородских — их большие размеры. Аналогичные гребни обоих типов были найдены при раскопках Мангазеи XVII века, но там трапециевидные гребни встречаются реже. Можно предположить, что такой тип гребней характерен для конца XVI – начала XVIII веков.

Гребни обоих типов являются для городка предметами привозными, импортными, за исключением прямоугольного гребня, сделанного из рога оленя. Помимо местного материала, этот гребень отличает наличие зубцов одинаковой толщины и частоты с обеих сторон. Видимо, он был изготовлен в городке.

Женские гигиенические пояса — ворон*'ы* — 26 экз. (рис. 3.56 – *1–3*). Служили для прикрытия половых органов. Такие пояса надевали с началом менструации и носили до смерти [*Абрамов, 1857.* – С. 334; *Мартин, 2004.* – С. 60, 61, 130; табл. 4 – *4, 5*; *Лукина, 1985.* – С. 37]. Большинство найденных на территории Надымского городка воропов — берестяные (23 экз.), но есть и кожаные (3 экз.) (рис. 3.56 – *2*). Все предметы имеют одинаковую форму и различаются лишь размерами. Берестяные воропы изготавливали из двух слоев, сшивая их через край, подобно крышкам берестяных коробов. Поэтому по краям изделия остаются отверстия от стежков. Воропы были найдены и непосредственно в постройках (№ 2, 6, 7, 8), и в пространстве кварталов № I и № II, и на северо-западной многофункциональной площадке. Некоторые из берестяных воропов были декорированы тканью, тонкими полосками бересты, пришитыми по краю и крест-накрест в круглом медальоне. Кожаные воропы представлены тремя целыми и одним фрагментом, все — с территории «остяцких» кварталов № I и № II. На поверхности одного кожаного воропа сохранились оттиски пришитого некогда орнамента из тонких травяных полосок.

3.5. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Подвижный образ жизни населения Надымского городка, перемещения на дальние расстояния — сезонные перекочевки, выезд на промыслы, военные походы, известные по письменным источникам, немыслимы без соответствующего транспортного обеспечения. Какие же средства передвижения использовали жители и в какой степени они могли обеспечить их хозяйственные и стратегические нужды, позволяют выяснить материалы раскопок.

НАЗЕМНЫЙ ТРАНСПОРТ

НАРТЕННЫЙ ТРАНСПОРТ. Существующая ныне в этнографической науке типология нарт не может быть напрямую перенесена на древние материалы, поскольку разработана на современных образцах и сведениях, которые созданы в условиях взаимодействия с русской индустриальной культурой. Кроме этого, ряд отличий, к примеру, между ненецкими оленьими и собачьими нартами, основан преимущественно на размерах саней и комплекте упряжи, связанных с грузоподъемностью и тягловым усилием, конструктивно же они идентичны [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 27, табл. 1 – *2*; С. 68, табл. 3 – *1*]. Такое основание для типологии найденных при раскопках деталей неприемлемо, поскольку мы имеем дело с фрагментами и неизвестным тягловым усилием — количеством животных в упряжке. Поэтому все обнаруженные детали нарт рассматриваются вместе, вне зависимости от размеров саней и предполагаемого тяглового способа (ручной, собачий, оленный), включая все элементы упряжи.

Нарты в коллекции представлены фрагментами и отдельными деталями — 83 экз. (54 фрагмента кузова нарт, 20 копыльев, 9 фрагментов полозьев) (рис. 3.57; 3.58 – *7–12*). По существующей типологической схеме ездовых нарт [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 20, 21; 43, табл. I], все они принадлежали нартам косокопыльного типа. Восстанавливаемые размеры нарт различны — от миниатюрной модели до больших, соответствующих современным образцам. Фрагменты маленьких моделей нарт и имитаций, которые не могли использоваться по прямому назначению, представлены в разделе, посвященном детским игрушкам. Нарты же утилитарные по форме копыльев и полозьев соотносятся с двумя основными вариантами, известными на территории Северо-Западной Сибири.

Таежный вариант косокопыльных нарт — 16 фр. (рис. 3.57 – *1–8*). Он идентифицируется по форме копыльев и, судя по их количеству, был преобладающим. К нему, вероятно, принадлежит основное число и других обнаруженных при раскопках деталей. По найденным деталям реконструируются некоторые параметры нарт. В пристрое к постройке № 8 (раскоп № 3) найдены копылья с перекладиной. Их размеры соответствовали серии самых больших из всех собранных подобных деталей. По ним реконструируемая ширина нартовой корзины составляла: в осях — 52 см, по внутренней части — 48,5 см. Общая высота нарты — 31,5 см, без учета толщины полоза и верхней планки корзины. Глубина корзины — 10 см. Судя по находкам других деталей, максимальная высота нарты этого типа не превышала 40 см, а максимальная ширина по краям полозьев — 60 см. Такая нарта имела более двух пар копыльев, скорее всего — 3–4, расстояние между которыми составляло около 50–60 см. Различаются левое и правое копылья. На левом копыле на верхней площадке есть скошенный паз с внутренней стороны, а ближе к перекладине — сквозное отверстие. На правом копыле нет скошенного паза, а вместо отверстия сделан продольный паз с наружной стороны копыла. Такие различия, возможно, связаны с тем, что это нарта упряжная — для оленей или собак, а пазы были связаны с системой управления оленем или упряжкой. Максимальная длина такой нарты составляла около 2,0–2,5 м.

Тундровый вариант косокопыльных нарт (4 экз. копыльев) (рис. 3.58 – *7–12*). Он также идентифицируется по форме копыльев. В отличие от таежных, такие нары имеют более удлиненную форму (пропорции) и округлое (овальное) отверстие для перекладины. Целых копыльев больших нарт этого варианта не найдено, но даже фрагмент позволяет охарактеризовать их как более массивные. Возможно, именно к этому варианту относится самый большой фрагмент полоза — шириной 11 см, с расстоянием между отверстиями для крепления копыльев 75 см. Недостаток материалов не позволяет реконструировать нарту в деталях. Можно лишь заключить, что ее размеры на 10–15 процентов превышали таежный вариант.

Фрагменты нартовых полозьев с вмонтированными копыльями не были найдены, поэтому их сложно идентифицировать как варианты нарт, но они заслуживают отдельного обзора, поскольку имеют явные различия.

Полозья для нарты — 9 экз. (рис. 3.57 – *5–7*; 3.58 – *11, 12*). У самых больших нарт полозья имели ширину 8–11 см и, судя по толщине изношенной части 2,5 см, изначальную толщину не менее 5 см. Интересна техническая деталь конструкции полозьев, которая была присуща, вероятно, обоим вариантам нарт, но только больших размеров. Это изначальное изготовление двухслойных полозьев, сшивавшихся тонкими деревянными штифтами (гвоздями) типа маленьких нагелей, через круглые сквозные отверстия. Такая система позволяла заменять только изношенную нижнюю часть, а не весь полоз, причем при стирании цельного полоза требуется также и замена копыльев. Возникновение такого приема, очевидно, связано с началом экспорта русских инструментов для деревообработки, а именно — железных наконечников дрелей («пёрок»), которые массово появляются лишь в конце XVI – XVII веков. В любом случае подобная технология могла возникнуть у населения, которому требуются частые перемещения на дальние расстояния (свыше 100–300 км), а в окружающей природной среде существует дефицит технологической древесины. Вероятно, этот факт указывает на то, что население городка осуществляло длительные поездки в тундровую местность, и позволяет выделить категорию ездовых (грузовых) нарт, перемещаемых оленем или собаками, отличающуюся крупными размерами и конструкцией полозьев. Вместе с этим, можно обособить категорию средних нарт с цельнодеревянными полозьями, которые, вероятно, обеспечивали транспортировку грузов на короткие расстояния (10–30 км.). Судя по размерам некоторых копыльев, в рамках обоих вариантов изготавливали

двухкопыльные (с двумя парами копыльев) нарты с шириной корзины около 15 см и общей длиной около 60 см. Сани таких размеров превышают игрушечные, но явно малы для езды на упряжке. Очевидно, бытовали разновидности нарт, предусмотренных для перемещения человеком: так называемые ручные. Такие нарты до сих пор используются в традиционной культуре аборигенов Севера при индивидуальной охоте.

Детали упряжи и оленеводческие принадлежности — 61 экз. предметов и фрагментов, которые относятся к данной категории изделий, и три заготовки для них (рис. 3.58 – *1–6*; 3.59; 3.60). Практически все эти детали выполнены из кости и рога. Они составляют две группы: детали недоуздков и блоки крепления упряжи к нарте. Детали недоуздков представляются отдельно, поскольку могли использоваться в разных комплектах.

Налобные пластины — 32 экз. (рис. 3.59 – *1, 2*; 3.60 – *1–7*). Изготовлены из рога оленя. Имеют форму изогнутого под прямым углом стержня, на концах которого — отверстия для крепления с другими элементами недоуздка. У большинства аборигенов Субарктики входят в комплект сложного недоуздка: с двумя пластинами — для передового оленя и четырьмя пластинами — для пристяжного [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 13, рис. 3; С. 22].

Нащечные пластины — 19 экз. (рис. 3.59 – *1, 3–6*). Изготовлены из рога оленя или бивня мамонта. Имеют форму, близкую к вытянутому прямоугольнику, и три отверстия для крепления. Ныне у коренных жителей субарктического региона такие изделия входят в комплект сложного недоуздка с четырьмя пластинами для пристяжного оленя [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 13, рис. 3; С. 22].

Блоки — застежки недоуздка (пясики) — 2 экз. (рис. 3.59 – *7, 8*). Изготовлены из рога оленя. Имеют форму вытянутого овала с приостренными концами и одно или два отверстия посередине. Обычно такие блоки входят в комплект сложного недоуздка с четырьмя пластинами для пристегивания второго оленя [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 13, рис. 3; С. 22].

Блок крепления нарты — 1 экз. (рис. 3.58 – *1–6*). Изготовлен из дерева. Выполнен в форме конусообразного стержня овального сечения, с двумя отверстиями для крепления. Отверстие на одном конце — круглое, на втором — в виде арки. Применяется для крепления нарты к тягловым животным. Общая длина — 20 см — определяет его использование в качестве элемента крепления большой нарты к упряжке оленей.

Блоки для аркана («тынзяна») — 8 экз. (рис. 3.58 – *2–4*). Имеют форму, аналогичную вышеописанному блоку крепления нарты, только отличаются значительно меньшими размерами — 4–6 см в длину — и изготовлены из кости. Блоки использовали для затягивания петли аркана — орудия оленеводов для отлова оленей из стада.

Ближайшие аналоги найденных при раскопках Надымского городка деталей оленьей упряжи и нарт происходят из материалов раскопок русского города Мангазея [*Белов и др., 1981.* – С. 69–73; табл. 59–63]. Причем особо следует отметить факт, что если костяные детали мангазейских недоуздков и блоки арканов подобны надымским, то детали нарт близки лишь в общем и, наоборот, имеют больше отличительных черт, определяющих их русское происхождение. Это обстоятельство требует отдельного изучения на основе комплексного исследования материалов обоих памятников.

Наличие элементов оленьей упряжи и особенно факт ее изготовления непосредственно в городке подтверждают не только функциональную принадлежность больших нарт как оленьих, но и наличие у населения городка транспортного оленеводства. Причем заготовки и детали оленьей упряжи были найдены по всей площади городка, в том числе в остяцких домах, что свидетельствует о связи всех жителей с этой отраслью хозяйства.

Пока не совсем понятно, какое максимальное число оленей запрягали в нарту. Дело в том, что в слое не обнаружено ни одного скопления деталей оленьей упряжи. В самом позднем слое, относящемся к первой трети XVIII века, в разных частях постройки № 8 найдено лишь два комплекта для сложного недоуздка, один из которых включает две налобные пластины, а второй, помимо налобных, — нащечные. Все остальные детали и заготовки залегали индивидуально практически во всех помещениях и за пределами жилой зоны.

В определенной степени возможность использования только одного оленя косвенно подтверждается фактом присутствия в городке оленя лесного подвида, более крупного, чем тундровый (сравнимого с лосем) [*Кардаш, А-2001–2006: Косинцев*]. Судя по количеству и элементам набора недоуздков, в упряжках использовали не более двух оленей (передовой и пристяжной).

Таким образом, на основании вышеописанных материалов можно заключить, что у населения Надымского городка бытовали косокопыльные нарты двух вариантов: таежного и тундрового. В каждом из них имелось по три разновидности: большие, средние и маленькие, которые отличались размерами и конструктивными элементами. Большие нарты могли перемещать как при помощи оленя (двух), так и нескольких собак. Маленькую нарту могли тянуть человек или одна собака. Размеры промежуточных нарт могли зависеть от количества и вида тягловых животных.

Лыжи — одно из древнейших сухопутных средств передвижения, без которого перемещение людей зимой по снегу, особенно на Крайнем Севере, было бы немыслимо. Общее количество найденных при раскопках заготовок, целых экземпляров и фрагментов лыж составляет 31. (рис. 3.61 – *1–9*). В них представлено два основных типа: лыжи-голицы и лыжи, подшитые мехом (подволоки).

Лыжи-голицы — 29 экз. (рис. 3.61 – *1–6, 9*). Судя по количеству фрагментов, они были основным типом, использовавшимся жителями городка. В коллекции имеются одна заготовка, две целые лыжи, 26 фрагментов, из которых три — большие. Все они относятся к одному типу не подшитых мехом, прямых скользящих лыж, без высокой (приподнятой) ступательной площадки. Ступательная площадка располагалась непосредственно на лыжине, со смещением к передней части, и имела два выступа по краям. В каждом выступе находилось по два сквозных отверстия для продевания веревок, с помощью которых осуществлялось закрепление на лыжине ноги. Максимальные размеры лыж реконструируются по единственному целому экземпляру и заготовке. Судя по ним и другим фрагментам, средняя длина лыж составляла от 1,5 до 1,7 м.

Наличие в коллекции лишь одного целого экземпляра не позволяет построить детальную типологию. Можно дать только общую характеристику замеченных отличий и выделить один подтип. Основные различия между найденными лыжами — это размеры: длина, которая, вероятно, связана с ростом человека, и форма заднего окончания лыжи, которая определяет индивидуальность идущего на них человека. По отпечатку такого следа можно было узнать прошедшего.

Первый подтип — голица с острым вытянутым носком и суженным и приостренным задником (рис. 3.61 – *3*). Длина найденной лыжи этого подтипа — 165,6 см, ширина — 15,9 см, толщина — 1,2 см, высота выступов крепления — 1,2 см. Вытянутый носок лыжи, вероятно, был технологическим элементом, обеспечивавшим загибание переднего конца.

Все находки фрагментов лыж сосредоточены в пределах пространства оборонительно-жилого комплекса. Это связано с тем, что вышедшие из употребления лыжи, которые были стерты так, что не могли удерживать человека на снегу, использовали в составе домостроительных конструкций для отделки внутренних стен жилых домов, для настилания полов в хозяйственных постройках «остяцких» кварталов. Судя по находке заготовки, такие лыжи изготавливали в городке (рис. 3.61 – *1*).

Подобные лыжи были найдены и в Мангазее, но отнесены к предметам материальной культуры русских жителей [*Белов и др., 1981.* – С. 66, 67; табл. 58]. К сожалению, у всех найденных в Мангазее лыж-голиц задняя часть плохой сохранности или отсутствует, что не дает возможности для полноценного сопоставления. Не исключено, что этот тип лыж бытовал параллельно в русской и туземной культурах, но имел незначительные культуроопределяющие отличия.

В современной традиционной культуре аборигенов региона такие лыжи используют для перемещения на короткие расстояния, вблизи дома, например, для проверки ловушек на мелких зверей и птиц. Ими пользуются в большей степени женщины и дети, поэтому их считают женскими лыжами [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 80, 89; табл. 2 – *1*]. Вполне вероятно, что найденные лыжи-голицы использовали женщины для добычи куропатки и зайца в окрестностях городка, причем, скорее всего, для этой же цели могли применять вышеописанные маленькие нарты и лопаты для снега.

Лыжи-подволоки — 2 экз. Это небольшие фрагменты высоких ступательных площадок. В связи с отсутствием достоверных находок самих лыж-подволок к этому типу лыж данные площадки причислены предположительно. Аналогичными ступательными площадками снабжались преимущественно подшитые лыжи, большое количество которых обнаружено при раскопках Мангазеи [*Белов и др., 1981.* – С. 62–66; табл. 55–57].

В современной этнографической литературе подшитые лыжи с высокой ступательной площадкой отнесены к приобскому типу лыж и считаются традиционным зимним средством передвижения коренных народов Севера, в первую очередь, хантов и манси [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961.* – С. 80, 85, 88; табл. 1 – *4*; С. 103, табл. VI]. В связи с полученными в результате раскопок новыми фактами это мнение может быть несколько откорректировано. Очевидно, подшитые лыжи с высокой ступательной площадкой изначально были одним из типов русских лыж, которые в XVI–XVII веках были привнесены на территорию Северо-Западной Сибири при колонизации региона. В процессе культурного взаимодействия между русскими переселенцами и местным населением происходило заимствование туземцами более совершенных средств передвижения, наиболее оптимальных в местных ландшафтно-климатических условиях. Следует отметить, что процесс этот был длительным, поскольку требовал воспроизводства технологии. Все новшества очень медленно входили в быт аборигенов, и многие из предметов, такие, к примеру, как подшитые лыжи с высокой ступательной площадкой, которые ныне считаются неотъемлемой чертой их материальной культуры, в полной мере заимствованы не ранее середины XVIII века. Это же мнение, пожалуй, будет справедливо и для средств передвижения другого типа — водных.

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

В надымской коллекции представлен фрагментами и небольшими деталями судов. Всего в нашем распоряжении 135 предметов из дерева и железа, на основании которых мы можем реконструировать эту часть культуры жителей городка (рис. 3.62; 3.63; *прил. III.* – Табл. I).

Следует заметить, что приведенный выше анализ материалов комплексного исследования: предметов материальной культуры, сведений, а также природных условий — вызывает сомнение в наличии развитого судостроения и судоходства у туземного населения региона. Поэтому при анализе средств водного передвижения представляется целесообразным ориентироваться на русскую типологию судов и терминологию XVII–XVIII веков как достаточно разработанную и к тому же бытовавшую на данной территории. Обобщающим понятием, применяемым в русской деловой письменности с XVII века, для всех типов водных средств передвижения был термин «судно» [*Панин, 1985.* – С. 105]. Все обнаруженные судовые артефакты (фрагменты) подразделяются на две основные группы, которые соответствуют двум основным типам судов.

Фрагмент **большого судна (морского) — коча** — 1 экз. Представлен фрагментом доски бортового набора со следами прошивки кедровым корнем. Он находился среди остатков конструкций постройки № 4 «остяцкого» квартала № II, относящихся к середине XVII века. От кочей происходят и найденные на всей территории городка железные судовые скобы и их фрагменты, а также, вероятно, и средней величины железные гвозди. Скобы использовались в русском кораблестроении для скрепления судовых деталей, в частности, досок бортового набора.

Скобы судовые — 82 экз. (рис. 3.63 – *13*). В коллекции имеются 38 целых и 44 фрагмента судовых (кочевых) скоб из железа. Найденные в городке скобы незначительно различаются по размерам, имеют две разновидности по форме.

Первую составляют скобы в форме прямой вытянутой пластины с заостренными концами, общей длиной 7–8 см и шириной 0,5–0,7 см. Они были изогнуты в виде угла или буквы «П». Таких скоб подавляющее большинство. Вторую разновидность составляют скобы в форме вытянутой пластины с овальным расширением в центральной части. При аналогичной общей длине ширина пластины достигала 1,5–1,7 см. Такие скобы использовали для крепления планки, закрывающей щели.

Гвозди средней длины (судовые?) — 7 экз. (рис. 3.63 – *12*). Кованые железные гвозди длиной 6–8 см. Возможно, они также были выдернуты из судовых конструкций надстройки корабля. Практически все они происходят из слоя конца XVII – первой трети XVIII веков.

Принадлежность доски бортового набора и железных скоб к русским кочам — морским парусно-гребным судам — не вызывает сомнения. Во-первых, никакие иные речные суда не могли ходить по акватории «Моря Мангазейского» (Обской губы), а во-вторых, подобные судовые детали — это самая многочисленная категория находок, обнаруженных при раскопках Мангазеи [*Белов и др., 1980.* – С. 123–124; табл. XXXIV – *3*]. И если кочевую доску можно считать находкой случайной, то вряд ли было случайным попадание в культурный слой судовых скоб. Скорее всего, их преднамеренно извлекали из морских судов, потерпевших крушение на «Мангазейском морском ходе» в Обской губе. Судя по количеству найденных скоб, в городок их привозили в большом количестве. Очевидно, они были одним из источников сырья в кузнечном производстве для изготовления наконечников стрел и клинков ножей.

Малые суда (речные) — лодки можно охарактеризовать по серии фрагментов — 35 экз. (рис. 3.62; 3.63). Найденные фрагменты принадлежали легким гребным лодкам, корпус которых изготовлен из целого ствола дерева (осины). Кроме частей корпуса, при раскопках были обнаружены фрагменты дополнительных бортов. По наличию фальшборта эти лодки составляют два основных типа.

Тип I — лодки, изготовленные из цельного ствола дерева и снабженные по всей длине нашивными бортами. Поперечные распорки устанавливались в фальшбортах. По способу нашивки выделяются два варианта, которые отражают локальные традиции изготовления и, очевидно, являются определяющими для идентификации места их производства.

Первый вариант отличает нашивка борта короткими вертикальными, параллельными друг другу стяжками (рис. 3.62 – *1, 2*). Данный способ атрибутировать пока не удалось. Ширина такого нашивного борта составляла 18 см, он увеличивал высоту лодки на 15 см. Толщина борта — 1 см, на верхнем крае имелось расширение до 2 см, в которое врезались распорки. Трещины на досках, возникшие, вероятно, в процессе изготовления, ремонтировались путем соединения одиночными стяжками. При таком ремонте с внутренней стороны корпуса трещину прикрывали тонкой планкой.

Второй вариант в целом аналогичен первому, но его отличает крепление бортовой доски при помощи длинных наклонных стяжков, параллельных друг другу с наружной стороны и перпендикулярных с внутренней (рис. 3.62 – *3, 6, 7*). Этот способ аналогичен способу сшивания досок бортового набора русских кочей и называется «поморским», что явно определяет место изготовления подобных лодок мастерами Русского Севера. Причем, что характерно, трещины в корпусе судна были отремонтированы путем стягивания при помощи такого же шва.

Судя по количеству фрагментов нашивных бортов, преобладающим был тип лодок с бортом, нашитым короткими вертикальными, параллельными друг другу стежками. По размерам фрагментов борта и расстоянию между перекладинами общая длина лодок этого типа реконструируется в пределах 5,0–5,5 м, а максимальная ширина по размерам найденной перекладины (рис. 3.62 – *8, 9*) восстанавливается в пределах 0,60–0,65 м.

Тип II — лодки, изготовленные из цельного ствола дерева, без фальшборта. Поперечные распорки устанавливались непосредственно в край борта. Обнаружен только один фрагмент лодки такого типа.

Все найденные фрагменты принадлежат лодкам, выдолбленным при помощи специального тесла из целого ствола осины. Изготовлены все лодки были одинаково — с использованием техники определения толщины борта (выборки) с помощью деревянных штифтов цилиндрической формы. Диаметр штифтов практически одинаковый, с разницей в 1,0–1,5 мм. Кстати, именно наличие подобных отверстий со штифтами является показателем для идентификации доски как фрагмента судна.

Технология изготовления подобных лодок достаточно хорошо известна и продолжает бытовать в настоящее время у коренных народов Северо-Западной Сибири [*Лукина, 1985.* – С. 18; рис. 2, 5]. Судно делают из цельного ствола осины путем выдалбливания сердцевины ствола при помощи топора и тесла. Единой толщины корпуса добиваются при помощи деревянных штифтов одного размера, которые вставляют с наружной стороны ствола в предварительно просверленные дрелью отверстия. Отверстия просверливают поперечными рядами на равном расстоянии. После извлечения сердцевины древесину распаривали и разгибали в форме будущего судна. Большая часть лодок дополнительно была снабжена нашивными бортами. Во всех случаях для сохранения формы в корпус вставляли ряд поперечин, которые укрепляли в отверстиях, прорезанных в краях бортов либо нашивных фальшбортов [*Салымский край, 2000.* – С. 131, 154–155].

В процессе раскопок ни фрагментов тесел или дрелей, ни специфической стружки, образующейся при работе таким инструментом, ни других деревянных приспособлений, необходимых для изготовления лодки, обнаружено не было. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что судостроением жители в городке не занимались, очевидно, все лодки этого класса были привозными, и часть из них имела северорусское происхождение.

Весла — 10 экз. (рис. 3.63 – *1–10*). Это неотъемлемый элемент маломерного гребного судна. Обнаружены фрагменты рукоятей деревянных весел, поперечные навершия-рукояти и два фрагмента гребной части (пера). По найденным фрагментам форма весла достоверно не восстанавливается. Возможно, некоторые весла могли производиться на месте.

По западносибирской терминологии XVII–XVIII веков, известной по серии делопроизводственных документов, лодки подобного класса именовались: «лотки набойницы», «лотки малые», «судна однодревые без набои», «однодревой стружок», «облас», «облас остяцкой» [*Панин, 1985.* – С. 97–105]. И если в этом перечне первые пять терминов, очевидно, называют русские типы речных судов, то последнее название, скорее, именует отдельный тип малых судов, изготавливаемых туземным населением региона.

Лодки, вытесанные из целого ствола дерева, часто именуют «однодревками», что отражает их конструктивную особенность. Ныне названий для таких лодок существует несколько: хантыйские — «рыт» или «хоп» и русские — «осиновка», «облас» или «ветка», также бытующие в лексиконе аборигенов. Сейчас достоверно соотнести конкретное название с конкретным типом лодки достаточно сложно, некоторые термины имеют локально-региональную традицию. В разных частях региона один и тот же тип лодки могут называть разными словами. При всей кажущейся многочисленности публикаций эта тема разработана недостаточно.

Попытаемся соотнести выделенные нами типы лодок с существовавшими в то время. Скорее всего, первый тип лодок соответствует термину «судна однодревые» с набоем и является одним из типов русских «лоток набойниц». Второй тип соответствует терминам «стружок», «облас» и может быть отнесен к «лоткам малым».

3.6. ИГРУШКИ И ИГРЫ

Одним из основных процессов воспитания подрастающего поколения была имитация (моделирование) предметов и занятий взрослых. Всего к категории игрушек отнесено 727 предметов, что составляет почти треть всех изделий из дерева и около 12% от общего числа артефактов (рис. 3.64 – 3.74 –*1–7*; прил. *III.* – Табл. I). Игрушки залегали в культурном слое повсеместно по всей территории городка и во всех без исключения помещениях. Судя по площади распространения и соотношению количества детских игрушек (целых и обломков) к остальным вещам, воспитание молодежи составляло значительную часть досуга взрослых.

На основании найденных артефактов можно достоверно реконструировать два направления в развитии подрастающего поколения. Одно — это имитация занятий взрослых через использование моделей предметов. Второе — специфические развивающие игры. Для детей не только изготавливали специальную маленькую посуду, но и прививали навыки ее производства, о чем свидетельствуют находки небольших, некачественно выполненных корытец, имитирующих большие корыта. В большом количестве воспроизводилось холодное оружие: русские сабли с перекрестием и елманью, туземные палаши, копья и топоры. Почти на всех изделиях имеются сколы, заломы и забитости от частого использования — имитации поединков. Для детей воспроизводился процесс кузнечной ковки и металлообработки, только, судя по количеству предметов, для более ограниченного круга детей, нежели того, в котором имитировались поединки. В коллекции есть модели клещей, молотков, напильников и отдельно выполненных наконечников стрел. В большом количестве в коллекции имеются маленькие луки и стрелы с имитациями всех видов наконечников. Некоторые модели настолько малы, что вряд ли возможно их утилитарное использование. Вероятно, часть предметов таких размеров были вотивными. Фигурки животных и людей во множестве распространены в культурном слое и в разных частях памятника. Нельзя исключать их использования для игр, в том числе имитирующих религиозные ритуалы. К тому же, известно из этнографии, что изображение (*хэхэ*, *тонха*), которое перестает помогать человеку (его больше не посещает дух), становится простой деревяшкой.

Традиционно к категории детских игрушек мы относим деревянные предметы, которые являются миниатюрной точной копией настоящих бытовых вещей. Тем не менее, и среди миниатюрных деревянных вещей, относимых традиционно к категории детских игрушек, есть предметы очень маленьких размеров. Чаще всего это луки, стрелы. Возможно, они применялись в других (например, ритуальных) целях. Так, маленькие лук и стрела, небольшие изображения лося или оленя из дерева, тальника или бересты использовались эвенками при совершении обряда добывания «охотничьего счастья» [*Василевич, 1957.* – С. 164]. Тем не менее, по размерам провести грань между вотивными вещами и утилитарными практически невозможно, поскольку при раскопках обнаружены модели бытовых вещей всех размеров, начиная от копии в натуральную величину до уменьшенной во много раз. Вероятно, все эти модели предметов вооружения и бытовых вещей, составляя большую категорию детских игрушек, были предназначены для формирования навыков и знаний в быту.

К категории детских игрушек, описание которых будет дано ниже, мы отнесли все предметы, которые являются копией настоящих вещей, вне зависимости от их размеров.

ИГРУШКИ — МОДЕЛИ ПРЕДМЕТОВ для имитации занятий взрослых составляют почти половину всех изделий этой категории — 306 экз. (рис. 3.64–3.69; *прил. III.* – Табл. I). Часть из этих предметов выполнена настолько реалистично, что может служить дополнением к вышеописанным реально бытовавшим прототипам и восполнить те категории или детали, которые по разным причинам не дошли до нас.

Сабли, палаши, боевые ножи — 41 экз. (рис. 3.64 –*1–12*). В коллекции представлено 15 целых изделий и 26 фрагментов. Все сделаны из дерева, и лишь одна миниатюрная модель сабли изготовлена из китового уса. Они распространены по всей территории городка. Эта категория игрушек представляет два основных типа клинков: русские сабли с елманью и местные палаши. Игрушки имитируют тип сабли с изогнутым клинком, обоюдозаточенным острием (елманью), размерами в третью часть сабли, прямым перекрестием и отогнутой под углом к лезвию рукоятью (рис. 3.64 – *8–12*). Второй тип — это палаши с рукоятью, с прямым клинком, расширяющимся к последней трети острия и после сужающимся к кончику (рис. 3.64 – *1–7*). В городке были найдены подлинные прототипы и тех, и других, но без рукоятей. Большая часть ножей имеет резной зигзагообразный орнамент по спинке и на одной стороне лезвия. Подобный, но более простой орнамент есть и на клинках сабель (рис. 3.64 – *5, 6*).

Топоры боевые — 23 экз. (рис. 3.65 – *1–4, 8, 9*). Из них 18 целых топоров и 5 фрагментов. Большая часть изготовлена из дерева, три топора — из оленьего рога, один — из железа. Распространены по всей территории городка. Размеры топориков различны — от миниатюрного (высотой около 4–5 см) до близкого к оригиналу (высотой около 15–16 см). В целом топорики имеют довольно стандартную форму вытянутой трапеции, с изогнутым и скошенным к рукояти лезвием с вырезом с тыльной стороны и оттянутым к рукояти плоским обухом. По материалу их можно подразделить на три группы.

Первую и наиболее массовую группу составляют ***деревянные топоры*** — 19 экз. В нее входят два основных вида: имитации, воспроизводящие форму в целом с рукоятью — 2 экз. (рис. 3.65 – *6, 7*), и модели, которые достаточно точно воспроизводят прототип и состоят из двух деталей — собственно топора и рукояти — 17 экз. Последний вид объединяет три типа, различающихся по форме обуха в профиле. Первый тип составляют топорики с вытянутым к рукояти обухом треугольной (приостренной) формы (рис. 3.65 – *3, 4*). Второй тип — топорики с вытянутым к рукояти обухом прямоугольной формы (рис. 3.65 – *1, 2*). Третий тип — топорики с обухом, вытянутым в обе стороны (рис. 3.65 – *8*).

Костяные топоры — 3 экз. (рис. 3.65 – *9*). Они принадлежат к одному типу: с вытянутым к рукояти обухом прямоугольной формы. Это та же форма, что и выделена для второго вида деревянных топориков.

Железный топор — 1 экз. (рис. 3.65 – *10*). Воспроизводит иной, нежели вышеописанные, тип изделий — без вытянутого в ту или другую сторону обуха. Форма топорика — симметричная вытянутая трапеция, с незначительным изгибом лезвия. Прямых аналогий такой форме в изделиях этого периода пока не найдено. Размеры топорика — 5,5 × 3,2 см, — скорее всего, не позволили мастеру воспроизвести копию в оригинальном материале, и, очевидно, в технологии мелких деталей была имитирована упрощенная форма.

Прямой аналог таких игрушек — костяной топорик из слоя XVI века городища Эмдер [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 92; рис. 40 – *19*]. В целом, данная форма боевых топоров близка найденным в городке железным прототипам и аналогична железным топорам, распространенным в Восточной Европе и Западной Сибири в XIV–XVII веках [*Кирпичников, 1976.* – С. 22; табл. II – *5; Шутова, 1992.* – С. 45; рис. 53 – *1, 2*; *Пигнатти, 1915.* – Табл. IV – *5; Соловьёв, Мыльникова, 1979.* – С. 119–121; *Молодин, 1979.* – С. 65; табл. XXIX – *2–6; Молодин, Соловьёв, 1977.* – С. 107; рис. 1; *Молодин и др., 1990.* – С. 39, 40; рис. 35 – *4*; *Кренке, 1984.* – С. 138; рис. 1 – *5*; *Семёнова, 2001.* – С. 44; табл. 20, 21].

Наконечники копий — 10 экз. (рис. 3.66 – *1–9*). Деревянные модели-игрушки воспроизводили форму бытовавших в то время железных наконечников копий с уплощенным насадом. Эти деревянные изделия в целом аналогичны по форме описанному выше железному наконечнику, найденному на городке в составе «клада оружия». Большинство деревянных наконечников были выполнены в натуральную величину железного оригинала.

Некоторые деревянные модели сломаны и имеют следы забитости и ударов, можно предполагать, что дети их использовали для имитации поединков (рис. 3.66 – *3, 4, 7, 8*). Вместе с тем есть отдельные орнаментированные наконечники, которые крепились к древку как настоящие копья (рис. 3.66 – *5*). Не исключено, что их применение могло быть ритуальным.

Обращает на себя особое внимание факт моделирования именно наконечников, а не просто древков с вырезанным наконечником, поскольку зафиксировано, что для некоторых изделий древко изготавливалось отдельно. Это обстоятельство определяет отношение именно к наконечнику копья как к особо значимому предмету. Отдельные модели наконечников не монтировали в древко и использовали отдельно. Если соотнести этот факт с зафиксированным у жителей Надымского городка процессом имитации кузнечного производства при помощи деревянных клещей, молотков, напильников, то можно предположить, что моделировался и сам процесс ковки копья. Вероятно, эта процедура также имела большое значение, и с ней связано длительное сохранение формы изделия. Важность процесса изготовления наконечников с уплощенным насадом для жителей Севера косвенно подтверждается исчезновением из традиционной культуры к XVII веку наконечников копий с «втульчатым» насадом, которые параллельно бытовали в XI–XV веках [*Соловьёв, 1987.* – С. 98–100]. Это действительно не совсем понятно, поскольку, в период активной русской колонизации региона (XVI–XVII вв.) местные жители в обмен на «пушнину» от частных промышленников и торговцев могли получить русские кузнечные изделия любой формы. Тем не менее, этого не происходило. Средневековые кузницы продолжали выковывать наконечники специфической формы, что само по себе может свидетельствовать об особых причинах воспроизводства формы.

Топоры плотницкие — 3 экз. (рис. 3.65 – *5*). В коллекции три целых деревянных топорика с рукоятью, представляющих копии русского плотницкого топора. Отличительной чертой моделей плотницких топоров является широкое прямое лезвие, наличие шипа и длинная рукоять, выполненная из цельного куска древесины.

Клещи кузнечные — 2 экз. (рис. 3.67 – *14, 15*). При раскопках обнаружены две деревянные модели кузнечных клещей. Клещи состоят из двух частей, скрепленных деревянным штифтом, и являются действующей моделью, при помощи которой имитировался процесс захвата и удержания кузнечной заготовки. Редкость находок таких предметов, возможно, отражает узость круга детей и взрослых, моделировавших процесс кузнечной ковки.

Молотки — 2 экз. (рис. 3.67 – *16, 17*). Найден один боек молотка, изготовленный из ветки ивы, с круглой прорезью в средней части. Торцы предмета имеют следы забитости от ударов. Второй боёк из древесины хвойных пород имеет коническую форму, и прорезь в верхней части и козырёк, обращённый к рукояти. Скорее всего, часть изделий данного типа была выполнена в монолитной форме с рукоятью и по фрагментам достоверно не идентифицировалась.

Напильники — 4 экз. (рис. 3.67 – *10–13*). В коллекции представлены две целых и один фрагмент деревянных моделей напильников. Изделия имитируют напильник с цилиндрической рукоятью и четырехгранной

рабочей частью, на каждую грань которой нанесены ряды параллельных зарубок. Эти предметы можно также отнести к группе изделий, моделирующих кузнечное производство, в частности, в завершающей стадии.

Ножи бытовые — 58 экз. (рис. 3.67 – *4–9*). В коллекции имеются 19 целых и 39 фрагментов деревянных моделей бытовых ножей. Большая их часть — это рукояти ножичков с обломанным деревянным лезвием. Рукояти, как правило, ровные, округлые или плоские, некоторые имеют расширение к «лезвию» или трапециевидный вырез под ладонь с нижней стороны. «Лезвие» обычно прямое, сужающееся к концу, иногда имеет расширение в последней трети и сужается к концу. Иногда «лезвие» украшено резным зигзагообразным орнаментом (рис. 3.67 – *9*). Модели ножей были найдены на всей территории раскопа, как в жилых кварталах, так и на северо-западной многофункциональной площадке.

Луки охотничьи — 34 экз. (рис. 3.68 – *1, 2*). Представлены шесть целых, 27 фрагментов и одна заготовка деревянных игрушечных луков. Можно выделить два типа игрушечных луков: первый имитирует сложносоставной охотничий лук, второй тип представляет упрощенный вариант лука, который аналогичен по форме сторожевым лукам самострелов и черканов.

Стрелы — 81 экз. (рис. 3.68 – *3–14*). В коллекции представлены 14 целых и 67 фрагментов имитаций стрел. Среди них можно выделить несколько различных типов: стрелы с наконечниками типа «томар» двух разновидностей — с коническим поражателем и цилиндрическим поражателем, на гранях которого сделаны нарезки (рис. 3.68 – *7–9*); стрелы со стержневидным наконечником (рис. 3.68 – *14*); стрелы с наконечниками вильчатой формы – «срезнями» (рис. 3.68 – *5, 10, 11*); стрелы с наконечниками различных вариантов треугольной и листовидной формы (рис. 3.68 – *3, 4, 6, 12, 13*). Все эти модели повторяют разнообразие стрел, используемых в различных промыслах.

Наконечники стрел — 7 экз. (рис. 3.68 – *15–19*). Найдено семь целых деревянных моделей наконечников стрел. Типологически они соответствуют своим прототипам: это стержневидный наконечник, вильчатый «срезень», листовидный наконечник, наконечник с ромбовидным пером — и имеют те же размеры. Мы не можем однозначно определить их функциональное назначение, наиболее логично предположить, что они использовались в имитации технологического процесса изготовления наконечников стрел.

Ложки и посуда — 4 экз. (рис. 3.67 – *18–20*). Имеются две миниатюрные ложечки с берестяным черпаком и деревянной рукоятью шириной 1,5–2,0 см, длиной 6,5 см, а также два миниатюрных берестяных корытца-куженьки, размеры которых не превышают 6,0 × 5,0 × 1,5 см. Наиболее вероятно их использование в детских играх, имитирующих быт.

Нарты (***имитации для девочек***) — 14 экз. (рис. 3.69 – *5–19*). Мы имеем 14 деталей имитации нарт для девочек. Нарточки изготавливались из целой тонкой дощечки и представляли собой имитацию саней (нарты). Абсолютно аналогичные игрушки до настоящего времени бытуют в традиционной культуре современных хантов и ненцев. С их помощью девочки обучаются последовательности компоновки аргиша перед отправкой в путь (перекочевкой).

Нарты (***модели для мальчиков***) — 29 экз. (рис. 3.69 – *1–4*). Это фрагменты деревянных моделей бытовавших нарт.

О том, что для детей изготавливали игрушечные средства передвижения, в частности, нарточки, свидетельствуют находки деталей таких игрушек. Найден фрагмент игрушечной нарты: два копыла, соединенные между собой поперечиной — вязом. Судя по копыльям, нарточка сделана наподобие остяцкой. Расстояние между копылами составляет 18,5 см, длина каждого копыла — 13,5 см. Среди подобных находок также — целые копыла, фрагменты и другие детали от точных копий нарт, бытовавших в то время в городке. Такие модели нарт и сейчас присутствуют в традиционной культуре народов Севера. Задача столь точных копий вещей — привить знание состава и пропорций деталей для точного воспроизведения их при изготовлении настоящих ездовых нарт в будущем.

Лодка (модель) — 1 экз. (рис. 3.69 – *20*). На территории раскопа № 2 (улица) найдена целая деревянная модель лодки, размерами 2,2 × 2,1 × 2,0 см. Лодка выдолблена из цельного куска дерева, на наружную сторону бортов нанесен зигзагообразный орнамент. По внешней форме модель схожа с обласом. Подобные модели лодок до настоящего времени изготавливаются в качестве детских игрушек у народов Севера.

Специфические игры не формировали определенных бытовых навыков и знаний. Они способствовали, во-первых, развитию мелкой моторики рук, что практиковалось в играх с юлой и в палочки — «Щин» и «Сохэль-юх». Кроме этого, существовала и, по-видимому, была особо популярна и значима игра «Тосъ-чер-вой», развивающая духовную сферу личности. Эта игра с изображениями человека, животных и предметов несла определенную информацию об окружающем мире и его устройстве.

Игра «Тосъ-чер-вой» зафиксирована в 1914 году И. Н. Шуховым в верховьях реки Казым в среде этнической группы «лесных ненцев» [*Шухов, 1915.* – Табл. IV]. Для игры изготавливали из дощечек 14 различных фигур, в основном зверей и птиц. Фигуры такие: солнце, луна, медведь, выдра, тетерев, лошадь, дух, корова, брус, легендарная птица «черыз-хон-вой», лисица, собака, олень и оселок. Фигуры имеют посередине одно отверстие для нанизывания на веревочку. На одном конце веревочки с фигурами привязывают деревянную слегка заостренную шпильку, а другой ее конец укрепляют в дощечке с прорезями (*см. подробнее: Прил. II. Описание 1*).

Основное отличие нашей коллекции фигурок — это более разнообразный состав ее деталей, изображений животных и предметов.

Фигурки «тосъ-чер-вой» — 342 экз. (рис. 3.70–3.73). Обнаружены 232 целые фигурки и 109 фрагментов, а также одна заготовка. Все фигурки изготовлены из дерева и представляют собой плоские стилизованные изображения человека, животных или предметов в фас или профиль, с круглым отверстием в центре. Размеры фигурок варьируются от 2–6 см в ширину до 5–16 см в длину. Они обнаружены повсеместно на всей площади раскопа и, судя по сборам в осыпи, присутствовали во всех слоях городка, начиная с нижних, датируемых концом XII – началом XIII веков. На основе этнографических данных эти фигурки интерпретируются как детали игры «Тосъ-чер-вой», зафиксированной в начале XX века у коренных жителей реки Казым [*Шухов,1915.* – Табл. IV].

Вкратце суть игры сводится к поимке подброшенных фигурок, победителем же в этом состязании становится поймавший их наибольшее количество (*см. подробнее: Прил. II.* – Описание 1). Отметим одну важную особенность фигурок из набора, зафиксированного в 1914 году: все изображения помечены значками, где, как пишет И. Н. Шухов, «X» означает десять, а «I» — пять очков. Это было связано с принципами самой игры, которая у казымских остяков, как отмечал И. Н. Шухов, происходила на деньги. На фигурках, обнаруженных при раскопках Надымского городка, какие-либо знаки не зафиксированы. Это отличие, скорее всего, свидетельствует о том, что у его жителей в этой игре вероятно был другой, не денежный интерес.

По территории Надымского городка фигурки «тосъ-чер-вой» распространены дисперсно и скоплениями. В одном скоплении была найдена 41 фигурка, в другом — 27. Оба скопления обнаружены в «остяцком» квартале № I. Первое — в помещении для содержания животных в кв. 3/49, уровень 5,60–5,64. Судя по уровню залегания, оно может быть отнесено к последней трети XVII века (рис. 3.71 – *28*).

Совместное залегание такого большого количества предметов позволяет предполагать, что найден наиболее полный комплект персонажей какого-то набора (рис. 3.70 – *1–41*). В него входили следующие фигурки: изображение человека (рис. 3.70 – *1*); животных – бобра, выдры, оленя, песца, лисицы, росомахи (рис. 3.70 – *1–14*); водоплавающих и лесных птиц (рис. 3.70 – *15–27*); лягушки (рис. 3.70 – *28–31*); изображения предметов – оселков (рис. 3.70 – *32–39*) и неизвестного предмета (возможно, лестницы) (рис. 3.70 – *41*). Изображения бобров и выдр традиционно выполнены в плане (вид сверху), других животных (лис, песцов, оленей) — в профиль.

По составу и количеству предметов найденный нами набор отличается от опубликованного в 1915 году И. Н Шуховым [*1915.* – Табл. IV]. В надымском наборе (рис. 3.70 – *1–41*) типологически не выделяются изображения солнца и луны, зато значительно больше разнообразных изображений каких-то бытовых предметов, которые, вслед за И. Н. Шуховым, мы трактуем как оселки. Близки основные принципы моделирования зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных изображений в нашем наборе и наборе, опубликованном в 1915 году: в плане показаны выдры и бобры, а также человек, изображение которого в

наборе Шухова весьма схематично; остальные фигурки — профильные. Многочисленные фигурки птиц почти одинаковы, различия наблюдаются в форме хвостов и иногда — в форме головы и шеи. Аналогичным образом фигурки животных разнятся, в основном, только по хвостам. К сожалению, относительно найденного нами набора отсутствует вербальная информация, а внешне часто затруднительно идентифицировать изображение с определенным видом животного. Но различить, например, фигурки выдры и бобра, близкие по иконографии, помогают этнографические аналогии: подтреугольная или ромбическая форма хвоста характерна для изображений бобра у многих народов Западной Сибири. С другой стороны, вытянутый закругленный хвост у фигурки выдры из набора Шухова помогает нам определить видовую принадлежность фигурки из нашего набора.

Второе скопление обнаружено в хозяйственной постройке № 11 (участок 3–И/49–50; уровень 5.30–5.15) и может быть датировано первой половиной XVII века (рис. 3.71 – *1–27*). Второй набор состоит из фигурок человека, выдры, оленя, двух фигурок бобра, двух фигурок птиц и двадцати фигурок, изображающих предметы (оселок, лодку и, возможно, другие).

Из числа фигурок, не входящих в наборы, большинство изображают птиц, пушных или копытных животных, но есть и довольно оригинальные предметы, дополняющие общий комплект изображений (рис. 3.72; 3.73). Присутствуют несколько фигурок, которые можно интерпретировать как изображения небесных светил и предметов быта; кроме них, есть несколько изделий, изображающих, скорее всего, лягушку (рис. 3.72 – *15, 16*). К деталям этой игры мы отнесли также деревянные наконечники стрелы с отверстием в центре (рис. 3.70 – *26–28*).

Заканчивая описания фигурок «тосъ-чер-вой» Надымского городка, следует заметить, что однозначная интерпретация этих предметов как элементов некой игры не бесспорна. Во-первых, они не снабжены цифровыми обозначениями, что однозначно связывало бы их с игрой. Во-вторых, в традиционной культуре аборигенных народов Севера существует категория подобных зооморфных изображений из дерева, связанных с ритуальной практикой. Прежде всего, это деревянные фигурки животных, которые помещали на святилищах возле изображений божеств в качестве заместителей жертв для удачи в охотничьем промысле [*Карьялайнен, 1995.* – С. 57]. Основным отличием этих ритуальных фигурок является отсутствие отверстия. Кроме того, отметим, что иконография надымских фигурок очень близка древнерусским (новгородским) изображениям конников XII–XIII веков [*Древняя Русь: Быт и культура, 1997.* – С. 115–116, 326; рис. 80 – *21, 22, 29, 30*]. Все эти факты, а также описанное выше использование костяных моделей фигурок «тосъ-чер-вой» в ритуальном — шаманском костюме, позволяют заключить, что атрибуция выше описанных изображений как деталей игры предположительна. На современном этапе исследований категория предметов «фигурки “тосъ-чер-вой”» представляется комплексом изображений, связанных с системой космологических представлений жителей Надымского городка, применяемой как в ритуальной практике, так и в воспитании детей.

Игра «Сохэль-юх». В нее играют дети младшего и старшего возраста обоих полов, по два человека и более. Для игры необходимо более 20 палочек в виде тонких стержней. Их хранят в берестяной коробке или кожаном мешочке. Суть игры следующая. Игрок берет все палочки в руку, подбрасывает их вверх и ловит тыльной стороной кисти этой же руки. Пойманные таким образом палочки он подбрасывает снова вверх, не меняя положения руки, но ловит их уже пальцами (*см. подробнее: Прил. II. Описание 3*).

На территории северо-западной многофункциональной площадки найдено скопление из 28 тонких колотых деревянных палочек длиной до 15 см (рис. 3.74 – *1*). Такой набор мог использоваться для игры с палочками «сохэль-юх», бытующей в культуре современных хантов.

Игра с юлой «Корки», или «Щин». Проводится в любое время года. Играют в нее как дети, так и взрослые. Возраст и количество игроков не ограничиваются. Правила игры сводятся к следующему. Изготавливают юлу — деревянную палочку с заостренным концом, напоминающую по форме карандаш, на которую нанизывают деревянный кружок. Размеры палочки и деревянного кружка произвольные, подбираются опытным путем. Игрок ставит юлу острым концом на какую-либо ровную поверхность и заставляет юлу вращаться. Юла должна крутиться на одном месте. Игроки могут соревноваться в продолжительности вращения юлы на одном месте или траектории ее движения (*см. подробнее: Прил. II.* – Описание 2).

При раскопках обнаружено 80 (67 целых и 13 фрагментов) деревянных дисков разных диаметров — от 2,5 до 7,5 см — с отверстиями посередине (рис. 3.74 – *2–7*).

В отверстиях некоторых из них были деревянные стержни или обломки стержней. Эти предметы находились во всех частях городка. Ближайшая аналогия — это игра с юлой «Корки», или «Щин», бытующая до настоящего времени у разных групп хантов.

3.7. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РИТУАЛОВ

Ритуальная и обрядовая деятельность в городке осуществлялась не только на многофункциональных площадках, о чем свидетельствует ряд фактов, упомянутых выше, но и в помещениях жилого комплекса. Всего к категории культовых и ритуальных предметов отнесено 100 изделий, которые по функциональным и морфологическим признакам образуют несколько групп (рис. 3.75–3.82; *прил. III.* – Табл. I).

Прямых материальных свидетельств о религии и ритуалах выявлено недостаточно для воссоздания целостной картины. Прежде всего, наши представления о религиозной практике формируются на основе антропоморфных изображений. Найдено много деревянных антропоморфных скульптур, различающихся по иконографии изображений и размерам. Определить дефиницию скульптуры однозначно — бытовая (детские игрушки) или религиозная — достаточно сложно. В ряде случаев культовое назначение предметов очевидно. Поскольку все антропоморфные и зооморфные изображения, вне зависимости от фактического использования (ритуалы или детские игры), так или иначе связаны с мифологией и мифологическим мировосприятием, то мы рассматриваем их в едином контексте.

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ РИТУАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ — 90 экз. (рис. 3.75–3.82; *прил. III.* – Табл. I). Их количество, широта распространения по территории городка поразительны. Вотивные изделия присутствуют в жилых и хозяйственных постройках в пространстве кварталов, на улице. Много их найдено на северо-западной многофункциональной площадке. Бессистемное расположение их в культурном слое не случайно. Какое-то иное объяснение, кроме потери, можно предложить, если вспомнить факты отношения к культовым изображениям, изложенные Василием Зуевым, побывавшим у остяков в середине XVIII века. Чего стоит описание наказания деревянной скульптуры духа, который после совершения для него соответствующих ритуалов не способствовал удачному промыслу [*Зуев, 1947.* – С. 40]. Подобное отношение представляется обычным для аборигенных народов Севера и для более раннего периода. Скорее всего, оно связано с утратой вменяемых им сверхъестественных способностей.

Найденные при раскопках вотивные изделия по форме и функциональному назначению составляют несколько групп.

Объемные антропоморфные изображения составляют первую и самую большую группу — 45 экз. Найдено 38 целых изделий и семь фрагментов (рис. 3.76–3.79). По внешнему облику их можно разделить на три типа.

Тип I. Личины на палочках — «сядэи» (20 экз.) (рис. 3.76 – *1–17*). Термин «сядэи» происходит от ненецкого «ся» («сяд»), имеющего значение «лицо», что довольно точно характеризует такие изображения [*Кастрен, 1860.* – С. 132; *Хомич, 1995.* – С. 218–219]. На них воспроизводится только лицевой отдел головы человека и иногда делается серия насечек. Такие изображения лиц на палочках ненцы устанавливали на священных (жертвенных) местах промысловых угодий или в жилищах, наделяя их способностью защищать пространство [*Хомич, 1971.* – С. 241; *1995.* – С. 218–219].

В надымской коллекции к этому типу отнесено 20 изделий. Размеры изображений в целом небольшие. Самые маленькие фигурки «сядэев» имеют размеры лицевой части 1,8 × 0,8 см, где второе число соответствует диаметру палочки, а самые большие — 5,0 × 1,5 см и общую длину — 21,0 см. Иконография личин «сядэев» соотносима с западносибирским типом антропоморфных деревянных изображений, характерным, по мнению С. В. Иванова, для хантов и манси [*Иванов, 1970.* – С. 62, 284].

Тип II. Антропоморфная скульптура с проработанными, зачастую объемными деталями головы и тела составляет второй тип — 24 экз. (рис. 3.77 – *1–10*; 3.78 – *1–6*). На части таких скульптурок имеется изображение ребер — вертикальные ряды параллельных нарезок. По многочисленным этнографическим примерам, это «оживляло» деревянную куклу. Изображения этого типа, скорее всего, имели отличное от

«сядэев» назначение. В редких случаях подобные скульптурки имеют, так или иначе, выраженную половую принадлежность — это небольшая группа женских изображений.

Подобные изображения можно соотнести с ненецкими «*мяд хэхэ*» категории домашних (личных) духов-хранителей, которые защищают людей от болезней, несчастий и «помогают» в промыслах. Они относятся к одной из низших ступеней в иерархии сакрального мира [*Хомич, 1995.* – С. 216–217]. Кроме того, у коренного населения низовьев Оби (остяков и самоедов) существовал обычай изготавливать изображение умершего родича. Но не всегда эти изображения помещались в могилу или надмогильное сооружение. Например, у надымских ненцев подобные куклы хранились дома. Исследователи отмечали существование двух разновидностей деревянных изображений умерших у надымских ненцев: «*нытарма*» («*итарма*») являются чисто ненецким божеством, связанным с культом предков; «*синдрянг*» — изображения, также связанные с культом предков, но у ненецких родов хантыйского происхождения. При изготовлении «*синдрянг*» в качестве лица использовалась «металлическая пуговица» (то есть оловянные отливки). «*Нытарма*» хранили в доме долго, до третьего-четвертого поколения, «*синдрянг*» — только три года, по истечении которых куклу хоронили отдельно от покойного родича [*Хомич, 1971.* – С. 241–243].

Объемные антропоморфные изображения отличаются индивидуальностью и большим разнообразием форм, но, тем не менее, их можно разделить на четыре основных подтипа.

Первый подтип. Бюсты — 15 экз. (рис. 3.77 – *2, 10*; 3.78 – *2–6*). Это фигурки, отличающиеся большей деталировкой головы и схематизацией тела.

Второй подтип. Скульптуры — 6 экз. (рис. 3.77 – *1, 2, 10*; 3.78 – *2, 4–6*). Их отличает деталировка частей тела (ног и др.) и в некоторых случаях — обозначение половой принадлежности. К этому подтипу отнесены четыре изображения, причем достаточно явно выделяются два варианта: стоящая фигура и сидящая фигура.

Антропоморфная скульптура, представляющая собой женскую фигурку с короткими ножками, в целом выполнена в стиле других скульптур западносибирского типа, но имеет выраженные груди, выпуклый округлый живот, под подбородком изображены концы платка (?). Прямых параллелей в этнографии нет, хотя северные народы, в том числе ханты и ненцы, изготавливали кукол, изображавших духов — покровителей женского рода. Хорошо известны кетские «*алэлы*» («*алэл*» — «старуха») — существа женского пола, покровители семьи и очага, считалось также, что они облегчают женщинам роды и помогают растить детей [*Алексеенко, 1977.* – С. 51–54]. Фигурки алэлов делали из дерева, из камня, одевали и украшали их. Сведения о наличии на фигурках половых признаков в литературе не встречены. Найденная женская фигурка могла быть изготовлена также в определенных ритуальных целях для совершения обрядов, связанных, например, с деторождением.

Третий подтип. Многофигурные (многоликие) изображения — 3 экз. (рис. 3.77 – *1*; 3.78 – *3*). Эта группа изображений отличается уникальностью форм. В этот подтип включены три фигурки, каждая из которых уникальна, поскольку не имеет прямых аналогов в традиционной культуре.

Двухголовое антропоморфное изображение с личинами на туловище (рис. 3.77 – *1*). Назначение этой скульптуры однозначно определить трудно. Семантика близнецов часто реализуется в представлениях и обрядах, связанных с плодородием, деторождением, обилием и охотничьей удачей.

Тип III. Монументальная скульптура — 2 экз. (рис. 3.79 – *1–3*). Особо интересен фрагмент (основание) объемной скульптуры (многоликого антропоморфного изображения), найденный в составе опорных конструкций (столбов) перегородки «остяцкого» квартала № II периода второй половины XVII века.

Фрагмент сохранившейся части, высотой 92 см, шириной 25 см, толщиной 12 см, является основанием антропоморфной скульптуры, выполненной из плахи (рис. 3.79 – *3*). Форму головы определить трудно, так как верхняя часть срезана. Удлиненное, овальное в нижней части лицо образовано двумя широкими затесами, на стыке между ними (в центре) невыбранная часть древесины образует нос в форме вытянутого прямоугольника. Глаза отсутствуют, рот оформлен зарубкой. Под лицом схематично, выбранными четырехугольниками показаны ребра, между которыми сделан вытянутый узкий затес, возможно, так называемая «линия жизни». В представлениях дорусского населения Сибири изобразить ребра и линию жизни (иногда в виде ромба или квадрата) означало «оживить» скульптуру. «Оживляли», как правило, культовые изображения.

По принципу изображения лица скульптуру можно отнести к западносибирскому типу, характерному для хантов и манси [*Иванов, 1970.* – С. 62, 284]. По дендрохронологическому методу дата рубки ствола, из которого вырезано изображение, определена 1210 годом, но, скорее всего, фигура сделана позднее. В XVII – первой трети

XVIII веках ее использовали как опорный столб, но не исключено, что и в таком качестве скульптура имела высокий сакральный статус, маркируя ритуальное место или оберегая помещение.

Подобное вышеописанному изображение было спилено в 1914 году Г. М. Дмитриевым-Садовниковым из конструкций большого дома, предположительно, постройки, ныне носящей № 8. На причастность к ней указывают продольные пазы для врубки горизонтальных досок стен, впрочем, как и на обнаруженной нами скульптуре, которая могла попасть в конструкции «остяцкого» квартала при ремонте дома вождя (постройки № 8). Судя по наличию личины в самом основании скульптуры, скорее всего, подобные же личины могли быть и выше, можно предположить, что мы имеем фрагменты многоликих скульптур, аналогичных северо-хантыйским [*Иванов, 1970.* – С. 62, 284].

Объемные зооморфные и птероморфные изображения составляют вторую и довольно значительную группу культовых предметов — 19 экз. целых фигурок и фрагментов (рис. 3.80 – *1–11*).

Тип I. Скульптуры оленей — 11 экз. (рис. 3.80 – *1–3*). Выделены в отдельный тип в связи с находками серии из 11 фигурок, единых по стилю исполнения и различающихся только размерами. Самое маленькое изображение имеет размеры 10,0 × 1,2 × 0,4 см, а самое крупное — 21,0 × 2,5 × 1,2 см. У некоторых фигурок в плоском брюшке сделаны прорези, в которые вставляли изображения ног из тонких щепочек. Пимские ханты делали из березы, растущей на святом месте «Торум-пах-кот-мых» на озере Ай-пим-той-тор в истоке реки Ай-пим, изображение оленя-вожака — защитника и покровителя домашних оленей [*Кардаш, А-1996.* – С. 16–17]. Скорее всего, найденные нами изображения также связаны с религиозной практикой жителей городка.

Тип II. Скульптуры животных без определенной видовой принадлежности составляют отдельный обобщенный тип — 6 экз. (рис. 3.80 – *4–7, 10, 11*). Впоследствии, при нахождении дополнительного количества близких по форме изображений, его можно будет разделить на отдельные типы. Пока же он объединяет шесть изделий, каждое из которых уникально по форме. В их число входит фигурка крупного млекопитающего с коротким хостом и укороченными лапами (рис. 3.80 – *6*). Возможно, фигурка является изображением медведя. Другая объемная деревянная фигурка — пушного зверька с длинным хвостом, вытянутой мордой и укороченными лапками (рис. 3.80 – *5*). Оригинальной является объемная деревянная фигурка зайца (?) с двумя головами (рис. 3.80 – *10*). Интересна находка фрагмента деревянного изделия, на котором ажурной резьбой переданы сопоставленные изображения пушных зверьков типа куньих (рис. 3.80 – *11*). Вполне вероятно, что это изделие служило навершием какого-либо ритуального предмета, например, шаманского жезла.

Тип III. Скульптуры птиц — 2 экз. (рис. 3.80 – *8, 9*). Выполнены до такой степени схематично, что возникает сомнение в их птероморфной принадлежности. Тем не менее, фигурки очень близки кругу ритуальных изображений птиц, бытующих в традиционной ненецкой культуре. Обе скульптурки имеют небольшие размеры — до 8,0 × 3,0 см. Известно несколько типов подобных фигурок, довольно близких по стилю, но изображающих разные мифологические персонажи и, соответственно, используемых в разных случаях. Один тип отличает наличие крепления к шесту для установки у могилы или на святом месте. Другим типом, к которому близки наши фигурки, являются изображения духов *«хэхэ тэврамбада на ну»* — помощников шамана: приводящая утка или ворона [*Хомич, 1980.* – С. 49–56; *1995.* – С. 244–246; рис. 10, 11]. Это одна из точек соприкосновения древней и современной духовной культуры туземного населения, которая на основе каноничности формы позволяет говорить о близости религии и использовать ретроспекцию современных верований для ее воссоздания.

Ритуальные (сакральные) предметы составляют третью группу. В нее включено 32 предмета четырех типов (рис. 3.75; 3.81; 3.82).

Дощечки для окуривания — 21 экз. (рис. 3.82 – *8–10*) — принадлежат к первому и самому массовому типу. В коллекции есть как целые, так и фрагменты. По форме напоминают современные разделочные доски с ручкой, но меньших размеров. Все они прямоугольные, плоские, у некоторых в рукояти имеется отверстие. Существует подтип с углубленной поверхностью (ковчегом). На дощечках видны пятна прогоревшей древесины округлых очертаний. Подобные следы оставались от сгорания на них очистительной смеси на основе жира. Интересен также факт наличия отверстия в рукояти, скорее всего, оно предназначалось для

подвешивания или ношения с собой во время перемещений. Вероятно, ритуал окуривания — очищения предметов и орудий — был достаточно частой процедурой.

Полочки ритуальные как отдельный, второй тип ритуальных предметов выделен в связи с находкой двух подобных изделий, одно из которых содержало барельефные антропоморфные личины (рис. 3.75 – *1, 2*).

Доска с восемью барельефными личинами на бордюре найдена в восточном углу галереи постройки № 8. Размеры доски — 72 × 19 см (рис. 3.75 – *2*). Подобное изделие было атрибутировано С. В. Ивановым как задок священной нарты с семью личинами, которые изображают лица сядэев, «помогающих» промыслу рыбы и зверя, и опубликовано с подписью «березовские ненцы», в отличие от другого задка священной нарты — с одной личиной, — подписанной «ямальские ненцы» [*Иванов, 1970.* – С. 87].

Практически аналогичная обнаруженной в постройке № 8 полочка с зубчатым бордюром, только без барельефных личин, размерами 50 × 18 см, была найдена на северо-западной многофункциональной площадке (уч. М/30, раскоп № 5) (рис. 3.75 – *1*). Интерпретация таких изделий как задников священных нарт вызывает сомнения, поскольку данные дощечки вообще не имеют никаких следов крепления к чему-либо. Интерпретировать их как ритуальные полочки позволяют два наблюдения. Первое: подобная полочка с зубчатым бордюром была найдена мною в поселке Горнокнязевск, в старом доме, принадлежавшем хантыйской семье. Полка была укреплена в западном углу дома и использовалась для размещения икон и других сакральных предметов, в том числе связанных с местными культами. Второе: находка была сделана на северо-западной многофункциональной площадке, имевшей и ритуальную функцию.

Граффити на досках — 3 экз. (рис. 3.82 – *2, 4, 6*). В коллекции есть три доски с процарапанными на них изображениями, которые не соотносятся с декором, а, скорее, связаны с обрядовой деятельностью.

Один фрагмент доски со схематичным изображением человека и двух символов был найден в постройке № 6 «остяцкого» квартала № I (рис. 3.82 – *4*). Эта доска является частью вышедшей из употребления сильно изношенной лыжи-голицы, которыми изнутри были отделаны стены дома. Семантика изображения человеческой фигуры на корточках раскрывается через многочисленные аналогии. В его основе — схематизированное изображение Великой богини (древнего женского божества) в позе роженицы, широко распространенное в Европе, Передней Азии и на Кавказе. Очевидно, с культом женского божества связано и начертанное на доске изображение. Сопровождающие фигурку знаки фалла (ромбический знак на основании у ног фигурки, аналогичный в мансийском орнаменте называется «головки») и змеи (зигзаг) символизируют оплодотворяющее начало и подчеркивают женский образ антропоморфного изображения. Определить точно функциональное назначение изображения на доске трудно, вероятнее всего, оно относится к бытовой магии. Возможно, было призвано оберегать жилище. В определенной степени подтверждают это и найденная форма для отливки подобной оловянной фигурки, и сама фигурка (рис. 3.10 – *31*; 3.11 – *1*). Оловянные отливки (бляшки, накладки) местного производства могли использоваться для украшения женского костюма, где изображение женского божества служило оберегом. Отметим факт использования знаков-символов Великой богини в качестве апотропеев (защита от удара молнии) на разных элементах строительных конструкций (кирпичи, блоки, черепица) у ряда древних народов, например, Болгарии [*Флёрова, 2001.* – С. 59–62; рис. 13, 14].

Второй фрагмент доски содержит с двух сторон изображения птиц, скорее всего, куропаток (рис. 3.82 – *2*). На одной стороне размещены фигуры трех крупных птиц, сгруппированных треугольником или по кругу, воспроизводящих «птичий хоровод». Основные контуры фигур переданы глубокой врезкой, а фактура тела птиц и детали дополнительно проработаны тонкими линиями. В углу дощечки имеется изображение еще одной маленькой фигурки птицы, выполненное тонкими линиями. На оборотной стороне — изображение двух птиц, также вырезанное тонкими линиями. Прямых аналогов изображений и функционального использования предмета пока не найдено. Примечательна форма дощечки, имеющей плоское основание с двумя «шипами». В коллекции содержится подобное изделие, без каких-либо изображений, но с таким же основанием (рис. 3.82 – *1*). Повторяющаяся форма объединяет эти предметы и позволяет предполагать их использование в ритуальной практике.

Третья дощечка имеет изображения двух прямоугольников с «андреевским» крестом, треугольные промежутки которого заполнены вписанными углами (рис. 3.82 – *6*). Отсутствие подобных элементов в орнаментальных композициях на берестяной посуде, одежде и других бытовых предметах позволяет

определить эти изображения как знаки-символы и отнести к результатам какой-либо обрядовой или магической деятельности.

Вышеописанная группа изделий пока не имеет прямых аналогов ни в археологических, ни в этнографических материалах Северо-Западной Сибири. В целом можно заметить, что такие граффити близки кругу западносибирских изображений на плоскости второй половины XIX – первой половины XX веков [*Иванов, 1954.* – С. 17–58].

Счетные пластины с личиной — посохи свата — 6 экз. (рис. 3.81 – *1–5*). При раскопках найдено пять деревянных изделий, которые можно отнести к такой категории предметов, как счетные пластины — посохи свата. Их главные отличительные черты — форма, близкая очажному крюку (тагану), наличие серии равномерных насечек, разделенных по десяткам зарубками, и наличие антропоморфной личины.

Первый посох находился в средней части обнажения обрыва в постройке восточного, предположительно «самоедского» квартала на уровне соответствующем середине XVII века (не ранее конца первой четверти и не позднее начала последней четверти).

Первый посох имеет вид прямоугольной вытянутой пластины длиной 65 см (рис. 3.81 – *1*). Сечение посоха в верхней части овальное 4,2 × 3,0 см, в средней части прямоугольное 3,7 × 1,5 см. Предмет условно разделен на три части.

Верхняя часть длиной около 12 см имеет форму крюка. На конце его заостренной части вырезана личина (рис. 3.81 – *1а, 1б*). Эту часть изделия, очевидно, следует считать лицевой.

В средней части длиной около 45 см прорезано десять круглых или овальных сквозных отверстий. Судя по отсутствию в них следов потертости о поперечную жердь, можно уверено заключить, что предмет не использовался в качестве очажного крюка.

Нижняя часть посоха длиной около 8 см не имеет каких-либо отверстий или изображений.

Второй и третий посохи были обнаружены в одном из нежилых, вероятно хозяйственном, помещении постройки № 8 — дома вождя (рис. 3.81 – *2, 3*). Их местонахождение в рамках пространства дома можно определить как северный угол постройки. Они залегали в одном из самых верхних слоев, который по относительной хронологии городка датируется временем не ранее последней трети XVII века, скорее всего, рубежом XVII–XVIII веков.

Посохи из дома вождя выглядят как вытянутые пластины с рядами зарубок по граням. Оба предмета целые и морфологически близкие. Различается сохранность изделий, связанная, по-видимому, с условиями их хранения после использования.

Второй посох, хорошей сохранности, имеет вид прямоугольной вытянутой пластины овального сечения длиной 70 см, шириной 4 см и толщиной 1 см (рис. 3.81 – *2*). Поверхность пластины почти полностью покрыта зарубками разной длины, в форме и расположении которых наблюдается определенная система: на ребрах расположены короткие насечки, которые разделены на группы зарубками, нанесенными на боковые стороны. Предмет условно разделен на три части.

Верхняя часть длиной около 10 см имеет форму крюка. На конце его заостренной части вырезана личина (рис. 3.81 – *2а, 2б*). Эту часть изделия, очевидно, следует считать лицевой. На противоположном, по отношению к личине, ребре нанесены восемь насечек, отделенных длинной зарубкой.

В средней части длиной около 45 см на обоих ребрах нанесено по 50 насечек, разделенных зарубками на боковых сторонах по 10. Для деления на десятки насечек лицевого ребра зарубки нанесены с левой стороны, для насечек тыльного ребра — с правой стороны пластины.

Нижняя часть посоха имеет длину 15 см. В этой части на лицевой стороне насечки отсутствуют, а с тыльной стороны их нанесено 18, с разделением зарубками по 3, 10 и 5.

Третий посох тоже имеет вид прямоугольной вытянутой пластины овального сечения длиной 72 см, шириной 4 см и толщиной 1 см (рис. 3.81 – *3*).

Верхняя часть длиной до 10 см имеет форму крюка с аналогичной личиной на заостренной части ребра (рис. 3.81 – *3а, 3б*). На тыльном, по отношению к личине, ребре нанесены восемь насечек, отделенных, как и на первом посохе, длинной зарубкой. С лицевой стороны нанесено 50 насечек, с тыльной — 40 насечек, разделенных на группы по 10 длинными зарубками. В отличие от первого посоха зарубки для деления на десятки насечек лицевой стороны нанесены справа, а для зарубок тыльной стороны — слева. Нижняя часть

этой пластины (около 15 см) с лицевой стороны имеет 20 зарубок, разделенных по 10; на тыльной — зарубки отсутствуют.

Основное отличие пластин друг от друга — количество зарубок на тыльной стороне средних и нижних частей. Судя по наличию копоти на изделиях, они какое-то время находились в центральном помещении у очага.

В 2001 году в осыпи культурного слоя северного «остяцкого» квартала, частично обвалившегося во время исследований, было обнаружено два деревянных фрагмента других посохов (рис. 3.81 – *4, 5*). Несмотря на то что предметы не имеют определенной стратиграфической привязки, слой, из которого они происходят, датируется достаточно точно — последней третью XVII века.

Посохи из северного «остяцкого» квартала тоже близки между собой по форме и размерам. Они представляют собой уменьшенный вариант посохов из постройки № 8 — дома вождя.

Четвертый посох тоже имеет форму прямоугольной пластины овального сечения. Сохранилась верхняя часть длиной 7,2 см, шириной 1,7 см, толщиной 0,6 см. Возможная длина посоха, судя по пропорциям вышеописанных, могла составлять около 21 см (рис. 3.81 – *4*).

Верхняя часть пластины, длиной около 3 см, имеет форму крюка с личиной на заостренной части ребра. На тыльном, по отношению к личине, ребре насечки отсутствуют.

В средней части пластины с лицевой стороны сохранилось восемь зарубок, пять из которых отделены зарубкой с правой стороны пластины, а с тыльной стороны — десять насечек, разделенных по 5 длинной зарубкой с левой стороны. Нижняя часть отсутствует.

Пятый посох тоже имеет форму прямоугольной пластины овального сечения. Сохранившаяся верхняя часть имеет длину 6,1 см, ширину 1,2 см, толщину 0,5 см. Возможная длина посоха могла составлять около 19 см (рис. 3.81 – *5*).

Верхняя часть пластины длиной около 2,5 см имеет форму крюка с личиной на заостренной части ребра. На тыльном, по отношению к личине, ребре нанесены семь насечек, отделенных длинной зарубкой.

В средней части пластины с лицевой стороны сохранилось семь насечек, пять из которых отделены зарубкой справа, а с тыльной стороны — шесть насечек, пять из которых отделены той же зарубкой, переходящей на правую сторону пластины. Нижняя часть отсутствует.

Особо отметим, что в настоящее время раскопаны все слои оборонительно-жилого комплекса Надымского городка начиная с рубежа XV–XVI веков. Вышеописанные предметы происходят из культурного слоя, относящегося к периоду не ранее середины XVII века. В более ранних слоях и материалах осыпи ни целые посохи, ни какие-либо фрагменты подобных предметов со счетными зарубками обнаружены не были.

Предметы, аналогичные описанным, известны в традиционной культуре коренных народов Северо-Западной Сибири. Это обязательный атрибут сватовства в свадебном обряде — так называемый посох свата: у хантов — *нетынг юх*, у манси — *шорхылин ив*, у ненцев — *ядаць* [*Народы Западной Сибири…, 2005.* – С. 149, 269, 359, 462].

Наиболее близкий аналог надымским изделиям — свадебный посох из поселка Оволынгорт (р. Сыня) Шурышкарского района ЯНАО. Этот предмет имеет форму пластины прямоугольного сечения длиной 64,5 см. На одном конце предмета вырезан крюк. С тыльной стороны на обоих ребрах нанесены 485 насечек, разделенных на десятки длинными зарубками на боковой стороне изделия. На лицевом ребре насечки отсутствуют [*Соколова, 1972.* – С. 15–66; *2007.* – С. 60–61; рис. 89.].

Процедура сватовства и свадебного обряда коренных народов Северо-Западной Сибири хорошо описана в работах этнографов. У хантов и ненцев в этом ритуале принимали участие преимущественно мужчины, ближайшие родственники жениха (дядя по отцу или по матери), иногда родители. Два или три свата отправлялись к отцу невесты. Среди группы сватов один был главным (дядя по отцу), он и вел переговоры в соответствии с сохраняющимися древними принципами авункулата. Отличительным знаком главного свата и основным его атрибутом был посох с привязанным к нему платком или лентой. У северных хантов жених ездил свататься вместе со сватами.

Сватовство у большинства народов назначалось весной. Сватовство было длительным процессом, состоявшим из серии приемов, сопровождавшихся угощениями и обменом подарками. Согласие родителей невесты не всегда давалось сразу. Получив согласие, сват начинал переговоры о выкупе и приданом. Договоренности о составе и количестве выкупа за невесту помечались зарубками на посохе. Издревле, до широкого вхождения в обиход денег, в состав выкупа входили олени (у ненцев до 200), шкурки пушных зверей: песцов (у ненцев до 70), лисиц, бобров и др., сукно. Дата свадьбы зависела от срока уплаты выкупа и назначалась обычно на весну (у хантов) или осень (у ненцев), но иногда свадьба откладывалась на год и более. Свой посох с перечнем выкупа сват оставлял

у родителей невесты, которые помещали его в сакральное место дома или священный сундучок до окончания сватовства или выплаты выкупа [*Народы Западной Сибири…, 2005.* – С. 149, 269, 359, 462].

Как давно существует такая форма свадебного обряда и в какое время формируется? Посох свата как обрядовый предмет (*сеу, су*) упоминается в эпосе иртышских остяков XIV–XVI веков, записанном С. К. Патканов ым в конце XIX века [*Патканов, 2003.* – С. 78]. Подробно предмет не описан. Можно ли это упоминание считать фактом древнего присутствия посоха в культуре, сказать однозначно невозможно. Данный элемент повествования мог быть поздним включением. Однако могут быть и другие варианты объяснений упоминания посоха.

Самое раннее этнографическое описание факта использования сибирскими самоедами очажного крюка в качестве посоха свата относится к середине XIX века. В процессе предсвадебного торга о величине выкупа за невесту отец невесты делал на посохе свата зарубки и нарезки, соответствующие размеру выкупа, а сват срезал ножом те из них, которые считал лишними. Такой посох хранился у свата до момента внесения выкупа или раскалывался пополам, и вторая половина вручалась отцу невесты [*Хомич, 1995.* – С. 176, 177].

Основываясь на вышеизложенном, небезосновательно предположить и возможность русского культурного влияния на форму свадебной обрядности аборигенов в период колонизации Сибири. Вероятно, свадебная обрядность западносибирских остяков и самоедов не оставалась на протяжении всей истории неизменной, а трансформировалась под влиянием других культур. Возможно, что та форма, которая была зафиксирована этнографами в XX веке, сформировалась не ранее середины XVII века, а вероятнее всего – к концу XVII – началу XVIII веков.

В коллекции имеется еще два фрагмента изделий — пластины дугообразной формы, выполненные из расколотого вдоль рога оленя. На ребре пластин нанесены короткие зарубки, сгруппированные по 10 и разделенные длинными зарубками. Фрагменты изделий найдены на северо-западной многофункциональной площадке в слое конца XVII – первой трети XVIII веков.

Наличие на посохах свата и костяных пластинах насечек, разделенных по десяткам зарубками, позволяет предполагать использование жителями городка десятичной системы счета. Отсутствие предметов с такими признаками в культурном слое ранее середины XVII века позволяет сделать вывод о том, что вхождение десятичной системы исчислений в культуру позднесредневековых жителей региона происходило во второй половине XVII века и связано с появлением на этой территории русского населения.

Музыкальные инструменты выделены в отдельную категорию и рассматриваются в этом разделе, поскольку в традиционной культуре северных народов, в частности хантов, до недавнего времени и ныне музыка исполнялась преимущественно во время религиозных ритуалов и праздников.

В процессе раскопок было найдено пять целых и шесть фрагментов ***варганов*** — губных язычковых инструментов, сделанных из костяных пластинок — стенок ребер оленя (рис. 3.74 – *8–11*). Изделия обнаружены во всех помещениях жилого комплекса и за его пределами — на северо-западной многофункциональной площадке. Их средние размеры — 14,0 × 1,8 × 0,1 см. Варганы были известны многим народам. Славянские народы изготавливали их из бронзы, меди или железа в виде подковки с удлиненными концами и проскакивающим упругим язычком [*Древняя Русь, 1997.* – С. 185; табл. 107 – *12–14*]. Найденные в раскопе варганы отличаются от славянских по форме и материалу, из которого изготовлены, и являются продуктом местного производства. Они полностью аналогичны изделиям, бытовавшим в бассейне Средней Оби у юганских и васюганских остяков в конце XIX – начале XX веков [*Мартин, 2004.* – С. 26; рис. 23; *Сирелиус, 2001.* – С. 277].

Свистульки (или погремушки) в виде птички — 2 экз. (рис. 3.74 – *12, 13*), очевидно, были получены в результате обмена и привезены в городок. Два фрагмента керамических свистулек обнаружены в развалинах постройки № 6 («остяцкий» квартал № I), в слоях, относящихся к последней трети XVII – первой трети XVIII веков. Начало бытования таких инструментов на Руси относится к XIV веку [*Древняя Русь, 1997.* – С. 184; табл. 107 – *9–11*], но изготавливаются они и по сей день.

Костяной варган до настоящего времени встречается у некоторых хантов и считается в основном женским инструментом. Вместе с тем, хорошо известно, что в традиционной культуре начиная со второй

половины XIX века были широко распространены и другие музыкальные инструменты. Традиционными музыкальными инструментами считаются: специфический ритуальный инструмент — бубен, струнный щипковый инструмент наподобие домры — «*наркас юх*», струнный смычковый инструмент наподобие скрипки — «*на нюх*» и струнный щипковый инструмент наподобие арфы — «*котэн юх*» (лебедь) [*Мартин, 2004.* – С. 139; табл. 18. 19]. Из числа находок, полученных при раскопках, каких бы то ни было музыкальных инструментов, их деталей или фрагментов, кроме варганов из ребра оленя, в настоящее время достоверно не идентифицировано. Этот факт требует более глубокого дополнительного анализа. Скорее всего, музыкальные инструменты не были широко распространены в традиционной культуре населения городка, а часть инструментов, известная по этнографическим материалам, вошла в традиционную культуру северных народов не ранее первой трети XVIII века, что было связано с влиянием русской культуры.

Проанализировав вышеизложенные данные, связанные с культовыми предметами и ритуальной деятельностью, можно сделать ряд обобщений и выводов о религии и религиозной практике жителей Надымского городка. При раскопках зафиксировано наличие священных углов в домах и предметов домашних культов. Ярким примером служит находка в восточном углу постройки № 8 — «полочка» с барельефными изображениями восьми личин. Здесь же были обнаружены четыре черепа оленей с рогами. Именно в этой части дома находились последние жители городка (семья вождя) перед смертью.

О бытовании культов низшей иерархии духов свидетельствуют многочисленные антропоморфные скульптурки. Зафиксировано несколько свидетельств ритуалов, связанных с бытовой магией и домашней обрядностью: граффити на стенах постройки № 6 — изображения, «помогающие» плодородию, пучки волос в основании чувалов построек № 1, 2 и 6. Предметов шаманских ритуалов, таких как детали бубна, колотушки, не найдено. Однако это не исключает проведения шаманских камланий. Зафиксировано, что в жилом комплексе присутствовали монументальные скульптуры, характерные для домов шаманских камланий. Найдена дугообразная пластина от нагрудника, имитирующая грудную кость птицы, на шаманском костюме. К категории подвесок шаманского костюма можно отнести бронзовые украшения XI–XV веков, изрядно потертые от долгого ношения (рис. 3.13). Есть основание говорить о культе медведя, поскольку были найдены берестяные корытца с осложненным изображением медведя, которые явно относились к категории ритуальной посуды, и была обнаружена берестяная маска, какие используют в «медвежьем» празднике (рис. 3.82 – *5*). Кроме этого, в слое не содержались кости медведя, за исключением лапы на южной многофункциональной площадке, в месте нахождения «кладов» оружия и украшений, что, скорее всего, не случайно. К костям медведя относились с большим трепетом, нежели к останкам остальных видов животных.

Также зафиксированы другие факты, позволяющие судить о религиозных взглядах и нравах населения. В частности, об отношении к костям животных, птиц и рыб. Слой чрезвычайно насыщен остеологическими останками, в том числе фрагментами скелетов животных. Их общее число в настоящее время достигает 124 000 от 62 видов. Это кажущееся большомим количество костей накопилось за 150 лет, что является незначительным по отношению к необходимой добываемой массе животных и в основном выглядит случайным. Кости в слое распространены дисперсно, в виде скоплений кухонных отходов и следов ритуальных действий. Все это свидетельствует об особом отношении к костям. В одном случае — о рациональном, поскольку, судя по собачьим копролитам, кости с остатками пищи скармливались собакам. В другом случае — об иррациональном, о чем свидетельствуют ритуальные захоронения, черепа оленей в фундаментах домов, скопления отдельных частей скелетов и использование костей в качестве украшений — оберегов. Об особом отношении к собаке говорит ритуальное захоронение суки с пятью щенками. Перед захоронением у собаки были извлечены внутренности и кости грудной клетки.

Ритуальная деятельность и обряды жертвоприношения в городке, с участием большого числа людей, осуществлялись на многофункциональных площадках, о чем свидетельствуют остатки ритуального кострища, окруженного останками черепов и рогов оленя, на южной площадке и следы промысловых ритуалов: фигурки оленя, маленькие луки и стрелы как детали ритуальных костюмов — на северо-западной (рис. 2.4–2.6; 2.98–2.100). В целом можно заключить, что ритуальная деятельность и религия жителей Надымского городка находят много параллелей в культовой практике аборигенных народов Северо-Западной Сибири, зафиксированной исследователями-этнографами в конце XIX – XX веках [*Карьялайнен, 1994*; *1995*; *1996*; *Хомич, 1971*; *1977*; *1995*].

Рис. 3.1. Детали костюма: одежда.
1–8 – детали и фрагменты шубы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.). *1* – воротник; *2, 3* – рукав; *4* – полка; *5, 7* – подкладка из заячьего меха; *6* – плетеный суконный пояс; *8* – опушка из меха лисицы; ***9–14*** – образцы тканей и войлочного полотна (слой последней трети XVI – первой трети XVIII вв.): *9* – красное сукно; *10* – бесцветное сукно; *11* – зеленое сукно; *12, 13* – льняная ткань с орнаментом; *14* – войлок; *15, 16* – пряжки бронзовые с железными язычками и остатками кожаных ремней (2-я половина XVII в.)

Рис. 3.2. Детали костюма: одежда.
1 – лоскут шелковой ткани (постр. № 2, «остяцкий» квартал № II; последняя треть XVII в.);
2 – фрагмент орнаментального фриза из сукна (варежки или полки костюма; середина XVII в.)

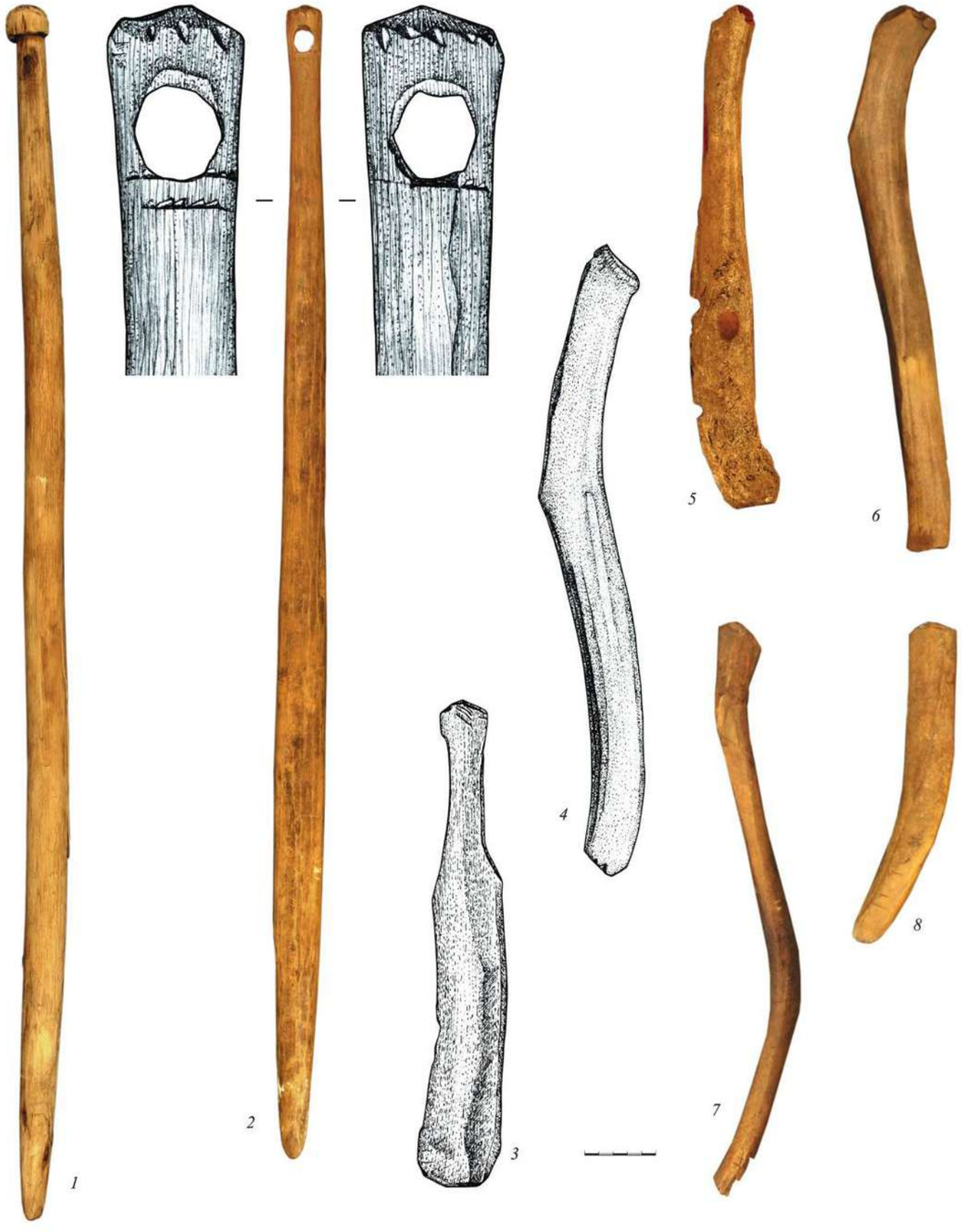


Рис. 3.3. Орудия для очистки меховой одежды — выбивалки снега «*янгаць*» (нен.).
1, 2 – выбивалки мужские из дерева «*хасава янгаць*»; *3–7* – выбивалки женские из рога оленя «*не янгаць*»

Рис. 3.4. Детали костюма: одежда.
1, 2 – рукавицы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.). *Разноцветное сукно*

Рис. 3.5. Детали костюма: одежда. *1, 2* – комплекты выкроек рукавиц (XVII в.). *Береста*

Рис. 3.6. Детали костюма: обувь — сапоги и туфли.
Детали и целые изделия (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № 1; конец XVI – начало XVII вв.).
1, 2 – суконные голенища сапог; *3* – обувная головка для сапога из сукна; *4* – обувная головка из телячьей кожи; *5–8* – женские и мужские туфли из телячьей кожи и сукна со стельками из травы

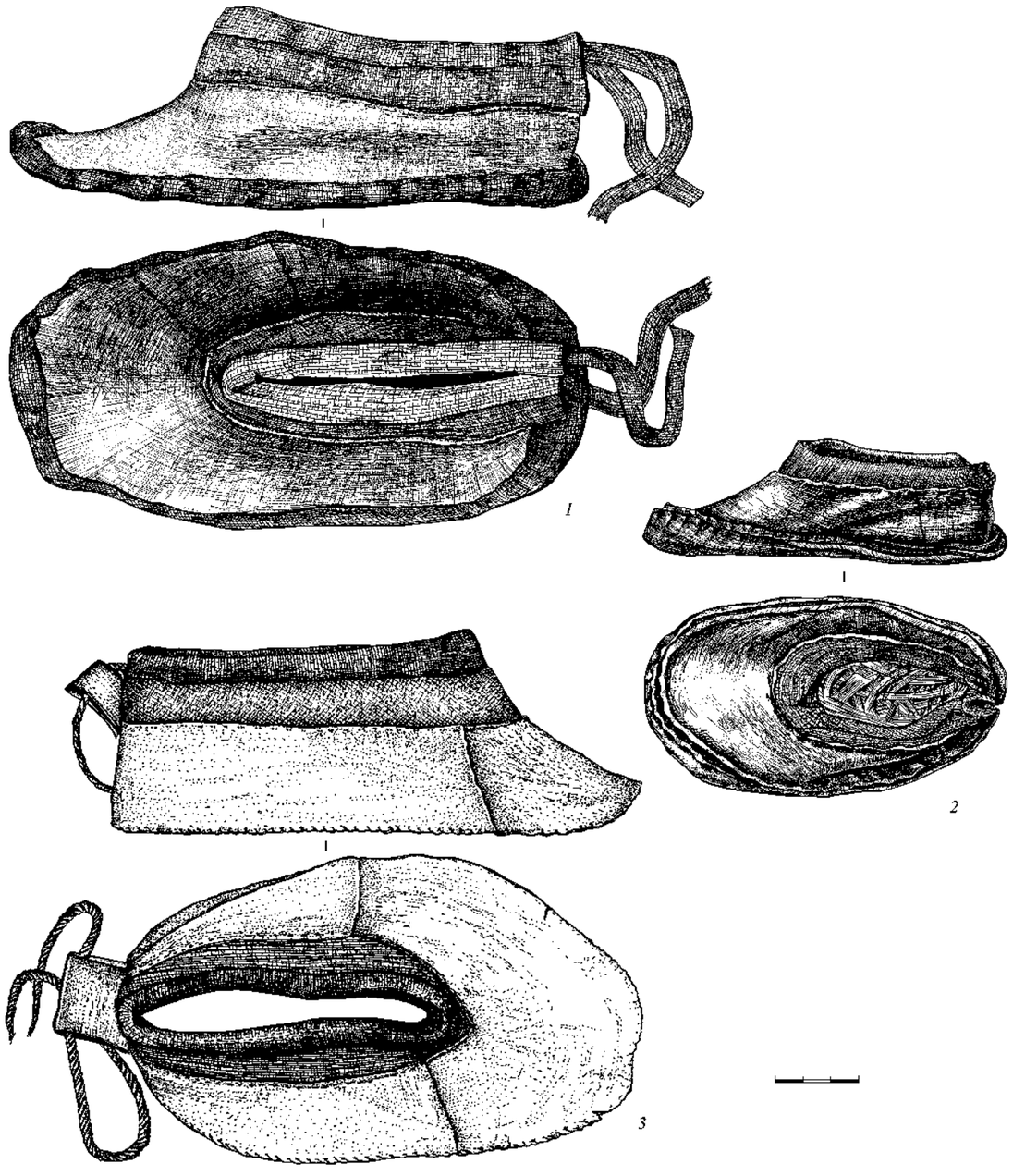


Рис. 3.7. Детали костюма: обувь — женские и мужские туфли
(хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.).
1 – туфля с кожаной головкой, суконной подошвой и суконным голенищем (см. рис. 3.6 – *6*);
2 – детская туфля (для девочки) с кожаной головкой, подошвой, суконным голенищем и стелькой из травы;
3 – мужская туфля с кожаной головкой и суконным голенищем (см. рис. 3.6 – *7*)

Рис. 3.8. Детали костюма: обувь (детали).
1 – фрагмент обувной головки из телячьей кожи; *2* – фрагмент обувной головки сапога (?) из телячьей кожи,
3 – подошва из телячьей кожи; *4* – подошва из сукна; *5* – подошва из телячьей кожи; *6* – обувная головка из телячьей кожи;
7 – фрагмент обувной головки сапога (?) из сукна; *8* – выкройка подошвы из бересты; *9* – обувная стелька из травы;
10 – выкройка из бересты фрагмента обувной головки сапога (?)

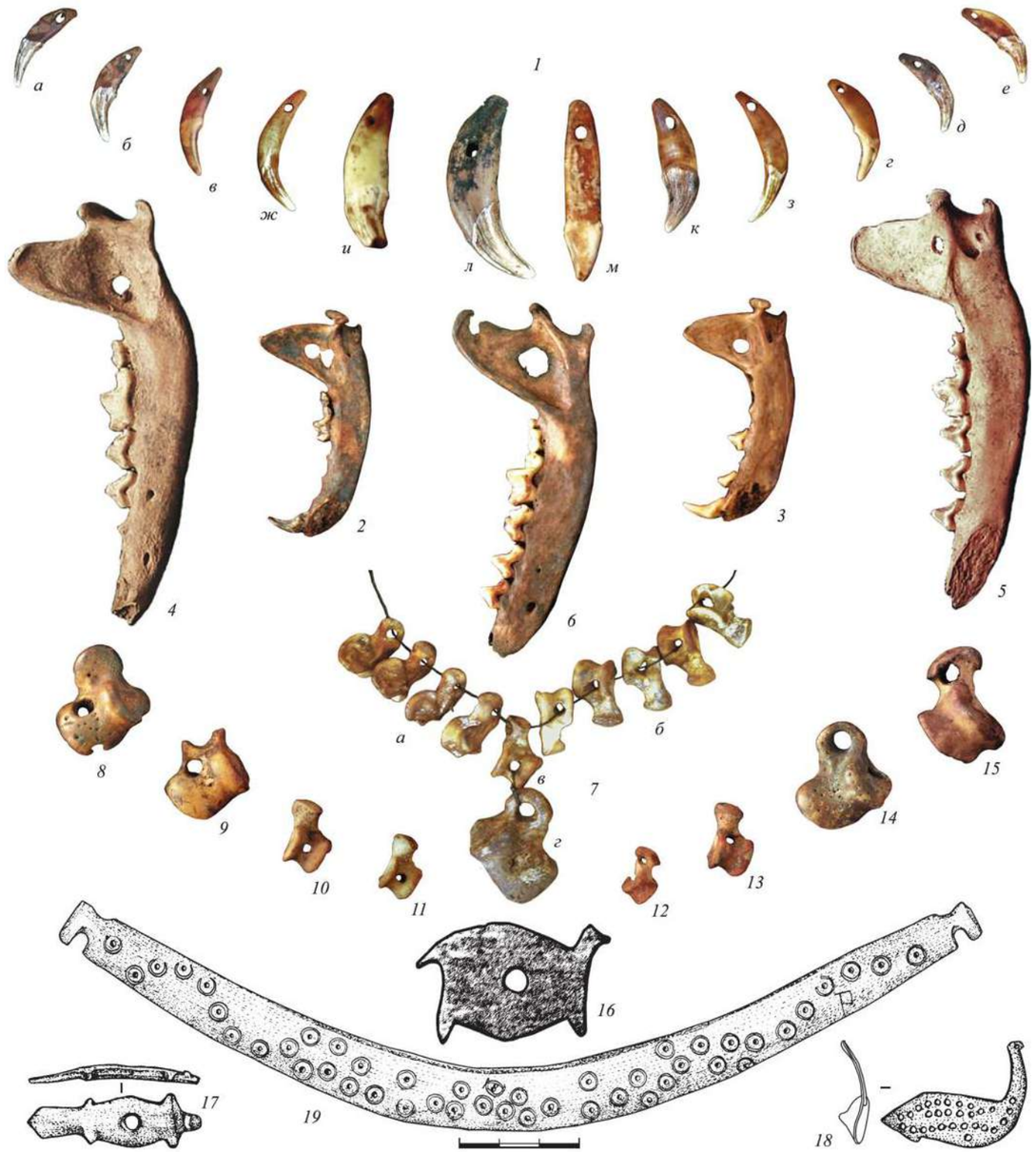


Рис. 3.9. Детали костюма: подвески и амулеты из костей животных.
1 – подвески из клыков: *а–в, г–е* – песца; *ж, з* – лисицы; *и, к* – росомахи; *л* – волка; *м* – резец лося; *2, 3* – правые челюсти соболя; *4, 5* – правая и левая челюсти лисицы; *6* – левая челюсть песца; ***7–15*** – подвески из таранных костей: *7* – реконструкция ожерелья (скопл. в постр. № 3; последняя треть XVII в.): *а, в* – заяц; *б* – песец, заяц; *г* – бобр; *8, 9, 14* – бобр; *10, 11* – песец; *12* – соболь; *13* – заяц; *15* – росомаха; *16* – подвеска в виде фигуры бобра из бивня мамонта; *17* – подвеска в виде фигуры оленя (росомахи?) из бивня мамонта; *18* – фигурка птицы (гуся?) из лопатки оленя, нашивка; *19* – пластина из кости

Рис. 3.10. Детали костюма: украшения из олова.
1–6 – нашивные украшения в форме арки; *7–10* – нашивные украшения в форме квадрата; *11–17* – нашивные украшения в форме косого креста; *18–21* – нашивные украшения комбинированной формы; *22–24* – нашивные украшения в форме плоского кольца; *25–27, 29, 30* – подвески индивидуальной формы; *31, 32* – украшения специфические; *28, 33, 34* – бусины-пуговицы; *35–38* – перстни

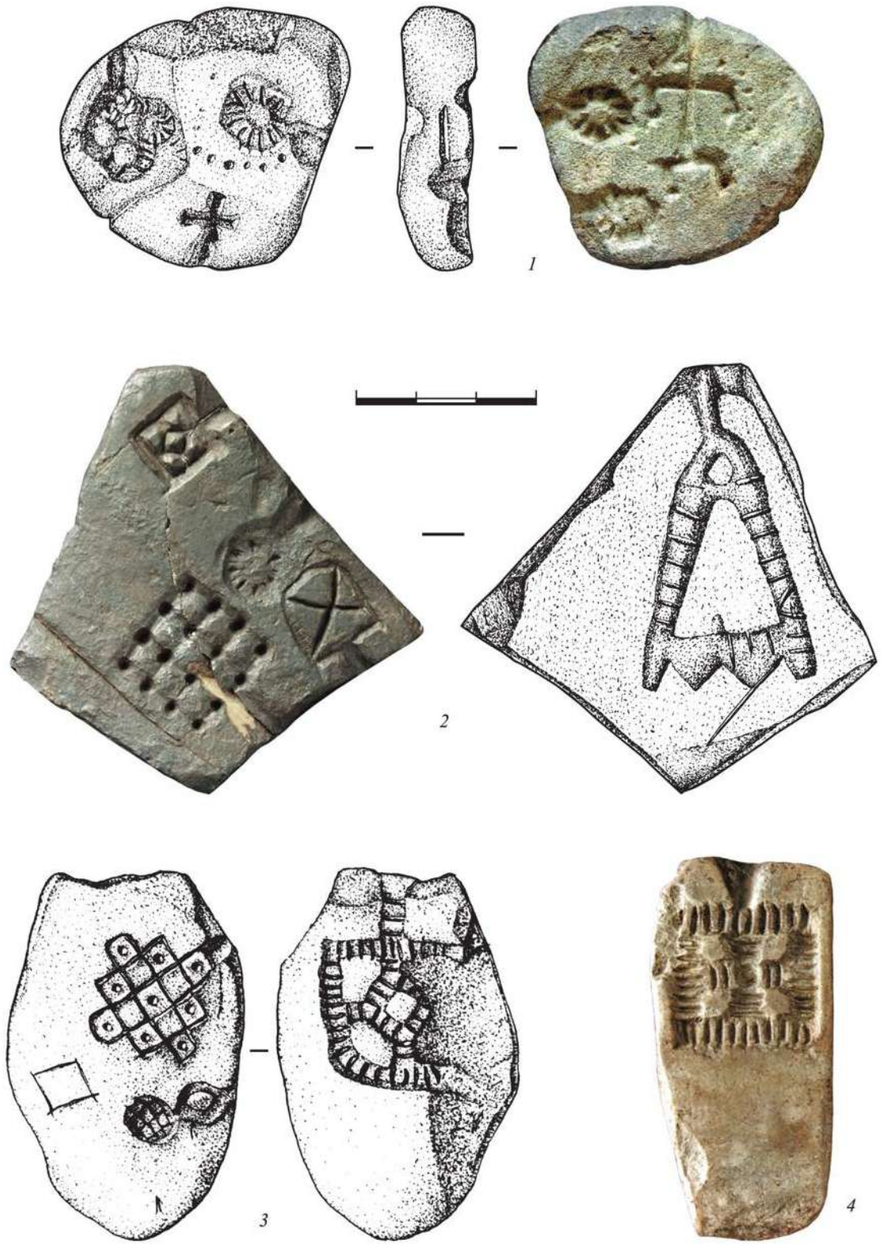


Рис. 3.11. Формы из камня для отливки украшений костюма из олова.
1 – для отливки украшений в форме косого креста, маленького крестика, плоского кольца и антропоморфной фигуры; *2* – для отливки украшений в форме квадрата, арки, плоского кольца и подвески индивидуальной формы; *3* – для отливки украшений в форме арки, косого креста и бусины-пуговицы; *4* – для отливки украшения в форме квадрата

Рис. 3.12. Детали костюма: украшения из серебра, меди, бронзы, железа и стекла.
1 – деталь очелья: подвеска в форме рыбки (*серебро*); *2* – деталь очелья: подвеска (*серебро*); *3* – фрагмент очелья (*серебро, чернь*); *4* – височное кольцо трехбусинное? (*медь*); *5* – височное кольцо (*медь*); *6* – фрагмент височного кольца (*медь, оловянный бисер*); *7* – височное кольцо (*серебро*); *8* – серьга (*железо, олово, стекло*); *9* – серьга (*железо, медь*), *10* – пуговица (*бронза*); *11* – фрагмент подвески (*бронза*); *12* – подвеска с изображением всадника (*бронза*); *13, 15* – бусины-пуговицы (*медь*); *14* – деталь подвески (*бронза*); *16* – бляха нагрудная (*бронза*); *17–26* – бусины (*17–19, 21–26 – стекло; 20 – хрусталь?*); *27* – пластинчатый браслет (*железо*); *28, 29* – перстни с круглым щитком и циркульным орнаментом (*медь*); *30* – перстень с изображением льва? (*бронза*); *31* – перстень с монограммой (*медь*); *32* – перстень с округлым щитком и изображением птицы (*медь*); *33* – вставка в перстень (*стекло*); *34* – перстень с кастиком под вставку (*медь*)

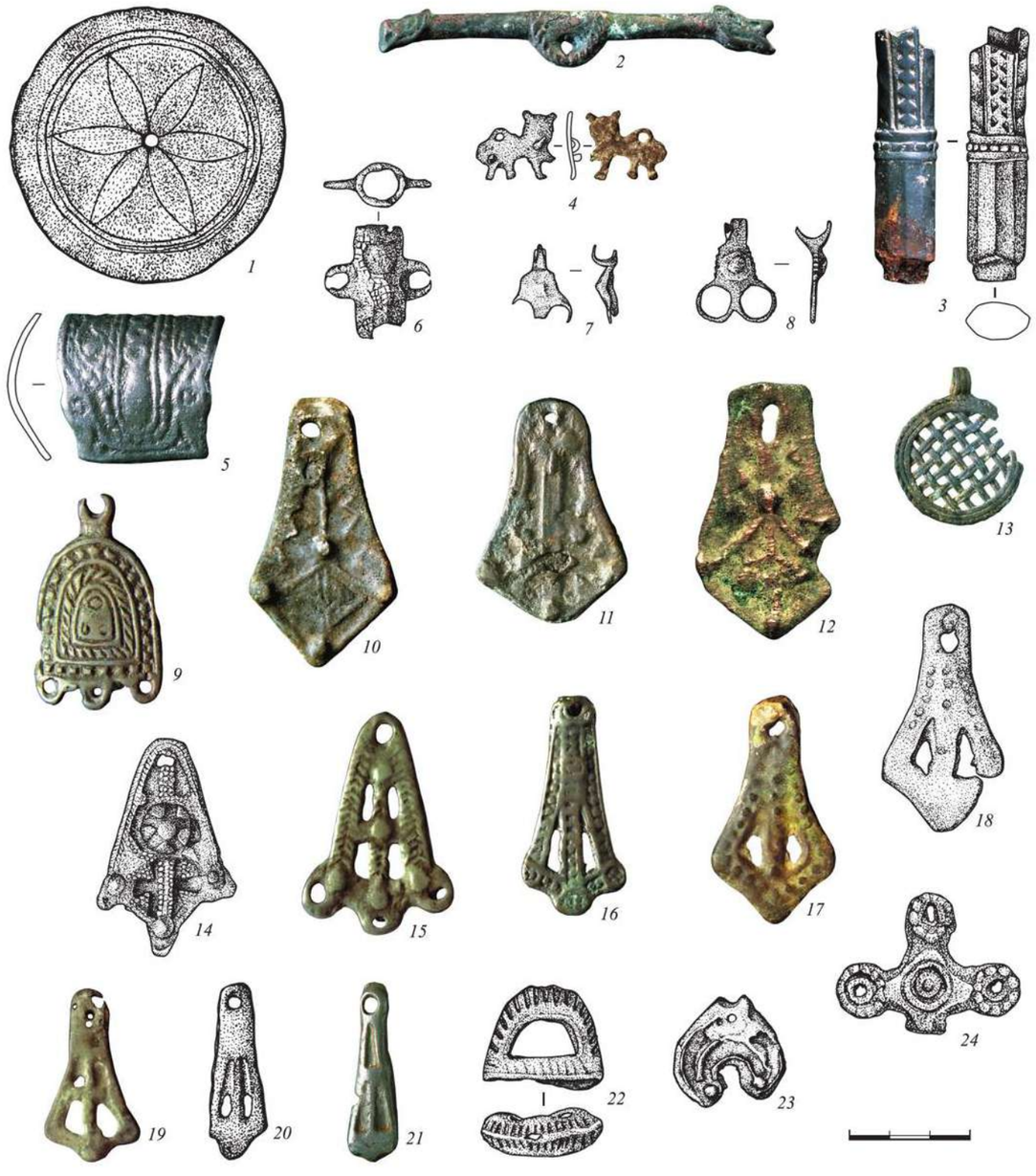


Рис. 3.13. Детали костюма: украшения, относящиеся к периоду с I по XVI вв.
1 – «зеркало», IV–III вв. до н. э. – V–VI вв. н. э.; *2* – стержень для крепления колчана, конец IX–XI вв.; *3* – фрагмент рукояти ножа, конец IX–XI вв.; *4* – накладное зооморфное украшение, XIII–XIV вв.; *5* – фрагмент пластинчатого браслета, конец IX–XI вв.; *6* – подвеска-«пронизка» — деталь составного «шумящего» украшения, XII–XIV вв.; *7, 8* – трехчастные разделители — детали составного «шумящего» украшения, XIII–XIV вв.; *9* – щиток — деталь подвески, XIII–XV вв.; *10–12, 14–21* – подвески «лапчатые», XIII–XV вв.; *13* – подвеска круглая «сетчатая», XII–XIV вв.; *22* – подвеска зооморфная, XIII–XV вв.; *23* – подвеска-«лунница», XIII–XV вв.; *24* – подвеска-«крестовидная», XIII–XV вв. *1, 2, 4–24 – бронза; 3 – бронза, железо*

Рис. 3.14. Лук и снаряжение лучника.
1 – фрагмент сложносоставного лука из деревянных деталей (*а* – хвостовик, *береза*; *б* – наружная кремлевая пластина, *сосна*; *в* – внутренняя пластина, *береза*); *2* – деталь сложносоставного лука — хвостовик (*береза*); *3–8* – щитки для защиты запястья от удара тетивы (*рог северного оленя, бивень мамонта*); *9* – застежка для ношения колчана (*рог северного оленя*)

Рис. 3.15. Стрелы и наконечники стрел из дерева — томары.
1–3, 6, 8 – цельнодеревянные стрелы — томары (*1, 2* – целые стрелы; *3, 6, 8* – фрагменты поражающей части); *4, 7, 9* – фрагменты древков стрел; *5* – детали комбинированного томара: *а* – деревянная поражающая часть; *б* – костяной утяжелитель; *10, 11* – железные элементы томаров с комбинированной поражающей частью

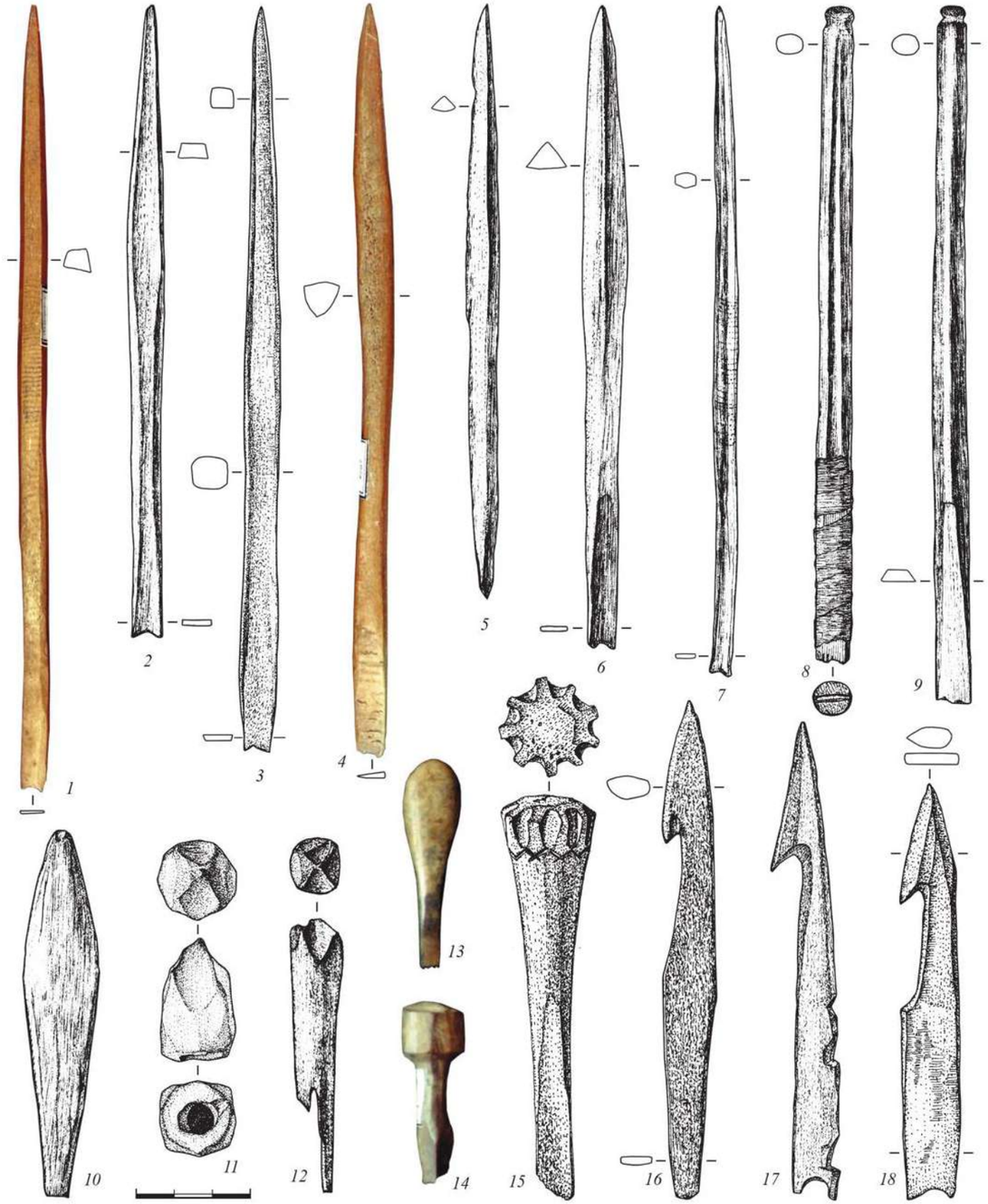


Рис. 3.16. Снаряжение лучника: наконечники стрел из кости.
1–9 – стержневидные наконечники стрел четырехгранного, трехгранного и круглого сечения; *10* – листовидный наконечник стрелы; *11–15* – томары разных типов; *16–18* – наконечники стрел с шипом — «гарпуны» (?)

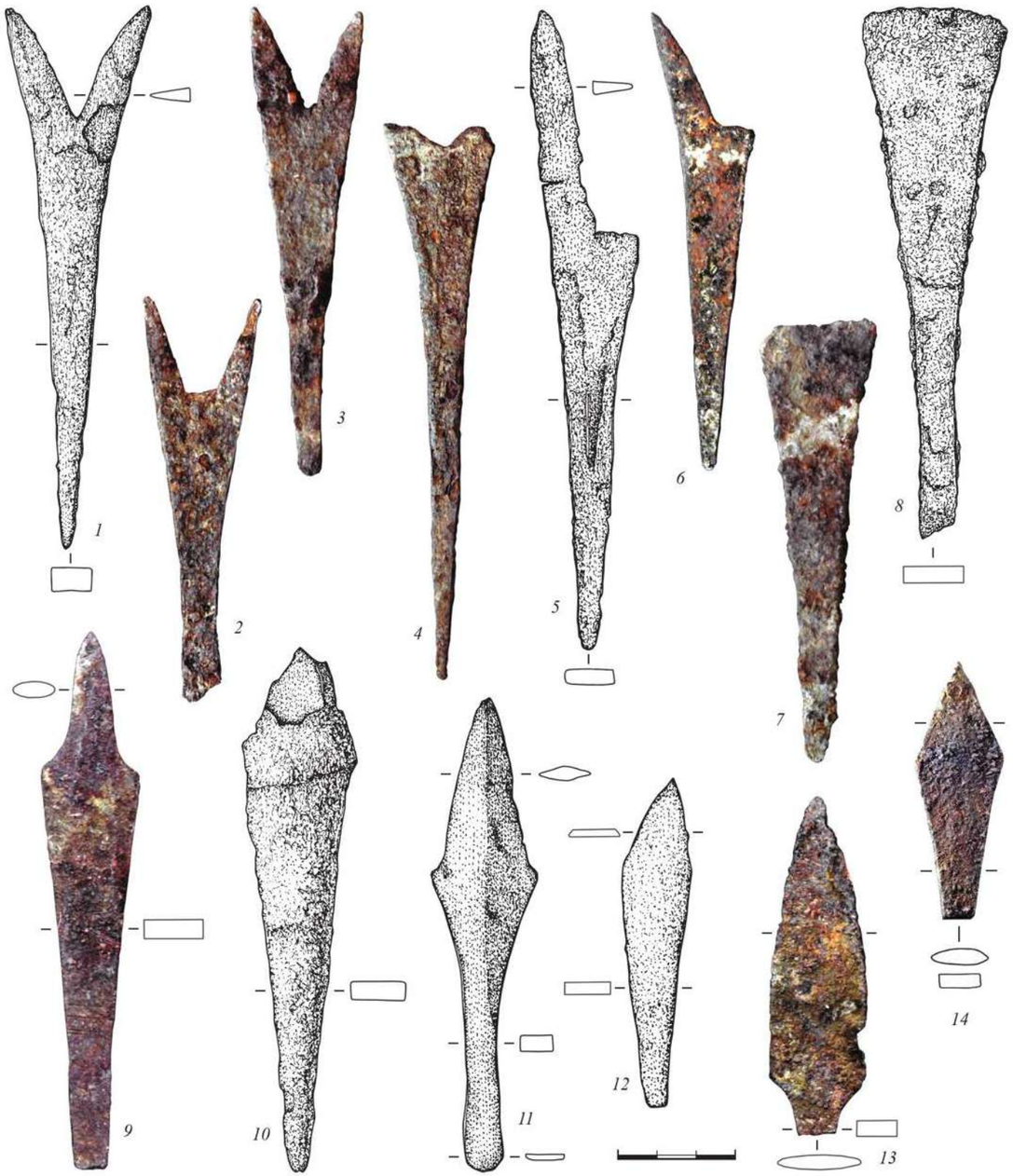


Рис. 3.17. Снаряжение лучника: наконечники стрел из железа.
1–6 – вильчатые наконечники стрел; *7, 8* – треугольные наконечники стрел с расширяющимся острием;
9–12, 14 – ассиметрично-ромбические наконечники стрел; *13* – наконечник листовидной формы с черешком

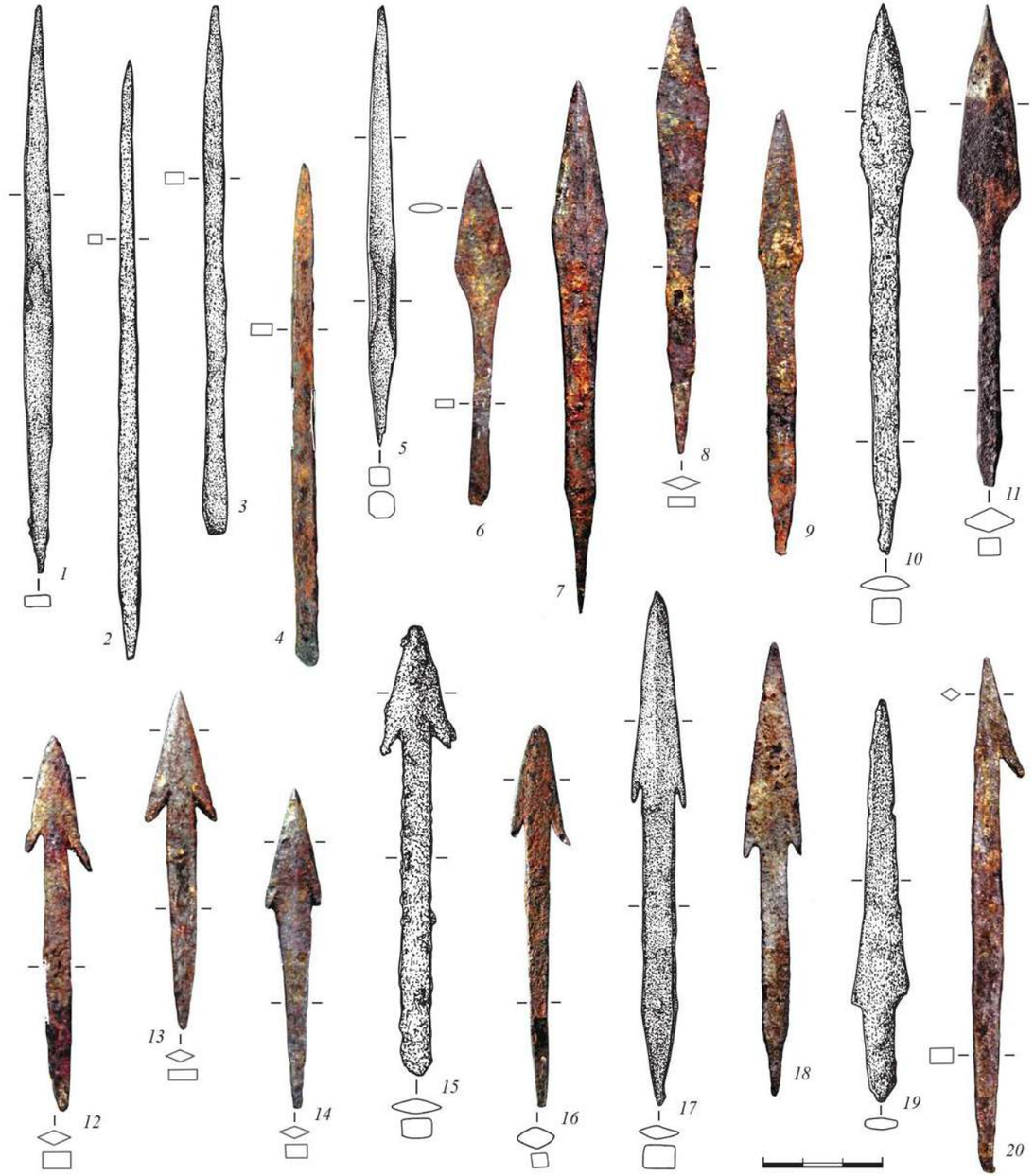


Рис. 3.18. Снаряжение лучника: наконечники стрел из железа.
1–5 – стержневидные наконечники стрел четырехгранного сечения; *6–11* – длинночеренковые наконечники стрел
с треугольным или ромбическим проникателем; *12–19* – длинночеренковые наконечники стрел с треугольным проникателем
с шипами; *20* – длинночеренковый наконечник стрелы с шипом

Рис. 3.19. Самострелы и ловушки (детали).
1, 2 – ложе самострела из дерева; *3, 4* – фрагменты цельнодеревянных луков от самострелов и ловушек;
5–17 – насторожки — детали самострелов и ловушек: *5* – тип I (*дерево*); *6–11* – тип II (*кость*), *12* – тип III (*дерево*);
13, 14 – тип IV (*дерево*); *15–17* – тип V (*дерево*)

Рис. 3.20. Самострелы и ловушки натяжного ударного действия (черкан, «пасть»).
1, 3 – фрагменты ударных пластин; *2, 4* – фрагменты ложа. *Дерево*

Рис. 3.21. Принадлежности рыболовства.
1 – фрагменты ловушки типа верши («морды»); *2, 3* – рыболовные крючки с шипами (тип I);
4–6 – рыболовные крюки — детали «багров» (тип II); *7, 8* – поплавки рыболовных сетей; *9–12* – грузила рыболовных сетей.
1, 8 – дерево; 2–6 – железо; 7 – дерево, лыко; 9–11 – камень, лыко; 12 – береста, глина

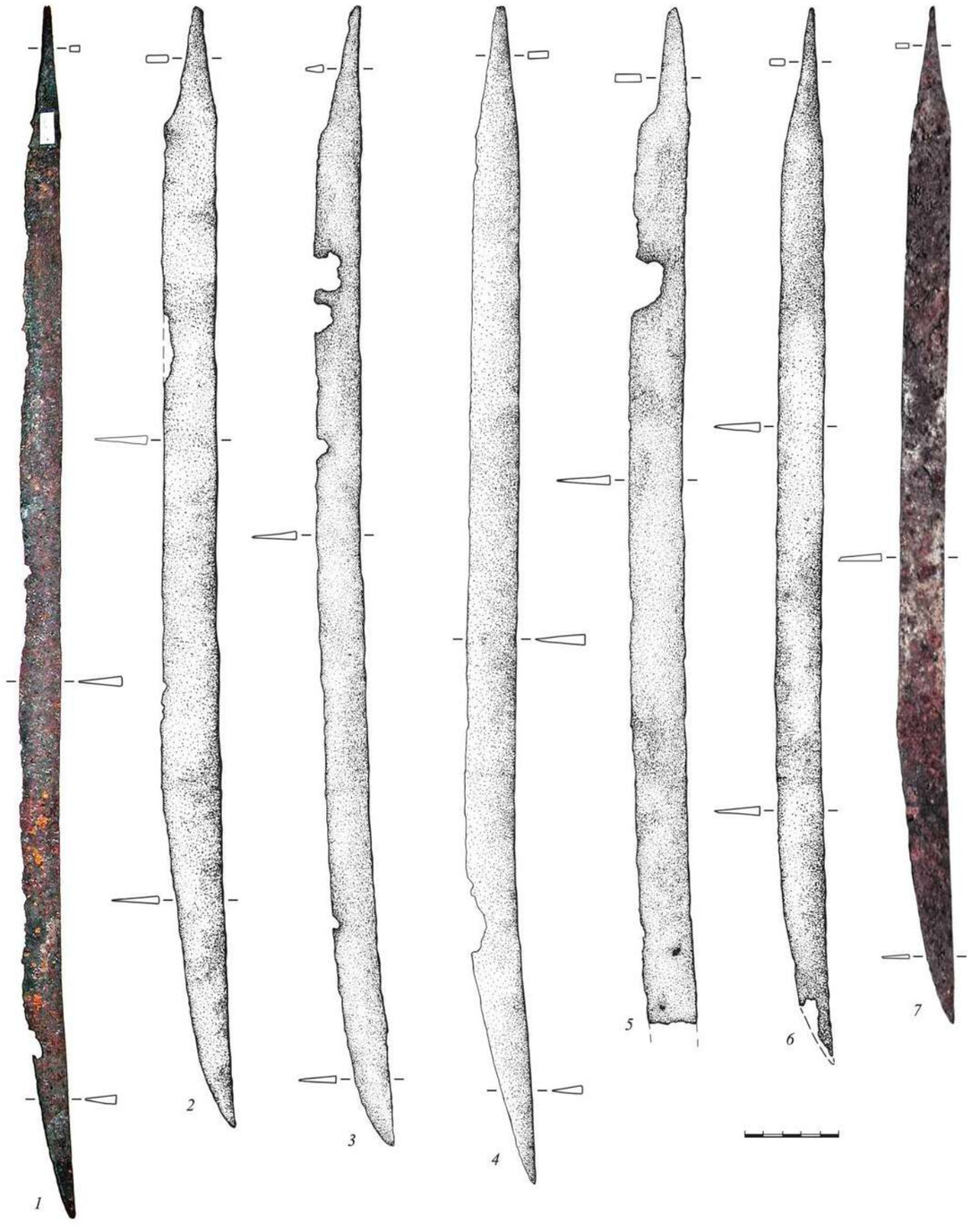


Рис. 3.22. Боевое оружие местного производства.
Клинки слабоизогнутых сабель из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

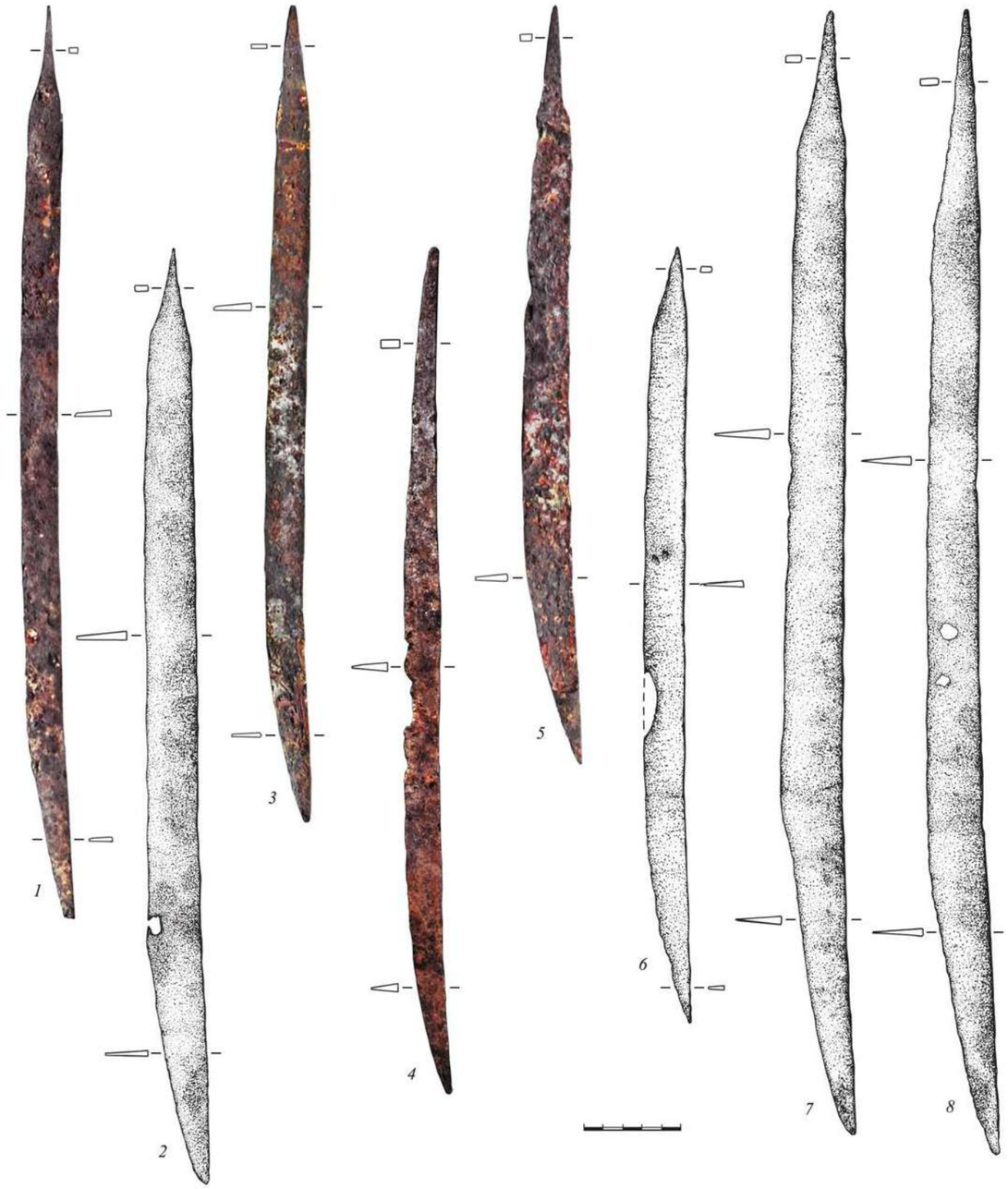


Рис. 3.23. Боевое оружие местного производства.
Клинки слабоизогнутых сабель из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

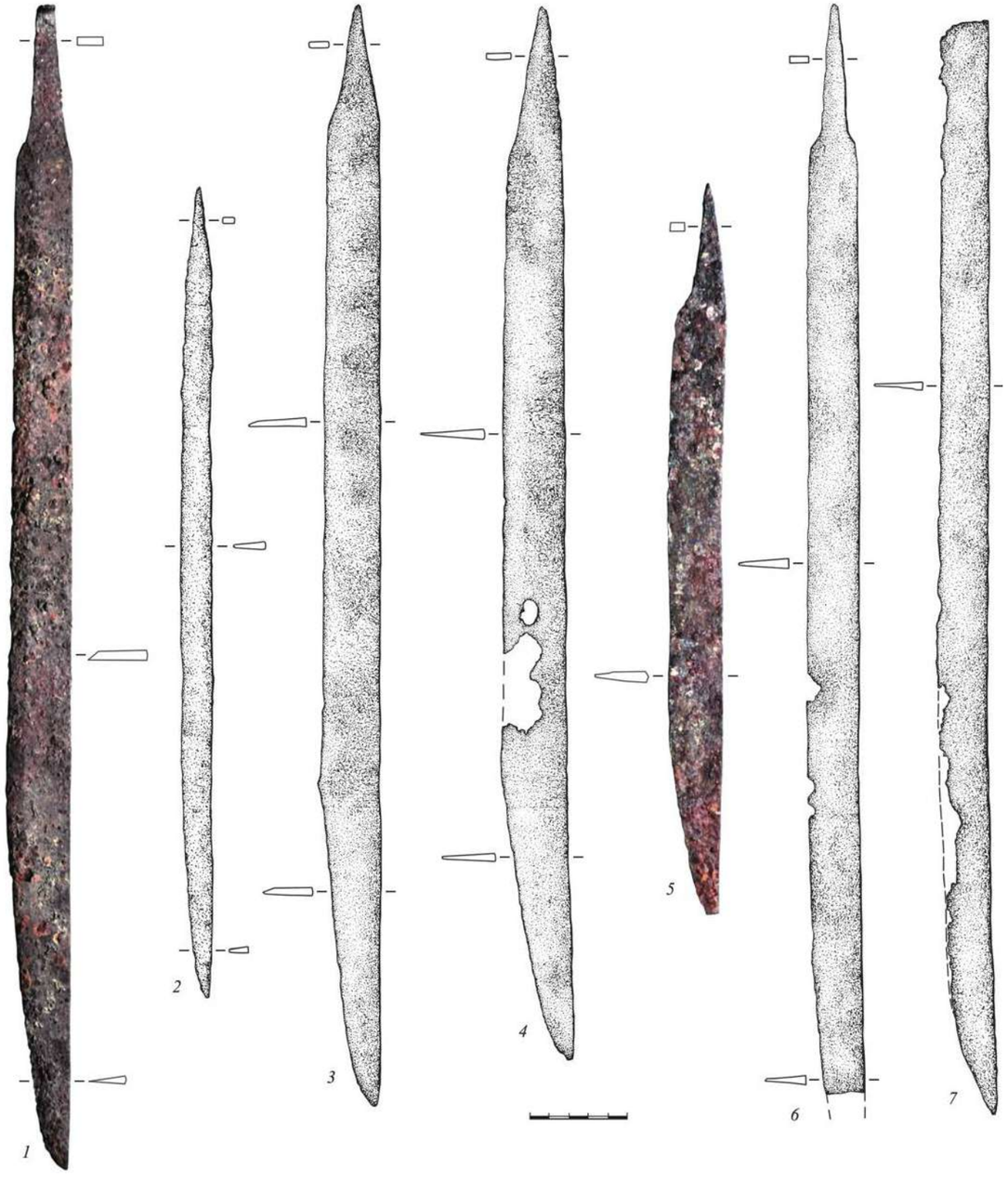


Рис. 3.24. Боевое оружие местного производства.
Клинки палашей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

Рис. 3.25. Боевое оружие местного производства.
1– наконечник копья; *2* – клевец (?) из скованных черенками клинков ножей; *3, 4* – фрагменты клинков слабоизогнутых сабель; *5–9* – клинки боевых ножей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

Рис. 3.26. Боевое оружие местного производства.
Фрагменты клинков слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

Рис. 3.27. Боевое оружие импортного происхождения.
1–3, 7 – фрагменты клинков изогнутых сабель с обоюдоострой елманью из состава «клада оружия» 1730 г.; *4, 5* – фрагменты клинков палашей или тяжелых шпаг (?) из состава «клада оружия» 1730 г.; *6* – фрагмент клинка пальмы из состава «клада оружия» 1730 г.; *8* – фрагмент клинка сабли или палаша (?) с медной обоймой рукояти из постр. № 8 (дом вождя; слой конца XVII – первой трети XVIII вв.). *Железо*

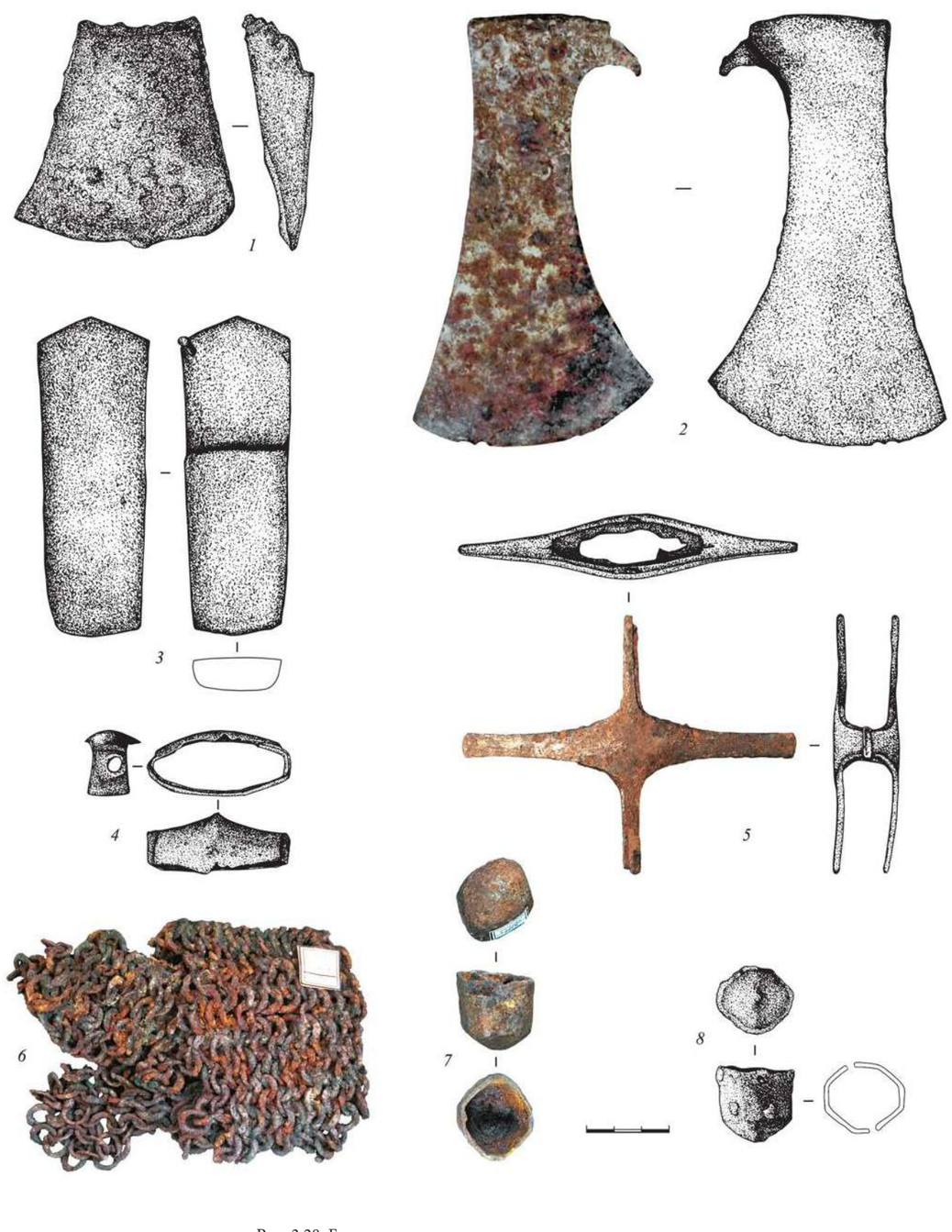


Рис. 3.28. Боевое оружие импортного происхождения.
1, 2 – боевые топоры: фрагмент лезвия и целое изделие из состава «клада оружия» 1730 г.; *3, 4* – детали ножен сабли или палаша: наконечник и обойма из состава «клада оружия» 1730 г.; *5* – деталь гарды сабли: перекрестие из состава «клада оружия» 1730 г.; *6* – фрагмент кольчужного панциря (слой конца XVII – первой трети XVIII вв.; северо-западная МФП); *7* – вток (слой конца XVII – первой трети XVIII вв., северо-западная МФП); *8* – вток из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо*

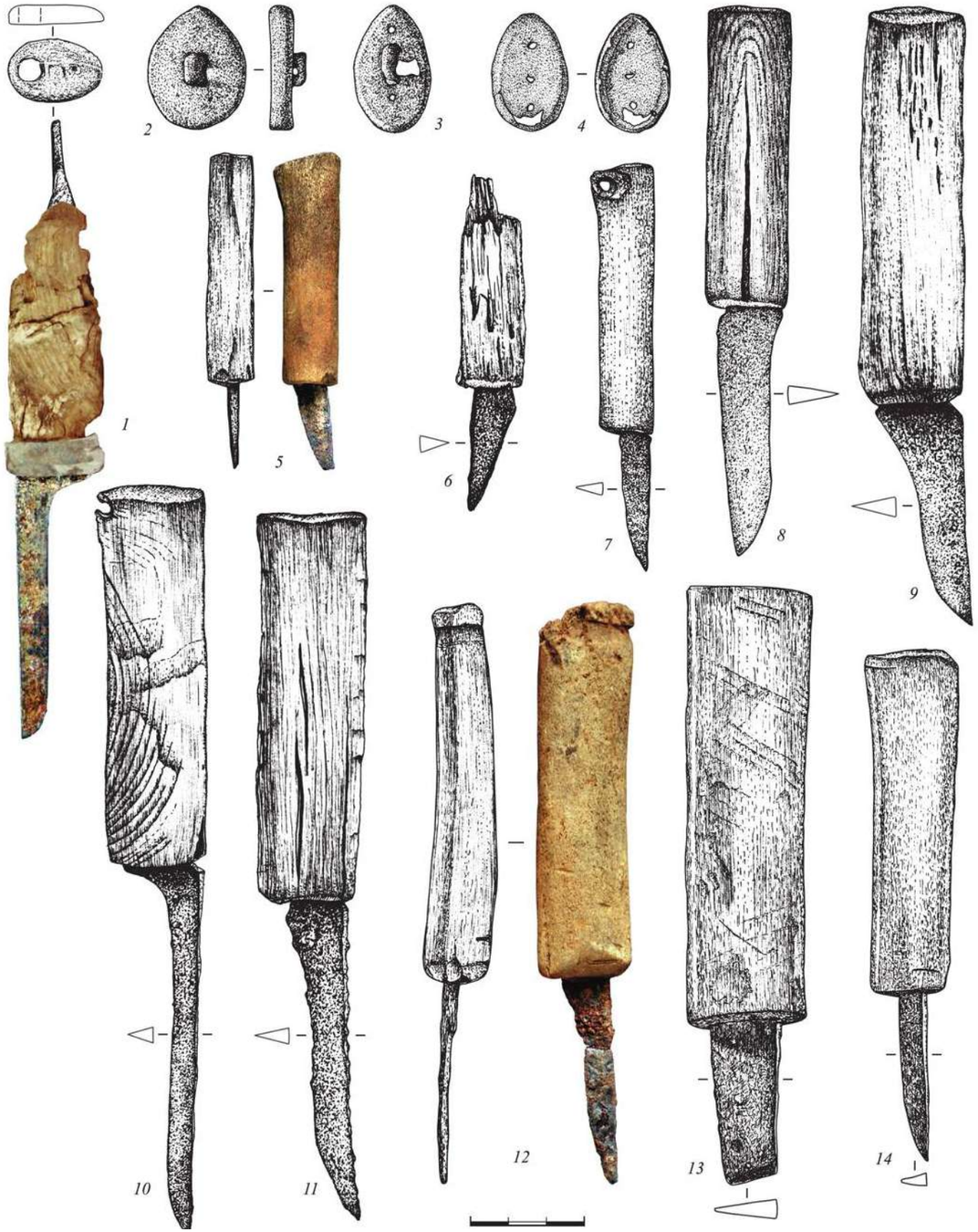


Рис. 3.29. Предметы быта: универсальные хозяйственные железные ножи и их аксессуары.
1 – нож с деревянной рукоятью и торцевыми обоймами из олова — тип I (постройка № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *3, 4* – детали рукояти — обоймы из олова (*2, 3*) и меди (*4*) (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.); *5–14* – ножи с клинками разных типов в рукоятях из дерева — тип II (*6, 8–11*) и рога северного оленя — тип III (*5, 7, 12–14*)

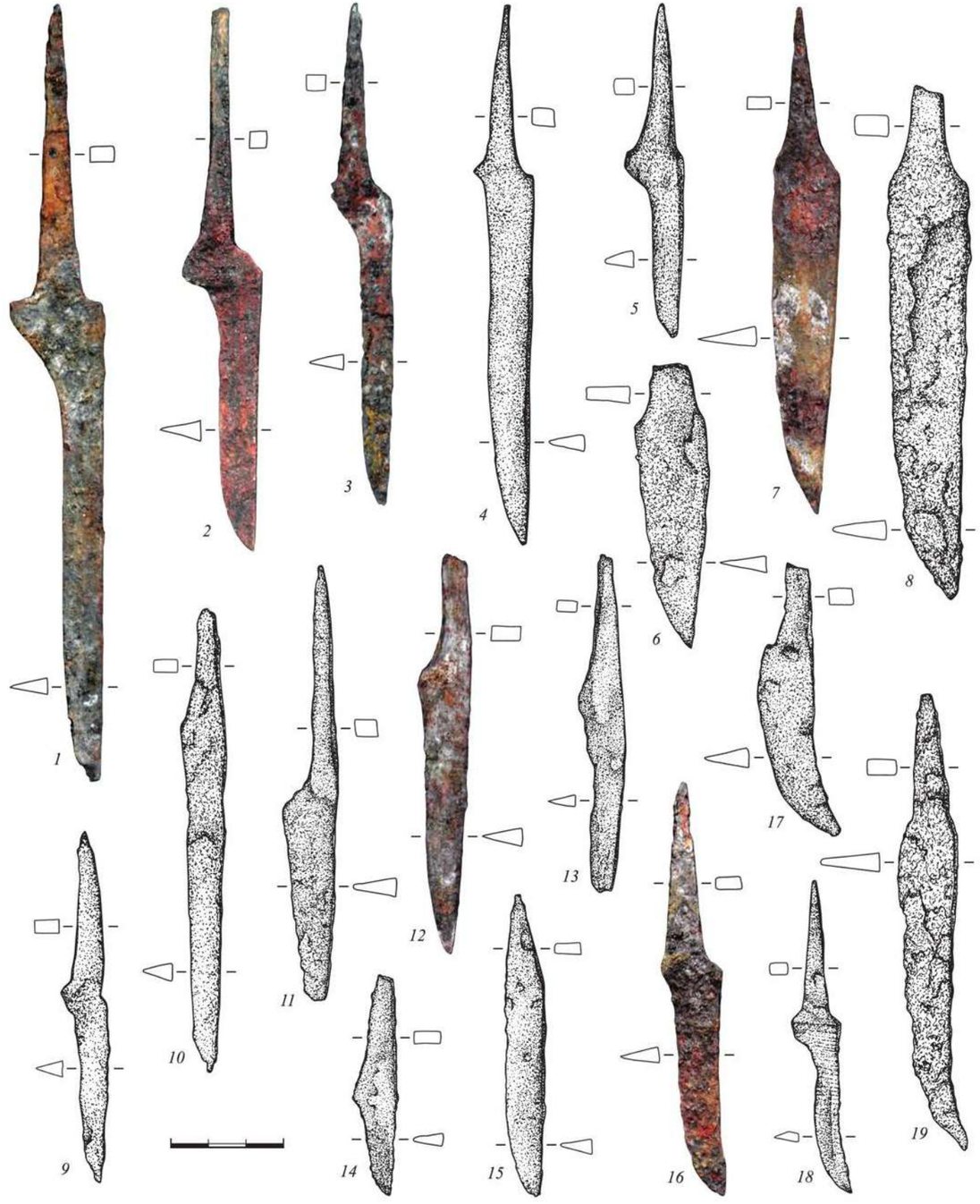


Рис. 3.30. Предметы быта: клинки универсальных и специализированных хозяйственных ножей.
1–5 – клинки универсальных ножей импортного происхождения (?) — тип I; *2–4* – клинки универсальных ножей импортного происхождения (?) — тип II; *10–13* – клинки универсальных ножей местного производства (?) — тип III; *6–9, 17–19* – клинки специализированных ножей местного производства (*17*) и импортного происхождения (*16–19*). *Железо*

Рис. 3.31. Предметы быта: рукояти и аксессуары хозяйственных ножей.
1 – ножны от ножа импортного происхождения из телячьей кожи с деревянной пластиной — тип I; *2–4* – рукояти хозяйственных ножей из рога северного оленя (*2, 4*) и дерева (*3*); *5–8* – рукояти для заточки лезвия ножа: из дерева (*5, 6, 8*) и рога северного оленя (*7*); *9, 11* – оселки из мелкозернистого камня; *10, 12* – точильные бруски из крупнозернистого камня

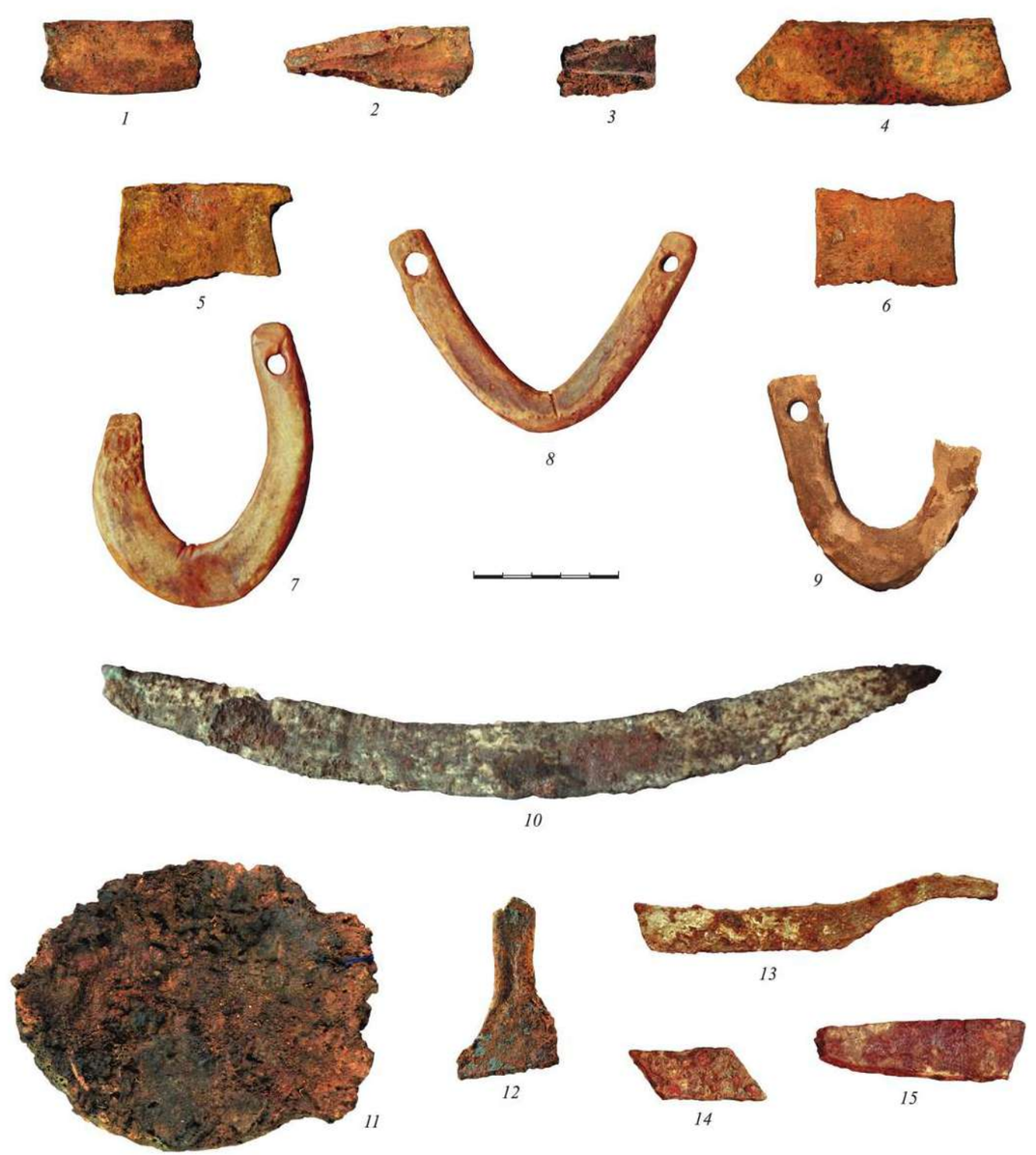


Рис. 3.32. Заготовки и отходы кузнечного производства.
1–6 – фрагменты плотницких топоров, разбитые на кузнечные заготовки после длительного употребления: обухи (*1–3, 6*) и лезвия (*4, 5*); *7–9* – скобы для ношения топора со следами вторичного употребления в процессе изготовления сухожильных нитей; *10, 12–15* – заготовки и отходы кузнечного производства; *11* – металлургическая крица.
1–6, 10–15 – железо; 7–9 – рог северного оленя

Рис. 3.33. Принадлежности деревообработки.
1–4, 9 – клинья для расщепления древесины; *5–8, 15* – рубанки (струги); *10, 11* – клинки ножей резцов-«ложкорезов»; *12–14* – сверла — наконечники для лучковых дрелей; *16* – полотно пилы для резки кости и рога (первая треть XVII в.); *17* – модель применения рубанка (струга) и бытового ножа для оцилиндровки древка стрелы.
1–7 – рог северного оленя; 8, 9, 15 – дерево; 10–14, 16 – железо

Рис. 3.34. Принадлежности для обработки шкур.
1, 2 – лезвия скребков для обработки шкуры — снятия мездры крупного животного; *3–6* – фрагменты и целые детали пял для растяжки и сушки шкурок горностая; *7–9* – лощила для обработки шкур — снятия мездры или последующего размягчения. *1, 2 – железо; 3–6 – дерево; 7–9 – кость*

Рис. 3.35. Принадлежности для плетения.
1, 9, 10 – мотовила для хранения тонких веревок и нитей; *2–5* – фрагменты и целые иглы для плетения сетей; *6–8* – иглы (проколки) из кости для плетения или прошивки толстыми нитями; *11* – крюк — деталь горизонтального станка для плетения поясов (северо-западная МФП; слой первой трети XVIII в.).
1, 2, 5, 9, 10 – дерево; 3, 4, 6–8, 11 – кость

Рис. 3.36. Предметы быта: швейные инструменты и принадлежности.
1–3 – детали игольников из кости птицы (лебедя?); *4, 5* – суконные игольники (*4 – цветное сукно*; постр. № 7, «остяцкий» квартал № I; слой середины XVII в.; *5 – цветное сукно, шелк*; постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; слой конца XVI – начала XVII вв.); *6–9* – наперстки из меди (*6, 9*) и жести (*7, 8*); *10* – швейные иглы (*железо*)

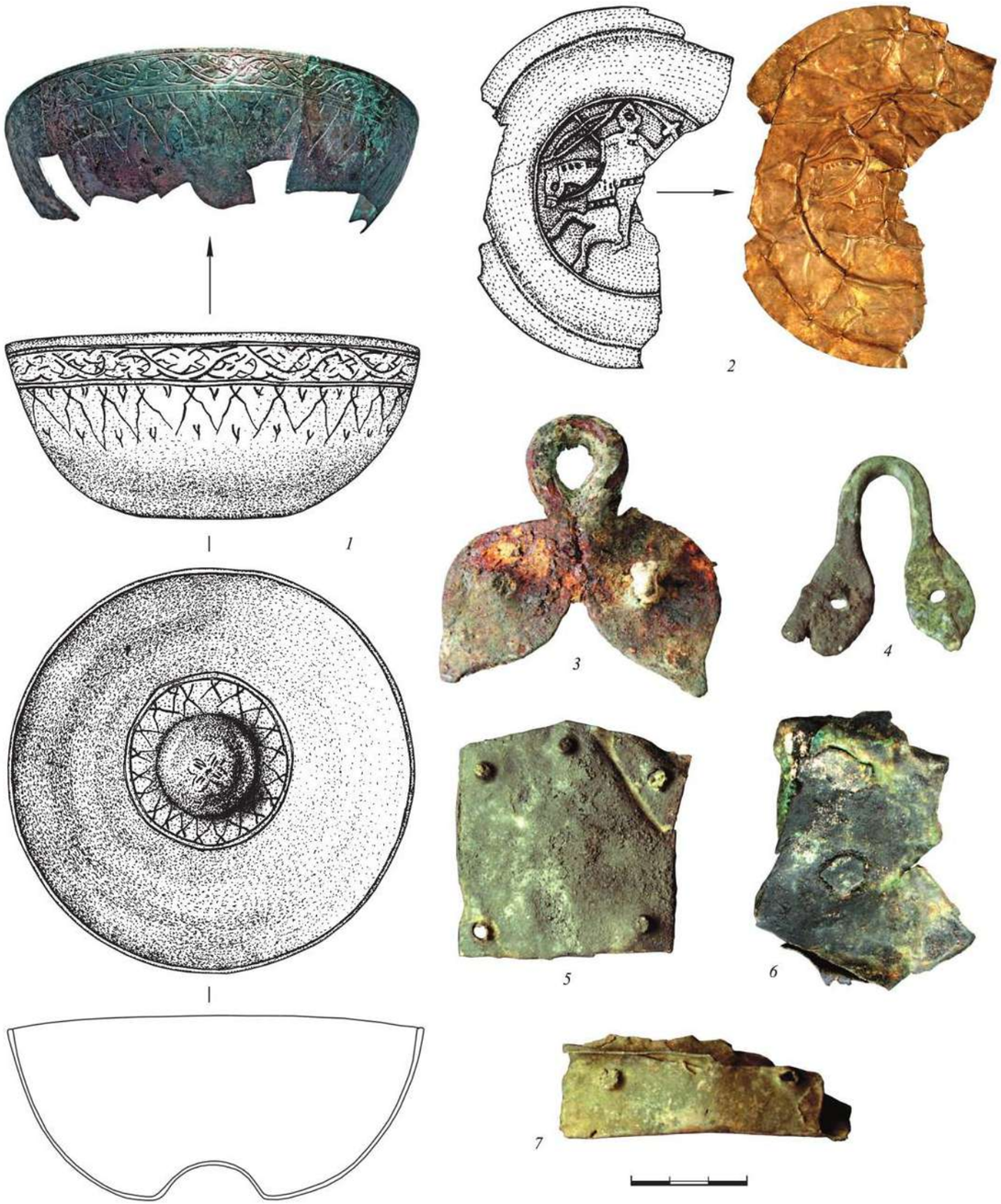


Рис. 3.37. Предметы быта: металлическая посуда.
1 – чаша из бронзы с гравированным орнаментом (южная (ритуальная) площадка, «клад бронзовых изделий»;
2 – блюдце из серебряной фольги (южная (ритуальная) площадка, слой второй половины XVII в.);
3, 4 – ушки от медных котлов; *5–7* – фрагменты медных котлов

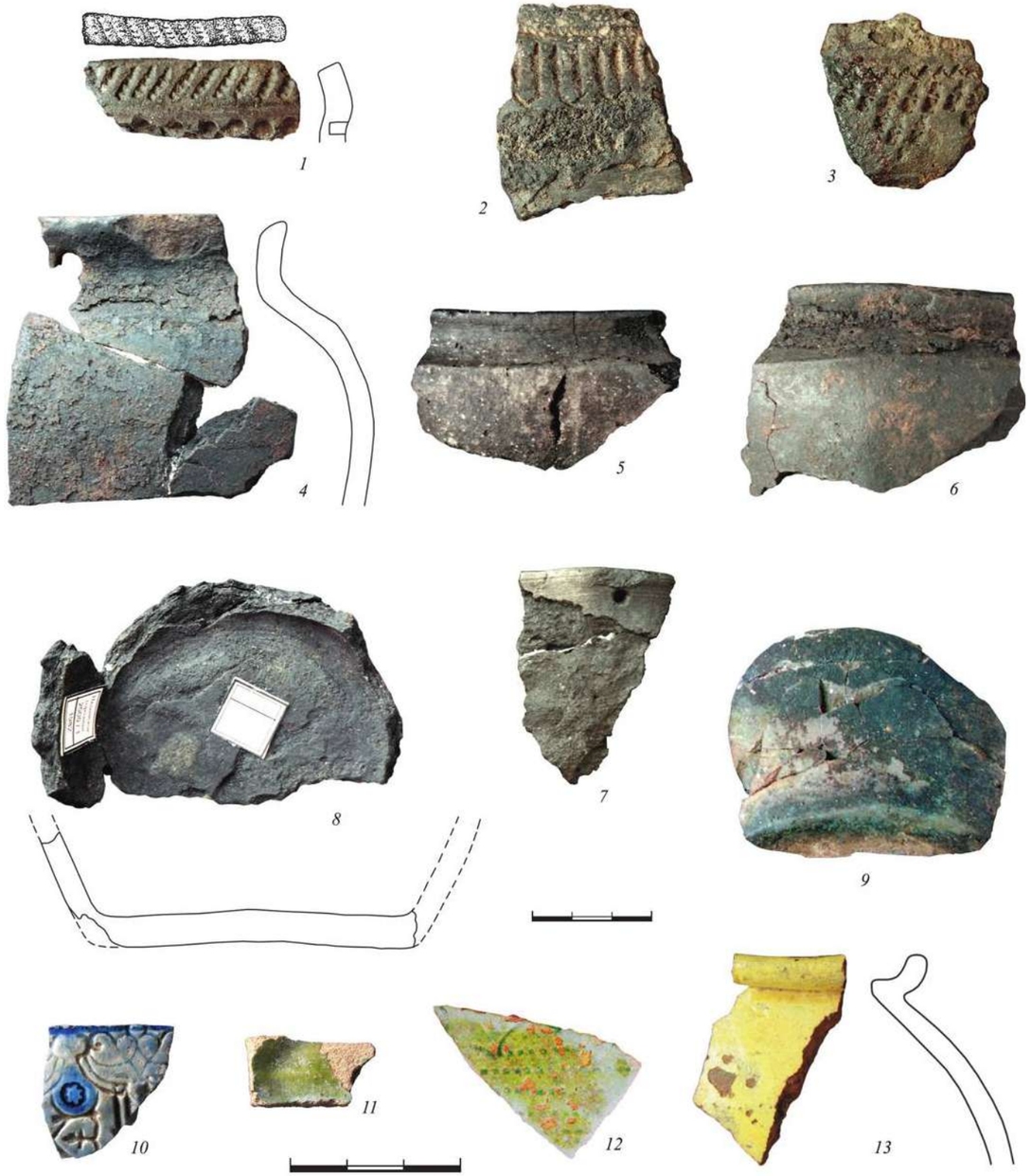


Рис. 3.38. Предметы быта: керамическая посуда.
1–3 – фрагменты сосудов раннего средневековья, зеленогорский этап, V–VII вв. н. э.; *4–9* – фрагменты черных морёных горшков русского производства; *10–13* – фрагменты керамических сосудов с цветной поливой, вероятно, западноевропейского производства (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.)

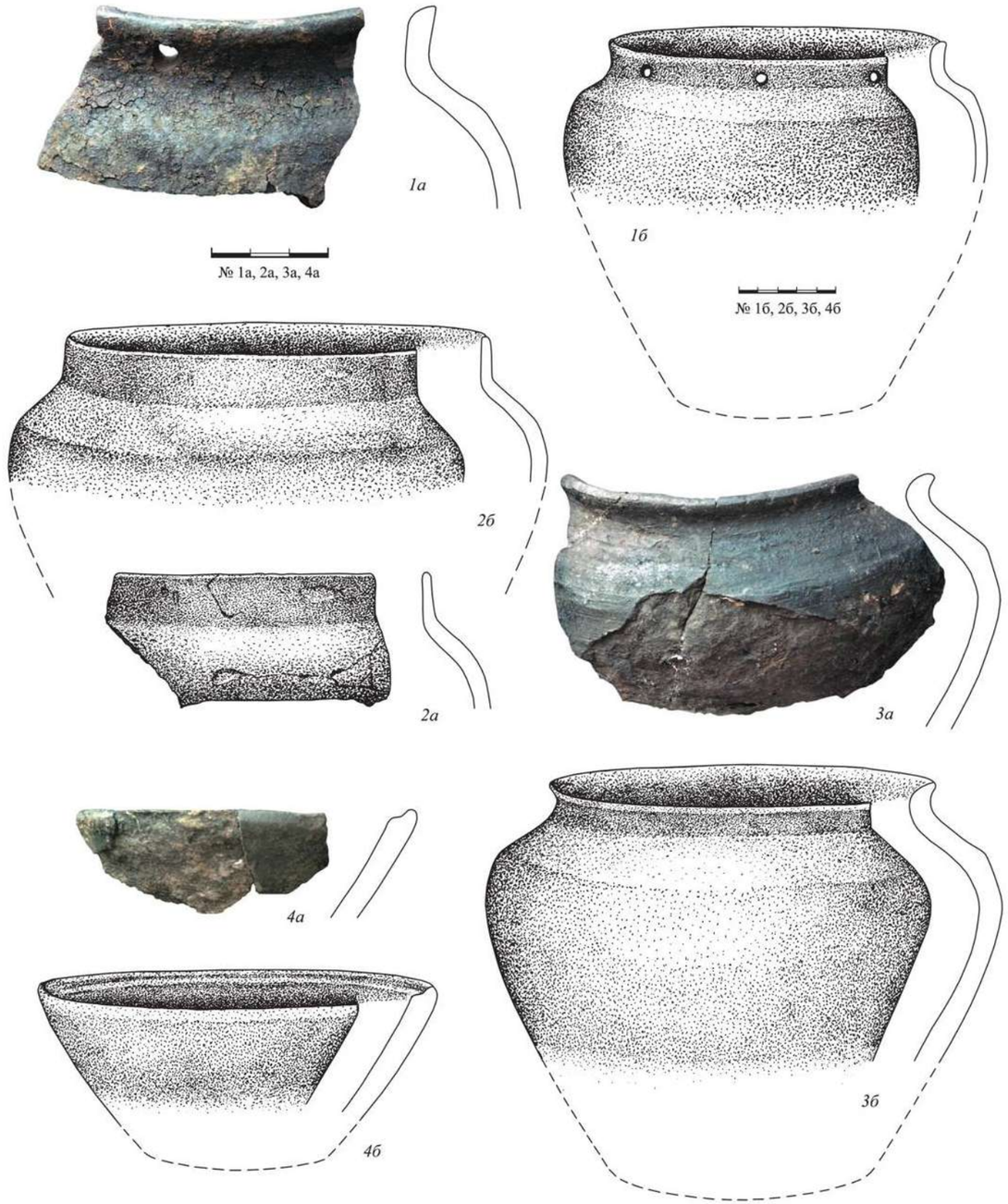


Рис. 3.39. Предметы быта: керамическая посуда.
1 – фрагмент русского керамического сосуда и его графическая реконструкция; *2, 3* – фрагменты русских керамических сосудов с наиболее типичными профилями венчиков и графические реконструкции на их основе;
4 – фрагмент черной морёной миски и его графическая реконструкция

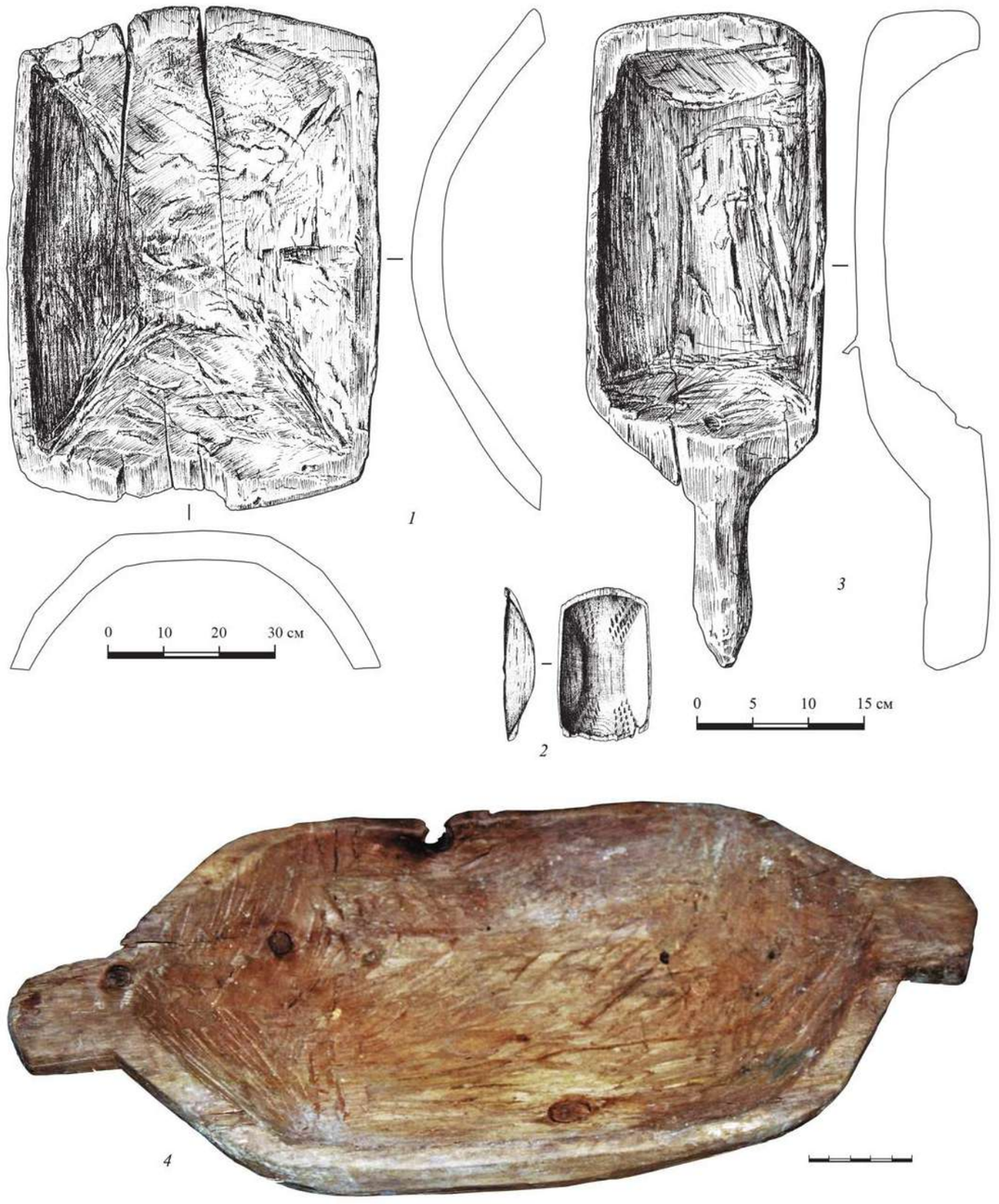


Рис. 3.40. Предметы быта: деревянная посуда.
1, 2 – прямоугольные корыта без ручек, подтип I; *3* – прямоугольное корыто с одной ручкой, подтип II; *4* – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III. Слой конца XVII – первой трети XVIII вв.

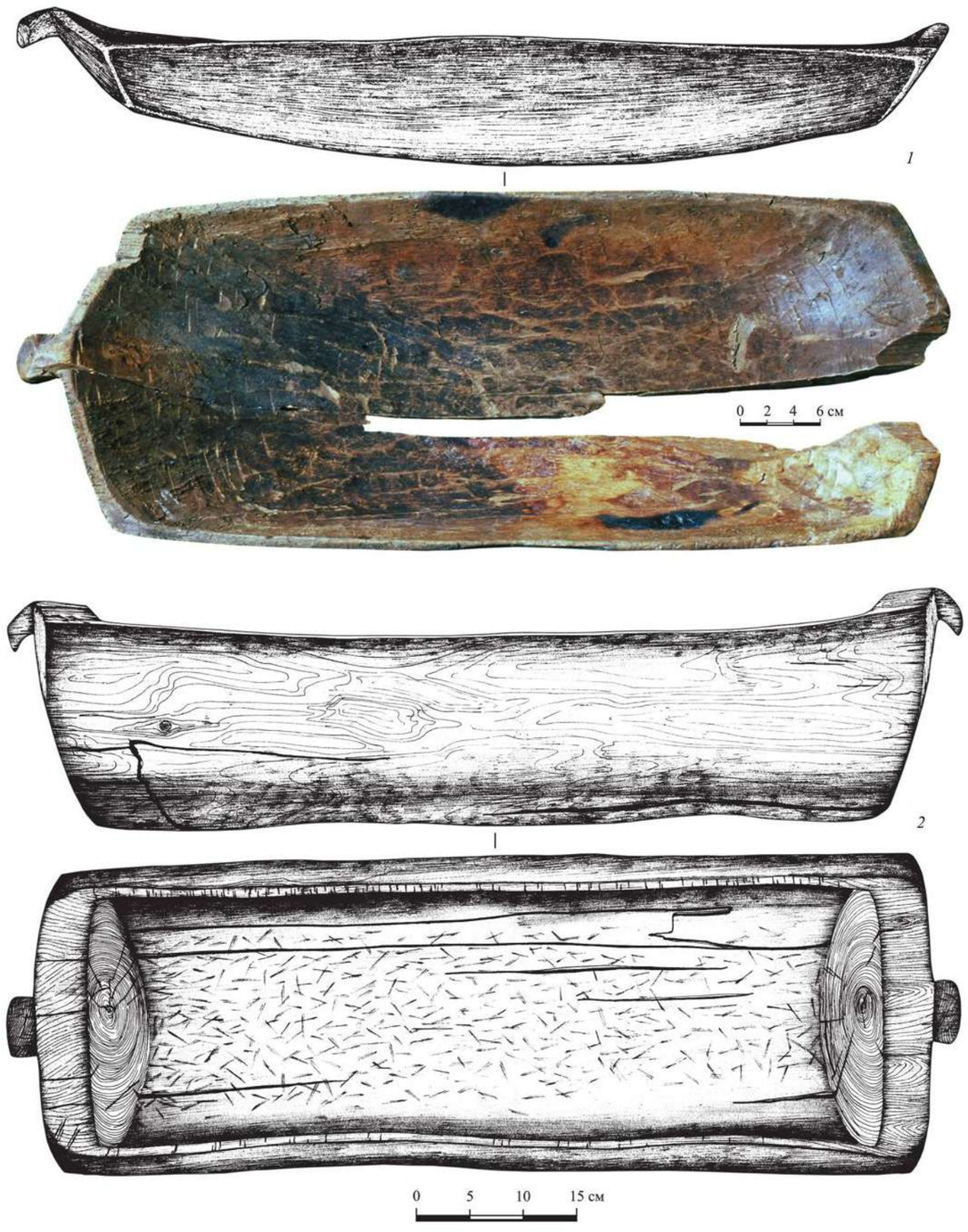


Рис. 3.41. Предметы быта: деревянная посуда.
1 – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III (северо-западная МФП, слой середины XVII в.);
2 – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III (постр. № 9, «остяцкий» квартал № I, слой середины XVII в.)

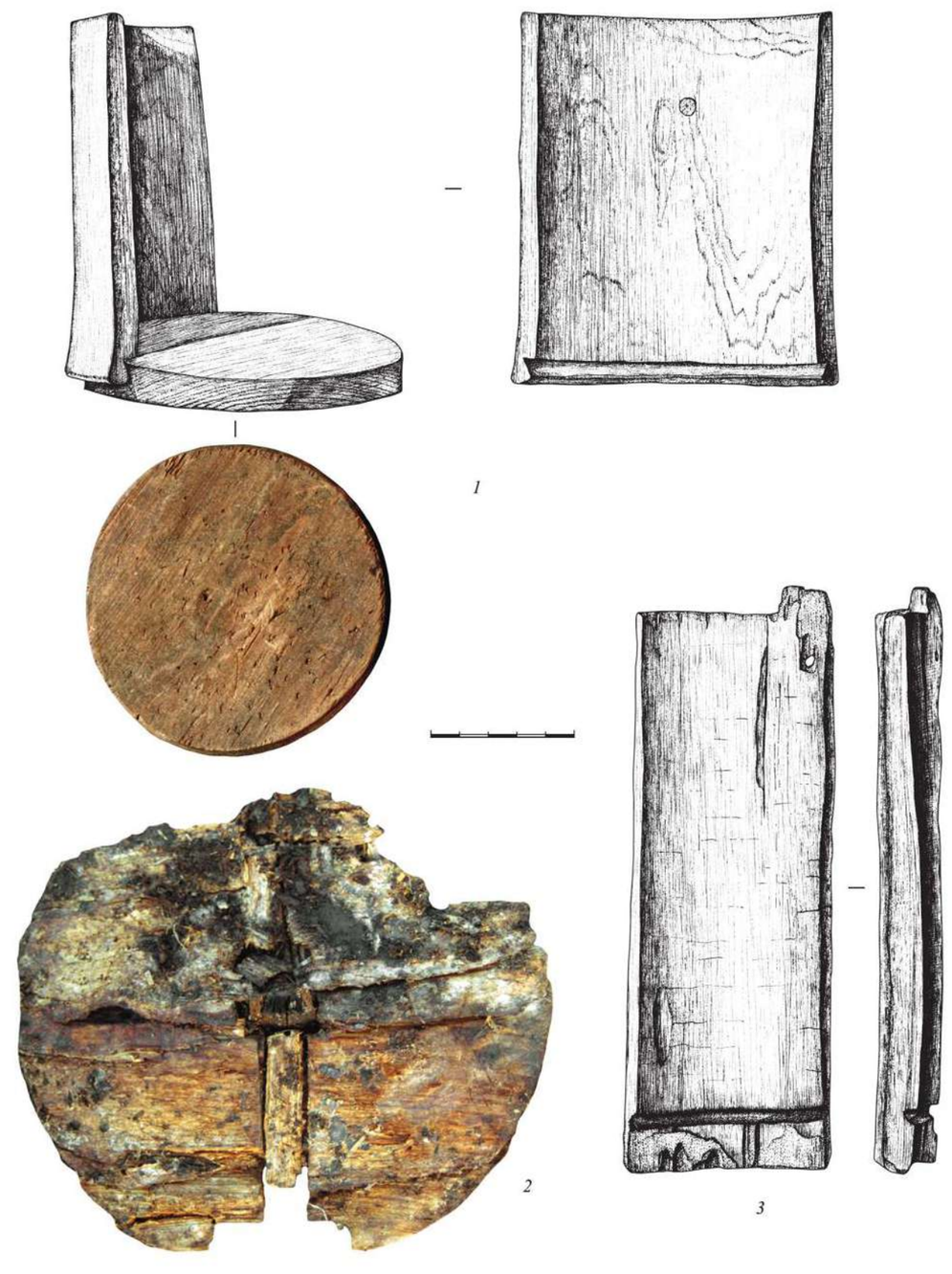


Рис. 3.42. Предметы быта: деревянная посуда. Бондарные изделия русского производства.
1 – фрагмент маленькой шайки с днищем (слой конца XVII в.); *2* – крышка шайки с прямоугольными вырезами под ушки и фиксирующей планкой («остяцкий» квартал № I, слой первой трети XVIII в.); *3* – клёпка от шайки с ушком (слой конца XVII в.)

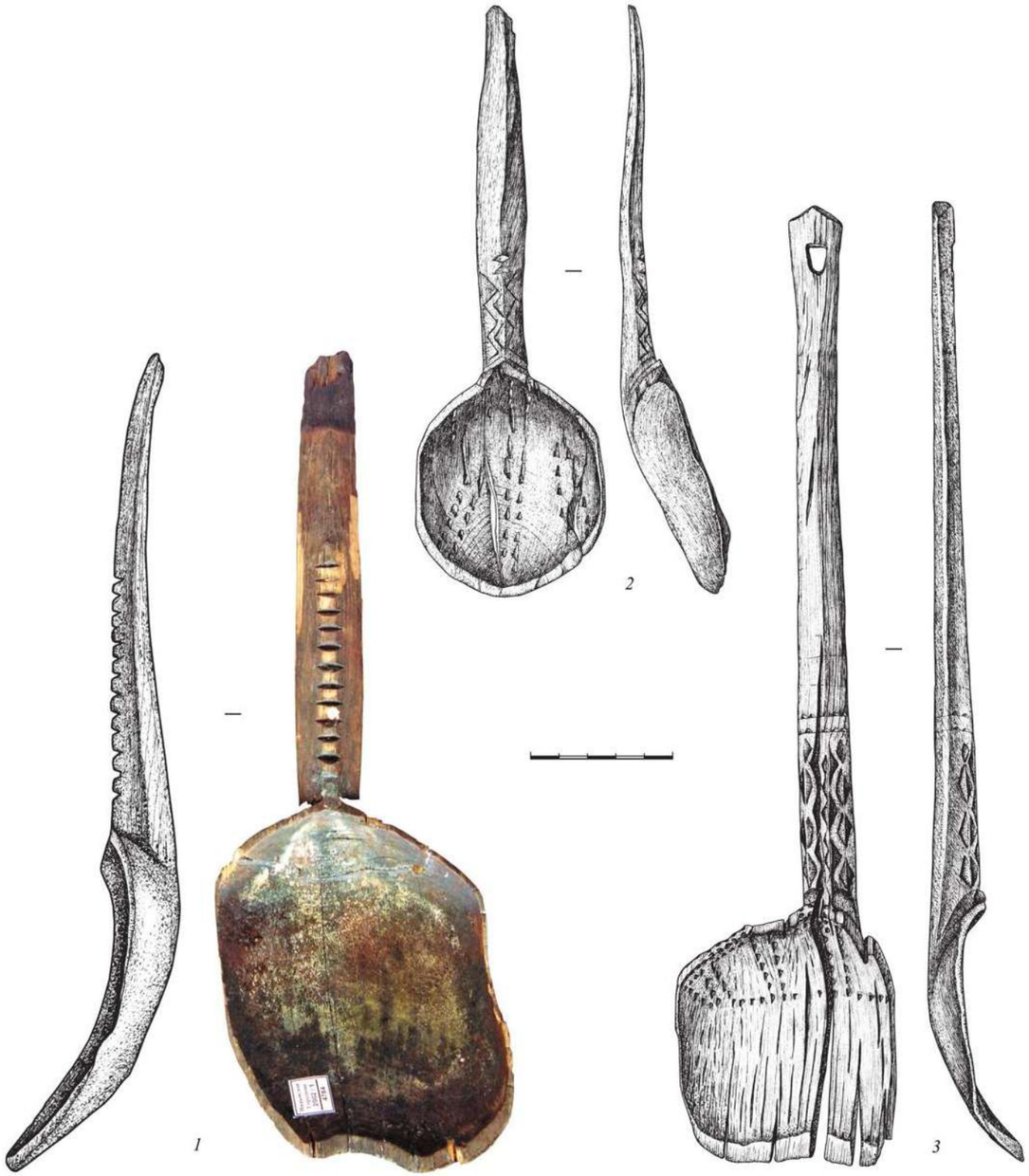


Рис. 3.43. Предметы быта: деревянная посуда.
Большие котловые ложки (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.)

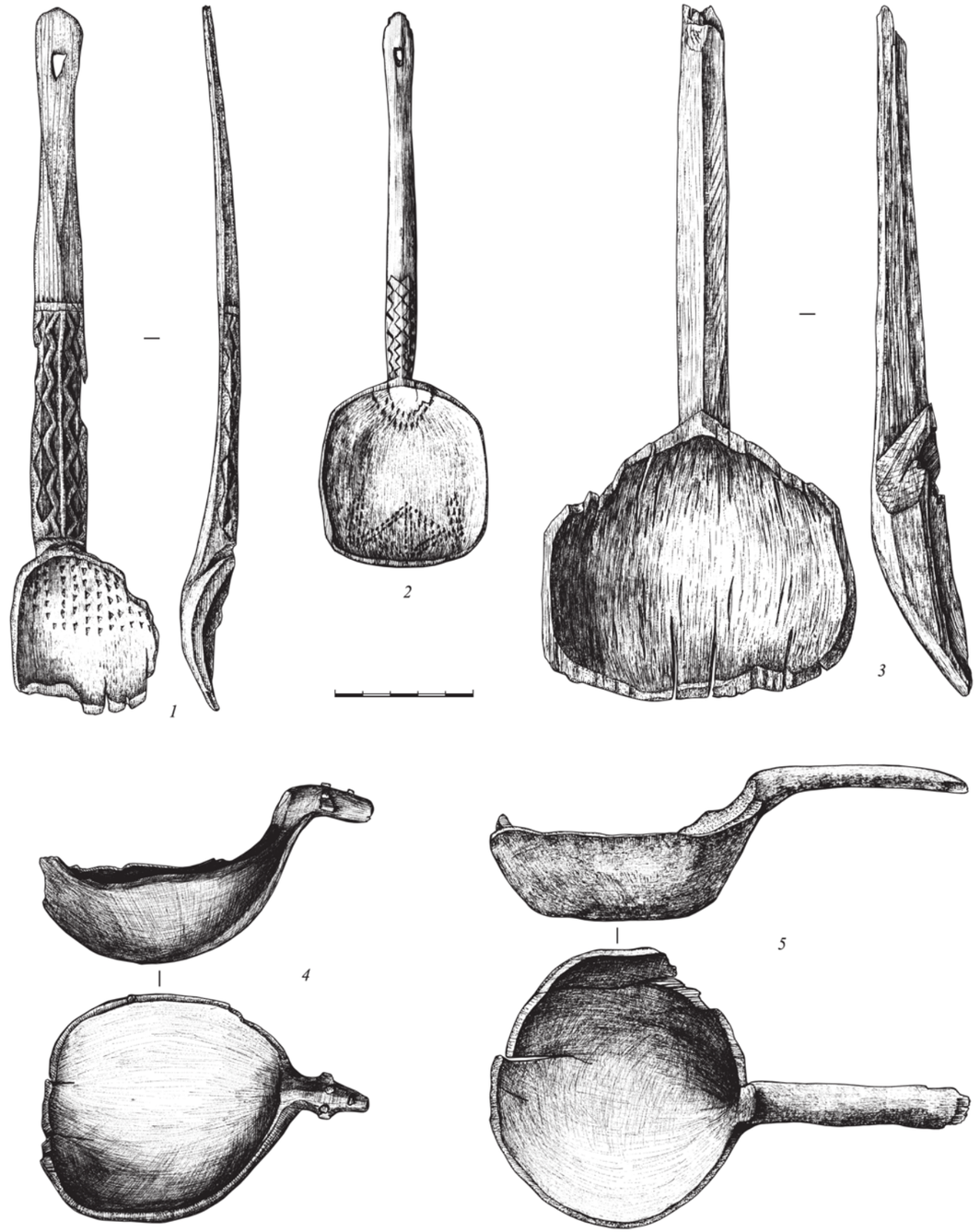


Рис. 3.44. Предметы быта: деревянная посуда. Большие котловые ложки и ковши.
1–3 – большие котловые ложки (слой XVII в.); *4, 5* – ковши (слой первой половины XVII в.)

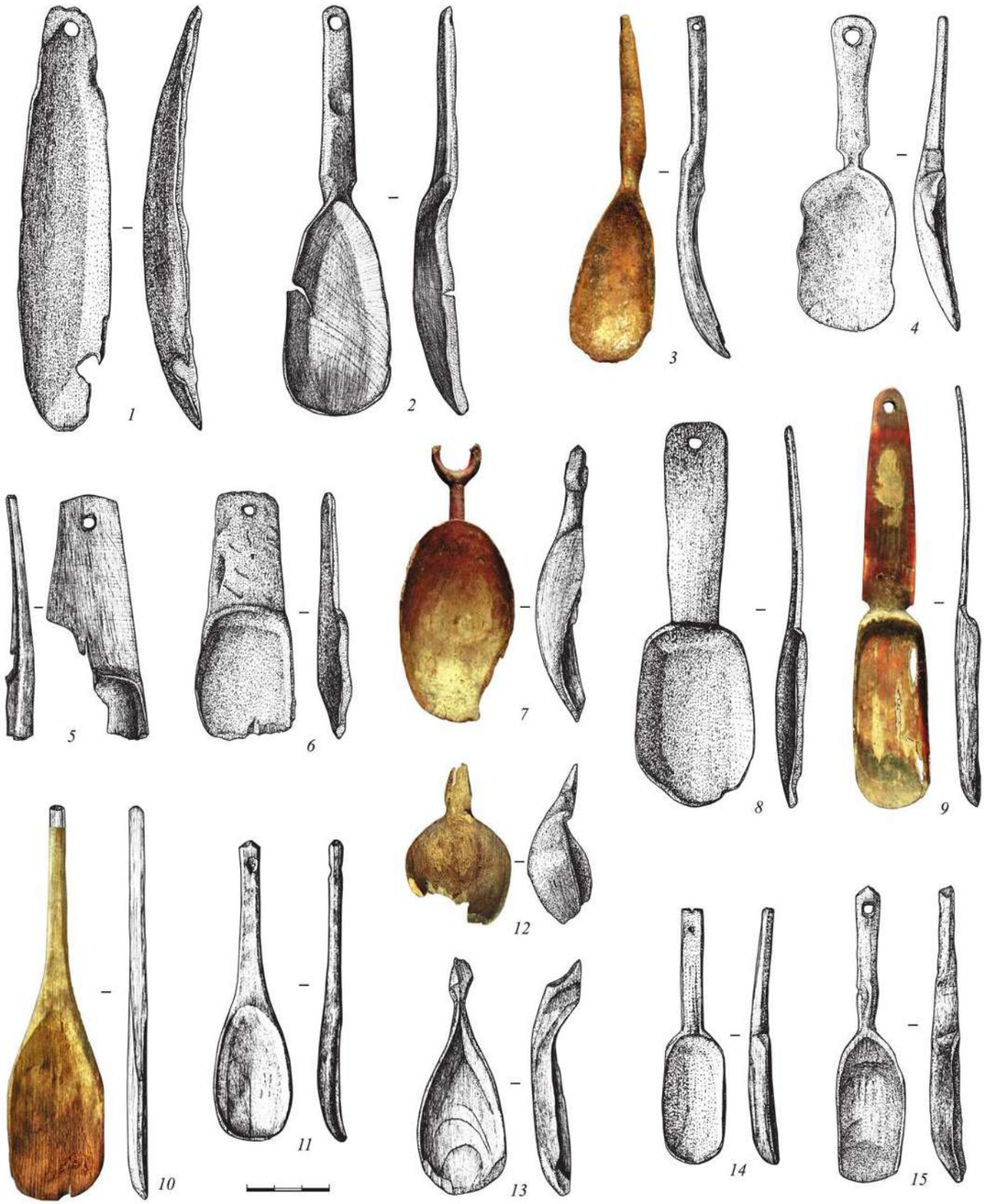


Рис. 3.45. Предметы быта: деревянная посуда. Малые индивидуальные ложки.
1–9 – индивидуальные ложки разных подтипов (*рог северного оленя, бивень мамонта*);
10–15 – индивидуальные ложки подтипа III (*дерево*)

Рис. 3.46. Короба (туеса) берестяные бытовые.
1 – короб (постр. № 2, «остяцкий» квартал № II; первая треть XVIII в.);
2, 3 – днища берестяных коробов (пространство оборонительно-жилого комплекса); *4* – днище берестяного короба

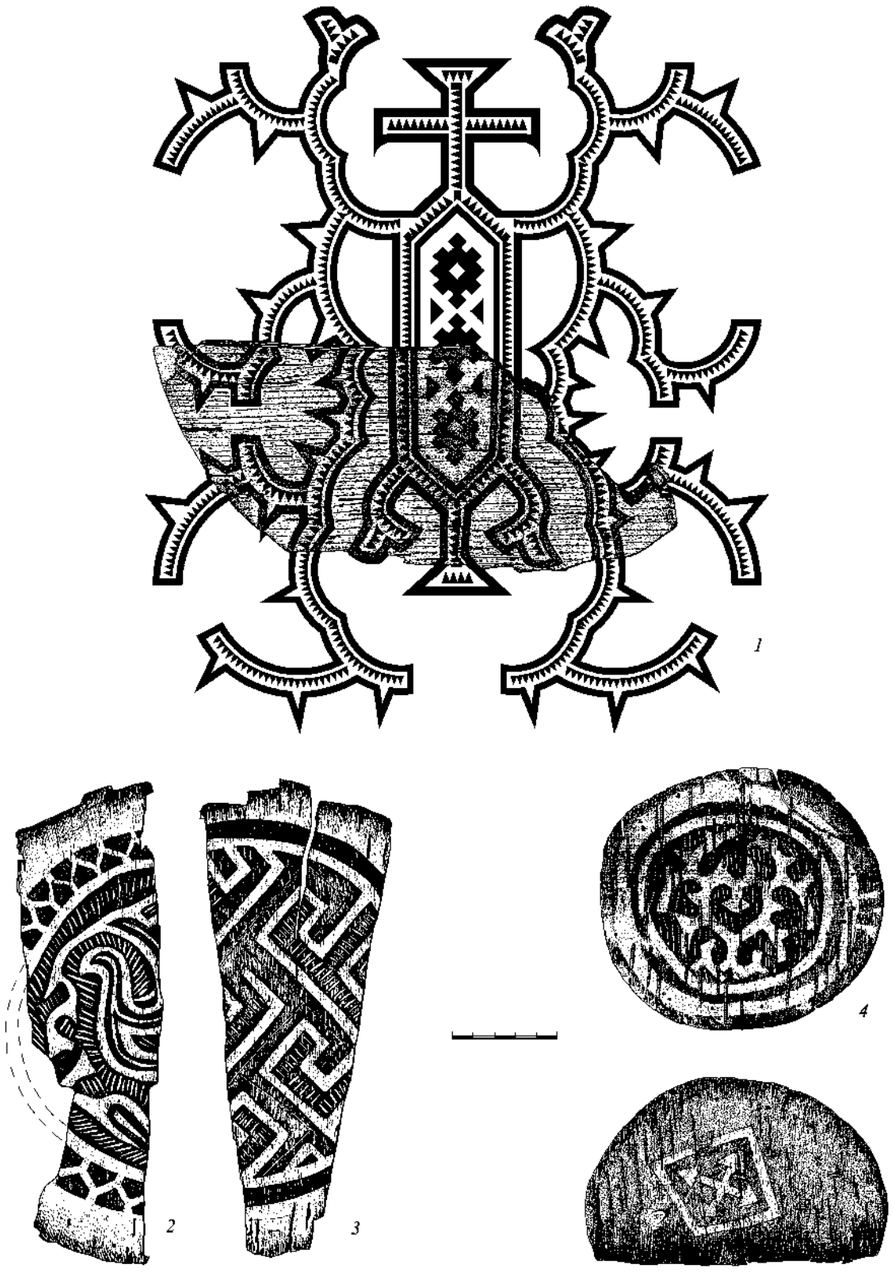


Рис. 3.47. Короба (туеса) берестяные ритуальные: крышки.
1 – фрагмент крышки со скобленым усложненным изображением медведя и его реконструкция («остяцкий» квартал № I; последняя треть XVII в.); *2* – фрагмент крышки со скобленым зооморфным орнаментом; *3* – фрагмент крышки со скобленым геометрическим орнаментом; *4, 5* – крышка со скобленым знаково-символическим орнаментом

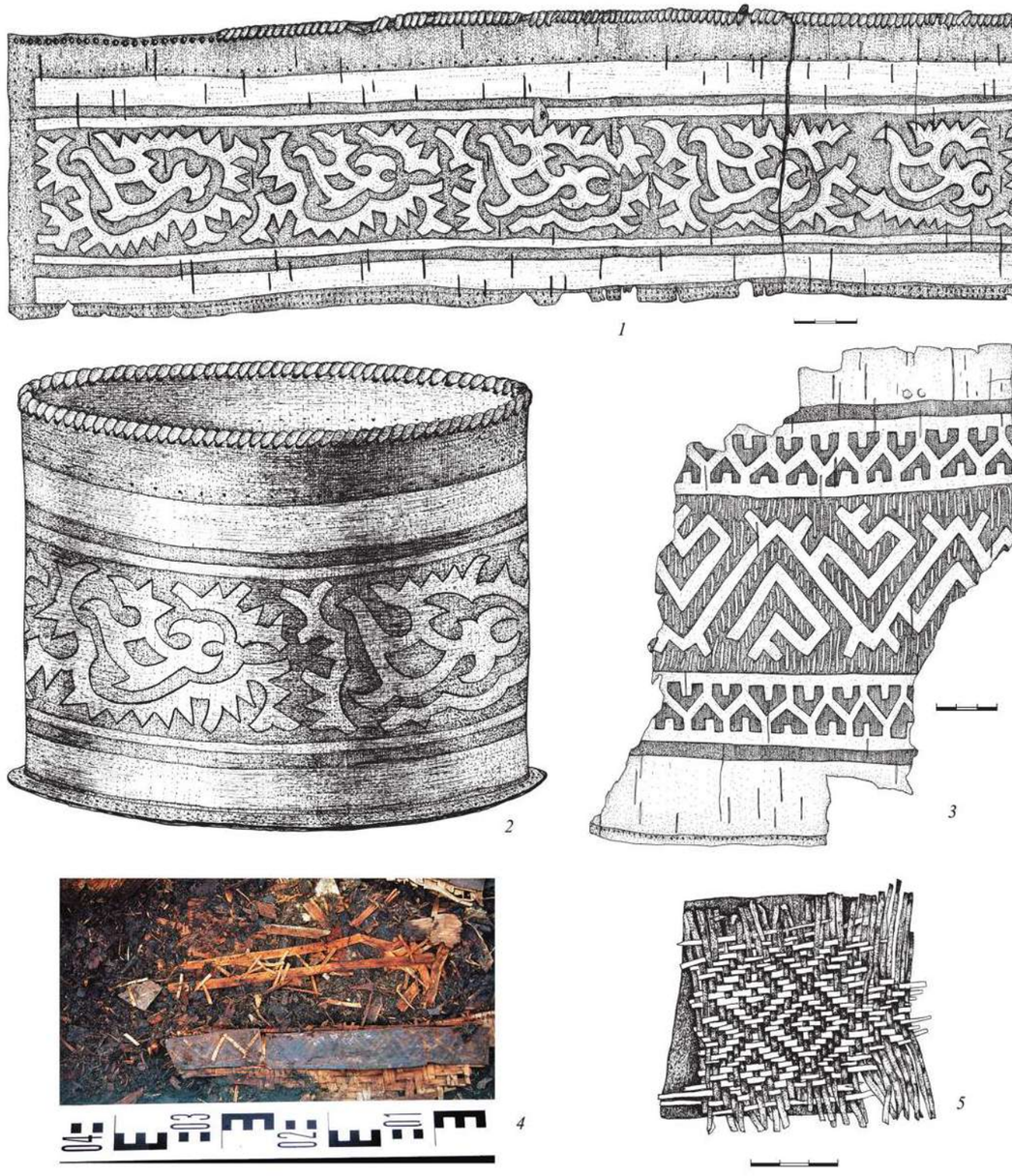


Рис. 3.48. Короба (туеса) берестяные ритуальные: стенки.
1 – стенка со скобленым зооморфным орнаментом, развертка (постр. № 6, «остяцкий» квартал № I; вторая треть XVII в.); *2* – реконструкция того же короба; *3* – фрагмент стенки со скобленым геометрическим орнаментом; *4* – фрагмент стенки с накладным плетеным орнаментом из тонких древесных полос (лыка?) и верхним бордюром, декорированным клееными берестяными полосками («остяцкий» квартал № II, уч. К/42, уровень 5.44; вторая треть XVII в.); *5* – фрагмент стенки с плетеным геометрическим орнаментом из тонких двуцветных (белых и коричневых) полосок бересты

Рис. 3.49. Корытца (куженьки) берестяные: бытовые и ритуальные.
1, 2 – полотна со скобленым орнаментом — заготовки малых ритуальных корытец; *3* – ритуальное корытце со скобленым знаково-символическим орнаментом; *4* – ритуальное корытце с изображением птицы (орла?); *5* – бытовое корытце

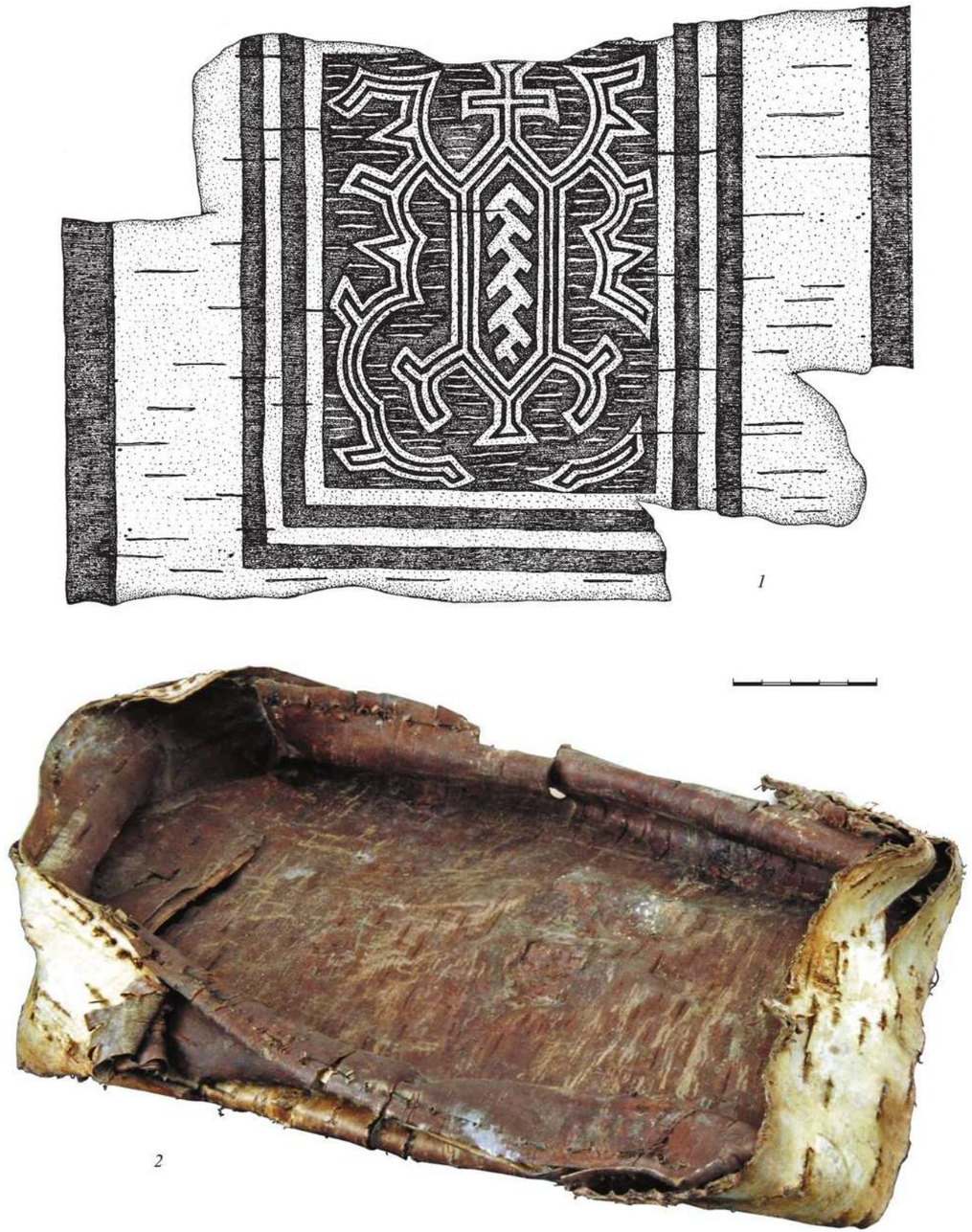


Рис. 3.50. Корытца (куженьки) берестяные: бытовые и ритуальные.
1 – ритуальное корытце со скобленым усложненным изображением медведя («самоедский» квартал № III, пристрой к постр. № 8, последняя треть XVIII в.); *2* – бытовое корыто

Рис. 3.51. Кухонные принадлежности.
1–3 – лопатки для помешивания пищи (*дерево*); *4–8* – «ножи» для очистки рыбы от чешуи (*лопатка северного оленя*)

Рис. 3.52. Предметы интерьера и домашнего обихода: крюки для подвешивания.
1 – крюк для подвешивания детской колыбели; *2, 3* – крюки для подвешивания; *4* – крюк для подвешивания (хоз. постр. № 3, слой первой трети XVIII в.); *5, 6* – очажные крюки для чувалов жилых домов «остяцких» кварталов (слой второй половины XVII в.); *7* – очажный крюк для открытого очага (постр. № 8, слой конца XVII – первой трети XVIII вв.). *1–3 – рог северного оленя; 4–7 – дерево*

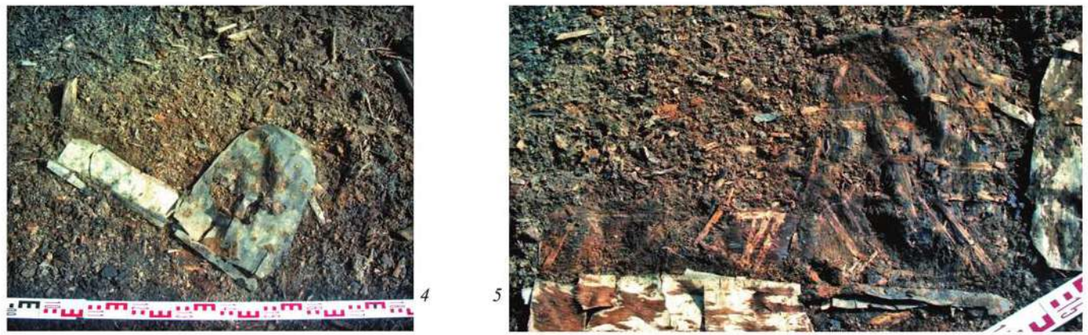


Рис. 3.53. Предметы интерьера и домашнего обихода: колыбели и плетеные циновки.
1–3 – фрагменты детских колыбелей из дерева; *4* – фрагмент детской колыбели из бересты (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *5* – та же колыбель: детали орнамента из полос тонкой древесины, наклеенные с наружной стороны; *6* – плетеные травяные полосы для циновок; *7* – круглая циновка из полосы плетеной травы (уч. Л/54, «самоедский» квартал № III, постройка № 8 (дом вождя), слой последней трети XVII в.)

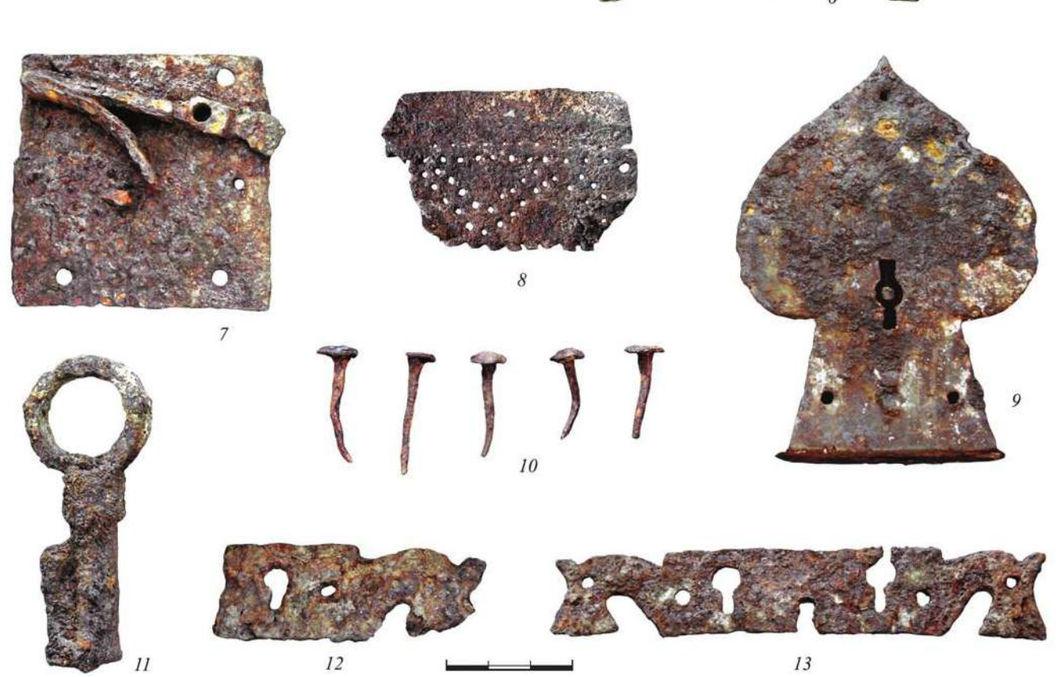


Рис. 3.54. Предметы интерьера и домашнего обихода: кресальный набор и детали сундуков.
1–3 – кресала; *4* –мешочек для кресального набора (?); 5 – огнивные (ружейные?) кремни; *6* – держатели фитиля для жировых ламп из фрагментов медных котлов; *7, 9* – сундучные замки, совмещенные с накладными пластинами («самоедский» квартал № III, постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *8* – жестяная обкладка сундука с просечным орнаментом (первая треть XVIII в.); *10* – гвозди обивочные от жестяной обкладки сундуков; *11* – ключ от навесного замка («самоедский» квартал № III, постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *12, 13* – декоративные наружные накладки на замочные скважины сундуков (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.). *1–3, 7–13 – железо; 4 – кожа, олово; 5 – камень; 6 – медь*

Рис. 3.55. Предметы домашнего обихода.
1–3 – деревянные лопаты для уборки снега; *4, 5* – мотки пеньковых или лыковых импортных (?) веревок

Рис. 3.56. Предметы гигиены.
1–3 – детали женского пояса: воропы из бересты (*1, 3*) и телячьей кожи (*2*) со следами нашивного орнамента (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.); *4, 5*– гребни импортные (?) из конского копыта (слой второй половины XVII в.); *6–9* – гребни местного изготовления (?) из рога

Рис. 3.57. Средства передвижения. Наземный транспорт: косокопыльные нарты (таежный вариант).
1–4 – отдельные копылья и копылья с перекладинами от нарт разного размера (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.);
5 – реконструкция небольшой (ручной?) нарты (слой конца XVI – первой трети XVII вв.); *6, 7* – фрагменты задней части полозьев;
8 – копылья с перекладиной (найдены вместе с фрагментом лодки и лопатой для снега; северный угол хоз. пристройки к постр. № 8 (дом вождя), «самоедский» квартал № III, слой первой трети XVIII в.). *Дерево*

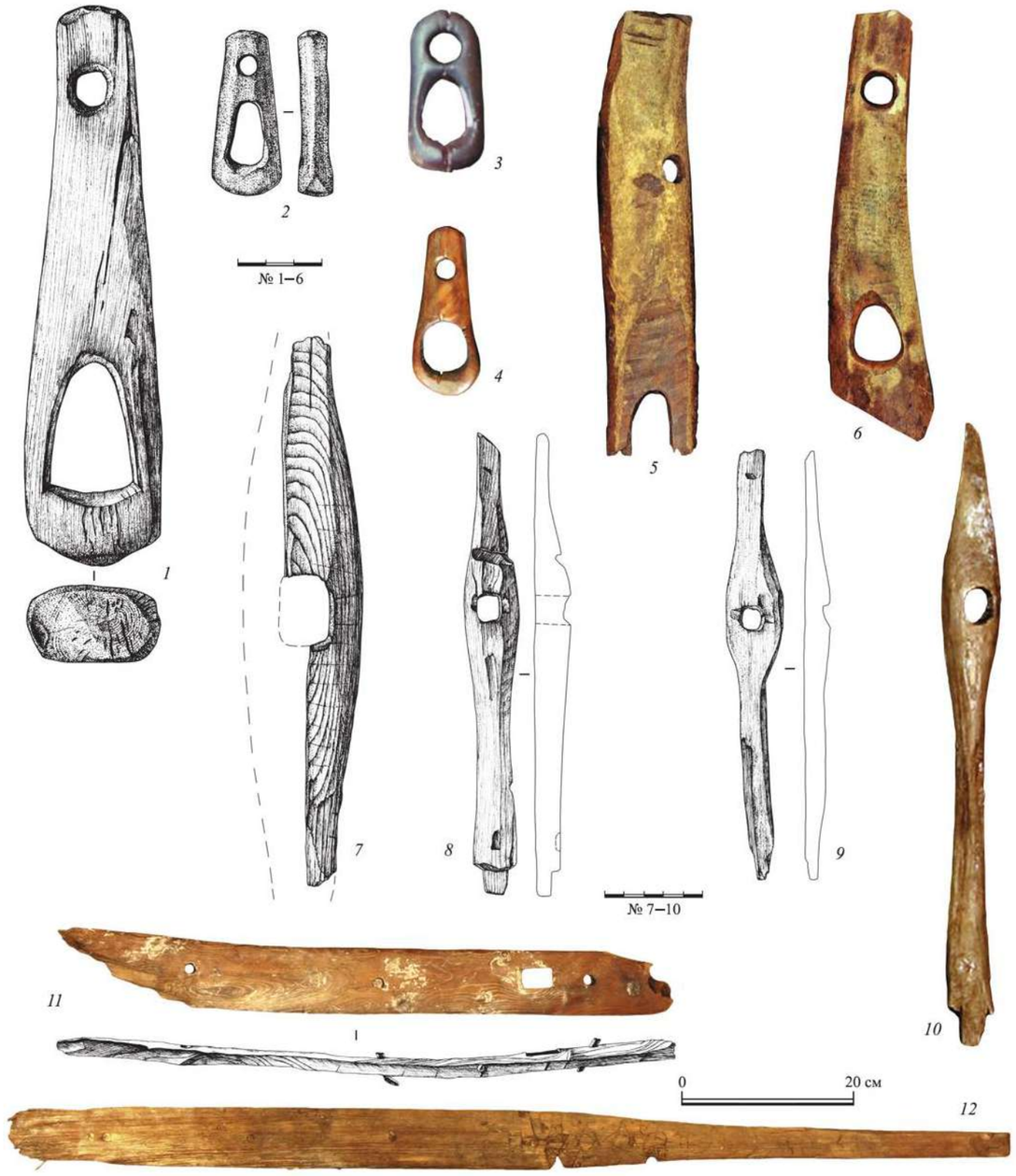


Рис. 3.58. Средства передвижения. Наземный транспорт: косокопыльные нарты (тундровый вариант) и блоки.
1 – блок от нарты большого размера (слой второй половины XVII в.); *2–4* – малые блоки для аркана или маленькой (ручной) нарты (слой второй половины XVII в.); *5, 6* – заготовки блоков среднего размера слой первой трети XVIII в.); *7–10* – копылья от нарт разного размера (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.); *11, 12* – фрагменты деталей полозьев нарт большого размера (слой второй половины XVII в.: *11* – верхняя часть – основа полоза; *12* – нижняя сменная пластина). *1, 7–12 – дерево; 2–6 – рог северного оленя*

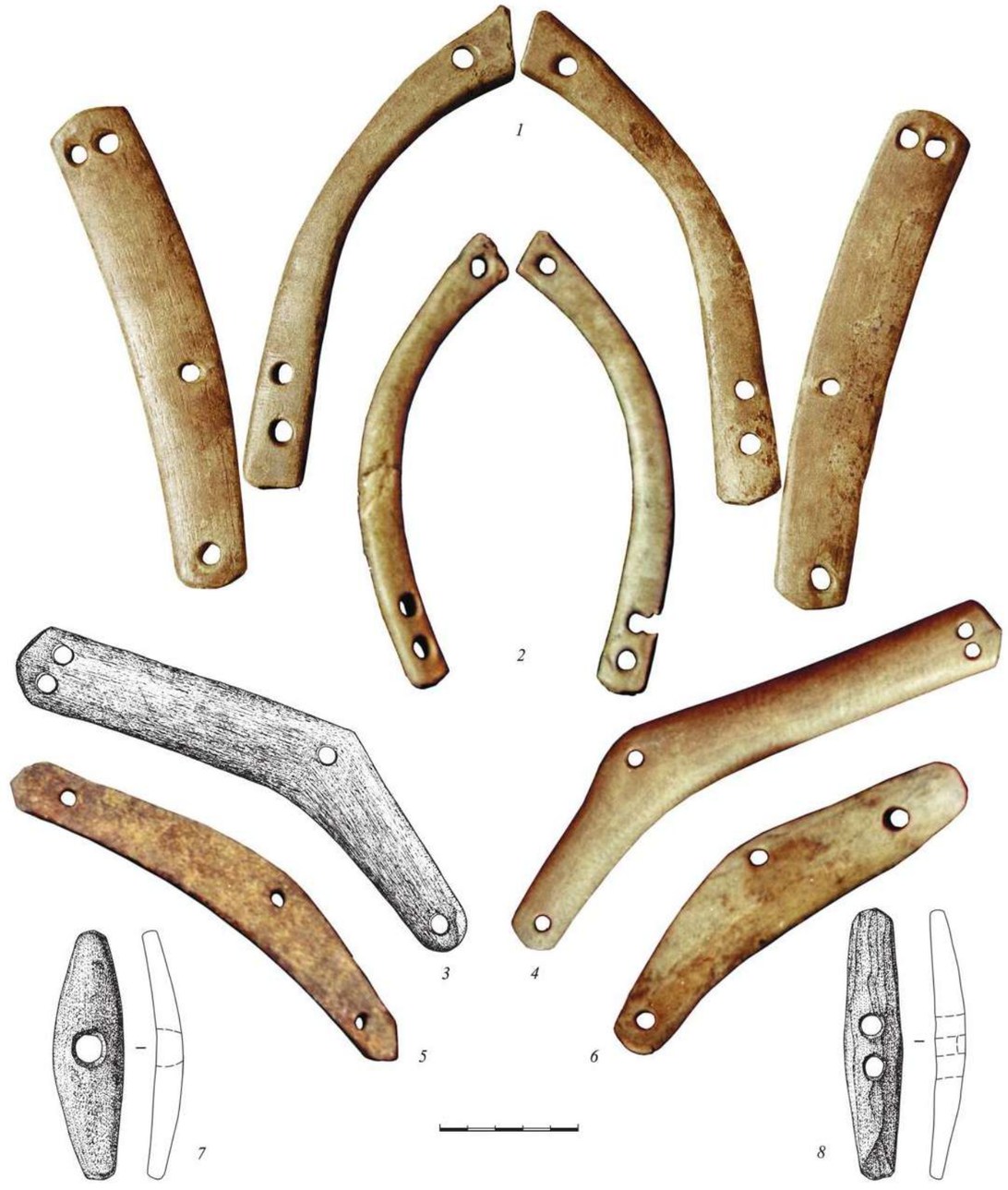


Рис. 3.59. Средства передвижения. Наземный транспорт: детали недоуздка оленьей упряжи.
1, 2 – комплекты налобных и нащечных пластин (восточный угол постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *3–6* – нащечные пластины (слой второй половины XVII в.); *7, 8* – блоки — застежки недоуздка (слой середины XVII в.).
Бивень мамонта, рог северного оленя

Рис. 3.60. Средства передвижения. Наземный транспорт: детали недоуздка оленьей упряжи.
1–5 – налобные пластины; *6, 7* – заготовки налобных пластин. Слой второй половины XVII в. *Рог северного оленя*

Рис. 3.61. Средства передвижения. Наземный транспорт: лыжи.
1 – заготовка лыжи-голицы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I, слой конца XVI в.); *2–6* – фрагменты и целые экземпляры изношенных лыж-голиц, использованных в домостроительных конструкциях; *7, 8* – фрагменты ступательных площадок от лыж-подволок (слой второй половины XVII в.); *9* – условия нахождения лыжи-голицы *3* («остяцкий» квартал № I, хоз. постр. № 11, слой начала XVII в.). *Дерево*

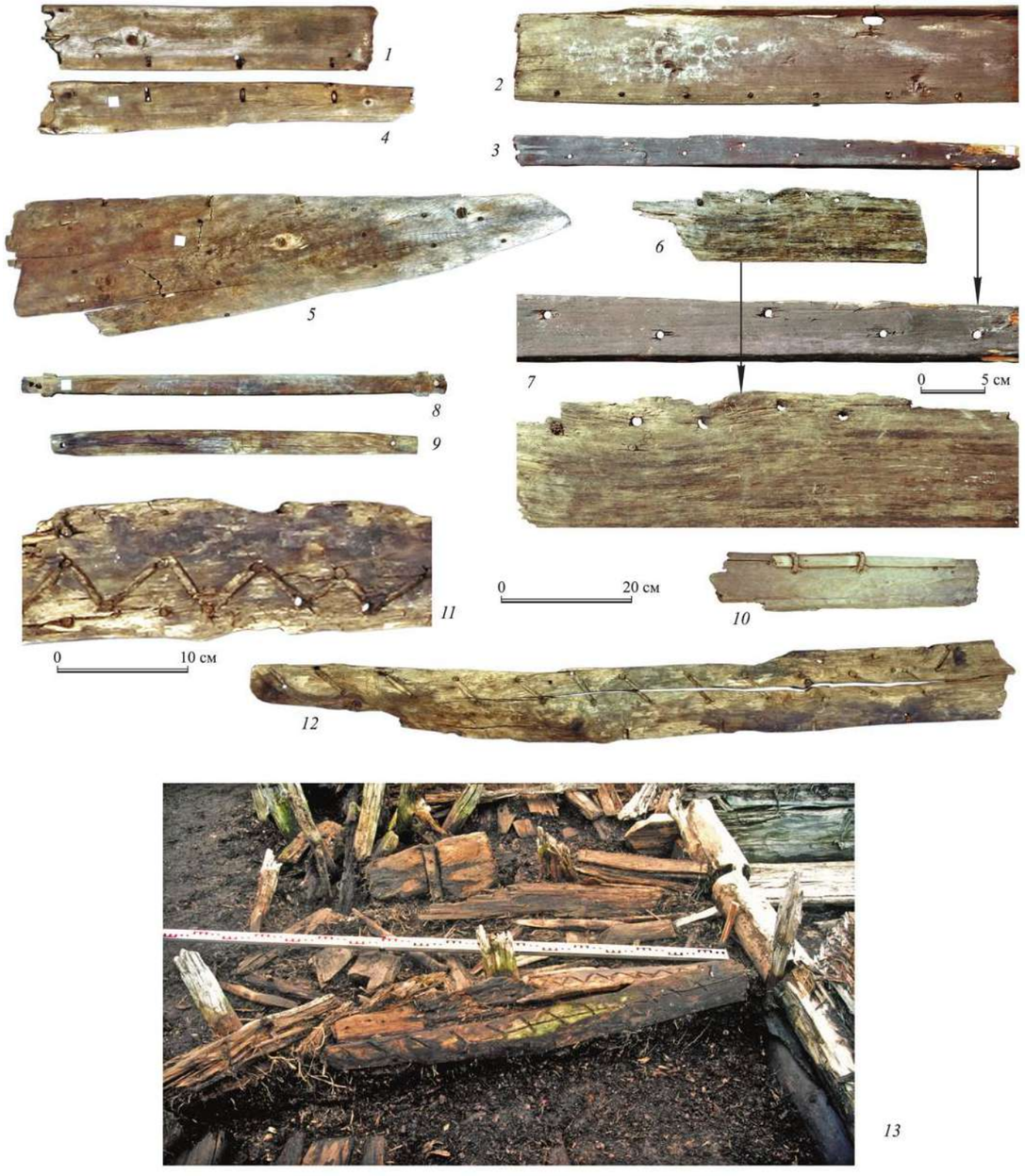


Рис. 3.62. Средства передвижения. Водный транспорт.
1–2, 4 – фрагменты корпуса и нашивных бортов лодок из цельного ствола дерева — вариант 1 (сшивка короткими вертикальными параллельными стяжками); *5* – фрагмент корпуса лодки из цельного ствола дерева с концентрическими рядами отверстий, заполненных штифтами; *3, 6, 7* – фрагменты корпуса и нашивных бортов лодок из цельного ствола дерева — вариант 2 (сшивка длинными наклонными стяжками); *8, 9* – распорки-перекладины лодок из цельного ствола дерева; *10* – фрагмент корпуса лодки с ремонтной пластиной, пришитой короткими параллельными стяжками; *11, 12* – фрагменты корпуса лодки со следами ремонта трещины «поморским» способом — сшивкой длинными наклонными стяжками; *13* – условия нахождения фрагментов лодки, использованных в качестве стены предвходового коридора к постр. № 7 («остяцкий» квартал № I, слой последней трети XVII в.).

Рис. 3.63. Средства передвижения. Водный транспорт.
1–5 – рукояти-навершия весел для лодок из цельного ствола дерева; *6–8* – фрагменты рукоятей весел со штифтами крепления поперечных рукоятей-наверший; *9, 10* – фрагменты гребной части (пера) весел; *11* – реконструкция гребного весла лодки; *12* – гвозди средней длины — судовые (?); *13* – скобы судовые от русских судов — кочей. *1–10 – дерево; 12, 13 – железо*

Рис. 3.64. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения: сабли и палаши.
1–7 – модели слабоизогнутых сабель и палашей местного производства; *8–12* – модели изогнутых сабель с елманью и деталей гарды (*8*) импортного происхождения. *Дерево*

Рис. 3.65. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения и орудий: топоры.
1–4, 8–10 – модели боевых (?) топоров с отдельно монтируемой рукоятью из дерева (*1–4, 8*), кости (*9*) и железа (*10*); *5–7* – деревянные модели топоров разных типов с рукоятью (*5* – имитация русского плотницкого топора с шипом)

Рис. 3.66. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения: копья.
Модели наконечников копий с уплощенным насадом (черешковых). *Дерево*

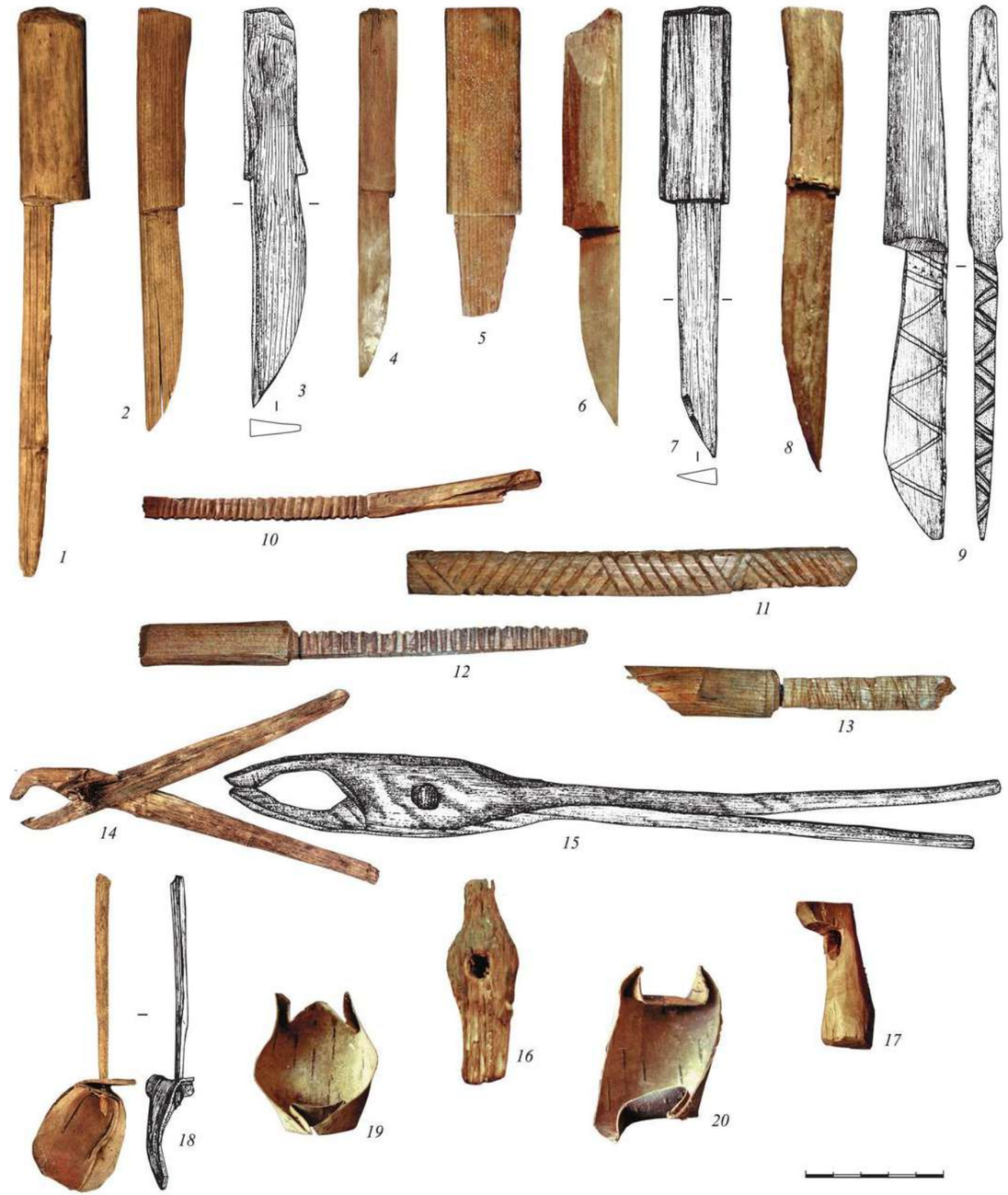


Рис. 3.67. Игрушки и игры. Модели бытовых орудий и предметов: ножи, кузнечные инструменты и посуда.
1–9 – модели универсальных хозяйственных ножей; *10–13* – модели напильников; *14, 15* – модели кузнечных клещей; *16, 17* – модели кузнечных молотков; *18* – миниатюрная ложка; *19, 20* – миниатюрные корытца (куженьки).
1–17 – дерево; 18 – дерево, береста; 19, 20 – береста

Рис. 3.68. Игрушки и игры. Модели охотничьего оружия: луки, стрелы и наконечники.
1, 2 – модели луков; *3–14* – фрагменты и целые экземпляры моделей стрел с наконечниками разных типов;
15–19 – модели наконечников стрел разных типов. *Дерево*

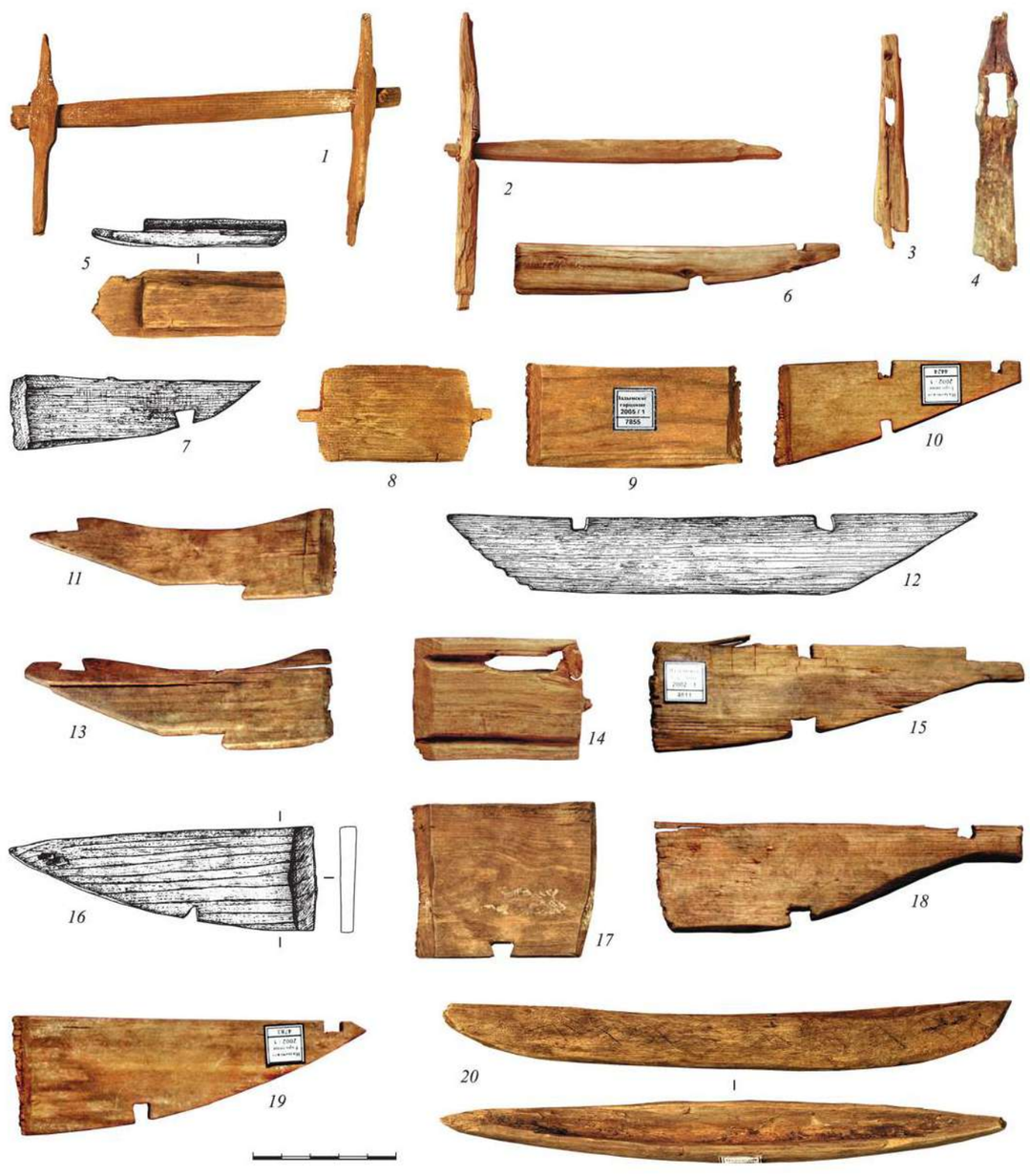


Рис. 3.69. Игрушки и игры. Модели средств передвижения.
1–4 – детали моделей нарт (копылья), изготавливаемых для игры мальчиков; *5–19* – фрагменты и детали нарт-имитаций, изготавливаемых для игр девочек; *20* – деревянная модель лодки. *Дерево*

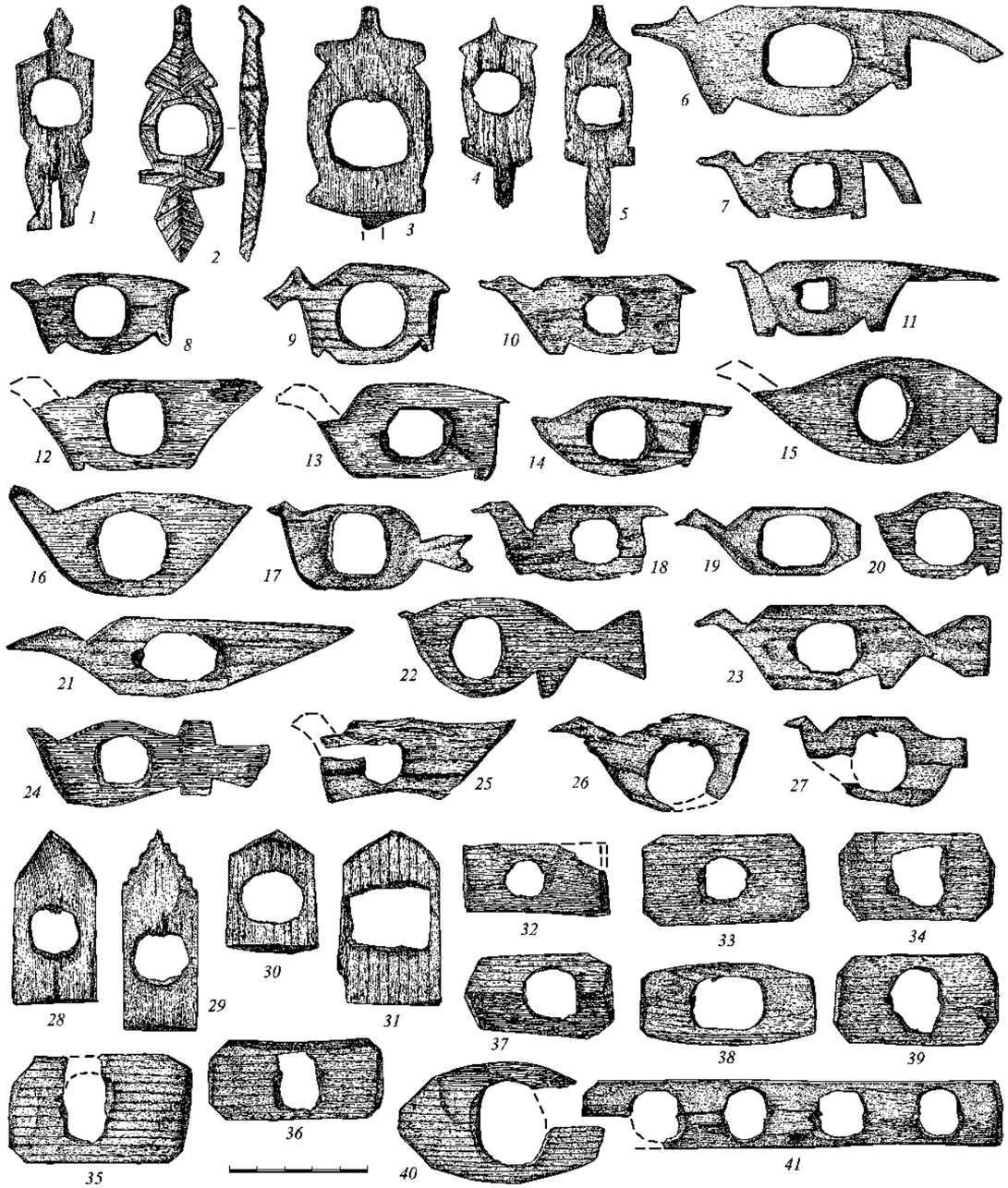


Рис. 3.70. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», набор (скопление) № 1.
1–41 – фигуры «тосъ-чер-вой» из скопления в помещении для содержания животных («остяцкий» квартал № I, кв. 3/49, уровень 5,60–5,64, слой последней трети XVII века): *1* – фигура человека; *2* – фигура бобра; *3–5* – фигуры выдры; *6–14* – фигуры зверей (олень, лисица, песец, росомаха, горностай и др.); *15–27* – фигуры птиц (утка, гусь, гагара, куропатка, глухарь и др.); *28–31* – фигуры лягушки (?); *32–41* – фигуры предметов (оселок, лестница и др.). *Дерево*

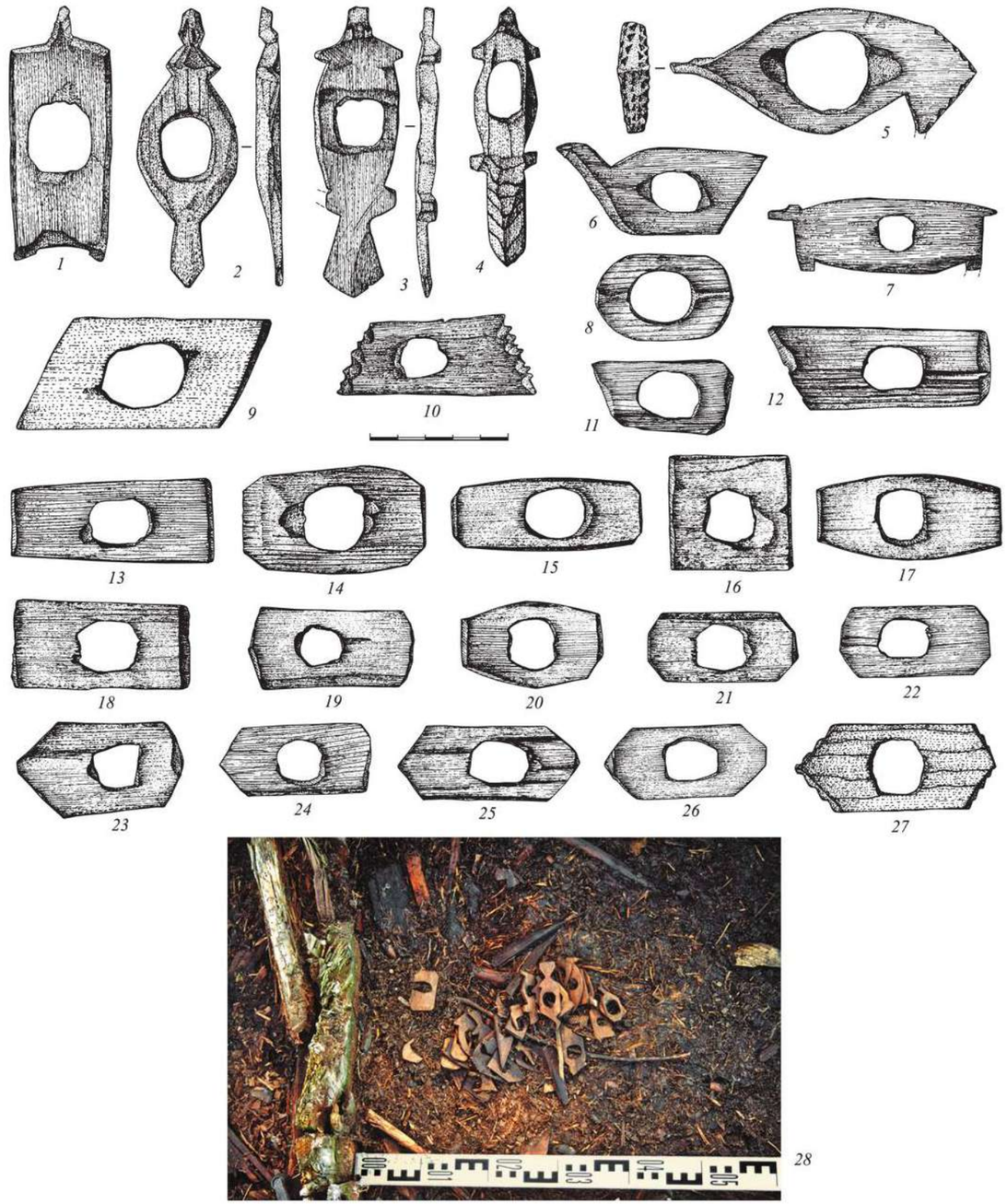


Рис. 3.71. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», набор (скопление) № 2.
1–27 – фигуры «тосъ-чер-вой» из скопления в помещении хозяйственной постройки № 11 («остяцкий» квартал № I, кв. Ж–К/48–51, уровень 4,86–5,15, слой первой трети XVII века): *1* – фигура человека (?); *2* – фигура выдры; *3, 4* – фигуры бобров; *5, 7* – фигуры зверей; *6* – фигура птицы (речная утка); *8* – фигура солнца (луны?); *9–27* – фигуры предметов (?); *28* – условия нахождения предметов «тосъ-чер-вой» скопления № 1. *Дерево*

Рис. 3.72. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», фигуры животных и предметов.
1–29 – фигуры «тосъ-чер-вой», найденные в разных частях городка: *1* – фигура человека; *2–4* – фигуры бобра; *5–7* – фигуры выдры; *8–14* – фигуры животных (вероятно, водных); *15, 16* – фигуры лягушки (?); *17–25* – фигуры предметов (лодка, оселок?) или стилизованные изображения животных; *26–28* – фигуры наконечников стрел; *29* – фигура гребня (?). *Дерево*

Рис. 3.73. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», профильные изображения фигур животных.
1–24 – деревянные фигуры «тосъ-чер-вой», найденные в разных частях городка: *1–17* – профильные фигуры животных разных видов: олень (*1, 2*), соболь (*4*), лисица (*5*), песец (*6*), горностай (*7*), росомаха (*9*), собака (*17*), лошадь (*16*), барсук (*19*) и др.; *15, 18, 20–22* – фигуры птиц разных видов: гусь (*15*), лебедь (*18*), утка (*20*) и др.; *23*, *24* – заготовки фигур животных и птиц. *Дерево*

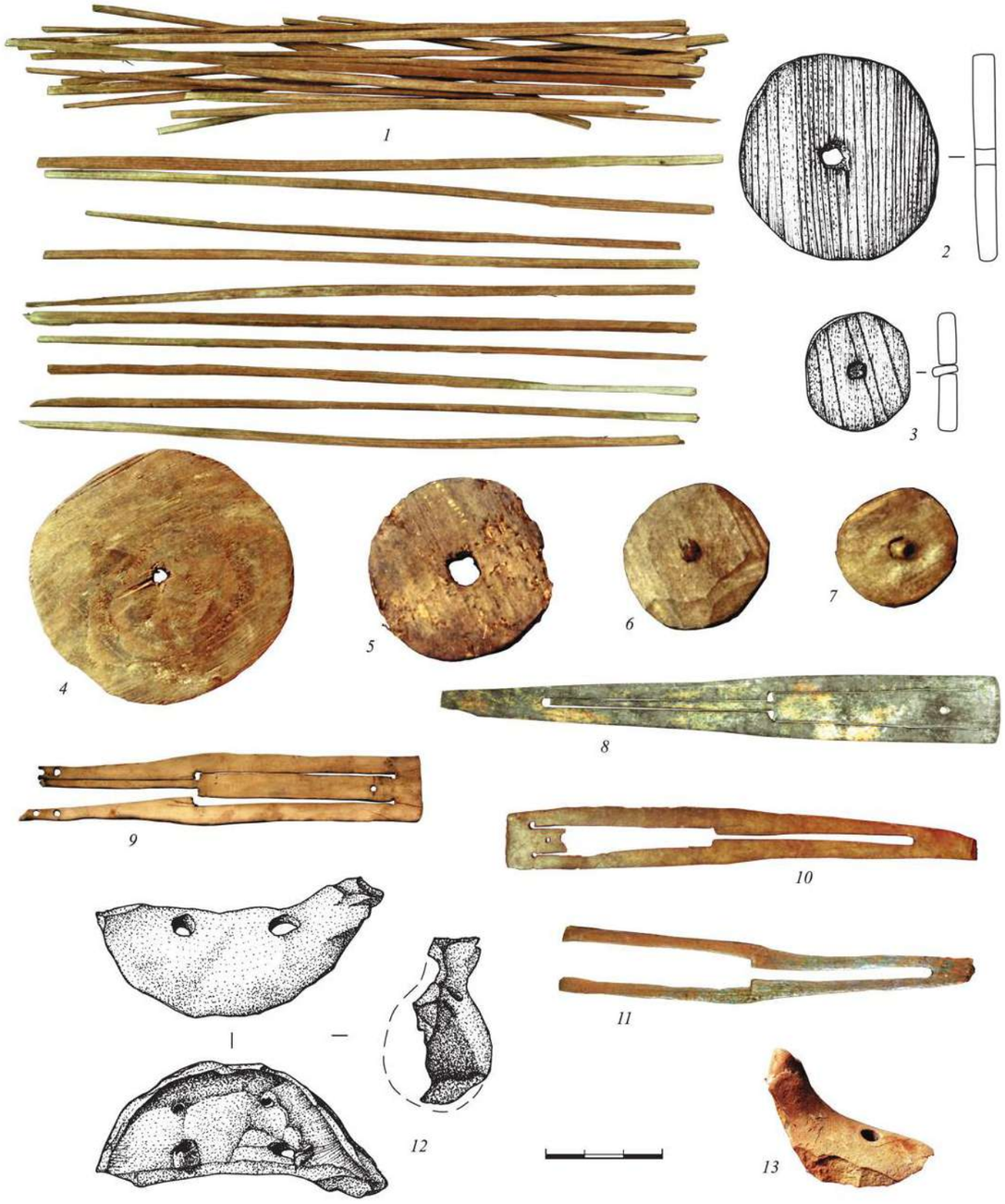
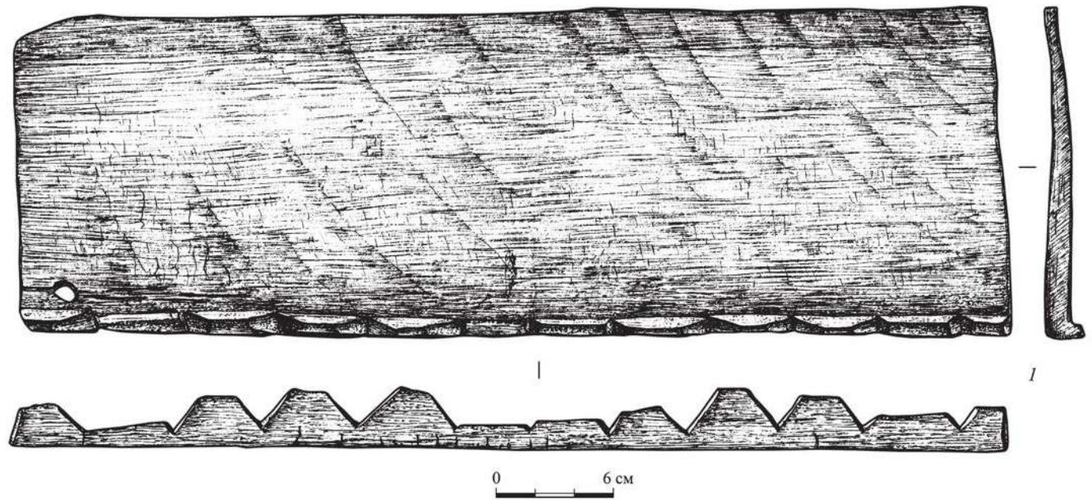


Рис. 3.74. Игрушки, игры и музыкальные инструменты.
1 – набор деревянных палочек для игры «Сохэль-юх» (северо-западная МФП, слой последней трети XVII – начала XVIII вв.);
2–7 – деревянные диски для игры с юлой «Корки» или «Щин»; *8–11* – варганы и их фрагменты из ребра северного оленя;
12, 13 – фрагменты керамических свистулек (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.)



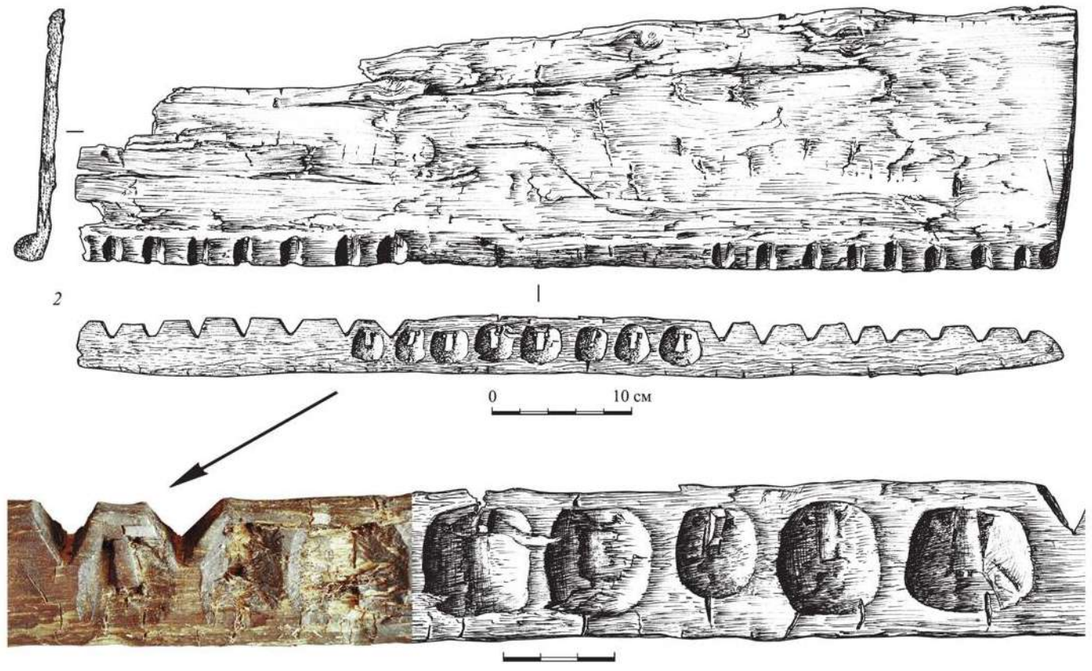


Рис. 3.75. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Деревянные полочки.
1 – полочка для культовых предметов (северо-западная МФП; слой конца XVII – начала XVIII вв.); *2* – полочка с изображением восьми антропоморфных личин (восточный угол постр. № 8 (дом вождя); слой первой трети XVIII вв.)

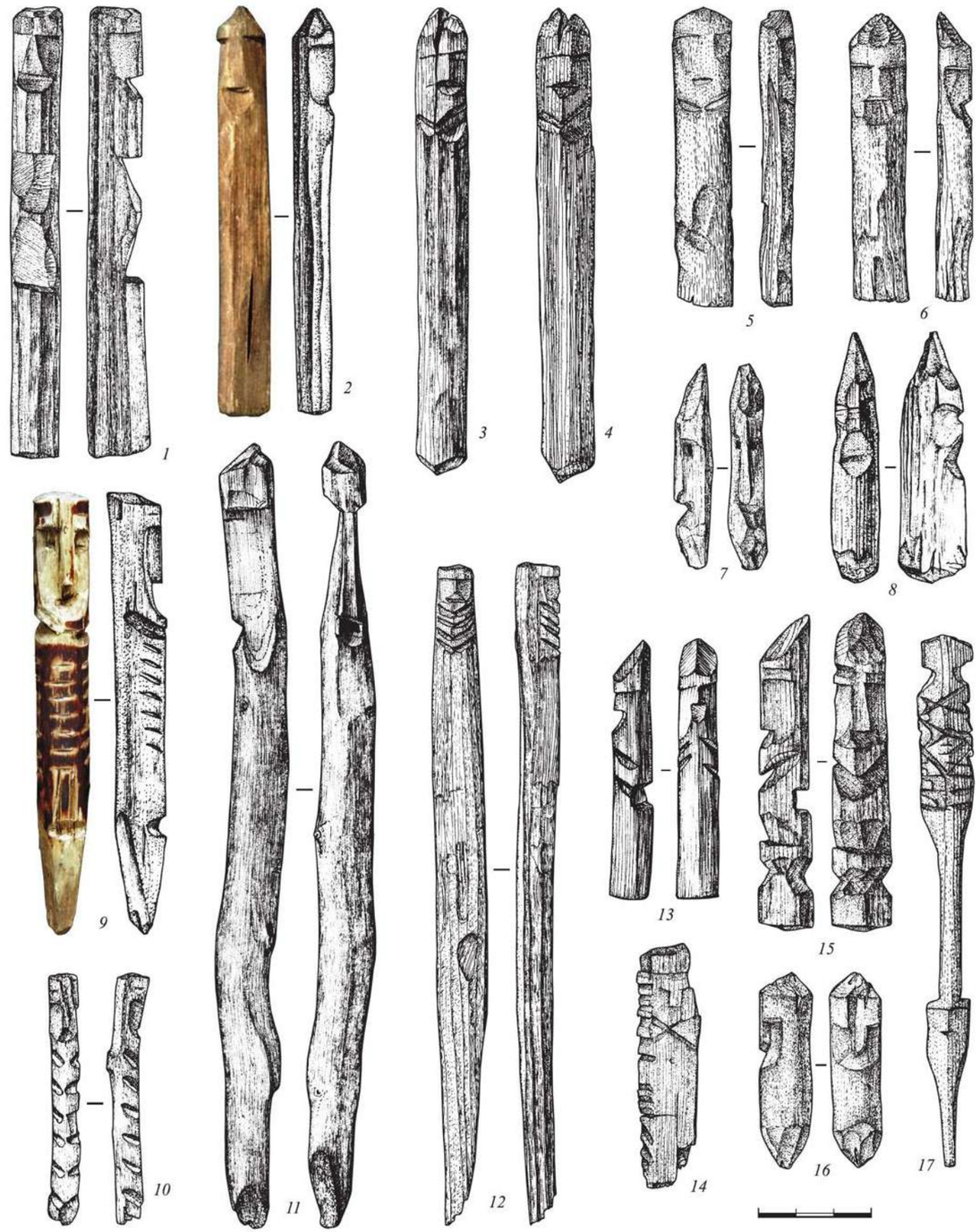


Рис. 3.76. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения. Личины на палочках — сядэи. Целые фигуры и фрагменты. *Дерево*

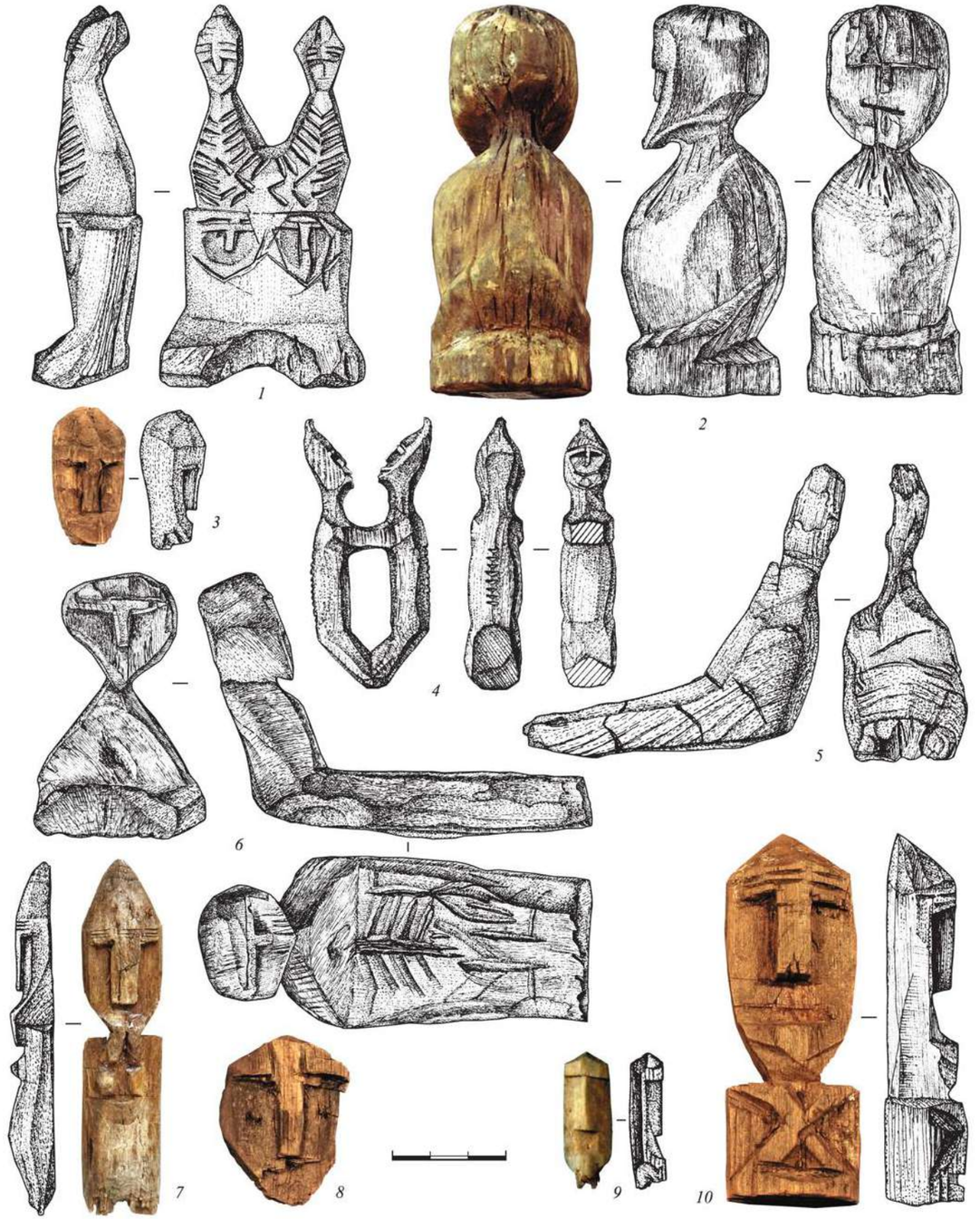
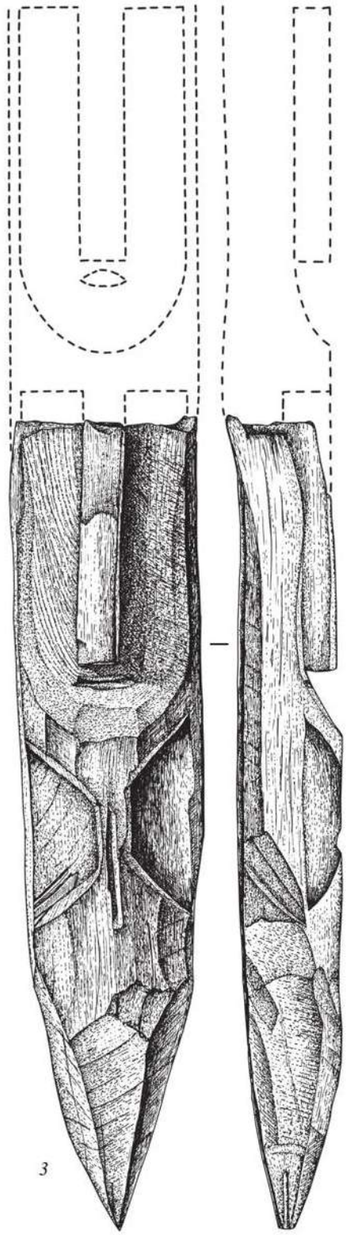


Рис. 3.77. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения. *1, 4* – многофигурные изображения (северо-западная МФП, слой последней трети XVII – начала XVIII вв.); *2* – бюст из постр. № 8 (дома вождя) «самоедского» квартала № III, первая треть XVIII в.); *3, 8, 9* – фрагменты антропоморфных скульптур; *5, 6* – изображения сидящих фигур (слой середины XVII в.); *7, 10* – изображения женских фигур (слой середины XVII в.). *Дерево*

Рис. 3.78. Культовые предметы и принадлежности ритуалов.
Объемные антропоморфные изображения (слой конца XVI – первой трети XVII вв.). *Дерево*

1

2


3

0 5 см

0 20 см

Рис. 3.79. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Монументальная скульптура.
1 – местонахождение основания многоликого идола (южный угол «остяцкого» квартала № II, кв. Н/47, слой конца XVII – начала XVIII вв.); *2* – фрагмент плахи с антропоморфной личиной из коллекции ТГИАМЗ, извлеченной из постр. № 8 (?) Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в 1916 г.; *3* – фрагмент многоликого идола (*1*). *Дерево*

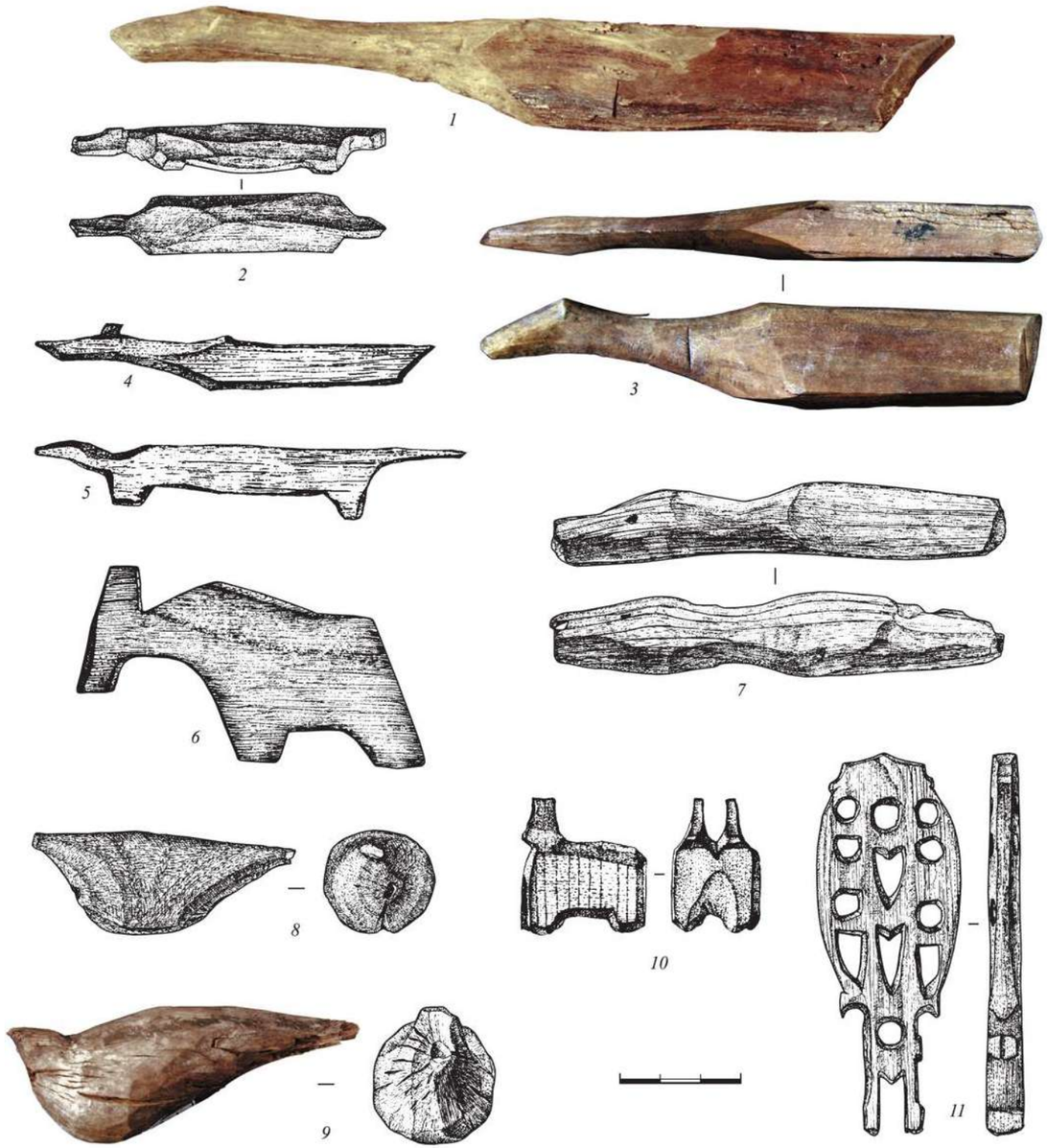


Рис. 3.80. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Зооморфные изображения.
1–3 – изображения оленей; *4, 5* – изображения пушных животных (песец?); *6, 7* – изображения медведя (росомахи?); *8, 9* – изображения птиц; *10* – совмещенные изображения двух зайцев; *11* – сопоставленные фигуры пушных животных. *Дерево*

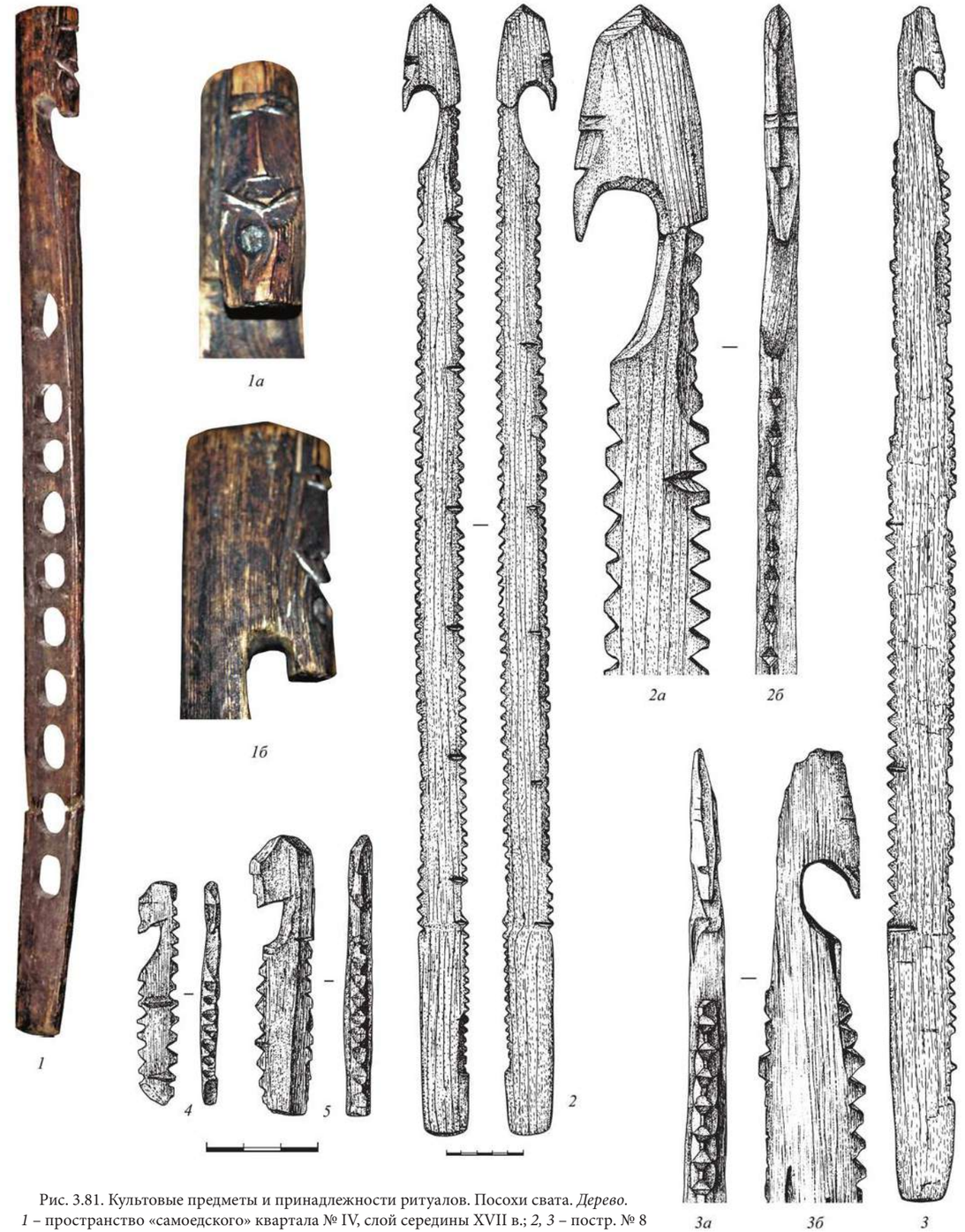


Рис. 3.81. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Посохи свата. *Дерево.*
1 – пространство «самоедского» квартала № IV, слой середины XVII в.; *2, 3* – постр. № 8 (дом вождя) «самоедского» квартала № III, последняя треть XVII – начало XVIII вв.;
3, 4 – пространство северного «остяцкого» квартала № II, последняя треть XVII в.

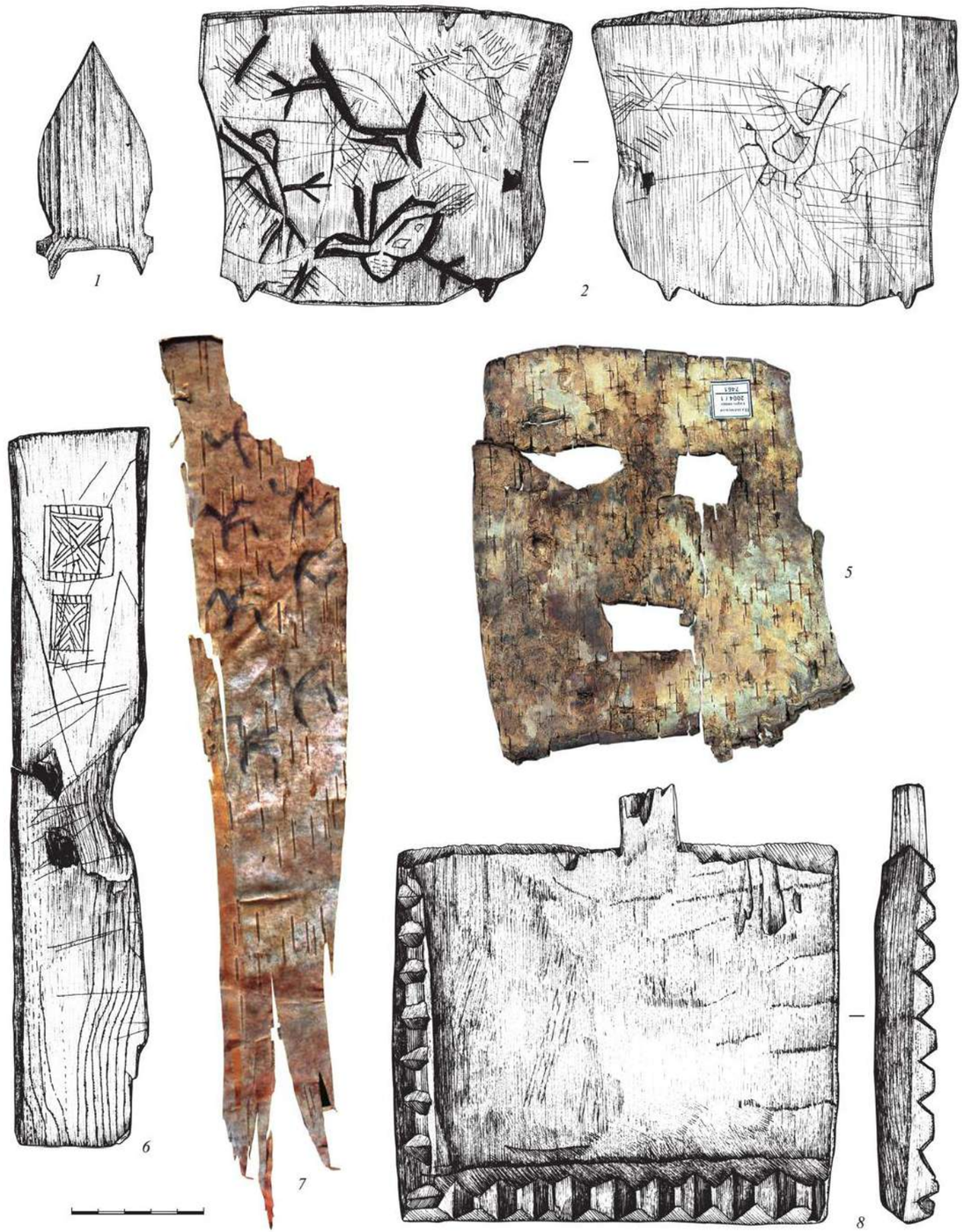


Рис. 3.82. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Граффити.
1 – дощечка формы, аналогичной дощечке с граффити (*2*); *2* – дощечка с вырезанными изображениями куропаток (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *3* – дощечка с орнаментом, прорезанным ножом; *4* – фрагмент лыжи-голицы с антропоморфной фигурой из стены постр. № 6 «остяцкого» квартала № I, слой первой трети XVIII в.; *5* – маска (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *6* – брусок с двумя знаковыми изображениями; *7* – полоса с нарисованными черной краской фигурами летящих птиц; *8–10* – дощечки для ритуального окуривания. *1–4, 6, 8–10 – дерево; 5, 7 –береста*

ГЛАВА 4

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Данные, полученные в результате комплексных археологических исследований верхних слоев Надымского городка, намного шире, нежели просто набор сведений о бытовавших предметах, ограничивающийся морфологическими признаками и культурно-хронологической принадлежностью. Зачастую не только глубокий анализ самих артефактов, но и учет всех фактов, сопровождавших попадание того или иного предмета в культурный слой, зачастую помогают сделать более масштабные выводы о жизнедеятельности обитателей, увидеть, что стоит за гранью материальной культуры, и, следовательно, позволяют обратиться к реконструкции событий прошлого в жизни местного населения. Иными словами, мы имеем большой комплекс данных, помогающих всесторонне воспроизвести культуру, быт и занятия жителей городка. Кроме этого, привлекая для анализа исторические источники, мы получаем возможность дать более объемную характеристику материальной культуры и общественного устройства аборигенного населения Северо-Западной Сибири в целом.

В основе экономики надымской общины лежала многокомпонентная система хозяйства, каждый элемент которой, безусловно, имел разное значение в жизни обитателей городка. Это определялось не только различной степенью эффективности экономических составляющих или общим уровнем развития общества того времени, но и особым положением городка как военно-административного центра. Из сопоставления различных данных, полученных в результате исследований, и в первую очередь — анализа остеологического материала, следует, что основу экономики составляло присваивающее хозяйство. Восстановленный по видовому составу промысловых животных годовой цикл перемещений населения городка был связан, прежде всего, с сезонными миграциями промысловых видов животных из тундры в лесотундру и периодами охоты на тот или иной вид.

Охота, составлявшая основной компонент хозяйственной системы надымцев, имела два направления, или специализации. Первая, и наиболее важная, удовлетворяла потребность населения в пище. Условно ее можно назвать *пищевой охотой* на северного оленя, зайца и белую куропатку. В общей массе костных останков животных и птиц, попавших в культурный слой, перечисленные виды составляют 70% (*Прил. III.* – Табл. II, VI). Кроме питания, при утилизации этих животных население получало много другого сырья — заячий мех, оленьи шкуры, сухожилия, кость и рог, крайне необходимые для жизнеобеспечения, изготовления одежды и орудий. Еще одним продуктом был корм для собак. Первостепенная важность охоты на северного оленя не вызывает сомнений, поскольку именно она была круглогодичной, и это во многом определяло периоды и направления перемещений населения городка. Доля костных останков особей северного оленя среди видов, добывавшихся в зимний период, составляла 12 процентов. Это меньше, чем доля костей добытого зайца (24%) или куропатки (34%), но гораздо больше по объему биомассы.

Единственный вид, сопоставимый по добываемому количеству особей с употреблявшимися в пищу, это песец (12%), а также другие пушные виды, удельный вес костных останков которых составляет 15% (*Прил. III.* – Табл. II, VI). Это свидетельствует о втором направлении охоты.

Вторая специализация охоты позволяла получить продукт для торговли — пушнину. Такую охоту можно охарактеризовать как *товарную, или пушную*. Основными промысловыми видами зверей были песец, соболь, лисица, горностай, белка. Охота составляла основную часть занятий в зимнее время. Шкурки пушных видов были главным предметом меновой торговли. Специфика охотничьих промыслов реконструируется по орудиям и костным останкам животных. Основным орудием был лук со стрелами, имеющими разные типы наконечников, в зависимости от объекта охоты. Лишь часть пушных зверей (крупных) — песца, лисицу —

добывали с помощью самострела, а более мелких — белку, горностая — при помощи ловушек давящего типа — черканов. Промысел пушных видов — это преимущественно зимняя охота и, кроме того, лесная. Зимой эти виды животных обитают в лесотундре и лесных массивах по берегам рек. Это было существенной причиной (помимо миграции северного оленя) для возвращения надымской общины в лесотундровый ландшафт и проживания в городке в зимний период. Именно в это время велся активный и массовый промысел зайца и куропатки. Подобная охотничья специализация хозяйства вряд ли могла быть осуществима, если бы ее потребности не обслуживали транспортное оленеводство и собаководство.

Оленеводство и собаководство были важной частью хозяйства, поскольку именно эти отрасли способствовали высокой рентабельности существовавшей у населения городка системы присваивающей экономики. Какой вид животноводства преобладал, определить сложно, предположительно, они существовали примерно в равных долях. Прямым свидетельством занятий оленеводством являются находки деталей оленьей упряжи и нарт. Причем в коллекции имеются как заготовки изделий, так и детали, подвергшиеся ремонту.

Какой из подвидов северного оленя был одомашнен в то время — точно не известно. Судя по преобладающему типу нарт (косокопыльные таежные) и наличию костей лесного подвида оленей, вероятно, именно они были домашними и использовались в качестве ездовых. Это согласуется как с археологическими данными, так и с описанием средневековых остяцких «богатырей», которые «ездили на оленях больших, как лоси»*. Судя по найденным костным останкам, некоторые особи лесного подвида в то время имели величину, сравнимую с лосем или лошадью. Поскольку не было найдено большого количества комплектов упряжи (в коллекции два комплекта, каждый на одного оленя, остальные — разрозненные) и деталей больших и широких нарт (в основном нарты имеют средние размеры), можно предполагать, что запрягался один или два оленя. Это вполне возможно при использовании оленей лесного подвида, отличающегося значительно большими размерами, нежели тундровый.

По поводу наличия у жителей городка больших оленьих стад и проблемы возникновения и становления крупностадного оленеводства в субарктической зоне Северо-Западной Сибири замечу следующее. В настоящее время ни на одном из археологических памятников Субарктики не обнаружены убедительные доказательства существования такой формы хозяйства до XIX века. Отсутствуют они и в материалах Надымского городка. На мой взгляд, наличие транспортного оленеводства у аборигенов, фиксируемое с VI в. н. э. [*Ушедшие в холмы…*, с. 31–32; рис. 17], радикально не повлияло на развитие их культуры вплоть до XVIII века. К тому же нет уверенности, что транспортное оленеводство северных народов, существовавшее до XVIII века, можно безоговорочно называть скотоводством, ведь, к примеру, транспортное собаководство не именуется скотоводством.

Общеизвестно, что современное ненецкое оленеводство основано на доместикации небольшого северного оленя тундрового подвида. Вероятно, поэтому из таких оленей составляют большие упряжки (3–5 особей). Такое число оленей требует соответствующего количества упряжи. Именно этот признак может быть одним из свидетельств наличия больших стад оленей (свыше 200–250 на одну семью) у древнего населения. Другим признаком можно назвать минимальную долю охоты в хозяйстве, что может отражаться в костных останках промысловых видов животных. По этим признакам население Надымского городка вряд ли имело крупностадное оленеводство даже в первой трети XVIII века. Можно лишь отметить незначительное увеличение в слое конца XVII – первой трети XVIII веков деталей оленьей упряжи. Эти выводы не противоречат мнению А. В. Головнёва о начале становления в XVII веке крупностадного кочевничества в Субарктике Западной Сибири [*Головнёв, 2004.* – С. 88–89] и абсолютно согласуются с результатами исследований И. И. Крупника, утверждающего, что экологические условия, а именно фаза похолодания 1720–1830 годов, в сочетании с рядом исторических и социальных факторов в XVIII веке привели к «оленеводческой революции» — формированию крупностадного оленеводства [*Крупник, 1989.* – С. 146–163]. Учитывая результаты наших исследований, можно предположить, что культура арктических кочевников Западной Сибири, подобная культуре современных ненцев, сформировалась лишь к середине XVIII века.

Достаточно ярким подтверждением этому тезису могут служить слова лейтенанта Харитона Прокопьевича Лаптева: «Кроме оленей своих скота не имеют, на которых токмо ездят, а для пищи не употребляют, разве крайний голод, так что и песцовых куренгов нет, в то время станут своих оленей есть… Самоеды питаются дикими оленями» [*Лаптев, 1989.* – С. 146–163].

* Легенда записана автором у жителей реки Малый Салым в 1993 г. – См. *Салымский край*, – С. 55.

Поскольку вблизи городка отсутствует необходимая кормовая база, можно предположить, что стадо домашних оленей, принадлежавшее вождю и жителям Надымского городка, содержалось в окрестной лесотундре и тундре. Поголовье такого стада подсчитать трудно, но, судя по небольшому количеству деталей оленьей упряжи, найденной при раскопках, число особей, предположительно, не намного превышало 100. Непосредственно на территории городка могли держать только небольшое количество (10–12) ездовых оленей. Очевидно, олени вождя содержались зависимым населением либо специальными членами общины.

О *собаководстве* свидетельствует целая серия разнообразных фактов. Во-первых, это помещения и участки пространства внутри кварталов, заполненные большим количеством собачьих копролитов. Кроме этого, находки отдельных костей собак различного возраста, начиная от новорожденных щенков и заканчивая очень старыми особями, а также почти полных скелетов (например, в основании задней стены постройки № 8), связаны, как отмечено нами, с ритуальной деятельностью. Наличие ездовых упряжек косвенно подтверждает тот факт, что большая часть найденных в городке деталей нарт, по современной классификации, бытующей у хантыйского населения Северо-Западной Сибири, относится к собачьим (от одной до пяти собак) или ручным [*Мартин, 2004.* – С. 84–85; табл. 16; *Лукина, 1985.* – С. 23–35; рис. 10].

Особенно интересно «захоронение» самки с пятью щенками. Скелеты найдены в южной части «остяцкого» квартала № I, в пространстве, разделенном дополнительными перегородками на отдельные помещения. Среди них выделяется одно полностью замкнутое, небольших размеров (до 1,2 × 0,8 м), с дощатым полом, выстланным соломой. Судя по наличию таких помещений, очевидно, существовали пространства кварталов, которые использовали не просто для содержания собак, но и для их разведения.

Наличие собачьих погрызов на предметах, копролитов на нарах в жилых помещениях позволяет предполагать, что имелась категория собак, которые достаточно свободно перемещались по жилой зоне городка. Возможно, эти же собаки спали с людьми, согревая детей. Очевидно, что, помимо ездовых, существовала и другая категория собак — охотничьи (промысловые). Наличие специальных промысловых собак малодоказуемо, но вполне вероятно, поскольку пушной промысел был важной частью экономики. Все эти факты свидетельствуют о достаточно развитом и активном собаководстве. Предположительно, собаководство могло иметь еще товарную направленность для обеспечения собаками членов общины и продажи их соседям.

Содержание других животных, в частности свиней, существовало в очень небольшом объеме и носило эпизодический характер. На разведение свиней указывает наличие, помимо костных останков взрослых особей, костей молочных поросят. Возможно, их приобретали для откорма летом, чтобы компенсировать недостаток пищи в это время. Очевидно, по этой же причине в городке периодически содержали зайцев. Зафиксировано несколько случаев нахождения скоплений заячьих копролитов в хозяйственных постройках. Скорее всего, это могло происходить в годы производства масштабных строительно-ремонтных работ, когда большой группе населения необходимо было оставаться в городке летом.

Как это ни покажется странным, такая отрасль, как *рыболовство*, не играла существенной роли в обеспечении населения городка продуктами питания. Доля костных останков рыб от общего числа костных останков добываемых животных составляет не более 5% (*Прил. III.* – Табл. VI). Тем не менее различные виды рыб, безусловно, вылавливали и употребляли в пищу, но в небольшом количестве. Этот вывод подтверждается крайне малым количеством находок орудий рыболовного промысла в культурном слое, сформировавшемся примерно за 140 лет (конец XVI – XVIII вв.). Рыболовных крючков найдено три экземпляра, игл для вязания сетей — три экземпляра, рыболовных грузил — пять экземпляров (не считая нескольких десятков природных камней, которые могли использовать для грузил на три-четыре сети), поплавков — восемь экземпляров, ловушек типа верши (морды) — один фрагмент. Из этого следует, что жители городка, безусловно, занимались рыболовством и знали способы рыбной ловли: пользовались ставными сетями (возможно, и неводом), ставили ловушки в небольших ручьях, соединяющих пойменные соры с протоками. Однако еще раз отметим, что рыболовством они занимались очень мало и в основном летом.

Незначительное число орудий лова мало соответствует даже тому небольшому количеству костных останков рыбы, которое обнаружено при раскопках. Это, в свою очередь, позволяет предполагать дополнительное приобретение рыбы, либо, что более вероятно, специальное обеспечение рыбой административного центра общины, резиденции вождя кем-либо из простых общинников, не проживавших в городке.

Сбор дикоросов составлял незначительную часть занятий населения. Судя по данным карпологического анализа монолитов культурного слоя, взятых в разных частях территории, ягоды в пищу употребляли

в небольшом количестве и ограниченное число видов (*Прил. III.* – Табл. VII, VII). Собирали ягоды черемухи, смородины, морошки и княженики, которые растут в непосредственной близости от городка. Растущие же поодаль, на берегах рек и верховых болотах, бруснику, клюкву, а также кедровые орехи не собирали вовсе. Специальной заготовки дикоросов в системе хозяйства этого периода не существовало. Дополнительным подтверждением этому может служить отсутствие в материальной культуре посуды для сбора, транспортировки и хранения ягод и орехов (кузовки-набирушки, заплечные кузова, бочки из бересты, мешки). Известно, что суточная норма углеводов, необходимая для нормального функционирования человеческого организма, составляет около 100 граммов и поступает, прежде всего, из растительной пищи [*Добровольская, 2005.* – С. 28]. В этой связи не совсем понятно, каким образом удовлетворялась постоянная потребность жителей городка в углеводах, обеспечивающих основные энергетические затраты человеческого организма, более приспособленного к переизбытку, чем к недостатку этой составляющей в питании [*Добровольская, 2005.* – С. 28, 29]. Часть углеводов, очевидно, поступала с мясной пищей, чего могло быть недостаточно для активной жизнедеятельности. Это обстоятельство — недостаток углеводов — может лишь служить объяснением малоподвижного образа жизни и использования людьми того времени технологий, требующих минимальных трудозатрат. Можно предположить, что в период русской колонизации аборигены могли так или иначе получать хлеб. Факты грабежа хлебных запасов хорошо известны по письменным источникам (*Прил. I.* – Док. 4, 6, 11), но это вряд ли обеспечивало систематическое питание.

Существовавшие у жителей городка виды *ремесел*, за исключением кузнечного, можно охарактеризовать как домашние, удовлетворявшие потребности отдельных семей. Факты какой-либо специализации не зафиксированы. Хозяйственные и производственные части территории Надымского городка определяются, прежде всего, на основании комплексов артефактов, а также путем исключения. Поскольку на сохранившихся и исследованных участках городка были зафиксированы те или иные следы производственной деятельности, но не обнаружено конкретное место, то размещение таких производств относится к разрушенным частям территории. Обработка и производство изделий из дерева, бересты, кости, ткани и кожи, очевидно, осуществлялись на всей территории городка.

В специфическое производство выделяется металлообработка. Литейное производство ограничивалось изготовлением украшений женского костюма из олова в односторонних литейных формах из камня. Литье оловянных бляшек для костюма производилось в жилых помещениях и не было связано с кузнечным производством. Скорее всего, как и в недавнем прошлом у остяков, это ремесло существовало как одно из женских и носило домашний характер [*Мартин, 2004.* – С. 58–59; табл. 3].

Кузнечное производство из всех ремесел, как уже отмечалось выше, представляло собой особую сферу деятельности. Его наличие и территориально-функциональная обособленность подтверждаются серией фактов. В верхнем культурном слое Надымского городка бессистемно разбросано большое количество артефактов из железа. Всего в коллекции 1520 единиц железных предметов, изделий и фрагментов. Найдено 14 железных криц и 50 заготовок небольших изделий, отходы производства. Зафиксированы несколько скоплений измельченного шлака от проковки криц, которым подсыпали пространство квартала № II между постройками. Явных следов кузницы нами не обнаружено, возможно, она находилась в кварталах № V или № VI, остатки которых смыты протокой. Однако сам факт отсутствия кузнечного помещения в раскопанной части не исключает существования у местного населения обособленного кузнечного производства. Об этом свидетельствует изучение культурного слоя. Сырьем для кузнечного производства были привозные крицы и металлические изделия: судовые скобы, топоры и оружие. Основной же продукцией местного кузнечного производства были наконечники стрел, клинки бытовых ножей, оружейные клинки (сабли, палаши, боевые ножи).

В связи с развитием ремесла, как известно, появляется избыточный продукт; в рассматриваемой ситуации это приводило к тому, что обитатели городка могли обменивать излишки на необходимые товары и продукты, что привело к развитию *торговли*. Меновая торговля в XVII–XVIII веках занимала важное место в системе жизнеобеспечения населения городка материалами, орудиями труда, оружием и предметами роскоши. По набору обнаруженных артефактов можно выделить две категории торгово-меновых отношений.

Внешняя торговля с иноземными купцами, обеспечивавшая поступление предметов дальнего импорта, относится к первой категории. Основным и, скорее всего, единственным предметом обмена, предлагаемым представителями надымской общины, была «мягкая рухлядь». К предметам дальнего импорта, получаемым в обмен и имевшим первоочередное значение, относились оружие (кольчуги, сабли, топоры), инструменты

(бытовые ножи в рукоятях, плотницкие топоры, сверла для ручной дрели), посуда (медные котлы), ткань (сукно, шелк), кожа свиная (для обуви), лодки (однодеревки — облас, ветка). Менее значимыми можно назвать кресала, огнивные камни, гребни, швейные иглы, железные крицы, наперстки, медные и серебряные украшения (перстни, подвески), оловянные украшения (перстни, бусины-пуговицы), стеклянные бусы, кожаные ремни, деревянные сундучки, бондарные изделия, керамические сосуды. Вполне вероятно, что какая-то часть вышеперечисленных предметов могла попасть в городок в результате грабежа соседей или торговцев.

Торговля происходила, очевидно, в весеннее и летнее время, после завершения пушного промысла и сдачи ясака, когда в регион можно было пройти водными путями. Каких-либо достоверных фактов частого присутствия иностранных купцов, кроме их товаров, не выявлено. Очевидно, торг проводился далеко за пределами городка. Это могло происходить летом где-нибудь на побережье Обской губы, либо весной в определенном месте. Основными торговыми партнерами жителей городка в XVII веке, согласно письменным источникам, можно считать жителей Пустозерска (*Прил. I.* – Док. 1, 2, 19).

Внутренняя торговля осуществлялась с членами ближайших общин аборигенного населения. В данном случае объекты торговли были разнообразнее. Со стороны жителей городка на обмен могли предлагаться товары дальнего импорта и перекованная по местным образцам продукция кузнечного производства, охотничьи и ездовые собаки. С другой стороны — пушнина, рыба и ездовые олени. Этот торг велся непосредственно на территории городка, очевидно, на северо-западной многофункциональной площадке. Об этом свидетельствует культурный слой исследуемого периода, который чрезвычайно насыщен рубленными медными пластинами (фрагментами медных котлов). Их размеры достаточно стандартны и редко превышают 5–7 × 3–4 см. Не исключено определенное заимствование системы товарно-денежных отношений и введение собственного эквивалента для меновых и прочих операций, в том числе ритуальных. Также в слое присутствуют остатки суконных тканей небольшого размера — около 10 × 10 см. Возможно, что их также использовали в качестве менового эквивалента. До настоящего времени в среде аборигенного населения Северо-Западной Сибири бытует бережное отношение к ткани и использование ее наряду с монетами в качестве «прикладов» в ритуалах на святилищах [*Молданова, 1999.* – С. 45; *Салымский край, 2000.* – С. 256, 262; *Сирелиус, 2001.* – С. 100, 101, 122].

Многообразие типов бытовавших предметов в сочетании с результатами этнологических и антропологических исследований, а также архитектурно-конструктивные формы построек, выявленных при вскрытии верхних слоев Надымского городка, не оставляют сомнения об относительно многоэтничном составе его обитателей в конце XVI – начале XVIII веков. Это соотносится с общей этнической ситуацией и в более обширном регионе. Исследователи отмечают, что и сегодня ханты Нижнеобского этнокультурного ареала помнят, что обитателями древних городков (*вои*) были представители разных родов, племен и народов (*ар сыр* — «разные люди») [*Мартынова, 1998.* – С. 89].

Заметим, что Северо-Западная Сибирь на протяжении всей истории, с момента заселения человеком, никогда не была изолированной территорией. Миграции аборигенного населения внутри региона, перемещения на дальние расстояния и создание разноэтничных образований в период позднего средневековья не раз отмечались учеными различных областей науки.

Известно, что в Новгородских летописях, начиная с конца XI века, содержатся сведения о проникновении военных отрядов из Новгорода и Устюга в «полуношные страны» и «землю Югорскую» [*Щеглов, 1993*; *Миллер, 1999*]. К сожалению, сведения о таких походах довольно скудны, а их археологические подтверждения отсутствуют. До какого места фактически доходили «экспедиции» и как они повлияли на историю региона и повлияли ли вообще — до сих пор не известно. Археологические же свидетельства проникновения в XI–XIII веках приуральского населения в Нижнее Приобье пока вызывают много споров [*Морозов, Пархимович, 1997.* – С. 17–34].

Первые миграции населения из Приуралья, зафиксированные письменными источниками, начинаются в конце XIV века. Наиболее яркий пример имеется в Вычегодско-Вымской летописи. В ней говорится о переселении из Прикамья местного жреца Пама-сотника «с жоны и детьми свои» в 1384 году, после спора с крестителем зырян Стефаном Пермским [*Вычегодско-Вымская летопись.* По: *Жеребцов, 1989.* – С. 25]. Такой факт можно охарактеризовать как эпизодический, но, учитывая малочисленность аборигенного населения Севера, влияние подобных событий на историю региона нельзя недооценивать. Даже в середине XIX века, спустя 450 лет, атлымские остяки (нижнее течение Оби) помнили, что их предки «в числе нескольких семейств пришли сюда из Перми с шаманом Памом-сотником» [*Абрамов, 1857.* – С. 346].

Во второй половине XV века совершались массовые экспансии населения из Северо-Восточной Европы, с Урала на территорию севера Западной Сибири. Наиболее известные из них — это поход под руководством Федора Курбского (1483) с многоэтничным отрядом и поход Семена Курбского (1499). Подобные события происходили периодически и вполне могли вызвать или подтолкнуть территориальные подвижки аборигенного населения на Урале и севере Сибири. Данная территория на протяжении длительного времени, как минимум с XI века, вызывала большой торгово-экономический интерес Новгорода, а позднее Москвы и ряда европейских государств [*Щеглов, 1993*; *Миллер, 1999*]. Какое-либо из подобных событий, произошедшее в середине XVI века или ранее, могло стать причиной миграции остяков с берегов Нижней Оби или самоедов с территории Большеземельской тундры и Полярного Урала на восток.

Основываясь на данных комплексных исследований, проведенных нами, можно утверждать, что в бассейне реки Надым в конце XVI – первой трети XVIII веков проживали: предки пяков — *пяд' хасово,* вероятно древнесамодийская этническая группа, предки тундровых ненцев — *ям хасово* и предки хантов — *хаби*. Предков пяков и ненцев из-за языковой близости именовали «самоядью», а предков хантов — «остяками». Предки пяков, вероятно, были древним коренным населением Севера Западной Сибири, а предки ненцев и хантов — пришлым.

В связи с вышеописанной этнической ситуацией планировочную структуру жилой зоны Надымского городка, состоявшую из шести кварталов, можно реконструировать следующим образом. Юго-восточный квартал № VI и южный квартал № V (постройка № 12), расположенные на самой престижной стороне — на восход солнца, принадлежали предкам пяков — древним аборигенам края. Именно им, очевидно, принадлежала архитектурная традиция строительства каркасных жилищ с центральным очагом, которая имеет только археологические аналогии. Восточный квартал № IV и юго-западный № III (постройка № 8) принадлежали предкам ненцев — семье вождя, вероятно, ставшей таковой в результате междинастического и межэтнического брака древних родов *пяд' хасово* и *ям хасово* (*Прил. II.* – Легенда 1). Северный квартал № II (постройки № 1–5) и северо-западный № I (постройки № 6–7, 9–11), расположенные в менее престижной стороне — на заход солнца, принадлежали остякам — предкам хантов. Близость материальной культуры можно объяснить тем, что предки пяков, будучи аборигенами, оказали большое влияние не только на антропологические особенности, но и в целом на культуру вновь переселяющихся этнических групп, которые ассимилировались с местным населением.

Результаты комплексного исследования позволяют определить Надымский городок слоев XVII – первой трети XVIII веков как *военно-административный центр* — зимнюю резиденцию вождя Большой Карачеи. В отличие от многих других известных городков на территории Северо-Западной Сибири, Надымский городок, по нашим предположениям, мог быть резиденцией вождя военно-политического объединения, включавшего несколько относительно самостоятельных территориальных общин.

Документы, содержащие информацию о «воровских» операциях Большой Карачеи, упоминают в составе военных отрядов от восьми до одиннадцати наименований родов «Карачейской и Закаменной самоеди» [*РГАДА.* – Ф. 214. – Стб. 88. Л. 369–370. Стб. 134. Л. 352–352а]. Скорее всего, это соответствовало количеству территориальных родовых общин, входивших в состав этого объединения («княжества»). Из челобитной пустозерского подьячего Афанасия Сычова следует, что нападение на Пустозерский уезд в 1644 году, как и ранее в 1642 году, осуществлялось отрядом «воровской Карачейской самояди», в состав которого, наряду с другими, входила «Закаменная самоядь» родов Вайсиды (Айваседы), Пяки, Вылы (Вэлы) [*РГАДА.* – Ф. 214. – Ст. 134. Л. 352–352а]. Именно эти группы считаются предками современных лесных ненцев, а исконная территория их проживания с XVII века по настоящее время локализуется в бассейнах рек Надым, Пур и верхнем течении рек Казым, Лямин и Аган [*Долгих, 1960.* – С. 71–74; табл. 24]. Из вышеприведенного замечания можно заключить, что военно-политический альянс включал значительную часть населения Низовой стороны, а именно — побережье Обской и Тазовской губы, а также бассейны рек Надым, Пур, верховья реки Казым и другие прилегающие территории.

Основываясь на данных, полученных в процессе комплексного исследования, привлекая общеисторические факты и принципы развития и функционирования первобытных и древних обществ, можно предложить реконструкцию истории населения бассейна реки Надым в конце XVI – первой трети XVIII веков.

Проникновение остяков в бассейн реки Надым произошло в конце XVI века или ранее и, скорее всего, было мирным. В результате остяцкой миграции вожди обеих общин стали жить под одной крышей

Надымского городка. По крайней мере, легенды о военных конфликтах остяков и пяков на этой территории неизвестны. Скорее всего, группа остяцкого населения (семья вождя), проживавшая в городке и, вероятно, его окрестностях, занимала относительно свободную «промысловую нишу» и выполняла определенные общественные функции. Поскольку территорию они разделяли с автохтонным населением, то право собственности на надымские промысловые угодья им вряд ли принадлежало. В этой связи их положение в территориальной общине не могло быть полноправным.

Активная русская колонизация региона, начавшаяся с конца XVI века: основание в 1593 году города Березова, в 1601 году — Мангазеи, позднее Собской и Обдорской таможенных застав [*Миллер, 1999*; *2000*], не могло не повлиять на этническую ситуацию в регионе. Возможно, именно с этими событиями связана миграция предков Карачейской самояди, проживавших в предгорьях Северного Урала, на восток в низовья Оби и вдоль южного побережья Обской губы к Надыму. Не исключено, что они появились в низовьях Оби и ранее — в конце XV века, но это не носило массового характера.

Земли Низовой стороны и бассейна реки Надым не очень плотно, но, тем не менее, были населены народом, имевшим собственность на нее по историческому праву проживания. Единственный способ получить равноправную возможность жить и пользоваться этой территорией — завоевать ее. Иными словами, получить собственность на землю по праву сильного. Пяки вряд ли имели численный перевес, но стратегически и по вооружению, возможно, не уступали «Карачейской самояди». Процесс мог протекать долго и с переменным успехом.

Судя по многочисленным легендам аборигенного населения Северо-Западной Сибири, в средневековых «войнах» не практиковались кровопролитные столкновения больших воинских отрядов [Хомич, 1995. – С. 159–161; прил. I, II]. Большей частью «войны» ограничивались внезапным нападением на беззащитные поселения соседей, длительными осадами городков, захватом и уничтожением малочисленных отрядов и поединками лучших воинов, которые вполне могли решить исход всего конфликта. Радикально победить, с полным уничтожением противника, в такой «войне» сложно; можно лишь, при удачном стечении обстоятельств, нанести значительный урон.

Одна из легенд повествует о том, что длительное военное противостояние пяков и карачеев завершилось принятием мирного решения, которое скрепили брачным союзом представителей враждующих сторон (*Прил. II.* – Легенда 1). Междинастический брак детей или родственников вождей общин вполне мог решить такой конфликт. Причем претендующая сторона в этом случае получает полноценное право владения территорией по праву родственника. Именно тогда ребенок от такого брака может стать полноценным вождем как в среде Карачейской самояди, так и в среде Пяков. Очевидно, в этом и кроется причина двойственности вождей Большой Карачеи XVII века, которые и жили в Надыме, и кочевали, и возглавляли воровские набеги низовой самояди.

В автохтонной общине надымские пяки и низовые карачейские самоеды могли не только разделить промысловые угодья, но и занять разные хозяйственно-промысловые ниши и не мешать друг другу. В любом случае, резиденция вождя территориальной общины находилась в Надыме, а его дети, по принципу авункулата, воспитывались в тундре у родственников.

Неполноправное положение надымских остяков должно было устраивать и пяков, и вождей низовых самоедов, поскольку, привлекая остяков для выполнения ряда функций, они могли не делиться властью с ближайшими родственниками. Другая выгода от присутствия остяцкого населения заключалась в их связи с родственниками на Нижней Оби — обдорскими ясачными остяками, которые готовы были покупать пушнину, а также и с русскими торговцами. Кроме этого, надымские остяки, не имея ни исторического, ни родственного, ни какого-либо иного права на эту землю, были послушнее. Видимо, по всем этим причинам остякам, или лучшим из остяков, было разрешено проживание в Надыме (в резиденции вождя), где они безропотно выполняли хозяйственные функции. На неполноправное положение остяков указывает множество фактов. В первую очередь, неподчинение им самояди Низовой стороны после взятия в аманаты верховного вождя — Пося Хулеева, расположение их кварталов ниже по течению и в северной (нижней) холодной стороне и другие факты (*Прил. I.* – Док. 9). Тем не менее, надымские остяки неоднократно участвовали в военных операциях Большой Карачеи, о чем явно свидетельствуют формулировки смертных приговоров лучшим людям городка: «за воровство вершены» или «повесить, чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать» (*Прил. I.* – Док. 15, 18).

Таким образом, в первой трети XVII века сформировался многоэтничный альянс, объединявший представителей разных этнических групп, выполнявших разные хозяйственные и производственные функции в пределах одной территории. Экономической силе такого альянса не могло противостоять ни одно туземное объединение Северо-Западной Сибири. Пяки обеспечивали изготовление орудий труда и холодного оружия, самоядь — транспорт (оленьи упряжки), остяки — товарообмен. Именно эти факторы были основой военного превосходства вождей Надыма, что позволило им объединить в Большую Карачею население обширной территории всей Низовой стороны, а именно — побережий Обской и Тазовской губы, бассейна рек Надым, Пур, верховий Казыма.

Объединение этих территорий в Большую Карачею, которое, по нашему мнению, произошло в первой трети XVII века, позволило начать «сопротивление» русской колонизации. Судя по упоминаниям в письменных источниках XVII века, численность военных отрядов составляла от 200 до 400 человек (*Прил. I.* – Док. 2, 20). Именно большие по численности военные отряды Большой Карачеи до начала XVIII века осуществляли грабительские набеги не только на туземные поселения, но и на русские города и остроги. В начале XVIII века положение меняется. Видимо, по причине каких-либо внутренних проблем происходит раскол общин Большой Карачеи. Выделяются мелкие лидеры, которые объединяют, судя по источникам, вокруг себя меньшие военные отряды численностью 120–140 человек, называвшиеся «ватагами» [*Абрамов, 1857.* – С. 350–352]. Раскол внутри сообщества мог активизировать вражду и борьбу за лидерство.

К началу XVIII века контроль над территорией со стороны русского управления становится сильнее, соответственно, объектов для возможного нападения меньше. При такой конкуренции победить можно было, лишь физически устранив соперника, даже если он родственник. Возможно, чувствуя нарастание конфликта или лишившись защиты по причине отъезда вождя с ополчением на военную операцию и не желая быть убитыми, остяки бежали в Обдорск, о чем пишет Г. Ф. Миллер [*Миллер, 1996.* – С. 259–260]. Не исключено, что именно они и могли сообщить конкурирующей «ватаге» об отъезде защитников. По крайней мере, мотив для такого поступка у них мог быть — неполноправное положение. В любом случае, по той или иной причине, остяков не было в городке в момент его захвата. Прежде всего, это следует из отсутствия костных останков людей в помещениях «остяцких» кварталов и вообще среди антропологических материалов жителей городка, обнаруженных при раскопках (*подробнее см. гл. 1.4*). В городке были только семья и родственники вождя. Осаждавшие без особого труда сломили сопротивление пожилого мужчины и нескольких подростков, убили их и всех остальных — женщин и детей. После этого события Надымский городок в прямом смысле слова стал некрополем. Трупы убитых не были захоронены, и городок стал их коллективной могилой. По этой причине длительное время (до середины XX в.) никто из аборигенов не селился на этом месте. Лишь через несколько лет после трагедии, около 1740–1750 годов, судя по материалам ревизии ясачного населения 1782 года, остяки вернулись в низовья Надыма и основали городок с тем же названием, но уже на новом месте [*ТФ ГАТО.* – Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 101–103 об.]. Этими остяками, скорее всего, были прежние жители Надымского городка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые источники, полученные нами в результате комплексного археологического исследования Надымского городка, позволили подойти к решению сразу нескольких научных проблем общеисторического характера, связанных с историей Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII веков. Большой объем данных, относящихся, прежде всего, к древнему аборигенному населению региона, стал основой для описания не только материальной культуры, но и экономики, социальной структуры, этнического состава группы населения локальной территории, более того — предоставил возможность для расширения характеристики уровня развития аборигенных культур и обществ Субарктики. Значительная часть данных характеризует межэтнические взаимоотношения и контакты с русским населением как на бытовом, так и на официальном уровне в процессе колонизации региона в обозначенный период.

Сравнительный анализ позволил не только дать характеристику развития материальной культуры, но и показать ее этническую окраску, что дает возможность вплотную подойти к решению проблем этногенеза современных коренных народов, проживающих в данном районе Субарктики.

Материал, полученный нами, имеет большое значение при решении общих вопросов оценки и характеристики ранних этапов формирования социальной структуры общества у народов Северо-Западной Сибири накануне и в первоначальный период русского освоения Северо-Восточной Евразии. Дискуссия об «остяко-вогульском феодализме», начатая в 1930-е годы С. В. Бахрушиным и Н. Н. Степановым, в какой-то мере была продолжена в 1980–1990 годах З. П. Соколовой и М. Ф. Косаревым [*Бахрушин, 1935.* – С. 42–62; *Степанов, 1936.* – С. 32, 33; *Соколова, 1983.* – С. 3, 4; *Косарев, 1991*; *1993*]. Казалось бы, закрытая тема определения стадии классообразования в обществах с присваивающей экономикой в последнее время получила новый виток в развитии, базирующийся на том, что с начала дискуссии накоплен новый материал для ее решения [*Зыков, Кокшаров, 2001.* – С. 201, 202]. По всей видимости, сторонам не хватило убедительных фактов для безапелляционной аргументации своих точек зрения, а таковыми неоспоримыми свидетельствами того времени могли и могут быть, в первую очередь, археологические источники, во многом лишенные субъективной оценки.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники превосходят полнотой и составом материалы всех ныне исследованных памятников аборигенного населения региона любого исторического периода, что позволяет ответить на многие вопросы, связанные с дискуссией. Тем не менее, мы и сегодня считаем, что у всех дискутирующих сторон ни на тот момент, ни на сегодня пока еще нет достаточной источниковой базы, позволяющей делать аргументированные выводы. Однако, основываясь на результатах комплексного исследования Надымского городка, уже сегодня мы можем позволить себе взглянуть на то, что же реально представляла собой культура аборигенного населения.

В первую очередь, в настоящее время большинство из исследователей лишь в общих чертах представляют систему хозяйства того времени — его экономику, которая для любого общества была и остается основой его социальной структуры и иерархии, а не факт имущественной дифференциации, определяемый по инвентарю древних погребений. Наши знания о средневековой архитектуре региона и ее развитии также поверхностны, поскольку до недавнего времени мы не имели объективных источников, так как все ранее фиксируемые материалы давали возможность для неоднозначной интерпретации. Письменные источники, содержащие сведения об истории и культуре аборигенных народов региона, выявлены далеко не все, яркий пример тому — наше исследование, в результате которого выявлено и введено в научный оборот около двадцати источников.

В итоге заметим, что большинство исследователей, и мы в том числе, и сейчас не обладает достаточным, статистически устойчивым комплексом данных для ведения подобной дискуссии. В этой связи полнота и убедительность всесторонней характеристики культуры аборигенного населения бассейна реки Надым может быть красноречивее дискуссионных гипотез.

Важная черта стереотипа поведения аборигенов, характеризующая их менталитет и отражающаяся, видимо, не только в материальной культуре, но во всех сторонах жизни, — это экономия усилий в производственной деятельности. По-иному ее можно охарактеризовать как максимальное использование особенностей окружающего ландшафта и природно-климатических условий в жизнедеятельности. Примеров тому много. Лесозаготовка осуществлялась большей частью не путем рубки леса и транспортировки его по воде, а методом ожидания самосплава окатанных стволов в весенний паводок. При этом бытовало не просто вторичное, а многократное использование предметов и деталей из дерева для изготовления новых. Сюда же можно отнести использование низких температур (мерзлоты) для обеспечения устойчивости конструкций и защиты жилого комплекса, прозрачности льда для световых окон. Поголовье домашних оленей не стремились увеличить для потребления мяса, а перекочевывали за дикими стадами, не нарушая давно сложившегося уклада. Крайне медленно происходило внедрение технологических инноваций. Получив сверло дрели, на протяжении минимум 150 лет его использовали, вставляя в поперечную рукоять, а не заимствовали лучковый механизм. Существует еще множество аналогичных примеров.

Этническая принадлежность жителей Надымского городка, воспроизведенная по антропологическим, этнографическим и письменным источникам, не оставляет сомнения в многоэтничном составе населения городка, включавшем (в старой терминологии) пяков — лесных самоедов, тундровых самоедов и остяков, из которых сформировались современные лесные ненцы, тундровые ненцы и ханты. Правда, этнические группы того времени, скорее всего, находились в неравноправном положении друг к другу, что могло основываться на историческом праве собственности на территорию.

Согласно нашим исследованиям, можно высказать предположение, что городок был общинным центром – резиденцией вождя военно-политического объединения нескольких территориальных общин численностью около 2,0–2,5 тыс. человек. В официальных документах XVII века это объединение именовалось «Большая Карачея». Название сложилось из самоназвания одной из самых многочисленных этнических групп тундровых самоедов — Карачеи, известного с 1525 года, и слова «Большая», подчеркивавшего объединенную структуру этого сообщества. Вождя Большой Карачеи нередко называли «князем» или «князцом», из чего можно заключить, что это объединение терминологически соотносили с неким подобием феодального княжества.

Время возникновения туземного княжества Большая Карачея можно определить в пределах первой трети XVII века, расцвет падает на середину столетия, а закат, завершившийся гибелью Надымского городка зимой 1730 года, — на первую треть XVIII века. Это военно-политическое объединение собирало отряды численностью около 400 человек, которые совершали военные операции против соседних аборигенных населенных пунктов, русских городов и острогов, а также отдельных промышленников и торговцев на транспортных магистралях, в частности — «Мангазейском морском ходе».

На протяжении XVII–XVIII веков по официальному территориальному устройству государства Московского эти земли относили к территории Обдорского княжества нижнеобских остяков и самоедов Обдорской ясачной волости Березовского уезда. Реально же существовавшее территориальное деление, судя по всему, было более сложным, но в связи с частой сменой местных чиновников эти знания не сохранялись и не детализировались в документах. Особенно это касалось земель, где проживала «самоядь немирная». Разбираться в особенностях их территориального деления в то время, вероятно, мало кто рисковал. Ориентировочно территорию военно-политического объединения Большой Карачеи составляли бассейны Надыма, Пура, верхнего течения Казыма, а также южное побережье Обской губы и, возможно, Тазовской. В первой трети XVIII века существование «княжества» завершилось распадом на отдельные территориальные общины — «ватаги» с численностью военных отрядов не более 120–130 человек, конкуренция и конфликты между которыми привели к осаде Надымского городка и убийству семьи вождя. Такая судьба — не редкость для обществ, основным объединяющим фактором для которых служил авторитет выдающейся личности.

Основой экономического подъема Большой Карачеи и ее административного центра — Надымского городка послужила высокорентабельная меновая торговля продуктами присваивающего хозяйства, в частности — пушного промысла. Увеличение объемов торговли было связано с открытием и активным функционированием с 1601 года «Мангазейского морского хода». Определенным материальным отражением этого процесса является количество металлических изделий в культурном слое Надымского городка. Такого количества металла нет в культурном слое столь узкого хронологического промежутка ни на одном известном средневековом археологическом памятнике. Не случайно, что подавляющее число металлических изделий приходится на период

с середины XVII по первую треть XVIII веков. Интересно обстоятельство, что в слое рубежа XVI–XVII веков количество предметов из металла уменьшается. Пропадает беспорядочный характер распространения вещей, среди которых преобладают утерянные (либо спрятанные) отдельные предметы или наборы. Большое количество металла в слое конца XVI – первой трети XVIII веков вряд ли случайно и, скорее всего, отражает особенности торгово-меновых отношений с русскими купцами и промышленниками. Выглядит правдоподобным объяснение, что высокая меновая плата за меха могла даваться в том случае, когда сделки осуществлялись непосредственно с туземцами и торговцы избегали таможенного учета как ввозимых, так и вывозимых на Русь товаров. Такой обмен вполне мог осуществляться летом в устьях рек, впадающих в Обскую губу, на временных стоянках — «отстое» русских судов, следовавших по «Мангазейскому морскому ходу».

Скорее всего, именно систематические контакты позволяли жителям Надымского городка не только знакомиться с русской культурой, но также осваивать новые технологические приемы и приобретать новые инструменты и материалы. Практически во всех группах предметов присутствуют в том или ином виде заимствованные вещи или элементы. Например, в одежде — это использование цветного сукна, выделанной свиной кожи, элементов декора (украшений из олова). Широко стал использоваться наконечник ручной дрели, правда, особым образом — без лучкового механизма. Наконечником проделывали отверстия, монтируя его в рукоять вместо обычного клинка ножа. Вообще, судя по отсутствию в слое Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII веков находок каких-либо деталей лучковых дрелей, бытовавших в то же время у русских промышленников и хорошо известных по материалам раскопок Мангазеи, этот инструмент вошел в быт аборигенов Северо-Западной Сибири не ранее середины XVIII века. В этой же связи можно отметить еще один яркий факт — отсутствие находок струнных музыкальных инструментов, считающихся традиционными для культуры остяков. Очевидно, что процесс их адаптирования и включения составной частью в культуру также начался не ранее середины XVIII века. Кроме этого, все без исключения водные средства передвижения в изучаемый период были произведены далеко за пределами городка, в том числе в Поморье, и, очевидно, были приобретены жителями, так же, как и медные котлы, ножи, плотницкие топоры и другие товары.

Это лишь часть фактов, позволяющих охарактеризовать материальную культуру аборигенов данного периода как насыщенную импортными, прежде всего русскими, предметами и внедряющую эти новшества. В сравнении с предшествующими периодами, влияние русской культуры можно отметить как преобладающее, что, очевидно, связано с периодом активной колонизации региона и участившимися непосредственными контактами. Это не могло не проявиться в материальной культуре туземного населения. Вместе с тем можно отметить, что процесс адаптации происходил медленно. В первую очередь заимствовали только сырье, инструменты и отдельные технические средства, которые после длительного использования (около 150 лет – с конца XVI по первую треть XVIII вв.) начали воспроизводить, и лишь позднее они вошли составной частью в материальную культуру коренных жителей. Причина этого процесса видится, прежде всего, не во внутреннем технологическом развитии общества, а в изменении русского влияния в регионе. К XVIII веку иссякли «пушные» вотчины Северо-Западной Сибири, сократился поток промышленников и торговцев, что, в свою очередь, уменьшило приток в регион русских товаров, которыми привыкли пользоваться аборигены. Логично предположить, что сокращение количества ввозимых товаров подстегнуло развитие местного воспроизводства аналогов русских изделий.

В итоге анализа материалов, полученных в результате комплексного исследования Надымского городка, мы можем охарактеризовать население бассейна реки Надым в конце XVI – первой трети XVIII веков как раннеколониальный вариант аборигенной культуры локального региона Субарктики, сформировавшийся в начальный период русской колонизации Сибири благодаря расположению вблизи магистральных транспортных артерий, соединявших вновь возникшие уездные центры с метрополией.

Отличительными чертами раннеколониальной стадии развития туземного общества на данной территории можно назвать, во-первых, наличие в материальной культуре значительной части заимствованных элементов русской традиционной культуры разных стадий и видов адаптации (использование предметов в неизменном виде и переосмысление и переработка). Во-вторых, улучшение общественного и индивидуального благосостояния населения резиденции и вождя за счет активной высокоприбыльной реализации продуктов присваивающей экономики при меновой транзитной торговле «мягкой рухлядью». Именно за счет этого происходило приобретение оружия, усиление военной организации общества, развитие связанного с ней кузнечного (оружейного) производства, выделение военного лидера и приоритет военных функций, увеличение доли «воровской» экономики, по сути, тоже присваивающей. С другой стороны, все это не способствовало

развитию внутренних социальных институтов, вызывало торможение внедрения инноваций, консервацию технологического уровня производств, ремесел и производящих отраслей экономики, и в частности — оленеводства, рассчитанного на обеспечение общины продуктами питания. Общество продолжало зависеть от сезонных миграций оленя, и вождь со своей семьей и приближенными, как и все остальное население, вынужден был совершать сезонные миграции. Это явное свидетельство того, что в тот период не было системы или института обеспечения общинного лидера и, вероятно, не было фиксированной ренты в его пользу, особенно в летнее время, когда без консервантов невозможно создать запасы пищи. Вероятно, вождя готовы были содержать, но только там, где охотится вся община. Иная ситуация зимой, когда естественный природный «консервант» — сибирский мороз — обеспечивает длительное хранение продуктов. Именно тогда становятся возможными продолжительные военные операции. Все это, так или иначе, свидетельствует о большой зависимости общества от ландшафта и естественных природных ресурсов и характеризует культуру как более близкую древнему обществу, существовавшему здесь ранее.

Комплекс новых источников позволяет охарактеризовать Надымский городок, прежде всего, как неординарный памятник культуры северных аборигенов, что связано с той ключевой ролью, которую играли его хозяева в XVII веке на обширной территории Субарктики — от устья реки Печоры (г. Пустозерск) в Европе до устья реки Таз (г. Мангазея) в Азии. С другой стороны, городок и его жителей можно охарактеризовать как яркий пример культурного, экономического и общественного развития туземного населения территории в первоначальный период русской колонизации Сибири. Материалы изучения Надымского городка станут первыми в серии исследований памятников аборигенных культур в субарктической зоне Западной Сибири, которые позволят воссоздать подлинную историю этой земли.

SUMMARY

The undertaken research is aimed to study ethnogenesis of aboriginal population of the sub-Arctic zone of western Siberia. It is created via complex investigations of the Nadymsky Gorodok (fortress) — the site of local population, who inhabited the southern coast of Gulf of Ob (Kara Sea) and Nadym River basin in the end of XVI – first third of XVIII centuries.

Until recently in Siberian archaeology scholars studied history and culture of the Ob River local population such as Ob Ugrians — Khanty (other name Ostyaki) and Mansi (Voguly). Due to intensive gas exploration over northern territories of the Yamal-Nenets Autonomous region (Yamal Peninsula) the history of this area became under study.

Ethnogenesis of local population is a scope of many regional studies. Because of archaeological byway of XVI-XVIII centuries those reach primarily based on correlation of written records, folklore with archaeological materials and have very hypothetical inferences. However that time, the period of Russian colonization of Siberia, not only associated with changes in regional history, but had a great influence on the cultural development of the local population.

Recent study of history of Siberian indigenous population is based on analysis of material culture remains, mostly of organic artifacts: wood, bone, birch bark, leather — basic raw materials in traditional culture from the earliest times. Archaeological excavation of the Nadymsky Gorodok directed by author yielded a great number of artifacts of traditional aboriginal culture, which were found in frozen deposits. This fact allow to compile detailed and complete data on ancient culture of local population. Such investigations help to make a reconstruction on both local (Nadym River basin) and regional (north of west Siberia) levels.

According to modern administrative order the territory of the Nadymsky Gorodok belongs to Nadym district of Yamal-Nenets Autonomous region. The site is located 60 km northward Nadym city and 25 km at the mouth of cognominal river. The fortress occupied small oval-shaped island of 80 × 25 m and NW-SE oriented, which was formed upon the confluence of two small the rivers. The island measured 1 m height from valley level, its maximal height together with cultural deposits is estimated 4.5 m.

The first settlement was found at the end of XII century. This date is supported by data on dendrochronology, since that time settlement functioned until 1730.

Research methodology is based on interdisciplinary research presuming archaeological, dendrochronological, paleoanthropological, archeozoological, paleobotanical, ethnographic, historical and architectural as well as archival studies.

In the course of *archaeological excavation* deposits of the end of XVI – first third XVIII centuries were studied. The extent part of the site is measured about 1200 sq. m. The excavated part is 650 sq. m, of those meters 350 sq. m — fortification and inhabitancy area holds 16 dwellings and house-hold structures. Cultural layer deposits measured 0.5-1.65 m. The site collection consists of 5909 artifacts presented 250 categories.

Chapter 1 reviews all known records and bibliography. It contains such kind of *written records* as information of foreign authors. They are not numerous but present the earliest mentions before XVII century. Besides these data various administrative materials dated back to 1636-1679 as well as information of Russian Academic expeditions of XVIII century has been analyzed. The latter materials contain first description of the Nadymsky Gorodok, its location, which was done based on interview of local people (journey notes of G.F. Miller, 1740). What is amazing, that information about Nadymsky Gorodok was well presented in various written records unlike other numerous Ostyaks` settlements.

Except written records, there are Russian *cartographical materials*. Among them plan "More Mangazeisko s urochische" (Mangazeja Sea with neighbouring lands) of XVII century is of great interest. That plan is the earliest site location of the Nadymsky Gorodok. All available cartographic materials not only provide with information on location but also complement written records by information on status as administrative and trade center.

This chapter also includes essay on *archaeological* investigation of the site. There was given description of the interdisciplinary research of the Nadymsky Gorodok, which is being undertaken since 1998 and directed by author. It is provided with data on *ethnography and anthropology*. The chapter includes analysis of previously published materials as well as results of recent interdisciplinary study. Results of *paleoecological* research (archeozoological, carpological, dendrochronological) are given there.

Chapter 2 covers architecture of the Nadymsky Gorodok. Remains of dwellings and other public structures dated back to the end of the XVI – first third of the XVIII centuries are of good preservation for veracious reconstructions. This is the first and the most significant complex of architectural and planigraphic data on late medieval settlement of the aboriginal population of the northwestern part of Siberia.

General planigraphy and spatial organization of the fortified and inhabitancy area is given here. In the course of excavation there were obtained that the site had oval-shaped territory, which was NW–SE oriented. The reconstructed total size of the citadel is estimated as 80 × 40 m. The planigraphic structure consists of various functional areas – fortified and inhabitancy, household, commercial and ritual zones. Inhabitancy area was centred inside citadel and surrounded with fortified structures of 35 × 20 m total size. Its plan composition was formed with oval external wall, which was divided in two main streets by central passage. The area inside each segment was also separated on sectors-quarters. The planigraphic scheme during the life history of the settlement is reconstructed as quadri- and later hexa-quarter structure, which had single roof. The inhabitancy area was engirded with artificial terrace made of debris and other draff. Various parts of the terrace had different functions. All of those parts were conditionally divided into separate multifunctional grounds: NW, NE, S and W. There was given detailed description of architectural features of houses within inside area. Inside quarters I and II there were studied remains of 36 house and household structures. Houses were made of wood, had 4 walls and average size from 2.0 × 2.0 to 2.5 × 2.5 m. Those houses had framework construction, open central fire place and sleeping area near wall, opposite to entrance. In the mid of XVII century open fire place was changed with clay oven. In some cases framework dwellings were replaced on log buildings. Household structures were made of cut boards. All studied dwelling had almost the same squares 2.1 × 2.1 m. Entrance measured 1 m width, door was absent. Floor was carefully planked over. Open fire place was centred inside. Along external perimeter of central room there were found bypass gallery, which was formed with external house walls made of vertical boards. House façade had entrance construction shaped as a small corridor.

Multifunctional grounds have been also characterized. NW ground is well preserved. It might be possible that there were placed some dwellings of inhabitants or visitors, who came into there for exchange commerce. Therefore that ground was attributed as "guest". West ground was destroyed by fire. Complex data recorded for southern ground allow to presume that there was public area for various rituals including sacrifices. NE ground was oriented to river therefore it might be interpreted as landing place.

Chapter 3 contains artifacts` description. All those items might be attributed to the settlement inhabitants and therefore it reflects culture of aboriginal population of the sub-Arctic zone. All artifacts were ordered according to their functional meaning.

The chapter starts with *clothes details*: dress, footwear, decorations. Mainly they are presented in parts and fragments of clothes made of imported coloured fabrics. Remains of fur clothes are not in many. Almost all found footwear made of imported leather and fabric stocks. In general dresses found in Nadymsky Gorodok did not seriously differ from clothes of aboriginals of northwest Siberia in the end of XIX – first half of XX centuries. Adornments are exceptional as greatly changed in time. There is virtually no decorations made of animal bones. By the middle of XX century ornamental friezes made of tin have been replaced with passementerie decoration.

Hunting and fishing equipment is represented by various tools and appliances. Tools include elements of composite bow, arrowheads, different items of bowmen's equipment, and fragments of arbalests. Bow details as well as items of bowmen's equipment are without any doubts multifunctional as they have been used as weaponry. Fishing equipment includes details of pressing live trap and small number of fish-tackles. The latter might evidence low development of fishing.

The major part of *weaponry* was found in hoard, which consisted of few assemblages. Due to its archaeological context that armoury has been hidden during last besiegement of the fortress — winter of 1730. This part of the collection includes 124 artifacts of both offensive and defensive types of engagements, including those that were found in different areas of the site.

The next part includes *household tools and appliances*. They are represented by various knives of different types (universal as well as special), tools and sewing implements, which have been used for making birch bark wares, pots and kitchen implements, chests and their details, combs, cords, spades for snow, and so on.

Then a description of means of transportation is given. Sledge consists of two types: taiga and tundra, and used to be of dog- and deer-drawn. Skis were found in fragments, intact examples and work pieces, some of them used to be with fur undercovering. Whole examples and fragments of small crafts represent water transportation. Small boats made of whole wood are among those. They might be imported items.

Toys. In a course of excavation there were found toys of various size: full-scale replicas as well as reduction copies. They might be used in different rituals. All collected toy models of weaponry and household tools are presented in great number, they were aimed for educational purposes and made peculiarly realistic.

The chapter ends with *ritual and cult objects*. More over 100 artifacts — anthropomorphic and zoomorphic — have been attributed to this category of finds. Generally speaking, the ritual practice of the Nadymsky Gorodok inhabitants has many in common with other groups of aboriginal population of the northwestern part of Siberia, documented for the end of XIX – XX centuries.

Chapter 4 includes *reconstruction of social and economical aspects as well as ethnic interpretations*. It might proposed that economy of society under study was multicomponent. Hunting was essential component of the economy and had two main branches. First branch — so called "bioresource hunting" on deer, hare and snow grouse was aimed to supply the crying wants of the population. The second one allow to get products for commerce — furs of ice fox, sobol, fox, weasel and squirrel. Deer and dog breeding was an essential part of that economy and provided its profitableness. As it was mentioned above fishing did not play a great role in the economy of the population of the Nadymsky Gorodok. This notion is might be related to gathering as well. Craft, excluding farriery, might be characterized as domestic, which supplied separated families. Barter trade was of a great importance due to provision of necessaries in materials, tools, weaponry and adornments. Based on variety of recorded artifacts there are two kinds of such trade and exchange relationships: foreign commerce with merchants and inland trade with members of neighbour aboriginal communities.

Based on results of undertaken multidisciplinary study some aspects of ethnic history of the area under study in the end of XVI – first third of XVIII centuries are reconstructed. This territory was inhabited by Pyaki (most likely – ancient group of Samoyeds), ancestors of Nenets and Khanty. Due to affinity of languages ancestors of Pyaki and Nenets were called "Samoyad'", and Khanty — "Ostyaki". Ancestors of Pyaki used to be ancient indigenous population of the northern part of western Siberia, Nenets and Khanty — newcomers.

The structure of the inhabitancy area was as follows. In the end of XVI – first third of XVIII centuries quarters № VI and V, which were mapped in the prestige area — to the sun rise, belonged to Pyaki ancestors — ancient aborigines of the region. From the end of the first third of XVII century quarters № IV and III belonged to Nenets ancestors — family of a chief, which became of privileged due to inter dynastic and inter ethnic marriage. Northern quarters № II and I, located in less privileged side, belonged to Ostyaks — ancestors of Khanty.

Complex study of various records obtained in the course of research of the Nadymsky Gorodok allow to trace general historical as well as ethno political aspects of the northwestern part of Siberia in the end of XVI – first third of XVIII centuries. During that time Nadymsky Gorodok became known as an administrative center and winter residence of the chiefs of the military and political entity Bolshaya Karacheya, which was of great importance in the history of Xvii century of the vast sub-Arctic territory — at the mouth of Pechora river (Pustozersk) in European part up to mouth of Taz river (Mangazeja) in Asiatic part. That entity consisted of some territorially independent communities, which inhabited areas along Nady, Pur rivers and southern coast of Gulf of Ob. Variation in planigraphic structure of the fortified and inhabitancy areas of the Nadymsky Gorodok reflected various architectural traditions and thus mirrored multi ethnic groups of its inhabitants — Samoyeds and Ostyaks.

Appendix includes administrative documents from the funds of the Sibirsky Prikaz as well as ethnographic materials: legends, folklore and games; there are also tables, which provides with statistic data on artifacts, wood samples, flora and faunal remains registered in cultural layer deposits.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Кардаш О. В., А-1996. Отчет о НИР: Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа летом 1995 г. – Екатеринбург. Архив НПО СА. № 18/1–5.
Кардаш О. В., А-1999. Отчет о НИР: Археологические исследования Надымского городища летом 1998 года. В 2-х т. – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 31/1–2.
Кардаш О. В., А-2000. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 1999 года. В 5-ти т. (тома 1, 2: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 3: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 4: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования; том 5: *Вершинин Е. В., Кардаш О. В.* Историко-архивные исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 38/1–5.
Кардаш О. В., А-2001. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. В 6-ти т. (тома 1, 2: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 3: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 4: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования; том 5: *Вершинин Е. В., Кардаш О. В.* Историко-архивные исследования; том 6: *Мартынова Е. П., Кардаш О. В.* Этнологические исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 52/1–6.
Кардаш О. В., А-2002. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2001 году. В 7-ми т. (том 1: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 2: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 3: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования; том 4: *Вершинин Е. В., Кардаш О. В.* Историко-архивные исследования; том 5: *Мартынова Е. П., Кардаш О. В.* Этнологические исследования; том 6: *Ражев Д. С., Кардаш О. В.* Антропологические исследования; том 7: *Кардаш О. В., Сидорова И. А.* Историко-архитектурные исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 68/1–7.
Кардаш О. В., А-2003. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2002 году. В 5-ти т. (том 1: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 2: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 3: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования; том 4: *Вершинин Е. В., Кардаш О. В.* Историко-архивные исследования; том 5: *Кардаш О. В., Сидорова И. А.* Историко-архитектурные исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 85/1–5.
Кардаш О. В., А-2004. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2003 году. В 3-х т. (том 1: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 2: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 3: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 99/1–3.
Кардаш О. В., А-2005. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2004 году. В 3-х т. (том 1: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 2: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 3: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 136/1–3.
Кардаш О. В. А-2006. Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2005 году. В 3-х т. (том 1: *Кардаш О. В.* Археологические исследования; том 2: *Горячев В. М., Кардаш О. В.* Дендрохронологические исследования; том 3: *Косинцев П. А., Кардаш О. В.* Археозоологические исследования). – Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 150/1–5.
Кардаш О. В., Митина Н. Н., А-2003. Отчет о НИР: Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Историко-архитектурные исследования. Т. 1–3. Нефтеюганск. Архив НПО СА. № 100/1–5.
Хлобыстин Л. П., А-1976. Отчет о работе заполярной экспедиции в 1976 г. Архив ИА РАН. – Р-I, № 6175, 6175а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Н. А., 1857. Описание Березовского края // Записки РГО. – СПб. Кн. XII. – С. 327–448.
Алексеев А. Н., 1996. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. – 152 с.
Алексеев М. П., 1932. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Ч. 1. – Иркутск: Ирк. обл. изд. – 612 с.
Алексеенко Е. А., 1977. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ. – Л.: Наука. – Т. XXXIII. – С. 29–65.
Александров В. А., 1964. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). – ТИЭ. – Т. 87. – М.: Наука. – 302 с.

Алисов Б. П., Берлин И. А., Михель В. М., 1954. Курс климатологии. Ч. III. – Л.: Изд-во Гидромет. – 320 с.
Алисов Б. П., 1956. Климат СССР. – М.: Высшая школа. – 104 с.
Андреев И. А., 1946. Экспедиции на восток до Беринга (В связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.) // Труды историко-архивного института. Ч. 2. – М. – 16 с.
Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа, 2004. – Омск: Изд-во ФГУП «Омская картографическая фабрика». – 304 с.
Археология Республики Коми, 1997. – М.: Изд-во «ДиК». – 758 с.
Ашихмина Л. И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-воУдГУ. – С. 139–166.
Бахрушин С. В., 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера. – 92 с.
Бахрушин С. В., 1951. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 85–92.
Бахрушин С. В., 1955. Научные труды. Т. III. Ч. 2. – М.: Наука. – 300 с.
Бауло А. В., Фёдорова Н. В., 2005. Фигура духа-покровителя казымских хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (22). – С. 140–150.
Белов М. И., 1956. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. – М. – 220 с.
Белов М. И., 1972. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома). – Л.: Наука. – С. 279–285.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1980. Мангазея. Ч. I. Мангазейский морской ход. – Л.: Гидрометеоиздат. – 164 с.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея: Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. – М.: Наука. – 147 с.
Белявский Ф., 1833. Поездка к Ледовитому морю. – М. – 259 с.
Боброва А. И., Торощина Н. В., 1999. Иготкинский курганный могильник // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 50–76.
Боброва А. И, Максимова И. Е., Торощина Н. В., 2002. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та. Т. 1. – С. 106–139.
Борзунов В. А., Стефанов В. И., 1999. Могильники «Бардакова княжества» // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.–Омск. – С. 240–242.
Борисевич Г. В., 1995. Архитектурно-конструктивные особенности древнерусского деревянного жилища // Архитектурное наследие. – М.: Стройиздат. № 38. – С. 183–193.
Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Сумин В. В., Шульгин П. М., 2000. Коч — русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. – М. – 74 с.
Бунин А. В., 1964. Особенности архитектурно-планировочного развития средневековых городов Центральной и Западной Европы // Сборник исследований по истории архитектуры и градостроительства. – М. – Вып. 1.
Василевич Г. М., 1957. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник МАЭ. – М. – Т. XVII.
Васильев В. И., 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М. – 244 с.
Васильев В. И., 1982. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. – М. – С. 48–81.
Васильев В. И., 1988. Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск. – С. 101–106.
Васильев В. И., 1994. Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в. – М.
Вербов Г. Д., 1939. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. Вып. 2. – М. – С. 43–66.
Викторова В. Д. 1973. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 12. – С. 133–173.
Винклер фон П., 1992. Оружие. – М.: Софт-мастер. – 320 с.
Восточный художественный металл…, 1991. Восточный художественный металл из Среднего Приобья: новые находки. – Л.: ГЭ. – 42 с.
Гемуев И. Н., Соловьев А. И., 1984. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука. – С. 39–55.
Герберштейн С., 1988. Записки о Московии (пер. с нем. А. И. Малеина и А. Б. Назаренко). – М.: Изд-во МГУ. – 430 с.
Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – 216 с.
Головнёв А. В., 1988. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск: ТГПИ. – С. 86–101.
Головнёв А. В., Зайцев Г. С., 1992. История Ямала. – Тобольск–Яр-Сале. – 104 с.
Головнёв А. В., 1993. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: НГУ. – 204 с.
Головнёв А. В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН. – 606 с.
Головнёв А. В., 1998. Туземцы и пришельцы в этногенезе Северного Приобья: заметки к археологической дискуссии // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. – С. 66–83.
Головнёв А. В., 2004. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН. – 344 с.
Горячев В. М., Карасева Ю. В., 2000. Сравнительный анализ радиального прироста хвойных пород в условиях Западно-Сибирской Субарктики // Биосфера и человечество. Материалы конференции молодых ученых памяти Н. В. Тимофеева-Ресовского. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. – С. 69–73.
Горячев В. М., Горячева Т. А., Кардаш О. В., 2002. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы научного семинара (18–19 ноября, Тюмень). – Тюмень: Изд-во ИПОС. – С. 22–24.
Горячев В. М., 2003. Использование остатков древесины «Надымского городища» для построения длительных хронологий и реконструкции температурных условий // Экология древних и современных обществ / Доклады конференции. Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – С. 30–33.
Горячев В. М., 2003. Особенности радиального прироста ели сибирской, лиственницы сибирской и кедра сибирского в долине р. Надым в последнем 1000-летии // Дендрохронология: достижения и перспективы / Материалы Всероссийского совещания (27–30 октября 2003 г., Красноярск, Институт леса им В. Н. Сукачева СО РАН). – Красноярск. – С. 54–55.
Грачёва Г. Н., 1986. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – Вып. 200. – С. 21–26.
Гумилев Л. Н., 2004. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Изд-во АСТ. – 556 с.
Добровольская М. Ф., 2005. Человек и его пища. – М.: Научный мир. – 268 с.
Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Новая серия. – М.: АН СССР. Т. 40. – 621 с.
Двуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. – М.: ИА РАН; Министерство культуры правительства Московской обл., 2007. – 392 с.
Долгих Б. О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М.: Наука. – 270 с.
Древняя Русь: Быт и культура, 1997 // Археология. – М.: Наука. – 368 с.
Дмитриев А. А., 1991. История Угорских княжеств // Уральский областник. Октябрь-ноябрь 1991. – Екатеринбург.
Дмитриев-Садовников Г. М., 1917. Река Надым // ЕГТМ. – Тобольск. – Вып. 28. – С. 1–24.
Дмитриев-Садовников Г. М., 1918. Река Надым // ЕГТМ. – Тобольск. – Вып. 29. – С. 25–43.
Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. – СПб., 1851. – Т. 4, 5; 1862. – Т. 8.
Дубровин Г. Е., 2000. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. – М. – 445 с.
Дунин-Горкавич А. А., 1995–1996. Тобольский Север. – Т. I, II, III. – М.: Либерия. – 376, 432, 208 с.
Елагин В. С., Молодин В. И., 1991. Бараба в начале I тысячелетия н. э. – Новосибирск: Наука. – 125 с.
Жеребцов Л. Н., 1989. Вычегодско-вымская летопись // Родники Пармы. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во. – С. 23–34.
Житков Б. М., 1913. Полуостров Ямал // Записки ИРГО по общей географии. Т. 49. – М.– 249 с.
Закирова И. А., 1998. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука. – С. 220–243.
Зиняков Н. М., 2005. Русские металлические изделия на Сибирском рынке XVII в.: номенклатурный и качественный состав // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 72–76.
Зуев В. Ф., 1947. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. Новая серия. Т. 5. – М.–Л. – 65 с.
Зыков А. П., 1987. Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тысячелетия н. э. (по материалам родановских и сылвенских памятников) // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск: Изд-во УдГУ. – С. 145–155.
Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Фёдорова Н. В., 1994. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат. – 158 с.
Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2001. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд-во Волот. – 320 с.
Иванов С. В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. – 837 с.

Иванов С. В., 1970. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. – Л.: Наука. – 296 с.
Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Суровень Д. А., 2000. Древняя история. Глава II // Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис». – С. 33–70.
Ивасько Л. В., Лобанова Т. В., 2003. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск. – С. 69–71.
Ивасько Л. В., Кардаш О. В., 2004. Историко-архитектурные исследования в п. Горнокняжевск Приуральского района ЯНАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – С. 475–477. – Вып. 2.
Изделия остяков Тобольской губернии // ЕГТМ. – Тобольск, 1911. – Вып. 19. – 136 с.
Иохельсон В.И., 2005. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унваровой (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5). – Новосибирск: Наука. – 675 с.
Историко-этнографический атлас Сибири, 1961 / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. – 498 с.
История Ханты-Мансийского автономного округа, 1999. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. – Екатеринбург: Волот. – 466 с.
Кастрен М. А., 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. Т. VI. Ч. 2. – М. – 495 с.
Карачаров К. Г., 1993. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН. – С. 110–118.
Карачаров К. Г., 2002. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – С. 26–52.
Кардаш О. В., 2000. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в 17 в. (по материалам археологических исследований) // Культурное наследие народов Западной Сибири. Русские: Тез. докл. III Сибирского симпозиума. – Тобольск–Омск. – С. 60–62.
Кардаш О. В., 2002. Легендарные городища Салымского края // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – С. 53–62.
Кардаш О. В., 2002. Материальная культура остяков Надымского городка // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск): Тезисы докладов. – Екатеринбург: Академкнига. – С. 318–320.
Кардаш О. В., 2002. Опыт сохранения археологического объекта от естественных разрушений (на примере Надымского городища) // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск): Тезисы докладов. – Екатеринбург: Академкнига. – С. 410–412.
Кардаш О. В., 2001. Материальная культура населения низовий реки Надым в 17 – начале 18 вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск. – С. 209–211.
Кардаш О. В., 2003. Комплексное исследование Надымского городища в 2002 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – С. 262–263. – Вып. 1.
Кардаш О. В., 2003. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск. – С. 88–90.
Кардаш О. В., 2004. Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – С. 375–379. – Вып. 2.
Кардаш О. В., 2005. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов / Научный вестник. Вып. № 4 (35) // Обдория: История, культура, современность. – Салехард: Изд-во Красный Север. – С. 31–35.
Кардаш О. В., 2005. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 17–20.
Кардаш О. В., 2006. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Том II. – Новосибирск: Изд-во: ИАиЭ СО РАН. – С. 126–129.
Кардаш О. В., 2006. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. – С. 128–131. – № 13.

Карьялайнен К. Ф., 1994, 1995, 1996. Религия югорских народов / Перевод с нем. Н. В. Лукиной. Т. I, II, III. – Томск: ТГУ. – 152, 284, 247 с.
Косинцев П. А., Лобанова Т. В., Кардаш О. В., 2001. Костные останки из постройки 8 Надымского городка // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск. – С. 129–131.
Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. – САИ. Вып. Е1–36. – 214 с.
Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука. – 135 с.
Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. – № 65. – С. 7–120.
Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. – САИ. Вып. Е1–55. – 184 с.
Кондрашёв А. Н., 2002. Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо 1 и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – С. 63–69.
Коников Б. А., 1984. Некоторые вопросы раннесредневековой археологии таежного Прииртышья (в связи с исследованиями поселения и курганной группы у д. Кипо-Кулары Омской области) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во ОмГУ. – С. 77–98.
Косарев М. Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука. – 302 с.
Косарев М. Ф., 1993. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Российский этнограф. № 4. – М. – 283 с.
Кренке Н. А., 1984. Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 137–145.
Крупник И. И., 1989. Арктическая этноэкология. – М.: Наука. – 272 с.
Кушелевский Ю. И., 1868. Северный полюс и земля Ямал. – СПб. – 156 с.
Кызласов Л. Р., 1997. Загадка Грустины и Серпонова, торговых городов средневековой Сибири // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 87. – Helsinki.
Лашук Л. П., 1968. «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука. – С. 178–193.
Лаптев Х. П., 1851. Берег Лены и Енисея. Записки лейтенанта Харитона Прокопьевича Лаптева // Записки по гидрографии. Ч. IX. – СПб.
Ле Руа Ладюри Э., 2001. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В. А. Бабинцева и Я. Ю. Старцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 544 с.
Лопатин И. А., 1922. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские // Общество изучения Амурского края. – Владивосток. – Т. XVII.
Лукина Н. В. 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во ТГУ. – 364 с.
Мартин Ф. Р., 2004. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. – Екатеринбург–Сургут: Уральский рабочий. – 144 с.
Мартиньер П. (де ля Мартиньер), 1911. Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борондайцев, сибиряков, самоедов, ново-земельцев и исландцев, со многими рисунками // Записки Московского археологического института. – М. – Т. XVI. – 229 с.
Мартынова Е. П., 1998. Очерки истории и культуры хантов. – М. – 235 с.
Мальм В. А., 1980. Симферопольский клад. – М.: Внешторгиздат. – 28 с.
Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. – М. – С. 121–191.
Миллер Г. Ф., 1999. История Сибири. Т. I. – М.: «Восточная литература». – 796 с.
Миллер Г. Ф., 2000. История Сибири. Т. II. – М.: «Восточная литература». – 796 с.
Милорадович О. В., 1954. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. – С. 341–356. – № 20.
Миненко Н. А., 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука. – 308 с.
Могильников В. А., 1997. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / – М.: Наука. – С. 163–235.
Молданова Т. А., 1979. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 261 с.
Молодин В. И., 1979. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука. – 182 с.
Молодин В. И., Соловьёв А. И., 1977. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ. Вып. 9. – С. 105–120.
Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьёв А. И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. – 262 с.

Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1985. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: ТюмГУ. – С. 89–99.
Морозов В. М., Пархимович С. Г., 1997. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. № 7. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 1. – С. 17–34.
Мугуревич Э. С., 1989. Изменения в хозяйстве прибалтийско-финского населения на территории Латвии в XIII–XIV вв. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. – М.: Наука. – С. 82–84.
Мурыгин А. М., 1984. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. – Сыктывкар: КФАН СССР. – 52 с.
Мурашко О. А., Кренке Н. А., 2001. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука. –155 с.
Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. 2005. – М.: Наука. – 805 с.
Насимович А. А., 1955. Роль снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. – М.: Изд-во АН СССР. – 388 с.
Обитатели, 2004. Обитатели. Образы Югры в ранней русской фотографии. Каталог выставки. – Санкт-Петербург–Сургут. – 72 с.
Оглоблин Н. Н., 1895–1901. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1–4. – М. – 394 с.
Окладников А. П., 1951. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 7–40.
Осипов Д. О., Лихтер Ю. А., 2004. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). – М. – 68 с.
Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сборник документов, 1951. – М.
Очерки истории Югры, 2000. – Екатеринбург: Изд-во Волот. – 402 с.
Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1994. Т. 2. – Томск: Изд-во ТГУ. – 476 с.
Памятники Сибирской истории XVIII в. 1882–1885. Кн. 1–2. – М. – 551 с.
Панин Л. Г., 1985. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII – первая половина XVIII вв.). – Новосибирск: Наука. – 208 с.
Партина А. С., 2001. Архитектурные термины // Иллюстрированный словарь. – М.: Стройиздат. – 208 с.
Патканов С. К., 2003. Сочинения в пяти томах. Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. / Сост. Ю. Мандрика. – Тюмень: Мандр и К[а]. – 416 с.
Перевалова Е. В., 1998. Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий // Материалы международного симпозиума. Т. 2. – Новосибирск. – С. 379–391.
Перевалова Е. В., 2004. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН. – 414 с.
Пигнатти В. Н., 1915. Искер (Кучумово городище) // ЕГТМ. – Тобольск. – Вып. XXV. – С. 1–47.
Полевой Б. П., 1976. Сибирская картография и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. – Вып. 18. – С. 56–89.
Порфиридов Н. Г., 1951. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 153–159.
Прокофьева Е. Д., 1949. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. – М.–Л. – Т. XI. – С. 335–375.
Поляков И. С., 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук // Записки Академии наук. – СПб. – Т. 30. Прил. № 2. – 187 с.
Руденко С. И., Станкевич Я. И., 1951. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 97–102.
Руденко К. А., 1999. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – С. 73–102.
Руденко К. А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. – Казань: Изд-во «Заман» – 512 с.
Русские, 2005. Русские (Народы и культуры). Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук, М.: Наука. – 828 с.
Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков, 1993. / Под общ. ред. Н. Ф. Гуленицкого. – М.: Стройиздат. – 392 с.
Рындина О. М., 1994. Орнамент. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. – Томск: Изд-во ТГУ. – 640 с.

Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Наука. – 200 с.
Савин А. М., Семёнов А. И., 1990. Колчан древнетюркского времени из Могун-Тайги (МТ-1958-X-2) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: «Полиграф». – С. 81–96.
Салымский край, 2000. Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во: «Тезис». – 344 с.
Седов В. В., 1997. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. – М.: Наука. – С. 13–23.
Семёнова В. И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука. – 296 с.
Семёнова В. И., 2005. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука. – 164 с.
Сибирские реликвии, 2000. Сибирские реликвии. Альбом. Из собрания Тобольского музея. – Тобольск–Верона. – 280 с.
Сибирь XVIII века…, 1996. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск. – Вып. VI. – 310 с.
Сирелиус У. Т., 2001. Путешествие к хантам. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 344 с.
Система научного описания…, 2003. Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. Справочник – СПб.: Изд-во «Арт-люкс»– 408 с.; 125 ил.
Соколова З. П., 1972. Ханты р. Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири – Томск. – С. 15–66.
Соколова З. П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука. – 326 с.
Соколова З. П., 2007. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. – М.: Наука. – 342 с.
Сокровища Золотой Орды, 2000. Каталог выставки. – СПб.: Славия. – 346 с.
Сокровища Приобья, 1996. – СПб.: Изд-во Формика. – 228 с.
Соловьёв А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука. – 193 с.
Соловьёв А. И., 2003. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. – 224 с.
Сословно-правовое положение..., 1999. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). – Тюмень. – 238 с.
Станкевич Я. В., 1951. Бытовой инвентарь // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 167–171.
Степанов Н. Н., 1936. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // СЭ. № 3. – С. 19–35.
Судаков В. В., Буланкин В. М., 2005. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука. – С. 269–280.
Сязи А. М., 2000. Орнамент и вещи в культуре хантов Нижнего Приобья. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 248 с.
Таможенные книги…, 2003. Таможенные книги сибирских городов XVII в. – Новосибирск. – Вып. 5.
Татищев В. Н., 1950. Избранные труды по географии России / под ред. А. И. Андреева. – М.: Географиздат. – 248 с.
Титов А. А., 1890. Сибирь в 17 веке. – М. – 216 с.
Ушедшие в холмы…, 1998. Культура населения побережий северо-западного Ямала. – Екатеринбург: «Екатеринбург». – 180 с.
Фармаковский М. Ф., 1951. Оловянные изделия // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.–М.: Изд-во Главсевморпути. – С. 110–111.
Фёдорова Е. Г., 1999. Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского. – СПб. – С. 6–38.
Фёдорова Н. В., 1990. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С. 131–141.
Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – Вып. 20. – С. 126–145.
Фёдорова Н. В., 2000. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. – Екатеринбург–Салехард: УрО РАН. Вып. 1. – С. 54–66.
Фёдорова Н. В., 2003. Торевтика Волжской Булгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: Изд-во ПГПУ. Вып. 3. – С. 138–153.
Физико-географическое…, 1973. Физико-географическое районирование Тюменской области. – М.: МГУ. – 246 с.
Флёрова В. Е., 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – М. – 160 с.
Хантемиров Р. М., Шиятов С. Г., 1999. Радиоуглеродные и дендрохронологические датировки полуископаемой

древесины на Ямале и их использование для изучения динамики лесотундровых экосистем // Биота приуральской Субарктики в позднем плейстоцене о голоцене. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург». – С. 3–22.
Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука. – С. 248–257.
Хлобыстин Л. П., 1977. Работы на севере Западной Сибири //АО 1976 г. – М. – С. 249.
Хлобыстин Л. П., Грачёва Г. Н., 1993. Вопросы появления оленеводства у народов Европейского и Западно-Сибирского Заполярья // AD POLUS. Археологические изыскания. – СПб.: «Фарн». – Вып. 10. – С. 111–117.
Хомич Л. В., 1971. О некоторых предметах культа надымских ненцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. Сборник МАЭ. – Л.: Наука. – Т. XXVII. – С. 239–247.
Хомич Л. В., 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л. – 189 с.
Хомич Л. В., 1977. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ. – Л.: Наука. – Т. XXXIII. – С. 5–28.
Хомич Л. В., 1995. Ненцы. Очерки традиционной культуры. – СПб. – 330 с.
Хондажевский Н. К., 1880. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Записки ЗСО РГО. Кн. 2. – С. 1–32.
Чаиркин С. Е., Карачаров К. Г., 1999. Материалы железного века из Лобвинской пещеры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Изд-во БКИ. Вып. 3. – С. 195–207.
Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург. – Изд-во: «Тезис». – С. 5–65.
Чернецов В. Н., 1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. – № 4–5. – С. 109–133.
Чернецов В. Н., 1949. Зеленая горка близ Салехарда // КСИА. – Вып. XXV. – С. 68–74.
Чернецов В. Н., 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 35. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 221–241.
Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 136–245.
Чертежная книга Сибири…, 1882. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПб. – 68 с.
Чиндина Л. А., 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. – Томск: изд-во Том. ун-та. – Вып. 16. – С. 61–93.
Шапран И. Г., 1984. Предварительные итоги исследования Грековского могильника на Средней Вятке // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Изд-во УдГУ. – С. 88–109.
Щеглов И. В., 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). – Сургут: Северный дом. – 463 с.
Шульц Л. Р, 1924. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. – Тюмень: Гостипография. – Вып. 1. – С. 166–200.
Шутова Н. И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – 264 с.
Шухов И. Н., 1915. Из отчета о поездке весною 1914 г. к казымским остякам // Сборник МАЭ. – Т. III.
Эскин Ю. М., 1986. Документы о Мангазее в смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск. – С. 44–54.
Югорск…, 1997. Югорск: От легенды до точки на карте. – Екатеринбург: «Волот». – 160 с.
Якобий А. И., 1895. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. – Тобольск. Вып. 4. – С. 1–25.
Ясински М. Э., Овсянников О. В., 1998. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. II. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 432 с.
Ясински М. Э., Овсянников О. В., 2003. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 400 с.
The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov, 1958. – Gravenhage Mauton and C°. – P. 115.
Sommier S., 1885. Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirgisi e Baskiri. – Torino–Roma.

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА СИБИРСКОГО ПРИКАЗА

№ 1. 1636 г., не ранее февраля 23. — Фрагмент отписки мангазейского воеводы Б. И. Пушкина в Москву о гонцах, ехавших сухопутной дорогой из Мангазеи в Обдорск.

№ 2. 1641 г., не позднее января 20. — Челобитная торгового человека Михаила Кондакова об убийстве его дяди Ледешки Кирилова самоедами.

№ 3. 1641 г., февраля 13. — Черновик царской грамоты на челобитную Михаила Кондакова.

№ 4. 1642 г., мая 24. — Фрагмент грамоты приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л. Н. Радилову о наказании сибирских самоедов за набег зимой 1642 года на Пустозерский уезд.

№ 5. 1643 г., не позднее августа 2. — Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака.

№ 6. 1643 г., не ранее ноября 28. — Отписка тобольских воевод в Москву о строительстве кочей в Тюмени и условиях плавания по Обской губе.

№ 7. 1644 г., не ранее мая 21. — Фрагмент отписки тобольского воеводы князя Г. С. Куракина в Москву о поездке обдорского князца Молика Мамрукова в Надым.

№ 8. 1651 г., не ранее февраля 5 – не позднее ноября 25. — Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о замене князца Поско Хулеева на других аманатов.

№ 9. 1652 г., не ранее февраля 8. — Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о поимке аманатов из самоедов.

№ 10. 1652 г., февраля 16. — Челобитная остяков Березовского уезда (в том числе, Надымского городка) об освобождении князца Пося Хулеева и других аманатов, захваченных у карачейских самоедов.

№ 11. 1652 г., мая 26. — Челобитная князца рода Большие Карачеи Пося Хулеева с просьбой не брать у самоедов аманатов и обещанием платить ясак.

№ 12. 1652 г., апреля 5. — Царская грамота из Москвы в Березовоб аманатах из карачейских самоедов.

№ 13. 1652 г., не ранее июня 15. — Из докладной выписки Сибирского приказа о самоедских аманатах Обдорской волости.

№ 14. 1654 г., не ранее февраля 21.— Фрагмент из документов сыска П. С. Коптева о злоупотреблениях пустозерского воеводы И. П. Лошакова.

№ 15. 1656 г. — Фрагмент опроса ясачных остяков Обдорской волости о выбывших из ясачного оклада за 1647–1655 годы.

№ 16. 1656 г., не ранее декабря 26 – 1657 г., не позднее февраля 10. — Отписка березовского воеводы С. А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым.

№ 17. 1657 г., марта 1. – Грамота из Москвы березовскому воеводе И. М. Милюкову о поимке карачейских самоедов, подозреваемых в нападении на коч.

№ 18. 1662 г., не позднее ноября 20 – 1663 г., не ранее июля 2. — Фрагмент розыскного дела о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова.

№ 19. 1668 г., не ранее февраля 13 – не позднее октября 7. — Отписка пустозерского воеводы И. Неелова в Березов воеводе князю П. А. Гагарину о нападении карачейских самоедов и обдорских остяков на Пустозерский острог.

№ 20. 1679 г., июня 24. — Грамота из Сибирского приказа березовскому воеводе В. М. Гагарину о набеге «воровской самояди» из Надыма на Обдорский городок.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Легенда 1. Примирение родов Пяков и Анагуричи.
Легенда 2. Происхождение рода Нядонги.
Описание 1. Игра «Тосъ-чер-вой». Состав предметов. Правила.
Описание 2. Игра с юлой «Корки», «Щин». Состав предметов. Правила.
Описание 3. Игра «Сохэль-юх». Состав предметов. Правила.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТАБЛИЦЫ

Табл. I. Артефакты из слоя Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII вв.
Табл. II. Количество костных останков разных видов и групп из слоя конца XVI – первой трети XVIII вв.
Табл. III. Соотношение отделов скелета основных промысловых видов млекопитающих из слоя конца XVI – первой трети XVIII вв.
Табл. IV. Видовой состав костных останков птиц из слоя конца XVI – первой трети XVIII вв.
Табл. V. Видовой состав костных останков рыб из слоя конца XVI – первой трети XVIII вв.
Табл. VI. Соотношение групп промысловых животных из культурного слоя Надымского городка XVII–XVIII вв.
Табл.VII. Видовой состав и количество остатков растений в почвенном монолите из жилой зоны Надымского городка. Участок Л/50.
Табл.VIII. Видовой состав и количество остатков растений в почвенном монолите из северо-западной многофункциональной площадки Надымского городка. Участок К/26.
Табл. IX. Распределение 254 датированных остатков древесины из культурного слоя Надымского городка. Верхний уровень слоя периода XVII–XVIII вв., мощностью около 1,3 м.
Табл. X. Распределение по векам датированных остатков древесины из культурного слоя Надымского городка. Верхний уровень слоя периода XVII–XVIII вв. мощностью около 1,3 м.
Табл. XI. Теплые и холодные климатические периоды и их продолжительность во II тысячелетии.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Введение

Рис. В.1. Место расположения Надымского городка в границах Ямало-Ненецкого автономного округа. Карта-схема Северо-Западной части Сибири.
Рис. В.2. Южное побережье Обской губы — «Низовая сторона». Современный лесотундровый ландшафт.
Рис. В.3. Расположение Надымского городка в дельте реки Надым. Топографическая карта.
Рис. В.4. Ландшафт дельты р. Надым в окрестностях Надымского городка после спада «нагонной» воды. Вид с юга. Август 2007 г.
Рис. В.5. Надымский городок. Протока Городская (Ваш-ас, Хардэн-ясь). Река Надым. Август 2007 г.
Рис. В.6. Рейс из Тюмени. 2000 г.
Рис. В.7. Доставка экспедиции к месту работ. 2000 г.
Рис. В.8. Надымский городок. Расчистка деревянных конструкций верхнего строительного горизонта первой трети XVIII в. 2000 г.

Рис. В.9. Надымский городок. Осыпь культурного слоя. Конструкции постройки № 5.
Рис. В.10. Надымский городок. Постройка № 5, извлеченная из осыпи и реконструированная для архитектурных обмеров. 2000 г.
Рис. В.11. Надымский городок. Укрепление основания обрыва слоями дорнита и дерна. 2000 г.

Глава 1

Рис. 1.1. Место расположения Надымского городка на карте XVII века «Море Мангазейско с урочищи». Предположительно 1601–1603 гг. (по М. И. Белову).
Рис. 1.2. Место расположения Надымского городка на карте «Чертеж земли Березовского города». Чертежная книга Сибири. С. У. Ремезов. 1701 г.
Рис. 1.3. Расположение Надымского городка на карте П. Чичагова. 1727 г. Значок «группа строений с храмом» подчеркивает статус населенного пункта.
Рис. 1.4. Надымский городок. Вид с востока. Фото Г. М. Дмитриева-Садовникова.
Рис. 1.5. Место расположения Надымского городка на карте маршрута экскурсии Г. М. Дмитриева-Садовникова. 1916 г. 3 июля 1916 г. Фотоархив ТГИАМЗ.
Рис. 1.6. Надымский городок. Общий вид с северо-востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-23/4.
Рис. 1.7. Надымский городок. Вид разрушенной части с востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-26/3.
Рис. 1.8, 1.9. Надымский городок. Поверхность юго-восточной части городка после пожара. Вид с юго-востока. Фото Л. П. Хлобыстина. Август 1976 г. Фотоархив ИИМК. № 2782-20/4; 2782-20/3.
Рис. 1.10. Надымский городок. Вид осыпи с востока. Фото Г. П. Визгалова. Июнь 1997 г.
Рис. 1.11. Надымский городок. Выявление палеоантропологических и палеозоологических материалов в процессе раскопок. *1* – верхняя часть скелета (№ 2) женщины 30–39 лет, найденная в восточном углу дома вождя. «Самоедский» квартал № III. Постройка № 8, уч. М, Н/55, 56. Вид с СВ. 2000 г.; *2* – состав скелета (№ 2) женщины 30–39 лет, убитой зимой 1729–1730 гг. в доме вождя; *3* – фрагменты нижней части скелета (№ 1) женщины 35–50 лет, найденные в восточном углу дома вождя. «Самоедский» квартал № III. Постройка № 8, уч. М, Н/55, 56. Вид с ЮЗ. 2000 г.; *4* – скелет собаки (суки), найденный в помещении для животных «остяцкого» квартала № I. Внутренние органы животного вместе с ребрами были удалены перед захоронением (вероятно, зимой 1729–1730 гг.). Уч. 3, И/49. Вид с севера. 2000 г.; *5* – скелет одного из четырех новорожденных щенков собаки, найденных в помещении для животных «остяцкого» квартала № I рядом со скелетом суки. Уч. И/48. Вид с севера. 2000 г.; *6* – остатки постели из шкуры оленя, найденные на нарах постройки № 2 конца XVI – начала XVII века. Вид с ЮЗ. 2001 г.; *7* – скелет песца, найденный на территории северо-западной МФП. Уч. Н/31. Вид с севера. 2001 г.

Глава 2

Рис. 2.1. Надымский городок. Топографический план. Тахеометрическая съемка Е. П. Мымрикова. 1999 г.
Рис. 2.2. Надымский городок. Вид с юго-запада. Август 2006 г.
Рис. 2.3. Надымский городок. Микрорельеф поверхности памятника до начала работ. Топографический план, совмещенный со схемой расположения раскопа.
Рис. 2.4. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса первой трети XVIII века.
Рис. 2.5. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса середины – второй половины XVII века.
Рис. 2.6. Топографический план, совмещенный с планировочной структурой оборонительно-жилого комплекса последней трети XVI – начала XVII веков.
Рис. 2.7. Береговая осыпь. Северная часть. Вид с востока. 1998 г.
Рис. 2.8. Разрез береговой осыпи по линии А–А'.
Рис. 2.9. Разрез береговой осыпи по линии Б–Б'.

Рис. 2.10. Остатки строений оборонительно-жилого комплекса в северной части городка. «Остяцкие» кварталы № I и II. Первая треть XVII века. Общий вид с северо-запада. 2002 г.

Рис. 2.11. Остатки строений оборонительно-жилого комплекса в южной части городка. «Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века. Общий вид с юга. 2002 г.

Рис. 2.12. Фрагменты нижней части наружных стен городка. «Остяцкий» квартал № I. Уч. Г–Ж/41, 42. XVII век. Вид с юго-запада. 2004 г.

Рис. 2.13. Фрагменты основания конструкции наружной стены городка: остатки опорных столбов и каркаса из ивовых жердей, формировавших наружную насыпь. «Остяцкий» квартал № II. Уч. М–П/38. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Вид с севера. 2001 г.

Рис. 2.14. Фрагмент единого перекрытия оборонительно-жилого комплекса городка с располагавшимся на нем скоплением костных останков. «Остяцкий» квартал № I. Уч. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.15. Фрагмент единого перекрытия после снятия скопления костных останков. В истлевших деталях прослеживается дощатая конструкция, уложенная перпендикулярно центральной оси городка. «Остяцкий» квартал № I. Уч. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.16. Фрагменты конструкций, обнаруженные после снятия досок единого перекрытия. «Остяцкий» квартал № I. Д, Е/48–50. Вид с северо-востока. 2000 г.

Рис. 2.17. План фрагментов кровли сооружения. Застройка первой трети XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,00.

Рис. 2.18. Фрагмент единого перекрытия оборонительно-жилого комплекса городка, сохранившийся над пространством центральной улицы. Уч. Л, М/48–50. Вид с юго-запада. 2000 г.

Рис. 2.19. Оборонительно-жилой комплекс городка. Вариант балочно-ригельной конструкции единого перекрытия. Реконструкция архитектора Н. Н. Митиной. *1* – план-схема дощатого настила единого перекрытия; *2* – балочно-ригельная система опорной конструкции единого перекрытия.

Рис. 2.20. Сохранившиеся элементы основания проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVIII века. Уч. З, И/40. Вид с северо-запада. 1999 г.

Рис. 2.21. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уровень фиксации 6,00–6,60.

Рис. 2.22. Элементы основания конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. З, И/40–42. Уровень фиксации 6.20–5.90. Вид с юга. 2001 г.

Рис. 2.23. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,20–5,90.

Рис. 2.24. Элементы основания проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уч. З, И/40. Уровень фиксации 5,90–5,70. Вид с юга. 2002 г.

Рис. 2.25. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уровень фиксации 5,70–5,90.

Рис. 2.26. Основание проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVII века (ок. 1600–1640 гг.). Уч. З, И/39, 40. Уровень фиксации 5,40–5,70. Вид с севера. 2003 г.

Рис. 2.27. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Первая треть XVII века (ок. 1600–1640 гг.). Уровень фиксации 5,70–5,40.

Рис. 2.28. Основание проёмообразующей конструкции северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVI века (ок. 1570–1600 гг.). Уровень фиксации 5,40–5,00. Вид с севера. 2004 г.

Рис. 2.29. План конструкций северо-западного входа в оборонительно-жилой комплекс городка. Последняя треть XVI века (ок. 1570–1600 гг.). Уровень фиксации 5,40–5,00.

Рис. 2.30. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход. Обмерный чертеж элементов в основании проёмообразующей конструкции. *1* – элементы в плане; *2* – порог; *3* – правый боковой столб; *4* – левый боковой столб; *5* – дополнительная послепороговая плаха; *6* – общий вид с юга. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. З, И/40. Уровень фиксации 6,20–5,90. 2001 г.

Рис. 2.31. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход. Обмерный чертеж элементов, формирующих конструкцию перегородки внутреннего тамбура. *1* – элементы в плане и продольном разрезе; *2* – порог; *3* – правый боковой столб; *4* – левый боковой столб; *5* – дополнительный подпороговый брус; *6* – общий вид с юга. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И, К/42. Уровень фиксации 6,20–5,90. 2001 г.

Рис. 2.32. Оборонительно-жилой комплекс. Северо-западный вход. Последняя треть XVII века. Реконструкция О. В. Кардаша. *1* – план и разрез; *2* – вид из пространства квартала № II.

Рис. 2.33. Фрагменты стеновой конструкции внутренней перегородки городка. Между бревнами прорублено вентиляционное отверстие — «продух». Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Центральная улица. Уч. М/51–53. Вид с юга. 2000 г.

Рис. 2.34. Фрагменты основания стеновой конструкции внутренней перегородки городка. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Проход между кварталами. Уч. З, И/40–43. Вид с востока. 2001 г.

Рис. 2.35. Надымский городок. Внешний вид летом. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Н. Н. Митиной.

Рис. 2.36. Надымский городок. Внешний вид зимой. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Н. Н. Митиной.

Рис. 2.37. Генеральный план. Планировочная структура первой трети XVIII века. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой.

Рис. 2.38. Генеральный план. Планировочная структура середины XVII века. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой.

Рис. 2.39. Генеральный план. Планировочная структура последней трети XVI – начала XVII века (ок. 1580–1610 гг.). Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора М. Н. Труняевой.

Рис. 2.40. «Остяцкий» квартал № I. Соотношение «остяцкого» квартала № I (справа) с «остяцким» кварталом № II (слева). Первая треть XVIII века. Общий вид с северо-запада. 2001 г.

Рис. 2.41. «Остяцкий» квартал № I. Первая треть XVIII века. Общий вид с запада. 2001 г.

Рис. 2.42. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1720–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,30.

Рис. 2.43. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1705–1720 гг.). Уровень фиксации 6,30–6,10.

Рис. 2.44. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,10–5,90.

Рис. 2.45. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уровень фиксации 5,90–5,60.

Рис. 2.46. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура второй четверти XVII века (ок. 1630–1640 гг.). Уровень фиксации 5,60–5,30.

Рис. 2.47. «Остяцкий» квартал № I. Помещения для содержания животных. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И–Л/47–49. Вид с северо-востока. 2001 г.

Рис. 2.48. «Остяцкий» квартал № I. Помещение для содержания животных. Последняя треть XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уч. И–Л/47–49. Вид с северо-запада. 2001 г.

Рис. 2.49. «Остяцкий» квартал № I. Первая треть XVIII века. Вид с севера. Реконструкция О. В. Кардаша и архитектора Е. Н. Петровой.

Рис. 2.50. «Остяцкий» квартал № I. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с севера. 2002 г.

Рис. 2.51. «Остяцкий» квартал № I. Центральная часть. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Общий вид с северо-запада. 2005 г.

Рис. 2.52. «Остяцкий» квартал № I. Южная часть. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Общий вид с запада. 2005 г.

Рис. 2.53. «Остяцкий» квартал № I. Планировочная структура конца XVI – начала XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Уровень фиксации 5,30–5,00 (4,60).

Рис. 2.54. «Остяцкий» квартал № II. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с севера. 2002 г.

Рис. 2.55. «Остяцкий» квартал № II. Вторая треть XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Общий вид с юга. 2002 г.

Рис. 2.56. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1720–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,30.

Рис. 2.57. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1705–1720 гг.). Уровень фиксации 6,30–6,10.

Рис. 2.58. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,10–5,90.

Рис. 2.59. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Середина XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уч. Л–Н/40–42. Вид с северо-запада. 2001 г.

Рис. 2.60. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 4. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уч. О–С/39–41. Вид с северо-запада. 2000 г.

Рис. 2.61. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1640–1670 гг.). Уровень фиксации 5,90–5,60.

Рис. 2.62. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Уч. М–О/43–46. Общий вид с юго-востока. 2003 г.

Рис. 2.63. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Конструкция порога. Вид с юго-востока. 2003 г.

Рис. 2.64. «Остяцкий» квартал № II. Хозяйственная постройка № 3. Вторая четверть XVII века (ок. 1625–1640 гг.). Конструкция соединения стен «в охряпку». Вид с юго-востока. 2003 г.

Рис. 2.65. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура первой трети XVII века (ок. 1610–1630 гг.). Уровень фиксации 5,60–5,30.

Рис. 2.66. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уч. Л–Н/40–42. Слева (в западном углу) — основание чувала, расчищенное до топки; справа (в южном углу) — остатки чувала, функционировавшего до начала XVIII века. Вид с юга. 2000 г.

Рис. 2.67. «Остяцкий» квартал № II. Жилая постройка № 2. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Уч. Л–Н/40–42. Серое углистое пятно в центре — очаг на глиняном основании. Вид с юго-запада. 2005 г.

Рис. 2.68. «Остяцкий» квартал № II. Планировочная структура конца XVI – начала XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Уровень фиксации –5,30–5,00.

Рис. 2.69. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). В заполнении строения — ивовые жерди и сшитые берестяные листы, фрагменты собственной кровли постройки. Квартал № I, уч. Е–З/46–48. Вид с юго-запада. 1999 г.

Рис. 2.70. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Вторая половина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1650–1730 гг.). Внутреннее пространство после расчистки. Квартал № I, уч. Е–З/46–48. Вид с запада. 2001 г.

Рис. 2.71. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7. Вторая половина XVII – первая треть XVIII веков(ок. 1650–1730 гг.). Реконструкция Е. Н. Петровой. *1* – общий вид; 2 – интерьер.

Рис. 2.72. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7. Вторая половина XVII - первая треть XVIII века (ок. 1650–1730 гг.). Обмерный чертеж. *1* – план; *2* – разрез А–А'; *3* – разрез Б–Б'; *4* – лицевой северо-восточный фасад; *5* – задний юго-западный фасад; *6* – правый боковой северо-западный фасад; *7* – левый боковой юго-восточный фасад; *8* – внутреннее пространство, вид с юго-запада.

Рис. 2.73. Архитектура остяцких построек. Элементы домостроительных конструкций XVII – первой трети XVIII веков. Обмерные чертежи. *1* – лестница (для закрытия трубы чувала); *2–4* – полотна шарнирных дверей.

Рис. 2.74. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Квартал № I. Уч. Е–З/46–48. Вид с юго-востока. 2004 г.

Рис. 2.75. Архитектура остяцких построек. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Квартал № I. Уч. Е–З/46–48. Вид с юга. 2004 г.

Рис. 2.76. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Жилая постройка № 7. Первая половина XVII века (ок. 1600–1650 гг.). Реконструкция архитектора Е. Н. Петровой. *1* – общие виды; *2* – интерьер.

Рис. 2.77. Архитектура остяцких построек. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Квартал № I. Уч. Ж–К/48–51. Вид с северо-запада. 2005 г.

Рис. 2.78. Архитектура остяцких построек. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Квартал № I. Уч. Ж–К/48–51. Вид с юго-запада. 2005 г.

Рис. 2.79. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII века (ок. 1580–1610 гг.). Реконструкция архитектора М. Н. Труняевой. *1* – общие виды; 2 – интерьер.

Рис. 2.80. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Обмерный чертеж нижней части строения. *1* – план; *2* – разрез А–А'; *3* – разрез Б–Б'; *4* – лицевой северо-восточный фасад; *5* – задний юго-западный фасад; *6* – правый боковой северо-западный фасад; *7* – левый боковой юго-восточный фасад; *8* – внутреннее пространство, вид с юго-запада.

Рис. 2.81. Архитектура остяцких построек. Квартал № I. Хозяйственная постройка № 11. Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Элементы конструкций строения. Обмерный чертеж архитектора М. Н. Труняевой. *1* – щипцовая доска; *2* – доска стены; *3–6* – обоймы; *7* – лестница; *8* – конструкция крепления стен обоймами.

Рис. 2.82. «Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Общий вид с юго-востока. 2000 г.

Рис. 2.83. «Самоедский» квартал № III. Первая треть XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Общий вид с юго-запада. 2000 г.

Рис. 2.84. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура первой трети XVIII века (ок. 1700–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,00 (5,60).

Рис. 2.85. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Первая треть XVIII века. Проход от порога в центральное помещение к очагу, выложенный плахами. Вид с юга.

Рис. 2.86. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Первая треть XVIII века. Фрагмент основания проёмообразующей конструкции входа в помещение. В массивном бревне вырублен порог, поперечные пазы для крепления вертикальных столбов — боковых косяков и продольный паз для фиксации основания дощатых стен лицевого фасада. Вид с юго-запада.

Рис. 2.87. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Фрагмент внутренней стороны порога. На верхней и внутренней части порога хорошо видны следы многочисленных ударов топором, что свидетельствует о его использовании в качестве опоры «плахи» при рубке древесины. Порубленная нижняя часть в последнее десятилетие XVII века была отремонтирована при помощи деревянной планки. Вид с юга.

Рис. 2.88. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Общий вид с запада.

Рис. 2.89. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Вид с запада на центральное помещение.

Рис. 2.90. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Основание стены из вертикально установленных досок фиксировалось в продольным пазе горизонтально уложенной плахи. Уч. Д–Н/51–59. Вид с севера. 2000 г.

Рис. 2.91. «Самоедский» квартал № III. Жилая постройка № 8. Последняя треть XVII века. Центральный очаг на глиняном основании размещался в раме, выполненной из толстого бруса. Вид с юго-запада. 2000 г.

Рис. 2.92. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура последней трети XVII века (ок. 1670–1700 гг.). Уровень фиксации 6,00–5,60 (5,00).

Рис. 2.93. Архитектура самоедских построек. Квартал № III. Жилая постройка № 8 (дом вождя) в последней трети XVII – первой трети XVIII веков. Реконструкция архитектора Н. Н. Митиной. *1* – общий вид с севера; *2* – интерьер, вид с севера.

Рис. 2.94. «Самоедский» квартал № III. Планировочная структура второй трети XVII века (ок. 1630–1670 гг.). Уровень фиксации 5,60–4,90.

Рис. 2.95. «Самоедский» квартал № V. Жилая постройка № 12. Уч. З–О/62–71. Вид с юго-запада. 2004 г.

Рис. 2.96. «Самоедский» квартал № V. Жилая постройка № 12. Уч. З–О/62–71. Вид с северо-запада. 2004 г.

Рис. 2.97. «Самоедский» квартал № V. Планировочная структура конца XVII – первой трети XVIII века. Уровень фиксации 4,30–4,00.

Рис. 2.98. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Середина XVII – первая треть XVIII века (ок. 1640–1730 гг.). Уч. Е–О/72–89. Ритуальный комплекс. Справа от него на уровне осыпи и русла протоки находились скопления предметов вооружения. Общий вид с юго-востока. 2005 г.

Рис. 2.99. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Середина XVII – первая треть XVIII веков (ок. 1640–1730 гг.). Уч. Ж–М/80–85. Вокруг кострища — черепа жертвенных оленей с прорезанными в центре отверстиями. Вид с юго-востока. 2005 г.

Рис. 2.100. Южная многофункциональная площадка (ритуальная). Планировочная структура середины XVII – первой трети XVIII веков (ок. 1640–1730 гг.). Уровень фиксации 6,60–6,30.

Рис. 2.101. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Середина XVII века (ок. 1640–1660 гг.). Уч. Е–Р/27–37. Уровень фиксации 5,90–5,60. Вид с запада. 2002 г.

Рис. 2.102. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Конец XVI – начало XVII веков (ок. 1580–1610 гг.). Уч. Г–Р/27–37. Уровень фиксации 5,30–5,00. Вид с юга. 2004 г.

Рис. 2.103. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Планировочная структура первой трети XVIII века. Уровень фиксации 6,60–6,30.

Рис. 2.104. Северо-западная многофункциональная площадка (торгово-гостевая). Конец XVII – начало XVIII веков (ок. 1690–1710 гг.). Серые пятна в центральной части — глиняные основания очагов, вероятно, маркирующие места постановки чумов. Уровень фиксации 6,30–6,10. Вид с юго-востока. 2001 г.

Глава 3

Рис. 3.1. Детали костюма: одежда. ***1–8*** – детали и фрагменты шубы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.). *1* – воротник; *2, 3* – рукав; *4* – полка; *5, 7* – подкладка из заячьего меха; *6* – плетеный суконный пояс; *8* – опушка из меха лисицы; ***9–14*** – образцы тканей и войлочного полотна (слой последней трети XVI – первой трети XVIII вв.): *9* – красное сукно; *10* – бесцветное сукно; *11* – зеленое сукно; *12, 13* – льняная ткань с орнаментом; *14* – войлок; *15, 16* – пряжки бронзовые с железными язычками и остатками кожаных ремней (2-я половина XVII в.).

Рис. 3.2. Детали костюма: одежда. *1* – лоскут шелковой ткани (постр. № 2, «остяцкий» квартал № II; последняя треть XVII в.); *2* – фрагмент орнаментального фриза из сукна (варежки или полки костюма; середина XVII в.).

Рис. 3.3. Орудия для очистки меховой одежды — выбивалки снега «*янгаць*» (нен.). *1, 2* – выбивалки мужские из дерева «*хасава янгаць*»; *3–7* – выбивалки женские из рога оленя «*не янгаць*».

Рис. 3.4. Детали костюма: одежда. *1, 2* – рукавицы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.). *Разноцветное сукно.*

Рис. 3.5. Детали костюма: одежда. *1, 2* – комплекты выкроек рукавиц (XVII в.). *Береста.*

Рис. 3.6. Детали костюма: обувь — сапоги и туфли. Детали и целые изделия (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № 1; конец XVI – начало XVII вв.). *1, 2* – суконные голенища сапог; *3* – обувная головка для сапога из сукна; *4* – обувная головка из телячьей кожи; *5–8* – женские и мужские туфли из телячьей кожи и сукна со стельками из травы.

Рис. 3.7. Детали костюма: обувь — женские и мужские туфли (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; конец XVI – начало XVII вв.). *1* – туфля с кожаной головкой, суконной подошвой и суконным голенищем (см. рис. 3.6 – *6*); *2* – детская туфля (для девочки) с кожаной головкой, подошвой, суконным голенищем и стелькой из травы; *3* – мужская туфля с кожаной головкой и суконным голенищем (см. рис. 3.6 – *7*).

Рис. 3.8. Детали костюма: обувь (детали). *1* – фрагмент обувной головки из телячьей кожи; *2* – фрагмент обувной головки сапога (?) из телячьей кожи, *3* – подошва из телячьей кожи; *4* – подошва из сукна; *5* – подошва из телячьей кожи; *6* – обувная головка из телячьей кожи; *7* – фрагмент обувной головки сапога (?) из сукна; *8* – выкройка подошвы из бересты; *9* – обувная стелька из травы; *10* – выкройка из бересты фрагмента обувной головки сапога (?).

Рис. 3.9. Детали костюма: подвески и амулеты из костей животных. *1* – подвески из клыков: *а–в, г–е* – песца; *ж, з* – лисицы; *и, к* – росомахи; *л* – волка; *м* – резец лося; *2, 3* – правые челюсти соболя; *4, 5* – правая и левая челюсти лисицы; *6* – левая челюсть песца; ***7–15*** – подвески из таранных костей: *7* – реконструкция ожерелья (скопл. в постр. № 3; последняя треть XVII в.): *а, в* – заяц; *б* – песец, заяц; *г* – бобр; *8, 9, 14* – бобр; *10, 11* – песец; *12* – соболь; *13* – заяц; *15* – росомаха; *16* – подвеска в виде фигуры бобра из бивня мамонта; *17* – подвеска в виде фигуры оленя (росомахи?) из бивня мамонта; *18* – фигурка птицы (гуся?) из лопатки оленя, нашивка; *19* – пластина из кости.

Рис. 3.10. Детали костюма: украшения из олова. *1–6* – нашивные украшения в форме арки; *7–10* – нашивные украшения в форме квадрата; *11–17* – нашивные украшения в форме косого креста; *18–21* – нашивные украшения комбинированной формы; *22–24* – нашивные украшения в форме плоского кольца; *25–27, 29, 30* – подвески индивидуальной формы; *31, 32* – украшения специфические; *28, 33, 34* – бусины-пуговицы; *35–38* – перстни.

Рис. 3.11. Формы из камня для отливки украшений костюма из олова. *1* – для отливки украшений в форме косого креста, маленького крестика, плоского кольца и антропоморфной фигуры; *2* – для отливки украшений в форме квадрата, арки, плоского кольца и подвески индивидуальной формы; *3* – для отливки украшений в форме арки, косого креста и бусины-пуговицы; *4* – для отливки украшения в форме квадрата.

Рис. 3.12. Детали костюма: украшения из серебра, меди, бронзы, железа и стекла. *1* – деталь очелья: подвеска в форме рыбки (*серебро*); *2* – деталь очелья: подвеска (*серебро*); *3* – фрагмент очелья (*серебро, чернь*); *4* – височное кольцо трехбусинное? (*медь*); *5* – височное кольцо (*медь*); *6* – фрагмент височного кольца (*медь, оловянный бисер*); *7* – височное кольцо (*серебро*); *8* – серьга (*железо, олово, стекло*); *9* – серьга (*железо, медь*), *10* – пуговица (*бронза*); *11* – фрагмент подвески (*бронза*); *12* – подвеска с изображением всадника (*бронза*); *13, 15* – бусины-пуговицы (*медь*); *14* – деталь подвески (*бронза*); *16* – бляха нагрудная (*бронза*); *17–26* – бусины (*17–19, 21–26 – стекло; 20 – хрусталь?*); *27* – пластинчатый браслет (*железо*); *28, 29* – перстни с круглым щитком и циркульным орнаментом (*медь*); *30* – перстень с изображением льва? (*бронза*); *31* – перстень с монограммой (*медь*); *32* – перстень с округлым щитком и изображением птицы (*медь*); *33* – вставка в перстень (*стекло*); *34* – перстень с кастиком под вставку (*медь*).

Рис. 3.13. Детали костюма: украшения, относящиеся к периоду с I по XVI вв. *1* – «зеркало», IV–III вв. до н. э. – V–VI вв. н. э.; *2* – стержень для крепления колчана, конец IX–XI вв.; *3* – фрагмент рукояти ножа, конец IX–XI вв.; *4* – накладное зооморфное украшение, XIII–XIV вв.; *5* – фрагмент пластинчатого браслета, конец IX–XI вв.; *6* – подвеска-«пронизка» — деталь составного «шумящего» украшения, XII–XIV вв.; *7, 8* – трехчастные разделители — детали составного «шумящего» украшения, XIII–XIV вв.; *9* – щиток — деталь подвески, XIII–XV вв.; *10–12, 14–21* – подвески «лапчатые», XIII–XV вв.; *13* – подвеска круглая «сетчатая», XII–XIV вв.; *22* – подвеска зооморфная, XIII–XV вв.; *23* – подвеска-«лунница», XIII–XV вв.; *24* – подвеска-«крестовидная», XIII–XV вв. *1, 2, 4–24 – бронза; 3 – бронза, железо.*

Рис. 3.14. Лук и снаряжение лучника. *1* – фрагмент сложносоставного лука из деревянных деталей (*а* – хвостовик, *береза*; *б* – наружная кремлевая пластина, *сосна*; *в* – внутренняя пластина, *береза*); *2* – деталь сложносоставного лука — хвостовик (*береза*); *3–8* – щитки для защиты запястья от удара тетивы (*рог северного оленя, бивень мамонта*); *9* – застежка для ношения колчана (*рог северного оленя*).

Рис. 3.15. Стрелы и наконечники стрел из дерева — томары. *1–3, 6, 8* – цельнодеревянные стрелы — томары (*1, 2* – целые стрелы; *3, 6, 8* – фрагменты поражающей части); *4, 7, 9* – фрагменты древков стрел; *5* – детали комбинированного томара: *а* – деревянная поражающая часть; *б* – костяной утяжелитель; *10, 11* – железные элементы томаров с комбинированной поражающей частью.

Рис. 3.16. Снаряжение лучника: наконечники стрел из кости. *1–9* – стержневидные наконечники стрел четырехгранного, трехгранного и круглого сечения; *10* – листовидный наконечник стрелы; *11–15* – томары разных типов; *16–18* – наконечники стрел с шипом — «гарпуны» (?).

Рис. 3.17. Снаряжение лучника: наконечники стрел из железа. *1–6* – вильчатые наконечники стрел; *7, 8* – треугольные наконечники стрел с расширяющимся острием; *9–12, 14* – ассиметрично-ромбические наконечники стрел; *13* – наконечник листовидной формы с черешком.

Рис. 3.18. Снаряжение лучника: наконечники стрел из железа. *1–5* – стержневидные наконечники стрел четырехгранного сечения; *6–11* – длинночеренковые наконечники стрел с треугольным или ромбическим проникателем; *12–19* – длинночеренковые наконечники стрел с треугольным проникателем с шипами; *20* – длинночеренковый наконечник стрелы с шипом.

Рис. 3.19. Самострелы и ловушки (детали). *1, 2* – ложе самострела из дерева; *3, 4* – фрагменты цельнодеревянных луков от самострелов и ловушек; ***5–17*** – насторожки — детали самострелов и ловушек: *5* – тип I (*дерево*); *6–11* – тип II (*кость*), *12* – тип III (*дерево*); *13, 14* – тип IV (*дерево*); *15–17* – тип V (*дерево*).

Рис. 3.20. Самострелы и ловушки натяжного ударного действия (черкан, «пасть»). *1, 3* – фрагменты ударных пластин; *2, 4* – фрагменты ложа. *Дерево.*

Рис. 3.21. Принадлежности рыболовства. *1* – фрагменты ловушки типа верши («морды»); *2, 3* – рыболовные крючки с шипами (тип I); *4–6* – рыболовные крюки — детали «багров» (тип II); *7, 8* – поплавки рыболовных сетей; *9–12* – грузила рыболовных сетей. *1, 8 – дерево; 2–6 – железо; 7 – дерево, лыко; 9–11 – камень, лыко; 12 – береста, глина.*

Рис. 3.22. Боевое оружие местного производства. Клинки слабоизогнутых сабель из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.23. Боевое оружие местного производства. Клинки слабоизогнутых сабель из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.24. Боевое оружие местного производства. Клинки палашей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.25. Боевое оружие местного производства. *1*– наконечник копья; *2* – клевец (?) из скованных черенками клинков ножей; *3, 4* – фрагменты клинков слабоизогнутых сабель; *5–9* – клинки боевых ножей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.26. Боевое оружие регионального производства. Фрагменты клинков слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.27. Боевое оружие импортного происхождения. *1–3, 7* – фрагменты клинков изогнутых сабель с обоюдоострой елманью из состава «клада оружия» 1730 г.; *4, 5* – фрагменты клинков палашей или тяжелых шпаг (?) из состава «клада оружия» 1730 г.; *6* – фрагмент клинка пальмы из состава «клада оружия» 1730 г.; *8* – фрагмент клинка сабли или палаша (?) с медной обоймой рукояти из постр. № 8 (дом вождя; слой конца XVII – первой трети XVIII вв.). *Железо.*

Рис. 3.28. Боевое оружие импортного происхождения. *1, 2* – боевые топоры: фрагмент лезвия и целое изделие из состава «клада оружия» 1730 г.; *3, 4* – детали ножен сабли или палаша: наконечник и обойма из состава «клада оружия» 1730 г.; *5* – деталь гарды сабли: перекрестие из состава «клада оружия» 1730 г.; *6* – фрагмент кольчужного панциря (слой конца XVII – первой трети XVIII вв.; северо-западная МФП); *7* – вток

(слой конца XVII – первой трети XVIII вв., северо-западная МФП); *8* – вток из состава «клада оружия» 1730 г. *Железо.*

Рис. 3.29. Предметы быта: универсальные хозяйственные железные ножи и их аксессуары. *1* – нож с деревянной рукоятью и торцевыми обоймами из олова — тип I (постройка № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *3, 4* – детали рукояти — обоймы из олова (*2, 3*) и меди (*4*) (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.); *5–14* – ножи с клинками разных типов в рукоятях из дерева — тип II (*6, 8–11*) и рога северного оленя — тип III (*5, 7, 12–14*).

Рис. 3.30. Предметы быта: клинки универсальных и специализированных хозяйственных ножей. *1–5* – клинки универсальных ножей импортного происхождения (?) — тип I; *2–4* – клинки универсальных ножей импортного происхождения (?) — тип II; *10–13* – клинки универсальных ножей местного производства (?) — тип III; *6–9, 17–19* – клинки специализированных ножей местного производства (*17*) и импортного происхождения (*16–19*). *Железо.*

Рис. 3.31. Предметы быта: рукояти и аксессуары хозяйственных ножей. *1* – ножны от ножа импортного происхождения из телячьей кожи с деревянной пластиной — тип I; *2–4* – рукояти хозяйственных ножей из рога северного оленя (*2, 4*) и дерева (*3*); *5–8* – рукояти для заточки лезвия ножа: из дерева (*5, 6, 8*) и рога северного оленя (*7*); *9, 11* – оселки из мелкозернистого камня; *10, 12* – точильные бруски из крупнозернистого камня.

Рис. 3.32. Заготовки и отходы кузнечного производства. *1–6* – фрагменты плотницких топоров, разбитые на кузнечные заготовки после длительного употребления: обухи (*1–3, 6*) и лезвия (*4, 5*); *7–9* – скобы для ношения топора со следами вторичного употребления в процессе изготовления сухожильных нитей; *10, 12–15* – заготовки и отходы кузнечного производства; *11* – металлургическая крица. *1–6, 10–15 – железо; 7–9 – рог северного оленя.*

Рис. 3.33. Принадлежности деревообработки. *1–4, 9* – клинья для расщепления древесины; *5–8, 15* – рубанки (струги); *10, 11* – клинки ножей резцов-«ложкорезов»; *12–14* – сверла — наконечники для лучковых дрелей; *16* – полотно пилы для резки кости и рога (первая треть XVII в.); *17* – модель применения рубанка (струга) и бытового ножа для оцилиндровки древка стрелы. *1–7 – рог северного оленя; 8, 9, 15 – дерево; 10–14, 16 – железо.*

Рис. 3.34. Принадлежности для обработки шкур. *1, 2* – лезвия скребков для обработки шкуры — снятия мездры крупного животного; *3–6* – фрагменты и целые детали пял для растяжки и сушки шкурок горностая; *7–9* – лощила для обработки шкур — снятия мездры или последующего размягчения.*1, 2 – железо; 3–6 – дерево; 7–9 – кость.*

Рис. 3.35. Принадлежности для плетения. *1, 9, 10* – мотовила для хранения тонких веревок и нитей; *2–5* – фрагменты и целые иглы для плетения сетей; *6–8* – иглы (проколки) из кости для плетения или прошивки толстыми нитями; *11* – крюк — деталь горизонтального станка для плетения поясов (северо-западная МФП; слой первой трети XVIII в.). *1, 2, 5, 9, 10 – дерево; 3, 4, 6–8, 11 – кость.*

Рис. 3.36. Предметы быта: швейные инструменты и принадлежности. *1–3* – детали игольников из кости птицы (лебедя?); *4, 5* – суконные игольники (*4 – цветное сукно*; постр. № 7, «остяцкий» квартал № I; слой середины XVII в.; *5 – цветное сукно, шелк*; постр. № 11, «остяцкий» квартал № I; слой конца XVI – начала XVII вв.); *6–9* – наперстки из меди (*6, 9*) и жести (*7, 8*); *10* – швейные иглы (*железо*).

Рис. 3.37. Предметы быта: металлическая посуда. *1* – чаша из бронзы с гравированным орнаментом (южная (ритуальная) площадка, «клад бронзовых изделий»; *2* – блюдце из серебряной фольги (южная (ритуальная) площадка, слой второй половины XVII в.); *3, 4* – ушки от медных котлов; *5–7* – фрагменты медных котлов.

Рис. 3.38. Предметы быта: керамическая посуда. *1–3* – фрагменты сосудов раннего средневековья, зеленогорский этап, V–VII вв. н. э.; *4–9* – фрагменты черных морёных горшков русского производства; *10–13* – фрагменты керамических сосудов с цветной поливой, вероятно западноевропейского производства (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.).

Рис. 3.39. Предметы быта: керамическая посуда. *1* – фрагмент русского керамического сосуда и его графическая реконструкция; *2, 3* – фрагменты русских керамических сосудов с наиболее типичными профилями венчиков и графические реконструкции на их основе; *4* – фрагмент черной морёной миски и его графическая реконструкция.

Рис. 3.40. Предметы быта: деревянная посуда. *1, 2* – прямоугольные корыта без ручек, подтип I; *3* – прямоугольное корыто с одной ручкой, подтип II; *4* – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III. Слой конца XVII – первой трети XVIII вв.

Рис. 3.41. Предметы быта: деревянная посуда. *1* – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III (северо-западная МФП, слой середины XVII в.); *2* – прямоугольное корыто с двумя ручками, подтип III (постр. № 9, «остяцкий» квартал № I, слой середины XVII в.).

Рис. 3.42. Предметы быта: деревянная посуда. Бондарные изделия русского производства. *1* – фрагмент маленькой шайки с днищем (слой конца XVII в.); *2* – крышка шайки с прямоугольными вырезами под ушки и

фиксирующей планкой («остяцкий» квартал № I, слой первой трети XVIII в.); *3* – клёпка от шайки с ушком (слой конца XVII в.).

Рис. 3.43. Предметы быта: деревянная посуда. Большие котловые ложки (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.).

Рис. 3.44. Предметы быта: деревянная посуда. Большие котловые ложки и ковши. *1–3* – большие котловые ложки (слой XVII в.); *4, 5* – ковши (слой первой половины XVII в.).

Рис. 3.45. Предметы быта: деревянная посуда. Малые индивидуальные ложки. *1–9* – индивидуальные ложки разных подтипов (*рог северного оленя, бивень мамонта*); *10–15* – индивидуальные ложки подтипа III (*дерево*).

Рис. 3.46. Короба (туеса) берестяные бытовые. *1* – короб (постр. № 2, «остяцкий» квартал № 2; первая треть XVIII в.); *2, 3* – днища берестяных коробов (пространство оборонительно-жилого комплекса); *4* – днище берестяного короба.

Рис. 3.47. Короба (туеса) берестяные ритуальные: крышки. *1* – фрагмент крышки со скобленым усложненным изображением медведя и его реконструкция («остяцкий» квартал № I; последняя треть XVII в.); *2* – фрагмент крышки со скобленым зооморфным орнаментом; *3* – фрагмент крышки со скобленым геометрическим орнаментом; *4, 5* – крышка со скобленым знаково-символическим орнаментом.

Рис. 3.48. Короба (туеса) берестяные ритуальные: стенки. *1* – стенка со скобленым зооморфным орнаментом, развертка (постр. № 6, «остяцкий» квартал № I; вторая треть XVII в.); *2* – реконструкция того же короба; *3* – фрагмент стенки со скобленым геометрическим орнаментом; *4* – фрагмент стенки с накладным плетеным орнаментом из тонких древесных полос (лыка?) и верхним бордюром, декорированным клееными берестяными полосками («остяцкий» квартал № II, уч. К/42, уровень 5.44; вторая треть XVII в.); *5* – фрагмент стенки с плетеным геометрическим орнаментом из тонких двуцветных (белых и коричневых) полосок бересты.

Рис. 3.49. Корытца (куженьки) берестяные: бытовые и ритуальные. *1, 2* – полотна со скобленым орнаментом — заготовки малых ритуальных корытец; *3* – ритуальное корытце со скобленым знаково-символическим орнаментом; *4* – ритуальное корытце с изображением птицы (орла?); *5* – бытовое корытце.

Рис. 3.50. Корытца (куженьки) берестяные: бытовые и ритуальные. *1* – ритуальное корытце со скобленым усложненным изображением медведя («самоедский» квартал № III, пристрой к постр. № 8, последняя треть XVIII в.); *2* – бытовое корыто.

Рис. 3.51. Кухонные принадлежности. *1–3* – лопатки для помешивания пищи (*дерево*); *4–8* – «ножи» для очистки рыбы от чешуи (*лопатка северного оленя*).

Рис. 3.52. Предметы интерьера и домашнего обихода: крюки для подвешивания. *1* – крюк для подвешивания детской колыбели; *2, 3* – крюки для подвешивания; *4* – крюк для подвешивания (хоз. постр. № 3, слой первой трети XVIII в.); *5, 6*– очажные крюки для чувалов жилых домов «остяцких» кварталов (слой второй половины XVII в.); *7* – очажный крюк для открытого очага (постр. № 8, слой конца XVII – первой трети XVIII вв.). *1–3 – рог северного оленя; 4–7 – дерево.*

Рис. 3.53. Предметы интерьера и домашнего обихода: колыбели и плетеные циновки. *1–3* – фрагменты детских колыбелей из дерева; *4* – фрагмент детской колыбели из бересты (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *5* – та же колыбель: детали орнамента из полос тонкой древесины, наклеенные с наружной стороны; *6* – плетеные травяные полосы для циновок; *7* – круглая циновка из полосы плетеной травы (уч. Л/54, «самоедский» квартал № III, постройка № 8 (дом вождя), слой последней трети XVII в.).

Рис. 3.54. Предметы интерьера и домашнего обихода: кресальный набор и детали сундуков. *1–3* – кресала; *4* – мешочек для кресального набора (?); 5 – огнивные (ружейные?) кремни; *6* – держатели фитиля для жировых ламп из фрагментов медных котлов; *7, 9* – сундучные замки, совмещенные с накладными пластинами («самоедский» квартал № III, постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *8* – жестяная обкладка сундука с просечным орнаментом (первая треть XVIII в.); *10* – гвозди обивочные от жестяной обкладки сундуков; *11* – ключ от навесного замка («самоедский» квартал № III, постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *12, 13* – декоративные наружные накладки на замочные скважины сундуков (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.). *1–3, 7–13 – железо; 4 – кожа, олово; 5 – камень; 6 – медь.*

Рис. 3.55. Предметы домашнего обихода. *1–3* – деревянные лопаты для уборки снега; *4, 5* – мотки пеньковых или лыковых импортных (?) веревок.

Рис. 3.56. Предметы гигиены. *1–3* – детали женского пояса: воропы из бересты (*1, 3*) и телячьей кожи (*2*) со следами нашивного орнамента (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.); *4, 5*– гребни импортные (?) из конского копыта (слой второй половины XVII в.); *6–9* – гребни местного изготовления (?) из рога.

Рис. 3.57. Средства передвижения. Наземный транспорт: косокопыльные нарты (таежный вариант). *1–4* –

отдельные копылья и копылья с перекладинами от нарт разного размера (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.); *5* – реконструкция небольшой (ручной?) нарты (слой конца XVI – первой трети XVII вв.); *6, 7* – фрагменты задней части полозьев; *8* – копылья с перекладиной (найдены вместе с фрагментом лодки и лопатой для снега; северный угол хоз. пристройки к постр. № 8 (дом вождя), «самоедский» квартал № III, слой первой трети XVIII в.). *Дерево.*

Рис. 3.58. Средства передвижения. Наземный транспорт: косокопыльные нарты (тундровый вариант) и блоки. *1* – блок от нарты большого размера (слой второй половины XVII в.); *2–4* – малые блоки для аркана или маленькой (ручной) нарты (слой второй половины XVII в.); *5, 6* – заготовки блоков среднего размера первая треть XVIII в.); *7–10* – копылья от нарт разного размера (слой середины XVII – первой трети XVIII вв.); *11, 12* – фрагменты деталей полозьев нарт большого размера (слой второй половины XVII в.: *11* – верхняя часть – основа полоза; *12* – нижняя сменная пластина). *1, 7–12 – дерево; 2–6 – рог северного оленя.*

Рис. 3.59. Средства передвижения. Наземный транспорт: детали недоуздка оленьей упряжи. *1, 2* – комплекты налобных и нащечных пластин (восточный угол постр. № 8 (дом вождя), слой первой трети XVIII в.); *3–6* – нащечные пластины (слой второй половины XVII в.); *7, 8* – блоки — застежки недоуздка (слой середины XVII в.). *Бивень мамонта, рог северного оленя.*

Рис. 3.60. Средства передвижения. Наземный транспорт: детали недоуздка оленьей упряжи. *1–5* – налобные пластины; *6, 7* – заготовки налобных пластин. Слой второй половины XVII в. *Рог северного оленя.*

Рис. 3.61. Средства передвижения. Наземный транспорт: лыжи. *1* – заготовка лыжи-голицы (хоз. постр. № 11, «остяцкий» квартал № I, слой конца XVI в.); *2–6* – фрагменты и целые экземпляры изношенных лыж-голиц, использованных в домостроительных конструкциях; *7, 8* – фрагменты ступательных площадок от лыж-подволок (слой 2-й половины XVII в.); *9* – условия нахождения лыжи-голицы *3* («остяцкий» квартал № I, хоз. постр. № 11, слой начала XVII в.). *Дерево.*

Рис. 3.62. Средства передвижения. Водный транспорт. *1–2, 4* – фрагменты корпуса и нашивных бортов лодок из цельного ствола дерева — вариант 1 (сшивка короткими вертикальными параллельными стяжками); *5* – фрагмент корпуса лодки из цельного ствола дерева с концентрическими рядами отверстий, заполненных штифтами; *3, 6, 7* – фрагменты корпуса и нашивных бортов лодок из цельного ствола дерева — вариант 2 (сшивка длинными наклонными стяжками); *8, 9* – распорки-перекладины лодок из цельного ствола дерева; *10* – фрагмент корпуса лодки с ремонтной пластиной, пришитой короткими параллельными стяжками; *11, 12* – фрагменты корпуса лодки со следами ремонта трещины «поморским» способом — сшивкой длинными наклонными стяжками; *13* – условия нахождения фрагментов лодки, использованных в качестве стены предвходового коридора к постр. № 7 («остяцкий» квартал № I, слой последней трети XVII в.). *Дерево.*

Рис. 3.63. Средства передвижения. Водный транспорт. *1–5* – рукояти-навершия весел для лодок из цельного ствола дерева; *6–8* – фрагменты рукоятей весел со штифтами крепления поперечных рукоятей-наверший; *9, 10* – фрагменты гребной части (пера) весел; *11* – реконструкция гребного весла лодки; *12* – гвозди средней длины — судовые (?); *13* – скобы судовые от русских судов — кочей. *1–10 – дерево; 12, 13 – железо.*

Рис. 3.64. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения: сабли и палаши. *1–7* – модели слабоизогнутых сабель и палашей местного производства; *8–12* – модели изогнутых сабель с елманью и деталей гарды (*8*) импортного происхождения. *Дерево.*

Рис. 3.65. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения и орудий: топоры. *1–4, 8–10* – модели боевых (?) топоров с отдельно монтируемой рукоятью из дерева (*1–4, 8*), кости (*9*) и железа (*10*); *5–7* – деревянные модели топоров разных типов с рукоятью (*5* – имитация русского плотницкого топора с шипом).

Рис. 3.66. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения: копья. Модели наконечников копий с уплощенным насадом (черешковых). *Дерево.*

Рис. 3.67. Игрушки и игры. Модели бытовых орудий и предметов: ножи, кузнечные инструменты и посуда. *1–9* – модели универсальных хозяйственных ножей; *10–13* – модели напильников; *14, 15* – модели кузнечных клещей; *16, 17* – модели кузнечных молотков; *18* – миниатюрная ложка; *19, 20* – миниатюрные корытца (куженьки). *1–17 – дерево; 18 – дерево, береста; 19, 20 – береста.*

Рис. 3.68. Игрушки и игры. Модели охотничьего оружия: луки, стрелы и наконечники. *1, 2* – модели луков; *3–14* – фрагменты и целые экземпляры моделей стрел с наконечниками разных типов; *15–19* – модели наконечников стрел разных типов. *Дерево.*

Рис. 3.69. Игрушки и игры. Модели средств передвижения. *1–4* – детали моделей нарт (копылья), изготавливаемых для игры мальчиков; *5–19* – фрагменты и детали нарт-имитаций, изготавливаемых для игр девочек; *20* – деревянная модель лодки. *Дерево.*

Рис. 3.70. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», набор (скопление) № 1. ***1–41*** – фигуры «тосъ-чер-вой» из скопления в помещении для содержания животных («остяцкий» квартал № I, кв. 3/49, уровень 5,60–5,64, слой последней трети XVII века): *1* – фигура человека; *2* – фигура бобра; *3–5* – фигуры выдры; *6–14* – фигуры зверей (олень, лисица, песец, росомаха, горностай и др.); *15–27* – фигуры птиц (утка, гусь, гагара, куропатка, глухарь и др.); *28–31* – фигуры лягушки (?); *32–41* – фигуры предметов (оселок, лестница и др.). *Дерево.*

Рис. 3.71. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», набор (скопление) № 2. ***1–27*** – фигуры «тосъ-чер-вой» из скопления в помещении хозяйственной постройки № 11 («остяцкий» квартал № I, кв. Ж–К/48–51, уровень 4,86–5,15, слой первой трети XVII века): *1* – фигура человека (?); *2* – фигура выдры; *3, 4* – фигуры бобров; *5, 7* – фигуры зверей; *6* – фигура птицы (речная утка); *8* – фигура солнца (луны?); *9–27* – фигуры предметов (?); *28* – условия нахождения предметов «тосъ-чер-вой» скопления № 1. *Дерево.*

Рис. 3.72. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», фигуры животных и предметов. ***1–29*** – фигуры «тосъ-чер-вой», найденные в разных частях городка: *1* – фигура человека; *2–4* – фигуры бобра; *5–7* – фигуры выдры; *8–14* – фигуры животных (вероятно, водных); *15, 16* – фигуры лягушки (?); *17–25* – фигуры предметов (лодка, оселок?) или стилизованные изображения животных; *26–28* – фигуры наконечников стрел; *29* – фигура гребня (?). *Дерево.*

Рис. 3.73. Игрушки и игры. «Тосъ-чер-вой», профильные изображения фигур животных. ***1–24*** – деревянные фигуры «тосъ-чер-вой», найденные в разных частях городка: *1–17* – профильные фигуры животных разных видов: олень (*1, 2*), соболь (*4*), лисица (*5*), песец (*6*), горностай (*7*), росомаха (*9*), собака (*17*), лошадь (*16*), барсук (*19*) и др.; *15, 18, 20–22* – фигуры птиц разных видов: гусь (*15*), лебедь (*18*), утка (*20*) и др.; *23*, *24* – заготовки фигур животных и птиц. *Дерево.*

Рис. 3.74. Игрушки, игры и музыкальные инструменты. *1* – набор деревянных палочек для игры «Сохэль-юх» (северо-западная МФП, слой последней трети XVII – начала XVIII вв.); *2–7* – деревянные диски для игры с юлой «Корки» или «Щин»; *8–11* – варганы и их фрагменты из ребра северного оленя; *12, 13* – фрагменты керамических свистулек (слой последней трети XVII – первой трети XVIII вв.).

Рис. 3.75. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Деревянные полочки. *1* – полочка для культовых предметов (северо-западная МФП; слой конца XVII – начала XVIII вв.); *2* – полочка с изображением восьми антропоморфных личин (восточный угол постр. № 8 (дом вождя); слой первой трети XVIII вв.).

Рис. 3.76. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения. Личины на палочках — сядэи. Целые фигуры и фрагменты. *Дерево.*

Рис. 3.77. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения. *1, 4* – многофигурные изображения (северо-западная МФП, слой последней трети XVII – начала XVIII вв.); *2* – бюст из постр. № 8 (дома вождя) «самоедского» квартала № III, первая треть XVIII в.); *3, 8, 9* – фрагменты антропоморфных скульптур; *5, 6* – изображения сидящих фигур (слой середины XVII в.); *7, 10* – изображения женских фигур (слой середины XVII в.). *Дерево.*

Рис. 3.78. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения (слой конца XVI – первой трети XVII вв.). *Дерево.*

Рис. 3.79. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Монументальная скульптура. *1* – местонахождение основания многоликого идола (южный угол «остяцкого» квартала № II, кв. Н/47, слой конца XVII – начала XVIII вв.); *2* – фрагмент плахи с антропоморфной личиной из коллекции ТГИАМЗ, извлеченной из постр. № 8 (?) Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в 1916 г.; *3* – фрагмент многоликого идола (*1*). *Дерево.*

Рис. 3.80. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Зооморфные изображения. *1–3* – изображения оленей; *4, 5* – изображения пушных животных (песец?); *6, 7* – изображения медведя (росомахи?); *8, 9* – изображения птиц; *10* – совмещенные изображения двух зайцев; *11* – сопоставленные фигуры пушных животных. *Дерево.*

Рис. 3.81. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Посохи свата. *1* – пространство «самоедского» квартала № IV, слой середины XVII в.; *2, 3* – постр. № 8 (дом вождя) «самоедского» квартала № III, последняя треть XVII – начало XVIII вв.; *3, 4* – пространство северного «остяцкого» квартала № II, последняя треть XVII в. *Дерево.*

Рис. 3.82. Культовые предметы и принадлежности ритуалов; граффити.*1* – дощечка формы, аналогичной дощечке с граффити (*2*); *2* – дощечка с вырезанными изображениями куропаток (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *3* – дощечка с орнаментом, прорезанным ножом; *4* – фрагмент лыжи-голицы с антропоморфной фигурой из стены постр. № 6 «остяцкого» квартала № I, слой первой трети XVIII в.; *5* – маска (северо-западная МФП, слой последней трети XVII в.); *6* – брусок с двумя знаковыми изображениями; *7* – полоса с нарисованными черной краской фигурами летящих птиц; *8–10* – дощечки для ритуального окуривания. *1–4, 6, 8–10 – дерево; 5, 7 –береста.*

Приложение I

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА СИБИРСКОГО ПРИКАЗА

№ 1

1636 г., не ранее февраля 23. — **Фрагмент отписки мангазейского воеводы Б. И. Пушкина в Москву о гонцах, ехавших сухопутной дорогой из Мангазеи в Обдорск**

Государю царю великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Бориска Пушкин, Пятунко Спиридонов челом бьют. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федеровича... указу велено нам, холопем твоим, быть на твоей государевой службе в Мангазее. А в твоем государеве наказе, каков дан нам... написано: как мы приедем на твою государеву службу в Мангазею и что мы, холопи твои, в Мангазее у воеводы у Григорья Орлова да у дьяка Василья Атарского в твоей государевей казне денег и мягкие рухляди в житницах хлебных запасов и на городе и на остроге наряду и в казне зелья и свинцу и всяких твоих государевых дел возьмем... и о том о всем и про всякие дела писати б нам к тебе государю к Москве с приезду своего не замотчав, чтоб про здешние мангазейские дела тебе было ведомо.

И в прошлых, государь, годех в Мангазее воеводы, до того которые бывали до нас, холопей твоих, с приезду в Мангазею... посылали тебе государю к Москве с отписки... и с иными с твоими государевыми делами служилых людей на Енисейской острог, а путь дальний и нужен: до Енисейского острогу зимним путем идет на нарте, а весною до Тобольска водяным путем. А в Тобольск де служилые люди приходят ранние к Николину вешнему, а иные о Троицыне дни. А как, государь, мы, холопи твои, едучи на твою... службу в Мангазею и в прошлом в 143 году были в Тобольску, и при нас из Мангазеи приехали в Тобольск с отписки... в Петров пост. И как, государь, мы, холопи твои, приехали на твою государеву службу в Мангазею и у воеводы Григорья Орлова да дьяка Василья Атарского... всякие твои государевы дела взяли и во всем с ними росписались, призывали к себе мангазейских служилых и всяких людей, которые дорогу из Мангазеи в Русь и из Руси в Мангазею знают и путь им тот за обычай гораздо, для того, чтоб нам, холопям твоим, послать к государю к Москве и в Тоболеск с отписки... иное дорогою, ближе той дороги, что ходят на Енисейской острог.

И мангазейские служилые и приезжие многие люди говорили нам, холопем твоим, что есть из Мангазеи дорога в Русь недалека и пряма на Обдорь да на Пусто озеро, а в Тоболеск итти до Обдора ж, а с Обдора на Березов, а больше всех знают ту дорогу пустозерцом Кондрашку да Ледешку Кириловым, потому что наперед того тою дорогою езживали и самоядцкому и зырянскому языку умеют, а Ледешка в Мангазее в стрельцах. И мы, государь, призвав к себе стрельца Ледешка Кирилова, про ту дорогу спрашивали, а брата его Кондрашка в Мангазее в то время не было. И стрелец государь Ледешка Кирилов говорил нам про ту дорогу то ж: что та дорога из Мангазеи в Русь на Обдорь да на Пусто озеро, а в Тоболеск с Обдори ж на Березов да в Тоболеск недалека и пряма, ехать до Обдори гонцом самоядью, наймуя у самояди, а с Обдору до Пусто озера едут обдорские остяки на оленях же и на собаках, а из Пусто озера подводы. А в Тобольской гонцу гнать до Березова и до Тобольска на оленях же и на собаках с теми ж обдорскими и березовскими остяками, а мочно тою дорогою поспеть, тако задержания в городех не будет, к Москве недель в двенадцать и в тринадцать, а в Тоболеск недель в шесть и в семь. И бил челом тебе, государю, тот Ледешка, чтоб послать тебе государю к Москве в гонцах его Ледешка, потому что он самоядскому и зырянскому языку умеет, и самоядь ему многая

знакома, и та ему дорога за обычай. Да и наперед того он, Ледешка, тою ж дорогою гонял в гонцех в Тоболеск из Мангазеи от Григория Кокорева, а поспел в семь недель. А ныне б ему тебе государю послужить, тою дорогою к тебе к Москве с отписки... поспеть наскоре, а в Тоболеск бы гонца послать другого до Обдора с ним вместе, а он его до Обдора отпровадит, а с Обдора того гонца остяки на Березов отвезут в тот час.

И мы, государь, холопи твои по тем Ледешковым речам и радея о твоем государеве деле... послали в гонцех того Ледешка Крилова, а в Тоболеск послали с ним же вместе до Обдора тобольского казака Ваську Колмогора октября в 31 день. А повез тех гонцов из Мангазеи до Обдора твой государев ясачный мангазейской тундряной самоядин Леденкина Шару Итилидка Тынгин, лутшей человек. А велели его тех гонцов отвесть до Обдора здорова... и от обдорского остяцкого князца Молика, как он тех гонцов привезет на Обдор, о том привезти в Мангазею письмо. А мы, государь, холопи твои, с теми гонцы о том на Обдор служилым людям и к остяцкому князцу Молику писали, чтоб они тех гонцов как к ним приедут на Обдор... Ледешка Кирилова на Пусто озеро, а Ваську Колмогора на Березов отпустили тотчас не задержав, потому что они посланы для твоего государева дела наскоро. А самоядина Итилидка Тынгина отпустили к нам в Мангазею не задержав...

И декабря, государь, в 19 день приехал к нам, холопем твоим, самоядин Итилидка Тынгин, а сказал: что твоих государевых служилых людей, которые посланы с ним в гонцех... отвез до Надымской губы за днище до обдорской кунной ясачной самояди до князца Сатарки [фрагмент текста утрачен] и при нем Итилидке склали на сани и хотели ехать тотчас, а сам он с ними не поехал до Обдора, потому что у него олени худы добре и на дороге пристали и назад насилу доехал, и его потому Ледешка и отпустил и прислал с ним в Мангазею для знамени в лубке завязану бумагу писаную, а какую, того он Итилидка не ведает. И подал нам, холопем твоим, то письмо завязано в лубках. ...А про обдорского кунного самоядина князца Сатарку, которой у самоядина Итилидка гонцов Ледешка с товарищем принял, роспрашивали березовского казака Костю Чуконина, которой того самоядина знает [фрагмент текста утрачен] ведает про него подлинно. И Костя Чуконин сказал нам холопем твоим, что тот самоядин князец Сатарко — твой государев ясачной, в самояди в своем роду человек чесной, доброй, воровства за ним никакого нет, и твой государев ясак со всем своим родом платит на Обдорь ежегодь. И после того как к нам самоядин Итилидко Тынгин к Мангазее приехал... про стрельца про Ледешка Кирилова и про тобольского казака Колмогора февраля по 23 число ведома с Обдори не было.

А февраля государь в [фрагмент текста утрачен] в вечере приходил к нам в съезжую избу тюремной сиделец аманат тундряной самоядин Леденкина Шару Итилидки Тынгина племянник Собка Тынгин и сказывал нам: на дороге в Надымской губе гонцов Ледешка Кирилова да Ваську Колмогора побила неясачная самоядь, юраки Тыютова роду, а сказывала ему про то жена его Собкина севодни в вечеру, как была у него у тюрьмы, а теперь жена его с дядею его с Итилидком и с иною самоядью их же роду стоят за рекою на тундре в чюмах...

И о том мы, холопи твои, писали к тебе государю в иной отписке, а самоядина Итилидко Тынгина посадили в тюрьму до твоего государева указу и до подлинного ведома, покаместа про гонцов про Ледешка Кирилова да про Ваську Колмогора проведаем подлинно. И про Ледешка, государь, и про Ваську послали мы, холопи твои, проведывать подлинно, а до тех мест вдругорядь к тебе государь к Москве и в Тоболеск с теми ж отписки, с чем были посланы те гонцы, ныне не послать не смели, бояся от тебя, государя, опалы. И о самоядине, государь, о Итилидке Тынгине как ты, государь, укажешь.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 178. Л. 135–145.

№ 2

1641 г., не позднее января 20. — **Челобитная торгового человека Михаила Кондакова об убийстве его дяди Ледешки Кирилова самоедами**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом сирота твой Устюга Великого торговой человек Мишка Кондаков. Жалоба, государь, мне на Карачею и закаменную самоедь: Большие Карачеи на Немчина да на Хияна да на Малово да на Хозку да на Трясоголова да на Урея; да роду

Пурыега на Сергу да на Кривово да на Кирпета да на Хромово с товарыщи их; Ванютина роду на Яру с товарыщи; да на Сабеин род, да на Гигиных род, да на Адеры род, да Ану-Карачеин род, на Ялты род, на Адоры род и на все их роды карачейские и закаменные самоеди.

В прежних, государь, годех изстари родители мои, дед и отец и дядья, жильцы бывали Пустозерского городка, и торги, государь, у них и промыслы были с тою карачейскою и закаменною самоедью большие. И тех родов, государь, многие люди им были должны, в Пустеозере и на Обдори за них плачивали твои государевы ясаки и давали им в долги руские товары. И в прошлом, государь, 144-м году к тебе, государю, к Москве послали из Мангазеи твой государев воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов дядю моего родново Венедикта Кирилова, прозвище Ледеша, да с ним Тобольского города служилого человека с отписками прямо на Березов зимним путем с твоею государевою мангазейскою самоядью. И та, государь, мангазейская самоедь своею землею везли дядю моего с твоими государевыми отписками и отдали той Корачейской самоеди в их землю здорово. Да у дяди ж, государь, моего было с собою взято триста рублев денег. И уведав, государь, та самоедь у него деньги и не хотя платить ему долгу, до Березова не довезчи, убили.

Да та ж, государь, самоедь по дорогам твоих государевых служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море, которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары збирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. А которые, государь, служивые люди через Камень ходят из Сибири с твоею государевою казною и наша братья, торговые людишка, и та, государь, самоедь, и на твою государеву казну напускают и нашу братью грабят и побивают. А про то, государь, их все воровство и убойства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то, государь, самоецкое воровство ведомо твоим государевым воеводам и всяким служивым и торговым людем, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, убойство дяди моего Ледеша Кирилова сыскать тому Молику з дядею и вели, государь, мне, сироте своему, дати о сыску тех убойцов свою государеву грамоту за вислою печатью в сибирские городы к воеводам и в Пустоозеро, где их сыщут, чтоб по твоему государеву указу твои государевы воеводы и приказные люди давали праведной сыск и управу на тех убойцов. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 369 оборот) помета: 149 г. генваря в 20 день. Дать грамота воеводам, велети того Обдоского князца Молика, о том убойстве сыскав, дати на поруку, что ему тех убойцов, сыскав, поставити перед воеводы, в которых городех они объявятца.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 369–370.

№ 3

1641 г., февраля 13. — **Черновик царской грамоты на челобитную Михаила Кондакова**

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в сибирские городы и остроги и острожки Тобольского и Томского розряду воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людем. В нынешнем во 149 году генваря в 20 день бил нам челом Устюга Великого торговой человек Мишка Кондаков на Карачею и самоедь: Большие Карачеи на Немчина да на Хияна да на Малово да на Хозку да на Трясоголова да на Урея; да роду Пурыега на Сергу да на Кривово да на Кирпета да на Хромово с товарыщи их; Ванютина роду на Яру с товарыщи; да на Сабеин род, да на Гигиных род, да на Адеры род, да Ану-Карачеин род, на Ялты род, на Адоры род и на все их роды карачейские и закаменные самоеди.

В прежних де годех ево дед и отец и дядя жильцы бывали Пустозерского городка, и торги у них и промыслы были с тою карачейскою и закаменною самоедью большие, и тех родов многие люди им были должны; в Пустеозере и на Обдори за них плачивали наши ясаки и давали им в долг руские товары. И в прошлом во 144 году послали к нам к Москве из Мангазеи воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов

дядю ево родново Венедикта Кирилова, прозвище Ледеша, да с ним Тобольского города служилого человека с отписками прямо на Березов зимним путем с нашею мангазейскою самоедью. И та мангазейская самоедь своею землею везли дядю ево с нашими отписками и отдали той корочейской самоеди в их землю здорово. Да у дяди ж де ево было с собою взято триста рублев денег. И уведав та самоедь у него деньги и не хотя платить ему долгу, до Березова не довезчи, убили. Да та ж самоедь по дорогам наших служилых и торговых людей грабят и побивают многих; и на Мангазейском море, которых людей морем розбивает и те люди по берегам запасы свои и товары збирают – и та самоедь запасы и товары у них грабят же и самих побивают. А которые де служилые люди через Камень ходят из Сибири с нашею казною и их братья, торговые люди, и та де самоядь нашу казну и их грабят и побивают. А про то де их все воровство и убойства ведает обдорский князец Молик да дядя его Дурак, и грабежную у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то де самоецкое воровство ведомо нашим воеводам и всяким служилым и торговым людем, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень.

И нам бы ево, Мишку Кондакова пожаловати: велети убойцов дяди его Ледеша Кирилова сыскать тому Молику з дядею и велети ему дати о сыску тех убойцов нашу грамоту за вислою печатью в сибирские городы, где он, Мишка, сыщет, чтоб по нашему указу наши воеводы и приказные люди сыск и управу на тех убойцов...

И воеводам нашим и дьяком и всяким приказным людем, где князцы Молик да Дурак объявятца, велети их, сыскав, дати на крепкие поруки в том, что они тех Венедиктовых убойцов Ледеша, сыскав, поставят перед воеводы, где они объявятца. А как тех убойцов сыщут и перед воеводы поставят и тех убойцов про то убойство и про иное про всякое воровство розпрашивати и сыскивати всякими сыски и указ им чинить по нашему указу, чево доведетца, чтоб иным вперед неповадно было так воровать и наших служилых и торговых и всяких людей побивать и грабить. Да что по сыску тем вором учинят, и о том писать.

(Л. 374 оборот) помета: Писан на Москве лета 7149 февраля в 13 день. А прочитая нашу грамоту, отдавати Мишке Кондакову.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 371–374.

№ 4

1642 г., мая 24. — **Фрагмент грамоты приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л. Н. Радилову о наказании сибирских самоедов за набег зимой 1642 года на Пустозерский уезд**

…Борису Шереметеву да дьяку Ивану Ломакину чтоб они для бережения прислали к нему в Пустоозерской острог стрельцов, а вперед в Пустоозерском остроге для бережения без служилых людей быть неуметь и февраля в 28 числе писали к нам з Двины воевода Борис Шереметев да дьяк Иван Ломакин что они по отписке просил Протасия Неплюева з Двины в Пустоозерской острог послали пятидесятника стрелецкого Максимко Ярова да с ним двадцать девять человек стрельцов. Да маия 14 день писал к нам ис Пустоозерского острога Протасей Неплюев что в нынешнем де во [7]150 [1642] году февраля в 20 числе приходили под Пустозерской острог и у посацких людей ко дворам приступали самоядь Большая Карачея Хулейка с детми с Поскою с Едурейком с Немчинком с Хаскою, а с ними было самояди человек с двести и у пустоозерцов у посацких людей олени многие отогнали и животину и аргиши с хлебными запасы которые шли из Окладниковый слободки в Пустоозерской острог, поимали. И воров, самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили Лохеев и Ванюта хотели выбеть. И он де Протасей от той де самояди во дворех отсиделся с пустозерцы с посацкими людми. И та де самоядь в уезде по деревням воевали четыре недели. Образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали, и неводы, и сети, и лотки, и ветки, и котлы, и якори, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли. И воевав отошли в тундру. Да ему ж сказывали пустоозерцы, которых грабили самоедь в деревнях. Бориско Слезнин Васька Макаров, что идут де под Пустоозерской

острог самоядь воевать на свои Ану Карачея прозвищем нарицы а оберег де ему Пустоозерского острогу теми стрельцы некем. И нам бы ему о том велети указ учинити и мы указали з Двины послать на нашу службу в Пустоозерской острог для бережения к прежним стрельцам к дватцати к девяти человеком вприбавку с сотником стрелецким семдесят человек стрелцов против прежнево нашего указу как посыланы сотнике и стрелцы наперед сего до 138 [1630] году, чтоб в Пустоозерской остроге бес служилых людей какова дурна не учинилось. И как к тебе ся наша грамота придет, а з Двины столник наш и воевода князь Иван Хованской да дьяк Иван Ломакин сотника стрелецкого, а с нем семдесят человек стрелцов в Пустоозерской острог пришлют. И ты б в Пустоозерском остроге жил с великим бережением и тутошным людем и стрелцом приказал накрепко, чтоб они потому ж жили с великим бережением, чтоб воры над Пустоозерском острогом какова дурна не учинили. А над теми ворами, над самоядцы, которые воровали, образы кололи и нашу соболиную казну громили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали, и у пустоозерцов посацких людей олени и животину поимали сыскивал бы еси и промышлял смотря по тамошнему делу как лутче чтоб тех воров однолично сыскав переимати и велел бы еси их пытать накрепко сколко их человек в том воровское заговоре было и для какова умышления и почьему велению на такое воровство учинили, образы кололи, и нашу сибирскую казну погромили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали и у пустоозерцов и у посацких людей и у уездных крестян по деревням олени и животину отогнали и хлеб поимали. Да на ково они допытки и спытки в том учнут говорити и ты б тех воров потому ж сыскивая и ставя с оче на очи с теми воры, которые на них в том воровстве с пыток начнут говорить роспрашивал подлинно и велел пытать накрепко, чтоб однолично про то воровство доискатца подлино какими обычаи такое воровство учанилося. Да по тому своему сыску и по роспросным и пыточным речем и с тех воров пущих заводчиков, которые образы кололи, и нашу соболиную казну громили, и людей побили, и к Пустоозерскому острогу приступали, и у пустоозерских и деревенских крестян олени и животину отогнали, и хлеб поимали, человек пяти или шти по дорогам велел повесить, чтоб на то смотря иным вперед неповадно было так воровать. А достальных воров велел бы еси кинуть в тюрьму до нашего указу, а что те воры у пустоозерцов у посацких людей и в деревенях у крестян отняли оленей и животину пограбили и всякого хлеба и ты бы про то сыскивая однолично велел тем людем у ково что имано отдавать назад. А кто имяны самояди в том воровстве обявица и коль из нех за то воровство самых пущих воров завотчиков велиш повесить и сколько человек в тюрьму посажены будут и сколько кому грабленого живота и оленей, и животины, и хлеба отдаш, и ты б о том о всем подлинно отписал к нам к Москве, а отписку велел подать в Новгородцкой чктверти печатнику нашему и думному дьяку Федору Федоровичу Лихачеву да дьяком нашим Григорию Львову да Тимофею Голосову, чтоб нам про то подлинно было вскоре было ведомо. Писано на Москве лета 7150 [1642] маия во 24 день.

А у подлиной государевой грамоты на другой стороны по склейкам закреплено. Дьяк Григорий Львов.

РГАДА Ф. 214. Стб. 425. Л. 110–114.

№ 5

1643 г., не позднее августа 2. — **Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Мелешка Квашнин челом бьет. В нынешнем, государь, во 151-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а на Березове в съезжей избе прежнему воеводе Ивану Францбекову принесли челобитные Березовского уезду Казымские да Обдорские, да Куноватцкие, да Сосвинские волостей ясачные остяки за своими знамяны. И те, государь, челобитные по росписному списку, как по твоему государеву указу я, холоп твой, с Иваном Фрацбековым росписался, у Ивана Францбекова [взял] и послал к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, к Москве под сею отпискою в нынешнем во 151-м году августа в 2 день за… служилыми людьми с пятидесятником с Ивашком Мещерековым да с казаки с Симанком Фофановым с товарыщи.

1

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом и плачутца бедные сироты твои государевы Березовского уезду Казымские волости ясачные остяки Хонды Елгодин, Елчеп Елгодин, Ябор Конярков, Пуулко Емдорков, Няжиско Мозин, Рандома Тагунин, Дементей Монколев, Лука Алгодин, Азыма Яншин, Медыс Рандомин, Песык Сансков… Семейка Мургачов, Тамахое… Кудымов, Мылсе Максимов… мул Теврин, Тонин Дозморов, Табита Таватеев, Ваны Нюев, Онсор Пуленжев, Юнпох Кызылов, Алманко… Олторма Ярсыпуков, Рехта Чихмылев… Дылда Поков, Каин да Нерымко… Кукамков сын… и во всех товарищев своих Казымские волости ясачных [людей] место.

С прошлого, государь… и по нынешний по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужа… от больших вод рыбново промыслу не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой, и многие казымские остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самояди мяхкую рухлядь и тоей свою нужу исполняли, и тою мяхкою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешнем, государь, во 151-м году с тундры в Казымскую волость к нам самоядь с торгом не приезжала, и у ково, государь, у нас были… и оленишка, и тех оленей было продать на мяхкую рухлядь некому. А соболиново, государь, у нас промыслу в Казымской волости нет, а наперед сего до прошлого 149-го году была в Казымской волости в лесах белка, и мы, сироты твои, на промыслех белку ловили и белкою твой государев ясак и выплачивали. А в прошлом, государь, в… году из Березовского уезду белка… неведомо куды. И ныне… [мы], сироты твои государевы с тое… [го]лоду з женишками и з детишками [по]мираем голодною смертью, и государев ясак платить нечем, и обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашие великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

2

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом и плачутца бедные сироты твои государевы Березовского уезду Обдорские волости ясачные остяки Моличко да Ермачко Мамруковы, Дурачко Корзепов, Нюхтейко Надымской, Елдирко Тахтиев, Асилко Панляев, Козичко Кормалеев, Абызко Норисков и во всех товарищев своих обдорских ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го [1631] года и по нынешней по 151-й [1643] год пришла на нас нужа великая: от больших вод рыбново [промы]слу у нас не стало, терпим нужу… по вся годы великой. И многие обдорские остяки [з же]нами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряные самояди мяхкую рухлядь и платили твой государев ясак по вся годы. И в нынешних, государь, годех для голоду с тундры в Обдорскую волость к нам самоядь с торгом не приезжает. И у кого, государь, у нас есть и оленишка, и продать на мяхкую рухлядь некому. А лешево, государь, у нас промыслу в Обдорской волости нет, потому што у нас места тундряные и болотные, блиско к морю большему студеному. И ныне, государь, мы, сироты твои государевы, с тое … и з голоду з женишками и детишками помираем голодною смертью, и твой государев ясак платить нечем, обнищали и обдолжали, наги и боси, и в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашие великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Куноватцкие волости ясачные остяки Горка Данилов, Вокчимко Лугумов, Путурчейко Макарьев, Окоско Вокчимов, Кошелко Путурчиев, Семейко Лажмидов, Рехтан Кононгимов, Сопсынко Вабиев, Забылко Вабиев и во всех товарищев своих Куноватцкие волости ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас нужа великая: от больших вод рыбново промыслу у нас не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Куноватцкой волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у казымские у кунные самояди мяхкую рухлядь и тем свою нужу исполняли и тою мяхкою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы. Да сами, государь, мы, сироты твои, белку промышливали. А со 142-го году промыслов у нас своих не стало, што белка неведомо куды сошла. А во 149-м и во… годех покупали мы, сироты твои, у казымские самояди на оленишки мяхкую рухлядь, у которых были онлени… и тем твой государев ясак платили. А в нынешнем, государь, во 151-м году кунная казымская самоядь в Казымскую и к нам в Куноватцкую волости не приезжали, для того: в нынешнем же, государь, во 151-м году бились они с карачейскою самоядью и на лешие промыслы не ходили. А которые, государь, самоядь, немногие люди, в Казымскую волость и приезжали и те без мяхкие рухляди, с великою нужею и за себя твой государев ясак платили.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашие великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

4

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Сосвинские волости ясачные остяки Сеуско Талыев, Чюкалко Вотиков, Ваулка Васуев… Юрин, Канидко да Васка Овтомов, Чечако да… Товарко Таликин, Тидрако да… да Березовского ж уезду Естыльской [волости] ясачные ж остяки Гришка Медиков, Салко Татачнев, Манка Унтин сын… Пурчимовы, Шанга Вирчиков сын, Салчик… Данко Мугиев и во всех товарищов своих Березовского уезду сосвинских и естыльских ясачных остяков место.

С прошлого, государь, со 139-го года и по нынешней по 151-й год пришла на нас, сирот твоих, нужа великая: от больших вод рыбново промыслу у нас в волостех во всех не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой. И многие Сосвинские и Естыльские волости остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промышлять для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех сами мы, сироты твои, белку промышливали и твой государев ясак выплачивали. А со 149-го году промыслов у нас своих не стало, потому што белка неведомо куды сошла, а иных зверей в наших угодьях мало ж. И от нужи великие мы, сироты твои, обнищали и обдолжали, з женишками и з детишками и з голоду в конец погибли.

Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, для нашие великие голодные нужи: вели, государь, нам дати в ясаке срок до 152-го году; и вели, государь, нам дати для голоду из своей государевой казны в цену муки, колько тебе, милосердый государь, Бог известит, чтоб мы, сироты твои государевы, з женишками и з детишками з голоду в конец не погибли и вперед твоего государева ясаку не отбыли.

Государь, царь, смилуйся, пожалуй.

На л. 235 об. — отметка о подаче: 152 г. декабря в 6 день подал березовской… Ивашко Мещеряков.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 235–243.

№ 6

1643 г., не ранее ноября 28. — **Отписка тобольских воевод в Москву о строительстве кочей в Тюмени и условиях плавания по Обской губе**

Государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичувсея Руси холопья твои Гришка Куракин, Михайло Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лунин челом бьют. В нынешнем государь во [7]152 [1644] году ноября в 22 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова и нам, холопем твоим, писано. Писал де к тебе ко государю из Мангазеи воевода князь Петр Ухтомской, что в прошлом де во [7]150 [1642] году августа в 18 день на море под Черными горами твои государевы кочи и его, князь Петров, и торговых и промышленных людей кочи ж погодою разбило, и твои государевы хлебные запасы, которые посланы были в Мангазею на твое государево жалованье служилым людям и ружником и оброчником, морскою водою розмыло, и его, князь Петровы запасы и торговых людей товары потонули. Да про теж твои государевы мангазейские хлебные запасы и про кочи и про воеводцкой и торговых и промышленных людей товары в Сибирском приказе мангазейский стрелец Васька Петров сказывал в роспросе. В прошлом де во [7]150 [1642] году на Мангазейском море у Черных гор розбило твоих государевых два коча с хлебными заасы да воеводцкий коч да торговых людей четыре коча, потому что на твоих де государевых кочах кормщиков и знатцов служилых людей в морском ходу не было. А они де, служилые люди, того морского ходу нихто не знали, а как бы де кормщики, которые море знали, были и твои де государевы кочи можно было уберечь и разбой бы мосркой не был для того где де те кочи розбило и ниже того была река Столбовая. И в тое де было реку только б хто знал уйти от погоды было мочно. А ониде, не знаючи тое реки, пробежали версты с три, а розведали де они тое реку после того морского розбою. А которых де твоих государевых хлебных запасов, что и осталось сыскали мехов с полтораста, и те де все водою розмыло, а иные песком занесло, потому что мешки с мукою все были гнилые, а иные мешки мыши перепортили, и в те де мешки водою муку песком наволокло. А находили де те мешки не в одном месте по кошкам на трех верстах. И те де достальные мешки воровская юрадцкая и пуровская и надымская самоядь себе розвозили. А только б де твои государевы запасы с мукою были в новых мехах и который бы де запас морем и выкинуло и те б де хлебные запасы собрать было мочно и истери б тем достальным запасом не было.

Потому де, государь, те твои государевы хлебные запасы в кочах и пропадают и на море их розбивает, что их из Тобольска поздно отпущают. А задержкаи мешкоба тем хлебным запасам учалабыть, потому что на Тюмени де кочи учали делать позно. В прошлом де во [7]150 [1642] году отпущены с твоею государевою рожью кочи с Тюмени после Троицына дни, а в Тоболеск пришли до Петрова дни за два или за три. Да ис тех де кочей в Тобольску рожь выгружали ден десять, а как выгрузили, и те де кочи им отдали и велели им на те кочи отдавать хлебные запасы свои нагружали то ж ден десять и больши. И той де мешкобы в Тобольску в выгруске и опять в нагруживанье простою было недели с три. А кочи де перед старыми кочами учали делать больши двемя саженьми, а людей живет на кочах не помногу человек по десяти и по пятинатцати, а больши де того не живет, а гулящих людей для грузу приимать не велят, а только б де те кочи на Тюмени делали зимою ранее и делали б ис сухово лесу и поспевали те кочи к полой воде и отпущали их в те ж поры, как с Верхотурья и ис Туринсково и с Тюмени отпущают лодьи с хлебные запасы по первой полой воде, и те б кочи приходили в Тоболеск ранее и отпущать их учали тож ранее. А как де твои государевы хлебные запасы ис Тобольска воеводы князь Петр Пронской с товарищи учали с ними за море в Мангазею отпущать, и они де, служилые люди, воеводам князю Петру Пронскому с товарищи в те поры били челом, что ход учал быть позной и для б тово дали им знатцов и кормщиков, чтоб хто знал море, в погоду розбойные места, кошки и каменье обходить или где от погоды в реку уходить. И в Тобольску де воеводы князь Петр Пронской с товарищи в том им отказали и кормщиков и знатцов не дали, а сказали, что де иму таких людей не наимывать. И за тем де твоим государевым хлебным запасом и кочам на Мангазейском море погодою и розбой, а твоей государевой казне поруха учинилася.

А прежде того с такими твоими государевыми хлебными запасы ис Тобольска отпускали того ранее до Петрова дни и кончая с Петрова дни, и кормщиков и карбасы и якори и шеймы и вские судовые снасти давали добрые. И на море теми якори в погоде отстаивались и тем морем, как отпускивали ранним ходом, летним тишином до Мангазеи дохаживали здорово, и в том де твоей государевой казне была прибыль иим,

служилым людям, нужи и скудости и голоду не было. И ныне де в Мангазее за хлебными запасы их братья многие служилые люди и жены их и дети помрут з голоду, потому что в Мангазее де в твоей государевой казне хлебных запасов нет ни одной чети, а взять и купит негде, потому что торговых и промышленных людей кочи з запасы морем розбило ж. И только де по твоему государеву указу учнут вперед с Тюмени в кочах твои государевы хлебные запасы отпускати в Тоболеск по первой полой воде за льдом вскоре, и в Тобольску б верхних городов хлебных запасов не перевешивали и не выгруживали и за тем же весом из Тобольска в Мангазею без задержки отпущали, и в том бы де твоей государевой казне порухи и убыли, служилым людем нужи и скудости и голоду не было. А что де у тех хлебных запасов в Мангазее сверх той твоей государевой меры хотя и привес будет, и тот де привес в тех хлебных запасех будет в твоей государевой казне, а убыли в том твоей государевой казне никакой не будет же.

А делают де на Тюмени по вся годы только коча по два и те ис сырово лесу, а в иной год и по три, а больши де того не делывали. И у тех бы де кочей быть у плотников в приставех им мангазейским служилым людем, которых отпущают с твоими государевыми хлебными запасы в Мангазею, и те де служилые люди те кочи и утуги и седелки и вские крепости учнут делать для себя крепче и тверже. И мне б, холопу твоему, Гришке велеть отписать на Тюмень к воеводе, а велети б на Тюмени на кочевое дело лес готовить с осени после Семена дни вскоре, и те кочи велети б делать в Великой пост в добром и в сухомп лесу и подъемом прежних больши и крепче, и отпущати б те кочи с Тюмени в Тоболеск на весне по первой полой воде не замешкав за льдом вскоре, а ис Тобольска б те кочи с хлебными запасы отпущати в Мангазею также не испустя летного морского раннего доброго ходу, в кое время бывают на море тихие погоды, чтоб тех кочей с хлебными запасы для того раннего из Тобольска отпуску на море не розбивало и твоим бы государевым хлебным запасом порухи, а в Мангазее служилым людем и ружником и оброчником в хлебном жалованье скудости и твоей государеве всякой мяхкой рухледи и ясочному и десятинному збору недобору не было. А кормщиков, государь, и знатцов на море за теми твоими государевыми хлебными запасы посылать ли и перед прежним вприбавку якорей и шеем и всяких судовых снастей и в прибавку ж людей давать ли, и где тех кормщиков и знатцов имать и перед прежним по кольку человек и якорей и шеем и всяких варовых веревок в прибавку давать и о том нам, холопем твоим, в твоей государеве грамоте твоего государева указу не написано. А в нынешнем, государь, в [7]152 [1644] году до твоей государевой грамоты писал я, холоп твой, Гришка, на Тюмень к воеводе и Якову Колтовскому и после Якова Колтовского к писмяному голове к Григорию Семичеву, а велел им на Тюмени для мангазейского отпуску под твои государевы хлебные запасы к весне зделать четыре коча. А нам твоя государева грамота пришла, и я, холоп твой, Гришка той же час на Тюмень к писменому голове к Григорию Семичеву писал же, а велел я, холоп твой, Гришка на то на все кочевое дело лес готовить с осени вскоре и те кочи велел делати в великой пост в добром и сухом лесу и подъемом прежних больши. И с Тюмени те кочи отпускать в Тоболеск на весне по первой полой воде, не замешкав вскоре и у плотников в приставех у того кочевого дела велел быть мангазейским служилым людем, чтоб они те кочи и утуги и седелки и вские кочевые крепости делали крепче и тверже.

И в нынешнем же, государь, во[7]152 [1644] году ноября ж в 26 день да и наперед того многи ж да писал к нам, холопам твоим, с Тюмени писмяной голова Григорий Семичев, что до [7]150 [1642] де году делывали на Тюмени кочи по осьми сажень, а давали от дела по тридцати по осьми рублев. А во [7]150 [1642] де и во [7]151 [1643] году делали кочи большие по десяти сажень, а давали им от дела по сороку по три рубли и к тем де деньгам вприбавку займуючи они, кочевщики, деньги, делали кочи и в том обдолжали и обнищали и сидят де те кочевые плотники в съезжей избе, а денег на кочевое дело по сороку по три рубли не емлют и лесу на кочевое дело не готовят и он де, Григорий, в том кочевом деле по кочевых плотниках по Микифорке Мануилове с товарищи велел поручные записи доправить, и те четыре коча к весне совсем изготовить и с павоски против прежних тобольских отписок. И кочевые де плотники Микифорко Мануйлов с товарищи стоят на правеже, а с правежу сажает их в тюрьму, потому что поруки де по них нет, и денег на то кочевое дело не емлют, потому что де им, плотникам, в ту цену тех кочей не зделать. И о кочевых, государь, кормщиках о знатцах и о прибавочных людях и о якорях и о всяких судовых снастях и о наемных прибавочных деньгах вели нам, холопам своим, свой государев указ учинить.

РГАДА Ф. 214. Стб. 123. Л. 60–68.

№ 7

1644 г., не ранее мая 21. — **Фрагмент отписки тобольского воеводы князя Г. С. Куракина в Москву о поездке обдорского князца Молика Мамрукова в Надым**

<...> В нынешнем де во 152 [1644] году по первому зимнему пути посылал ево, Молика, с Обдори ясашной зборщик березовской сын боярской Федор Игнатьев на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоядь. И наехал де он, Молик, в Надыме обдорсково самоядина роду Ивасиды Сензехома, Сендомина брата. И сказывал де ему тот самоядин Сензехом, что в прошлом во 151 [1643] и в нынешнем во 152 [1644] году осенью по полой воде ловил он рыбу на реке на Тазу ниже Мангазейсково города во днище. И осенью де п [край документа оборван] посыланы были из Тазовсково города служилые люди в лотках на низ по реке по Тазу смотреть с моря кочей, которые кочи пошли в Мангазею из Сибири в прошлом во 151 [1643] году. И ждали де кочей до заморозу, и кочи де в Мангазею и в Таз реку не бывали. И тот де самоядин Сензехом поехал на оленях с реки Таз к своему роду к самояди ж и наехал де он самоядина своего ж роду имянем Кырпу, Ямова брата. И тот де Кырпа сказывал ему, Сензехому, что видел он в Тазовской губе в нынешнем во 152 [1644] году по первому зимнему пути у Пуровсково острову коч розбитой, да у коча две бочки полны вина, и того де он вина не имал, а руских людей у коча не видал никово. Да тот же де самоядин Кырпа сказывал ему, Сензехому: слышал он от иной самояди же, что на том коче ехал в Мангазею дьяк Григорей Теряев, и с тово де коча руские люди пошли пеши зимним путем в Мангазею, а иные де кочи рознесло без вести.

Да после де его, Молика, приезжал самоядин Кырпа в Надым же. И тот самоядин Кырпа, Ямов брат, которой про то сказывал самояди Сензехому, и в Надыме сказывал он, Кырпа, те ж речи Обдорские волости надымским остяком Тынину Нюптееву да Небаху Ленгиеву.

И я, холоп твой, Гришка, писал на Березов к воеводе к Мелентью Квашнину, а велел ему про те кочи проведать подлинно, а проведав - отписать в Тоболеск тотчас. И з Березова воевода Мелентей Квашнин в Тоболеск ко мне, холопу твоему, Гришке маия по 21 число не писывал. А какову, государь, отписку воевода князь Петр Ухтомской в Тоболеск писал, и мы, холопи твои, тое отписку послали к тебе ко государю под сею отпискою.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 435–436.

№ 8

1651 г., не ранее февраля 5 – не позднее ноября 25. — **Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о замене князца Поско Хулеева на других аманатов**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 159-м году сентября в 10 день по твоему государеву указу посылал я, холоп твой, з Березова в Обдорскую волость для твоего государева ясачново збору березовского сына боярсково Алексея Иванова сына Лихачова, да с ним же был послан аманат Поско Хулеев. И велено ему, Алексею, из-за того аманата с самояди збирать твой государев ясак. А как он, Алексей, с самояди государев ясак зберет, велено ему, Алексею Лихачову, аманата Поска отпустить, а в его место взять в омонаты двух сынов ево. Да ему ж, Алексею, велено у той самояди взять в оманаты из роду по человеку лутчему или по два добровольно. А будет они самоядь аманатов добровольно из роду по человеку лутчему в оманаты не дадут, и ему, Алексею, велено их взять и в неволю.

И в нынешнем же, государь, во 159-м году февраля в 5 день приехал с Обдори сын боярской Алексей Лихачов, а с собою привез двух человек самояцких аманатов, лутчих людей: Поскова сына Хулеева Маулу да племянника ево Серпея. Да он же, Олексей, в съезжей избе мне, холопу твоему, подал доездную память, а в доездной ево памяти написано: будучи де он, Алексей, на Обдори, карачейскую самоядь в твой государев

городок призывал, и самояцкие де лутчие князцы в твой государев городок с ясаком сами не приезживали, потому что де оне истращаны, боятца поимки в оманаты. И Поско де в свое место посадил в оманаты сына своего да племянника. А после де того карачейская самоядь, князцы и лутчие люди, потому ж в городок ездить не почали и присылали де твой государев ясак к нему, Алексею, с ним, Поском Хулеевым, и с холопи своими. И ему де, Алексею, больши того в оманаты самояцких лутчих людей поимать было нельзе, потому что де та самоядь остереглись, оберегаются и живут де по розным местом и бегают по тундрам, и изымать де их в оманаты никакими мерами и обмануть нельзе.

И я, холоп твой, у него, Алексея, тех самояцких аманатов двух человек велел принять и посадить в тюрьму до твоего государева указу. А оманацково, государь, двора на Березове городе нет, а в тюрьме им, самояди, в оманатех сидеть добре скучно и нужно: тюрьмишко худая, нужная. И я, холоп твой, до твоего государева указу тех аманатов ныне велел держать за приставы у детей боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понедельно, чтоб им было не скучно и не нужно и чтоб их не остращать и не ожесточить. И вперед мне, холопу твоему, у самояди лутчих людей в оманаты имать велеть ли или нет? О том ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, мне, холопу своему, как укажешь.

На л. 452 об. отметка о подаче: 160 г. ноября в 25 день подал березовский сын боярской Первой Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 452–455.

№ 9

1652 г., не ранее февраля 8. — **Отписка березовского воеводы Я. Н. Лихарева в Москву о поимке аманатов из самоедов**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Янка Лихарев челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября в 17 день по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу посылал я, холоп твой з Березова в Обдорскую волость для твоего государева ясачного збору березовского сына боярсково Алексея Лихачова да с ним березовских служилых людей тритцать пять человек и велел ему, Алексею, с карачейской самояди збирать твой государев ясак на нынешний на 160-й год. А как он, Алексей, с карачейской самояди твой государев ясак зберет, и ему, Алексею, велено взять в оманаты лутчево князца Пося Хулеева да сверх тово ж ему, Алексею, велено взять в оманаты изо всяково роду по самому лутчему человеку добровольно. А будет они, самоядь, из роду по лутчему человеку добровольно в оманаты не дадутца, и ему, Алексею, с ратными з березовскими служилыми людьми велено взять в оманаты из роду по лутчему человеку и в неволю.

И в нынешнем же, государь, во 160-м году февраля в 8 день приехал с Обдори на Березов сын боярской Алексей Лихачов з березовскими служилыми людьми, а с собою привез четырех человек самояцких аманатов, самых лутчих князцов: Большие карачейские земли князца лутчево Пося Хулеева – тово, которой преж сево вырезався ис тюрьмы, з города Брезова с товарыщи своими побежал – да сына ево княз Мугалея, да тово ж Большово карачейсково роду князца Шигово Нынкова сына, да обдорской и карачейской же самояди лутчево самоядина Обчина Татова сына. И я, холоп твой, у нево, Алексея Лихачова, те самояцкие аманаты Большие карачейские земли самово лутчево князца Пося Хулеева, да сына ево княз Мугалея, да князца ж Шигова Нынкова, да лутчево самоядина Обчина Татова велел принять и приставил к ним, самояцким аманатом, караульщиков березовских служилых людей. И велел им тех самояцких аманатов беречь и караулить накрепко с великим береженьем днем и ночью, чтоб, государь, они, самояцкие аманаты, за их береженьем не ушли и над собою и над служилыми людьми какова дурна не учинили. А корм им велел учинить, что им пить и есть, ис твоей государевой казны и велел их поить и кормить довольно, чтоб те аманаты, лутчие князцы, ничем твоею государевою милостию скудны не были.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 13–14.

№ 10

1652 г., февраля 16. — **Челобитная остяков Березовского уезда (в том числе, Надымского городка) об освобождении князца Пося Хулеева и других аманатов, захваченных у карачейских самоедов**

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Обдорской волости и иных волостей ясашные остяки князец Моличко Мамруков з братьями да Надымсково городка Тынина Нюптеев, Смагинко Щеголков с товарыщи и во всех Обдорской волости и Надымсково городка и иных волостей ясашных остяков место.

В прошлом, государь, во 158 [1650] году твой государев воевода Михайла Лодыженской поймал оманаты, карачейской самояди трех человек, и писал з Березова к тебе ко государю к Москве ложно, будто он сыскал из-за тех аманатов той самояди вновь в ясак больши двух тысяч человек. А той, государь, карачейской самояди всех и с началу не бывало двух тысяч человек и нынеча нет ни осми сот человек - и худых и добрых. А которая, государь, самоядь есть, и та самоядь и без аманатов твой государев ясак платили по вся годы и тебе, государю, служили.

А мы, сироты твои, ясашные остяки, все князцы и рядовые остяки, служили тебе государю верою и правдою и твой государев ясак платили ж по вся годы без недобору. А покупали мы, сироты твои, тот твой государев ясак у той карачейской самояди. А как твой государев воевода Михайло Лодыженской в прошлом во 158 [1650] году тое самоядь в оманаты взял и их самоядь всю изубытчил и остращал, чево в предках не бывало при прежних государех, и они, карачейская самоядь, били челом тебе великому государю, а твоему государеву воеводе Михайлу Лодыженскому, чтоб он, Михайло, их, самоядь, отпустил, и клали в твою государеву казну для своево отпуску сверх своего ясаку рухлядь многую - соболи добрые и лисицы и бобры - через силу истоща и испродав себя, для того чтоб им, самояди, в оманатах в тюрьме сидя и в нуже не быть. Потому как твой государев Березов город поставлен и они, самоядь, вам, великим государем, служили и прямили и ваш государев ясак сполна платили по вся годы и без аманатов, а в оскорбленьи и нужи они не бывали.

И твой государев воевода Михайло Лодыженской послал тое самояцкую рухлядь к тебе ко государю к Москве ложно, опрочь иной березовской ясашной казны, умысля с березовским казаком с Васильем Кокоулиным. А писал он, Михайло, что будто та рухлядь взята вновь сверх старого ясаку из-за аманатов добровольно. И то, государь, он, Михайло Лодыженской, писал к тебе, государю, умысля, затеяв ложно, потому что впредь твоего государева ясаку с той карачейской самояди не станет збиратца перед прежними годы и четвертой доли.

И ныне по твоему государеву указу, по его Михайловы ложной отписке, прислана на Березов твоя государева грамота к твоему государеву стольнику и воеводе к Якову Никитичю Лихареву, а велено той карачейской самояди аманатом и впредь быть. И твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев в нынешнем во 160 [1652] году с Березова города посылал сына боярскова Алексея Иванова сына Лихачева с ратными людьми. А велел твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев ему, Алексею Лихачеву, с ратными людьми перехватать в оманаты самых лутчих людей, князцов, и велел ему, Алексею, тех лутчих князцов аманатов привесть к себе на Березов город. И по его, Якова Никитича, веленью он, Алексей, с ратными людьми перехватал карачейской самояди в оманаты лутчих людей самых, князцов четырех человек, Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарищи. И ныне те самояцкие лутчие князцы аманаты на Березове городе сидят за крепкими караулы.

А та, государь, самоядь люди дикие, живут около моря, перезжаючи с места на место. А преж, государь, сего при прежних государех, как и Березов город поставлен, самояди в аманаты не имывали, а платили та самоядь ваш государев ясак по вся годы, приезжаючи в Березовский уезд в Обдорской городок. А ныне та самоядь, бояся поимки, в Обдорской городок не ездят и остереглися и живут все по тундрам, переезжаючи по крепким местам.

А мы, сироты твои, все ясашные остяки, розных волостей князцы и рядовые все остяки, для тех аманатов в конец погибли и впредь надеятца им не на што, твоего государева ясаку платить нечем, мяхкой рухляди купить стало не у ково, потому что та карачейская самоядь вся страха ради, бояся поимки в аманаты, испужався, от Березовского уезду отъехала вся в Мангазею и в крепкие места заехали далеко к морю, потому что на тое самоядь в прежних годех аманатов не бывало. А сами мы, сироты твои государевы, князцы и все

ясашные остяки - люди беспромышленные и угодья от нас всякие удалели; без той карачейской самояди нам, сиротам твоим, промышлять и платить твоево государева ясаку впредь нечем и взять негде.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, сирот своих бедных, вели, государь, свой государев милостивой указ учинить: своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичу Лихареву против прежних лет, как в предках было истари при прежних великих государех, как и Березов город поставлен, вели, государь, тех самояцких аманатов князцов Большие Карачейские земли лутчево князца Пося Хулеева с товарыщи четырех человек з Березова своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичу Лихареву отпустить. А твой государев ясак они, самоядь, будут платить по прежнему и с прибавкою, и чтоб твоею государевою милостию мы, сироты твои, в конец не погибли и твоего б государева ясаку не отбыть. И вели, государь, про тех самоецких аманатов роспрошать вправду накрепко и обыскать всем Березовым городом, детьми боярскими и атаманы и всяких чинов служилыми людьми накрепко, и всего Березовского уезду всех твоих государевых ясашных волостей остяков и всяких служилых людей и князцов всех про то, что впредь самояцких аманатов имать ли в аманаты на Березов город или не имать, чтоб впредь твоему государеву делу было постоятельно и твоей государеве ясашной казне была прибыль, а не убыль. А мы, сироты твои, тебе государю служим верою и правдою и твой государев ясак по вся годы платим весь сполна без недобору. Царь, государь, смилуйся.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 15–18.

№ 11

1652 г., мая 26. — **Челобитная князца рода Большие Карачеи Пося Хулеева с просьбой не брать у самоедов аманатов и обещанием платить ясак**

<...> Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии бьют челом сироты твои государевы Березовского уезду Большие Карачейские земли самоядь князец Поско Хулеев с товарищи. С прошлых, государь, лет, как и Березов город стал, приезжая на Обдор, платили мы, сироты твои, прежнем государем царем и блаженные памяти отцу твоему государеву, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, ясак по вся годы на Обдоре не по окладу. И в прошлых же, государь, во 149 [1641] и во 150 [1642] годех заворовала пустозерская самоядь на Камени, твою государеву ясачную казну погромила и розвезла по себе, а мы, сироты твои, карачейская самоядь в том воровстве на Камени с ними, пустозерскою самоядью не были, и твоей государевой казны не громили. И по твоему государеву указу, как велено та твоя государева ясачная казна сыскивать, и мы, сироты твои, служа тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, тое пустозерскую самоядь окупали и за твою государеву погромную казну на Обдори березовским ясачным сборщиком платили соболми и бобрами и оленями. Да мы ж, сироты твои, за твои государевы хлебные запасы и за соль, которые хлебные запасы и соль самоядь на морском розбое розвозила в прошлом во 150 [1642] году, и в прошлом же во 157 [1649] году на Обдори ясачному сборщику березовскому сыну боярскому Родиону Лихачеву против твоей государевой указной цены заплатили все сполна.

А в оманаты нас, сирот твоих, никоторого роду самояди [фрагмент текста утрачен] не имывали, как и твой государев Березов город ставлен. <...> И в прошлом, государь, во 158 [1650] году по приказу твоего государева воеводы Михайла Лодыженского на Обдори березовские ясачные сборщики казаки Васька Кокоулин с товарищи, призвав нас в твою государеву избу к твоему государеву милостивому к нам жалованью, и переимали нас, сирот твоих, в оманаты в твоей государеве избе трех человек. И как привезли нас, сирот твоих, на Березов, и твой государев воевода Михайло Лодыженской засадил нас, сирот твоих, в тюрьму пустую и поморил было нас голодною смертью безвинно. И послыша государь то, иных родов самоядь в Обдорскую волость с ясачным платежом не почала ездить, бояся поимки, и отъехала в Монгазейской уезд, и с монгазейскими, государь, уездными людьми в леших промыслех почали у них быть меж себя драки большие

и друг друга побивают до смерти, и в том твоей государеве ясачной казне чинится убыль великая и меж землею ссора большая.

И мы, сироты, сидячи в тюрьме и не стерпя великие нужи и бедности, тюрьму подрезали и под стену подкопались и из тюрьмы побежали в свои юрты. И твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев за нами посылал ратных людей в погоню и меня, сироту твоего, Большие Карачейские земли князца Поска поимали, а товарищи, государь, мои убежали. И в нынешнем, государь, во 160 [1652] году твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев посылал с Березова города сына боярского Алексея Лихачева с ратными людьми и велел нас, сирот твоих, ему Алексею Лихачеву с ратными людьми перехватать самых лутших людей князцов. И по его, государь, Якова Никитича веленью сын боярской Алексей Лихачев с ратными людьми нас, сирот твоих, перехватал самых лутших людей Большие Карачейские земли князцов четырех человек, меня князца Поско Хулеева с товарищи. И привезли нас на Березов город и ныне мы, сироты твои государевы, на Березове городе сидим за крепкими караулы день и ночь. А мы, сироты твои, вашею государскою милостью преж сего ни в какой нуже и в оскорбленье не бывали.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии, пожалуй нас, сирот своих: вели, государь, своему государеву стольнику и воеводе Якову Никитичу Лихареву нам, сиротам твоим, свой государев милостивый указ учинить, а нас бедных из оманатов отпустить в свое юртишко против прежних лет, как исстари бывало, чтоб, государь, теми оманаты в земле нашей промеж нами большой смуты не было. А и преж, государь, сего нас, сирот твоих, по 158 год в оманаты не имывали, как и город Березов стал, а твой государев ясак мы, сироты твои, плачивали по вся годы и без аманатов. А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно и в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а твой государев ясак учнем мы сироты твои платить, приезжая на Обдор, по вся годы против прежнего и с прибылью. А наши, государь, житишка и кочевные юртишка, где мы, сироты твои, кочуем и живем, от города от Березова больше двух тысяч верст и чтоб нам, сиротам твоим, твоею государевою милостью от тое аманатские поимки вконец не погибнуть и врознь не розбрестись и юртишек своих и промыслов не отбыть. Царь, государь, смилуйся.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч.1. Л. 9–11.

№ 12

1652 г., апреля 5. — **Царская грамота из Москвы в Березов об аманатах из карачейских самоедов**

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь на Березов воеводе нашему Григорью Васильевичю Волкову. В нынешнем во 160-м году писал к нам з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: послал он з Березова в Обдорскую волость для нашего ясачного збору березовского сына боярского Алексея Лихачова, да с ним же был послан аманат Поско Хулеев. А велено ему, Алексею, из-за того аманата с самояди збирать наш ясак. А как он, Алексей, с самояди наш ясак зберет, и ему, Алексею, велено аманата Поска отпустить, а в ево место взять в аманаты двух сынов ево. Да ему ж, Алексею, велено у той самояди взять добровольно в оманаты из роду по человеку лутчему или по два. А будет они, самоядь, добровольно из роду по человеку в оманаты не дадут, и ему, Олексею, велено их взять в неволю.

И Олексей Лихачов приехал с Обдори на Березов, а с собою привез дву человек самоядцких аманатов лутчих людей, Поскова сына Хулеева Маулу да племянника ево Серпея, да подал ему, Якову, в съезжей избе доездную память, а в доездной ево памяти написано: будучи де он, Олексей, на Обдори, карачейскую самоядь в городок призывал, и самоядцкие де лутчие князцы в наш городок с нашим ясаком сами не приезжали, потому что они истращаны, боятца поимки. И Поско де в свое место посадил в оманаты сына своево да племянника. А после де того карачейская самоядь, князцы и лутчие люди, потому ж в городок ездить не почали и присылали де наш ясак к нему, Алексею, с ним, Поском Хулеевым и с холопи своими. И ему де, Олексею, больши того в оманаты самоядцких лутчих людей поимать было нельзе, что де та самоядь остереглись и живут по розным местам и бегают по тундрам, а изымать де их в оманаты никакими мерами и обмануть нельзе. И Яков тех самоядцких аманатов дву человек велел принять и держать на Березове до нашего указу за приставы у детей

боярских и у атаманов и у казаков помесечно и понедельно, потому что на Березове аманатцкого двора нет, а в тюрьме им сидеть скучно и нужно, что им за приставы сидеть было не скучно и не нужно.

И как к тебе ся наша грамота придет и ты б по прежнему нашему указу к той карачейской самояди посылал з Березова служилых людей добрых и велел их уговаривать преж ласкою и приветом, чтоб у них аманатов взять из роду по человеку или по два, лутчих людей. А будет они самоядь в оманаты добровольно из роду лутчих людей по человеку или по два не дадут, и у них бы взять и поневоле, как будет мочно и смотря по тамошнему делу, чтоб тое карачейскую самоядь однолично от воровства унять и аманатами укрепить и наш ясак имать. А о аманатцком дворе наш указ к тебе послан наперед сево.

Писан на Москве лета 7160 г. апреля в 5 день.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 390–392. Черновой отпуск.

№ 13

1652 г., не ранее июня 15. — **Из докладной выписки Сибирского приказа о самоедских аманатах Обдорской волости**

В нынешнем во 160-м году ноября в 25 день писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии из Сибири з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: во прошлом де во 159-м году февраля в 10 день приезжали де из Обдорские волости ясачные остяки Моличко Мамруков с товарыщи да самоядин Поско Хулеев и били де челом государю он, Моличко Мамруков с товарыщи да самоядин Поско Хулеев, словесно, а сказали: как де на Обдори поимали самоядь лутчих людей в оманаты, и послыша та ж карачейская самоядь роду Евасиды, из Березовского уезду отъехала в Мангазейской уезд человек с пятьдесят и больши. Да и брат де ево Посев родной большой Хена с многими ж людьми отъехал в Мангазейской же уезд, и почали де государю ясак платить в Мангазею, а на Обдор де та самоядь почала не ездить и государю ясаку на Обдори з Березову городу не платить. А иная де самоядь бегает и хоронитца по крепким местом и по тундрам и живут де остерегательно и на Обдор к городку и к избе и блиско не подъезжают. А изымать де их в оманаты и обмануть отнюдь нельзе, потому что де та самоядь остереглись и живут де остерегательно и бережно, блюдутца де поимки в оманаты. И только де впредь на Березове городе с самояди ясаку будет недобор, а карачейская де самоядь князец лутчей человек Поско Хулеев с товарыщи и обдорские остяки все, князец Молик с товарыщи, и березовские дети боярские и атаманы и всякие служилые люди бьют челом государю, чтоб впредь на Березове городе самояди в оманатех не быть и чтоб самоядцов с остяками и со всею остяцкою землею не ссорить и не отогнать от Березова города, потому де – они, самоядцы, люди дикие, вольные, как де и город Березов поставлен, и они де, самоядцы, на Березове городе в оманатех не бывали, а ясак де плачивали ежегодь. И о том, что государь укажет: быть ли аманатом на Березове городе или нет.

Да в нынешнем же во 160-м году июня в 15 день писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии из Сибири з Березова стольник и воевода Яков Лихарев: в нынешнем де во 160-м году посылал он з Березова в Березовской уезд в Обдорскую волость для ясачного збору и для поимки самоятцких аманатов князцов березовского сына боярского Алексея Лихачова с товарыщи. А велел он ему, Алексею с товарыщи, имать в оманаты самоятцких лутчих князцов. И в нынешнем же де во 160-м году февраля в 7 день приехали с Обдори на Березов ясачные зборщики березовской сын боярской Алексей Лихачов с товарыщи, а с собою привезли самоятцких аманатов лутчих князцов Пося Хулеева с товарыщи четырех человек.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 486–488.

№ 14

1654 г., не ранее февраля 21.— **Фрагмент из документов сыска П. С. Коптева о злоупотреблениях пустозерского воеводы И. П. Лошакова**

<...> Да сыщик же Прокофей Коптев прислал за своею и обыскных людей руками про самоядь про Хаску Хулеева с товарыщи и про Ивана Лошакова обыски.

И против челобитных карачейские ясачные самояди Хенки да Поска Хулеевых да Немчинка Пидирисова с товарыщи из тех обысков выписано на перечень.

В челобитной Хенки да Поска Хулеевых да Немчинка Пидирисова с товарыщи написано:

В прошлом де во 160-м [1652] году послали они мимо Пустозеро ко государю к Москве бити челом о своих нужах карачейского самоядина Хаску Хулеева с товарыщи 5 человек. А с ними послали ко государю поминков 50 соболей добрых одинцов, по их самоядцкой цене в 300 рублев; 100 соболей в 200 рублев; 30 бобров чорных да шубу бобровую, шита из 12 бобров, цена 120 рублев; 30 песцов чорных да шубу песцовую, шита из 20 песцов, цена 20 рублев; 30 песцов белых, цена 60 рублев; 2 зуба рыбьи, весом 35 фунтов, цена 20 рублев.

И как де они, Хаска с товарыщи, приехали с тою государевою казною в Пустозеро. И сведав у него, Хаски, тое государеву казну, воевода Иван Лошаков поимал ево, Хаску с товарыщи, и тое государеву казну у него, Хаски, взял. И ево, Хаску с товарыщем, повесил, а трех человек в тюрьму посадил, а государеву казну неведомо где дел. Да он же де, Иван, взял у Хаски животов ево, что везено для своей нужи: пансырь доброй, цена 20 рублев; 300 постелей оленьих, цена 60 рублев; 100 оленей, цена 70 рублев; 6 нюков постельных, цена 12 рублев; однорядку добрую, цена 10 рублев; котел большой, цена 5 рублев.

А Иван Лошаков сыщику Прокофью Коптеву в роспросе сказал: В прошлом де во 159 [1651] г. по государеву указу посылал он из Пустозерского острогу на тундру призывать самоядь з государевым ясаком и для вестей про приход воровской Карачейской самояди под Пустозерской острог целовальника Лучку Маркова да стрельцов Мишку Машигина да Олешку Лодмина с товарыщи. И они де, приехав с тундры, сказывали ему, Ивану, в съезжей избе: слышели де они на тундре от пустозерской самояди, что хотят воровская карачейская самоядь Поска с племянем своим быть под Пустозерской острог войною для обид пустозерского посадцкого человека Мокейка Безумова с товарыщи. И дали де ему целовальник и стрельцы в том скаску за своими руками.

А после де того били челом государю словесно пустозерцы посадцкие лутчие люди, что в прошлых де во 150-м [1642] и во 152-м [1644] годех воровская карачейская самоядь Хаска Карачеянин с племянем своим с Поскою да с Немчинком с товарыщи приходили войною под Пустозерский острог и их, пустозерцов, разоряли и над Божием милосердием наругались, образы кололи и людей мучили и государеву сибирскую казну громили; и от их де разоренья в Пустозерском остроге померло одной зимы с наготы и з голоду 370 человек. И о той де воровской самояди прислана в Пустозерский острог государева грамота, а велено тех воров имать и указ им чинить. И тот воровской самоядин Хаска, сведав про челобитье пустозерских посадцких людей, ушол из Пустозерского острогу на тундру.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 454. Л. 11–16.

№ 15

1656 г. — **Фрагмент опроса ясачных остяков Обдорской волости о выбывших из ясачного оклада за 1647–1655 годы**
(листы читаются в обратном порядке)

(Л. 75)

Обдорские волости ясачные остяки князцов Мамруков сын Ермак, Дурак Корзепов, Котал Чеумов, Пыстырко Чешков, Пайгимот... Чалду Елбоков, Езык Асипов, Конжепко Азимков, Тынина Нюптиев, Томол Тунаев, Шулко Селиков, Тайкур Сеницанин, Смагин Шеголдаев, Петка Нотов, Майдык Анотов и во всех товарищев своих Обдорские волости ясачных остяков место сказали по своей вере по шерти, на чем они

великому государю царю и государю царевичу шерть дали:

(Л. 72)

<...> В прошлом де во 157 [1649] году в Обдорской волости померли ясачные остяки Тайба Елбоков сын, Лыпщик Ленгиев, да убили самоядь: Кани Тунаев сын, Себа Сылделеев сын, Аткат Лебыков сын, Достош Колымсатов сын, Полящ Небахов сын, Чеур Елфимков сын — всего восемь человек.

(Л. 71–70)

<...> Да во 158 [1650] году в Обдорской волости приисканы вновь подростки [в ясак]: <...> Тыни Нюптиев брат, Тыни Нюптиев шурин <...> [всего перечислено 16 человек].

(Л. 70)

<...> В прошлом де во 159 [1651] году в Обдорской волости померли ясачные остяки <...> Тыни Нюптиев шурин, Тыни Нюптиев брат, всего четырнатцать человек.

(Л. 69)

<...> В прошлом де во 160 [1652] году в Обдорской волости померли <...> Да по государеву цареву и государя царевича указу на Березове за воровство вершены ясачные остяки Небах Ленгиев, Коскелдиев сын <...>

(Л. 69)

<...> Да во 163 [1653] году в Обдорской волости приисканы вновь подростки [в ясак]: Пехтыр Тынин брат <...> Кадыл Тынин брат <...> всего тритцать два человека.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 501. Л. 66–75.

№ 16

1656 г., не ранее декабря 26 – 1657 г., не позднее февраля 10. — **Отписка березовского воеводы С. А. Малова о разбитом в Обской губе коче и посылке казаков в Надым**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии холоп ваш Сережка Малово челом бьет. В нынешнем, государь, во 165 [1656] году послал я, холоп ваш, з Березова в Березовский уезд в Обдорскую волость для вашево государева ясачнова збору березовского казачья атамана Ивана Аргунова. И в нынешнем же, государь, во 165 [1657] году ноября в 26 день писал ко мне, холопу вашему, с Обдори атаман Иван Аргунов: приезжали де на Обдор к городку Карачейская самоядь князец Пось Хулеев и сказывал он, Пось, самоядцкому толмачю Проньке Пустозерцу: слышал де он, Пось, от карачейсково ж самоядина, что розбило де коч на море за Руским заворотом, а на коче де были многие руские люди. А того де они, самоядь, подлинно не ведают, из Монгазеи ли тот коч шел с вашею государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы. И тех де руских людей убила обдорская ясачная самоядь роду Адер Онтай с товарыщи трех человек, а достальные де руские люди побиты ль или живы того де он подлинно не ведает. А к нему де, Ивану, в Обдорский городок он, Пось, чтоб ево подлинно про то роспросить, сам не поехал и иной самояди не прислал.

И я, холоп ваш, писал з Березова к нему, Ивану, на Обдор, а велел ему, Ивану, для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю руских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были, и из Монгазеи ли они ехали с вашею государевою ясачною казною или в Монгазею с хлебными запасы, и есть ли хто тех руских людей живых или они все побиты. И декабря, государи, в 26 числе писал ко мне с Обдори атаман Иван Аргунов на Березов, что посылал де он, Иван, для проведыванья того коча в Надым к морю березовских служилых людей Федьку Пустозерца да Гришку Нестулцова. И приехав де они, Федька и Гришка, из Надыми ему, Ивану, сказали: приезжали де к ним в Надым два монгазейские самоядина и в роспросе де им, Федьке и Гришке, сказали: которой де коч в прошлом 164 [1655] году отпущен был из Монгазеи с вашею государевою казною, а на том де коче был монгазейской сотник Дементей Тишков с служилыми людьми, и они де за болшими ветрами за море не попали и воротились назад в Монгазею и до Монгазеи де доехали здорово. Да он же, Иван, писал ко мне: после де тово приезжала к Обдорскому городку на реку на Пулуй многая Карачейская самоядь с ясачным платежем. И он де, Иван, к той самояди

посылал самоядцково толмача Проньку Пустозерца и служилых людей и обдорских остяков и велел их с вашим государевым ясаком призывать в городок, чтоб они ваш государев ясак платили в городке. И они де, самоядь, в городок с ясачным платежем не пошли и в том им отказали, что де им в городок итти нельзе для того, что де они заворовали и видели де они на море на кошке стоит коч, а в том де коче бочка с солью, а ино людей в нем ничево нет. И убили де они самоядь роду Адеров, гуляючи околь моря, с тово коча руских людей два человека. И против де тово коча нашли срублену рускую избушку и край моря на дороге семь нарт, только де они в той избе и у нарт руских людей не видали. И сказали де им те речи, ваш государев ясак пометали на реке на Пулуе на лед и сами де они, самоядь, и розъехались. А поимать де было ему, Ивану, их, самоядь, или иной какой промысел учинить было над ними немочно, потому что де их, самояди, приехало людно и к городку де блиско не едут.

И то, государи, знатно, что тот коч послан был ис Тобольска в Монгазею с вашими государевыми хлебными и всякими запасы. И как, государи, на море тот коч розбило, и тех служилых людей та Карачейская самоядь всех побила, а ваши государевы хлебные и всякие запасы по себе розвозила. А в зимнее, государи, время тое Карачейские самояди сыскать немочно, потому что они, самоядь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Березовского уезду в дальных местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. А естли вы, государи, изволите для сыску тое самояди служилых людей послать, и тое самоядь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоядь воровала ж: многие ваши государевы казны на Камени грабила и руских людей побивала ж. И по тое самоядь посылали сыскивать на море в кочах в летнее ж время. И о том ты государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и государь царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии мне, холопу своему, как укажете.

На л. 10 об. помета: 165 [1656] г. февраля в 10 день подал березовский казак Васька Котельников.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13.

№ 17

1657 г., марта 1. – **Грамота из Москвы березовскому воеводе И. М. Милюкову о поимке карачейских самоедов, подозреваемых в нападении на коч**

От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь на Березов воеводе нашему Ивану Матвеевичю Милюкову. Писал к нам из Сибири з Березова прежней наш воевода Сергей Малово: В нынешнем де во 165 [1656] году ноября в 27 день писал к нему, Сергею, с Обдори обдорской ясачной зборщик березовской атаман Иван Аргунов. Приезжали де на Обдор к городку карачейская самоядь князец Поско Хулеев и сказывал самоядцкому толмачю Проньке Пустозерцу: слышал де он, Поско, от карачейсково ж самоядина, что розбило на море за Руским заворотом коч, а на коче были многие руские люди. А того де они, самоядцы, подлинно не ведают, из Монгазеи ли тот коч шел с нашею ясачною казною или из Тобольска в Монгазею с нашими хлебными запасы. И тех де руских людей трех человек убила обдорская ясачная самоядь роду Адер Онтай с товарыщи, а достальные де руские люди побиты ли или живы – того де он, Поско, подлинно не ведает. А сам де он, Поско, к нему, Ивану, в Обдорский городок для подлинного роспросу не пришел и самояди никого не прислал.

И он де, Сергей, писал з Березова на Обдор к нему, Ивану, а велел для подлинново ведома послать с Обдори в Надым к морю руских служилых людей и обдорских ясачных остяков, где тот коч розбило и какие люди на том коче были, из Монгазеи ли они ехали с нашею ясачною казною или в Монгазею из Тобольска с нашими хлебными запасы, и есть ли хто тех руских людей живых или они все побиты. И Иван де Аргунов писал к нему, Сергею, на Березов с Обдори, что посылал де он к морю в Надым для проведыванья того коча березовских служилых людей Федьку Пустозерца, Гришку Нестулцова. А приехав они, Федька и Гришка, из Надыму ему,

Ивану, сказали: приезжали де к ним в Надым два человека монгазейские самояди, а в роспросе им, Федьке и Гришке, сказали: в прошлом де во 164[1655] году отпущен был из Мангазеи с нашею ясачною казною на коче мангазейской сотник стрелецкой Дементий Тишков с служилыми людьми. И за большими де ветрами за море они не прошли, воротились назад в Монгазею и до Мангазеи доехали здорово. А к Обдорскому де городку на реку на Пулуй приезжали многая карачейская самоядь с нашим ясаком, а в городок де Обдорской та самоядь не пошли, а сказали: Видели де они на море на кошке стоит коч, а в том коче стоит бочка с солью, иного в нем нет ничево, избили де самоядцы роду Адеров, гуляючи около моря, с того коча руских людей дву человек. Да против же того коча нашли они на край моря на дороге рускую избу да семь нарт, только де они в той избе и у нарт руских людей не видали. И для де того, что они заворовали, в городок Обдорской итти не смеют. А сказав де им про то, наш ясак пометали на реку на Пулуе на лед, а сами розъехались А поимать де было их, самоядцов, некем, потому что их было много. И то де знатно, что тот коч послан был из Тобольска в Мангазею с нашими хлебными и со всякими запасы. А как де тот коч на море розбило, и тех служилых людей та карачейская самоядь всех побила, а наши хлебные и всякие запасы по себе розвозила.

И той де карачейской самояди в зимнее время сыскать не мочно, потому что де они люди кочевные, живут зимою, переходя на оленях в дальних местех к морю и по глухим местам и по тундрам. А в летнее де время тое самоядь на рыбных их ловлех на край моря сыскать будет мочно. И о том бы ему наш указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет, а тое будет карачейские самояди зимним временем сыскать их нельзя, и ты б летним временем, в которую пору тех воров мочно сыскать, послал з Березова из березовских служилых людей человека добра, кого пригож, кого б с то наше сыскное дело стало, да с ним служилых же людей, сколько человек пригож добрых же. И велеть тех воров карачейскую самоядь роду Адер Отая с товарыщи и иных, которые наших служилых людей побили и хлебные наши запасы с наших кочей розвезли по себе, сыскивать с великим раденьем на рыбных ловлях у моря или где им ... А сыскав тое воровскую самоядь, привесть к себе на Березов и на Березове про то их воровство роспросить подлинно: каким обычаем они тех наших людей побили и сколько хлебные наши запасы пограбили и розвезли. И в том их велеть пытать. Да что они, самоядцы, учнут в роспросе и с пытки говорить, и ты те их роспросные и пыточные речи записав подлинно прислал и о том отписал к нам к Москве. А их, самоядцов, велел вкинуть в тюрьму до нашего указу. А отписку и роспросные и пыточные речи велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком нашим Григорью Протопопову да Федору Иванову.

Писан на Москве лета 7165 [1657] г. марта в 1 день.

Такова грамота послана за приписью дьяка Федора Иванова с тобольским сыном боярским Семеном Выходцовым.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 14–18. Копия XVII в.

№ 18

1662 г., не позднее ноября 20 – 1663 г., не ранее июля 2. — **Фрагмент розыскного дела о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова**

Фрагмент сыска воеводы А. П. Давыдова о подготовке восстания остяками Березовского уезда

<...> 171-го [1663] февраля в 27 день приехали на Березов березовские казаки Ивашко Михайлов Яковлев, Елфимко Курсин, а привезли с собою Карачейского лутчего самоядина Пося Хулеева. И воевода Алексей Петрович Давыдов велел того самоядина Пося про шатость и про измену допросить. И в допросе Карачейской самоядин Пося Хулеев сказал: в прошлом де во 170-м [1662] году призывали де их самоядь Пося и иную самоядь на город войною, город взять Березов и служилых людей побить, куновацкой остяк Жданко Горин присылал. И он де, Пося, такое дело его Жданка не послушал, и того лета в измене Пось отказал ему Жданку. Да и Ермак де Мамруков его, Пося, в прошлом во 170-м году в измену призывал на город, и Сыкля де Таеров призывал же. Да и всех де волостей остяки были на совете о измене город взять Березов, а служилых людей

побить. А съезд де о том изменном деле был, и съезжались те остяки в прошлом во 170-м году, изимою, на низу на Горине тундре, а имян де он, Пось, иным остякам не знает, только де он Анку Коцкого одного знает, тут же де был на совете с ними вместе. А в нынешнем де во 171-м году у всех де у них остяков Березовского уезду дума и шатость, измена, есть, хотят де город Березов взять и служилых людей побить, а он де, Пось, в измене и со своим родом самоядью отказал и с ними никакие думы не думает. И тот остяк Анка в съезжей избе для опознанки ставлен, и Пось Хулеев его Анку познал, что он Анка был тут с ними на совете в измене.

Февраля ж в 28 день обдорской остяк Смагин Щеголдаев пытан накрепко, а с пытки говорил и винился: есть де измена во всем Березовском уезде в остяках и в самояди [...] город Березов взять и служилых людей побить в нынешнем во 171-м [1663] году, зимою, с пустозерскою самоядью вместе. А пустозерская де самоядь в нынешнем во 171-м [1663] году, зимою, Пустозерской острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили. Да и в Монгазее де ясачных сборщиков, которые были в зимовье для ясачного сбору служилые люди, самоядь всех побила, и промышленных людей на промыслах в Монгазеи всех побили ж; а та де самоядь нынеча вся пустозерская и обдорская съезжаютца к Ярмаку Мамрукову, и хотят де нынеча зимним путем Березов город взять и служилых людей побить.

<...> И по указу великих государей и Соборному Уложенью, за ту вашу шатость и за измену воевода Алексей Петрович Давыдов велел вас, обдорских остяков Ермачка Мамрукова, Смагинка Шеголдаева; ляпинских Ивашка Лечманова, Илюшку Казакова; коцких Азяхматка Еронова, Телегу Сеутова, Колатнемка Мулина; куновацких Секлю Таерова; казымских Ахматка Ужделтыкова, Косарка Шетышева; белоярских Петкачейка Байлакова; сосвинских Ваську Колеванова; естильских Нюхрантойка Мондыкова, подгородных Аксушея Тонкова – повесить, чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать, на государское здоровье мыслить и шатость и измену заводить, и с изменники, с татары, воровскою мыслию ссылатца.

Дополнения к Актам историческим. Т. 4. СПб., 1851. № 26. С. 297–312.

№ 19

1668 г., не ранее февраля 13 – не позднее октября 7. — **Отписка пустозерского воеводы И. Неелова в Березов воеводе князю П. А. Гагарину о нападении карачейских самоедов и обдорских остяков на Пустозерский острог**

Господину князю Петру Афанасьевичу Иван Неелов челом бьет. В нынешнем во 176-м [1668] году по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и по грамоте велено с Колмогор послать в Пустоозерский острог голову стрелецкого, а с ним пятьсот человек стрельцов со всем строем, для приходу войною карачейской самояди и остяков на Пустоозерский острог. А как голова стрелецкой с стрельцами в Пустоозерский острог придут, и мне в Пустоозерском остроге от воровской самояди жить бережно и про приход проведывати и промысл над ними чинить по разсмотрению, чтоб их до Пустоозерского острога не допустить. А что учинится, и о том мне к великому государю отписать тотчас наскоро, и на Колмогоры и на Мезень к воеводам писать же. И наперед головы стрелецкого и пятисот стрельцов с иноземцом с Михайлом Колосовским прислано с Колмогор в Пустоозерской острог пятьдесят человек стрельцов.

И в нынешнем же во 176 [1668] году по осени, по зимнему пути, пустоозерской данной самоядин Вычко Елинин роду Тысяня подал мне в съезжей избе письмо березовских казаков, Сеньки Андреева с товарищи, о посылке на службу на пустоозерскую самоядь по челобитью остяков и о поимке самоядина Елини с детьми и с товарыщи, и извещал словесно: пришли де на них они, березовские служилые, в ночи 22 человека, да с ними роду Ванюта да Пурьяга 100 человек, да карачейская самоядь и остяки Гындычко Моликов с товарыщи, и побрали и перевязали пустоозерской самояди 30 человек, Елиню с товарыщи, больших и малых, и самоядок, со всеми их животами и с оленьми. А самоядина Тамзедейка Укова да мать его и сестру убили до смерти, а животы их пограбили, оленьего и песцового промыслу и морского взяли на пятьдесят рублев да сто оленей. И его де, Вычка, отпустили служилые с письмом в Пустоозерский острог, ограбя всего. Да с ними же де были карачейская самоядь Поско с детьми.

Да били челом великому государю пустоозерская ж самоядь, роду Лохей Хаска Гисев, да роду Тысыня Топка Лисов, Хаска Палчевого, Пизечко Хынин, Гавлица Ердин со всеми своими родниками: в прошлых де годех пустоозерская данная самоядь роду Пурьяга да роду Ванюта своровали, ушли за Югорский Камень, а в Пустоозерском остроге дани не платят, а их де побивают и грабят и приходят на них войною, сложася с карачейскою самоядью и с остяками. В прошлом де во 174-м [1666] году у него, Топки, самоядь с остяками сына его Талыки убили до смерти, наругаяся над ним, пересекли его натрое, и жену и сына его, и животы, две кости мамантовы, тридцать песцов рослых и юк ровдужной, два волка, пятнадцать постель, десять кровель, два чума, пятьдесят оленей, два невода да две однорядки взяли себе. А у Гизейка в том же году убили та ж самоядь с остяками сына Сюрчюйка и животы его и олени все пограбили, а другого сына Ядка с женою и с детьми взяли жива, и он, Ядка, у них ушел один, а жена и сын его и ныне у них, а животов его взяли двадцать оленей. А у Хаски Гисева остяк Гында убил родника его Аркадка самоядина до смерти, а тринадцать самоядинов родников его держал у себя в работе и всех их приморил с голоду. А самоядина Сазуйка Холкина убили до смерти ж. Да роду Волей самоядина Ломдека остяки ограбили, взяли у него двадцать оленей, и посадили его в […]в амбар и заморили до смерти, а брата его Поспелка взяли и ныне держат у себя в работе. И от того де их насильства и разорения они, пустоозерская самоядь, обедняли и осиротели, и промышлять на тундре не смеют, и дани платить им нечем.

Да в нынешнем же во 176-м [1668] году февраля в 20 день пришли под Пустоозерский острог с Оби Обдорского городка те ж остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков с обскими остяками, с ними ж карачейская самоядь Поско самоядин с розными родами, изгоном, со многими людьми, и руских людей нагонили на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоядина Хаску Палчевого и били, а после […] сына его и жену, и животы и олени все побрали себе, а его, Хаску, отпустили и стали на озере. И я посылал к ним самоядского данного целовальника Гараска Павлова да Стеньку Безумова и велел их уговаривать и призывать. И они в Пустоозерский острог призвали и, приехав, остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков подали мне от тебя отписку великого государя за печатью Березова города. И я уговаривал их всяко, чтоб они стояли смирно и руским людем пакости никакой не чинили. А руские люди, боясь от них по их изгонному и грабежному приезду на рыбные ловли руских людей, ни на какие промыслы из Пустоозерского острогу ходить не смели, сидели в осаде. А в отписке твоей писано: велети б мне пустоозерскую воровскую самоядь Паля Гусева с товарищи сыскать и выслать к Обдорскому городку, для миру с ними, обдорскими остяками. И к тебе о том велеть отписать с тем же, кто ко мне твою отписку привезет.

И того самоядина Паля Гусева в Пустоозерском остроге по данным книгам не сыскалось, а к иной самояди сыскивать и опознавать отпущал я в Пустоозерский уезд в тундру с пустоозерским посадским человеком с Лучкою Марковым, по выбору и излюбу остяков Гындычка Моликова, Ярлычка Дуракова, обского остяка, имя его остяково они, Гындычко и Ярлычко, ведают, а от Пустоозерского острогу безвестно без моей к тебе отписки бежать ныне не велел. И они, дождався остяка из Пустоозерского уезду с тундры, не взяв у меня к тебе отписки, уехали безвестно, а куды поехали, про то мне неведомо, и Поско самоядин с розными родами с ними ж. И по промыслам звериныя ловли кулемник и юрки у руских людей ломали и с […] песцы брали и повозили с собою.

И о том я их изгонном с твоею отпискою приезде и руских людей грабеже, и о безвестном без отписки отъезде и песцовом грабеже, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и по грамоте, к великому государю к Москве писал, и на Колмогоры к думному дворянину и воеводе к Ивану Ивановичу Чаадаеву да к дьяку к Тимофею Савлукову, и на Мезень к воеводе к Василью Самарину писал же. И в том для остяцкого и карачейской самояди войною изгонном приходу в Пустоозерский уезд, в подъеме и в прогонах колмогорских стрельцов, и в Пустоозерском остроге во всяких денежных доходах в недоборе, от остяцкого и карачейской самояди осадного сиденья, великого государя казне учинилась поруха и убыль великая. А как они, остяки Гындычко Моликов, Ярлычко Дураков да карачейской самоядин Поско с розными родами от Пустоозерского острогу поехал безвестно, не взяв к тебе от меня отписки, пустоозерского самоядина Адерка Лисова с женою и с детьми и со всеми животы и с оленями, поимав, повели с собою. И впредь в Пустоозеро похвалялись приходить воровски войною.

Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб., 1855. № 68-I. С. 375–377.

№ 20

1679 г., июня 24. — **Грамота из Сибирского приказа березовскому воеводе В. М. Гагарину о набеге «воровской самояди» из Надыма на Обдорский городок**

От царя и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь на Березов столнику нашему и воеводе князю Василью Михайловичю Гагарину.

В нынешнем во [7]187 [1679] году апреля в 12 день писал ты к нам, великому государю, что Березовского де уезду из Обдорского городка писал к тебе ясачной сборщик Ивашко Шахов про воровскую самоядь, про Маулку да про Игонку Посевых, что нам, великому государю, они изменили и с собою подозвали иных городов воровскую самоядь многих людей, болше четырех сот человек, и пришли в Обдорской городок войною, и Обдорской городок осадили, стояли шесть дней, и никого из Обдорского городка не вышущали, и в Обдорской городок стреляли, и многих остяков и самоядь ранили, и ясачных остяков, которые были в юртах, и на промыслех, и у рыбной ловли, убили двадцать три человека да дву человек самоядинов, и над ними наругались: носы и у рук персты резали, а жон их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон. Да Маулка ж говорил: пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей, князца Гынду Моликова с товарищи, убить и всех обдорских остяков разорить; и запасы, и платье, и топоры и ножи, и котлы, и что готовили в наш государев ясак у них рухлядь отняли. А которые де ясачные люди под городком остались, и те де, для нашего государева ясаку, на промыслы итти не смеют, бояся от тех воров убойства, а которая де самоядь приехали с Каменной стороны с ясаком, и они де потомуж ехать не смеют, бояся от тех воров убойства ж, потому что самоядь Маулка с товарыщи которые к их воровству не пристали ясачных людей вяжут и с собою возят, а иных бьют на смерть. И говорит де тот вор Маулка с товарыщи: которые де остяки и самоядь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей розорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют руских людей. И послал ты, выбрав березовских служилых людей, сына боярского да с ним двадцать человек казаков в Обдорской городок на выручку. И тот де вор Маулка и Игонка с товарыщи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуд пришли, с Мангазейской стороны из Надыма. И велел ты сыну боярскому и ясачному сборщику, собрався со всеми рускими и ясачными остяки, за теми ворами итти и поиск чинить. И обдорские де ясачные люди били челом нам, великому государю, что де им служилых людей за теми ворами поднять не на чом: которые де были у них в Обдорской волости олени, и те де олени вор Маулка с товарыщи, пограбя, увели с собою без остатку, и за теми де ворами руским людем и остяком без оленей пешим итти нелзя, потому что де те воры живут в далних местех, к морю, по рекам и по озерам. И обдорского князя Гынду Моликова, да с ним дву человек ясашных людей и челобитную их прислал к Москве, а в челобитной их написано: в прошлых годех деды и отцы тех изменников воровали, нашу государеву казну громили, и служилых людей побивали, и на Пусте озере руских людей многих поморили и побили и животы их розграбили, и ясачных людей сургуцких и казылских остяков побивали, и по вся годы их грабили, и олени отгоняли, а в нынешнем де во [7]187 [1679] году которая самоядь шла с нашим великого государя ясаком в Обдорской городок, и оне де, Маулка, с товарыщи, поймав их на дороге, вязали и с собою возили и нашего де великого государя ясаку платить не велели, а что де у них какова живота взяли и оленей отогнали, и тому под челобитною роспись. А в росписи их написано: взято у них, князя Гынды и у ясачных людей, денег, и рухляди, и оленей, и всяких их животов по цене на четыре тысячи на семь сот на тридцать на сем рублев на тридцать на один алтын на две денги. Да в нынешнем де во [7]187 [1679] году били челом нам, великому государю, Обдорского городка князь Гында ж Моликов и ясашные люди: служат де они нам, великому государю, и ясак платят изстари по вся годы на Березов, а в прошлых де годех до [7]185 [1677], до приезду в Тоболск боярина нашего и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарыщи, имали их с Березова в Тоболеск и спрашивают у них в Тоболску про ясачной сбор и про ясачных сборщиков, а у них де в Тоболску дел и никакого челобитья не бывало, и от тоболской де им волокиты чинились убытки болшие, и чтоб нам, великому государю, пожаловати, не велети их с Березова имати в Тоболеск, а будет де у них какие дела неболшие будут, и по тем делам велети бы им наш великого государя указ учинить на Березове, а для болших дел отпустить их к нам, великому государю, к Москве с Березова, чтоб им от того убытков и волокиты, а нашему великого государя ясачному сбору недобору не было, и от воровской самояди их оборонить, а в побитых остяках, и в пограбленых оленях, и животах наш великого государя указ им учинить.

И ныне мы, великий государь, указали: Про тое воровскую самоядь розведать подлинно, в которых местех они кочюют, а розведав, послать к ним служилых людей, сколко человек пристойно, и велеть их уговаривать, чтобы они от измены своей отстали, и в винах своих нам, великому государю, добили челом, и грабежные остяцкие животы и олени Березовского уезду Обдорского городка князцом и ясачным остяком отдали, и нам, великому государю, служили, и прямили, и во всем добра хотели, и жили, и ясак нам, великому государю, платили по прежнему. А мы, великий государь, пожалуем, велим вины их им отдать. А будет тое воровские самояди уговорить никоими мерами не мочно, или для уговору за чем послать к ним нелзя, и про них потомуж розведать всякими мерами подлинно, нет ли у них, воровской самояди, с иными какими иноземцы ссылки, а розведав, посылать на них с Березова березовских всяких чинов служилых людей да с ними Обдорских городков остяков, по сколку человек пристойно, высматривая и розведывая времяни накрепко, чтоб на них прийти во время и безвестно, и их смирить и под нашу великого государя царскую высокую руку в ясашной платеж привесть, а себя от них уберечь, и Остяцкие грабежные животы и олени сыскав, отдать обдорским князцом и ясачным остяком, у кого те животы и олени та воровская самоядь взяли. А как с Березова на воровскую самоядь березовским служилым людем посылки будут, а за посылками досталных березовских служилых людей на Березове будет мало, и на Березов а прибавку служилых людей, и пушек, и пороху, и свинцу, и хлебные запасы, и соль посылать в то время с тоболскими служилыми людми из Тоболска, сколко доведетца, смотря по тамошнему делу, чтоб от малолюдства на Березове, и в Мангазее, и на старом Мангазейском городище, и в уездех от иноземцов порухи какие не учинилось. А для тех посылок березовских служилых людей с Березова в Красноярской, для обереганья от воинских людей, не посылать из Томского. А Березовского уезду обдорского князя Гынду Моликово с товарыщи и ясачных людей, будет до них дел и их челобитья о чем не будет, с Березова в Тоболеск не имать, а наш великого государя указ не в болших делах учинить им по нашему великого государя указу на Березове, а для болших дел, будет они похотят, по их челобитью, отпускати их к нам, великому государю, к Москве, вместо провожатых березовских служилых людей, за нашею великого государя казною с Березова, и о том к нам, великому государю, писати, чтоб им, иноземцом, от тоболской волокиты убытков, а нашему великого государя ясачному сбору недобору не было.

И как к тебе ся наша великою государя грамота придет, и ты б учинил о том на Березове по сему нашему великого государя указу и по тоболским отпискам, и о том к нам, великому государю, писал, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину Родиону Матвеевичю Стрешневу, да думному нашему дворянину Богдану Федоровичю Полибипу, да дьяком нашим Лву Ермолаеву, Саве Таркову.

Писан на Москве лета 7187 [1679] июня в 24 день.

Дополнения к Актам историческим. Т.8. СПб., 1862. С. 166–168.

Приложение II

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Легенда 1. Примирение родов Пяков и Анагуричи

Около реки Воркута (впадает в Обскую губу в 85 км западнее устья реки Надым) есть место, где Анагуричи воевали с Пяками. Оно называется Ярото («Песчаное белое озеро»). Там, похоже, есть захоронение людей.

Приехали Пяки сватать девушку Анагуричи. Те не отдали. Началось между ними сражение. Было Пяков человек 50. Побили Пяков, уцелело несколько человек. Пяки стали умолять Анагуричи, чтобы их не убивали. В обмен на жизнь обещали выдать сестру в род Анагуричи. На этом сошлись. Пошли в сторону Ерудея. Около Ерудея стояла лиственница. На ней заруб от топора с двух сторон. Возле нее поклялись Пяки и Анагуричи жить в мире, никогда не ссориться. После этого примирения Анагуричи выдали девушку за Пяков. С тех пор ссор не стало.

С хантами Анагуричи всегда мирно жили. Сами Анагуричи на Пяков не ходили. Род Анагуричи — богатырский. У них богатыри были. Они сильные, защитники. Хасовако — самый сильный богатырь. Его прозвище Лэмберо латэ — «Широкогрудый богатырь». Он был самый сильный. Анагуричи победили Пяков. Они всех побеждали. В прошлом Анагуричи воевали по здешней тундре.

Записана Е. П. Мартыновой со слов М. И. Тоболько (Анагуричи) (1911 г. р.) в пос. Кутопьюган.

Легенда 2. Происхождение рода Нядонги

В городке на Надыме жило семь семей Нядонги. Городок назывался Харада несьто («Дом у озера»). Другое название городка — Нямтдота харад («Рогатый дом»). Там было семь землянок. Люди под землей жили. Землянка — ям'мя («подземный дом»).

В давние времена Нядонги ловили куропаток и все, что есть в лесу. Они луками убивали зверей и птиц. Летом на калданках плавали, на маленьких лодках. Стреляли с маленьких лодок. Во врагов стреляли. На лыжах на охоту ходили. По их следам какие-то воины пришли.

Однажды один мужик пошел капканы проверять. Жена ему говорит: «Возьми сына, он все время просит есть». Отец взял мальчика. Пошли в лес. Их какие-то люди окружили. Начали стрелять. Отец Нядонги убежал, а мальчик остался. Отец от испуга про сына забыл. Потом отец вспомнил про сына и пошел обратно. Видит, сын стоит, говорит ему: «Папа, мне ничего не сделали. Они ушли». Отец начал подходить к сыну, а люди начали их окружать. У отца одна лыжа сломалась. Отца поймали и били. Все суставы ему обрезали.

В суставы солому насовали и сказали: «Мы такого сильного никогда не видели. Пусть больше не будет таких сильных». Убили этого мужика около Хоровой. От его крови там выросла ель. Она до сих пор стоит. Это место считается священным. Для Нядонги это место священное.

После того, как самого сильного мужика убили, враги опять пошли. Они пришли сверху, с Оби. Без оленей, на лыжах были. Их было человек сто. Они пошли по лыжному следу. Захотели всю родню убить. Нядонги кольчуги нашли. Начали обороняться. Постепенно мужиков у всех семи семей перебили. Один хромой остался, неженатый еще. Хромой взял лук, много стрел. Сел на нарту сверху землянки. Начал стрелять. Перебил всех врагов. Все враги, которых хромой убил, ушли под воду в озере, когда лед растаял. Хоронить их никто не пришел.

Женщины с детьми в землянках закрылись. Они никуда ходить не стали. Умерли с голоду.

С голода выжил один мальчик. Он ушел на лыжах. Искал, где живые люди есть. Он пошел за Надым. Где устанет, там садится и спит. Однажды кто-то проехал на оленях. Мальчик пошел по следу оленьей нарты. Увидел, что недалеко чум один стоит. Он уже падал от голода. Увидели его люди, привели в чум. Там жили старик со старухой и девочка. Старик сказал: «Откуда ты пришел? Малица у тебя совсем плохая». Мальчик ему в ответ: «Я один остался. Всех взрослых мужиков перебили. Матери и дети с голоду умерли». Старик олененка убил. Дал мальчику чашку крови оленьей выпить. Мальчик упал и заснул. Старик велел старухе наварить ему мясо. Сначала мальчика бульоном поили, потом мясо дали. Выжил мальчик.

Старик ему сказал: «Если у тебя никого нет, то женись на моей дочери». Так мальчик и сделал. Старик этот Явэй был. Так Сэрос женился на дочери Явэй.

Имя Сэрос означает «Выживший от голода». Олени у Нядонги появились после того, как Сэрос на Явэй женился. Когда старик со старухой умерли, их олени Сэросу достались. Их не очень много было — голов 50–60.

Записана Е. П. Мартыновой со слов Н. И. Тяро (Нядонги) (1938 г. р.) в пос. Нори.

Описание 1. Игра «Тосъ-чер-вой». Состав предметов. Правила*

Для игры изготавливают из дощечек 14 различных фигур, в основном зверей и птиц. Фигуры такие: солнце, луна, медведь, выдра, тетерев, лошадь, дух, корова, брус, легендарная птица Черыз-хон-вой, лисица, собака, олень и оселок. Фигуры имеют посередине одно отверстие для нанизывания на веревочку. На одном конце веревочки с фигурами привязывают деревянную слегка заостренную шпильку, а другой ее конец укрепляют в дощечке с прорезями. Проводится игра в любое время года: летом — на улице, зимой — в помещении. Играют в нее дети, а иногда и взрослые. Количество участников игры не ограничивается. Игра заключается в следующем. Все игроки становятся в круг, один из них (по договоренности, по жребию или по считалке) начинает игру. Взяв в руку шпильку, он раскачивает дощечку с фигурами, подбрасывает ее вверх и старается поймать шпилькой, попав ею в любую прорезь дощечки. Если это ему удается, он снимает с веревочки фигуру, откладывает ее в сторону и продолжает игру до тех пор, пока не переловит таким образом все фигуры или пока не промахнется. В последнем случае игра переходит к следующему игроку. По выигранным фигурам игроки подсчитывают количество очков. Кто наберет их больше, тот становится победителем.

Описание 2. Игра с юлой «Корки», «Щин». Состав предметов. Правила

Юла «Корки» (*аганские ханты*)

Проводится игра в любое время года на ровной поверхности — на полу или на столе. Играют в нее как дети, так и взрослые. Возраст и количество игроков не ограничивается. Для игры изготавливают юлу — деревянную палочку с заостренным концом, напоминающую по форме карандаш, на которую нанизывают деревянный кружок. Размеры палочки и деревянного кружка делаются произвольными, подбираются опытным путем.

Вариант 1. Игрок ставит юлу острым концом на какую-либо ровную поверхность, зажав ее верхнюю часть между ладонями. Затем резким движением ладоней заставляет юлу вращаться. Юла должна вращаться на одном месте без продвижения. У кого это получилось, тот считается победителем.

Вариант 2. Игроки могут соревноваться в продолжительности вращения юлы на одном месте.

Юла «Щин» *(сургутские ханты)*

В эту игру с большим удовольствием играют как дети, так и взрослые. Количество игроков — любое. Для игры нужна ровная поверхность пола или стола. Из одной иглы делают юлу: на нее нанизывают деревянный кружочек толщиной 1 мм и диаметром 1,5–20 см; вторая игла лежит на столе или на полу.

Вариант 1. На поверхность пола (стола) игрок кладет иглу, а юлу берет за верхний конец с ушком и устанавливает ее острый конец у середины лежащей иглы. Движением большого и указательного пальцев он раскручивает юлу, вращаясь, она должна перемещаться туда и обратно только вдоль лежащей иглы. Выигрывает тот, у кого юла движется дольше.

Вариант 2. Вращающаяся юла должна описывать круг или зигзаг.

Вариант 3. Из сушняка (березы, сосны, кедра) изготавливают юлу. Она состоит из двух деталей — деревянного диска диаметром 5–10 см и заостренной с обоих концов палочки длиной 6–10 см, толщиной 5–8 мм. Посередине диска делают отверстие, куда вставляется палочка.

Игрок ставит юлу на ровную поверхность и, взяв ее тремя пальцами за верхнюю часть, сильным и быстрым движением раскручивает по часовой стрелке. Побеждает тот, у кого юла крутится дольше, чем у других игроков.

Вариант 4. Юла имеет головку в виде цилиндра диаметром 10–15 мм, высотой 5 см и ножку длиной 5 см, диаметром 1 см. На ножку наматывается нитка или тонкая веревка, а головка юлы вставляется в отверстие ручки. Ручка изготавливается из березы, длина ее 15 см, ширина 3 см, толщина 1,5 см, на конце ручки делается отверстие.

Игрок берется одной рукой за ручку юлы, а второй сильно тянет на себя веревочку. Раскрученная юла выскакивает из отверстия ручки и начинает вращаться по поверхности стола (пола). Побеждает тот игрок, у которого юла дольше всех вращается. Это значит, что она сделана более искусно.

Описание 3. Игра «Сохэль-юх». Состав предметов. Правила

В эту игру играют дети младшего и старшего возраста обоего пола по два человека и более. Для игры необходимо более 20 палочек, напоминающих тонкие стержни. Их хранят в берестяной коробке или кожаном мешочке. Суть игры в следующем. Игрок берет все палочки в руку, подбрасывает их вверх и ловит тыльной стороной кисти этой же руки. Пойманные таким образом палочки он подбрасывает снова вверх, не меняя положения руки, но ловит их уже пальцами. Условие такое: нужно поймать пальцами нечетное количество палочек — 1, 3, 5 и т. д. Если игрок выполнит условие игры, он откладывает в сторону одну палочку и продолжает игру. Когда у него остается только одна палочка, он должен поймать ее между мизинцем и безымянным пальцем. Игра переходит к другому игроку, если поймано четное количество палочек. Победителем становится тот, кому удалось первому набрать 20 палочек или собрать их большее количество, чем другие игроки. Если за первый кон игры победитель не определился, то в следующем кону каждому игроку засчитывается количество палочек, пойманных им ранее. После определения победителя подсчитывается количество палочек, набранное каждым игроком. Игрок, имеющий наименьшее количество палочек, получает в наказание за плохую игру «горячее»: все участники игры по очереди бьют этого игрока по тыльной стороне кисти палочкой столько раз, какой получается разница между количеством палочек, пойманных каждым игроком, и количеством палочек проигравшего. В другом варианте игрок берет в руку столько палочек, сколько может взять. Палочки игрок подбрасывает вверх, ловит на тыльную часть кисти руки, затем этой же частью руки подбрасывает пойманные палочки вверх и после этого ловит уже как можно больше палочек. Победителем становится тот игрок, которому удалось поймать большее количество палочек. Все действия выполняются одной рукой.

* Описание игр даны по изданиям: *Прокопенко В. И., Прокопенко В. В.* Настольные игры коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации: Уч. пос. – Екатеринбург, 2004. – 140 с.; *Прокопенко В. И.* Этнопедагогика ханты: физическое воспитание и игры: Ус. пос. – Екатеринбург, 2004. – 296 с.

Таблица I

АРТЕФАКТЫ ИЗ СЛОЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.*

№	НАЗВАНИЕ ИЗДЕЛИЯ	МАТЕРИАЛ	ЦЕЛЫЕ	ФРАГМ.	ВСЕГО
1	2	3	4	5	6
	I. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ И СПЛАВОВ				
1.	Котел	Медь	–	513	513
2.	Чаша полусферическая	Бронза	1	1	2
3.	Щиток для защиты запястья (детский)	Медь	1	–	1
4.	Задник рукояти ножа	Медь	2	–	2
5.	Пряжка ремня	Бронза	3	–	3
6.	Поясная накладка	Бронза	1	1	2
7.	Наперсток	Медь	4	3	7
8.	Бусина-пуговица	Медь	19	2	21
9.	Височное кольцо трехбусинное	Медь	1	1	2
10.	Височное кольцо (проволочное)	Медь	1	–	1
11.	Кольцо	Медь	2	1	3
12.	Перстень	Бронза	6	2	8
13.	Бляха «зерцало»	Медь	1	–	1
14.	Подвеска–пластина с бубенчиками	Бронза	1	–	1
15.	Бляшка круглая	Бронза	1	–	1
16.	Подвеска с изображением всадника	Бронза	–	1	1
17.	Подвеска в форме арки с привесками	Бронза	1	–	1
18.	Подвески трехчастные «шумящие»	Бронза	–	5	5
19.	Бубенчики к «шумящим» подвескам	Бронза	4	–	4
20.	Подвеска зооморфная, объемная	Бронза	1	–	1
21.	Подвеска «лапчатая»	Бронза	18	–	18
22.	Подвеска «крестовидная»	Бронза	2	–	2
23.	Подвеска в форме полумесяца («лунница»)	Бронза	2	–	2
24.	Браслет пластинчатый	Бронза	–	1	1
25.	Крюк крепления колчана	Бронза	1	–	1
26.	Рукоять ножа	Бронза	–	1	1
27.	Подвеска круглая, «сетчатая»	Бронза	1	–	1
28.	Накладное украшение, зооморфное «лев»	Бронза	1	–	1
29.	Лезвие скобеля (из фрагментов котла)	Медь	17	–	17
30.	Скоба	Медь	1	–	1
31.	Наконечник стрелы вильчатый (модель)	Медь	1	–	1
32.	Изделия невыясненного назначения	Медь, бронза	9	36	45
	Итого по разделу I		**103**	**568**	**671**
	II. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА				
33.	Очелье	Серебро	1	–	1
34.	Височное кольцо	Серебро	1	–	1
35.	Бусина-пронизка	Серебро	2	1	3
36.	Бусина-пуговица	Серебро	–	1	1
37.	Подвеска (к очелью?) в форме рыбки	Серебро	1	–	1
38.	Блюдце	Серебро	1	8	9
39.	Изделия невыясненного назначения	Серебро	2	5	7
	Итого по разделу II		**8**	**15**	**23**
	III. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА				
	А. Предметы вооружения				
40.	Клинок палаша (большого ножа)**	Железо	25	25	50

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
41.	Клинок сабли (с елманью)	Железо	–	5	5
42.	Перекрестие сабли	Железо	1	–	1
43.	Деталь ножен (обойма, наконечник)**	Железо	2	–	2
44.	Боевая часть клевца (?) из клинков ножей**	Железо	1	–	1
45.	Клинок палаша (шпаги)	Железо	–	1	1
46.	Клинок пальмы	Железо	–	1	1
47.	Топор боевой	Железо	1	1	2
48.	Наконечник копья	Железо	1	–	1
49.	Вток (подток — наконечник древка копья)	Железо	2	–	2
50.	Кольчуга	Железо	–	58	58
	Б. Орудия промыслов и инструменты				
51.	Наконечник стрелы	Железо	110	35	145
52.	Крючок рыболовный	Железо	20	9	29
53.	Топор плотницкий	Железо	–	25	25
54.	Нож бытовой в рукояти	Жел., рог, дерево	25	1	26
55.	Деталь рукояти ножа	Железо	1	–	1
56.	Клинок ножа бытового	Железо	30	231	261
57.	Заготовка лезвия ножа	Железо	1	1	2
58.	Наконечник дрели («перка»)	Железо	9	5	14
59.	Лезвие скобеля	Железо	1	6	7
60.	Резец-ложкорез	Железо	3	–	3
	В. Бытовые предметы				
61.	Пряжка ремня	Железо	1	2	3
62.	Обойма ременная	Железо	2	–	2
63.	Наконечник ремня	Жесть, кожа	1	–	1
64.	Серьга (височное украшение?)	Железо, стекло	2	–	2
65.	Браслет	Жесть	–	1	1
66.	Игла швейная	Железо	205	39	244
67.	Наперсток	Железо	3	4	7
68.	Кресало	Железо	2	1	3
69.	Ключ	Железо	1	–	1
70.	Замок сундука	Железо	2	–	2
71.	Обкладка замочной скважины	Железо	4	1	5
72.	Обивка сундучка, пластина	Железо (жесть)	–	43	43
73.	Гвоздь маленький (обивочный)	Железо	27	3	30
74.	Гвоздь	Железо	6	1	7
75.	Скоба судовая (кочевая)	Железо	38	44	82
76.	Крица	Железо	4	10	14
77.	Заготовка изделия / отходы кузнечного производства	Железо	32	18	50
78.	Изделия невыясненного назначения	Железо, жесть	131	246	381
	Итого по разделу III		**702**	**818**	**1520**
	IV. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛОВА				
79.	Накладное украшение	Олово	65	9	74
80.	Фигурка оленя	Олово	1	1	2
81.	Фигурка человека	Олово	1	–	1
82.	Фигурка рыбы	Олово	1	–	1
83.	Подвеска	Олово	8	6	14
84.	Перстень	Олово	16	3	19
85.	Бусина-пуговица	Олово	7	4	11
86.	Задник рукоятки ножа	Олово	8	–	8

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
87.	Деталь рукояти ножа	Олово	1	–	1
88.	Слиток	Олово	7	–	7
89.	Литник	Олово	2	–	2
90.	Изделия невыясненного назначения	Олово	2	5	7
	Итого по разделу IV		**119**	**28**	**147**
	V. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ, РОГА				
91.	Выбивалка снега из одежды (ня-янгача)	Рог	8	20	28
92.	Деталь станка для плетения поясов. Крюк.	Кость	1	–	1
93.	Подвеска	Зуб	54	1	55
94.	Подвеска	Нижняя челюсть	12	–	12
95.	Подвеска	Таранная	80	1	81
96.	Украшение зооморфное	Кость	1	–	1
97.	Украшение в виде фигурки игры «Тосъчер-вой»	Бивень	2	1	3
98.	Нагрудная пластина с орнаментом (шаманский костюм)	Кость	1	–	1
99.	Бусина	Бивень	1	1	2
100.	Гребень	Рог, копыто	6	3	9
101.	Щиток для защиты запястья	Кость, рог	9	2	11
102.	Пластина-застежка для крепления колчана	Кость	1	1	2
103.	Струг	Кость	6	–	6
104.	Наконечник стрелы	Кость, рог	76	21	97
105.	Заготовка наконечника стрелы	Кость	7	–	7
106.	Насторожка самострела	Рог, кость	19	–	19
107.	Заготовка насторожки	Кость	1	–	1
108.	Счетная палочка	Кость	2	–	2
109.	Игла для вязания сетей	Кость	2	–	2
110.	Рукоять бытового ножа	Рог	14	7	21
111.	Заготовка рукояти	Рог	6	1	7
112.	Рукоять для заточки ножа	Рог	1	–	1
113.	Скоба для ношения топора	Кость	1	2	3
114.	Клин	Кость, рог	17	–	17
115.	Лощило (из межпозвоночного диска кита)	Кость	2	1	3
116.	Игольник	Кость	3	–	3
117.	Игла (проколка)	Рог, кость	13	1	14
118.	Крюк	Кость	2	–	2
119.	Ложка малая (индивидуальная)	Рог, бивень	8	8	16
120.	Заготовка ложки	Кость	1	–	1
121.	Лопатка	Рог	1	–	1
122.	«Нож» для очистки чешуи	Кость	23	3	26
123.	Налобная пластина	Рог, бивень	10	22	32
124.	Заготовка налобной пластины	Кость, рог	2		2
125.	Нащечная пластина	Рог, бивень	11	8	19
126.	Блок застежки недоуздка	Рог	2	–	2
127.	Заготовка детали упряжи	Кость, рог	1	–	1
128.	Блок аркана	Рог, бивень	5	3	8
129.	Топор игрушечный	Рог	2	1	3
130.	Сабля игрушечная	Китовый ус	1	–	1
131.	Варган (из ребра оленя)	Кость	5	6	11
132.	Изделия невыясненного назначения	Кость	37	116	153
133.	Заготовка неопределимого изделия	Кость, рог	65	27	92
	Итого по разделу V		**522**	**257**	**779**

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
	VI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА				
	А. Орудия промысла и пр.				
134.	Охотничий сложносоставной лук	Дерево	1	5	6
135.	Щиток для защиты запястья	Дерево	1	–	1
136.	Древко стрелы	Дерево	–	12	12
137.	Заготовка древка стрелы	Дерево	8	–	8
138.	Наконечник стрелы «томар»	Дерево	15	2	17
139.	Лук самострела (черкана)	Дерево	–	10	10
140.	Заготовка лука самострела	Дерево	1	–	1
141.	Ложе самострела	Дерево	2	8	10
142.	Ловушка (черкан)	Дерево	–	7	7
143.	Насторожка	Дерево	28	–	28
144.	Древко копья	Дерево	–	1	1
145.	Поплавок	Дерево	6	2	8
146.	Игла для вязания сетей	Дерево	1	1	2
147.	Ловушка (фитиль, гимга)	Дерево	–	5	5
148.	Обод для грузила	Дерево	6	2	8
	Итого		69	55	124
	Б. Посуда				
149.	Корыто	Дерево	11	51	62
150.	Бочка (кадушка, шайка – русская)	Дерево	–	6	6
151.	Блюдо круглое (тарелка)	Дерево	–	1	1
152.	Крюк для подвешивания котлов (таган)	Дерево	2	1	3
153.	Ложка малая (индивидуальная)	Дерево	3	10	13
154.	Ложка большая (котловая)	Дерево	13	25	38
155.	Лопатка для помешивания	Дерево	4	–	4
156.	Заготовка ложки	Дерево	1	2	3
157.	Ручка куженьки (корытца)	Дерево	1	–	1
	Итого		35	96	131
	В. Средства передвижения				
158.	Полоз нарты	Дерево	–	9	9
159.	Копыло нарты	Дерево	11	9	20
160.	Кузов нарты	Дерево	–	54	54
161.	Блок крепления нарты	Дерево	1	–	1
162.	Лыжа-голица	Дерево	4	25	29
163.	Заготовка лыжи	Дерево	–	1	1
164.	Лыжа-подволока	Дерево	–	2	2
165.	Борт лодки однодеревки (обласа)	Дерево	–	31	31
166.	Нащельник для ремонта обласа	Дерево	1	–	1
167.	Поперечина обласа	Дерево	2	1	3
168.	Весло	Дерево	–	10	10
169.	Доска борта русского судна	Дерево	–	1	1
	Итого		19	143	162
	Г. Игрушки-модели				
170.	Сабля, палаш (боевой нож)	Дерево	14	26	40
171.	Топор боевой	Дерево	15	4	19
172.	Топор плотницкий	Дерево	3	–	3
173.	Наконечник копья	Дерево	2	–	2
174.	Клещи кузнечные	Дерево	2	–	2

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
175.	Напильник	Дерево	2	2	4
176.	Молоток	Дерево	2	–	2
177.	Нож бытовой	Дерево	19	39	58
178.	Ложка	Дерево	2	–	2
179.	Лук охотничий	Дерево	6	27	33
180.	Заготовка лука	Дерево	1	–	1
181.	Стрела	Дерево	14	67	81
182.	Наконечник стрелы	Дерево	7	–	7
183.	Нарта (имитация)	Дерево	–	14	14
184.	Модель нарты	Дерево	–	29	29
185.	Лодка (модель)	Дерево	1	–	1
186.	Фигурка игры «Тосъчер-вой»	Дерево	232	109	341
187.	Заготовка фигурки игры «Тосъчер-вой»	Дерево	1	–	1
188.	Юла «Корки» («Щин»)	Дерево	67	13	80
189.	Игра «Сохэль-юх» (набор из 28 палочек)	Дерево	1	–	1
	Итого		391	330	721
	Д. Предметы быта				
190.	Рукоять бытового ножа	Дерево	4	7	11
191.	Рукоять для заточки ножа	Дерево	29	–	29
192.	Лопата для снега	Дерево	6	2	8
193.	Топорище	Дерево	2	–	2
194.	Выбивалка снега из одежды (хасаво янгача)	Дерево	2	2	4
195.	Колыбель	Дерево	–	6	6
196.	Клин для расщепления древесины	Дерево	1	–	1
197.	Струг	Дерево	2	–	2
198.	Веревка	Дерево (лыко)	–	43	43
199.	Мотовило	Дерево	11	2	13
200.	Пяло для шкурки горностая	Дерево	1	4	5
201.	Заготовка изделия	Дерево	5	2	7
202.	Изделия невыясненного назначения	Дерево	203	258	461
203.	Изделия невыясненного назначения (колесо из веток)	Дерево	1	–	1
204.	Счетная пластина с личиной – посох свата	Дерево	3	2	5
	Итого		268	339	607
	Е. Предметы ритуального назначения				
205.	Скульптура антропоморфная	Дерево	38	7	45
206.	Скульптура зооморфная	Дерево	14	3	17
207.	Скульптура птероморфная	Дерево	2	–	2
208.	Доска с граффити	Дерево	3	–	3
209.	Доска для окуривания	Дерево	7	14	21
210.	Полочка ритуальная (с личинами)	Дерево	2	–	2
	Итого		69	26	95
	Итого по разделу VI		**850**	**986**	**1836**
	VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ				
211.	Куженька (корытце)	Береста	26	47	73
212.	Короб (туес)	Береста	2	152	154
213.	Крышка короба (туеса)	Береста	12	2	14
214.	Короб для рукоделия	Береста, лыко	–	3	3
215.	Ножны	Береста	–	1	1
216.	Вороп (предмет женской гигиены)	Береста	11	12	23
217.	Выкройка	Береста	8	2	10
218.	Аппликация (часть орнамента)	Береста	5	6	11

Окончание таблицы I

1	2	3	4	5	6
219.	Ложечка?	Береста	1	–	1
220.	Маска	Береста	1	–	1
221.	Изделия невыясненного назначения	Береста	1	4	5
222.	Циновка	Трава	–	3	3
	Итого по разделу VII		**67**	**232**	**299**
	VIII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ И ТКАНИ				
223.	Одежда	Сукно	–	172	172
224.	Одежда	Шелк	–	1	1
225.	Одежда	Лен	–	3	3
226.	Одежда	Мех	–	7	7
227.	Рукавица	Сукно	2	–	2
228.	Пояс	Сукно	–	3	3
229.	Обувь	Сукно	–	3	3
230.	Сапог	Сукно	–	4	4
231.	Сапог	Кожа	–	1	1
232.	Туфля	Сукно	1	1	2
233.	Туфля	Кожа, сукно	5	–	5
234.	Головка туфли, сапога	Кожа	–	54	54
235.	Стелька	Трава	2	–	2
236.	Вороп (предмет женской гигиены)	Кожа	2	1	3
237.	Сумочка для огнива	Кожа, олово	1	–	1
238.	Сумка женская	Кожа	1	–	1
239.	Игольница	Сукно	2	–	2
240.	Ножны	Кожа, дерево	2	2	4
241.	Изделия невыясненного назначения	Кожа	3	56	59
242.	Обрезки	Кожа	1	–	1
243.	Изделие (кошма?)	Войлок	3	–	3
244.	Веревка	Шерсть	–	1	1
	Итого по разделу VIII		**25**	**309**	**334**
	IX. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КЕРАМИКИ, СТЕКЛА И КАМНЯ				
245.	Сосуд керамический (до XVI в.)	Керамика	–	4	4
246.	Сосуд керамический (черноморский)	Керамика	–	63	63
247.	Сосуд керамический (поливной)	Керамика	–	4	4
248.	Игрушка (свистулька)	Керамика	–	2	2
249.	Бусина	Стекло	52	23	75
250.	Штоф	Стекло	–	1	1
251.	Оселок	Камень	69	19	87
252.	Камень для огнива	Камень	44	–	44
253.	Литейная форма	Камень	5	1	6
254.	Грузило	Камень, дерево	5	–	5
255.	Изделие с отверстием	Камень	5	–	5
256.	Тигель	Керамика	–	1	1
257.	Ошлакованная глина	Глина	–	2	2
258.	Пластина	Слюда	1	–	1
	Итого по разделу IX		**181**	**120**	**301**
	Всего предметов конца XVI – первой трети XVIII вв.		2576	3333	5909

* Составлена О. В. Кардашем, Т. В. Лобановой.
** С учетом коллекции Л. П. Хлобыстина 1975 года.

Таблица II

КОЛИЧЕСТВО КОСТНЫХ ОСТАНКОВ РАЗНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ИЗ СЛОЯ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.*

№	ВИДЫ	ГОДЫ РАСКОПОК							ВСЕГО**
		1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	Костей / Особей
1.	Заяц	2267	5053	3554	4552	1169	4314	5314	26223/1150
2.	Песец	1000	2079	1515	1776	745	2298	3207	12620/982
3.	Северный олень	916	1753	1716	2096	898	2620	2390	12389/281
4.	Лисица	37	103	79	126	36	117	79	577/25
5.	Соболь	15	39	67	94	14	165	171	515/26
6.	Росомаха	29	72	75	79	20	54	69	398/15
7.	Собака	26	234	55	72	17	89	121	614/19
8.	Горностай	33	53	43	51	11	46	75	312/78
9.	Бобр	5	34	37	43	21	47	58	245/18
10.	Белка	54	109	46	33	28	22	13	305/37
11.	Волк	13	55	81	22	7	15	11	204/7
12.	Нерпа	12	41	15	15	8	11	5	107/5
13.	Лось	–	6	5	6	8	17	4	47/2
14.	Выдра	–	1	–	3	–	–	2	6/2
15.	Кит	–	1	–	3	–	1	1	6/1
16.	Медведь бурый	–	2	–	2	–	–	1	5/1
17.	Свинья	2	3	9	2	–	9	10	35/5
18.	Млекопитающие***	608	579	2727	1974	802	1744	1522	9956
19.	Птица (вся)	2040	4939	4912	7561	2736	7873	8204	38265
20.	Рыба (вся)	299	781	997	910	496	468	1063	5014
	ВСЕГО	7356	15937	15933	19420	7016	19910	22320	107892

* Определения выполнены П. А. Косинцевым и Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ УрО РАН).
** В числителе — общее количество костных остатков, в знаменателе — минимальное количество особей.
*** Неопределимые до вида.

Таблица III

СООТНОШЕНИЕ ОТДЕЛОВ СКЕЛЕТА ОСНОВНЫХ ПРОМЫСЛОВЫХ ВИДОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ СЛОЯ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.*

ОТДЕЛ СКЕЛЕТА	ГОД РАСКОПОК	ЗАЯЦ		СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ		ПЕСЕЦ	
		Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Голова: зубы, рога, череп, нижние челюсти	2002	710	15	195	9	559	31
	2003	224	15	107	11	287	31
	2004	544	13	212	8	694	31
Туловище: позвонки, ребра, грудина	2002	890	19	608	28	307	17
	2003	305	20	282	28	168	18
	2004	831	19	690	27	462	20
Верхние части ног: лопатка, таз, проксимальные части конечностей	2002	2246	49	901	42	699	39
	2003	697	47	415	41	293	31
	2004	2148	50	1190	46	901	40
Нижние части ног: метаподии, фаланги, мелкие кости	2002	784	17	445	21	239	13
	2003	260	18	196	20	185	20
	2004	787	18	501	19	216	9

* Определения выполнены П. А. Косинцевым и Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ УрО РАН).

Таблица IV

ВИДОВОЙ СОСТАВ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ПТИЦ ИЗ СЛОЯ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ. *

№	ВИДЫ	ГОДЫ РАСКОПОК							ВСЕГО
		1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	
1.	Чернозобая гагара	3	–	1	–	–	–	–	4
2.	Краснозобая гагара	–	4	–	2	–	–	–	6
3.	Лебедь-кликун	–	–	2	1	–	–	–	3
4.	Тундряный лебедь	–	1	–	1	–	–	–	2
5.	Серый гусь	–	2	4	–	–	–	–	6
6.	Белолобый гусь	13	5	14	33	2	46	–	113
7.	Белолобый гусь – гуменник	22	20	6	47	2	17	12	126
8.	Гуменник	6	6	8	13	4	–	–	37
9.	Пискулька	1	–	4	12	5	1	–	23
10.	Чирок свистунок	6	2	2	7	2	–	–	19
11.	Кряква	3	–	–	5	–	–	–	8
12.	Свиязь	3	–	–	5	–	–	–	8
13.	Широконос	1	3	2	5	–	–	–	11
14.	Шилохвость	1	8	7	8	3	14	–	41
15.	Морская чернять	1	–	4	–	–	–	–	5
16.	Морянка	2	2	2	1	1	–	–	8
17.	Утка**	3	1	1	7	8	7	4	31
18.	Дербник	–	–	–	2	–	–	–	2
19.	Мохноногий канюк	–	–	7	–	–	–	–	7
20.	Тетеревятник	–	–	6	–	–	6	2	14
21.	Орлан белохвост	28	5	1	12	–	5	2	53
22.	Белая сова	–	8	2	16	–	4	–	30
23.	Белая куропатка	1668	3508	4534	7390	2870	7715	8182	35259
24.	Тундряная куропатка	42	241	306	66	3	3	–	639
25.	Глухарь	–	–	–	–	–	–	1	1
26.	Кулик** sp.	–	2	–	3	–	–	–	5
27.	Западносибирская чайка	1	–	1	5	–	–	–	7
28.	Кедровка	1	–	2		–	–	–	3
29.	Ворон	1	–	3	11	–	3	1	19
30	Птица **	–	–	–	–	–	52	–	1775
	ВСЕГО	2040	4939	4912	7561	2736	7873	8204	38265

* Определения выполнены А. Е. Некрасовым, П. А. Косинцевым, Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ УрО РАН).
** Неопределимые до вида.

Таблица V

ВИДОВОЙ СОСТАВ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ РЫБ ИЗ СЛОЯ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.*

№	ВИДЫ	ГОДЫ РАСКОПОК							ВСЕГО
		1999	2000	2001	2002	2003**	2004**	2005	
1.	Сибирский осетр	10	21	24	87	–	–	75	217
2.	Нельма	97	88	201	261	–	–	122	769
3.	Таймень	1	–	–	–	–	–	–	1
4.	Таймень-нельма	7	–	–	–	–	–	–	7
5.	Сиги ***	48	55	108	266	–	–	480	957
6.	Язь	3	6	3	6	–	–	–	18
7.	Карась	–	1	3	–	–	–	–	4
8.	Щука	60	149	80	174	–	–	276	739
9.	Налим	4	5	8	11	–	–	6	34
11.	Окунь	5	2	14	1	–	–	–	22
12.	Ёрш	–	1	–	1	–	–	–	2
13.	Чебак	–	–	–	–	–	–	4	4
14.	Карповые****	–	–	–	–	–	–	13	13
15.	Рыба*****	81	900	644	120	550	471	87	2853
	ВСЕГО	316	1228	1085	927	550	471	1063	5640

* Определения выполнены А. Е. Некрасовым, П. А. Косинцевым, Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ УрО РАН).
** Материалы 2003–2004 гг. не определены.
*** Пыжьян, щекур, муксун.
**** Язь, карась, чебак.
***** Неопределимые до вида.

Таблица VI

СООТНОШЕНИЕ ГРУПП ПРОМЫСЛОВЫХ ЖИВОТНЫХ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА XVII–XVIII ВВ.*

№	ВИДЫ И ГРУППЫ	КОЛ-ВО	ГОДЫ РАСКОПОК						ВСЕГО
			2000	2001	2002	2003	2004	2005	
1.	Млекопитающие**	Экз.	10217	10024	10949	3784	11569	13053	59596
		%	64,0	63,0	56,0	54,0	58,0	58,0	59,0
1.1.	Заяц	Экз.	5053	3554	4552	1169	4314	5314	23956
		%	32,0	22,0	23,0	17,0	21,0	24,0	24,0
1.2.	Песец	Экз.	2079	1515	1776	745	2298	3207	11620
		%	13,0	10,0	9,0	10,0	11,0	14,0	11.5
1.3.	Северный олень	Экз.	1753	1716	2096	898	2620	2390	11473
		%	11,0	11,0	11,0	13,0	13,0	11,0	11,0
1.4.	Другие 14 видов	Экз.	753	512	551	170	593	719	3298
		%	5,0	3,0	3,0	2,0	3,0	3,0	3,0
2.	Птица**	Экз.	4939	4912	7561	2736	7873	8204	36225
		%	31,0	31,0	39,0	39,0	39,0	37,0	36,0
2.1.	Белая куропатка	Экз.	3162	4534	7306	2692	****	8182	33591
		%	20,0	28,0	38,0	38,0	–	36.5	33,0
2.2.	Другие 27 видов птиц	Экз.	302	378	255	29	****	22	1092
		%	2,0	2,0	1,0	0.5	–	0.01	1,0
3.	Рыба	Экз.	781	997	910	496	468	1063	4715
		%	5,0	6,0	5,0	7,0	2,0	5,0	5,0
3.1.	Щука	Экз.	143	75	170	****	****	276	–
		%	0,8	0,4	0,8	–	–	1,2	0,8
3.2.	Сиги***	Экз.	25	100	262	****	****	480	–
		%	0,1	0,6	1,3	–	–	2,0	1,5
3.3.	Нельма	Экз.	59	192	260	****	****	122	–
		%	0,4	1,2	1,3	–	–	0,5	0,7
3.4.	Другие 11 видов рыб	Экз.	30	49	106	****	****	98	–
		%	0,2	0,3	0,5	–	–	0,4	0,4

* Определения выполнены П. А. Косинцевым и Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ УрО РАН).
** С учетом неопределенных до вида.
*** Пыжьян, щёкур, муксун.
**** Материалы не определены.

Таблица VII

ВИДОВОЙ СОСТАВ И КОЛИЧЕСТВО ОСТАТКОВ РАСТЕНИЙ В ПОЧВЕННОМ МОНОЛИТЕ ИЗ ЖИЛОЙ ЗОНЫ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА. УЧАСТОК Л/50*

НАЗВАНИЕ ТАКСОНА	Образец 1 дерн	Образец 2 дерн	Образец 3 слой	Образец 4 слой	Образец 5 слой	Образец 6 слой
Вейник *(Calamagrostis sp.)*	11	–	–	–	–	–
Мятлики *(Poa spp.)*	300	9	6	10	1	4
Злаки *(Poaceae gen. indet.)*	40	20	–	–	–	–
Осоки *(Carex spp.)*	4	1	5	–	5	13
Осоковые *(Cyperaceae gen. indet.)*	1	–	1	–	–	–
Береза древесная *(Betula sect. Betula)*	260 кр., 115 чеш.	470 кр., 90 чеш.	55 кр., 3 чеш.	6 кр., 1 чеш.	1 кр.	4 кр.
Крапива двудомная *(Urtica dioica L.)*	220	82	178	4	3	13
Василистник малый *(Thalictrum minus L.)*	23	170	7	–	–	–
Марь белая *(Chenopodium album L.)*	2	2	6	–	50	40
Желтушник левкойный *(Erysimum cheiranthoides L.)*	9	2	6	1	–	–
Черемуха обыкновенная *(Padus avium Mill.)*	13 фр.	1 фр.	–	–	5 фр.	17 фр.
Княженика *(Rubus arcticus L.)*	1 фр.	–	2	–	–	–
Морошка *(R. chamaemorus L.)*	1, 1 фр.	3	–	–	1	–
Рябина обыкновенная *(Sorbus aucuparia L.)*	1	1	–	–	–	–
Водяника *(Empetrum nigrum L.)*	4	1	–	–	4 л.	25 л.
Зонтичные *(Apiaceae gen. indet.)*	–	1	–	–	–	–
Подбел многолистный *(Andromeda polifolia L.)*	2	–	–	–	–	–
Пустырник *(Leonurus cf. quinquelobatus Gilib.)*	1	–	–	–	–	6
Жимолость *(Lonicera sp.)*	–	1	–	–	–	4
Астровые *(Asteraceae gen. indet.)*	–	1	–	–	–	–
Неопределимые остатки	4	1	1	–	–	1
ВСЕГО	**1013**	**856**	**270**	**22**	**70**	**127**

*Определения выполнены О. М. Короной (ИЭРиЖ УрО РАН).
Сокращения: кр. – крылатки; чеш. – чешуи; фр. – фрагменты плодов или семян; л. – листья.
Полужирным шрифтом выделены растения, имеющие съедобные плоды (ягоды).

Таблица VIII

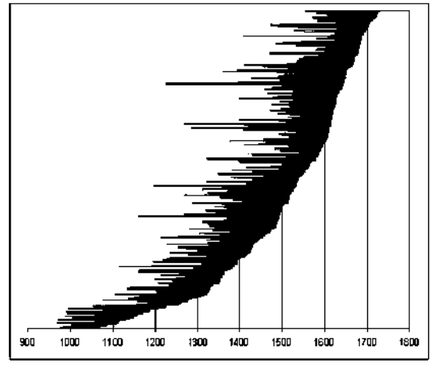
ВИДОВОЙ СОСТАВ И КОЛИЧЕСТВО ОСТАТКОВ РАСТЕНИЙ В ПОЧВЕННОМ МОНОЛИТЕ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКИ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА. УЧАСТОК К/26*

НАЗВАНИЕ ТАКСОНА	Образец 1 дерн	Образец 2 дерн	Образец 3 слой	Образец 4 слой	Образец 6 слой
Мятлик *(Poa sp.)*	8				
Осока *(Carex sp.)*	2	3	1		
Камыш лесной *(Scirpus sylvaticus L.)*	1				
Береза древесная *(Betula sect. Betula)*	116 кр., 15 чеш.	85 кр., 5 чеш.	9 кр.		
Крапива *(Urtica dioica L.)*	55	370	100		
Марь белая *(Chenopodium album L.)*			1		
Грыжник гладкий *(Herniaria glabra L.)*	2	35	30		
Лютик *(Ranunculus sp.)*					1
Василистник малый *(Thalictrum minus L.)*	80, 66 фр.	22, 14 фр.	3		
Княженика *(Rubus arcticus L.)*		17, 30 фр.	4, 12 фр.		
Морошка *(R. chamaemorus L.)*		4 фр.	1, 36 фр.		
Черемуха *(Padus avium L.)*		13 фр.	40 фр.		
Водяника *(Empetrum nigrum L.)*			6		
Зонтичные *(Apiaceae gen. indet.)*	10				
Вахта трехлистная *(Menyanthes trifoliata L.)*		1, 48 фр.	1, 126 фр.		
Яснотка *(Lamium sp.)*	27, 6 фр.	122, 51 фр.	30, 5 фр.	3	
Подорожник *(Plantago sp.)*		1			
Жимолость *(Lonicera sp.)*	4				
Лактук *(Lactuca sp.)*	1	1			1
Неопределимые		64	14		
ВСЕГО	**393**	**886**	**419**	**3**	**2**

*Определения выполнены О. М. Короной (ИЭРиЖ УрО РАН).
Сокращения: кр. – крылатки; чеш. – чешуи; фр. – фрагменты плодов или семян.
Полужирным шрифтом выделены растения, имеющие съедобные плоды (ягоды).

Таблица IX

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ 254 ДАТИРОВАННЫХ ОСТАТКОВ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА. ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ СЛОЯ ПЕРИОДА XVII–XVIII ВВ., МОЩНОСТЬЮ ОКОЛО 1,3 М*



*Автор определений и таблицы В. М. Горячев (ИЭРиЖ УрО РАН, лаборатория дендрохронологии).

Таблица X

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ВЕКАМ ДАТИРОВАННЫХ ОСТАТКОВ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА. ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ СЛОЯ ПЕРИОДА XVII–XVIII ВВ. МОЩНОСТЬЮ ОКОЛО 1,3 М*

ВЕК	XI	XII	XII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
Кол-во остатков	3	12	10	31	39	52	93	15
Доля, %	**1,2**	**4,7**	**3,9**	**12,2**	**15,4**	**20,4**	**36,6**	**5,9**

*Определения выполнены В. М. Горячевым (ИЭРиЖ УрО РАН, лаборатория дендрохронологии).

Таблица XI

ТЕПЛЫЕ И ХОЛОДНЫЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ И ИХ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ*

ТЕПЛЫЕ ПЕРИОДЫ, годы (продолжительность)	ХОЛОДНЫЕ ПЕРИОДЫ, годы (продолжительность)
1090–1130 (40)	1000–1030 (30)
1140–1170 (30)	1070–1090 (20)
1180–1210 (30)	1170–1180 (10)
1320–1340 (20)	1260–1310 (50)
1390–1400 (10)	1345–1390 (45)
1470–1485 (15)	1455–1470 (15)
1505–1525 (20)	1525–1550 (25)
1555–1570 (15)	1580–1610 (30)
1615–1645 (30)	1700–1750 (50)
1660–1675 (15)	1815–1840 (25)
1720–1750 (30)	1860–1910 (50)
1760–1810 (50)	1935–1945 (10)
1840–1860 (20)	1965–1970 (5)
1905–1935 (30)	
1960–2000 (40)	

* Составлена В. М. Горячевым (ИЭРиЖ УрО РАН, лаборатория дендрохронологии).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	–	Академия наук
АО	–	Археологические открытия
БКИ	–	Банк культурной информации
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ДАИ	–	Дополнения к Актам историческим
ЕТГМ	–	Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗСО РГО	–	Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества
ИА РАН	–	Институт археологии РАН (СССР)
ИАиЭ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИПОС СО РАН	–	Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
ИЭРиЖ	–	Институт экологии растений и животных Уро РАН
КемГУ	–	Кемеровский государственный университет
КСИА	–	Краткие сообщения ИА РАН (СССР)
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МФП	–	многофункциональная площадка
НИР	–	научно-исследовательская работа
НПО СА	–	Научно-производственное объединение «Северная археология»
НПЦ	–	научно-производственный центр
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ПГПУ	–	Пермский государственный педагогический университет
РАН	–	Российская Академия наук
РГАВМФ	–	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
СЭ	–	Советская этнография
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГПИ	–	Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТИЭ	–	Труды Института этнографии РАН (СССР)
ТМКП	–	Тобольский музей, книга поступлений
ТФ ГАТО	–	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УАЭ	–	Уральская археологическая экспедиция
УдГУ	–	Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	–	Удмуртский институт истории языка и литературы (РАН)
УралГАХА	–	Уральская государственная архитектурно-художественная академия
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
ФГУП	–	федеральное государственное унитарное предприятие
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

CONTENTS

INTRODUCTION 4

CHAPTER 1. SOURCES AND HISTORIOGRAPHY 15

1.1.Sources of XVI–XVII centuries 15
1.1.1.Written sources 15
1.1.2. Cartographic documents 22
1.2. Study of Nadym town in XIX–XX centuries 24
1.2.1. Archeological studies 24
1.2.2. Ethnographic and anthropologic studies 27
1.2.3. Paleoecologic studies 31

CHAPTER 2. PLAN STRUCTURE AND ARCHITECTURE OF NADYM TOWN 41

2.1 General structure and relations within the territory 41
2.2 Architectural and spatial organization of defensive-residential complex 44
2.3 Multi-purpose grounds (merchant-guest, service-utility, ritual) 58

CHAPTER 3. CLOTHING COMPLEX OF NADYM TOWN AS AN INDICATION OF CULTURAL PROGRESS OF NATIVEBORN PEOPLE OF THE SUBARCTIC REGION 132

3.1 Details of the costume: clothing, footwear, ornamentals 132
3.2 Materials for hunting and fishery 146
3.3 Service weapon 154
3.4 Instruments, everyday and household items 161
3.5 Means of transportation 176
3.6 Toys and games 182
3.7 Cult-objects and ritual accessories 188

CHAPTER 4. QUESTIONS OF SOCIOECONOMIC RECONSTRUCTION AND ETHNIC INTERPRETATION 280

CONCLUSION 288

SUMMARY 292

REFERENCE LIST 295

LIST OF APPENDICES AND ILLUSTRATIONS 303

APPENDICES
I. Documents of the Siberian Order fund 318
II. Ethnographic materials 339
III. Tables 342

LIST OF ACRONYMS 355

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ 15

1.1. Источники XVI–XVIII веков 15
1.1.1. Письменные источники 15
1.1.2. Картографические материалы 22
1.2. Изучение Надымского городка в XIX–XX веках 24
1.2.1. Археологические исследования 24
1.2.2. Этнографические и антропологические исследования 27
1.2.3. Палеоэкологические исследования 31

ГЛАВА 2. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА И АРХИТЕКТУРА НАДЫМСКОГО ГОРОДКА 41

2.1. Общая структура и внутритерриториальные связи 41
2.2. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-жилого комплекса 44
2.3. Многофункциональные площадки (торгово-гостевые, хозяйственно-бытовые, ритуальные) 58

ГЛАВА 3. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС НАДЫМСКОГО ГОРОДКА КАК ОТРАЖЕНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СУБАРКТИКИ 132

3.1. Детали костюма: одежда, обувь, украшения 132
3.2. Принадлежности охоты и рыболовства 146
3.3. Боевое оружие 154
3.4. Инструменты, предметы быта и домашнего обихода 161
3.5. Средства передвижения 176
3.6. Игрушки и игры 182
3.7. Культовые предметы и принадлежности ритуалов 188

ГЛАВА 4. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 280

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 288

SUMMARY 292

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 295

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ 303

ПРИЛОЖЕНИЯ
I. Документы из фонда Сибирского приказа 318
II. Этнографические материалы 339
III. Таблицы 342

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 355

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КАРДАШ
Олег Викторович

С 1979 г. начал заниматься археологией Урала и Северо-Западной Сибири. В 1991 г закончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В настоящее время занимает должность заместителя директора по науке в ООО НПО «Северная археология». Научные интересы сосредоточены в сфере изучение древней истории аборигенного населения Сибири. В 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв.». Автор 50 научных статей и 5 монографий. Наиболее значительные полевые работы – комплексное исследование археологических памятников в арктических районах Крайнего Севера.

Oleg Victorovich KARDASH,
a doctor of History

He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1979; in 1991 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a vicedirector of "RPA Nortern archeology" OOO (LLC). The area of expertise is ancient history of indigenes population of Siberia. In 2007 he defended a doctoral theses "The culture of aboriginal population of the Nadym basin from the end of 16th century to the first half of 18th century". His previous publications number 50 scientific articles and 5 personal and coathored books. The most significant fieldworks are comprehensive studies of archeological sites in the Extreme North.

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Создан в 2010 году с целью объединения региональных коммерческих научно-производственных организаций для развития и совершенствования гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

Юридический адрес: 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, ул. Мира, пром. зона Пионерная, стр. 8/1.
Почтовый адрес: ХМАО-Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 398. тел. +7 (3463)-23-49-56, 25-13-93, +7-922-43-60-089.
e-mail: archeonord@yandex.ru archeonord-buch@yandex.ru
Директор Кардаш Олег Викторович

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18. **Почтовый адрес:** 628305, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск-5, а/я 398, тел. +7 (3463) 250-273, +7 (3463) 296-386, 296-886, факс +7 (3463)294-623, e-mail: chistory@mail.ru; nv-chistory@rambler.ru
Директор Визгалов Георгий Петрович

МАУ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА»

Юридический адрес: 628400, ХМАО – Югра, Тюменская область, г. Сургут, Энергетиков, 22. **Почтовый адрес:** 628405, ХМАО – Югра, Тюменская область, г. Сургут, ОПС-5, а/я № 243, тел. +7 (3462) 77-43-25, +7 (3462) 77-43-24, +7 (3462) 77-43-26, e-mail: Barsova-gora-09@yandex.ru
Директор Бочкарев Дмитрий Викторович

ООО «ГИПЕРБОРЕЯ»

Юридический адрес: 628405, ХМАО-Югра, г. Сургут, пр. Пролетарский, 10/1. **Почтовый адрес:** 628405, а/я 240 ОСП 5, г. Сургут, тел. +7 (3462) 25-52-91, +7(3462) 25-52-80, e-mail: Giperboreja-05@rambler.ru
Директор Шатунов Николай Владимирович

Научное издание

О. В. Кардаш

Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв.
История и материальная культура

НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК князей Большой Карагеи

Издание 2-е, дополненное

Редактор-корректор: Е. Горбачева
Оформление и верстка: М. Горбуновой
Подготовка иллюстративного ряда: М. Попадкин, А. Попадкина
Перевод Ю. Кожуховой

Подписано в печать: 26.04.2013
Печать офсетная. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 45. Бумага мелованная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 276

Издательство МАГЕЛЛАН
ИП Горбунова, Екатеринбург, ул. Черепанова, 30 – 234.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий» 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru